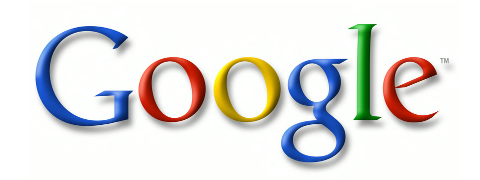
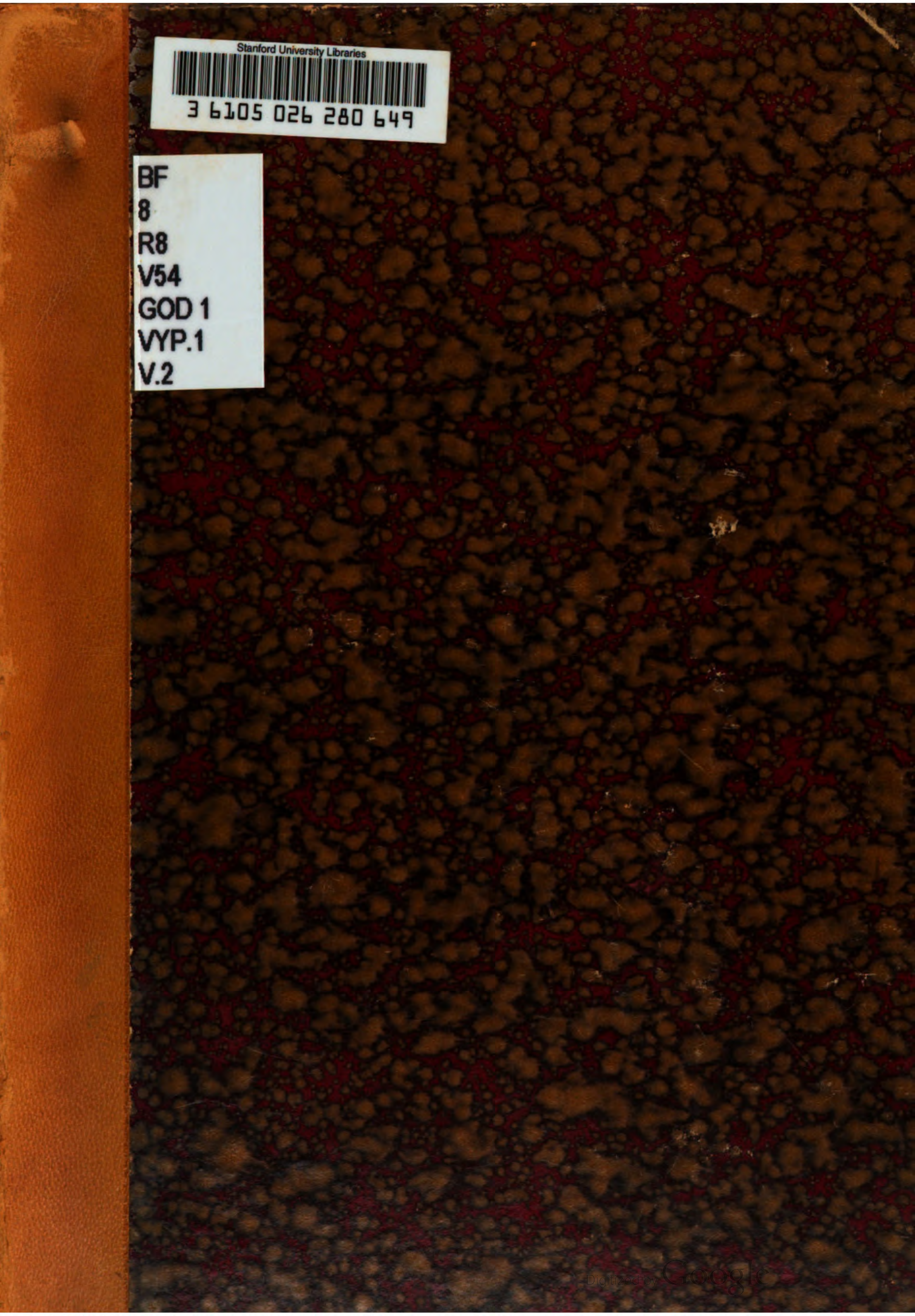




Stanford University Libraries
3 6105 026 280 649
BF
8
R8
V54
GOD 1
VYP.1
V.2

Вѣстникъ Психологіи,

КРИМИНАЛЬНОЙ АНТРОПОЛОГІИ и ГИПНОТИЗМА.

ПОДЪ ОБЩЕЮ РЕДАКЦІЕЮ

акад. В. М. БЕХТЕРЕВА и проф. В. С. СЕРЕБРЕНИКОВА.

РЕДАКТОРЫ ОТДѢЛОВЪ:

прив.-доц. Н. О. ЛОССКІЙ—общей психологіи.

прив.-доц. А. Ф. ЛАЗУРСКІЙ и д-ръ А. А. КРОГІУСЪ—экспериментальной психологіи.

А. П. НЕЧАЕВЪ—педагогической психологіи.

проф. Л. В. БЛУМЕНАУ и д-ръ А. Э. БАРИ—психопатологіи.

прив.-доц. В. П. ОСИПОВЪ—гипнотизма.

Д. А. ДРИЛЬ и проф. В. Ф. ЧИЖЪ—криминальной антропологіи и общественной психологіи.

Годъ I-й.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Акц. Общ. Брокгаузъ-Ефронъ. Прачешный пер., № 6
1904.

I. Оригинальныя статьи.

Можно ли называть Гамлета дегенерантомъ.

А. Н. Кремлева.

Въ «Вѣстникѣ психологіи, криминальной антропологіи и гипнотизма» (вып. I, стр. 21—36) напечатана весьма интересная статья проф. Л. В. Блуменау—«Нравственная эволюція и вырожденіе». Говоря о вырожденіи только въ томъ смыслѣ, какъ его понимаетъ Morel, т. е. въ смыслѣ патологической порчи природы, проф. Л. В. Блуменау указываетъ, что при вырожденіи прежде всего подвергается опасности нравственная дѣятельность человѣка, и, останавливаясь на такъ называемомъ нравственномъ помѣшательствѣ (Moral insanity), о которомъ въ послѣднее время спорятъ, имѣется ли при немъ исключительный недостатокъ нравственныхъ чувствъ, или также умственная тупость, обращаетъ вниманіе на то, что, хотя въ рѣзкой формѣ нравственное помѣшательство встрѣчается сравнительно рѣдко, но извѣстная тупость альтруистическихъ чувствъ присуща многимъ вырожденнымъ; съ другой стороны, хотя альтруистическія чувства и составляютъ существенную часть нравственности, тѣмъ не менѣе для нормально развитой нравственной дѣятельности требуется еще нѣчто большее—то, что авторъ назвалъ интеграціей, упорядоченіемъ поведенія. Затѣмъ проф. Л. В. Блуменау говоритъ слѣдующее:

«Въ недостаткѣ этого момента, т. е. въ безпорядочности или неуравновѣшенности и заключается главная причина нравственнаго банкротства большей части вырожденныхъ. Не даромъ ихъ такъ часто называютъ «неуравновѣшенными». Уродливая неравномѣрность развитія, составляющая главную черту дегенеративной организаціи и обусловливаетъ то, что одни влеченія и чувства выпадаютъ совершенно, другія, напротивъ, бываютъ ненормально сильны. Такъ, нѣкоторые дегенеранты отличаются слишкомъ мягкимъ характеромъ, полнымъ отсутствіемъ жестокости: «Я кротче голубя, во мнѣ нѣтъ желчи!», жалуется Гамлетъ, этотъ вѣчный типъ неуравновѣшеннаго».

Изъ всего этого совершенно ясно, что проф. Л. В. Блуменау считаетъ Гамлета типомъ дегенеранта, приписывая такимъ образомъ Гамлету всѣ тѣ свойства, которыя только что были указаны.

Я никакъ не могу согласиться съ такимъ воззрѣніемъ на характеръ шекспировскаго Гамлета и думаю, что именно съ точки зрѣнія самого проф. Л. В. Блуменау Гамлетъ совсѣмъ не отвѣчаетъ понятію дегенеранта.

Конечно, можетъ быть, правъ англійскій психіатръ Henry Maudsley, который въ своемъ извѣстномъ психологическомъ очеркѣ—«Гамлетъ»—говоритъ, что, «многіе изъ критическихъ обзоровъ и толкованій сдѣлались бы совершенно излишними, если-бы авторы ихъ не упускали изъ виду, что Гамлетъ есть поэтическое созданіе и никогда не былъ живой дѣйствительностью». Но я считаю шекспировскіе типы созданными до такой степени художественно-реально, что нахожу возможнымъ вполнѣ примѣнять къ нимъ общечеловѣческую мѣрку, какъ къ живымъ лицамъ. Съ этой точки зрѣнія я и буду говорить, при чемъ всѣ выводы буду основывать только на подлинныхъ словахъ и дѣйствіяхъ того или другого лица шекспировской трагедіи.

Считая «главной причиной нравственнаго банкротства большей части вырожденныхъ» — «безпорядочность или неуравновѣшенность ихъ поведенія», а «главною чертою дегенеративной организаціи» — «уродливую неравномѣрность развитія», благодаря которой «одни влеченія и чувства выпадаютъ совершенно, другія, напротивъ, бываютъ непомѣрно сильны», и указывая послѣ этого на Гамлета, какъ на примѣръ, авторъ какъ бы усматриваетъ въ Гамлетѣ наличность именно этой «главной причины» и «главной черты». Но въ какихъ же именно поступкахъ Гамлета или его словахъ усматриваетъ авторъ «безпорядочность поведенія» и «уродливую неравномѣрность развитія», съ выпаденіемъ цѣлыхъ влеченій и чувствъ при ненормальномъ развитіи другихъ таковыхъ же? Къ сожалѣнію, авторъ не указалъ этого совсѣмъ. Что касается единственной ссылки его въ этомъ отношеніи на слова Гамлета о его кротости, — слова, подтверждающія, по мнѣнію автора, то, что «нѣкоторые дегенеранты отличаются слишкомъ мягкимъ характеромъ, полнымъ отсутствіемъ жестокости»,—то такая ссылка едва-ли можетъ быть признана достаточной: *во первыхъ*, цитированныя слова Гамлета представляютъ собою самооцѣнку,—и слѣдовательно для того, чтобы на нихъ основывать что либо, необходимо предварительно исключить всякое сомнѣніе въ правильности этой самооцѣнки, чего авторомъ отнюдь не сдѣлано; *во-вторыхъ*, еслибъ правильность этой самооцѣнки и была установлена, кротость Гамлета и отсутствіе въ немъ желчи, подтверждающія, можетъ быть, его «мягкій характеръ» и «отсутствіе жестокости» отнюдь не могли бы доказывать его «нравственное банкротство» и «дегенеративную организацію»: вѣдь по словамъ самого автора такая мягкость является только ингредіентомъ, а не базисомъ въ психіатрическомъ діагнозѣ; одной мягкости характера даже при полномъ отсутствіи жестокости далеко не достаточно для признанія даннаго субъекта дегенерантомъ— для этого необходимо доказать присутствіе другихъ патологическихъ данныхъ; *въ третьихъ*, мягкость характера, отсутствіе жестокости, душевная доброта, широкое развитіе альтруизма, терпимость и т. п. могутъ быть и результатомъ

воспитанія, могутъ быть развиты въ человѣкѣ вполнѣ сознательно и намѣренно, въ особенности въ такомъ глубоко образованномъ человѣкѣ, какимъ является Гамлетъ по замыслу Шекспира,—неужели можно при одной наличности такихъ безусловно идеальныхъ качествъ видѣть въ обладателѣ ихъ дегенеранта? Очевидно, такой выводъ былъ бы весьма мало обоснованнымъ.

Такимъ образомъ, ссылка автора на слова Гамлета представляется столь же неожиданной, сколько и неправильной.

Но если авторъ статьи въ подтвержденіе признанной имъ въ Гамлетѣ патологической порчи породы не привелъ никакихъ данныхъ, то мнѣ хотѣлось бы разсмотрѣть этотъ вопросъ съ обратной стороны: существуютъ ли въ пьесѣ Шекспира какія либо данныя для признанія въ Гамлетѣ чего либо подобнаго дегенеративной организаціи.

Проф. Л. В. Блуменау признаетъ достаточнымъ, для признанія въ томъ или другомъ человѣкѣ факта дегенеративной организаціи, установленія слѣдующихъ свойствъ: 1) отсутствія альтруистическихъ чувствъ или ихъ тупости; 2) отсутствія интеграціи или упорядоченія поведенія и 3) наличности уродливой неравномѣрности развитія съ выпаденіемъ однихъ влеченій и чувствъ и ненормально сильнымъ развитіемъ другихъ; первыя два свойства представляются признаками отрицательными, третье — положительнымъ. Повидимому самъ авторъ признаетъ недостаточность этихъ свойствъ для констатированія дегнераціи, ибо въ подстрочномъ примѣчаніи оговаривается, что «недостатокъ сострадания и другихъ человѣколюбивыхъ эмоцій встрѣчается и у нормальныхъ людей, при чемъ онъ можетъ уравновѣшиваться хорошо развитымъ нравственнымъ инстинктомъ (чувствомъ долга) или нравственными побужденіями интеллектуальнаго свойства»

Но, *во первыхъ*, и этой оговорки мало. Несомнѣнно, что, констатируя указанныя свойства—отсутствіе или тупость альтруистическихъ чувствъ, отсутствіе интеграціи поведенія и наличность уродливой неравномѣрности развитія,— въ качествѣ симптомовъ дегенераціи, необходимо прежде всего убѣдиться, что всѣ эти наблюденныя свойства носятъ характеръ именно патологическій и находятся въ органической связи съ условіями наслѣдственности и воспитанія. *Во вторыхъ*, если даже согласиться съ тѣми психіатрами, которые утверждаютъ, что въ нѣкоторыхъ формахъ психическаго вырожденія моментъ наслѣдственности составляетъ не единственное этіологическое основаніе этихъ формъ, то нельзя забывать, что, по мнѣнію и этихъ психіатровъ, моментъ наслѣдственности все-таки занимаетъ первое мѣсто. *Въ третьихъ*, ни одинъ психіатръ не можетъ отрицать, что всѣ душевныя свойства какъ нормальныя, такъ и патологическія въ высшей степени индивидуальны, а потому и дегенерація со всѣми ея этіологическими основаніями и патологическими симптомами представляетъ явленіе безусловно индивидуальнаго порядка; слѣдовательно нельзя при наличности того или другого симптома въ томъ или другомъ субъектѣ дѣлать выводы, годные для всѣхъ субъектовъ съ тѣми же наблюденными симптомами — тѣмъ болѣе,

что при необыкновенномъ разнообразіи психическихъ индивидуальностей въ каждомъ данномъ случаѣ крайне трудна отдѣльная оцѣнка явленій и причинъ, дѣйствующихъ въ совокупности, крайне неясенъ способъ дѣйствія каждой изъ этихъ причинъ, крайне разнообразно ихъ клиническое выраженіе, и каждый шагъ изслѣдованія затрудненъ и затемненъ перекрестнымъ вліяніемъ однѣхъ причинъ на другія. *Въ четвертыхъ*, нельзя не согласиться съ принципіальнымъ положеніемъ Крафтъ-Эбинга, что психическія вырожденія, въ противоположность психоневрозамъ, развиваются на почвѣ тяжко предрасположеннаго мозга, слѣдовательно съ этой точки зрѣнія говорить о вырожденіи можно только при установленіи факта тяжкой предрасположенности мозга. Наконецъ, *въ пятыхъ*, та форма психическаго вырожденія, которую усматриваетъ проф. Л. В. Блуменау въ Гамлетѣ—нравственное помѣшательство (Folie morale, Mania moralis, Moral insanity)—обладаетъ столь рѣзко выраженными признаками и такъ рѣзко отличается отъ всякаго нормальнаго поведенія и нормальнаго душевнаго состоянія, что приписаніе его Гамлету для меня кажется со стороны проф. Л. В. Блуменау необъяснимымъ, если не предположить, что взглядъ его на идею пьесы и основныя черты характера Гамлета въ самомъ существѣ неправиленъ.

Въ виду этого я считаю необходимымъ съ одной стороны доказать, что въ душевномъ мірѣ Гамлета нѣтъ ничего подобнаго состоянію психическаго вырожденія въ какой бы то ни было его формѣ, въ томъ числѣ и въ формѣ нравственнаго помѣшательства, а съ другой стороны установить истинный характеръ Гамлета по трагедіи, и его дѣйствительное душевное состояніе.

Для того, чтобы доказать первое положеніе, необходимо суммировать всѣ тѣ патологическіе симптомы и показатели, которыми характеризуется дегенерація вообще и частная ея форма—нравственное помѣшательство—въ особенности, а затѣмъ сопоставить съ этими симптомами и показателями душевный міръ Гамлета, какъ онъ изображенъ Шекспиромъ. Поэтому прежде всего включимъ въ перечень симптомовъ тѣ свойства, которыя признаетъ достаточными самъ авторъ. Эти свойства суть: 1) отсутствіе альтруистическихъ чувствъ или ихъ тупость; 2) отсутствіе интеграціи поведенія и 3) наличность уродливой неравномѣрности развитія съ выпаденіемъ однихъ влеченій и чувствъ и ненормально сильнымъ развитіемъ другихъ. Къ этому, какъ я уже указывалъ, необходимо добавить, что во всѣхъ этихъ свойствахъ предполагаются установленными ихъ патологическій характеръ и органическая связь съ условіями наслѣдственности и воспитанія, а также фактъ тяжкой предрасположенности мозга. Безъ установленія всѣхъ этихъ свойствъ, связей, отношеній и фактовъ невозможно говорить о какой бы то ни было дегенераціи.

Что касается частной формы дегенераціи—нравственнаго помѣшательства, для установленія ея наличности необходимо и многое другое. Разсмотрѣніе этого вопроса по отношенію къ Гамлету тѣмъ болѣе интересно, что еще до проф. Л. В. Блуменау нѣкоторые изслѣдователи приписывали Гамлету нравственное

помѣшательство. Не касаясь тѣхъ свойствъ этого патологическаго состоянія, о которыхъ нынѣ спорятъ, и которыя не могутъ вліять на общую характеристику діагноза, я думаю, что достаточно будетъ напомнить прекрасно изложенный и чрезвычайно яркій взглядъ на эту форму Крафтъ-Эбинга. По его ученію, существуютъ люди, которые, выросши среди лучшихъ условій культурной жизни и воспользовавшись всѣми благами цивилизаціи, остаются лишенными самой высокой способности, присущей всякому просвѣщенному человѣку—способности пріобрѣтать этическія представленія и опредѣлять свой образъ дѣйствій на основаніи ихъ. Мозгъ, которому чужда такая общечеловѣческая способность, оказывается уже отъ рожденія низшимъ по своему развитію, дефектнымъ, функціонально-дегенеративнымъ, такъ что всѣ усилія семейнаго, религіознаго и школьнаго воспитанія рушатся передъ извращеннымъ умомъ и чувствомъ такихъ людей. Причина такого патологическаго явленія нравственнаго недоразвитія непремѣнно органическая, и ее слѣдуетъ искать большею частью въ условіяхъ наслѣдственности, среди которыхъ главнѣйшими являются: помѣшательство, пьянство и эпилепсія въ восходящемъ поколѣніи такихъ лицъ. «Нравственное помѣшательство»—говоритъ Крафтъ-Эбингъ—«поражаетъ самое интимное ядро личности человѣка, именно ея этическія, основанныя на развитіи нравственнаго чувства, отношенія къ внѣшнему міру», при чемъ «самымъ рѣзкимъ явленіемъ, служащимъ, такъ сказать, ярлыкомъ нравственнаго помѣшательства», Крафтъ-Эбингъ признаетъ «болѣе или менѣе полную нравственную нечувствительность, отсутствіе нравственныхъ сужденій и этическихъ понятій, мѣсто которыхъ занимаютъ, выводимыя единственно путемъ логическихъ процессовъ, сужденія о полезномъ и вредномъ». (Schüle называетъ нравственное помѣшательство «помѣшательствомъ альтруистическихъ чувствованій»). «Чуждые всему благородному и прекрасному»,—продолжаетъ Крафтъ-Эбингъ—«невоспріимчивые ни къ какимъ добрымъ движеніямъ чувства, эти несчастные человѣческіе выродки уже съ самаго ранняго возраста удивляютъ окружающихъ лицъ недостаткомъ дѣтской любви и родственныхъ привязанностей, отсутствіемъ всякаго влеченія къ товариществу и дружбѣ, холодностью сердца, равнодушіемъ къ счастью и горю самыхъ близкихъ имъ лицъ, полнымъ безучастіемъ ко всякимъ вопросамъ общественной жизни». При непріятныхъ столкновеніяхъ съ отдѣльными лицами и обществомъ у нихъ появляются ненависть, зависть и мстительность, а при ихъ нравственномъ идіотизмѣ жестокость и неосмотрительность выходятъ изъ всякихъ границъ; въ высшихъ умственныхъ отправленіяхъ у нихъ всегда проглядываетъ недочетъ, они лишены сознательныхъ жизненныхъ стремленій къ твердо намѣченнымъ цѣлямъ, лишены способности вѣрнаго воспроизведенія представленій и совершенно неспособны къ контролю своего поведенія; любимыми ихъ занятіями являются бродяжничество, шатанье безъ дѣла, попрошайничество и воровство, а работа имъ страшна и противна.

Такова картина нравственнаго помѣшательства. Надо согласиться, что она

нарисована ярко и рѣзко. И, еслибъ хоть что нибудь подобное представлялъ изъ себя Гамлетъ, онъ воистину съ полнымъ основаніемъ могъ бы воскликнуть своими знаменитыми словами: «Why, what an ass am!» Къ счастью, эти слова имѣютъ совсѣмъ другое значеніе.

Теперь спрашивается, что же общаго имѣетъ изображенный Шекспиромъ характеръ Гамлета со всѣми перечисленными патологическими свойствами дегенеранта и нравственно помѣшаннаго? Если мы обратимся къ трагедіи, если мы прослѣдимъ развитіе характера Гамлета отъ перваго до послѣдняго акта, мы можемъ придти только къ тому заключенію, что характеръ шекспировскаго героя представляетъ собою во всѣ моменты дѣйствія прямую антитезу всѣмъ свойствамъ дегенеранта (я намѣренно не касаюсь уже такихъ общихъ соображеній, какъ невѣроятность самаго предположенія о намѣреніи Шекспира создавать героя лучшей своей трагедіи дегенерантомъ и нравственно помѣшаннымъ — я хочу оставаться на почвѣ фактовъ).

Въ явную противоположность свойству дегенеранта не имѣть альтруистическихъ чувствъ или имѣть ихъ отупѣлыми, Гамлетъ настолько весь проникнутъ альтруизмомъ и глубоко развитымъ чувствомъ самой широкой гуманности, что вся идея трагедіи построена на борьбѣ этого чувства съ общепринятымъ въ то время понятіемъ о долгѣ мщенія: Гамлету по понятіямъ его времени нужно отмстить за смерть его отца, а его развитое чувство гуманности, его альтруизмъ и его просвѣтленныя нравственныя понятія не допускаютъ ни мести вообще, ни мести въ той грубой формѣ, какъ въ то время принято, въ особенности—и вотъ въ Гамлетѣ происходитъ единственная въ своемъ родѣ по содержанію и по изумительно художественному поэтическому изображенію борьба: любовь къ убитому отцу, тяжкое горе отъ его потери, ненависть къ убійцѣ и узурпатору престола, сознаніе невыносимаго положенія всей несчастной страны, любовь къ своему народу, взаимно его любящему—все это взываетъ къ мести и требуетъ отъ Гамлета насилія и грубаго отпора; а въ немъ самомъ чувство гуманности, развитое до высшихъ своихъ предѣловъ, громко протестуетъ противъ всякаго насилія и всякой мести, вопреки общимъ взглядамъ и обычаямъ; Гамлетъ сознаетъ свой долгъ—возстановить законный порядокъ и устранить узурпатора отъ управленія страной и не видитъ никакихъ средствъ кромѣ насилія, чтобы сдѣлать это, а насиліе ему ненавистно; въ этомъ и заключается глубокій и трагическій смыслъ его словъ послѣ сцены съ духомъ:

The time is out of joint:—o, cursed spite,
That ever I was born to set it right!

Въ этомъ и объясненіе всѣхъ попытокъ Гамлета разбудить въ королѣ совѣсть «catch the conscience of the king»), заставить его другимъ путемъ, а не насиліемъ и не местью, возвратить престолъ и отказаться отъ узурпаторства, сознавъ свою вину и свое тяжкое преступленіе; вотъ почему Гамлетъ ищетъ на каждомъ шагу всевозможныхъ средствъ достичь своей цѣли гуманнымъ и непредо-

судительнымъ путемъ; онъ не хочетъ вѣрить, что такихъ путей не существуетъ, или что такіе пути не могутъ привести къ цѣли; онъ не хочетъ вѣрить, что есть люди, у которыхъ нѣтъ ни совѣсти, ни раскаянія, и которые способны не поддаваться никакимъ уличеніямъ въ явной подлости и преступленіяхъ. Вотъ почему Гамлетъ такъ горячо и наивно вѣритъ въ успѣхъ задуманнаго имъ представленія пьесы «Убійство Гонзаго» передъ Клавдіемъ съ тѣми нѣсколькими вставленными Гамлетомъ стихами, которые должны раскрыть передъ всѣми всѣ преступленія короля. И когда Гамлетъ въ этомъ ошибается, когда явно уличенный Клавдій благополучно спасается бѣгствомъ, Гамлетъ испытываетъ невыразимую тяжесть: онъ приходитъ къ сознанію, что даже сила искусства и его неотразимое дѣйствіе на душу безсильны передъ глубокимъ нравственнымъ паденіемъ Клавдія—но даже и тогда Гамлетъ не рѣшается перейти къ негуманнымъ средствамъ борьбы и отказывается убить короля въ самую удобную для того минуту, во время молитвы (Act. III, sc. 3). Даже потомъ, когда Гамлетъ окончательно убѣдился въ преступленіяхъ Клавдія, когда онъ все болѣе и болѣе сознаетъ, что царствованіе этого короля приноситъ народу только одно горе, когда рѣшимость произвести переворотъ («o, from this time forth, my thoughts be bloody, or be nothing worth!»—Act. IV, sc. 4) развивается роковымъ образомъ, Гамлетъ не принимаетъ никакихъ насильственныхъ мѣръ— и только въ минуту страстнаго возмущенія новымъ предательствомъ и новымъ преступленіемъ короля въ сценѣ поединка, когда сила возмущенія была такъ велика, что невозможно было овладѣть собой, Гамлетъ закалываетъ короля и освобождаетъ народъ отъ коронованнаго злодѣя. Можно винить Гамлета за его излишній гуманизмъ, можно ставить ему въ упрекъ его позднее мщеніе и неправильное отношеніе къ вопросу объ устраненіи короля—это дѣло личнаго взгляда, но невозможно послѣ всего этого приписывать Гамлету не только отсутствіе нравственныхъ или альтруистическихъ чувствъ, но даже и слабое ихъ развитіе.

Второй ингредіентъ дегенераціи—отсутствіе интеграціи поведенія—точно также едва ли можно усмотрѣть въ дѣйствіяхъ Гамлета. Правда, по мнѣнію окружающихъ, онъ ведетъ себя странно, непонятно; правда, онъ и самъ говоритъ, что будетъ вести себя странно и причудливо («strange or odd») и, можетъ быть, даже приметъ на себя роль шута (I, perchance, hereafter shall think meet to put an antick disposition on»); но вѣдь очевидно, что онъ все это дѣлаетъ вполнѣ сознательно и ни на минуту не переходитъ въ состояніе патологическое. Во всемъ остальномъ все его поведеніе вполнѣ отвѣчаетъ его намѣреніямъ и его основному характеру и никакой неуравновѣшенности въ патологическомъ смыслѣ очевидно не представляетъ.

Точно также никакой «уродливой неравномѣрности развитія съ выпаденіемъ» или безъ выпаденія «нѣкоторыхъ влеченій и чувствъ», съ нормальнымъ или «ненормальнымъ развитіемъ другихъ», въ характерѣ Гамлета отнюдь не замѣчается. Такое свойство проф. Л. В. Блуменау, какъ мы видѣли, усмотрѣлъ

въ томъ, что Гамлетъ жалуется на присутствіе въ немъ кротости и отсутствіе желчи. Но послѣ всего сказаннаго очевидно, что эта жалоба имѣетъ совсѣмъ другое основаніе и другой смыслъ. Гамлетъ слишкомъ кротокъ для совершенія насилія и грубой мести—онъ совершенно ясно выражаетъ эту опредѣленную мысль, когда говоритъ, что иначе онъ окормилъ бы трупомъ этого холопа, т. е. короля, всѣхъ коршуновъ Даніи («or, ere this, I should have fatted all the region kites with this slave's offal»). Но, не говоря уже о томъ, что авторъ ничѣмъ не удостовѣрилъ, что такое отсутствіе желчи и присутствіе кротости представляются патологическими, неужели правильно было бы всѣхъ тѣхъ, кто развилъ въ себѣ, можетъ быть, съ большимъ трудомъ и путемъ большого напряженія воли, альтруизмъ и гуманность, кто чуждъ всякихъ грубыхъ дѣйствій въ защиту ли себя, въ защиту ли другихъ, кто воспиталъ въ себѣ возможный на землѣ идеалъ христіанства въ его чистомъ, неиспорченномъ видѣ—неужели было бы правильно всѣхъ такихъ лицъ заподозривать въ нравственномъ помѣшательствѣ или въ дегенераціи вообще? Не противорѣчитъ ли это тому ученію, которое мы всѣ признаемъ однимъ изъ чистѣйшихъ нравственныхъ ученій земнаго шара? Тому ученію, которое говоритъ: «Весь законъ въ одномъ словѣ заключается: «люби ближняго своего, какъ самого себя»; «поступайте по духу», «плодъ же духа: любовь, радость, миръ, долготерпѣніе, благость, милосердіе, вѣра, кротость, воздержаніе» (Посл. Ап. Павла къ Галатамъ, V, 14, 16, 22, 23). Не противорѣчитъ ли это и вообще всѣмъ идеаламъ человѣчества и идеаламъ гражданственности и общественности? Я думаю, что да. А кромѣ отсутствія желчи и присутствія кротости, проф. Л. В. Блуменау и самъ не усматриваетъ, или по крайней мѣрѣ не указываетъ никакихъ данныхъ для признанія въ Гамлетѣ «уродливой неравномѣрности развитія» съ выпаденіемъ какихъ либо чувствъ.

Затѣмъ, ни факта тяжкой предрасположенности мозга Гамлета, ни органической связи какихъ либо его патологическихъ свойствъ дегенеративнаго характера не только невозможно установить, но все поведеніе Гамлета, всѣ высказываемыя имъ на протяженіи пяти актовъ трагедіи мысли, взгляды, воззрѣнія, замѣчанія, совѣты, обвиненія—все это проникнуто такимъ глубокимъ смысломъ, вѣрностью наблюденій, пониманія, такимъ глубокимъ чувствомъ правды, такой искренностью, что устраняетъ всякую возможность заподозрить въ такомъ человѣкѣ какую либо ненормальность, развѣ только съ точки зрѣнія окружающихъ его лицъ.—Полонія съ его старческимъ слабоуміемъ (dementia senilis), короля съ его безнравственными воззрѣніями, Розенкранца и Гильденстерна съ ихъ лакейскими душенками, шпіонствомъ, ложью, лицемѣріемъ и предательствомъ и другихъ столь же «нормальныхъ» дѣятелей окружающаго Гамлета и современнаго ему общества, надъ умственнымъ и нравственнымъ развитіемъ котораго Гамлетъ очевидно стоитъ выше цѣлой головой.

Нужно ли послѣ этого подробно доказывать, что тѣмъ болѣе нельзя

усмотрѣть въ поведеніи, дѣйствіяхъ и рѣчахъ Гамлета ничего подобнаго тому, что приписываетъ ему проф. Л. В. Блуменау—нравственнаго помѣшательства?

Можно ли Гамлета считать лишеннымъ самой высокой способности человѣка—способности пріобрѣтать этическія представленія и опредѣлять свое поведеніе на основаніи ихъ, когда весь душевный міръ Гамлета проникнутъ этими глубокими гуманными этическими воззрѣніями, благодаря которымъ создана вся трагичность его положенія?

Можно ли говорить о безсиліи воспитанія передъ извращенными чувствами и умомъ Гамлета, когда именно воспитаніе сдѣлало его глубокій умъ еще глубже, когда вся его жизнь посвящена самообразованію, когда трагическій моментъ его жизни—смерть отца—застаетъ его на университетской скамьѣ, гдѣ онъ находится, готовясь къ предстоящему царствованію, которое у него похищаютъ?

Можно ли говорить о какомъ либо патологическомъ вліяніи наслѣдственности, когда мы знаемъ, что отецъ Гамлета, не только по словамъ сына, но и по словамъ другихъ, вполнѣ безпристрастныхъ лицъ, былъ необыкновенно хорошимъ и всѣми любимымъ человѣкомъ, а другихъ данныхъ въ исторіи Гамлетовой генеалогіи мы совсѣмъ не имѣемъ?

Можно ли говорить объ отсутствіи въ Гамлетѣ «нравственной чувствительности», «нравственныхъ сужденій и этическихъ понятій», когда именно въ нихъ вся его нравственная сила, все его нравственное преимущество?

Можно ли говорить объ отсутствіи въ Гамлетѣ «дѣтской любви, родственныхъ привязанностей, всякаго влеченія къ товариществу и дружбѣ» и т. п., когда мы видимъ по пьесѣ, какъ глубоко и безконечно любитъ Гамлетъ своего великаго отца, даже свою преступную мать, какъ эта любовь къ матери борется въ немъ съ необходимостью высказать ей все возмущеніе передъ ея недостойнымъ поступкомъ; когда мы видимъ, какъ сердечно Гамлетъ любитъ своего друга Гораціо, дружба къ которому можетъ служить образцомъ истинной и глубокой дружеской привязанности; когда мы видимъ, какъ горячо любитъ Гамлетъ Офелію, какъ невыразимо тяжко ему убѣдиться въ своей ошибкѣ по отношенію къ истиннымъ качествамъ этой достойной своего отца дѣвицы; когда мы видимъ, что потребность дружбы въ Гамлетѣ такъ велика, что даже такимъ людямъ, какъ Розенкранцъ и Гильденстернъ, которыхъ онъ впрочемъ узналъ настоящимъ образомъ гораздо позднѣе, онъ когда то расточалъ свои чувства, довѣрялся имъ, этимъ королевскимъ «губкамъ» («sponge»)?

Можемъ ли мы указать какой нибудь «умственный недочетъ въ высшихъ умственныхъ отправленіяхъ» Гамлета, когда мы выслушали его знаменитый монологъ «To be or not to be», его монологъ послѣ сцены съ актерами, его монологъ послѣ встрѣчи съ войсками Фортинбраса, его разговоры съ Розенкранцемъ и Гильденстерномъ и вообще всѣ его рѣчи? Не замѣтимъ ли мы, напротивъ, во всемъ этомъ глубоко правильнаго мышленія, непогрѣшимой логики и послѣдовательности?

Можемъ ли мы говорить о какихъ либо умственныхъ недочетахъ, когда мы видимъ, какъ въ сценѣ на кладбищѣ Гамлетъ открываетъ законъ неуничтожаемости матеріи, трудно обнимаемый въ его время и установленный наукою гораздо позже его? Можемъ ли мы заподозрить въ Гамлетѣ послѣ этого «неспособность вѣрнаго воспроизведенія представленій»?

Можемъ ли мы на основаніи поведенія Гамлета сказать, что онъ «лишенъ сознательныхъ жизненныхъ стремленій къ твердо намѣченнымъ цѣлямъ» и «неспособенъ къ контролю своего поведенія», когда мы видимъ, какъ неуклонно Гамлетъ стремится разбудить совѣсть въ королѣ, видя въ этомъ лучшее средство поставить на прежнее мѣсто вышедшее изъ своихъ основъ время, и какъ щепетильно и добросовѣстно онъ оцѣниваетъ всякое свое дѣйствіе и всякую свою мысль, боясь быть несправедливымъ или легковѣрнымъ?

Что касается, наконецъ, остальныхъ патологическихъ свойствъ нравственно помѣшаннаго—отвращенія къ работѣ, страсти къ бродяжничеству, попрошайничеству и воровству, да позволено мнѣ будетъ исключить самую надобность говорить о чемъ либо подобномъ по отношенію къ Гамлету.

Итакъ, мы видимъ, что ни одного изъ необходимыхъ признаковъ дегенераціи и въ частности нравственнаго помѣшательства въ душевныхъ свойствахъ шекспировскаго Гамлета нѣтъ, а истинный характеръ Гамлета и его душевное состояніе представляютъ собою сумму такихъ свойствъ, которыя исключаютъ самую возможность заподозрить въ нихъ что либо патологическое, въ особенности въ томъ смыслѣ, какъ это нужно понимать по отношенію къ дегенераціи.

Считая свою задачу исполненной, я буду очень радъ, если мнѣ будутъ указаны мои ошибки, и готовъ дать самыя подробныя объясненія всего, почему либо оставшагося не выясненнымъ въ настоящей статьѣ.

Еще нѣсколько словъ. Въ трагедіи Шекспира «Гамлетъ» есть типъ, по отношенію къ которому есть гораздо больше основаній соблазниться мыслью о причисленіи его къ дегенерантамъ. Это—Лаэртъ. Въ самомъ дѣлѣ: *во первыхъ*, какая благодарная задача доказать въ Лаэртѣ вліяніе наслѣдственности, когда рядомъ стоитъ его милый родитель, или доказать вліяніе воспитанія, когда мы слышимъ знаменитые совѣты ему этого родителя! *во вторыхъ*, какъ легко подвести всѣ слова и дѣйствія Лаэрта подъ признаки извращенности ума, чувства и нравственности: развѣ онъ не даетъ сестрѣ лицемѣрныхъ совѣтовъ о чистотѣ души и тѣла въ то время, какъ самъ не дождется времени отъѣзда во Францію—и, конечно, не для соблюденія своей чистоты? развѣ онъ не соглашается безъ малѣйшихъ колебаній принять участіе въ гнусномъ предательствѣ короля относительно отравленія Гамлета ядомъ? — и что же? Я утверждаю, что, даже при наличности такихъ качествъ и безнравственныхъ свойствъ, нѣтъ ни малѣйшихъ основаній видѣть въ Лаэртѣ дегенеративный типъ—и по очень простому соображенію: потому, что при всемъ этомъ въ

немъ недостаетъ самыхъ существенныхъ симптомовъ дегенераціи, о которыхъ мы уже говорили по отношенію къ Гамлету. Лаэртъ — просто безнравственно воспитанный юноша, не сознающій всей низости своего поведенія, какъ воспитанная тѣмъ же отцомъ Офелія не сознаетъ низости своего поведенія, когда она по наущенію отца шпіонитъ за Гамлетомъ или отказывается принимать его.

Я иду далѣе. Представимъ себѣ фактъ еще болѣе яркій. Представимъ, что нѣкто гнуснымъ образомъ оклеветалъ своего сосѣда и, когда этотъ сосѣдъ назвалъ его клеветникомъ, клеветникъ не дрогнулъ ни однимъ мускуломъ и даже какъ бы почувствовалъ себя вполнѣ удовлетвореннымъ къ общему изумленію, а потомъ, выждавъ минуту, когда оклеветанный менѣе всего этого ждалъ, подкрался къ нему и предательски, сзади нанесъ ему ударъ по головѣ, обратившись въ бѣгство немедленно послѣ того изъ боязни преслѣдованія; когда же онъ былъ настигнутъ и побитъ, онъ сталъ отрицать это послѣднее обстоятельство, утверждать, что нанесъ ударъ лицомъ къ лицу, и превозносить свой гнусный поступокъ, какъ актъ вынужденнаго мщенія за оскорбленіе названіемъ клеветника. При этомъ онъ заявилъ, что считаетъ себя идеально честнымъ человѣкомъ и со спокойною совѣстью смотритъ въ глаза всѣмъ. Казалось бы, трудно представить болѣе извращенныя нравственныя чувства. И я всетаки утверждаю, что такой человѣкъ еще не дегенерантъ, если нѣтъ возможности установить существенныя свойства вырожденія. Такихъ людей обыкновенно принято называть просто негодяями.

Къ вопросу о Гамлетѣ.

По поводу статьи А. Кремлева: «Можно ли называть Гамлета дегенерантомъ?»

Проф. Л. В. Блуменау.

1. Кремлевъ изъ одного мѣста моей рѣчи о нравственной эволюціи и вырожденіи сдѣлалъ выводъ, что я считаю Гамлета *нравственно-помѣшаннымъ*. Это меня очень удивляетъ, такъ какъ ничего такого мною не было сказано. Я назвалъ Гамлета *неуравновѣшеннымъ*, но вѣдь это вовсе не одно и то же и разница, какъ мнѣ казалось, была достаточно подчеркнута мною въ самомъ изложеніи.

Задавшись вопросомъ: чѣмъ выражается нравственная несостоятельность выродившихся, я остановился сначала на нравственномъ помѣшательствѣ (moral insanity), ярлыкомъ котораго призналъ (такъ же, какъ и цитируемые моимъ оппонентомъ *Krafft-Ebing* и *Schüle*) отсутствіе или тупость нравствен-

ныхъ чувствъ. Но, затѣмъ, я съ особеннымъ удареніемъ замѣтилъ: «было бы, однако, большой несправедливостью думать, что нравственная тупость свойственна всѣмъ дегенерантамъ. Несомнѣнно есть между ними много и настоящихъ альтруистовъ» и пр. Послѣ этого замѣчанія я перешелъ уже къ другому и главному, по моему мнѣнію, проявленію дегенераціи—къ неуравновѣшенности. Мысль, что не столько нравственное помѣшательство (сравнительно, всетаки, рѣдкое), сколько разладъ всего поведенія, понижаетъ общественную цѣнность выродившихся, является, такъ сказать, однимъ изъ лейтъ-мотивовъ моей рѣчи. Это положеніе подготовляется уже вступительнымъ очеркомъ нравственной эволюціи, гдѣ, признавая основою нравственности соціальные инстинкты и чувства, я подчеркиваю, однако, другой моментъ: подчиненіе инстинктовъ и чувствъ сознательно-разумному «я», ту гармонію поведенія, въ которой отводится должное мѣсто и эгоизму, и даже извѣстной долѣ жестокости (въ формѣ нравственнаго негодованія или возмездія). Въ недостаткѣ этого момента (интеграціи или гармоніи) мной и усматривается главная причина нравственной несостоятельности большинства выродившихся.

Характеризуя неуравновѣшенныхъ, я упомянулъ, между прочимъ, что нѣкоторые изъ нихъ отличаются чрезмѣрной мягкостью характера (въ противоположность нравственно-помѣшаннымъ), и привелъ знаменитую фразу Гамлета, котораго назвалъ «типомъ неуравновѣшеннаго». О нравственномъ помѣшательствѣ Гамлета не было, очевидно, ни рѣчи, ни даже мысли. Въ сущности, этимъ отвѣтомъ я могъ бы и ограничиться, если бы мнѣ не былъ сдѣланъ еще упрекъ въ голословности моего отзыва о Гамлетѣ. Дѣйствительно, назвавъ его неуравновѣшеннымъ, я не привелъ тогда никакихъ доказательствъ. Но, во-первыхъ, разборъ Гамлетовскаго характера не входилъ въ планъ моей рѣчи, а во-вторыхъ, я не думалъ, что мои слова удивятъ слушателей. О ненормальности Гамлета писалось уже многими психіатрами; такія выраженія, какъ «разстройство равновѣсія», «односторонность развитія» и т. п., встрѣчаются даже у наиболѣе извѣстныхъ литературныхъ критиковъ—у *Coleridge*'а (въ «Literary Remains»)-у *Gervinus*'а, въ его знаменитомъ сочиненіи [1]); послѣдній прямо называетъ Гамлета «странно сложившимся человѣкомъ». Какъ бы то ни было, чтобъ не оставаться въ долгу, я постараюсь теперь представить требуемыя доказательства и, вмѣстѣ съ тѣмъ, опредѣлить точнѣе свой взглядъ на Гамлета.

Безъ сомнѣнія, ни объ одномъ Шекспировскомъ типѣ не высказывалось столько различныхъ мнѣній, какъ о его Датскомъ Принцѣ, что̀, какъ увидимъ, объясняется самымъ характеромъ этого лица. Но однимъ изъ самыхъ неудачныхъ толкованій кажется мнѣ то, которое всю трагическую вину въ пьесѣ сваливаетъ на крайній *альтруизмъ* Гамлета, на его отвращеніе ко всякой мести. Если бы Гамлетъ былъ сторонникомъ непротивленія злу насиліемъ, то въ его

1) «Шекспиръ», русск. перев. К. Тимофеева, 1877, т. III, стр. 211 и слѣд.

монологахъ, конечно, не было бы такихъ самоупрековъ въ бездѣйствіи, такихъ презрительныхъ выраженій о собственной кротости [1]). Не подлежитъ сомнѣнію, что по своимъ нравственнымъ понятіямъ онъ стоялъ выше окружавшей его среды, но есть, однако же, указанія, что онъ вовсе не былъ такъ уже «весь пропитанъ альтруизмомъ», не допускавшимъ мести. Достаточно вспомнить его поступокъ съ Розенкранцомъ и Гюльденстерномъ (V, 2) или его безсердечныя слова надъ трупомъ убитаго имъ Полонія («теперь онъ тихъ и серьезенъ, этотъ глупый, болтливый плутъ!»), Съ другой стороны, подвигъ, къ которому былъ призванъ принцъ, нельзя даже назвать простой местью: на немъ, какъ законномъ наслѣдникѣ престола, лежалъ долгъ наказать страшное преступленіе и избавить страну отъ недостойнаго узурпатора. Кромѣ того, духъ отца сказалъ ему, что онъ (духъ) осужденъ страдать до тѣхъ поръ, пока не смоются преступленія [2]). Это уже не месть; это великое, неотложное дѣло.

«Мнѣ ясно, чтò хотѣлъ изобразить Шекспиръ», пишетъ *Гёте* [3]) въ «Вильгельмѣ Мейстерѣ»: «*великое дѣло*, возложенное на душу, которая *не доросла до него* (die der That nicht gewachsen ist)». Если такъ, въ чемъ же состоитъ эта душевная слабость Гамлета?

Какъ уже упоминалось мною выше, наиболѣе распространенное мнѣніе, въ лицѣ названныхъ выдающихся критиковъ, отвѣчаетъ на вопросъ тѣмъ, что признаетъ въ Гамлетѣ *односторонность развитія*. «Поэтъ показываетъ намъ, говоритъ *Gervinus*, какъ самымъ лучшимъ дарованіямъ безъ равномѣрнаго развитія ума, сердца и воли недостаетъ полнаго значенія». Несостоятельность Гамлета заключается, по мнѣнію критика, въ одностороннемъ развитіи ума *въ ущербъ волѣ*; предпочтительное занятіе внутреннимъ міромъ парализуетъ дѣятельную силу, или, выражаясь словами самого Гамлета, «природный цвѣтъ рѣшимости тускнѣетъ при блѣдномъ свѣтѣ мысли».

Такой взглядъ сдѣлалъ Гамлета особенно популярнымъ въ прошломъ столѣтіи. Не такъ давно еще чуть не вся Германія видѣла въ немъ свое изображеніе [4]); затѣмъ и у насъ въ каждомъ уѣздѣ стали обнаруживаться Гамлеты. *И. С. Тургеневъ* въ своей знаменитой рѣчи дѣлилъ даже все человѣчество на Гамлетовъ и Донъ-Кихотовъ, противопоставляя скептицизмъ первыхъ слѣпой и дѣятельной вѣрѣ вторыхъ.

Но отъ этой абстракціи Гамлета, отъ имени, ставшаго нарицательнымъ,

---

[1]) Я готовъ даже признать, что, приводя эти выраженія въ своей рѣчи, я выбралъ несовсѣмъ удачный примѣръ, такъ какъ въ нихъ есть несомнѣнно преувеличенная самооцѣнка.

[2]) Не *его* преступленія, какъ иногда неправильно переводятъ, а преступленія *его времени* (crimes done in my days of nature).

[3]) Wilhelm Meister's Lehrjahre, B. IV, Cap. 13.

[4]) «Hamlet ist Deutschland!» восклицалъ *Freiligrath* въ одномъ изъ своихъ стихотвореній.

вернемся къ настоящему, Шекспировскому Гамлету и разсмотримъ ближе, какого характера у него эта слабость воли, и зависитъ ли она, на самомъ дѣлѣ исключительно отъ размышленія и скептицизма.

Безспорно, это человѣкъ мысли, и скептицизмъ играетъ несомнѣнную роль въ его поведеніи. Онъ медлитъ въ началѣ и потому, что хочетъ удостовѣриться. Заявленія духа ему мало: «духъ, котораго я видѣлъ, могъ быть дьяволомъ; при моей слабости и меланхоліи ему легко обмануть меня», разсуждаетъ онъ. И онъ ставитъ пьесу «Убійство Гонзаго» съ цѣлью испытать, не выдастъ ли себя король (*только* съ этою цѣлью, а вовсе не для того, чтобъ «разбудить въ королѣ совѣсть»: *catch* the conscience не значитъ «разбудить», а «*поймать въ ловушку*»). Гамлетъ при этомъ не довѣряетъ одной своей наблюдательности, а призываетъ въ свидѣтели еще Горацію. Но вотъ опытъ удался, король уличенъ, и Гамлету скоро представляется удобный случай привести въ исполненіе свою клятву. Отчего же онъ и теперь медлитъ? «Если я убью его на молитвѣ, онъ попадетъ въ рай», уговариваетъ себя или, вѣрнѣе, *отговаривается* Гамлетъ. Разумѣется, это только отговорка. Неужели онъ, въ самомъ дѣлѣ, такъ жестокъ, чтобъ лишить осужденнаго возможности помолиться предъ смертью? Вѣдь въ этомъ не отказывала своимъ жертвамъ даже испанская инквизиція! Нѣтъ, это разсужденіе и вообще весь шестой монологъ (III, 3) съ его софистическимъ соразмѣриваніемъ наказанія съ преступленіемъ — не болѣе, какъ простое «резонерство, при которомъ логика оправдываетъ все, что хочется» (*Корсаковъ*). И я склоненъ думать, что такое же объясненіе примѣнимо въ значительной мѣрѣ и ко многимъ другимъ размышленіямъ Датскаго Принца. Не говоритъ ли онъ самъ въ послѣднемъ монологѣ (IV, 5), что «мысль, будучи разложена, оказывается только на $^1/_4$ мудростью, а на $^3/_4$ трусостью!»

Извѣстный критикъ *Kuno Fischer* [1]) замѣтилъ, что въ монологахъ Гамлета можно найти «почти правильную смѣну *arsis* и *thesis*, прилива и отлива чувства мести». Дѣйствительно, рѣзкіе *подъемы* и затѣмъ быстрыя *паденія энергіи* (ниже нормы) составляютъ несомнѣнную особенность Гамлета, которую слѣдуетъ считать элементарнымъ психо-физіологическимъ или, вѣрнѣе, *психопатологическимъ* фактомъ его организаціи.

Говоря о дегенерантахъ, я указалъ въ своей рѣчи, между прочимъ, на наблюдаемыя у нихъ постоянно колебанія чувственнаго тонуса и энергіи, дѣлающія ихъ неспособными къ систематической дѣятельности. Вотъ что говоритъ *Krafft-Ebing* [2]) по поводу этихъ колебаній:

«Въ періоды возбужденія у нихъ замѣчается необыкновенная суетливость, съ странными, иногда даже не безопасными, далеко не невиннаго свойства, прихотями, влеченіями и импульсами; въ періоды же угнетенія такой больной

---

[1]) Ein neues Werk uber Hamlet und das Hamlet-Problem. 1891.

[2]) Учебникъ Психіатріи, русск. перев. 1890, стр. 522.

страдаетъ весьма тягостною для него самого нерѣшительностью, неспособностью къ дѣятельности, навязчивыми идеями о самоубійствѣ, боязнью сойти съ ума».

Какъ это описаніе подходитъ къ Гамлету! Еще до свиданія съ духомъ отца жизнь тяготитъ его, какъ ненавистное бремя, и уже въ первомъ монологѣ (I, 2) выражается *мысль о самоубійствѣ*. Сильное возбужденіе послѣ разговора съ духомъ (I, 5), конечно, вполнѣ естественно. Каждый на его мѣстѣ былъ бы потрясенъ, но не у каждаго возбужденіе проявилось бы такой странной «суетливостью». Развѣ не странно это *записываніе* въ карманную книжку сдѣланнаго открытія, «что человѣкъ можетъ улыбаться, будучи мошенникомъ», или это подшучиваніе надъ удаляющимся духомъ отца («Ah, ha, boy!.. Well said, old mole!» и т. п.)? Онъ горитъ мщеніемъ, клянется и заставляетъ другихъ клясться; но уже къ концу той же сцены возбужденіе и жажда мести остываютъ, и начинаетъ проглядывать *недовѣріе къ собственнымъ силамъ* («so poor a man as Hamlet is» и т. д.).

Во второмъ дѣйствіи, въ разговорѣ съ Розенкранцомъ и Гюльденстерномъ (съ которыми онъ здѣсь довольно откровененъ), Гамлетъ жалуется, что потерялъ всю бодрость, и что съ его расположеніемъ духа «дѣло обстоитъ, дѣйствительно, скверно». Но приходъ актеровъ оживляетъ его, онъ много говоритъ съ ними, шутитъ, декламируетъ, а въ заключеніе, оставшись одинъ, разражается цѣлымъ градомъ самообвиненій, побуждаетъ себя къ дѣлу и утѣшается придуманной для короля ловушкой (спектаклемъ). Знаменитый четвертый монологъ («To be or not to be») весь наполненъ опять размышленіями о *самоубійствѣ*. О мщеніи нѣтъ и помина. Говоря о «странѣ, откуда путникъ не возвращался къ намъ», Гамлетъ, кажется, совсѣмъ забываетъ объ отцѣ, приходившемъ къ нему изъ этой страны.

Возбужденіе Гамлета исчерпывается по большей части рѣчами (иногда неумѣстными, крайне фразистыми и вызывающими, какъ на могилѣ Офеліи), но что онъ можетъ быть и *опаснымъ* въ такія минуты, доказываетъ ударъ, нанесенный имъ въ сценѣ съ матерью (III, 4) подслушивавшему лицу, оказавшемуся Полоніемъ. Не даромъ и духъ отца снова является ему въ этой сценѣ, чтобъ удержать отъ запальчивости противъ матери. Да Гамлетъ и самъ говоритъ Лаэрту, что въ немъ есть «что-то опасное, чего слѣдуетъ остерегаться» Это «что-то» — очевидно, его *импульсивность*, неспособность владѣть собою при аффектахъ. Позднѣе, передъ поединкомъ съ Лаэртомъ (V, 2), онъ произноситъ слѣдующія трогательныя и знаменательныя слова, которыми онъ совершенно ясно слагаетъ съ себя отвѣтственность за свой поступокъ, т. е., говоря иначе, признаетъ его *невмѣняемымъ*: [1])

«Простите мнѣ, какъ истый джентльменъ;
Присутствующимъ вѣдомо, и Вы,

[1]) Сомнѣваться въ искренности этихъ словъ невозможно: это значило бы имѣть слишкомъ низкое понятіе о благородствѣ Гамлета.

Конечно, слышали, какимъ тяжелымъ
Разстройствомъ я наказанъ. Все, чѣмъ могъ
Я оскорбить въ Васъ честь или природу,
Безуміемъ я объявляю здѣсь.
Гамлетъ ли оскорбилъ Лаэрта? Нѣтъ! —
Когда Гамлетъ съ самимъ собой въ разлукѣ,
Когда не самъ обидѣлъ онъ Лаэрта,
Не признаетъ того своимъ онъ дѣломъ;
То дѣло лишь безумія, Гамлетъ же
На сторонѣ того, кто оскорбленъ:
Безуміе — врагъ бѣднаго Гамлета».

Зная свою неустойчивость, зная эти «arsis и thesis» своей души, Гамлетъ удивляется и завидуетъ, съ одной стороны, людямъ дѣятельной энергіи, каковъ Фортинбрасъ, съ другой — такимъ спокойнымъ, уравновѣшеннымъ натурамъ, какъ Гораціо, въ которыхъ «кровь и разсудокъ хорошо смѣшаны», которыхъ «страсть не дѣлаетъ рабами».

Импульсивная стремительность Гамлета при аффектахъ такъ же (если не больше) вредитъ его дѣлу, какъ и вялая нерѣшительность его въ періоды угнетенія. Достаточно указать, какія роковыя послѣдствія имѣло для него убійство Полонія. Такимъ образомъ, *отнюдь нельзя винить во всемъ одну нерѣшительность Гамлета*, какъ это дѣлаетъ большинство критиковъ; *трагическая вина лежитъ въ его неуравновѣшенности вообще.*

Выраженіемъ этой неуравновѣшенности являются и всѣ тѣ *странности* и *противорѣчія* въ характерѣ и поведеніи Гамлета, которыя давно обратили на себя вниманіе критики и служатъ главной причиной разногласія въ мнѣніяхъ. Однимъ Гамлетъ кажется (какъ г. *Кремлеву*) альтруистомъ, другимъ (какъ *Тургеневу*)—эгоистомъ. Особенно смущаютъ многихъ его отношенія къ Офеліи [1]), которыхъ нельзя не назвать странными (какими ихъ и признаетъ напр. *Gervinus*). Вообще, характеръ Гамлета во многомъ напоминаетъ *истерическій*: тѣ же *внезапные переходы*, напр., отъ сентиментальности къ грубому тону (какъ въ разговорѣ съ Офеліей: «О, нимфа, помяни меня въ своихъ молитвахъ!» а затѣмъ [2])—«Честна ли ты?» и т. п.), та же наклонность къ *преувеличеніямъ* и та же *позировка* передъ самимъ собою и передъ другими (хотя онъ и говоритъ, что ему противно все показное).

Нѣкоторые приписываютъ *всѣ* странности Гамлета *симуляціи*, другіе же,

---

[1]) Кстати сказать, мнѣ непонятно, на основаніи чего г. *Кремлевъ* называетъ эти отношенія «горячей любовью». Неужели на основаніи письма, читаемаго Полоніемъ, или фразы, сказанной Гамлетомъ на могилѣ Офеліи, въ минуту возбужденія, и идущей въ разрѣзъ со всѣмъ его поведеніемъ?

[2]) На нѣкоторыхъ сценахъ, чтобъ объяснить чѣмъ-нибудь этотъ переходъ, прибѣгали даже къ уловкѣ: во время разговора изъ-за занавѣски показывалась голова подслушивающаго Полонія.

считая его ненормальнымъ (или даже прямо сумасшедшимъ), совершенно отрицаютъ притворство. И то, и другое—крайность. Предупрежденіе, дѣлаемое Гамлетомъ своимъ друзьямъ (I, 5), и слова, обращенныя къ матери («открой всю тайну, разскажи, что не безумецъ я, а только притворялся» III, 4), заставляютъ признать извѣстную симуляцію. Но никакъ нельзя объяснять ею все, что есть страннаго въ поведеніи принца, такъ какъ не всегда и не со всѣми онъ притворяется, и тѣ мѣста, гдѣ онъ это дѣлаетъ, можно, все-же, отличить отъ другихъ: симуляція его довольно прозрачна (напр. въ сценахъ съ Полоніемъ, гдѣ онъ скорѣе просто дурачитъ стараго «мудреца»). Надо замѣтить, что невропатическія личности особенно склонны къ притворству, и, какъ показываетъ опытъ, душевныя заболѣванія симулируются чаще всего именно этими лицами; такъ что, заставивъ Гамлета притворяться, Шекспиръ далъ только новое доказательство своего глубокаго знанія жизни.

Если, на основаніи всего сказаннаго, неуравновѣшенность или невропатическій характеръ Гамлета не подлежитъ для меня сомнѣнію, то никакъ не могу я согласиться съ тѣми, которые находятъ возможнымъ признать у него опредѣленную форму психоза или психо-невроза. Всѣ такіе діагнозы грѣшатъ болѣе или менѣе грубыми натяжками [1]). Едва ли, напр., можно серьезно говорить о галлюцинаціяхъ Гамлета, какъ это дѣлаетъ Rosner [2]). Появленіе духа, не только въ замкѣ, гдѣ его видятъ и другіе, но даже въ сценѣ съ матерью, гдѣ одинъ Гамлетъ его видитъ и слышитъ, я считаю простой поэтической условностью, соотвѣтствующей наивнымъ понятіямъ о «привидѣніяхъ».

Многимъ, особенно не-психіатрамъ, можетъ казаться вѣроятнымъ, что всѣ уклоненія отъ нормы въ характерѣ и поведеніи Гамлета обусловлены исключительно перенесенными имъ тяжелыми потрясеніями. Конечно, то, что пережилъ Гамлетъ, должно было оказать неблагопріятное вліяніе на его нервную и психическую дѣятельность. Но мы знаемъ, все таки, по опыту, что такая совокупность явленій, какъ невропатическій темпераментъ, не создается одними нравственными потрясеніями, а предполагаетъ извѣстныя условія со стороны самой *организаціи*.

Г. *Кремлевъ* не допускаетъ въ данномъ случаѣ мысли о патологической наслѣдственности, въ виду того, что отецъ Гамлета былъ «необыкновенно хорошимъ человѣкомъ», а другихъ генеалогическихъ свѣдѣній будто-бы не имѣется. Однако, не говоря уже о томъ, что и хорошій человѣкъ подъ вліяніемъ нѣкоторыхъ (чисто физическихъ) моментовъ можетъ передать дѣтямъ плохую организацію, слѣдуетъ помнить, что у Гамлета есть *мать*, которую никакъ нельзя

[1]) Въ этомъ отношеніи я присоединяюсь къ мнѣнію *Bettencourt-Ferreira* (Revue de psychologie, 1900, который, признавая у Гамлета «instabilité mentale» отрицаетъ у него всякій психозъ.

[2]) Shakespeare's Hamlet in Lichte der Neuropathologie, 1895.

назвать хорошей, а *по меньшей мѣрѣ—безхарактерной* женщиной, главное же—что *Клавдій*, этотъ *страшный преступникъ*, пьяница и пр. приходится *роднымъ дядей* Гамлету (*по отцу*).

Я полагаю, что если бы къ психіатру обратился паціентъ, допустимъ, хотя бы съ такими жалобами, какія Гамлетъ излагаетъ Розенкранцу и Гюльденстерну, и сообщилъ бы при этомъ только-что указанные «фамильные антецеденты», то психіатръ не зачислилъ бы такого паціента въ рубрику «не расположенныхъ».

Но спрашивается: можно ли назвать Гамлета выродившимся, дегенерантомъ? Между *невропатически-расположенными* и *дегенерантами*, въ собственномъ смыслѣ слова, есть разница; хотя, конечно, когда рѣчь идетъ о вырожденіи вообще, понимаются обыкновенно и тѣ, и другіе. Въ строгомъ, клиническомъ смыслѣ, для признанія дегенераціи требуется нѣчто большее: наличность *ряда* признаковъ, какъ психическихъ, такъ и физическихъ, причемъ рѣшеніе вопроса въ значительной степени зависитъ еще отъ личнаго взгляда на то, что считать достаточнымъ [1]). Я *не назвалъ* Гамлета дегенерантомъ, потому что, на мой взглядъ, имѣющихся о немъ данныхъ для этого, все таки, мало, и они позволяютъ намъ только смотрѣть на него, какъ на невропатически-расположеннаго.

Въ заключеніе, чтобъ уже высказать вполнѣ свое мнѣніе о Гамлетѣ, считаю нужнымъ замѣтить, что я вижу въ немъ не простую неуравновѣшенную личность, а личность съ задатками *геніальности*. Шекспиръ, создавая Гамлета, вдунулъ въ него часть своей безсмертной души, одарилъ его блестящимъ, изобрѣтательнымъ умомъ и той пытливостью мысли, которая на ряду съ творческой силой является отличительнымъ признакомъ генія. Но это, все таки, неуравновѣшенная геніальность, «pathologische Mehrwerthigkeit, какъ сказалъ бы *Möbius*; и поэтъ всѣмъ ходомъ драмы указываетъ намъ на то, чего недостаетъ Гамлету.

Мой взглядъ на Гамлета не только не умаляетъ для меня значенія этой чудной драмы, но дѣлаетъ его, напротивъ, еще болѣе глубокимъ. Онъ заставляетъ думать о многомъ и, между прочимъ, о томъ, что современная проблемма *патологіи геніальности* вставала уже передъ душевнымъ взоромъ великаго англійскаго генія.

---

[1]) Г. *Кремлевъ* напрасно ищетъ въ моей статьѣ указаній на то, что считается мною достаточнымъ для діагноза дегенераціи: я говорю въ ней только о проявленіяхъ дегенераціи въ нравственной сферѣ, изъ чего не слѣдуетъ, что однихъ этихъ проявленій достаточно, по моему, для признанія вырожденія.

Ассоціація сходства.

(Матеріалы къ новѣйшей исторіи вопроса).

А. П. Нечаева.

(Окончаніе.).

Полемика между Леманомъ и Геффдингомъ послужила поводомъ къ появленію статьи Вундта «Bemerkungen zur Associationslehre». (Philosoph. Studien, VII, 329—361).

Попробуемъ изложить основныя мысли этой статьи въ отношеніи къ тѣмъ четыремъ основнымъ положеніямъ (см. выше, стр. 210), которыя были первоначально выставлены Леманомъ противъ теоріи сходства и послужили исходнымъ пунктомъ полемики между нимъ и Геффдингомъ.

Выступая въ роли третейскаго судьи между Леманомъ и Геффдингомъ, Вундтъ долженъ былъ высказаться по слѣдующимъ вопросамъ:

I. Противорѣчитъ ли гипотеза сходства опыту?

II. Не приводитъ ли признаніе чистой ассоціаціи сходства къ нелѣпымъ взглядамъ на представленія и ихъ взаимную связь?

III. Не является ли признаніе гипотезы сходства совершенно безполезнымъ для объясненія явленій ассоціаціи? и

IV. Не нарушаетъ ли признаніе ассоціаціи сходства, какъ процесса, не сводимаго на ассоціацію смежности, цѣлостности пониманія психическаго міра въ его отношеніи къ физіологическимъ явленіямъ?

Какъ же отвѣчаетъ Вундтъ на всѣ эти вопросы и что новаго вноситъ его статья въ споръ между Леманомъ и Геффдингомъ?

I. Въ послѣднемъ (пятомъ) изданіи своей «Физіологической Психологіи» Вундтъ, упоминая о полемикѣ между Леманомъ и Геффдингомъ, находитъ, что «этотъ интересный споръ поучителенъ не только потому, что онъ показалъ, что, при желаніи, можно принять за исключительный «законъ ассоціаціи» сходство, а не только смежность, какъ это дѣлали до тѣхъ поръ, но и потому, что оба противника при своихъ толкованіяхъ большею частью вращались въ области гипотезъ, допуская, въ случаѣ надобности, промежуточные ассоціаціонные процессы (associative Zwischenglieder), которые въ дѣйствительности прямо не наблюдались, а носили характеръ простой лишь возможности ассоціаціи» [1]).

---

[1]) *Wundt.* Grundzüge der physiologischen Psychologie, III. Bd., 569, 1903.

Тѣмъ не менѣе, въ статьѣ, помѣщенной въ «Philosophische Studien», Вундтъ, обсуждая споръ Лемана и Геффдинга въ его отношеніи къ даннымъ опыта, въ нѣкоторыхъ важныхъ пунктахъ рѣшительно становится на сторону Лемана.

Въ спорѣ между Леманомъ и Геффдингомъ большое значеніе, какъ извѣстно, имѣлъ вопросъ о непосредственномъ узнаваніи, о томъ, существуетъ ли оно въ дѣйствительности, и какимъ образомъ слѣдуетъ объяснять «качество знакомости» (Bekanntheitsqualität), при воспріятіи «непосредственно извѣстнаго».

Если какое-нибудь представленіе является въ нашемъ сознаніи, какъ нѣчто знакомое (съ «качествомъ знакомости», по выраженію Геффдинга), то это выражается, по мнѣнію Вундта, въ своеобразномъ *чувствѣ*, которое онъ предлагаетъ называть «чувствомъ узнаванія» (Erkennungsgefühl) [1]). При этомъ Вундтъ полагаетъ, что основаніемъ этого чувства являются въ большинствѣ случаевъ смутно сознаваемыя побочныяпредставленія [2]).

Въ пятомъ изданіи «Grundzüge der physiol. Psychologie» (III, 536) Вундтъ выражается по этому поводу такъ: «на основаніи самонаблюденій при реакціяхъ различенія и узнаванія, равно какъ и при сравненіяхъ воспроизводимыхъ представленій, мнѣ кажется несомнѣннымъ, что содержаніе того, что Геффдингъ отмѣчаетъ именемъ «качества знакомости», можетъ быть обозначено только какъ *чувство*, зависимое въ своемъ качествѣ и въ своей интенсивности отъ ближайшаго качества предшествующихъ обстоятельствъ» (als ein in seiner Qualität und Intensität von der näheren Beschaffenheit des Vorgangs abhängiges Gefühl bezeichnet werden kann).

Указаніе Геффдинга на то, что иногда знакомое представленіе бываетъ невозможно локализировать въ пространствѣ и времени, онъ считаетъ не имѣющимъ доказательной силы въ смыслѣ возраженія противъ вліянія на возникновеніе чувства узнаванія смутно сознаваемыхъ представленій [3]).

Обращая вниманіе на то, что апперцепція представленія не тождественна съ его появленіемъ въ сознаніи, и что изъ двухъ представленій a и b, выступающихъ въ сознаніи въ такомъ именно порядкѣ, b можетъ быть апперципировано раньше, Вундтъ признаетъ возможнымъ, что такъ называемое «непосредственное узнаваніе» только повидимому «непосредственно», на самомъ же дѣлѣ совершается при помощи побочныхъ представленій [4]), которыя и выступаютъ ясно въ сознаніи въ тѣхъ случаяхъ, когда узнаваніе достигаетъ совершенной полноты и отчетливости [5]). Въ этомъ отношеніи Вундтъ считаетъ очень

[1]) Phil. Stud., VII, 345.
[2]) Ibidem, 353.
[3]) Ibidem, 354.
[4]) Ibidem, 340.
[5]) Ibidem, 347.

поучительными тѣ данныя, которыя были получены при опытахъ Лемана [1]) и Скрипчюра [2]). При опытахъ Лемана (съ узнаваніемъ запаховъ) обнаружилось что испытуемый, «непосредственно узнававшій» какой-нибудь запахъ при малѣйшемъ намекѣ, легко могъ иногда вызывать въ своемъ сознаніи тѣ представленія, которыя несомнѣнно были ассоціированы (по смежности) съ даннымъ обонятельнымъ ощущеніемъ [3]). Точно также Леману удалось показать, какое важное (и часто не сознаваемое нами) значеніе при такъ называемомъ «непосредственномъ» узнаваніи имѣетъ слово, обозначающее тѣ или другія узнаваемыя нами впечатлѣнія: когда отъ испытуемаго требовалось запомнить три оттѣнка сѣраго цвѣта и черезъ нѣкоторое время «непосредственно» узнать ихъ, то это узнаваніе происходило легко и правильно; когда же для опытовъ брали не три, а четыре оттѣнка сѣраго цвѣта, то узнаваніе становилось неточнымъ и сопровождалось частыми ошибками [4]). Согласно съ Леманомъ, Вундтъ думаетъ, что подобнаго рода явленіе едва ли возможно объяснить чѣмъ нибудь другимъ, кромѣ того, что въ нашей рѣчи существуетъ какъ разъ три слова для обозначенія различныхъ оттѣнковъ сѣраго цвѣта (сѣрый, темно-сѣрый и свѣтло-сѣрый) [5]). Это объясненіе, по мнѣнію Вундта, прекрасно подтверждается тѣмъ обстоятельствомъ, что, когда Леманъ воспользовался для своихъ опытовъ съ узнаваніемъ девятью оттѣнками сѣраго цвѣта и обозначилъ каждый изъ нихъ числами, соотвѣтствующими ихъ порядку на одной шкалѣ, гдѣ они были расположены съ опредѣленной постепенностью перехода отъ чернаго къ бѣлому, то это сильно облегчило послѣдующее узнаваніе данныхъ оттѣнковъ.

Изъ результатовъ опытовъ Скрипчюра (произведенныхъ въ психологической лабораторіи лейпцигскаго университета) [6]) Вундтъ обращаетъ вниманіе на слѣдующій.

Чтобы изслѣдовать вопросъ, насколько отражается на появленіи въ сознаніи извѣстныхъ представленій вліяніе другихъ представленій, находившихся прежде съ ними въ связи, но не сознаваемыхъ въ данный моментъ, Скрипчюръ прежде всего предлагалъ испытуемымъ воспринимать ряды зрительныхъ образовъ A, B, C, D, причемъ каждый изъ нихъ былъ связанъ съ какимъ-нибудь незнакомымъ представленіемъ (u, v, w, x). Затѣмъ давался рядъ представленій M, N, O, P, причемъ каждое изъ нихъ связывалось съ какимъ-нибудь представленіемъ изъ ряда u, v, w, x. Такимъ образомъ, испытуемый получалъ рядъ представленій Au, Bv, Cw, Dx, Mu, Nv, Ow, Px. Послѣ

[1]) Ibid., 348.

[2]) Ibid., 360.

[3]) Ibid., 193 слѣд.

[4]) Ibid., V, 138.

[5]) Ibid., VII, 348.

[6]) *E. W. Scripture.* Ueber den associativen Verlauf dor Vorstellungen. *Phil. Stud.*, 1892, VII, 50 - 146.

этого ему предлагалось какое-нибудь одно изъ этихъ представленій, напр., P безъ x. При этомъ нерѣдко наблюдалось, что, воспринимая, напр., P, испытуемый ассоціировалъ съ нимъ D, совершенно не сознавая при этомъ x.

Указывая на эго явленіе, Вундтъ считаетъ нужнымъ допустить, что побочное представленіе x смутно сознается и вызываетъ связанное съ нимъ прежде другое представленіе [1]).

II. Въ своей статьѣ Вундтъ не даетъ прямого разбора тѣхъ обвиненій въ нелѣпостяхъ и противорѣчіяхъ, которыя предъявляли другъ другу Леманъ и Геффдингъ, разбирая гипотезы сходства и смежности, но онъ ясно проводитъ мысль, что въ основныхъ точкахъ зрѣнія обоихъ мыслителей была нѣкоторая неправильность. То, что обыкновенно называется ассоціацией смежности и ассоціацией сходства, является очень сложнымъ процессомъ, въ основѣ котораго лежатъ такіе элементарные процессы, которые не могутъ быть совершенно покрыты ни той, ни другою формой ассоціаціи [2]).

Вундтъ различаетъ двѣ основныя формы ассоціацій—ассоціаціи *одновременныя* (simultanen) и *послѣдовательныя* (successiven). Подъ первыми онъ разумѣетъ всякій ассоціаціонный процессъ, составныя ассоціированныя части котораго образуютъ цѣлое, сознаваемое одновременно; подъ вторыми — всякій ассоціаціонный процессъ, члены котораго сознаются, какъ послѣдовательный рядъ. Устанавливая такое различіе, Вундтъ дѣлаетъ слѣдующее важное замѣчаніе: «Въ дѣйствительности можетъ происходить и, вѣроятно, происходитъ очень часто, что одновременная ассоціація требуетъ для своего возникновенія извѣстнаго времени и слѣдованія во времени. Съ другой стороны, возможно допустить, что связныя представленія при послѣдовательной ассоціаціи выступаютъ въ сознаніи одновременно и только апперципируются послѣдовательно. А такъ какъ мы можемъ опредѣлять теченіе представленій только по времени ихъ апперцепціи, то въ этомъ случаѣ ассоціація можетъ быть названа послѣдовательной (въ только что указанномъ смыслѣ) [3]).

По мнѣнію Вундта, при послѣдовательныхъ ассоціаціяхъ не можетъ быть и рѣчи о существованіи различныхъ «законовъ ассоціаціи», насколько подъ ними разумѣется закономѣрная смѣна явленій, лежащая въ основѣ различныхъ ассоціаціонныхъ явленій. Скорѣе въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ ассоціаціи обнаруживаются тѣ же самые элементарные процессы, которыми опредѣляются и одновременныя ассоціаціи: нѣкоторые элементы нашихъ представленій пробуждаютъ равныя имъ прежнія представленія, а къ нимъ примыкаютъ другія, которыя прежде были съ ними связаны. Вслѣдствіе этого все, нами сознаваемое (отчасти непосредственно, отчасти же опосредствованнымъ способомъ), ста-

---

[1]) Phil. Stud., VII, 361.

[2]) Philosoph. Stud., VII, 332.

[3]) Ibid. 334.

новится въ тѣсную взаимную связь. А если такъ, то надо признать, что всякое представленіе, выступающее въ нашемъ сознаніи, поскольку оно прямо не порождается внѣшними возбужденіями, предполагаетъ участіе ассоціаціонной дѣятельности (auf Associationswirkungen beruht) [1]).

«Но здѣсь,—замѣчаетъ Вундтъ, — поднимается вопросъ: не появляются ли случайно въ сознаніи представленія, не вызванныя ни впечатлѣніями внѣшнихъ чувствъ, ни ассоціаціонными отношеніями? Дѣйствительно, каждый иногда наблюдаетъ, что вдругъ, безъ всякаго замѣтнаго повода, выступаетъ въ сознаніи какой-нибудь фантастическій образъ или воспоминаніе. Гербартъ называлъ это явленіе «свободнымъ восхожденіемъ» представленія и объяснялъ его тѣмъ, что представленіе *v*, возникающее повидимому непосредственно, было задержано другими представленіями—*a* и *b*; но какъ только эти послѣднія, въ свою очередь, были задержаны какимъ-нибудь третьимъ представленіемъ *c*, — представленіе *v* должно само собою выступить въ сознаніи. Прежде всего, всѣ принимаемые здѣсь процессы задержекъ сплошь гипотетичны. Но, кромѣ того, ясно, что все это объясненіе основано на допущеніи вѣчнаго существованія представленій и что оно сейчасъ же само собою падетъ, какъ только мы, отбросивъ это допущеніе, станемъ разсматривать представленія не какъ неизмѣнные объекты, а какъ измѣняемыя *явленія* (als wechselnde Ereignisse)...

Въ силу опыта можетъ произойти, что представленіе *a* ассоціировано съ какимъ нибудь побочнымъ представленіемъ *x*, съ которымъ ассоціировалось также другое представленіе *b*. Если затѣмъ представленіе *b* получитъ господство въ сознаніи, то оно можетъ (повидимому, безъ всякаго посредствующаго члена и, слѣдовательно, помимо воспріятія *x*) снова вызвать *a*. Итакъ, здѣсь *a* выступаетъ въ сознаніи, повидимому, независимо отъ причинъ, лежащихъ въ ассоціаціонныхъ связяхъ...... Этотъ процессъ опосредствованныхъ ассоціацій экспериментальнымъ путемъ можно изслѣдовать точнѣе, чѣмъ путемъ случайныхъ самонаблюденій. Испытуемому предлагаютъ послѣдовательно воспринять (въ зрительныхъ образахъ, при моментальныхъ освѣщеніяхъ поля зрѣнія) рядъ объектовъ *a*, *b*, *c*, *d*, *e*, *f*... Каждый изъ этихъ объектовъ связанъ съ другимъ такимъ образомъ, что для извѣстныхъ членовъ ряда побочныя представленія оказываются одними и тѣми же, напр.: *ax*, *by*, *cz*, *dy*, *eq*, *fx*... Черезъ нѣкоторое время испытуемаго снова заставляютъ воспринять основные члены ряда, причемъ побочные члены отбрасываются, а порядокъ воспріятія, въ сравненіи съ первоначальнымъ, мѣняется, напр.: *d*, *c*, *b*, *a*, *f*... Изслѣдуя, какое представленіе возникаетъ само собою, какъ ассоціація, послѣ появленія того или иного образа, находятъ, что въ громадномъ количествѣ случаевъ, исключающемъ возможность случайности, появляются въ сознаніи такіе объекты даннаго ряда, которые были ассоціированы съ одинаковыми побочными пред-

[1]) Philosoph. Studien, VII. 358.

ставленіями, напримѣръ: вслѣдъ за a—f, какъ ассоціація, вслѣдъ за b—d. Цѣлесообразнѣе всего построить опыты такъ, чтобы главному ряду представленій a, b, c, d и т. д. соотвѣтствовали извѣстные объекты, а побочному ряду представленій x, y, z — произвольные знаки. Такъ, напримѣръ, Скрипчюръ [1]) взялъ для a, b, c... ходячія нѣмецкія слова, а для x, y, z... знаки японскаго письма, которые не были знакомы ни одному изъ испытуемыхъ. При такихъ условіяхъ видимость «свободнаго восхожденія» представленій возникаетъ особенно легко, такъ какъ ничего не обозначающія побочныя представленія только въ рѣдкихъ случаяхъ воспроизводятся отчетливо. Поэтому, на вопросъ, почему съ опредѣленнымъ представленіемъ a онъ ассоціировалъ другое представленіе f, испытуемый обыкновенно не могъ указать никакого основанія: представленіе, повидимому, возникаетъ совершенно случайно. Однако, на основаніи вышесказаннаго, и въ этомъ случаѣ надо признать, что въ сознаніи неясно появлялось (dunkel in das Bewusstsein getreten sei) побочное представленіе x, которое вызвало затѣмъ представленіе f, прежде съ нимъ ассоціированное. Слѣдовательно, это явленіе совершенно равняется обычной ассоціаціи, съ тѣмъ только различіемъ, что одинъ членъ ассоціаціоннаго ряда сознается не ясно, такъ что въ этомъ мѣстѣ рядъ кажется прерваннымъ [2])».

Въ приведенныхъ мнѣніяхъ Вундта нѣтъ прямого отвѣта на вопросъ: не приводитъ ли признаніе чистой ассоціаціи сходства къ нелѣпымъ взглядамъ на представленія и ихъ взаимную связь? Но онъ ясно высказывается противъ гербартіанскаго взгляда на представленія, какъ неизмѣнные объекты, существующіе за порогомъ нашего сознанія и могущіе «свободно восходить» при извѣстныхъ условіяхъ. Онъ требуетъ постоянно помнить, что представленія— измѣняющіяся явленія. На тѣхъ же положеніяхъ, какъ мы знаемъ, усиленно настаивалъ и Леманъ, доказывая въ своей полемикѣ съ Геффдингомъ нелѣпость признанія гипотезы чистой ассоціаціи сходства.

III. По вопросу о томъ, не является ли признаніе гипотезы сходства совершенно безполезнымъ для объясненія явленій ассоціаціи, Вундтъ высказываетъ слѣдующія соображенія:

Ссылаясь на извѣстныя разсужденія Лемана и Геффдинга, Вундтъ признаетъ возможнымъ, видоизмѣняя соотвѣтственнымъ образомъ понятія «непосредственнаго» и «опосредствованнаго», объяснять всякую ассоціацію смежности, какъ не прямую ассоціацію сходства, и всякую ассоціацію сходства, какъ не прямую ассоціацію смежности. Въ зависимости отъ точки зрѣнія психолога, непосредственной ассоціацией называлась то ассоціація сходства (какъ, напр. у Гербарта), то ассоціація смежности (при желаніи понять ассоціацію сходства, какъ опосредствованную ассоціацію, сводимую на ассоціацію смежности). «Однако ясно,—замѣчаетъ при этомъ Вундтъ,—что при такихъ толкованіяхъ, съ чисто-

[1]) Scripture, Philos. Studien, 141. 76.

[2]) Wundt, Philos. Stud. VII, 359 - 361.

теоретической точки зрѣнія, перевѣсъ оказывается на сторонѣ теоріи смежности, такъ какъ, объясняя данную ассоціацію сходства, она совершенно удовлетворяется ссылкой на отношенія смежности, между тѣмъ какъ теорія сходства въ концѣ концовъ всетаки должна сослаться на смежность. Дѣйствительно, теперь споръ между защитниками теоріи сходства и смежности идетъ уже не о томъ, существуетъ ли одна только ассоціація сходства, или одна только ассоціація смежности: представители теоріи сходства готовы признать существованіе ассоціаціи по смежности, но при этомъ они утверждаютъ, что наряду съ ней существуетъ также ассоціація сходства и что, кромѣ того, эта ассоціація содѣйствуетъ образованію ассоціаціи смежности [1])».

Такимъ образомъ первымъ преимуществомъ гипотезы смежности передъ гипотезой сходства является, по мнѣнію Вундта, то, что она даетъ возможность (конечно, иногда при допущеніи гипотетическихъ посредствующихъ членовъ) объяснить всѣ явленія съ *одной* точки зрѣнія.

Желая ближе разъяснить свой взглядъ на отношеніе ассоціаціи сходства къ ассоціаціи смежности, Вундтъ останавливается на анализѣ процесса ассимиляціи. «Если мы,—говоритъ Вундтъ,—воспринимаемъ неправильно напечатанное слово, какъ правильное, то здѣсь прежде всего дѣйствуютъ буквы, соотвѣтствующія правильному образу слова: онѣ вызываютъ совпадающіе съ ними воспроизводимые образы тѣхъ же самыхъ буквъ, а эти образы влекутъ за собою въ сознаніе тѣ образы, которые были съ ними внѣшнимъ образомъ связаны въ прежнихъ воспріятіяхъ и которые, вмѣстѣ съ ними, даютъ правильный образъ слова, такъ что, подъ вліяніемъ этихъ воспроизведенныхъ образовъ вытѣсняются тормозящіе элементы даннаго впечатлѣнія. Если попытаться и къ этимъ одновременнымъ связямъ приложить понятія ассоціацій сходства и смежности, то, безъ сомнѣнія, то, что выше было обозначено, какъ второй актъ ассимиляціи, подходитъ подъ ассоціацію смежности. Напротивъ, сведеніе перваго акта къ ассоціаціи сходства вызываетъ серьезныя сомнѣнія. А именно, поскольку *сходными* называются два объекта, которые въ однихъ признакахъ равны, а въ другихъ различны, трудно понять, какимъ образомъ какое нибудь впечатлѣніе должно непосредственно пробудить воспоминаніе о какомъ нибудь другомъ впечатлѣніи, которое отъ него болѣе или менѣе отличается. Оно всегда можетъ пробудить его лишь настолько, насколько оно ему равно. Но тогда, конечно, вмѣстѣ съ пробужденіемъ этого равнаго, могутъ возобновиться и другіе, неравные элементы, коль скоро въ прежнихъ представленіяхъ они находились во внѣшней связи съ равными элементами. Слѣдовательно, ассоціація сходства, въ собственномъ смыслѣ этого слова, всегда возможна только вслѣдствіе соединенія ассоціаціи равенства съ одной или нѣсколькими ассоціаціями смежности.» Противъ этого можно было бы возразить, что два представленія никогда не

---

[1]) Philosoph. Studien, VII, 331.

бываютъ равны другъ другу, и что поэтому, вмѣсто ассоціаціи равенства, всегда должна была бы являться только ассоціація сходства. На это надо отвѣтить, что въ данномъ случаѣ рѣчь идетъ не объ ассоціаціяхъ цѣлыхъ представленій, но лишь объ ассоціаціяхъ между составными частями представленій. Совершенное равенство между двумя представленіями не можетъ существовать уже потому, что къ каждой ассоціаціи равенства сейчасъ же присоединяются ассоціаціи смежности, которыя, въ зависимости отъ того, какой изъ этихъ факторовъ беретъ перевѣсъ, сообщаютъ порождаемому ими результату форму то ассоціаціи сходства, то ассоціаціи смежности. Слѣдовательно, если мы хотимъ отдать отчетъ въ элементарныхъ процессахъ, лежащихъ въ основѣ ассоціацій, то въ качествѣ таковыхъ процессовъ можно различить только связь равнаго и связаннаго пространственной и временной смежностью... Если въ цѣломъ представленіи, которое разсматриваютъ, какъ результатъ ассоціаціи, на первый планъ сознанія выступаютъ связи равныхъ составныхъ частей, то возникшую ассоціацію называютъ ассоціаціей сходства; напротивъ, если обращаютъ вниманіе только на внѣшнія связи, то говорятъ объ ассоціаціи смежности. Такъ, напримѣръ, мы называемъ ассоціаціей сходства, если портретъ знакомаго человѣка напоминаетъ намъ самого человѣка. Портретъ могъ нѣсколько и отличаться отъ дѣйствительности, но отдѣльныя черты совпадаютъ съ нею и такимъ образомъ вызываютъ воспроизведеніе прежде полученныхъ образовъ нашего знакомаго, побуждая насъ переносить на данный портретъ многія черты, принадлежащія оригиналу, но отсутствующія или измѣненныя въ портретѣ. Это воспроизведеніе составныхъ частей, не данныхъ во внѣшнемъ впечатлѣніи, конечно, есть связь по смежности. Одни изъ этихъ смежныхъ элементовъ дѣйствуютъ ассимилирующимъ образомъ, дѣлая сходство портрета бóльшимъ, чѣмъ оно есть на самомъ дѣлѣ; другіе даютъ намъ возможность сознать различіе: они являются причинами того, что мы вообще отличаемъ образъ отъ дѣйствительности, вслѣдствіе чего данный психическій продуктъ является не одновременной ассимиляціей, а послѣдовательной «ассоціаціей сходства». Напротивъ, если мы слышимъ или читаемъ слова «Азъ есмь Господь»..., то каждый, знающій Десять Заповѣдей, дополнитъ «Богъ твой». Итакъ, въ результатѣ получилась ассоціація смежности. Но первоначальнымъ процессомъ и здѣсь является непосредственно слѣдующая связь равенства. Услышанныя слова вызываютъ равные, прежде слышанные звуки; и только по мѣрѣ того, какъ проявляются дѣйствія смежности, эти звуки могутъ ассимилироваться, какъ согласные съ прежде слышанными... Въ результатѣ надо признать, что существуютъ только двѣ основныя формы связи между элементами представленій, связь равенства и связь смежности,—и что обѣ онѣ должны вмѣстѣ быть на-лицо при каждой дѣйствительной ассоціаціи [1]).

Изъ этого видно, что Вундтъ считаетъ не безполезнымъ признать ассоціа-

[1]) Philosoph. Studien, VII, 340—344.

цію сходства, какъ элементарный психическій процессъ, только въ формѣ ассоціаціи равенства, причемъ не даетъ яснаго отвѣта на естественно возникающій вопросъ: чѣмъ же отличается «равное» ассоціируемое представленіе отъ того, которое послужило исходнымъ пунктомъ ассоціаціи, и почему же именно въ данномъ случаѣ необходимо говорить о *двухъ равныхъ* представленіяхъ, а не объ *одномъ*, неизмѣнно пребывающемъ въ сознаніи, элементѣ, который только мѣняетъ свою роль, въ зависимости отъ общаго состоянія нашего вниманія въ данный моментъ?

IV. Вопросъ, не нарушаетъ ли признаніе ассоціаціи сходства, какъ процесса, не сводимаго на ассоціацію смежности, цѣлостности пониманія психическаго міра въ его отношеніи къ физіологическимъ явленіямъ, принялъ въ концѣ полемики Геффдинга съ Леманомъ нѣсколько иную форму, чѣмъ онъ имѣлъ въ ея началѣ. Въ началѣ полемики Леманъ, ссылаясь на разсужденіе Риля, указывалъ, что признаніе ассоціаціи сходства, какъ процесса, не сводимаго къ ассоціаціи смежности, предполагаетъ увѣренность, что нѣкоторыя изъ явленій ассоціаціи не могутъ быть объяснены посредствомъ физіологическихъ законовъ. Геффдингъ, въ отвѣтъ на это, развилъ свою физіологическую гипотезу ассоціаціи сходства, отмѣтивъ въ то же время, что обѣ спорныя формы ассоціаціи (смежности и сходства) могутъ быть сведены къ одной основной ассоціаціи между частью и цѣлымъ. Такимъ образомъ, въ дальнѣйшемъ своемъ развитіи, полемика Лемана съ Геффдингомъ по данному вопросу свелась къ разъясненію того, насколько выдерживаетъ критику физіологическая гипотеза, построенная Геффдингомъ для объясненія ассоціаціи сходства. Приэтомъ главнымъ спорнымъ пунктомъ былъ вопросъ: что служитъ психическимъ коррелатомъ той «легкости» воспроизведенія, которая характеризуетъ «знакомое»? Леманъ видѣлъ этотъ коррелатъ въ чувственномъ тонѣ ощущенія, хотя и сомнѣвался въ томъ, чтобы при помощи этого коррелата совершалось узнаваніе. Вундтъ, какъ было уже сказано, въ этомъ пунктѣ отчасти примыкаетъ къ Леману, полагая, что «качество знакомости» выражается въ своеобразномъ чувствѣ— Erkennungsgefühl,—въ основѣ котораго лежатъ смутно сознаваемыя побочныя представленія [1]).

Вслѣдъ за статьей Вундта «Bemerkungen zur Associationslehre», въ «Philosophische Studien» появилась небольшая статья Геффдинга, «Zur Theorie des Wiedererkennens» (Philosop. Studien, VIII, 86—96), въ которой онъ отвѣчалъ на послѣднія возраженія Лемана и замѣчанія Вундта.

I. Подводя итоги своей полемики съ Леманомъ по вопросу о томъ, не противорѣчитъ ли признаніе чистой ассоціаціи сходства опыту, Геффдингъ считаетъ для себя уже большимъ успѣхомъ то, что Леманъ признаетъ самый фактъ существованія такихъ случаевъ, когда лицо, узнающее данное впечатлѣніе, не

---

[1]) Philos. Studien VII, 345.

сознаетъ при этомъ никакихъ побочныхъ, связанныхъ съ даннымъ впечатлѣніемъ представленій [1]). Такихъ случаевъ, при опытахъ самого Лемана съ узнаваніемъ запаховъ, было 7% (Philosoph. Stud., VII, 120). Правда, Леманъ старается объяснить эти случаи вліяніемъ «темныхъ» или «безсознательныхъ» представленій, которыя при извѣстныхъ условіяхъ могутъ нами и сознаваться. Но Геффдингъ думаетъ, что, въ теоретическомъ отношеніи, выше стоитъ та теорія, которая объясняетъ подобнаго рода случаи безъ допущенія этихъ гипотетическихъ «безсознательныхъ» представленій. Примѣръ, которымъ пользуется Леманъ для доказательства, что при такъ называемомъ «непосредственномъ» узнаваніи имѣютъ большое значеніе ассоціаціи по смежности, кажется Геффдингу не убѣдительнымъ. Одинъ изъ испытуемыхъ Лемана призналъ знакомымъ данный ему запахъ сивушнаго масла, но долго не могъ опредѣлить его. «Вспомните-ка гимназическій классъ № 10!» сказалъ экспериментаторъ, знавшій, что въ этомъ классѣ, хорошо извѣстномъ испытуемому, находится шкафъ съ зоологическими препаратами, издававшими сильный запахъ сивушнаго масла. «Да это—запахъ спиртовыхъ препаратовъ»! — сейчасъ же воскликнулъ испытуемый. — «Меня очень удивляетъ—говоритъ Геффдингъ по поводу этого примѣра, что въ подобнаго рода случаѣ можно видѣть доказательство существованія представленій, дѣйствующихъ подъ порогомъ сознанія. Такимъ способомъ можно было бы доказать существованіе «подъ порогомъ сознанія» очень многихъ представленій, а именно всѣхъ тѣхъ, которыя можно было бы вызвать у человѣка вопросомъ и возбужденіемъ воспоминаній. Вѣдь всегда можно построить слѣдующее заключеніе: «они должны были существовать подъ порогомъ сознанія, такъ какъ иначе они не могли бы явиться» [2]). По мнѣнію Геффдинга, явленіе, на которое въ данномъ случаѣ указываетъ Леманъ, слѣдуетъ объяснить такъ: испытуемый узналъ запахъ, но не могъ вспомнить его имени; тогда экспериментаторъ вызываетъ въ его сознаніи представленіе классной комнаты, характерной чертой которой былъ именно этотъ самый запахъ; а это представленіе (въ составъ котораго входятъ также зрительные образы препаратовъ, стклянокъ и т. д.) очень легко вызываетъ имя. «Но изъ этого, — замѣчаетъ Геффдингъ, — еще нельзя заключать, что это имя *уже раньше* обнаруживало свое вліяніе въ формѣ чего то безсознательнаго. Мнѣ кажется гораздо болѣе правильнымъ обратный выводъ, что необходимымъ условіемъ для вызова представленія имени какого нибудь запаха у не-химиковъ и не-аптекарей является зрительное представленіе соотвѣтствующаго вещества [3]).

Сравнивая мнѣнія Лемана и Вундта по вопросу о томъ, какъ понимать психическое явленіе, отмѣченное именемъ «Bekanntheitsqualität», Геффдингъ находитъ между ними существенную разницу. «Оба изслѣдователя,—говоритъ

[1]) Philos. Stud., VIII, 88.
[2]) Philos. Stud., VIII, 91.
[3]) Philosoph. Studien, VIII, 91—92.

онъ,—приписываютъ въ этомъ случаѣ чувству совсѣмъ не одинаковую роль. По Вундту, качество знакомости (Bekanntheitsqualität) состоитъ именно въ чувствѣ, вызванномъ темными побочными представленіями (Philos. Stud., VII, 352). Леманъ же положительно отрицаетъ, что качество знакомости можетъ быть чувствомъ (Phil. Stud., VII, 191). Чувство, которое допускаетъ этотъ изслѣдователь при узнаваніи, должно соотвѣтствовать «психическому коррелату предрасположенія мозговыхъ движеній» или, точнѣе, «большей легкости повтореннаго движенія» (стр. 183). Леманъ ссылается на свои опыты съ узнаваніемъ запаховъ. Воспріятіе запаховъ сопровождалось такимъ сильнымъ чувственнымъ тономъ, что немыслимо предположить, будто «качество знакомости» могло состоять въ его усиленіи или ослабленіи. Кромѣ того, этотъ чувственный тонъ замѣтно измѣнялся въ своей силѣ въ зависимости отъ силы вдыханія (Philos. Stud., VII, 191). Свою точку зрѣнія Геффдингъ считаетъ болѣе близкой взгляду Лемана, чѣмъ Вундта: «Если у насъ является чувство удовольствія при всякомъ узнаваніи, какъ таковомъ (при отсутствіи особенныхъ причинъ для неудовольствія), то это объясняется вліяніемъ упражненія. Наличность этого чувства удовольствія я уже отмѣтилъ въ моемъ описаніи. Только я не думаю, что качество знакомости состоитъ не въ чемъ иномъ, какъ только въ этомъ чувствѣ, и Леманъ также этого не думаетъ» [1]).

II. На всѣ возраженія, что признаніе чистой ассоціаціи сходства приводитъ къ нелѣпымъ взглядамъ на представленія и ихъ взаимную связь, Геффдингъ еще разъ напоминаетъ, что выставленная имъ формула ассоціаціи сходства $\left(\begin{smallmatrix}a\\A\end{smallmatrix}\right)$ должна обозначать, съ одной стороны, что при непосредственномъ узнаваніи дѣйствуетъ то же самое, что при другихъ отношеніяхъ сдѣлало бы возможнымъ свободное воспроизведеніе, и, съ другой, что оно сродно съ ощущеніемъ (A), поскольку предполагается наличность чувственнаго впечатлѣнія. «Я,—говоритъ Геффдингъ, не держусь того мнѣнія (которое мнѣ повидимому приписываетъ В. Джемсъ, Princ. of Psychology, I, 674), что (при непосредственномъ узнаваніи) всегда должны происходить два особыхъ процесса (изъ которыхъ одинъ соотвѣтствуетъ A, а другой a), смѣшивающихся впослѣдствіи. Возможно, что *иногда* это происходитъ. Но своею формулой я только желаю выразить, что то, что при непосредственномъ узнаваніи представляется сознанію единымъ нераздѣльнымъ качествомъ, единымъ безраздѣльнымъ цѣлымъ (что и обозначается скобками), всетаки требуетъ для своего возникновенія двухъ особыхъ условій, а именно не только чувственнаго впечатлѣнія (A), но и нѣкотораго предрасположенія, такъ сказать потенціальности представленія, могущаго перейти при другихъ обстоятельствахъ въ свободное представленіе» [2]).

III. По вопросу о томъ, не является ли признаніе гипотезы сходства

---

[1]) Philos. Stud., VIII, 94.

[2]) Philos. Stud., VIII, 90.

совершенно безполезнымъ для объясненія явленій ассоціаціи, Геффдингъ дѣлаетъ слѣдующія замѣчанія, вызванныя послѣдними статьями Лемана и Вундта.

«Докторъ Леманъ,—говоритъ Геффдингъ—возражая мнѣ, апеллируетъ къ принципу, по которому неизвѣстное должно быть объяснено при помощи уже извѣстнаго. Изъ того, что свободная ассоціація представленій, встрѣчавшихся прежде вмѣстѣ, есть общеизвѣстный фактъ, онъ выводитъ, что ее слѣдуетъ положить въ основу теоріи непосредственнаго узнаванія. Я не вижу въ этомъ необходимости, такъ какъ надо еще доказать, что неизвѣстное сводится именно къ этому опредѣленно извѣстному. Кромѣ того, нужно замѣтить, что я признаю фактомъ упомянутую ассоціацію (ассоціацію по «смежности»), но фактомъ, далеко не такимъ простымъ, какъ это думаетъ Леманъ (см. мою статью въ «Vierteljahrschrift» XIV, стр. 40—49). Мнѣ кажется, что я тоже перехожу отъ извѣстнаго къ неизвѣстному, сравнивая ощущеніе съ непосредственнымъ узнаваніемъ и объясняя различіе вліяніемъ упражненія» [1]).

По поводу взгляда Вундта, признавшаго возможнымъ разложить сходство на тожество и различіе, Геффдингъ (безъ дальнѣйшихъ поясненій) замѣчаетъ, что, съ его точки зрѣнія, есть случаи, когда нельзя произвести подобнаго разложенія [2]).

Итоги полемики Лемана и Геффдинга.

Однимъ изъ самыхъ сильныхъ возраженій Геффдинга Леману было указаніе на то, что психологи, стремящіеся свести ассоціацію сходства на смежность, игнорируютъ факты непосредственнаго узнаванія, о которыхъ намъ свидѣтельствуетъ *самонаблюденіе.* Леманъ, въ свою очередь, пытался доказать, что данныя самонаблюденія, приводимыя Геффдингомъ, понимаются имъ неправильно и, въ его толкованіи, противорѣчатъ другимъ показаніямъ самонаблюденія.

На сколько же оба автора, отстаивая свои точки зрѣнія, оставались вѣрными принципу—строго согласовать свои теоріи съ данными самонаблюденія?

Мы видѣли, что Леманъ не считаетъ возможнымъ ограничиваться, при объясненіи психическихъ явленій, однимъ только самонаблюденіемъ. Онъ указываетъ на то, что такъ называемое «непосредственное» узнаваніе, о которомъ намъ свидѣтельствуетъ опытъ, можетъ быть объясняемо вліяніемъ ассоціацій, дѣйствующихъ подъ порогомъ сознанія. Но Геффдингъ рѣшительно осуждаетъ такой пріемъ объясненія, находя принятіе «безсознательныхъ представленій» излишней гипотезой. Слѣдовательно, оба автора находятся не въ одинаковомъ

---

[1]) Philos. Stud., VIII, 90.
[2]) Philos, Stud., VIII, 96.

положеніи къ вопросу о значеніи самонаблюденія: точка зрѣнія Геффдинга, строго говоря, требуетъ постоянной ссылки на самонаблюденія, а Леманъ останется вѣрнымъ своей точкѣ зрѣнія и тогда, когда ему удается показать, что данныя самонаблюденія лишь не противорѣчатъ его теоріи.

Конечно, въ этомъ случаѣ позиція Лемана была болѣе удобна для полемики, и Геффдингу не удалось привести ни одного факта изъ области самонаблюденія, съ которымъ не справился бы его противникъ. И это вполнѣ понятно. Признавая наличность всѣхъ данныхъ самонаблюденія, на которыя указывалъ Геффдингъ, Леманъ только предполагалъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ связь этихъ данныхъ съ другими процессами, стоящими внѣ сферы самонаблюденія.

Но удалось ли Геффдингу, въ своей полемикѣ съ Леманомъ, все время оставаться на почвѣ самонаблюденія?

Выясняя значеніе ассоціаціи сходства для ассоціаціи смежности, Геффдингъ указывалъ на то, что въ формулѣ смежности

$$A + b$$

переходъ отъ A къ b возможенъ только вслѣдствіе узнаванія A, совершаемаго при помощи ассоціаціи сходства $(A + [a_1 + a_2 + ... + a_2])$. Но спрашивается: какимъ путемъ устанавливается это положеніе? Развѣ самонаблюденіе (особенно при быстро возникающихъ, мимолетныхъ ассоціаціяхъ смежности) всегда свидѣтельствуетъ намъ о предварительномъ узнаваніи исходнаго пункта ассоціаціи? Самонаблюденіе во многихъ случаяхъ подобнаго рода молчитъ и, желая отстаивать указанное положеніе въ его общемъ значеніи, поневолѣ приходится, исходя изъ нѣкоторыхъ наиболѣе опредѣленныхъ явленій, заключать къ другимъ по аналогіи. Это обстоятельство хорошо подмѣтилъ Леманъ, упрекая Геффдинга въ томъ, что онъ въ данномъ случаѣ смѣшалъ психологическую точку зрѣнія съ физіологической, т. е., говоря другими словами, покинулъ почву строгаго самонаблюденія.

Возражая Леману по поводу его опытовъ съ узнаваніемъ запаховъ, Геффдингъ замѣчаетъ, что его заключеніе, будто непосредственное узнаваніе не всегда дается одновременно съ воспріятіемъ, неправильно, такъ какъ, если испытуемый говоритъ, что онъ «еще не узнаетъ» даннаго запаха, то отсюда не слѣдуетъ, будто онъ его дѣйствительно не узналъ: здѣсь *было* «непосредственное» узнаваніе, только безъ припоминанія имени.

Разсматриваемое съ своей фактической стороны, это возраженіе невольно вызываетъ вопросъ: почему, отстаивая исключительную важность свидѣтельства самонаблюденія и основывая, повидимому, только на немъ признаніе самаго факта непосредственнаго узнаванія, подвергать еще особымъ, дополнительнымъ истолкованіямъ свидѣтельства, основанныя на самонаблюденіяхъ испытуемыхъ Лемана? Вѣдь эти свидѣтельства особенно цѣнны въ томъ отношеніи, что тѣ же лица, которыя въ нѣкоторыхъ случаяхъ не сразу узнавали данный имъ запахъ, въ другихъ, многочисленныхъ случаяхъ узнавали данныя

имъ обонятельныя ощущенія сразу, причемъ ихъ имена не всегда припоминались, а въ 7% всѣхъ случаевъ не было воспроизведено даже никакихъ опредѣленій («непосредственное узнаваніе»). Въ этихъ фактахъ нѣтъ ровно ничего, что могло бы заставить насъ подозрѣвать ихъ достовѣрность; въ нихъ нѣтъ ни малѣйшаго вліянія предвзятости (вспомнимъ, что даже самъ Геффдингъ выражаетъ удивленіе по поводу результатовъ этихъ опытовъ, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ очень благопріятныхъ, по его мнѣнію, его теоріи). Очевидно, лица, участвовавшія въ опытахъ Лемана, своими отвѣтами только добросовѣстно отмѣчали результаты своего самонаблюденія. Почему же въ данномъ случаѣ Геффдингъ не хочетъ ограничиться только тѣмъ, что даетъ самонаблюденіе, а считаетъ необходимымъ допустить, что здѣсь всетаки еще непремѣнно было не подмѣченное (или не отмѣченное) «непосредственное узнаваніе»? Не есть ли это своего рода предвзятость, выходящая за предѣлы области строгаго самонаблюденія?

Этихъ примѣровъ достаточно для того, чтобы признать, что Леманъ и Геффдингъ, споря другъ съ другомъ о взаимномъ отношеніи ассоціацій сходства и смежности, оба не оставались все время на почвѣ строгаго самонаблюденія, но допускали также нѣкоторыя положенія, не подтверждаемыя его прямыми данными. Но, можетъ быть, въ самомъ характерѣ фактовъ, предполагаемыхъ двумя этими психологами, есть настолько существенная разница, что нѣкоторые изъ нихъ надо отвергнуть прямо уже потому, что они противорѣчатъ всему строю нашихъ научныхъ знаній? Этотъ вопросъ можно разъяснить на одномъ очень характерномъ примѣрѣ.

Леманъ, доказывая, что гипотеза сходства заключаетъ въ себѣ логическую несообразность, воспользовался между прочимъ анализомъ формулы узнаванія

$$A+(a_1+a_2+\ldots+a_n),$$

гдѣ качественное измѣненіе (узнаваніе) объясняется измѣненіями количественнаго характера $(a_1+a_2+\ldots+a_n)$. Въ отвѣтъ на это, Геффдингъ разъяснилъ, что, предполагая при всякомъ непосредственномъ узнаваніи ассоціацію сходства, онъ хотѣлъ лишь выразить слѣдующее: то, что при непосредственномъ узнаваніи представляется сознанію единымъ нераздѣльнымъ качествомъ, всетаки требуетъ для своего возникновенія двухъ особыхъ условій—чувственнаго впечатлѣнія A и предрасположенія, могущаго перейти при другихъ обстоятельствахъ въ свободное представленіе. Отсюда наиболѣе соотвѣтствующей своему взгляду формулой узнаванія Геффдингъ признавалъ слѣдующую

$$(\overset{a}{A}).$$

Съ этимъ объясненіемъ Геффдинга интересно сопоставить его же собственное возраженіе Леману, пытавшемуся доказать, при помощи своихъ опытовъ съ узнаваніемъ запаховъ, участіе въ процессѣ непосредственнаго узна-

ванія ассоціацій, находящихся ниже порога сознанія. Леманъ описываетъ два случая такъ называемаго «непосредственнаго» узнаванія запаховъ, когда экспериментатору удалось своимъ вопросомъ превратить это «непосредственное» узнаваніе въ «узнаваніе съ обстоятельствами», вызвавъ, при помощи вопроса, въ сознаніи испытуемаго соотвѣтствующія представленія. Геффдингъ сильно возражалъ противъ допущенія въ данномъ случаѣ гипотетическихъ «безсознательныхъ» представленій. Онъ замѣчалъ, что подобнаго рода способомъ возможно было бы доказать существованіе «подъ порогомъ сознанія» всѣхъ представленій, которыя можно было бы вызвать у человѣка вопросомъ и возбужденіемъ воспоминаній, такъ какъ всегда можно построить заключеніе: «они должны были существовать подъ порогомъ сознанія, потому что иначе они не могли бы явиться».

Но развѣ нельзя направить всѣхъ этихъ возраженій противъ гипотезы самого Геффдинга? Развѣ въ его формулѣ непосредственнаго узнаванія $\left(\frac{a}{A}\right)$ не скрывается гипотетическаго «безсознательнаго» представленія a? И развѣ, съ другой стороны, въ разсужденіи Лемана объ ассоціаціяхъ, дѣйствующихъ подъ порогомъ сознанія при актѣ непосредственнаго узнаванія, не заключается прежде всего указанія на то, что необходимыми условіями даннаго акта являются чувственное впечатлѣніе и предрасположеніе, могущее перейти при другихъ обстоятельствахъ въ свободное представленіе?

На всѣ эти вопросы надо отвѣтить утвердительно, а, вмѣстѣ съ тѣмъ, надо признать, что въ самой природѣ психическихъ фактовъ, прямо предполагаемыхъ гипотезами Геффдинга и Лемана, нѣтъ существенной разницы.

Впрочемъ, оба эти психолога, споря другъ съ другомъ, старались доказать, что противная точка зрѣнія основана на нѣкоторыхъ предвзятыхъ и нелѣпыхъ психологическихъ воззрѣніяхъ: Леманъ обвинялъ представителей теоріи сходства въ пониманіи представленій, какъ чего то объективно неизмѣннаго, а Геффдингъ видѣлъ въ ученіи представителей теоріи смежности признаки старой теоріи абстракціи.

Слабость обвиненія, выставленнаго въ данномъ случаѣ Геффдингомъ, настолько очевидна, что Леманъ даже не счелъ нужнымъ серьезно съ нимъ считаться. Въ самомъ дѣлѣ, припомнимъ соображенія Геффдинга. Онъ указывалъ на то, что если, напр., признать, что листъ бумаги напоминаетъ листъ дерева вслѣдствіе своей тонкости, представленіе о которой является такимъ образомъ промежуточнымъ звеномъ (tertium comparationis) между этими двумя представленіями (бумаги и листа), и если вмѣстѣ съ тѣмъ принять, что въ данномъ случаѣ мы имѣемъ дѣло съ ассоціаціей смежности, то придется допустить въ нашемъ сознаніи переходъ отъ представленія бумаги къ представленію листа посредствомъ свободнаго представленія «тонкости», и при томъ не тонкости бумаги или листа, а «тонкости вообще», въ смыслѣ старой те-

оріи абстракціи. Въ этомъ переходѣ отъ признанія нѣкоторыхъ частей даннаго сложнаго представленія исходнымъ пунктомъ для воспроизведенія нѣкоторыхъ другихъ частичныхъ представленій, ассоціированныхъ съ нимъ по смежности, къ необходимости возобновить старую теорію абстракціи — чувствуется несомнѣнный логическій скачекъ. Предположимъ, что представленіе $A(=a+b+ +c+d)$ вызываетъ въ моемъ сознаніи сходное представленіе $B(=a+e+ +f+m)$. Объясняя это явленіе, я указываю на значеніе элемента a и на связь его (по смежности) съ элементами b и e. Грубо схематизируя такое объясненіе, можно, конечно, сказать, что весь данный процессъ «ассоціаціи по сходству», въ сущности, сводится къ тремъ главнымъ моментамъ:

1) Сознаніе представленія A, какъ исходнаго пункта ассоціаціи,

2) направленіе вниманія на a и

3) сознаніе B, какъ представленія, сходнаго съ A.

Если, безъ дальнѣйшаго размышленія, остановиться на этой схемѣ, то, пожалуй, во второмъ моментѣ и можно подмѣтить слѣды старой абстракціонной теоріи (a, какъ нѣчто сознаваемое само по себѣ, независимо отъ A и B!). Но, не нарушая основъ той же самой схемы, вполнѣ возможно придать ей видъ, наиболѣе соотвѣтствующій самонаблюденію и совершенно далекій отъ той теоріи абстракціи, противъ которой успѣшно боролся еще Берклн. Для этого нужно только во второмъ изъ указанныхъ моментовъ различить еще, по крайней мѣрѣ, два момента:

1) направленіе вниманія на a, какъ элементъ представленія A, и

2) направленіе вниманія на a, какъ элементъ представленія B.

Между этими двумя моментами возможно (иногда довольно отчетливо) отмѣтить еще третій моментъ: направленіе вниманія на a, какъ элементъ, связанный отчасти съ нѣкоторыми элементами представленія A $(b+c+d)$, отчасти же съ нѣкоторыми элементами представленія B $(e+f+m)$. Тогда мы получимъ приблизительно такую схему:

1) $A(=a+b+c+d)$

2) $a+b+c...$

или

$a+b...$

3) $a+\begin{cases} b...+d \\ e... \end{cases}$

или

$a+\begin{cases} b... \\ e+f... \end{cases}$

или

$a+\begin{cases} b+c+... \\ e+...m \end{cases}$

4) $a+e+f+m(=B)$.

Въ этой схемѣ a, являясь переходнымъ пунктомъ отъ A къ B, въ то же время ни въ одинъ моментъ не представляется чѣмъ нибудь совершенно изолированнымъ въ сознаніи отъ элементовъ, входящихъ въ составъ этихъ двухъ представленій (A и B). А, слѣдовательно, въ данномъ случаѣ нѣтъ основаній и для упрека въ желаніи возобновить старую теорію абстракціи.

Посмотримъ теперь, насколько справедливы обвиненія Лемана утверждавшаго, что теорія Геффдинга предполагаетъ нелѣпый взглядъ на представленія, какъ что то объективно неизмѣнное.

Леманъ указывалъ, что, пытаясь объяснять ассоціацію по смежности при помощи ассоціаціи сходства и предполагая, что A воспроизводитъ b лишь при помощи промежуточнаго a_1 (такъ какъ именно оно, а не данное A, когда то было ассоціировано съ b), Геффдингъ, очевидно, признаетъ въ данномъ случаѣ, что прежде полученное представленіе a_1 есть нѣчто объективно неизмѣнное, въ томъ смыслѣ, какъ понималъ неизмѣнность представленій Гербартъ. Мы знаемъ, что Геффдингъ, въ отвѣтъ на это, настойчиво указывалъ, что психическій элементъ имѣетъ свою параллель не въ матеріальныхъ атомахъ, а въ матеріальныхъ процессахъ, и что, помимо всякаго признанія объективной неизмѣнности представленій, необходимо всетаки помнить, что A только тогда вызоветъ представленіе b, связанное по смежности съ a, когда въ нашемъ сознаніи произойдетъ отожествленіе A и a или, иначе говоря,— непосредственное узнаваніе A, выражаемое формулой

$$(\overset{a}{A}).$$

Спрашивается теперь: возможно ли допустить эту формулу $(\overset{a}{A})$, не принимая въ то же время теоріи объективно неизмѣнныхъ и вѣчно пребывающихъ въ нашей душѣ, хотя часто и не сознаваемыхъ нами, представленій? Конечно, надо согласиться, что эта формула подаетъ очень соблазнительный поводъ къ принятію осужденной Леманомъ теоріи, но является ли дѣйствительно эта теорія ея *логически необходимой* предпосылкой?

Развивая, въ отвѣтъ на возраженія Лемана, свою теорію сходства, Геффдингъ удѣлилъ достаточно вниманія разъясненію ея физіологическихъ основъ, причемъ старался установить, что представленіямъ, которыя въ сознаніи являются сходными, соотвѣтствуютъ одинаковыя мозговыя возбужденія. Онъ указывалъ на то, что возбужденіе, однажды пережитое нашимъ мозгомъ, при повтореніи возникаетъ съ большей легкостью, такъ какъ мозгъ уже обладаетъ извѣстнымъ «предрасположеніемъ» возбуждаться въ данномъ направленіи, и что, слѣдовательно, при данныхъ условіяхъ, обезпечивающихъ большую ясность или легкость сознанія (вторичнаго) A, является также возможнымъ и болѣе легкое воспроизведеніе («свободнаго») a. Иначе говоря, Геффдингъ своею формулой $A+(a_1+a_2+a_3...+a_n)+b$ хотѣлъ только указать, что, объясняя данное состояніе сознанія, необходимо принять во вниманіе и то вліяніе, которое

(въ смыслѣ извѣстнаго рода «предрасположеній», не отрицаемыхъ и теоріей смежности) оказалъ на него предшествующій опытъ, причемъ въ высшей степени важно имѣть въ виду прежнія состоянія сознанія, элементы которыхъ были сродны съ элементами наличнаго состоянія сознанія. Очевидно, что отъ такого положенія еще очень далеко до признанія представленій, какъ объективно неизмѣнныхъ величинъ.

Итакъ, мы видимъ, что

1) Леманъ и Геффдингъ, споря другъ съ другомъ, оба не оставались на строгой почвѣ самонаблюденія, а прибѣгали къ допущенію нѣкоторыхъ гипотетическихъ фактовъ съ цѣлью объясненія данныхъ непосредственнаго сознанія,

2) Предполагаемые ими въ данномъ случаѣ факты, разсматриваемые сами по себѣ, являются однородными («предрасположеніями», понимаемыми отчасти въ физіологическомъ, отчасти въ психологическомъ смыслѣ) и

3) Точки зрѣнія Лемана и Геффдинга логически не связаны съ какой нибудь предвзятой нелѣпой психологичесокй теоріей.

Къ этому слѣдуетъ еще прибавить, что изъ спора Лемана съ Геффдингомъ достаточно выяснилось желаніе обоихъ авторовъ обезпечить цѣлостность пониманія душевной жизни и открыть какой нибудь единый законъ, управляющій ассоціаціонными процессами: Леманъ признаетъ такимъ закономъ *смежность*, а Геффдингъ—*ассоціацію между частью и цѣлымъ*. При этомъ какъ тотъ, такъ и другой авторъ стремятся къ установкѣ опредѣленнаго соотвѣтствія между психологической и физіологической точкой зрѣнія на факты душевной жизни.

Въ чемъ же заключается коренное различіе между теоріями Лемана и Геффдинга? Въ какихъ именно пунктахъ онѣ оказываются непримиримыми? И отъ чего зависитъ эта непримиримость?

Эти вопросы можно въ значительной степени выяснить, обратившись къ оцѣнкѣ методологическаго значенія обѣихъ гипотезъ.

Конечно, всякая гипотеза должна доказать свое право на существованіе, свою полезность. Въ этомъ отношеніи гипотеза ассоціаціи смежности стоитъ внѣ сомнѣній, такъ какъ даже защитники «ассоціаціи сходства» всетаки считаютъ необходимымъ, наряду со сходствомъ, признавать и смежность, какъ особый видъ ассоціаціи, Но необходимо ли признать для объясненія ассоціаціонныхъ явленій, кромѣ смежности, еще особый законъ ассоціаціи сходства? Леманъ доказывалъ полную возможность объяснить всѣ случаи «воспроизведенія по сходству», какъ частные случаи «воспроизведенія по смежности». Геффдингъ находилъ, что нельзя всѣхъ случаевъ сходства свести на смежность, и что поэтому признаніе особой «ассоціаціи сходства» необходимо.

Разберемъ аргументы Геффдинга.

Возражая Леману, Геффдингъ отмѣчаетъ четыре возможныхъ способа сведенія сходства на смежность:

1) Сходныя представленія A_1 и A_2 имѣютъ тожественный элементъ p. Формула:

$$\overbrace{m+n+}^{A_1}\underbrace{p+y+x}_{A_5}$$

2) Сходныя представленія A_1 и A_3 заключаютъ въ себѣ элементы p_1 и p_2, связанные другъ съ другомъ рядомъ промежуточныхъ ассоціацій по смежности.

Формула: $\underbrace{x+p_1}_{A_1}+p_n+p_m+\ldots+p_q+\underbrace{p_2+y}_{A_2}$

3) Сходныя представленія A_1 и A_2 ассоціированы по смежности съ однимъ именемъ n. Формула: A_1+n+A_2.

4) Сходство представленій A_8 и A_2 является результатомъ сравненія представленій, одновременно и послѣдовательно сознаваемыхъ нами.

Изъ всѣхъ возраженій Геффдинга, направленныхъ противъ этихъ четырехъ способовъ, самыми сильными слѣдуетъ признать тѣ, которыя направлены противъ послѣдняго изъ нихъ. Конечно, всякое *сравненіе* предполагаетъ *сходство*, и въ этомъ смыслѣ Геффдингу не трудно было доказать тавтологію, заключенную въ послѣднемъ изъ отмѣченныхъ имъ пріемовъ сведенія ассоціаціи сходства на смежность. Но обратимся къ разбору первыхъ трехъ формулъ.

Геффдингъ совершенно справедливо указываетъ, что каждая изъ этихъ формулъ не можетъ объяснить *всѣхъ* случаевъ ассоціаціи сходства. Но вѣдь ничто не обязываетъ представителей теоріи смежности всегда придерживаться въ своихъ объясненіяхъ явленій сходства какой нибудь *одной* изъ этихъ формулъ. Вѣдь онѣ логически не исключаютъ одна другую. И легко показать, что примѣры, приводимые Геффдингомъ противъ одной изъ этихъ формулъ, прекрасно могутъ быть сведены къ другимъ.

Возражая противъ первой формулы, Геффдингъ говоритъ:

«Желтое и оранжевое или различные оттѣнки краснаго не имѣютъ никакого общаго элемента и всетаки напоминаютъ другъ друга. (*Примѣръ первый*). Если Гомеръ сравниваетъ видъ блестящаго оружія греческихъ воиновъ съ видомъ отдаленнаго лѣсного пожара, то всетаки металлическій блескъ и пламя—цвѣта различнаго качества, и фантазія поэта должна сдѣлать скачекъ, переходя отъ одного къ другому. (*Примѣръ второй*). Если портретъ напоминаетъ мнѣ изображеннаго на немъ человѣка, то эта ассоціація можетъ происходить даже тогда, когда оттѣнки цвѣта на портретѣ — не совсѣмъ такіе же, какъ въ дѣйствительности. (*Примѣръ третій*). Если въ англійскомъ языкѣ бабочка называется «butterfly» или одинъ цвѣтокъ называется по-датски «Smörblomst» (масляный цвѣтокъ), то, конечно, между масломъ и желтымъ на-

сѣкомымъ, давшимъ имя цѣлой группѣ, или желтымъ цвѣткомъ существуетъ, только сходство качествъ, а не психологическое тожество ихъ (*Примѣръ четвертый*).

Первый изъ этихъ примѣровъ легко можно свести къ формулѣ: $\underbrace{x + p_1}_{A_1} + p_n + p_m + \dots + p_q + \underbrace{p_2 + y}_{A_2}$.

Воспріятіе желтаго цвѣта (p_1), сознаваемаго при извѣстныхъ обстоятельствахъ (x), вызываетъ въ сознаніи ощущеніе оранжеваго цвѣта (p_2), полученнаго при другихъ обстоятельствахъ (y). Но желтый и оранжевый цвѣтъ связываются между собою (въ предшествующемъ опытѣ) рядомъ промежуточныхъ оттѣнковъ (p_n, $p_m \dots p_q$): одна и та же поверхность, подъ вліяніемъ измѣненій въ освѣщеніи, нерѣдко принимаетъ различные оттѣнки цвѣтовъ, естественно вступающіе между собою въ ассоціацію по смежности; въ спектрѣ мы воспринимаемъ рядомъ «сходные» оттѣнки; при длительномъ воспріятіи однихъ и тѣхъ же цвѣтовъ нашъ зрительный аппаратъ утомляется и нашему сознанію, при дѣйствіи одного и того же раздражителя, представляется рядъ не тожественныхъ, но «сходныхъ» оттѣнковъ, ассоціирующихся другъ съ другомъ по смежности; то же самое еще въ большей степени сказывается при сравненіи цвѣтовыхъ воспріятій съ тѣми образами, которые остаются непосредственно послѣ нихъ въ сознаніи (Nachbilder).

Второй примѣръ отчасти можетъ быть объясненъ аналогично первому, по второй формулѣ $(\underbrace{x + p_1}_{A_1} + p_n + p_m + \dots + p_q + \underbrace{p_2 + y}_{A_2})$. Въ данномъ случаѣ членами p_1 и p_2 явятся цвѣта пламени и оружія. Но, кромѣ того, здѣсь есть еще и нѣкоторый общій элементъ p, дающій возможность подвести этотъ примѣръ подъ формулу:

$\overbrace{m + n + p}^{A_1} \underbrace{+ y + x}_{A_2}$. Этотъ общій элементъ—*чувство*, вызываемое у насъ блескомъ (оружія или отдаленнаго огня).

Примѣръ третій, очевидно, легко разрѣшается въ формулу вторую $(\underbrace{x + p_1}_{A_1} + p_n + p_m + \dots + p_q + \underbrace{p_2 + y}_{A_2})$, подобно первому примѣру, приведенному Геффдингомъ.

Четвертый примѣръ—самый сложный и, объясняя его съ точки зрѣнія смежности, приходится пользоваться отчасти формулой второй (переходъ отъ цвѣта насѣкомаго или цвѣтка къ цвѣту масла, или переходъ отъ качествъ одного насѣкомаго къ качествамъ другихъ, «сходныхъ» съ нимъ), отчасти формулой третьей ($A_1 + n + A_2$), гдѣ n обозначаетъ общее имя.

Возражая противъ третьей формулы, Геффдингъ указываетъ на то, что

существуютъ представленія, которыя обыкновенно не связываются со словами, и что поэтому нельзя *всѣ* ассоціаціи сходства объяснять, какъ ассоціаціи по смежности, устанавливаемыя при помощи слова. Это указаніе, конечно, справедливо, но оно не подрываетъ самаго принципа объяснять сходство, какъ частный случай ассоціаціи по смежности. Геффдингъ даже не пытается привести ни одного реальнаго случая, который, не допуская объясненія по формулѣ третьей, въ то же время не могъ бы быть объясненъ при помощи первыхъ двухъ формулъ.

Впрочемъ, возражая противъ возможности свести ассоціацію сходства на смежность, Геффдингъ старается доказать, что въ каждомъ случаѣ ассоціаціи по сходству, даже подходящемъ, повидимому, подъ формулы защитниковъ «теоріи смежности», всетаки есть что-то свое, особое, не сводимое на понятіе «смежнаго». Такъ, разбирая формулу первую, Геффдингъ замѣчаетъ: «если я въ группѣ $(m + n + p)$ дошелъ до p, то отсюда еще не слѣдуетъ, что данный рядъ найдетъ свое продолженіе въ $y + x$; это происходитъ лишь тогда, когда возникаетъ извѣстное воспоминаніе, что мы уже имѣли p; если p является для меня чѣмъ то новымъ, то этого не происходитъ» [1]). Если понять это замѣчаніе въ томъ смыслѣ, что p можетъ послужить исходнымъ ассоціаціоннымъ пунктомъ для возникновенія въ сознаніи $y + x$ лишь при условіи, что они (т.-е. p, съ одной стороны, и $y + x$, съ другой), когда то были въ сознаніи, то это замѣчаніе не имѣетъ никакой силы въ смыслѣ возраженія противъ теоріи смежности, такъ какъ при всякой ассоціаціи смежности тоже предполагается, что исходный пунктъ воспроизведенія уже былъ ассоціированъ въ предшествующемъ опытѣ съ тѣмъ, что въ данномъ случаѣ воспроизводится. Конечно, можно поставить вопросъ: въ какомъ смыслѣ p, какъ исходный пунктъ воспроизведенія $y + x$, можно считать даннымъ уже въ предшествующемъ опытѣ? Но этотъ вопросъ имѣетъ одинаковую силу по отношенію къ обѣимъ теоріямъ. Впрочемъ, только что приведенное замѣчаніе Геффдинга можно понять еще въ смыслѣ утвержденія, что p вызываетъ $y + x$ только тогда, когда оно само предварительно *узнается*, какъ уже данное въ предшествующемъ опытѣ. Такому пониманію очень благопріятствуютъ другія мѣста изъ статей Геффдинга (напр., его разборъ того случая, когда грохотъ на улицѣ вызываетъ представленіе омнибуса). Но здѣсь то и поднимается коренной вопросъ: въ чемъ заключается процессъ узнаванія и въ какой степени можно объяснить его теоріей смежности? Леманъ думаетъ, что всякое узнаваніе, въ концѣ концовъ, сводится къ ассоціаціи смежности. Геффдингъ полагаетъ, что узнаванія нельзя объяснить безъ допущенія ассоціаціи сходства, какъ процесса, отличнаго отъ ассоціаціи смежности. Насколько же велика сравнительная сила ихъ аргументовъ?

---

[1]) Vierteljahrsschrift, 1890, 170.

Въ полемикѣ Лемана съ Геффдингомъ выяснилась необходимость различать случаи «непосредственнаго» узнаванія и «узнаванія съ обстоятельствами», причемъ, съ точки зрѣнія Лемана, всякое «непосредственное узнаваніе» слѣдуетъ объяснять по аналогіи съ «узнаваніемъ съ обстоятельствами», гдѣ замѣтно выступаетъ значеніе ассоціаціи смежности, а, съ точки зрѣнія Геффдинга,—во всякомъ «узнаваніи съ обстоятельствами» необходимо присутствуютъ элементы «непосредственнаго узнаванія», которое, для своего объясненія, требуетъ не ассоціаціи смежности, но чистой ассоціаціи сходства.

Мы не будемъ пока разбирать тѣхъ ссылокъ на факты, которыя въ данномъ случаѣ дѣлаются обоими авторами, потому что, какъ было показано выше, обѣ стороны не ограничиваются здѣсь областью чистаго самонаблюденія. Постараемся же уяснить себѣ главныя теоретическія основанія, которыя заставляютъ обоихъ авторовъ отстаивать свою точку зрѣнія на процессъ узнаванія.

Оба автора признаютъ очевидное участіе ассоціацій смежности въ случаяхъ «узнаванія съ обстоятельствами». Но Геффдингъ указываетъ на то, что всякое узнаваніе всегда предполагаетъ (по самому своему понятію) сопоставленіе новаго (узнаваемаго) съ тѣмъ, что уже извѣстно. Съ этой точки зрѣнія, даже допустивъ, что многіе случаи узнаванія A сводятся къ ассоціаціи по смежности $A + b$, всетаки надо признать необходимымъ сознаніе b, какъ чего то знакомаго. Какимъ же путемъ узнается b? Тоже при помощи ассоціаціи смежности съ какимъ-нибудь c? А это c какъ узнается? При помощи новаго, психическаго элемента d, связаннаго съ нимъ по смежности?.. Нельзя же этотъ процессъ признать идущимъ въ безконечность! Поэтому надо допустить, что психическія величины, опредѣляющія знакомость другихъ («новыхъ») психическихъ величинъ, сами представляются сознанію «непосредственно извѣстными», причемъ въ основѣ этого «непосредственнаго узнаванія» лежитъ чистая ассоціація сходства.

Такимъ образомъ къ признанію гипотезы чистой ассоціаціи сходства Геффдинга приводитъ сознаніе необходимости найти конечный пунктъ объясненію узнаванія—въ чемъ-нибудь такомъ извѣстномъ, что, само по себѣ, не требовало бы обращенія къ другому извѣстному.

Отвѣчая Геффдингу, Леманъ справедливо указывалъ, что, съ формальной точки зрѣнія, и гипотеза сходства не исключаетъ возможности ставить безконечный рядъ вопросовъ: если A узнается при помощи a_1, то при помощи чего же узнается a_1? При помощи a_2? Но при помощи чего узнается a_2? и т. д. Для устраненія этого же затрудненія Геффдингу оставалось только доказывать, что воспроизведеніе представленія a, насколько оно предполагается въ моментѣ непосредственнаго узнаванія, сознается нами, какъ простое «качество знакомости» представленія A. Насколько же сильны въ данномъ случаѣ доказательства Геффдинга?

Строго говоря, Геффдингъ даже не доказываетъ своего положенія, что

для сознанія «качества знакомости», связаннаго съ представленіемъ A, достаточно лишь воспроизвести a; Геффдингъ прямо допускаетъ это положеніе, стараясь только показать его удобство въ качествѣ принципа объясненія. Но прежде, чѣмъ оцѣнивать гипотезу Геффдинга съ точки зрѣнія ея удобства въ методологическомъ отношеніи, попробуемъ обсудить ее съ точки зрѣнія логической послѣдовательности.

На одну изъ нелогичностей, заключенныхъ въ этой гипотезѣ, указалъ Леманъ, разъяснившій, что формула $A + (a_1 + a_2 + ... + a_n)$, предполагая рядъ количественныхъ измѣненій, строитъ на этомъ объясненіе не количественнаго, а качественнаго измѣненія (качество знакомости). Къ этому можно прибавить еще одно невольно напрашивающееся на умъ недоумѣніе. Объясняя свою формулу непосредственнаго узнаванія $\left(\overset{a}{A}\right)$, Геффдингъ указываетъ, что a, заключенное въ скобки, обозначаетъ наличность предрасположенія, могущаго перейти при другихъ условіяхъ въ свободное представленіе. Но, спрашивается, чѣмъ же это «свободное» a будетъ отличаться отъ даннаго въ наличномъ опытѣ A? Почему одно изъ нихъ мы сознаемъ, какъ нѣчто явившееся намъ только въ данный моментъ, а другое—какъ нѣчто, бывшее прежде? Развѣ локализація во времени того или другого ощущенія не предполагаетъ ассоціаціи по смежности? А если для сознанія a, какъ чего то, локализованнаго во времени, необходимо участіе ассоціаціи смежности, то приходится сказать, что формула непосредственнаго узнаванія $\left(\overset{a}{A}\right)$, насколько въ ней a обозначаетъ возможность свободно возникающаго въ сознаніи представленія, предполагаетъ ассоціацію смежности. Если ту же самую мысль выразить нѣсколько другими словами, то можно сказать: насколько въ формулѣ $\left(\overset{a}{A}\right)$ представленіе a мыслится, какъ нѣчто отличное отъ A, оно предполагаетъ ассоціацію смежности; насколько же оно мыслится, какъ не отличное отъ A, самое предположеніе его является излишнимъ, такъ какъ тогда мы имѣли бы не два «сходныхъ» представленія, а одно представленіе, тожественное самому себѣ, и въ такомъ случаѣ, конечно, было бы странно утверждать, что это единое представленіе само съ собою ассоціируется по сходству. Вѣдь, если дѣлать такія допущенія, то слѣдуетъ признать, что всякое простое ощущеніе, переживаемое нами, необходимо заключаетъ въ себѣ ассоціацію сходства—съ самимъ собою! Но, очевидно, что такое безплодное положеніе могло бы показаться заманчивымъ развѣ однимъ любителямъ схоластическихъ фокусовъ.

Впрочемъ, Геффдингъ опредѣленно указываетъ, что его формула $\left(\overset{a}{A}\right)$ заключаетъ въ себѣ еще одинъ смыслъ: впечатлѣніе A (именно потому что оно получается нами не въ первый разъ, т. е., иначе говоря, потому, что у насъ уже есть предрасположеніе къ свободному воспроизведенію a) сознается нами не такъ, какъ оно сознавалось бы при другихъ обстоятельствахъ. Ко-

нечно, вліяніе предшествующихъ психофизіологическихъ состояній на послѣдующія несомнѣнно. Этого не отрицаютъ и защитники «теоріи смежности» (на что, кстати сказать, обращаетъ вниманіе и самъ Геффдингъ, разбирая опыты Лемана съ узнаваніемъ цвѣтовыхъ ощущеній). Но въ данномъ случаѣ является очень важный вопросъ: возможно ли это вліяніе разсматривать именно какъ ассоціацію сходства? Будемъ помнить, что понятіе «ассоціаціи сходства» прежде всего предполагаетъ наличность нѣкоторыхъ психическихъ величинъ. Въ какихъ же психическихъ величинахъ можетъ выразиться a, какъ часть формулы $\binom{a}{A}$? Геффдингъ говоритъ, что непосредственно узнаваемое A отличается отъ A, воспринимаемаго въ первый разъ, тѣмъ, что сопровождающій его физіологическій процессъ совершается съ большей *легкостью*. Но какъ сознается нами эта легкость? Леманъ справедливо предвидитъ въ данномъ случаѣ опасность смѣшенія психологической точки зрѣнія съ физіологической. Необходимо указать чисто психическій кореллатъ этой «легкости». Мы знаемъ, что Леманъ и Вундтъ находили возможнымъ видѣть его только въ извѣстномъ *чувствѣ*, сопровождающемъ повтореніе прежняго впечатлѣнія. Пожалуй, можно видѣть такой психическій кореллатъ еще въ большей *ясности* даннаго впечатлѣнія. Но во всякомъ случаѣ мы встрѣчаемся здѣсь съ большимъ затрудненіемъ, которое невозможно разрѣшить, оставаясь въ предѣлахъ тѣхъ данныхъ, которыя заключены въ формулѣ $\binom{a}{A}$. Это затрудненіе состоитъ въ слѣдующемъ.

Съ точки зрѣнія современной психофизіологіи, большая или меньшая легкость воспріятія (особенно поскольку она сознается нами какъ большая или меньшая ясность его) зависитъ не только отъ наличности опредѣленнаго мозгового предрасположенія, но и отъ величины раздражителя, дѣйствующаго на нервную систему. Спрашивается теперь: насколько же возможно, руководясь однимъ только самонаблюденіемъ (и при томъ самонаблюденіемъ, ограниченнымъ областью даннаго, непосредственнаго узнаваемаго состоянія), отдать себѣ отчетъ въ *характерѣ* этой легкости, т. е. рѣшить, обусловлена ли она мозговымъ предрасположеніемъ, или силой дѣйствующаго раздражителя? Вѣдь само собою разумѣется, что о «непосредственномъ узнаваніи», характеризуемомъ сознаніемъ «легкости» впечатлѣнія, можетъ быть рѣчь лишь постольку, поскольку здѣсь дѣйствуетъ именно «предрасположеніе». Но какъ отличить легкость впечатлѣнія, зависящую отъ мозгового предрасположенія, отъ легкости, вызванной силою раздражителя,—объ этомъ случаѣ самонаблюденіе (если ограничить его областью психическихъ элементовъ, выражаемыхъ въ теоріи Геффдинга буквами A и a) молчитъ.

Если разсматривать теорію Геффдинга, какъ руководящую гипотезу для объясненія фактовъ, то придется испытать большое затрудненіе передъ вопросомъ: почему «знакомое» (т. е. не въ первый разъ возникающее въ на-

шемъ сознаніи) ощущеніе иногда не сразу узнается? Разрѣшая этотъ вопросъ, приходится или признать недостаточной гипотезу Геффдинга (какъ это сдѣлалъ Леманъ), или признать, что «непосредственное узнаваніе» въ соотвѣтствующихъ случаяхъ, хотя имѣется, но ускользаетъ отъ самонаблюденія (какъ это сдѣлалъ Геффдингъ).

Итакъ, подводя итогъ всему, что сказано о гипотезѣ Геффдинга, приходится признать ее во многихъ отношеніяхъ недостаточной, но въ то же время ясно выражающей одно основное стремленіе автора—показать, что не только въ случаяхъ такъ называемаго ассоціированія по сходству, но и въ случаяхъ такъ называемаго ассоціированія по смежности всегда предполагается (въ той или другой формѣ) сознаніе чего то «знакомаго». Объяснить, откуда происходитъ сознаніе этой «знакомости», Геффдингу не удалось. Задача была имъ поставлена, но не рѣшена.

Не вполнѣ разрѣшилъ эту задачу и Леманъ. Превосходно показавъ значеніе ассоціацій смежности въ процессахъ узнаванія и намѣтивъ путь къ объясненію случаевъ «непосредственнаго узнаванія» по аналогіи со случаями «узнаванія съ обстоятельствами», онъ всетаки оставилъ не разъясненнымъ вопросъ: если *A* узнается при помощи *b*, то при помощи чего же узнается *b*? Въ отвѣтъ на этотъ вопросъ, ярко выставленный Геффдингомъ, Леманъ указывалъ только, что подобнаго же рода затрудненіе существуетъ и въ гипотезѣ Геффдинга. Совершенно вѣрно, существуетъ. Но изъ этого еще не слѣдуетъ, что его нѣтъ и въ гипотезѣ Лемана.

Трагическое.

Проф. Л. А. Саккетти.

(*Окончаніе*).

Изъ искусствъ наиболѣе далека отъ трагическаго архитектура. Впрочемъ Цейзингъ, хотя считаетъ архитектуру за искусство наименѣе способное къ трагическому, тѣмъ не менѣе думаетъ, что нѣкоторыя зданія своимъ мрачнымъ колоритомъ, массивностью и крѣпостью своихъ стѣнъ, распредѣленіемъ и устройствомъ своихъ частей могутъ обнаружить свое назначеніе, находящееся въ тѣснѣйшемъ отношеніи къ трагическимъ страданіямъ и борьбѣ человѣчества. Такъ, напримѣръ, тюрьма можетъ напомнить о пыткахъ, вынесенныхъ борцами за идею, крѣпость — объ ужасахъ войны и т. п. [1]). Хотя Цейзингъ и оговаривается, что отношеніе архитектуры къ трагическому скорѣе случайное, чѣмъ существенное, тѣмъ не менѣе едва ли не вѣрнѣе раздѣ-

[1]) Ad. Zeising, Aesthetische Forschungen. Frankfurt-a.-M. 1855. S. 536.

лить съ Фолькельтомъ сомнѣніе въ доступности трагическаго зодчеству. Зданія могутъ напомнить о трагическихъ событіяхъ. Но все таки трагическое заключается не въ самихъ зданіяхъ, а въ навѣянныхъ ими воспоминаніяхъ. Поэтъ въ состояніи, описывая зданіе и его историческую судьбу, силою своей фантазіи одухотворить его до того, что оно само какъ-бы воплощается въ трагическаго героя. Такъ, напримѣръ, Delle Grazie въ своемъ Робеспьерѣ изображаетъ Бастилію, какъ упорнаго въ борьбѣ, страждущаго, мрачнаго героя, защищающаго до послѣдней возможности старое время, полное насилія и гнета, но подъ конецъ побѣжденнаго новымъ, жаждущимъ свободы, поколѣніемъ. Но трагизмъ въ данномъ случаѣ заключается не въ самомъ зданіи, а въ историческихъ событіяхъ, для которыхъ оно служитъ лишь символомъ [1]). Руина, какъ умершее зданіе, можетъ содѣйствовать трагическому настроенію. «Оттого развалины Өивъ, Пальмиры, Кампаньи около Рима трагически-возвышенны; возвышенная сила времени разрушила здѣсь другое возвышенное» [2]).

Способнѣе къ трагическому скульптура и живопись. Эти два искусства не въ состояніи изобразить ходъ событій, вызывающія ихъ обстоятельства, а прямо представляютъ катастрофу, заставляющую лишь догадываться о предъидущемъ. Поэтому особенно удобно для трагическаго эффекта изображать этимъ искусствомъ происшествіе, извѣстное изъ легенды, исторіи или поэтическаго произведенія.

Изваянной трагедіей можетъ быть названа группа Ніобы [3]). Ніоба, дочь Тантала, жена Өивскаго царя Амфіона, была матерью четырнадцати цвѣтущихъ сыновей и дочерей, которыми она гордилась передъ богинею Лето (Латоной), имѣвшей лишь двухъ дѣтей: Аполлона и Артемиду. Ніоба запретила өиванцамъ приносить жертвы Лето и ея дѣтямъ и требовала себѣ божескаго почета. Оскорбленная богиня наказала Ніобу за ея гордость. Стрѣлы Аполлона и Артемиды въ одинъ день умертвили всѣхъ дѣтей Ніобы, которая отъ огорченія превратилась въ камень. Группа изображаетъ моментъ, когда боги пускаютъ свои смертельныя стрѣлы въ дѣтей Ніобы, изъ которыхъ нѣкоторыя уже убиты, а другія ищутъ спасенія въ бѣгствѣ. Мать прижимаетъ къ себѣ меньшую дочь, устремляя взоры къ небу, откуда разгнѣванные боги мечутъ свои смертоносныя стрѣлы, но остается непоколебимой, «подобно скалѣ среди бушующихъ, нападающихъ на нее волнъ» [4]). Не смотря на весь ужасъ этой сцены, она вовсе не отталкиваетъ зрителя, а, наоборотъ, способна доставить ему высокое эстетическое наслажденіе. «Страхъ и состраданіе вызываетъ она

[1]) J. Volkelt, Aesthetik des Tragischen. München, 1897. S. 12—13.

[2]) Kirchmann, Aesthetik auf realistischer Grundlage. Berlin. 1868. II. S. 31.

[3]) Ср. Stark, Niobe und Niobiden. Leipzig 1863. Overbeck, Geschichte der griechischen Plastik. 4 Aufl. Leipzig, 1894. II. S. 79 u. ff. M. Collignon, Histoire de la Sculpture grecque. Paris. 1897. II, p. 536.

[4]) J. Overbeck, Geschichte der Griechischen Plastik. 4 Aufl. Leipzig. 1894. II. S. 84.

въ нашемъ сердцѣ, какъ всякая настоящая трагедія. Безсмертный художникъ внушаетъ намъ не только страхъ и состраданіе, но своимъ произведеніемъ глубоко трогаетъ насъ и возвышаетъ нашъ духъ [1]). Причина того, что ужасное впечатлѣніе парализовано и превращено въ эстетическое, заключается въ художественномъ достоинствѣ произведенія, не исчезнувшемъ даже въ копіи [2]) Физическія страданія, столь ясно выраженныя, напримѣръ, въ Лаокоонѣ, не замѣтны въ группѣ Ніобы. Смерть отъ божественныхъ стрѣлъ наступаетъ внезапно, не успѣвъ разрушить красоту цвѣтущей юной жизни... Подобно настоящей трагедіи, въ группѣ Ніобы не всѣ лица запечатлѣны трагизмомъ. Такъ, напримѣръ, не трагична, а лишь трогательна падающая къ ногамъ брата сестра, умирающая, по выраженію Фейербаха, тихо, подобно сорванному цвѣтку». Не одна художественность доставляетъ намъ наслажденіе при созерцаніи этого произведенія. Мы здѣсь присутствуемъ при гибели героевъ и героинь, спокойно и величаво умирающихъ отъ божественнаго опредѣленія, преклоняясь передъ неумолимымъ рокомъ, но не прося пощады, безъ стона и крика. Наиболѣе возвышенный характеръ во всемъ трагизмѣ своихъ безмѣрныхъ страданій обнаруживаетъ сама Ніоба. Одною рукою она прижимаетъ къ себѣ младшую дочь, а другою приподнимаетъ покрывало. Въ слѣдующій моментъ въ это покрывало она спрячетъ свое окаменѣлое, вслѣдствіе безвыходнаго горя, лицо, отъ взоровъ торжествующихъ боговъ. Два элемента въ характерѣ Ніобы, дѣлающіе ее самой трагической: непреклонность передъ богами и безутѣшная скорбь о гибнущихъ дѣтяхъ мастерски запечатлѣны рѣзцомъ художника. Страхъ и скорбь матери выражаются въ ея попыткахъ защитить младшую дочь; непреклонность гордой царицы—въ ея спокойствіи среди всего бѣдствія, въ ея поднятой къ небу головѣ, откуда боги разятъ свои удары. Лицо Ніобы, этотъ шедевръ греческой пластики, есть мастерское разрѣшеніе задачи—выразить оба вышеупомянутые элемента. Изъ выраженія лица Ніобы видно, что она не противится богамъ: всякое сопротивленіе безполезно. Она не молитъ о пощадѣ, сознавая, что оскорбленные боги не перемѣнятъ гнѣва на милость, и всякое раскаяніе поздно. Да и Ніоба не была бы Ніобой, если бы въ несчастіи стала унижаться передъ богиней, которую оскорбляла во время своего благополучія. Оттого Ніоба гордо подняла голову, прямо смотритъ на боговъ, сознавая ихъ мстительную силу; но, сохраняя все свое царственное величіе, она все же не можетъ подавить вздоха, который вырывается изъ ея сжатыхъ, столь экспрессивныхъ губъ, а ея сдвинутыя брови и трепещущія вѣки предсказываютъ, что въ слѣдующій моментъ гордая царица превратится въ плачущую неутѣшными слезами мать. Во взглядѣ на небо Ніоба обнаруживаетъ свой царственный героизмъ, въ чертахъ, предсказывающихъ начинающійся плачъ, свою материнскую скорбь. Когда слезы потекутъ, Ніоба

---

[1]) Ibid. II. S. 84.

[2]) Это произведеніе теперь считается копіей. (Ibid. II. S. 78—79).

исчезнетъ: превратившись въ слабую, убитую горемъ женщину, она закроетъ покрываломъ свою голову и окаменѣетъ отъ непосильной скорби среди своихъ погибшихъ дѣтей.

Какъ произведеніе, представляющее въ эллинистическомъ искусствѣ самую законченную формулу трагическаго, считается группа Лаокоона. Впрочемъ, мнѣнія о художественномъ достоинствѣ этой группы вообще и ея трагизмѣ въ частности весьма различны. Подобно Ніобѣ, и Лаокоонъ примыкаетъ къ литературному произведенію, только не къ Энеидѣ Виргилія. Теперь извѣстно, что до Виргилія Энфоріонъ Холкидскій, жившій отъ 224 до 178 г. до Р. Х., написалъ поэтическій разсказъ о Лаокоонѣ, послужившій источникомъ для Виргилія. Впрочемъ, для пониманія группы Лаокоона нѣтъ надобности обращаться къ какому либо другому произведенію: она, какъ настоящій шедевръ, понятна сама по себѣ.

«Скульптура, пишетъ Гёте, по справедливости ставится такъ высоко, потому что она должна и можетъ доводить изображеніе до высочайшаго идеала и освобождаетъ человѣка отъ всего несущественнаго. И въ этой группѣ Лаокоонъ — одно лишь имя. Его жреческій санъ, его троянская національность, словомъ, всякую поэтическую и миѳологическую примѣсь художники устранили. Онъ вовсе не то, чѣмъ сдѣлала его фабула: онъ просто отецъ съ двумя сыновьями, находящійся въ опасности погибнуть отъ двухъ страшныхъ животныхъ. Послѣднія—не посланныя богами, а естественныя змѣи, достаточно сильныя, чтобы совладать съ нѣсколькими людьми, но ни по виду, ни по дѣйствію вовсе не являются какими нибудь необыкновенными, мстящими, наказывающими существами. Согласно со своей природой, онѣ приползаютъ, опутываютъ, связываютъ свои жертвы, и одна змѣя, раздраженная рукою Лаокоона, кусаетъ. Если бы я не зналъ никакого объясненія этой группы, то я назвалъ бы ее трагической идилліей. Отецъ спалъ со своими двумя сыновьями, они были обвиты змѣями, и, проснувшись, стремятся освободиться изъ этой живой сѣти» [1]).

Группа Лаокоона изображаетъ его самого съ двумя сыновьями. Младшій укушенъ змѣей и испускаетъ послѣднее дыханіе. Старшій пытается освободиться: онъ еще не окончательно спутанъ змѣями, но его вниманіе приковано къ страшному зрѣлищу гибели брата и отца. Послѣдній сжимаетъ лѣвой рукой шею змѣи, которая кусаетъ его въ бокъ, что мотивируетъ его позу и экспрессію его лица. Въ группѣ Лаокоона обнаруживается замѣчательное единство, разрѣшающее, по выраженію Фейербаха, завывающій унисонъ паѳоса въ пластическое трезвучіе. Въ отцѣ изображены страданія, испытываемыя имъ въ данный моментъ; они прекращаются въ наступающей смерти младшаго сына и только еще угрожаютъ старшему. Въ старшемъ сынѣ начало, въ отцѣ

[1]) Goethe, Ueber Laokoon. (Goethes Sämmtliche Werke. Stuttgart. 1869 Bd. III, S. 253).

высшій моментъ, а въ младшемъ сынѣ конецъ дѣйствія. Но это дѣйствіе мгновенно: вѣдь, эти змѣи не простыя, а посланныя богами въ наказаніе Лаокоону. Оттого ихъ укушеніе такъ мучительно и причиняетъ мгновенную смерть. Въ группѣ Лаокоона схваченъ единый моментъ, мелькнувшій на одно только мгновеніе. Гёте совѣтовалъ отойти отъ этой группы на нѣкоторое разстояніе, открыть глаза и тотчасъ закрыть ихъ: тогда мраморъ какъ бы оживетъ и станетъ двигаться; открывая опять глаза, мы станемъ опасаться, какъ бы фигуры не перемѣнили своего положенія. Оттого Гёте сравниваетъ группу Лаокоона съ фиксированной молніей и съ волной, окаменѣвшей въ тотъ моментъ, когда она разбивалась о камень».

Несмотря на единство этой группы и прочія ея достоинства, обнаруживающія необыкновенное искусство изваявшихъ ее скульпторовъ, не смотря на все «богатство драматической жизни» въ группѣ Лаокоона, едва ли названное скульптурное произведеніе запечатлѣно истиннымъ трагизмомъ. Изъ самой группы, какъ это замѣчаетъ Гёте (см. выше), можно заключить лишь то, что отецъ спалъ со своими двумя сыновьями; они были обвиты змѣями и, проснувшись, стремятся освободиться изъ этой живой сѣти. Слѣдовательно, въ группѣ изображена случайность, необыкновенная, ужасная, но не трагическая. Гибель Лаокоона перестаетъ быть случайностью только при знаніи миѳа, который, по своему смыслу, такъ же трагиченъ, какъ и миѳъ Ніобы и Лайя. Лаокоонъ, жрецъ Аполлона, оскорбилъ названнаго бога, осквернивъ его святыню грубой чувственностью, а, можетъ быть, и непослушаніемъ, вступивъ въ бракъ противъ воли бога [1]. Конечно, съ нашей точки зрѣнія, кажется несправедливою жестокостью наказывать не только виновнаго отца, но и невинныхъ дѣтей. Но такъ какъ они явились плодомъ грѣшнаго поступка отца, то ихъ гибель есть сугубое наказаніе послѣдняго, аналогичное карѣ, ниспосланной богами Лайю и Ніобѣ. Эта жестокость ничего не имѣетъ общаго съ безнравственностью разсказа о гибели Лаокоона у Виргилія. Въ Энеидѣ Лаокоонъ гибнетъ какъ будто за то, что совѣтуетъ не довѣряться грекамъ и не вводить оставленнаго ими деревяннаго коня въ Трою. Такъ какъ Лаокоонъ былъ правъ, въ деревянномъ конѣ спрятались греки и погубили Трою, то выходитъ, что боги наказали Лаокоона за его правдивое предостереженіе. Но группа Лаокоона не имѣетъ никакого отношенія къ разсказу о Лаокоонѣ въ Энеидѣ. Въ этомъ разсказѣ событие передано не такъ, какъ оно изображено въ группѣ. Она примыкаетъ къ полному трагизма миѳу о Лаокоонѣ, наказанномъ не за предостереженіе троянъ, а за непочтеніе къ святынѣ или къ богамъ. Но отразился-ли трагическій элементъ миѳа на его пластическомъ воспроизведеніи?

Едва-ли правъ Гёте, утверждая, что группа Лаокоона есть вполнѣ само-

[1]) R. Kekule, Deutung und Zeitbestimmung des Laokoon. Berlin und Stuttgart. 1883. S. 34—35.

стоятельное произведеніе, понятное независимо отъ знанія какого бы то ни было поэтическаго источника. Наоборотъ, художники постарались обнаружить какъ можно яснѣе зависимость ихъ скульптурнаго произведенія отъ миѳа. Они изобразили Лаокоона жрецомъ, погибающимъ на ступеняхъ алтаря, оскверненнаго его кровью, что въ глазахъ грековъ очень усиливало патетичность сцены. Змѣи являются сознательными орудіями карающаго божества. Онѣ существа сверхъестественныя, причиняютъ боль нестерпимую, и ядъ ихъ убиваетъ мгновенно.

Но, не смотря на свою очевидную зависимость отъ миѳа и даже, по всей вѣроятности, отъ его драматической обработки, группа Лаокоона, изображая лишь катастрофу, безъ всякой ея мотивировки, лишена трагическаго характера. Группа Лаокоона изображаетъ ужасныя страданія и страшную гибель. Но страданіе и гибель производятъ трагическое впечатлѣніе лишь тогда, когда являются необходимымъ или, по крайней мѣрѣ, понятнымъ слѣдствіемъ поступка даннаго лица. Изъ группы Лаокоона рѣшительно не видно, за что наказаны участвующія въ ней лица. И весьма сомнительно, въ состояніи ли скульптура дать возможность зрителю уразумѣть при изображеніи карательной катастрофы грѣхъ Лаокоона, столь задолго до нея совершенный. Нетрагичность группы Лаокоона особенно рельефно обнаруживается при сравненіи съ Ніобой и Ніобидами, въ которыхъ миѳологическая основа такъ ясна. Ихъ обращенные къ небу взоры объясняютъ зрителю, откуда ниспосылается смертельная гибель. Мать гордо подняла голову, не хочетъ показать богамъ свои слезы, которыя готовы хлынуть. Такимъ образомъ обнаруживается ея вина, накликнувшая месть боговъ. «Оттого группа Ніобы производитъ трагическое впечатлѣніе и считается высшимъ трагическимъ художественнымъ произведеніемъ грековъ въ настоящемъ смыслѣ [1]).

Въ позднѣйшемъ искусствѣ величайшимъ примѣромъ трагическаго изъ пластической области могутъ быть названы «Рабы» Микель Анжело, «этого выразителя страданій по преимуществу» [2]). Одинъ изъ нихъ умираетъ, а другой полонъ неукротимой энергіи. «Съ обѣими руками, связанными за спиной, одною ногою ступая на землю, другой на каменную глыбу, онъ вперяетъ пылающіе взоры въ небо не столько для мольбы, сколько для протеста. Въ этотъ взглядъ художникъ вложилъ все свое сердце, всю свою душу, свою суровую любовь къ свободѣ и справедливости. Это уже не символическая фигура передъ нами, — это самъ Прометей, прикованный къ своей скалѣ неумолимой волей и продолжающій безъ боязни вызывать боговъ. Превосходный примѣръ нравственной силы, остающейся человѣку, тѣлесная мощь котораго сломлена» [3]).

---

[1]) J. Overbeck, Geschichte der griechischen Plastik. 4 Auflage. Leipzig. 1894. II, S. 318—319.

[2]) E. Müntz, Histoire de l'art pendant la Renaissance. Paris. 1895. III, p. 383.

[3]) Ibid. III, p. 390.

Кромѣ «Рабовъ», титаническая сила Микель Анжело подвигла его на созданіе другого произведенія, полнаго трагизма: его «Страшный Судъ» представляетъ едва-ли не самый яркій образецъ трагическаго въ живописи. Могучій духъ Данте воплотился въ художникѣ и создалъ иллюстрацію, достойную «Божественной Комедіи». Христосъ въ Страшномъ Судѣ Микель Анжело примыкаетъ къ Дантовскому «Sommo Giove» (какъ Данте именуетъ Спасителя). Это не Сынъ Человѣческій, взявшій на себя грѣхъ міра, а Судья міра, произносящій страшныя слова: «Отойдите отъ меня проклятые». Богородица въ страхѣ прижимается къ своему Сыну. Подножіемъ Христа служатъ ангелы, возвѣщающіе трубнымъ гласомъ о концѣ міра. Справа отъ Христа праведники, слѣва грѣшники. Изображенный моментъ заключается не въ самомъ исполненіи приговора, открывающаго однимъ вѣчное блаженство, другимъ — вѣчныя муки, а въ его приближеніи, въ которомъ гораздо болѣе трагизма, чѣмъ въ совершившемся уже фактѣ. На одной сторонѣ мы видимъ не самую радость, а предвкушеніе райскаго блаженства, а на другой не самыя мученія ада, а послѣдній страшный моментъ передъ тѣмъ, какъ грѣшники будутъ низринуты въ преисподнюю. Всѣ тѣснятся, чтобы лучше услышать слова Христа [1]). Нагими предстали люди передъ Всевидящимъ Окомъ: никакое покрывало не скроетъ отъ Него того, что совершалось въ сокровеннѣйшихъ тайникахъ нашихъ сердецъ [2]). На каждой изъ фигуръ запечатлѣна ея судьба. Во всѣхъ ихъ художникъ изобразилъ гамму разнообразнѣйшихъ настроеній, отъ радостнаго чувства при видѣ свѣта до высшаго восторга праведниковъ, предвкушающихъ блаженное упоеніе, рядомъ съ отчаяніемъ грѣшниковъ, услыхавшихъ приговоръ ихъ вѣчнаго проклятія. Величайшее искусство Микель Анжело обнаружилъ въ изображеніи грѣшниковъ. Хотя пропасть не видна, но кажется, что бездонная глубина готова поглотить ихъ, и они выбиваются изъ силъ, чтобы хоть на мгновеніе удалить страшный моментъ паденія въ преисподнюю. Борьба съ дьяволомъ въ воздухѣ, съ Харономъ, толкающимъ грѣшниковъ въ бездну, страхъ и отчаяніе ихъ передъ грозящими имъ муками изображены Микель Анжело съ истинно Дантовскою мощью. Скорбь грѣшника, которому три демона налагаютъ всю тяжесть вины и опускаютъ его съ нею въ глубину ада, находитъ себѣ аналогію лишь въ мученіяхъ совѣсти лэди Макбетъ и Ричарда III Шекспира.

Впечатлѣніе, производимое Страшнымъ Судомъ Микель Анжело, потрясающее. Въ то время, когда названный художникъ принялся за это произведеніе, у него исчезли всѣ радостныя чувства. Подъ вліяніемъ его темперамента и общественныхъ скорбей, принимаемыхъ имъ близко къ сердцу, оно преисполнилось глубокою меланхоліею. Мрачное настроеніе всецѣло овладѣло

[1]) H. Grimm, Leben Michelangelo's. 7 Auflage. Berlin. 1884. II, S. 196.

[2]) M. Carriere, Die Kunst im Zusammenhang der Culturentwickelung. 2 Aufl. Leipzig. 1873. IV, S. 148.

душой художника. Онъ слишкомъ много и глубоко страдалъ. Поэтому, взявшись за кисть, чтобы изобразить Страшный Судъ, онъ самъ выступилъ во весь свой гигантскій ростъ, въ качествѣ судьи, чтобы карать людей за ихъ пороки и за всю ихъ неправду. Въ изображеніяхъ наказаній, ожидающихъ грѣшниковъ въ аду, Микель Анжело излилъ все накопившееся въ его груди негодованіе на несправедливости, претерпѣваемыя несчастными страдальцами отъ своихъ жестокихъ мучителей [1]).

Впрочемъ, въ изображеніи Страшнаго Суда обнаруживается не одна лишь субъективная концепція этого сюжета у Микель Анжело. Такъ понимали Страшный Судъ его современники. Въ одномъ изъ своихъ писемъ Витторія Колонна пишетъ: «Священное Писаніе учитъ насъ о двоякомъ пришествіи Христа. Въ первый разъ онъ полонъ кротости и обнаруживаетъ лишь свою доброту и милосердіе. Во второй разъ Онъ придетъ во всеоружіи своей справедливости, своего величія и всемогущества. Тогда не будетъ больше времени для милосердія и помилованія [2]).

То же настроеніе, какое присуще Страшному Суду Микель Анжело, выражено задолго до его времени въ «Dies irae», приписываемомъ Ѳомѣ Челанскому, жившему въ 13 в. По поводу этого произведенія Прудонъ пишетъ: «Я ничего не знаю сильнѣе ни въ псалмахъ, ни у римлянъ, ни у грековъ, ни у французовъ; описаніе Страшнаго Суда ужасно; молитва умершаго съ постоянными повтореніями по еврейскому обычаю еще печальнѣе; при третьей строфѣ слышишь архангельскую трубу, звучащую передъ страшнымъ судилищемъ въ странѣ мертвыхъ. Стихъ: «Per sepulcra regionem» восхитителенъ и ужасенъ, какъ само отчаяніе и смерть. Въ этомъ гимнѣ, (чѣмъ, впрочемъ и объясняется потрясающее, производимое имъ впечатлѣніе) скомпанованы всѣ главные догматы христіанства: конецъ міра, страшный судъ, адъ и вѣчное блаженство, воскресеніе мертвыхъ, благодать спасенія, ужасъ вѣчныхъ мукъ, безконечное божественное милосердіе, искупленіе человѣка Спасителемъ, Его жизнь, страсти и распятіе, необходимость раскаянія и его дѣйствительность у престола Божья» [3]).

Трагизмъ «Dies irae» заключается не въ однихъ словахъ, выражающихъ ужасъ при мысли о Страшномъ Судѣ, но и въ музыкѣ: она на это способна. Если безъ помощи слова, т. е. одна инструментальная музыка не въ состояніи объяснить смыслъ борьбы, причину страданій и отчаянія, то это искусство, обладая могуществомъ выражать динамику страсти, вполнѣ можетъ выразить и едва-ли не лучше, чѣмъ какое либо другое искусство, душевныя

[1]) E. Müntz, Histoire de l'art pendant la Renaissance. Paris. 1895. III, p. 487, 489.

[2]) Rime e lettere di Vittoria Colonna. Firenze. 1860, p. 444.

[3]) Прудонъ, Искусство, его основаніе и общественное назначеніе. Пер. подъ ред. Курочкина. Спб. 1865, стр. 84—85.

движенія, переживаемыя лицами, находящимися въ трагическомъ положеніи. Эти душевныя движенія музыка выражаетъ ритмомъ, его ускореніемъ и замедленіемъ и степенью его быстроты, силою звука, его усиленіемъ и ослабленіемъ, нисходящимъ и восходящимъ направленіемъ мелодіи и смѣною диссонансовъ и консонансовъ. Диссонансъ, какъ созвучіе, возбуждающее желаніе разрѣшенія, т. е. переходъ въ соотвѣтствующій консонансъ, есть символическое выраженіе страсти, стремящейся къ своему удовлетворенію. «Музыка, пишетъ Шопенгауэръ, заключается въ постоянномъ чередованіи болѣе или менѣе тревожныхъ, т. е. возбуждающихъ желаніе, аккордовъ съ болѣе или менѣе успокоивающими и удовлетворяющими, точно такъ же и жизнь сердца (воли) есть постоянное чередованіе большихъ или меньшихъ тревогъ, вслѣдствіе желанія или страданія, и соотвѣтствующихъ утѣшеній. Согласно этому и гармоническое послѣдованіе заключается въ правильномъ чередованіи диссонанса и консонанса. Рядъ однихъ только консонирующихъ аккордовъ производитъ усталость и пустоту, подобно тому пресыщенію, которое является вслѣдствіе удовлетворенія всѣхъ желаній. Поэтому диссонансы, не смотря на тревогу и даже пытку, производимую ими, всетаки употребляются въ музыкѣ для того, чтобы съ надлежащимъ приготовленіемъ разрѣшать ихъ въ консонансы» [1]). Диссонансъ есть одинъ изъ главнѣйшихъ факторовъ музыкальной экспрессіи и составляетъ мощный элементъ музыкальнаго трагизма. Благодаря разнообразію ритмическаго движенія, измѣненіямъ силы звуковъ, мелодическимъ скачкамъ въ болѣе или менѣе широкіе интервалы въ восходящемъ и нисходящемъ направленіи, смѣнѣ диссонирующихъ и консонирующихъ аккордовъ, музыка безъ помощи словъ, т. е. инструментальная, въ состояніи достигать сильныхъ трагическихъ эффектовъ. Благодаря ея аналогіи крику, изъ котораго она, вѣроятно, развилась, какъ изъ своего зародыша [2]), въ музыкѣ слышится то стремленіе къ далекому счастію, то упоеніе восторгомъ, то рыданія разбитаго сердца, то тихія слезы безысходной печали. Оттого музыка есть, такъ сказать, идеализированный вопль, въ которомъ слышатся движенія, переживаемыя человѣчествомъ въ своемъ внутреннемъ мірѣ. Оттого композиторъ, выражая въ музыкѣ свои чувства, находитъ отголосокъ въ сердцахъ своихъ слушателей: струны, звучащія въ его душѣ, по закону симпатіи, приводятъ въ вибрацію ихъ у его ближнихъ: вѣдь, онѣ всѣ болѣе или менѣе настроены въ унисонъ... Такъ, напримѣръ, въ концѣ 1-й части 9-й симфоніи Бетховена, тамъ, гдѣ въ басу повторяется одна и та же фраза, развѣ не слышится вопль наболѣвшей скорби, вырвавшейся изъ груди композитора, истер-

[1]) «Шопенгауэръ», Библіотека европейскихъ писателей и мыслителей, издаваемая Чуйко. Спб. 1884, стр. 146—147.

[2]) H. Taine, Philosophie de l'art. 2 éd. Paris. 1872, p. 68—69. Г. Спенсеръ, Происхожденіе и дѣятельность музыки. (Научные, политическіе и философскіе опыты. Спб. 1866. I, стр. 143, 153, 164, 166).

занной столькими несчастіями? Свои страданія Бетховенъ обыкновенно переносилъ молча. Онъ говоритъ о нихъ въ своемъ завѣщаніи, да кое-гдѣ намекаетъ на свою печальную судьбу въ своихъ письмахъ. Здѣсь долго сдерживаемыя слезы хлынули потокомъ. Эти столь грустные звуки даютъ намъ возможность до нѣкоторой степени проникнуть въ тайники сердечной жизни Бетховена, этой оригинальной, великой и глубоко несчастной личности, и узнать, каково было переносить глухоту, бѣдность, болѣзни, неблагодарность и безпутство племянника, пренебреженіе близкихъ, непониманіе толпы и т. п. [1]). «9-я Симфонія (въ D-moll) Бетховена, пишетъ Карьеръ, есть великая трагедія въ звукахъ, борящихся съ глубочайшими страданіями жизни, чтобы изъ скорби и терзаній поднять насъ до настроенія, въ которомъ преобладаетъ радость, подобная выраженной въ гимнѣ Шиллера. Также симфонія въ C-moll освѣщаетъ грусть радостью и много разъ слышится намъ въ ней Прометей, гордо и смѣло превозносящійся въ сознаніи своей силы, а затѣмъ стонущій въ своихъ оковахъ, терзаемый коршуномъ, но сохраняющій въ сердцѣ любовь къ человѣчеству, затѣмъ низвергающійся въ мученія, наконецъ внутренно примиренный и очищенный въ гармоніи съ нравственнымъ міропорядкомъ вступаетъ онъ на Олимпъ, привѣтствуемый тысячами имъ облагодѣтельствованныхъ и освобожденныхъ. Также въ Бетховенской Героикѣ трагическое героизма соединено съ его апоѳеозомъ: оно проходитъ сквозь борьбу къ побѣдѣ, оно несетъ страданіе жизни, и погребальная пѣснь звучитъ уныло, пока не раздастся торжественное, тріумфальное пѣніе современниковъ и потомковъ» [2]). Трагизмъ музыки сдѣлалъ ее способной къ соединенію съ драмой въ оперѣ, въ которой музыка досказываетъ то, что не въ состояніи выразить слово. По мнѣнію Нитше, трагедія даже родилась изъ музыки» [3]). Сначала трагедія была неразрывно связана съ музыкой какъ въ Греціи, такъ и въ средніе вѣка въ литургической драмѣ. Лишь впослѣдствіи трагедія отдѣлилась отъ музыки и сдѣлалась тою художественною отраслью, которая всецѣло сосредоточена на воспроизведеніи трагизма. Впрочемъ, поэзія способна выражать трагическое и въ другихъ своихъ родахъ.

Если пластика и живопись способны воспроизводить лишь одинъ трагическій моментъ, болѣе или менѣе резюмирующій все ему предшествующее и перспективу, за нимъ слѣдующую, то имъ совершенно недоступенъ процессъ борьбы и сопровождающія его мысли и чувства участвующихъ въ ней лицъ. Если музыка въ состояніи выразить самую борьбу и сопровождающія ее душевныя движенія со всѣмъ разнообразіемъ возростающей и падающей силы, то она не можетъ (въ ея инструментальномъ родѣ, въ которомъ она ограни-

[1]) G. Grove, Beethoven and his nine Symphonies. 2 ed. London und New-York. 1896, p. 352.

[2]) M. Carriere, Aesthetik. 3 Aufl. Leipzig. 1885. I. S. 196.

[3]) F. Nietzsche, Die Geburt der Tragödie aus dem Geiste der Musik.

чивается лишь собственными средствами, не прибѣгая къ помощи слова) объяснить, въ чемъ заключается борьба, изъ-за чего она возникла, съ какою цѣлью ведется, въ чемъ заключаются испытываемыя страданія, а главное: она лишена возможности изобразить личность трагическаго героя, безъ котораго борьба, движенія страсти, жгучія страданія, безысходное горе, слышимыя въ фантастическомъ мірѣ музыкальныхъ звуковъ, не имѣютъ значенія реальныхъ фактовъ. Лишь одна поэзія способна представить трагическаго героя съ наглядностью пластики и живописи и показать его внѣшнюю и внутреннюю борьбу, какъ результатъ его страстей, находящихъ въ полныхъ искренности словахъ органъ, иногда едва ли не равняющійся съ мощью музыкальной экспрессіи, въ особенности если имъ придана изящная стихотворная форма.

Впрочемъ, поэзія соперничаетъ въ образности съ пластикою и живописью и въ потрясающей экспрессіи съ музыкой лишь въ трагедіи, соединяющей въ себѣ тотъ и другой элементы. При художественномъ исполненіи драмы на сценѣ дѣйствующія лица представляютъ зрѣлище, по трагизму далеко превосходящее всевозможныя статуи и картины: сцена является какъ бы ожившимъ шедевромъ пластики и живописи. Если же роль трагическихъ героевъ и героинь исполняется геніальными актерами и актрисами, то звуки ихъ голоса пробуждаютъ въ сердцахъ зрителей откликъ до такой степени интенсивный, до какой едва ли въ состояніи достигнуть музыка не только въ инструментальномъ, но даже и въ вокальномъ родѣ. По крайней мѣрѣ то потрясающее впечатлѣніе, какое производилъ на зрителей Кинъ, по словамъ Льюиса, Мочаловъ, по свидѣтельству Бѣлинскаго, въ наше время Росси, Сальвини и Дузе, наблюдается въ оперѣ значительно рѣже... Если высшаго трагизма поэзія достигаетъ лишь въ трагедіи, то все-таки и лирика, въ особенности эпосъ, гораздо способнѣе выражать трагическое, чѣмъ образовательныя искусства и музыка. Хотя въ лирикѣ трагизмъ, подобно трагизму въ музыкѣ, выражается, преимущественно, какъ настроеніе, но все-таки несравненно опредѣленнѣе. Если музыка воспринимается слушателемъ въ смыслѣ символическаго вопля, выражающаго движенія человѣческой души, то лирика прямо и непосредственно изливаетъ сердечныя чувства; и если объ ихъ причинѣ лирика обыкновенно умалчиваетъ, ограничиваясь лишь намеками, то эта неопредѣленность, нисколько не нанося ущерба искренности, доставляетъ произведенію тѣмъ большую общность, дающую возможность каждому найти отголосокъ собственнаго настроенія. Каждый плачетъ своими собственными слезами, болѣе или менѣе отличающимися отъ слезъ другихъ людей, каждый подпадаетъ подъ власть страстей, принимающихъ особую индивидуальную окраску, каждый путемъ своего личнаго опыта достигаетъ познаванія могучихъ роковыхъ силъ, тяготѣющихъ надъ судьбою всѣхъ насъ, каждый по своему приходитъ къ пониманію нравственнаго міропорядка, поэтому «Пѣснь Арфиста» Гёте, не объясняя причины страданій, не обнаруживая путей, по которымъ авторъ дошелъ до своего пониманія жизни, а лишь вы-

ражая съ полною искренностью, что онъ испыталъ въ своей душѣ, когда на его голову обрушились страшныя, карающія небесныя силы, можетъ поистинѣ назваться трагической пѣсней страждущаго человѣчества.

«Кто со слезами свой хлѣбъ не ѣдалъ,
Кто никогда отъ пеленъ до могилы
Ночью на ложѣ своемъ не рыдалъ,
Тотъ васъ не знаетъ, небесныя силы!
Вы руководите въ жизни людей
Вы предаете ихъ власти страстей
Вы жъ обрекаете ихъ на страданіе,
Здѣсь на землѣ есть всему воздаяніе».

У каждаго изъ насъ свои мечты, свои желанія, каждый изъ насъ по своему въ нихъ разочаровывается или терпитъ неудачу, но оставшаяся сердечная пустота одна и та же, какъ бы ни были различны пестрые миражи нашихъ юношескихъ увлеченій. Оттого стихотвореніе Пушкина:

«Я пережилъ свои желанья»,

съ такою сладостною болью отзывается въ груди каждаго изъ насъ... Вслѣдствіе его общности намъ кажется, что оно написано о насъ всѣхъ. А та старая исторія, которую разсказываетъ Гейне о разбитомъ несчастной любовью сердцѣ, не есть ли біографія большинства? Съ драмой, по силѣ трагизма, соперничаетъ эпосъ, напримѣръ, Илліада Гомера, Тарасъ Бульба Гоголя, «этотъ написанный прозою эпосъ» [1]), а также современный романъ. Романъ отличается отъ трагедіи лишь тѣмъ, что въ немъ, кромѣ трагическаго героя, много людей иного характера, кромѣ трагическаго настроенія, много иныхъ. Въ трагедіи трагизмъ является болѣе концентрированнымъ и производящимъ несравненно болѣе потрясающее дѣйствіе тѣмъ, что эпическій разсказъ замѣненъ дѣйствіемъ, изображеннымъ лицами, выведенными авторомъ на сцену. Трагедія есть драма, существеннѣйшій же признакъ драмы заключается въ желаніи и дѣйствіи. То и другое осуществляется въ трагическомъ героѣ, не любое желаніе и дѣйствіе, а значительное, наполняющее всю личность героя. Содержаніе желанія и дѣйствія должно быть таково, что бы мы могли понять, почему оно въ состояніи преисполнить собою всю личность. Она должна имъ всецѣло проникнуться, потому что оно вытекаетъ изъ глубины ея натуры. Это желаніе и дѣйствіе должны вести въ трагедіи къ страданію. Они должны быть именно тѣмъ, ради чего герой страждетъ. «Этимъ отличается трагизмъ въ узкомъ или собственномъ смыслѣ слова, трагизмъ трагедіи отъ прочаго, не драматическаго» [2]).

Хотя трагедія обнаруживаетъ трагизмъ сильнѣе, ярче остальныхъ поэтическихъ родовъ и искусствъ вообще, но и въ ней замѣчаются разныя града-

[1]) J. Volkelt. Aesthetik des Tragischen. München, 1897. S. 21.
[2]) Th. Lipps. Der Streit über die Tragödie. Hamburg und Leipzig. 1891. S. 51.

ціи трагизма, смотря по міросозерцанію народа, создавшаго трагедію времени, въ которое она возникла, и автору, ее написавшему.

Всего болѣе вредитъ трагедіи вѣра въ боговъ, распоряжающихся людьми по своему произволу, не допуская ихъ развиться до самоопредѣленія собственной участи на землѣ. Въ нѣкоторыхъ драмахъ боги обнаруживаютъ чрезвычайно жестокій характеръ, а иногда мелочной и придирчивый нравъ. Такъ, напримѣръ, въ драмѣ Кшемисвары «Гнѣвъ Каузика» царь Гаристшандра прерываетъ чародѣйство кающагося Каузика, за что подвергается, какъ за великое преступленіе, проклятію, влекущему за собою страшныя бѣдствія, истиннымъ виновникомъ которыхъ оказывается злой богъ Ганеза, завлекшій въ видѣ кабана охотящагося царя въ рощу, гдѣ находился Каузика. Точно также у Эврипида иногда трагизму мѣшаютъ боги, руководимые мелкими интересами, низкими страстями, коварствомъ и злобою, направленными противъ беззащитныхъ людей. Такъ, напримѣръ, въ «Ипполитѣ» Афродита раздражена противъ названнаго героя его неподатливостью къ любви и благоговѣйнымъ почитаніемъ цѣломудренной Артемиды. Мстя враждебному ей Ипполиту, Афродита нисколько не смущается тѣмъ, что губитъ и совершенно невинныхъ передъ ней Федру и Тезея. Недостойную роль играетъ Аполлонъ въ «Іонѣ» и «Электрѣ» Еврипида въ которой даже Зевсъ является и жестокимъ, и несправедливымъ [1]).

Религіозное міросозерцаніе совсѣмъ не допустило развитія драмы у евреевъ. По мнѣнію Шерра, «чувства совершенной зависимости отъ Іеговы не позволили развиться еврейской драмѣ, потому что драма требуетъ свободнаго дѣйствія, самостоятельной личности, а въ сознаніи евреевъ существовала только одна самостоятельная личность — личность Бога, Который Одинъ былъ способенъ и въ правѣ на свободное дѣло» [2]).

Неблагопріятно развитію трагизма и христіанское міросозерцаніе. Его идеальныя качества: смиреніе, кротость, покорность судьбѣ не вяжутся съ главными свойствами трагическаго характера: страстнаго, самостоятельнаго, упорно преслѣдующаго свои цѣли. У христіанина земные интересы заслонены помыслами о небесной радости. Туда устремлены его взоры, туда влекутъ его сердечныя желанія, отрывая его отъ суеты мірской жизни съ ея страхами и надеждами. Страданія лишены своей жгучей боли мыслью христіанина о ихъ значеніи искуса для подготовки души къ блаженству небесной награды въ раю. Сама смерть теряетъ свою наводящую ужасъ силу, являясь избавительницей отъ земныхъ искушеній и скорбей, ведущей праведника въ жизнь вѣчную. Христіанство въ болѣе или менѣе измѣненной формѣ католицизма тоже неблагопріятно трагизму, что видно напр. въ испанской драмѣ вообще и у Кальдерона въ частности. «Нравственная истина христіанства, пишетъ Каррьеръ, смѣшивается съ извращеніемъ и омертвѣлостью его въ культѣ и догматѣ; нравствен-

[1]) J. Volkelt, Aesthetik des Tragischen. München. 1897. S. 403—404.

[2]) І. Шерръ. Всеобщая исторія литературы. Изд. 3-е. Спб. 1879. I, стр. 45.

ная истина составляетъ силу, а извращеніе и омертвѣлость смертную сторону и Кальдерона, и самого католичества». По поводу «Поклоненія Кресту» Кальдерона М. Карьеръ пишетъ, что «оно оскорбляетъ и нравственное чувство, и мыслящее самосознаніе, суевѣрно мѣшая символъ съ понятіемъ, отрывая религію отъ морали, такъ что первая становится одною только привязанностью къ церковнымъ обрядамъ и поклоненіемъ фигурѣ креста, т.-е. чистымъ фетишизмомъ, откуда выходитъ то отвратительно-гнусное ученіе, что человѣкъ властенъ творить ужаснѣйшія злодѣйства, лишь бы онъ уважалъ разъ освященныя внѣшности. Благоговѣйное поклоненіе кресту не мѣшаетъ Евсевію быть убійцею, разбойникомъ и растлителемъ, но онъ ставитъ кресты на могилахъ своихъ жертвъ, и вотъ крестообразно-сплоченное бревно выручаетъ его за это изъ бѣды при кораблекрушеніи. Онъ любитъ одну дѣвушку, невѣдомую имъ сестру, которая однакоже укрывается въ монастырѣ, послѣ того, какъ онъ убилъ другого ея брата на поединкѣ; разбойникъ проникаетъ въ обитель; «чего хочешь ты, неотступная греза моего сердца?» спрашиваетъ Юлія; если она не уступитъ его желанію, говоритъ Евсевій, онъ разгласитъ по всему монастырю, что давно уже въ связи съ ней. Она уступаетъ, но когда онъ ринулся обнять ее, онъ видитъ крестъ у ней на груди—и бѣжитъ прочь. Теперь она за нимъ гонится: изъявивъ согласіе на грѣхъ, Юлія хочетъ вкусить его сладость. Она спускается по лѣстницѣ съ монастырскихъ стѣнъ, но уже не находитъ возлюбленнаго; хочетъ воротиться назадъ, но лѣстница уже исчезла; само небо отняло у ней возвратъ, и теперь она рѣшается жить такъ, чтобы даже адъ содрогнулся отъ ужаса. Евсевій то же не помышляетъ исправиться, онъ только даетъ обѣтъ отнынѣ преклонять колѣни передъ каждымъ встрѣчнымъ крестомъ. И у него на груди крестъ: его мать, отвергнутая ревнивымъ мужемъ, родила обоихъ дѣтей подъ крестомъ среди горъ, и у обоихъ выступили крестообразныя родимыя пятна; дѣвочку взяла она съ собой, а мальчика оставила на мѣстѣ. Кровожадной гіэной рыщетъ теперь Юлія по горамъ, громоздя злодѣйство на злодѣйство. Противъ предводимыхъ ею разбойниковъ созываютъ окольныхъ крестьянъ, а отецъ Евсевія у нихъ начальникомъ. Раненный Евсевій падаетъ со скалы къ тому самому кресту, подъ которымъ онъ родился; я всегда благоговѣлъ передъ тобою, говоритъ онъ, не дай мнѣ умереть безъ покаянія; пусть прійдетъ отшельникъ Альберто, пощаженный мною за то, что онъ написалъ книгу о происхожденіи Честнаго Древа, на которомъ умеръ Христосъ. Отецъ узнаетъ сына, но не бьется уже сердце Евсевія. Приходитъ отшельникъ, вырываетъ тѣло его изъ земли и тутъ совершилось чудо,—покойникъ приподнялся и произнесъ: «Грѣховъ у меня больше, чѣмъ пылинокъ на солнцѣ, но благоговѣніе къ кресту спасло меня передъ престоломъ Божіимъ». Онъ получаетъ отпущеніе грѣховъ; но зачѣмъ оно было нужно, зачѣмъ было воскрешать мертваго, когда онъ уже и такъ спасенъ, объ этомъ не говорится ни слова. Юлія между тѣмъ опять собрала разбойниковъ для нападенья, какъ вдругъ она

узнаетъ, что умершій—ея братъ; такъ какъ крестъ оберегъ ее отъ кровосмѣшенія, она рѣшается теперь жить въ покаяніи; но отецъ непремѣнно хочетъ ее убить; тогда она хватается за крестъ, молитъ его о помощи, и онъ возносится съ нею къ небесамъ! Великое чудо! восклицаетъ народъ въ заключеніе. Конечно, всѣ ужасы изувѣрства, французская Варѳоломеевская ночь и костры испанской инквизиціи лежатъ въ основной мысли этой превосходно-построенной піэсы, богатой множествомъ поэтически-потрясающихъ сценъ: грѣхъ дозволителенъ стало-быть на пользу церкви, и для спасенія грѣшника, держащагося! внѣшнихъ ея правилъ и символовъ, Богъ дѣлаетъ еще неслыханныя чудеса! Что зло должно быть осуждено и преодолѣно собственной совѣстью человѣка, что религія состоитъ въ единеніи воли его съ божественною, въ благочестивомъ радованіи всякимъ добромъ дѣломъ и въ искренней любви къ ближнему,—это ядро христіанства откинуто изъ-за скорлупы на второй планъ; не высокій образецъ Іисуса, а лишь фигура креста служитъ предметомъ тщетнаго поклоненія, мѣсто вѣры, приносящей плоды добрыхъ дѣлъ, заступаетъ безумное и бездушное суевѣріе, обильно порождающее плевелы преступленія» [1]).

Геній писателя можетъ иногда стряхнуть съ себя иго религіознаго міросозерцанія своего народа и своего времени и развивать характеры чисто по человѣчески, сообразно съ ихъ психологическими законами, безъ посторонняго вмѣшательства боговъ и судьбы. Такова драма Визакадатты «Мудраракшаза», въ которой изображается борьба двухъ взаимно враждебныхъ государственныхъ канцлеровъ безъ вмѣшательства какого бы то ни было сверхъестественнаго элемента. Такова «Антигона» Софокла, въ которой событія совершаются въ силу необходимости, присущей законамъ, управляющимъ человѣческими поступками и отношеніями. Такова «Медея» Еврипида, которую Язонъ бросаетъ не по какому-нибудь опредѣленію свыше, а согласно съ собственной волей, навлекая на себя мщеніе Медеи, совершенно самостоятельно рѣшающейся на страшное дѣло [2]). И христіанство не помѣшало возникновенію расцвѣта трагедіи въ лицѣ Шекспира, Гёте, Шиллера и др., примыкающихъ впрочемъ, скорѣе уже къ современному міросозерцанію, болѣе или менѣе далекому отъ теологической исключительности. Сопоставляя теологическое міросозерцаніе съ современнымъ, Фолькельтъ пишетъ: «Гдѣ настоящая христіанская вѣра была положена въ основу трагедіи и дѣйствія, и характеры сообразовались съ требованіями названной религіи, тамъ трагическая коллизія не можетъ доразвиться до своей полной гибельной послѣдовательности, наоборотъ, ея крайняя острота скорѣе притупится, надломится и направится къ спасенію и примиренію. Только свободное міросозерцаніе современнаго духа служитъ основой трагическому, на которой послѣднее въ состояніи проявиться во всей своей полнотѣ и глубинѣ» [3]).

---

[1]) М. Каррьеръ Искусство въ связи съ общимъ развитіемъ культуры и идеаловъ человѣчества. Пер. Ѳ. Корша. Москва. 1876. Томъ IV, стр. 331.

[2]) J. Volkelt. Aesthetik des Tragischen. München. 1897. S. 397—388, 405.

[3]) Ibid. S. 41.

«Современное міросозерцаніе, продолжаетъ Фолькельтъ, есть единственный элементъ, въ которомъ трагическое находитъ свое полное силъ, безпрепятственное и послѣдовательное развитіе. Здѣсь судьба есть необходимый результатъ самостоятельнаго характера человѣка въ связи съ закономѣрнымъ порядкомъ, въ которомъ человѣкъ находится. Судьба здѣсь является человѣку не въ формѣ чуждой, произвольной, насильственной силы, не въ формѣ чуда и чаръ. Вмѣсто разъединенія и перерыва — единство и связь. Оттого уничтожаются всѣ стѣсненія и искаженія человѣка, всѣ тѣ недостойныя представленія о его положеніи въ отношеніи къ божественному, которыя, какъ мы видѣли, мѣшали удовлетворительному развитію трагическаго. Точно также здѣсь исчезаютъ всѣ тѣ путаницы и затемнѣнія страданія, вины и примиренія, возникающія вслѣдствіе трансцендентальной судьбы. Только благодаря современному міросозерцанію, трагическое можетъ развить всѣ свои страшныя и возвышающія стороны, всю силу и остроту своего синтеза» [1]).

Философы, писавшіе о трагедіи, часто обнаруживали склонность приписывать драматургамъ свое міросозерцаніе. Творцы философскихъ системъ бывали склонны объяснять трагическое, сообразно своему образу мыслей, едва ли тождественному съ тѣмъ, что драматургами было вложено въ ихъ произведенія. Такъ, напримѣръ, Шеллингъ видѣлъ сущность трагическаго въ тожествѣ реальнаго и идеальнаго, составляющемъ абсолютное. Трагическое, по мнѣнію названнаго философа, есть столкновеніе необходимости и свободы, достигнувшее равновѣсія. Возвышенное въ трагедіи заключается въ томъ, что свобода просвѣтляется до высшей тождественности съ необходимостью. Свобода и необходимость для Шеллинга не человѣческія отношенія, а абсолютныя, вѣчныя сущности. Поэтому у Шеллинга трагическое совершенно обезличено, такъ сказать обезчеловѣчено и превращено въ игру абсолютныхъ сущностей» [2]).

Зольгеръ видитъ въ трагическомъ идею, обнаруживающуюся въ человѣческой дѣйствительности неразрѣшимыми противорѣчіями, гибелью смертной оболочки, уничтоженіе которой содѣйствуетъ проявленію вѣчной идеи [3]).

Гегель вездѣ видитъ въ трагическомъ вѣчныя, существенныя, нравственныя силы, согласно съ его ученіемъ о міровомъ духѣ, который черезъ противорѣчіе, страданіе и смерть достигаетъ примиренія съ самимъ собою. Въ метафизикѣ Гегеля трагическое заключается въ вѣчной справедливости, уничтожающей вредную односторонность и такимъ образомъ возстановляющей нравственную сущность и единство. По мнѣнію Гегеля, тема трагедіи есть божественное въ своей міровой реальности, потому что въ этой формѣ божественное есть нравственное, а въ нравственномъ заключается сущность всякой

[1]) Ibid. S. 414.

[2]) Schelling. Philosophie der Kunst. Werke. Bд. 5 ч. 689 ff.. 699 f.

[3]) K. W. Solger. Vorlesungen über Aesthetik. Herausgegeben von Heyse. Leipzig. 1829. s. 94 ff. 309 ff. 316. Cp. Erwin. Berlin. 1815. 8. 253 ff.

истинной трагедіи [1]). По поводу взглядовъ Гегеля на трагическое Фолькельтъ замѣчаетъ: «Можетъ быть, это вѣрно такъ философствовать о нравственномъ, и видѣть въ немъ проявленіе божественнаго. Только такая философская мысль не представляетъ ничего необходимо-существеннаго въ эстетикѣ трагическаго. Полное впечатлѣніе отъ Ромео и Юліи или отъ Нибелунговъ вовсе не зависитъ оттого, что тамъ любовь четы и фамильная ненависть, здѣсь беззаботность Зигфрида и мрачная страсть Галена понимаются, какъ существенно-нравственныя силы и слѣдовательно, какъ самоосуществленіе абсолютнаго разума. Отъ этихъ произведеній получаетъ полное трагическое впечатлѣніе и тотъ, кто объ этой философіи не думаетъ или ей не вѣритъ [2]).

Цейзингъ объясняетъ трагическое, какъ прекрасное явленіе, пробуждающее идею абсолютнаго совершенства, но такъ, что обнаруживается въ ней то въ противорѣчіи, то въ согласіи [3]).

Реакціей противъ такихъ мнѣній, встрѣчающихся у нѣмецкихъ метафизиковъ, является ученіе тѣхъ эмпириковъ, которые отрицаютъ какое бы то ни было отношеніе трагедіи къ міросозерцанію ея автора. Такъ, напримѣръ, Липпсъ пишетъ: «Трагическое, какъ и всякое другое произведеніе вовсе не обязано проповѣдывать или подтверждать какое бы то ни было міросозерцаніе, ни пессимистистическое, ни оптимистическое. «Но у поэта должно же быть какое нибудь міросозерцаніе и оно то должно обнаружиться въ его произведеніи. И лишь тотъ правильно пойметъ художественное произведеніе, кто встанетъ на точку зрѣнія этого міросозерцанія». Я спрашиваю: зачѣмъ все это? Пусть у поэта, какъ человѣка, будетъ, такъ сказать, для собственнаго употребленія свое міросозерцаніе. Какъ поэту, ему нѣтъ надобности имѣть никакого. Вѣдь ему важно лишь представить борьбу міросозерцаній въ своихъ образахъ. Во всемъ остальномъ ему полезно, по возможности, хранить свое міросозерцаніе про себя. Во всякомъ же случаѣ ему нужно знаніе міра и всего въ немъ возможнаго; пониманіе того, что есть въ мірѣ и что способно дѣйствовать на человѣческое чувство, и господство надъ языкомъ, въ которомъ міровыя явленія обнаруживаютъ свой смыслъ и свое содержаніе. Если это называется міросозерцаніемъ, то все же это не есть міросозерцаніе въ предполагаемомъ здѣсь философскомъ смыслѣ слова. У великихъ поэтовъ не было «міросозерцанія» или же оно было у нихъ очень шаткое, а если и было, то они опасались, какъ бы его изображеніемъ и восхваленіемъ не испортить художественнаго произведенія. Лишь въ одномъ смыслѣ, исключая только что признаннаго, у поэта, какъ и у всякаго художника должно быть міросозерцаніе, а именно: если подъ міромъ понимается міръ художественнаго произведенія. Этотъ міръ—его міръ, и конечно, этотъ имъ созданный міръ долженъ

---

[1]) Hegel, Vorlesungen über die Aesthetik. 2 Aufl. Berlin. 1843. Rs. 3, r. 528 ff.

[2]) J. Volkelt, Aesthetik des Tragischen. München. 1898. S. 28.

[3]) Ad. Zeising, Aesthetische Forschungen, Frankfurt a. M. 1855. p. 322.

быть для художника предметомъ яснаго, всеобъемлющаго воззрѣнія, преисполненнаго внутренней правды. Именно это «міровоззрѣніе» долженъ уловить и зритель» [1]).

Приведенныя слова Липпса имѣютъ глубокое значеніе въ виду склонности эстетиковъ навязывать трагедіи свое собственное міровоззрѣніе. Но едва ли можно согласиться съ Липсомъ, утверждающимъ, будто бы художникамъ нѣтъ надобности имѣть свое міросозерцаніе и, если оно есть, то имъ слѣдуетъ хранить его про себя. Вѣдь, съ одной стороны, трагическое воспроизводится поэтомъ вслѣдствіе его міровоззрѣнія, съ другой, главное условіе художественнаго творчества заключается въ искренности. Какимъ же образомъ художникъ скроетъ свой взглядъ на жизнь, изображая ее въ самыхъ глубокихъ и важныхъ моментахъ ея развитія? Совершенно непроизвольно поэтъ обнаружитъ или свое жизнерадостное настроеніе, или свою склонность подчеркивать этическіе принципы, или примиренное съ міромъ настроеніе своей души, или же свое истерзанное сердце, или свою самодовлѣющую индивидуальность, или свое благоговѣніе передъ небесными силами;—все это отзывается въ трагедіи и сообщаетъ й особый колоритъ и отпечатокъ. Чѣмъ яснѣе поэтъ понимаетъ жизнь вообще, ѣмъ глубже смотритъ онъ въ человѣческое сердце, чѣмъ болѣе онъ привыкъ проникать своими взорами сквозь скорлупу разныхъ общественныхъ условеостей въ душевные тайники, хранящіе пружины всѣхъ человѣческихъ дѣйтвій, тѣмъ болѣе захватывающаго интереса окажется въ твореніяхъ такого писателя и тѣмъ большее впечатлѣніе они произведутъ на общество...

Первый конгрессъ экспериментальной психологіи.

Съ 5 по 8 апрѣля текущаго года въ Гиссенѣ происходили засѣданія Перваго международнаго конгресса экспериментальной психологіи.

Иниціаторами этого важнаго дѣла были извѣстные психологи Мюллеръ (изъ еттингена), Эббинггаусъ (изъ Бреславля) и Кюльпе (изъ Вюрцбурга), пригласившіе затѣмъ къ дѣлу ближайшей организаціи конгресса профессоровъ Зоммера (изъ Гиссена), Меймана (изъ Цюриха) и Шумана (изъ Берлина). Первоначально предполагалось устроить конгрессъ чисто нѣмецкій, но затѣмъ, по мысли Мюллера, рѣшено было придать ему интернаціональный характеръ.

На приглашенія, разосланныя организаціоннымъ комитетомъ, откликнулось болѣе ста человѣкъ, изъ которыхъ 97 (заявившихъ себя трудами въ области психологіи и пограничныхъ съ нею наукъ) были приняты въ число дѣйствительныхъ членовъ конгресса, а остальные 29 (преимущественно врачи

[1]) Th. Lipps, Der Streit über die Tragödie. Hamburg und Leipzig. 1891. S. 10—11. Ср. Ibid. S. 25.

и педагоги)—въ число слушателей. За исключеніемъ 15 человѣкъ, задержанныхъ непредвидѣнными обстоятельствами, всѣ эти лица приняли участіе въ засѣданіяхъ конгресса.

Еще наканунѣ открытія конгресса въ городѣ замѣчалось значительное оживленіе. Вся площадь передъ вокзаломъ, университетъ и клиника душевныхъ болѣзней были разукрашены безчисленнымъ множествомъ флаговъ и зеленью. Въ нѣсколькихъ мѣстахъ были воздвигнуты арки съ различными украшеніями и привѣтственными надписями. Гости на вокзалѣ получали всѣ необходимыя справки и указанія [1]).

Вечеромъ, 4 апрѣля, въ одномъ изъ отелей состоялось первое товарищеское собраніе членовъ съѣзда. По количеству и именамъ собравшихся этотъ съѣздъ дѣйствительно можно было назвать блестящимъ. Всѣ нѣмецкіе университеты прислали своихъ представителей, среди которыхъ, между прочимъ, находились Мюллеръ (Геттингенъ), Эббинггаусъ (Бреславль), Кюльпе (Вюрцбургъ), Шуманъ (Берлинъ), Конъ (Фрейбургъ), Марбе (Вюрцбургъ), Виртъ (Лейпцигъ) Марціусъ (Киль) и друг. Иностранцевъ собралось значительно меньше, чѣмъ нѣмцевъ. Тѣмъ не менѣе среди членовъ конгресса были психологи, пріѣхавшіе изъ Австріи, Венгріи, Голландіи, Швейцаріи, Италіи, Англіи, Швеціи, Франціи и Америки. Даже Японія имѣла своего представителя. Только ни одинъ русскій университетъ не прислалъ своего делегата и, къ сожалѣнію, вообще единственнымъ русскимъ на этомъ конгрессѣ былъ я, командированный туда въ качествѣ представителя Педагогическихъ Курсовъ военно-учебнаго вѣдомства...

Утромъ 5 апрѣля въ большой университетской залѣ состоялось открытіе конгресса.

Первую рѣчь произнесъ проф. *Зоммеръ*, который, объявивъ общую программу занятій конгресса, указалъ на важное научное значеніе перваго съѣзда по экспериментальной психологіи, объединяющаго въ дружной работѣ многихъ психологовъ, физіологовъ, физиковъ, психіатровъ, неврологовъ и педагоговъ.

Важнымъ отличіемъ настоящаго конгресса экспериментальной психологіи отъ предшествующихъ психологическихъ конгрессовъ является, по мнѣнію проф Зоммера, то обстоятельство, что въ число его дѣйствительныхъ членовъ допускаются только лица, получившія извѣстную психологическую подготовку. «Это не есть выраженіе какой нибудь исключительной обособленности,—сказалъ проф. Зоммеръ,—а просто выраженіе стремленія обезпечить наиболѣе производительную общую работу».

Закончивъ свою рѣчь обычными привѣтствіями, Зоммеръ просилъ проф. Мюллера принять на себя предсѣдательство. По предложенію Мюллера, кромѣ него, въ составъ комитета конгресса вошли: Эббинггаусъ, Экснеръ, Зоммеръ

---

[1]) Единственнымъ крупнымъ недостаткомъ въ организаціи конгресса слѣдуетъ признать отсутствіе ежедневныхъ бюллетеней съ главными положеніями докладовъ.

и Кюльпе. Обязанности секретарей взялись исполнять Шуманъ, Виртъ и Ахъ (прив.-доц. изъ Геттингена).

Выслушавъ привѣтствія отъ представителей провинціи Обергессенъ и города Гиссена, конгрессъ приступилъ къ своимъ научнымъ занятіямъ.

Занятія съѣзда продолжались три съ половиною дня и представляли собою такую напряженную работу, что проф. Экснеръ имѣлъ полное право сказать на прощальномъ ужинѣ: «Мы такъ добросовѣстно трудились, что у меня иногда возникало даже сомнѣніе, не производятъ ли надъ нами психологическихъ экспериментовъ, чтобы показать, какъ отъ усталости люди теряютъ память, вниманіе, способность соображать и все таки могутъ еще продолжать свою работу, благодаря вновь возникающимъ интересамъ».

Чтеніе и обсужденіе рефератовъ продолжалось обыкновенно (безъ перерыва) отъ 9 ч. утра до 1 ч. дня и (съ перерывомъ въ 10 минутъ) отъ $3^1/_2$ до 8 часовъ вечера. Впрочемъ, вечернія засѣданія оканчивались иногда позднѣе, а начинались раньше (въ 3 ч.), причемъ начало собранія посвящалось демонстраціямъ психологическихъ приборовъ.

Всего состоялось около 50 докладовъ по вопросамъ: индивидуальной психологіи, психофизіологіи органовъ чувствъ, памяти, пониманія, сознанія и сна, выразительныхъ движеній и дѣятельности воли, чувствъ и эстетики, психологіи дѣтства и педагогики, криминальной психологіи и психопатологіи.

Такъ какъ труды конгресса въ скоромъ времени будутъ изданы въ свѣтъ, то въ настоящемъ отчетѣ я могу ограничиться указаніемъ лишь главнѣйшихъ результатовъ, полученныхъ конгрессомъ, и характеристикой наиболѣе выдающихся докладовъ.

Гиссенскій конгрессъ наглядно показалъ, какъ много завоеваній сдѣлала въ послѣднее время экспериментальная психологія и какъ много единенія, энергіи и вѣры въ будущее этой науки у ея современныхъ представителей. Ясно обнаружился на Гиссенскомъ конгрессѣ и тотъ глубокій интересъ, который возбуждаетъ современная экспериментальная психологія у многихъ представителей не только физіологіи и психопатологіи, но педагогики; физики и медицины. Во время преній и бесѣдъ, происходившихъ между участниками конгресса, выяснилась необходимость организовать экспериментально-психологическія изслѣдованія по совмѣстно выработаннымъ планамъ, устраивать регулярные съѣзды по экспериментальной психологіи и періодическія выставки аппаратовъ. Для практическаго осуществленія всего этого, рѣшено было здѣсь же, во время съѣзда, основать общество экспериментальной психологіи, въ составъ котораго вошли всѣ дѣйствительные члены Гиссенскаго Конгресса.

Основаніе этого Общества является безспорно самымъ важнымъ практическимъ результатомъ Гиссенскаго съѣзда. Поэтому я позволю себѣ сообщить нѣсколько свѣдѣній о главнѣйшихъ основахъ его организаціи.

Новое Общество ставитъ своей цѣлью содѣйствіе успѣхамъ эксперимен-

тальной психологіи и всѣмъ работамъ, которыя, по своему методу, являются сродными съ ней. Членомъ общества можетъ быть избранъ лишь тотъ, кто напечаталъ научную работу по психологіи или смежной съ нею наукѣ, при чемъ не требуется, чтобы эта работа была напечатана непремѣнно на нѣмецкомъ языкѣ. Избраніе совершается простымъ большинствомъ голосовъ, по заявленію желающаго стать членомъ Общества Совѣту, черезъ его секретаря. Годичный взносъ опредѣленъ въ 5 марокъ. Совѣтъ, состоящій изъ семи членовъ [1]), рѣшаетъ вопросъ о пріемѣ въ Общество и, кромѣ того, имѣетъ право приглашать представителей той или другой науки, не состоящихъ членами Общества экспериментальной психологіи, къ участію въ общей научной работѣ. Совѣтъ подготовляетъ программы общихъ собраній и публикуетъ отчеты о нихъ, съ приложеніемъ списка членовъ общества. Кромѣ того, для постановки отдѣльныхъ изслѣдованій, Совѣтъ организуетъ спеціальныя коммиссіи. Органами Общества будутъ журналы: «Archiv für die Desamte Psychologie» и «Zeitschrift für Psychoeogie und Physiologie der Sinnesorgane». Общія собранія (съ докладами исключительно на нѣмецкомъ языкѣ) рѣшено устраивать черезъ каждые два года, причемъ первое собраніе состоится на пасхальной недѣлѣ 1906 года въ Вюрцбургѣ.

Теперь перейду къ характеристикѣ того, какъ были представлены на Гиссенскомъ конгрессѣ отдѣльныя отрасли экспериментальной психологіи.

I. *Индивидуальная психологія* была представлена только однимъ рефератомъ (Анри изъ Парижа), такъ какъ другой докладъ (Цюрихскаго профессора Меймана—«Объ основахъ индивидуальной психологіи» не состоялся, за неприбытіемъ (къ общему сожалѣнію) докладчика.

В. Анри, доложивъ Собранію о тѣхъ изслѣдованіяхъ, которыя, начиная съ 1895 года, производились имъ и Бинэ надъ учениками двухъ нормальныхъ французскихъ школъ, указалъ на необходимость пополнять примѣнявшіеся до сихъ поръ экспериментальные методы психо-физіологическаго изслѣдованія индивидуальныхъ особенностей человѣка точнымъ научнымъ *описаніемъ*, подобнымъ тому, которое имѣетъ, напримѣръ, мѣсто въ современной зоологіи. По заявленію Анри, продолжительныя изслѣдованія учащихся (въ возрастѣ отъ 17—19 л.), состоявшія въ измѣреніи вѣса тѣла, объема груди, дыханія, пульса и капиллярнаго давленія, а также въ экспериментальномъ изслѣдованіи сна, грезъ и работоспособности (мускульной силы, утомляемости, скорости реакцій, памяти на слова, числа, слоги и предложенія, воображенія и математическаго мышленія), хотя и дали очень много цѣнныхъ результатовъ, но не разрѣшили главной задачи, поставленной въ самомъ началѣ изслѣдователями:

---

[1]) Въ настоящее время составъ Совѣта опредѣлился такъ: Предсѣдатель — Г. Э. Мюллеръ (Геттингенъ), секретарь Ф. Шуманъ (Берлинъ), С. Экснеръ (Вѣна) Р. Зоммеръ (Гиссенъ), Э. Мейманъ (Цюрихъ Г. Эббинггау съ (Бреславль) и О. Кюльпе (Вюрцбургъ).

не позволили все таки точно установить индивидуальныя различія. Эта задача можетъ быть рѣшена лишь тогда, когда методы экспериментальныхъ изслѣдованій будутъ соединены съ цѣлесообразно поставленными опросами испытуемыхъ.

II. Изъ докладовъ, относящихся къ области *психофизіологіи органовъ чувствъ*, особое вниманіе возбудили доклады Мюллера («Теорія противоположныхъ цвѣтовъ и цвѣтовая слѣпота»), Эббингауса («Геометрическія зрительныя иллюзіи») и Шумана («Узнаваніе буквъ и словъ при моментальномъ освѣщеніи»).

Въ связи съ своей извѣстной теоріей цвѣтовъ, *Мюллеръ* объясняетъ разные случаи цвѣтовой слѣпоты, строго разграничивая процессы, происходящіе въ сѣтчаткѣ и нервныхъ зрительныхъ путяхъ, и утверждая возможность выпаденія внутреннихъ или внѣшнихъ изъ этихъ явленій (въ отдѣльности или въ комбинаціи другъ съ другомъ).

Эббингаусъ, приступая къ своему изслѣдованію, поставилъ себѣ задачей выяснить, какое значеніе при геометрическихъ зрительныхъ иллюзіяхъ имѣютъ процессы, происходящіе въ самомъ глазу, въ субкортикальныхъ центрахъ и въ большомъ головномъ мозгѣ. Для рѣшенія перваго пункта этой задачи, Эббингаусъ пробовалъ придавать геометрическимъ комбинаціямъ, порождающимъ зрительную иллюзію, форму не зрительныхъ, а осязательныхъ воспріятій. Онъ построилъ приборъ, который представляетъ собою выпуклое складное изображеніе двухъ извѣстныхъ Мюллеровскихъ линій, изъ которыхъ одна (съ обоихъ концовъ) граничитъ съ двумя острыми углами, а другая—съ двумя тупыми. Извѣстно, что двѣ равныя линіи, воспринимаемыя нашимъ зрѣніемъ при такихъ условіяхъ, кажутся намъ линіями различной длины. Но оказывается, что подобнаго же рода иллюзія получается, если данныя линіи будутъ восприниматься не въ формѣ зрительныхъ, а въ формѣ осязательныхъ образовъ. Въ этомъ Эббингаусъ убѣдился, заставляя слѣпыхъ (отъ рожденія) осязать построенный имъ приборъ. Аналогичные результаты получились и въ другихъ случаяхъ, при подобнаго же рода измѣненіяхъ формы воспріятій, порождающихъ иллюзію. Для изслѣдованія вліянія на возникновеніе оптической иллюзіи рефлекторныхъ явленій, Эббингаусъ разлагалъ зрительные образы, порождающіе иллюзію, и объединялъ ихъ при помощи стереоскопа. Кромѣ того, изслѣдовалось воспріятіе зрительныхъ впечатлѣній, порождающихъ иллюзію, при исключеніи движеній глаза. Оказалось, что при всѣхъ этихъ условіяхъ иллюзія значительно теряетъ свою силу. Въ результатѣ своей работы Эббингаусъ пришелъ къ заключенію, что геометрическія зрительныя иллюзіи слѣдуетъ объяснять, какъ иллюзіи контраста, при чемъ главную роль при опредѣленіи воспринимаемыхъ величинъ играютъ данныя предшествующаго опыта.

Въ докладѣ *Шумана* были сообщены результаты опытовъ съ воспріятіемъ буквъ и словъ при моментальномъ освѣщеніи, съ примѣненіемъ вновь построеннаго для этой цѣли аппарата. При этомъ среди испытуемыхъ удалось различить представителей слухового и зрительнаго типа, изъ которыхъ одни,

воспринимая данные образы буквъ и словъ, прибѣгали къ посредству слуховыхъ образовъ, а другіе—ясно воспроизводили соотвѣтствующія зрительныя представленія буквъ и словъ.

Изъ другихъ состоявшихся докладовъ къ области психофизіологіи органовъ чувствъ относились слѣдующіе: *Гуттмана* (Берлинъ)—Объ изслѣдованіяхъ такъ называемой слабой воспріимчивости на цвѣта, *Бенусси* (Женева)—о новомъ доказательствѣ специфической свѣтлости цвѣтовъ, *Чермака* (Галле) — о новыхъ изслѣдованіяхъ воспріятія глубины, *Экснера* (Вѣна)—о результатахъ нѣсколькихъ операцій надъ большимъ головнымъ мозгомъ собакъ. (операціи показали зависимость зрѣнія отъ извѣстныхъ частей мозга, хотя обнаружилась также возможность замѣщенія поврежденныхъ частей мозга другими, не тронутыми, причемъ, повидимому, поврежденныя части одного полушарія могутъ замѣщаться дѣятельностью частей другого полушарія), *Струкена* (Бреда)—объ опредѣленіи высоты тона въ микромиллиметрахъ, *Альрутица* (Упсала)—о кожныхъ ощущеніяхъ, *Гейманса* (Гронингенъ)—о контрастахъ интенсивности и психической задержкѣ.

III. Изъ рефератовъ, посвященныхъ *памяти*, наибольшій интересъ возбудили отчетъ *Мюллера* (Геттингенъ) объ изслѣдованіяхъ одной необыкновенной памяти (съ демонстраціями) и докладъ *Врешнера* (Цюрихъ) объ экспериментальныхъ изслѣдованіяхъ надъ ассоціаціями представленій.

Представленный Собранію профессоромъ Мюллеромъ докторъ Рюккле, математикъ по спеціальности, около 30 лѣтъ отъ роду, какъ показали тщательныя наблюденія, обладаетъ феноменальной памятью, далеко оставляющей позади память всѣхъ извѣстныхъ до сихъ поръ мастеровъ запоминанія. Интереснымъ обстоятельствомъ является то, что докторъ Рюккле никогда не прибѣгалъ для развитія своей памяти ни къ какимъ спеціальнымъ упражненіямъ и никогда не пользуется при запоминаніи мнемотехническими пріемами. Насколько велика сила его памяти, можно судить по слѣдующимъ демонстраціямъ, произведеннымъ въ засѣданіи 6 апрѣля.

На бумагѣ было написано пять рядовъ пятизначныхъ чиселъ:

7 6 7 4 3
5 2 6 8 4
9 9 1 3 1
8 6 9 8 3
8 3 4 6 4

По быстромъ прочтеніи этихъ рядовъ (въ теченіи 15 секундъ), докторъ Рюккле могъ воспроизвести данныя числа въ любомъ порядкѣ: подрядъ, слѣва на право (7 6 7 4 3 5 2 6 8...), сверху внизъ (7 5 9 8 8 6 2 9...), въ обратномъ порядкѣ (4 6 4 3 8 3 8 9 6...), спиралью (7 6 7 4 3 4 8 6 2 5 9 9...) и наискось (3 4 4 7 8 1 6 6 3 3...). Воспроизведеніе совершалось съ поразительной быстротой и отчетливостью.

Такіе же блестящіе результаты обнаружились, когда подобнаго рода ряды были предложены не въ зрительной, а въ слуховой формѣ. Прослушавъ данныя числа одинъ только разъ, Рюккле моментально воспроизвелъ ихъ въ разномъ порядкѣ.

Приведу еще три интересныхъ опыта.

На бумагѣ было написано, *въ одной строчкѣ*, пять пятизначныхъ чиселъ. Рюккле долженъ былъ прочесть эти числа, мысленно размѣстить ихъ въ видѣ столбца и затѣмъ по памяти прочесть въ прямомъ порядкѣ, въ обратномъ, сверху внизъ и наискось. Черезъ полминуты эта задача была блестяще выполнена.

Рюккле былъ приглашенъ въ особую комнату, гдѣ ему предложено было заучить наизусть болѣе 200 чиселъ, расположенныхъ въ 7 рядахъ, группами отъ 5 до 10 чиселъ. Черезъ 13 минутъ онъ могъ не только безошибочно воспроизводить эти числа въ прямомъ и обратномъ порядкѣ, но съ точностью опредѣлять мѣсто любой данной группы чиселъ въ томъ или другомъ ряду.

Съ необыкновенной быстротой происходитъ у доктора Рюккле и опредѣленіе квадратовъ пятизначныхъ чиселъ.

Лабораторныя наблюденія Мюллера показали, что Рюккле обладаетъ памятью, необыкновенно развитою въ различныхъ отношеніяхъ: онъ быстро и прочно запоминаетъ не только зрительныя впечатлѣнія, но также слуховыя и моторныя. Почти съ одинаковой легкостью схватываетъ онъ числа, отдѣльныя слова, краски, стихотворенія и музыкальныя произведенія. При этомъ онъ всегда старается воспринять рядъ предлагаемыхъ ему впечатлѣній, какъ нѣчто *цѣлое*, какъ *единую группу*. Поэтому тѣ формы заучиванія, при которыхъ облегчается восприятіе даннаго матеріала, какъ чего-то цѣлаго, особенно ему благопріятны. Такъ, напр., заучиваніе ряда чиселъ при помощи зрѣнія идетъ особенно успѣшно, если всѣ числа написаны однимъ цвѣтомъ; если же цифры имѣютъ неодинаковый цвѣтъ, то это является нѣкоторымъ препятствіемъ къ пониманію даннаго ряда, какъ чего то цѣлаго, и въ такомъ случаѣ Рюккле предпочитаетъ переводить зрительные образы на моторно-слуховые, опять таки стараясь схватить ихъ какъ цѣльную слуховую (или моторно-слуховую) группу.

Врешнеръ доложилъ о результатахъ своихъ опытовъ съ измѣреніемъ скорости ассоціацій. Объектами изслѣдованія были 22 лица различнаго возраста, пола и образованія. Исходными пунктами ассоціацій служили имена существительныя (абстрактнаго и конкретнаго значенія), прилагательныя и глаголы. При реакціи на слова абстрактнаго значенія, въ среднемъ, получилось наиболѣе длинное время ассоціаціи. Мужчины, при опытахъ Врешнера, обнаружили большую скорость ассоціированія, чѣмъ женщины. Образованные реагировали скорѣе необразованныхъ. Такъ, напримѣръ, для того, чтобы, услышавъ слово абстрактнаго значенія, связать съ нимъ какое нибудь опредѣленное представленіе, для образованнаго мужчины, въ среднемъ, потребовалось 1,465 секунды, для образованной женщины—1,880 сек., для необразованнаго мужчины—2,707 и для

необразованной женщины—около 3 сек. При опытахъ Врешнера оказалось, что женщины уступаютъ мужчинамъ не только въ скорости ассоціацій, но и въ качествѣ ихъ: характеръ ассоціацій, возникавшихъ въ женскомъ умѣ, при данныхъ изслѣдованіяхъ, отличался большей шаблонностью.

Этотъ докладъ вызвалъ очень оживленный обмѣнъ мнѣній, въ которомъ принимали участіе Эббингаусъ, Зоммеръ, Марбе и Штернъ. Главныя возраженія были направлены противъ тенденціи докладчика видѣть научную цѣнность экспериментальнаго изслѣдованія ассоціацій исключительно въ измѣреніи ихъ скорости. Указывалось на важность также качественнаго анализа тѣхъ душевныхъ состояній, которыя вызываются у испытуемаго воспріятіемъ даннаго ему слова. По поводу заключеній докладчика о сравнительной скорости ассоціацій у женщинъ и мужчинъ было указано на недостаточное количество произведенныхъ имъ наблюденій и возможность существованія въ этомъ отношеніи большихъ національныхъ различій.

Кромѣ докладовъ Мюллера и Врешнера, вопроса о памяти касались: *Гордонъ* (Вюрцбургъ)—о памяти на впечатлѣнія, сопровождаемыя опредѣленнымъ аффективнымъ состояніемъ, *Раншбургъ* (Будапестъ)—о значеніи сходства при заучиваніи, храненіи въ памяти и воспроизведеніи, и *Мюллеръ* (Страссбургъ)—о сущности воспроизведенія.

IV. Изъ трехъ докладовъ, посвященныхъ *разсудочнымъ процессамъ* (*Кюльпе*—опыты надъ абстракціей, *Шпирмана*—экспериментальное изслѣдованіе психическихъ корреляцій и *Эльзенганса*—о задачѣ психологіи объясненія—einer Psychologie der Deutung—какъ подготовительной работы къ наукѣ о духѣ), самымъ содержательнымъ слѣдуетъ признать докладъ Кюльпе, главныя положенія котораго я и постараюсь передать.

Указавъ на то, что во всякомъ процессѣ отвлеченія обнаруживаются двѣ стороны—положительная и отрицательная (направленіе вниманія на нѣкоторыя опредѣленныя части даннаго комплекса и отвлеченіе его отъ другихъ частей), *Кюльпе* сообщилъ о своихъ опытахъ, направленныхъ къ уясненію процесса абстракціи. Эти опыты, говоря коротко, состояли въ томъ, что передъ испытуемымъ появлялись слоги, расположенные въ видѣ опредѣленныхъ формъ, причемъ испытуемый долженъ былъ обращать вниманіе или на число буквъ, или на ихъ цвѣтъ, или на ихъ фигуру, или на ихъ пространственное соотношеніе. Иногда же, при воспріятіи данныхъ слоговъ, испытуемый не преслѣдовалъ никакой заранѣе опредѣленной ему задачи и старался только схватить то, что, такъ сказать, само скорѣе бросится ему въ глаза. При этомъ оказалось, что наилучшіе результаты получаются при соотвѣтствіи задачи способу выраженія. Абстракція совершается лучше всего тогда, когда вступаетъ въ силу детерминирующая тенденція. Что касается отрицательной стороны абстракціи, то опыты показали, что отвлекаться отъ элементовъ и ихъ числа легче, чѣмъ отъ цвѣта и фигуръ.

V. По вопросу о *сознаніи и снѣ* были прочитаны три доклада: *Вирта* (Лейпцигъ)—объ объемѣ сознанія и вниманія, *Вейгандта* (Вюрцбургъ)—о психологіи сна и *Клапареда* (Женева)—О біологической теоріи сна.

Изъ этихъ докладовъ всеобщее вниманіе было привлечено богато иллюстрированнымъ сообщеніемъ Вейгандта.

Опыты Вейгандта являются продолженіемъ тѣхъ изслѣдованій вопроса о взаимномъ отношеніи сна и работы, которыя давно уже были начаты представителями Крепелиновской школы. Изслѣдуя вліяніе непродолжительнаго ночного сна на возстановленіе умственной работоспособности человѣка, утомленнаго дневной работой, Вейгандтъ нашелъ, что уже короткій сонъ (1/2—1 ч.) благопріятно отражается на способности человѣка производить легкую умственную работу (складываніе чиселъ), для повышенія же способности производить болѣе трудную умственную работу (напр., заучиваніе безсмысленныхъ слоговъ) требуется болѣе продолжительный сонъ. Общій результатъ, устанавливаемый опытами Вейгандта, сводится къ тому, что благотворное вліяніе обычнаго сна на повышеніе умственной работоспособности довольно равномѣрно соотвѣтствуетъ его продолжительности.

VI. Изъ группы докладовъ на тему о *выразительныхъ движеніяхъ и дѣятельности воли* наибольшимъ интересомъ отличался докладъ проф. *Марціуса* (изъ Киля)—объ изслѣдованіи вліянія психическихъ явленій на пульсъ и дыханіе.

Центръ тяжести доклада Марціуса лежалъ въ критикѣ плетисмографа, какъ прибора, при помощи котораго можно было бы изслѣдовать вліяніе психическихъ явленій на пульсъ. Представивъ цѣлый рядъ плетисмограммъ, Марціусъ показалъ, какъ сильно могутъ отражаться на ихъ формѣ не только измѣненія дыханія и толчки руки, но также и невольныя выразительныя движенія, возникающія въ мышцахъ предплечья и кисти. Все это привело докладчика къ выводу, что плетисмографъ нельзя считать инструментомъ, пригоднымъ для изслѣдованія вліянія психическихъ состояній на пульсъ, до тѣхъ поръ, пока не будутъ устранены указанные недочеты. При этомъ Марціусъ демонстрировалъ построенный имъ плетисмографъ, дающій возможность исключать непроизвольныя движенія руки въ большей степени, чѣмъ плетисмографъ Моссо [1]).

При обсужденіи доклада Марціуса, *Зоммеръ* высказалъ мнѣніе, что 1) недостатки плетисмографа Моссо, указанные докладчикомъ, нельзя считать вполнѣ устраненными и въ плетисмографѣ Марціуса, 2) что вообще плетисмографическія кривыя слѣдуетъ разсматривать, какъ суммарное выраженіе измѣненій пульса, непроизвольныхъ движеній и различной напряженности муску-

1) Плетисмографъ Марціуса, построенный на тѣхъ же принципахъ, какъ и плетисмографъ Моссо, соединенъ съ подставкой, хорошо фиксирующей локоть. Кромѣ того, при немъ значительно исключено вліяніе движеній кисти.

ловъ въ данный моментъ, и 3) что всѣ эти измѣненія, взятыя во всей ихъ совокупности и суммарно выраженныя плетисмограммой, могутъ являться характерными физіологическими коррелатами многихъ психическихъ состояній. *Анри*, по этому поводу, обратилъ вниманіе собранія на извѣстный плетисмографъ Бинэ, дающій возможность, если угодно, отмѣчать только длительныя измѣненія.

Кромѣ доклада Марціуса, къ вопросу о выразительныхъ движеніяхъ и дѣятельности воли относились еще доклады: *Анри*—о координаціи движеній, *Аха* (Геттингенъ)—экспериментальныя данныя къ вопросу о дѣятельности воли и *Эттлингера* (Мюнхенъ)—О подражаніи.

VII. Изъ докладовъ, относившихся къ области чувства и эстетики, наибольшее вниманіе вызвали доклады *Марбе* (Вюрцбургъ)—о ритмѣ въ прозѣ и *Гросса* (Гиссенъ)—О началѣ искусства и теоріи Дарвина.

Въ первомъ изъ этихъ докладовъ были представлены методы и нѣкоторые результаты еще не оконченнаго изслѣдованія вопроса объ отношеніи между ритмомъ извѣстнаго прозаическаго произведенія и тѣмъ субъективнымъ настроеніемъ, которое порождается имъ у читателя. При этомъ изслѣдованіи прилагался статистическій методъ (обращалось вниманіе на взаимное отношеніе ударныхъ и неударныхъ слоговъ). Изучая ритмъ прозаическихъ произведеній французскихъ и нѣмецкихъ писателей разнаго времени, Марбе пришелъ къ заключенію, что подобнаго рода психолого-статистическія изслѣдованія со временемъ могутъ дать много цѣннаго матеріала для характеристики языка въ той или другой стадіи развитія у того или другого народа.

Во второмъ докладѣ (Гросса) приводился рядъ фактовъ изъ исторіи первобытныхъ пародовъ, доказывающихъ односторонность мнѣнія Дарвина, будто начало искусства лежитъ въ половой сферѣ.

Какъ видно изъ краткаго содержанія докладовъ Марбе и Гросса, оба они были не экспериментальнаго характера. Такимъ же характеромъ отличались доклады *Зибека* («Къ психологіи музыкальнаго») и *Эльзенганса* («Замѣчанія относительно обобщенія чувствъ»). Къ сожалѣнію, единственный намѣченный въ программѣ строго экспериментальный докладъ, относящійся къ области эстетики (*Дессуара* изъ Берлина), не состоялся, за непріѣздомъ докладчика.

VIII. Отдѣлъ *дѣтской психологіи* и *педагогики* былъ представленъ тремя докладами: *Амента* (изъ Вюрцбурга)—о психологическомъ экспериментѣ надъ дѣтьми, *Лайя* (изъ Карлсруэ)—о сущности и значеніи экспериментальной дидактики и *Штерна* (изъ Бреславля)—о развитіи рѣчи у ребенка.

Сдѣлавъ общій обзоръ главнѣйшихъ методовъ, примѣнявшихся до сихъ поръ при экспериментальномъ изслѣдованіи дѣтской психики, и ярко оттѣнивъ положеніе, что всякій психологическій экспериментъ, въ сущности, есть не что иное, какъ усовершенствованное самонаблюденіе, *Аментъ* пришелъ къ заключенію, что возможность экспериментировать надъ ребенкомъ растетъ

вмѣстѣ съ нимъ: чѣмъ меньше ребенокъ, тѣмъ труднѣе примѣнить экспериментъ къ изслѣдованію его душевной жизни. При этомъ Аментъ проводилъ взглядъ, что экспериментальное изслѣдованіе дѣтской психологіи только тогда можетъ принести наиболѣе цѣнные результаты, когда оно будетъ охватывать болѣе продолжительные періоды жизни человѣка: «мы должны изслѣдовать ребенка,—сказалъ Аментъ,—не до 7, а до 21 года».

Встрѣченный дружными рукоплесканіями докладъ *Лайя* представлялъ собою горячій призывъ къ работамъ въ области экспериментальной педагогической психологіи. На рядѣ искусно подобранныхъ примѣровъ Лай показалъ, въ какой степени обращеніе къ психологическому эксперименту можетъ помочь разрѣшенію чисто практическихъ вопросовъ педагогики. При этомъ была отчетливо выяснена необходимость не довольствоваться только тѣми результатами, которые получаются при лабораторныхъ изслѣдованіяхъ, имѣющихъ въ виду разъясненіе проблемъ теоретической психологіи, но организовать спеціальныя работы, въ которыхъ, при помощи экспериментально-психологическихъ методовъ, достигалось бы рѣшеніе задачи, выдвинутой педагогической теоріей или практикой. Подобнаго рода изслѣдованія, по мнѣнію Лайя, должны найти себѣ поддержку въ государствѣ, такъ какъ общественное значеніе ихъ внѣ всякаго сомнѣнія. Уже давно раздается требованіе сдѣлать «естественными» и «гигіеничными» планы и методы школьнаго обученія. Но это требованіе можетъ быть выполнено только тогда, когда мы будемъ знать самую природу своихъ воспитанниковъ. Необходимо употребить всѣ усилія къ тому, чтобы точно изучить ее. Пора понять, что для всякаго руководителя педагогическаго дѣла (для всякаго учителя и директора школы) необходима извѣстная педологическая подготовка. Развитіе и распространеніе педологическихъ знаній подниметъ педагогическую совѣсть и выработаетъ болѣе критическое отношеніе къ методамъ обученія.

Докладъ *Штерна* касался главнымъ образомъ вопроса о развитіи дѣтской рѣчи въ грамматическомъ и логическомъ отношеніи. Матеріаломъ служили наблюденія надъ собственнымъ сыномъ отъ перваго года его жизни до 4 лѣтъ и двухъ мѣсяцевъ, при чемъ главное вниманіе было направлено на тѣ стадіи въ развитіи рѣчи, гдѣ отдѣльныя слова переходятъ въ цѣльныя фразы. Въ концѣ перваго года Штернъ наблюдалъ у своего сына пользованіе междометіями и существительными, взятыми въ единственномъ числѣ. Множественное число существительныхъ наблюдалось только на пятомъ мѣсяцѣ второго года. Нѣсколько позже (на седьмомъ мѣсяцѣ второго года) наблюдались первые случаи пользованія падежными окончаніями. На девятомъ мѣсяцѣ второго года существительное употребляется уже иногда въ связи съ неопредѣленнымъ членомъ, а подъ конецъ второго года появляется въ дѣтской рѣчи пользованіе опредѣленнымъ членомъ. Въ серединѣ третьяго года наблюдались первые случаи самостоятельнаго образованія сложныхъ именъ существитель-

ныхъ. Появленіе перваго прилагательнаго было подмѣчено на девятомъ мѣсяцѣ второго года, а пользованіе сравнительной степенью—на четвертомъ мѣсяцѣ третьяго года. Первое мѣстоименіе (указательное) наблюдалось на седьмомъ мѣсяцѣ второго года. Личныя мѣстоименія появились нѣсколько позже (десятый мѣсяцъ второго года), а притяжательныя и относительныя—еще позже (четвертый мѣсяцъ третьяго года). Въ употребленіи глаголовъ (съ четвертаго мѣсяца второго года) замѣчалось сначала исключительное господство неопредѣленнаго наклоненія настоящаго времени; только на десятомъ мѣсяцѣ второго года появилось повелительное наклоненіе; причастія прошедшаго времени наблюдались въ началѣ третьяго года и лишь во второй половинѣ его—будущее время и страдательный залогъ. Появленіе нарѣчій наблюдалось на седьмомъ мѣсяцѣ второго года, при чемъ первыми нарѣчіями были слова «да» и «нѣтъ». Нарѣчія, выражающія сравненіе (besser, lieber) появились на пятомъ мѣсяцѣ третьяго года, почти одновременно съ появленіемъ сравнительной степени прилагательныхъ. Изъ союзовъ на седьмомъ мѣсяцѣ второго года наблюдался союзъ и (ond—und); другіе союзы появились значительно позднѣе, въ связи съ постепеннымъ развитіемъ синтаксиса дѣтской рѣчи (*wenn*—на седьмомъ мѣсяцѣ третьяго года, *oder*—еще на два мѣсяца позже, *sonst*, *ob*—на второмъ мѣсяцѣ четвертаго года. Употребленіе предлога (*in*) въ первый разъ наблюдалось на второмъ мѣсяцѣ третьяго года.

Кромѣ этихъ наблюденій относительно развитія этимологическихъ формъ дѣтской рѣчи, Штернъ представилъ еще рядъ данныхъ, характеризующихъ развитіе дѣтскаго синтаксиса. Эти данныя опять таки были почерпнуты изъ наблюденій одного собственнаго ребенка.

По наблюденію Штерна, ребенокъ долгое время пользуется только отдѣльными словами. Первое простое предложеніе наблюдалось на восьмомъ мѣсяцѣ второго года. На первомъ мѣсяцѣ третьяго года появляется сложное предложеніе. Черезъ полгода послѣ этого наблюдалось пользованіе придаточными предложеніями (дополнительнымъ и причиннымъ).

Характеризуя общій ходъ развитія дѣтской рѣчи, на основаніи своихъ наблюденій, Штернъ указывалъ на взаимодѣйствіе подражанія и внутренней переработки. При этомъ, согласно съ Мейманомъ, онъ высказалъ убѣжденія, что первыя слова, которыми пользуется ребенокъ, обозначаютъ не представленія, а чувства и желанія. По мнѣнію Штерна, для дальнѣйшаго выясненія вопроса о развитіи дѣтской рѣчи много могли бы сдѣлать правильно поставленныя наблюденія родителей, имѣющихъ возможность слѣдить за своими дѣтьми въ ихъ обычной обстановкѣ и непринужденномъ настроеніи.

IX. Отдѣлы *криминальной психологіи и психопатологіи*, за непріѣздомъ нѣкоторыхъ референтовъ, были представлены только двумя докладами—профессора *Зоммера* («Объективная психопатологія») и г-жи *Борстъ* («О вычисленіи ошибокъ въ психологіи показаній»).

Оба эти доклада, въ связи съ сопровождавшими ихъ бесѣдами, явились прекрасной иллюстраціей новыхъ успѣховъ экспериментальной психологіи. Собраніе съ захватывающимъ интересомъ слѣдило за объясненіями Зоммера, который въ длинномъ рядѣ діаграммъ представилъ результаты своихъ „экспериментально - психологическихъ изслѣдованій надъ душевно-больными. Эти діаграммы давали возможность наглядно уяснить общій ходъ развитія той или другой душевной болѣзни, на сколько она проявляется въ разстройствѣ памяти, ассоціаціонныхъ процессовъ и проч.

Г-жа Борстъ сообщила о результатахъ своихъ опытовъ, произведенныхъ въ Женевѣ, съ цѣлью выяснить психологію показаній. Извѣстные экперименты Штерна показали, съ какой осторожностью слѣдуетъ относиться къ тому, что утверждается на судѣ свидѣтелями (даже подъ присягою), такъ какъ даже при самомъ полномъ вниманіи къ данному воспріятію и при совершенной добросовѣстности, просто въ силу тѣхъ или иныхъ психологическихъ законовъ, человѣкъ можетъ дать невѣрное показаніе. Подобнаго рода опыты, безспорно, могутъ дать много практически цѣнныхъ результатовъ (развѣ не цѣнно, напримѣръ, наблюденіе, что при *допросѣ* о видѣнномъ человѣкъ дѣлаетъ впятеро больше ошибокъ, чѣмъ при *простомъ отчетѣ* о томъ же!). Но, какъ показываютъ опыты, о которыхъ докладывала Борстъ, можно получить еще болѣе цѣнные результаты, если не останавливаться на одномъ лишь количествѣ ошибокъ въ показаніяхъ, даваемыхъ при тѣхъ или иныхъ условіяхъ, а постараться хорошенько уяснить себѣ психологическія основы этихъ ошибокъ, ихъ зависимость отъ возраста, пола, образованія и другихъ личныхъ особенностей испытуемыхъ. Поставленныя подобнымъ образомъ изслѣдованія могутъ современемъ дать богатый матеріалъ не только для криминальной психологіи, но и для характерологіи.

X. Одновременно съ конгрессомъ, въ помѣщеніи клиники душевно-больныхъ, находящейся въ завѣдываніи проф. Зоммера, была устроена очень поучительная *выставка экспериментально-психологическихъ аппаратовъ* и таблицъ, иллюстрирующихъ методы экспериментально-психологическаго изслѣдованія.

Выставка была расположена въ семи комнатахъ. Экспонатовъ было болѣе 60. Экспонатами являлись какъ отдѣльныя лица (Виртъ, Шуманъ, Зоммеръ, Эрдманъ и проч.), такъ и цѣлыя учрежденія (мастерскія Циммермана, Петцольда и Шпиндлера, Гиссенская психіатрическая клиника).

Въ журнальной статѣ нѣтъ возможности описать всего содержанія этой выставки, тѣмъ болѣе, что въ настоящее время выпущено въ свѣтъ (подъ редакціей Зоммера) довольно подробное описаніе экспонатовъ (Die Ausstellung von experimental-psychologischen Apparaten und Methoden bei dem Kongress für experimentelle Psychologie. Giessen. 18—21. April 1904. Bearbeitet von Prof. Dr. Sommer. Leipzig. Verlag von Johann Ambrosius Barth. 1904). Поэтому я огра-

ничусь только тѣмъ, что отмѣчу наиболѣе выдающіяся новинки въ области экспериментально-психологической техники.

Изъ аппаратовъ, относящихся къ изслѣдованію зрительныхъ впечатлѣній, обращали на себя вниманіе три новыхъ тахистоскопа—Эрдмана и Додже, Шумана и Вирта. Послѣдній возбуждаетъ особенный интересъ и, надо думать, найдетъ себѣ широкое примѣненіе въ тѣхъ случаяхъ, когда экспериментаторъ, желая изслѣдовать зрительное вниманіе испытуемаго, нашелъ бы цѣлесообразнымъ примѣнить методъ замѣны одной части даннаго зрительнаго образа другимъ впечатлѣніемъ. Движеніе тахистоскопическаго круга совершается почти безъ всякаго шума.

По удобству для переноски, дешевизнѣ и приспособляемости для разнообразныхъ цѣлей заслуживаетъ особаго упоминанія мнемометръ Раншбурга, который надо признать особенно пригоднымъ для школьныхъ и клиническихъ изслѣдованій.

Цѣннымъ вкладомъ въ область техники изслѣдованія слуховыхъ воспріятій является тонваріаторъ Штерна. При помощи этого аппарата оказывается возможнымъ повышать и понижать данный тонъ (во время самаго процесса его воспріятія) съ равномѣрной скоростью и въ любомъ темпѣ, при чемъ въ каждый данный моментъ съ точностью отмѣчается число колебаній воздушныхъ волнъ. По точности работы и аналогичности задачъ, тонваріаторъ Штерна имѣетъ полное право занять мѣсто рядомъ съ извѣстнымъ аппаратомъ Марбе для изслѣдованія цвѣтовыхъ ощущеній.

Изъ демонстративныхъ аппаратовъ слѣдуетъ отмѣтить два очень эффектныхъ аппарата, построенныхъ Зоммеромъ. При помощи одного является возможнымъ сдѣлать видимыми для всей аудиторіи еле уловимыя непроизвольныя движенія руки, что достигается при помощи четырехъ разноцвѣтныхъ электрическихъ лампочекъ, соединенныхъ съ подвижнымъ постаментомъ, на которомъ покоится рука, и неравномѣрно измѣняющихъ силу своего свѣта при различныхъ колебаніяхъ этого постамента (при движеніи руки внизъ усиливается свѣтъ нижней лампочки, при движеніи вверхъ — верхней, и т. д.). При помощи другого аппарата Зоммера является возможность наблюдать измѣненія пульса въ формѣ тоновъ. По общему устройству аппаратъ напоминаетъ обычный сфигмографъ и можетъ быть легко приспособленъ къ записыванію сфигмограммъ. Но съ помощью передачи пульсовыхъ движеній очень чувствительному свистку, вмѣсто обычной сфигмограммы, получается отчетливый длительный звукъ, за измѣненіями котораго легко можетъ слѣдить большая аудиторія.

Изъ другихъ выставленныхъ аппаратовъ обращалъ на себя вниманіе построенный по проекту Эббинггауса аппаратъ для контролированія Гипповскаго хроноскопа. Хроноскопъ контролируется паденіемъ шарика въ свободномъ пространствѣ, размыкающимъ электрическій токъ въ началѣ паденія и замы-

кающимъ его—въ концѣ паденія. Аппаратъ снабженъ цѣлымъ рядомъ приспособленій для обезпеченія ему правильнаго положенія и соединенія съ хроноскопомъ.

Среди выставленныхъ таблицъ и коллекцій особый интересъ возбуждали таблицы Раншбурга, представлявшія результаты изслѣдованій памяти, вниманія, способности счета и пониманія у нормальныхъ и отсталыхъ дѣтей, а также взрослыхъ (по преимуществу нервно- и душевно-больныхъ). Послѣднія таблицы являлись хорошимъ дополненіемъ къ отмѣченному выше докладу Зоммера, а первыя (изображавшія результаты экспериментальныхъ изслѣдованій надъ дѣтьми) являлись краснорѣчивымъ свидѣтельствомъ того, съ какимъ удобствомъ можно примѣнять методы экспериментально-психологическаго изслѣдованія для опредѣленія индивидуальныхъ особенностей учащихся. Методы, примѣненные Раншбургомъ, состояли въ заучиваніи слоговъ (по методу Эббинггауса, съ примѣненіемъ мнемометра), воспріятіи (въ теченіи $^1/_3$ сек.) ряда точекъ, изслѣдованіи (при помощи мнемометра Раншбурга) скорости процесса сложенія однозначныхъ чиселъ и опроса (при помощи картинокъ), съ цѣлью выяснить запасъ реальныхъ представленій и словъ.

Александръ Нечаевъ.

II. Рецензіи и рефераты.

Криминальная антропологія.

Д-ръ Н. С. Лобасъ. «Нѣкоторыя черты изъ психо-физики преступниковъ.» Врачебная Газета №№ 1, 2 и 3 за 1904 г.

Статья эта имѣетъ помѣтку, изъ которой видно, что она представляетъ собою только предварительное сообщеніе. Надо думать, что окончательная работа появится въ формѣ отдѣльно изданной и достаточно обширной книги, которая, несомнѣнно, представитъ собою, какъ выражаются, цѣнный вкладъ въ научную литературу о явленіяхъ человѣческой преступности въ ея факторахъ. Н. С. Лобасъ въ теченіе 7 лѣтъ былъ тюремнымъ врачемъ въ Александровскомъ округѣ нашей штрафной колоніи на о. Сахалинѣ, округѣ, въ которомъ сосредоточиваются наиболѣе тяжкіе и долгосрочные преступники. Во время своей командировки на о. Сахалинѣ въ 1896 г. я имѣлъ случай познакомиться съ Н. С. Лобасомъ и знаю, съ какимъ глубокимъ интересомъ, вниманіемъ и отзывчивостью относился онъ и всматривался во всѣ мельчайшія подробности жизни нашей штрафной колоніи и ея подневольнаго поселенія. Н. С. былъ ближайшимъ сотрудникомъ завѣдывавшаго медицинскою частью острова Л. В. Поддубскаго и имъ обоимъ, ихъ настойчивости и неутомимой стойкости «каторжный человѣкъ»—мнѣ это не разъ приходилось слышать и отъ него самого—многимъ обязанъ въ улучшеніи своей тяжелой доли, которая являлась не столько послѣдствіемъ назначеннаго по приговору наказанія, какъ таковаго, сколько послѣдствіемъ своеобразныхъ мѣстныхъ условій. О дѣятельности врачей той эпохи я сохраняю, на основаніи всей совокупности имѣвшихся у меня

свѣдѣній, самое свѣтлое впечатлѣніе, соединенное съ глубочайшимъ уваженіемъ и чувствомъ нравственнаго удовлетворенія, о которомъ я и признаю своимъ долгомъ заявить, говоря о статьѣ почтеннаго автора.

Теперь считаю нужнымъ сдѣлать еще одно замѣчаніе. По порученію Н. С. Лобаса содержаніе его настоящей статьи, но только въ болѣе сжатомъ видѣ, было словесно изложено мною на пятомъ международномъ уголовно-антропологическомъ конгрессѣ въ Амстердамѣ. Переводъ текста этого предварительнаго сообщенія напечатанъ на 355 и слѣд. стр. «Compte rendu» конгресса подъ заглавіемъ: «Психо-физическое оскудѣніе личности, какъ одна изъ главныхъ причинъ преступленія» (L'affaiblissement psycho-physique de la personalité, une des principales causes du crime). По ошибкѣ сообщеніе это въ отчетѣ приписано проф. В. Ф. Чижу.

На основаніи собранныхъ имъ фактовъ близкаго изученія, Н. С. Лобасъ видитъ въ изученныхъ имъ преступникахъ не какіе-то «преступные типы» или «типы прирожденныхъ преступниковъ», а оскудѣлыя и обѣднѣлыя психо-физическія организаціи, которыя, вслѣдствіе этого оскудѣнія, а слѣдовательно и своей недостаточности, являются болѣе или менѣе предрасположенными къ дурнымъ, порочнымъ и, въ томъ числѣ, преступнымъ дѣйствіямъ, при чемъ въ приводимыхъ чрезвычайно выпуклыхъ біографіяхъ изслѣдовавшихся преступниковъ ядъ-алкоголь и половая распущенность, какъ факторы оскудѣнія, выступаютъ очень рельефно. Такой взглядъ, подкрѣпляемый обильными фактами, невольно наводитъ всякаго читателя, привыкшаго вдумчиво относиться къ явленіямъ непреложнаго сцѣпленія причинъ и слѣдствій, на глубокія размышленія и не только въ области индивидуально-психическихъ явленій и явленій преступности, но и въ области общественныхъ явленій съ ихъ многообразными факторами съ одной стороны развитія и преуспѣянія, а съ другой— упадка и вырожденія. Однимъ словомъ, статья Н. С. Лобаса, несмотря на кажущуюся ограниченность ея содержанія, невольно возбуждаетъ многіе общіе вопросы, далеко заходящіе за предѣлы преступности противъ уголовнаго кодекса.

Имѣя въ запасѣ обширнѣйшій опытъ по изслѣдованію и наблюденію разнообразныхъ преступниковъ, накопившійся у него въ теченіе его долгой службы на Сахалинѣ, авторъ не его дѣлаетъ предметомъ своей статьи. Послѣднимъ является детальное изслѣдованіе 81 преступниковъ-убійцъ и при томъ главнымъ образомъ корыстныхъ.

Почему однихъ корыстныхъ убійцъ? «Этотъ видъ преступника»—отвѣчаетъ намъ авторъ—является наиболѣе яркимъ, наиболѣе типичнымъ представителемъ преступной дѣятельности» [1]).

Теперь посмотримъ, на какой совокупности наблюдавшихся имъ фактовъ основалъ почтенный авторъ свой главный, а съ нимъ вмѣстѣ и другіе второстепенные выводы.

Прежде всего, какъ и слѣдуетъ по порядку, заглянемъ въ факты наслѣдственности изслѣдованныхъ. Изъ ихъ общаго числа (81) 65 чел. имѣли отца пьяницу, 4 чел.—мать и 8 чел.—отца и мать. Первично слабоумные, душевно

---

[1]) Въ общемъ убійцы являются болѣе рѣшительными и энергичными въ средѣ преступнаго люда. Въ своихъ работахъ по явленіямъ преступности,—«Малолѣтніе преступники», вып. 1 (исторія уголовно-антропологической школы), стр. 71 и слѣд., и «Преступность и преступники», гл. V я старался доказать многочисленными фактами, что наклонность дѣйствовать въ преступной дѣятельности убійствомъ, по меньшей мѣрѣ если говорить объ убійцахъ вообще, обусловливается опредѣленными особенностями натуры и обычнаго самочувствія.

больные, эпилептики и истерики были насчитаны въ 48 случаяхъ въ семьяхъ; изслѣдовавшихся, при чемъ цифра эта, по совершенно справедливому замѣчанію автора, «по всей вѣроятности далеко ниже дѣйствительной». А другіе могущественные фактора оскудѣнія и вырожденія породы—широко развитый у насъ теперь сифилисъ, туберкулезъ и проч.? О нихъ, не смотря на значительную вѣроятность ихъ дѣйствія и въ данныхъ случаяхъ, автору сколько-нибудь достовѣрныхъ данныхъ собрать не удалось.

У самихъ изслѣдовавшихъ личный алкоголизмъ былъ констатированъ въ 61%, при чемъ большинство начало употреблять ядъ-алкоголь съ весьма ранняго возраста (12—13 л. [2]), неправильности въ конфигураціи черепа, констатировались въ 66%, наружные признаки физическаго вырожденія—въ 55%. Эти цифровыя данныя о личности самихъ преступниковъ еще болѣе освѣщаются изслѣдованіемъ, произведеннымъ авторомъ 112 дѣтей сахалинскихъ преступниковъ школьнаго возраста (помѣщавшихся въ пріютѣ). У 66 чел. были найдены рѣзкія неправильности черепа, у 72 чел.—наружные признаки физическаго вырожденія, а въ 5 случаяхъ—уродства.

Все это хотя и краснорѣчивые, но въ то же время и слишкомъ краткорѣчивые цифровые факты. Болѣе полную и производящую сильное впечатлѣніе картину даютъ намъ краткія исторіи прошлаго несчастныхъ героевъ преступленія—этихъ «пасынковъ природы», излагаемыя авторомъ. Приведу на выдержку въ самомъ сокращенномъ видѣ только немногія, которыя всего лучше познакомятъ читателя съ личностями, съ которыми приходится имѣть дѣло въ сферѣ преступленія. Митрофановъ. Убійца съ цѣлью ограбленія; изъ дворянъ. Отецъ нерѣдко допивался до бѣлой горячки, мать имѣла частые истерическіе припадки (повидимому, истеро-эпилепсія), заканчивавшіяся обмороками, одна изъ сестеръ отца умерла отъ водянки (слабость сердца), а братъ матери—отъ аневризмы. Въ училищѣ М. былъ самымъ развращеннымъ мальчикомъ. Онъ кралъ деньги у отца и тратилъ ихъ на удовольствія и женщинъ. Когда самъ началъ заработывать, то все заработное шло на женщинъ и кутежи. Началъ заниматься кражами; въ одной выдала его любовница. Онъ отмстилъ своеобразно. Въ отсутствіе хозяевъ зашелъ къ любовницѣ, которая была горничной, убилъ ее и ограбилъ квартиру. «Сперва душилъ ее, а потомъ дорѣзалъ или, лучше сказать, прокололъ ей шею, какъ припоминаю справа налѣво». «Жалости къ убитой никогда не испытывалъ ни малѣйшей и считаю, что она стоила того, что я съ нею сдѣлалъ». Я очень непостояненъ, ни на какомъ дѣлѣ не могу остановиться (нервно ослабленный) и ни съ кѣмъ не могу ужиться (и потому раздражительная натура), съ подчиненными, когда служилъ, обращался плохо и ихъ преслѣдовалъ безъ всякой вины». На Сахалинѣ М. былъ мастеромъ на всѣ руки, но удержаться нигдѣ не могъ, постоянно стремился къ удовольствіямъ и для добыванія средствъ для нихъ совершалъ преступленія. Внѣ времени удовольствій тосковалъ и прибѣгалъ къ морфію (подавленность, происходящая отъ оскудѣнія натуры, требующая поэтому,

[2]) Въ Курскомъ земствѣ запросы объ употребленіи алкоголя дѣтьми были разосланы въ 800 народ. школъ. Отвѣтило 486 школъ и изъ нихъ 319 утвердительно и 117 отрицательно. При столкновеніи съ такими угрожающими фактами, которые присущи конечно не одной Курской губерніи, и зная, на основаніи научнаго опыта, пагубное вліяніе яда на все существо человѣка, невольно хочется повторить обращаясь къ тѣмъ, «кому сіе вѣдать надлежитъ», извѣстную древнюю формулу, произносившуюся въ серьезные періоды жизни государства и общества: «Videant consules, ne quid detrimenti capiat respublica».

для временнаго повышенія тона жизни сильныхъ возбудителей) и сдѣлался неисправимымъ морфинистомъ. Свои заключенія объяснялъ людской несправедливостью, несчастно сложившимися обстоятельствами и проч. Очевидно, что въ этомъ случаѣ «ядовитые стаканчики» отца, а можетъ быть и другихъ восходящихъ, и нервное разстройство матери (все серьезнѣйшіе вопросы брака), не говоря о другихъ возможныхъ условіяхъ образа жизни восходящихъ, принесли свой индивидуально и общественно горькій плодъ,—нервно оскудѣлую натуру съ легко возбудимымъ и раздражительнымъ половымъ чувствомъ, которая въ самыхъ условіяхъ своей психо-физической организаціи, не улучшенной своевременнымъ и умѣлымъ психо-физическимъ воспитаніемъ, а напротивъ ухудшенной условіями начальной и послѣдующей жизни, заключаетъ въ себѣ сильные задатки для преступной дѣятельности.

Полуляховъ. Убійца съ цѣлью ограбленія Арцимовича, его жены и ребенка. Отецъ П. сильно пилъ и умеръ отъ чахотки (обѣднѣлая организація), мать страдала какими-то нервными припадками. Съ 10 л. П. уже почувствовалъ склонность къ женщинамъ, а въ 14 л., когда онъ началъ служить, склонность стала неудержимой: «кутежи и развратъ поглощали все мое свободное время и всѣ деньги». Будучи приказчикомъ, П. обворовывалъ хозяина, ознакомился съ ворами, сталъ спеціально заниматься кражами, наконецъ, попалъ въ Луганскъ и перебилъ семью Арцимовича, ожидая богатой добычи. Сначала убилъ въ кабинетѣ спящаго Арцимовича, потомъ прошелъ въ спальню, гдѣ потребовалъ отъ жены убитаго ключи, забралъ, что было, и потомъ убилъ несчастную женщину и ребенка. «И радъ бы оставить»—пояснялъ онъ—«но не могъ; въ такомъ дѣлѣ, какъ наше, свидѣтелей оставлять не принято». Ужасающія подробности преступленія П. передавалъ съ полнѣйшимъ спокойствіемъ и даже съ ироническимъ отношеніемъ къ жертвамъ. Сожалѣлъ онъ только объ одномъ, что обманулся въ разсчетѣ на богатую добычу.

Школкинъ. Осужденъ за убійство 3 чел. На Сахалинѣ также совершилъ убійство съ цѣлью ограбленія. Отецъ сильно пилъ и умеръ отъ чахотки. Еще въ дѣтствѣ съ Ш. «сладу не было; мучилъ и убивалъ животныхъ». Подросши занялся грабежами и убійствами для добычи денегъ на кутежи и женщинъ. «Это такъ сказать цѣль моей жизни», пояснялъ Ш.

Маяковъ. Отецъ сильно пилъ и былъ слабый болѣзненный человѣкъ, мать умерла отъ чахотки, а братъ отца нѣсколько разъ мѣшался въ умѣ и былъ въ больницѣ. Таковы производители, характеренъ и продуктъ. У него никогда «работать охоты не было» и вотъ, конечно, подъ вліяніемъ этой органической неохоты, онъ какъ бы инстинктивно выбираетъ занятіе по себѣ,—съ 12 л. уходитъ бродяжить, поворовываетъ и для подбадриванія сильно пьетъ. Потомъ переходитъ къ убійствамъ, число которыхъ въ отвѣтѣ опредѣляетъ довольно характерно: «душъ 15, не больше». М. никакой жалости къ убитымъ не чувствовалъ», да, за обѣднѣніемъ вообще сферы чувствъ его органически-оскудѣлой натуры, едва-ли и могъ чувствовать.

Я не стану, за недостаткомъ мѣста, останавливаться долѣе на приводимыхъ авторомъ интереснѣйшихъ біографіяхъ, которыя въ общемъ всѣ болѣе или менѣе однородны [3]). Отмѣчу еще только одинъ изъ интереснѣйшихъ результатовъ

[3]) Авторъ, на основаніи имѣющихся у него данныхъ, отмѣчаетъ, между прочимъ, поразительную непредусмотрительность преступниковъ и, въ числѣ прочихъ, разсказываетъ такой случай. Совершивъ убійство и захвативъ деньги, убійца не медля отправляется на народное гулянье, чтобы подыскать компаньоновъ для

изслѣдованія автора. Часто производя медицинскіе осмотры преступниковъ, авторъ находилъ въ значительномъ числѣ случаевъ «поразительную слабость (вялость) сердечной дѣятельности, выражающуюся глухими, тонами и необыкновенно малымъ и часто медленнымъ пульсомъ». Изучая кривыя послѣдняго, онъ пришелъ къ предположенію, что у изслѣдованныхъ существуетъ узость аорты. Имѣя же въ виду отсутствіе у нихъ пріобрѣтенныхъ страданій сердца и сосудовъ (исключая, быть можетъ, небольшого числа, страдающихъ артеріосклерозомъ), авторъ склонился къ предположенію, что эта узость прирожденная и не ограничивается, конечно, аортою, но присуща и другимъ артеріальнымъ стволамъ. Въ видѣ сопоставленія, онъ ссылается на проф. Romberg'a, свидѣтельствующаго, что узость артерій большого круга была извѣстна еще старымъ врачамъ, и что въ такихъ случаяхъ сердце бываетъ необыкновенно мало и обладаетъ слабой мускулатурой [4]). Конечно, какъ замѣчаетъ авторъ, и артеріосклерозъ, благодаря личнымъ злоупотребленіямъ алкоголемъ, по всей вѣроятности, играетъ видную роль, комбинируясь съ прирожденною узостью артерій.

Значеніе такого факта, какъ явленія конституціональныхъ пороковъ сосудистой системы для психической жизни и дѣятельности человѣка, едва ли можетъ быть преувеличино. Вѣдь здѣсь дѣло идетъ объ обмѣнѣ веществъ и питаніи тканей всѣхъ органовъ—явленіяхъ, лежащихъ въ основѣ жизни. Нѣтъ достаточнаго питанія—наступаетъ голоданіе тканей, со всѣми его неблагопріятными слѣдствіями: нестойкостью, захирѣніемъ, раздражительностью, крайней вялостью и проч. Наиболѣе, конечно, страдаетъ при этомъ центральная нервняя система и ея высшія функціи.

Не вдаваясь въ дальнѣйшія подробности, приведу только 4 заключенія, къ которымъ приходитъ, въ конечномъ выводѣ, почтенный авторъ.

1) Преступникъ представляетъ собою психо-физически оскудѣлую личность, достаточно не приспособленную, вслѣдствіе ея конституціональнаго оскудѣнія, къ борьбѣ за существованіе въ узаконенныхъ формахъ.

2) Недочетами въ психической сферѣ этой личности являются: преобладаніе инстинктивной дѣятельности надъ умственной, недоразвитіе или полное отсутствіе альтруистическихъ чувствованій и способности правильной оцѣнки послѣдствія своей дѣятельности лично для себя и для общества, отсутствіе или слабое развитіе чувства самосохраненія и органическое отвращеніе къ длящемуся труду.

3) Причины оскудѣнія преступной личности кроются въ алкоголизмѣ восходящихъ, въ порокахъ ихъ организаціи, въ личномъ алкоголизмѣ и неблагопріятныхъ жизненныхъ условіяхъ, играющихъ роль моментовъ, порождающихъ наклонность дѣйствовать преступленіемъ.

4) Преступники и душевно-больные—родные братья, дѣти одной оскудѣлой, порочно организованной семьи, почему въ средѣ первыхъ процентъ вторыхъ во много разъ превосходитъ таковой въ средѣ остального общества.

Исправимы ли преступники—эти органически оскудѣлыя личности, и можетъ ли поэтому то, что мы называемъ наказаніемъ имѣть исключительною цѣлью ихъ исправленіе. На этотъ вопросъ почтенный авторъ, на основаніи всего своего опыта, основательно даетъ утвердительный отвѣтъ. Не будемъ

карточной игры, при чемъ не озабочивается даже смыть кровь, обильно залившую его сапоги.

[4]) Все это вѣроятныя слѣдствія вліянія наслѣдственнаго алкоголизма и вызываемаго имъ органическаго вырожденія.

забывать, что въ лицѣ преступника передъ нами только недостаточная, захудалая психо-физическая организація. Ея развращеніе—результатъ позднѣйшихъ наслоеній, вызываемыхъ неблагопріятными условіями воспитанія и послѣдующей жизни. Не всѣ захудалыя личности даже одинаковыхъ типовъ съ различными категоріями преступниковъ попадаютъ въ среду преступнаго люда. Многія изъ нихъ живутъ безъ столкновеній съ уголовнымъ судомъ и бываютъ болѣе или менѣе полезны для общества. Рѣшающую роль обыкновенно играютъ неблагопріятныя внѣшнія условія, вызывающія дальнѣйшія ослабленія, неудачи и развращеніе, въ которомъ унаслѣдованныя нами отъ старины мѣры репрессіи играютъ выдающуюся роль. Въ отношеніи же всего этого цѣлесообразныя мѣры нравственно-физическаго воздѣйствія, какъ показываетъ опытъ, могутъ сдѣлать весьма многое.

Этимъ я закончу настоящій отчетъ, который значительно разросся потому, что излагаемая статья, не смотря на свои ограниченныя размѣры, чрезвычайно содержательна. *Дм. Дриль.*

III. Корреспонденціи.

Въ Студенческомъ Психологическомъ Обществѣ при СПБ. Духовной Академіи.

57-е (открытое) засѣданіе, 9-го апрѣля.

Послѣднее въ академическомъ году засѣданіе Общества происходило въ 5 час. веч., въ актовомъ залѣ Академіи, подъ предсѣдательствомъ проф. В. С. Серебреникова, въ присутствіи ректора-епископа Сергія, инспектора-арх. Θеофана, проф.: С. А. Соллертинскаго, Д. П. Миртова, А. П. Высокоостровскаго, В. В. Успенскаго, 73 членовъ Общества и многочисленныхъ гостей изъ студентовъ Академіи. По выслушаніи протокола предыдущаго засѣданія, слово было предоставлено **В. Г. Соломину**, который и прочелъ докладъ на тему: «*Цивилизація и нравственность*». Вниманіе, съ которымъ слѣдили слушатели за мастерскимъ по изложенію развитіемъ референтомъ своихъ мыслей, какъ нельзя лучше свидѣтельствовало, что затронутый докладчикомъ вопросъ въ равной степени былъ интересенъ для всѣхъ, почтившихъ своимъ присутствіемъ засѣданіе Общества. Сущность доклада сводилась къ тремъ положеніямъ: а) несмотря на тысячелѣтіе существованія цивилизаціи, современное человѣчество представляетъ крайне печальную картину въ нравственномъ отношеніи; б) основная причина этого кроется въ самомъ характерѣ цивилизаціи, главнымъ факторомъ которой была борьба за существованіе; но в) можно надѣяться, что научное просвѣщеніе, сумѣвшее уже придать борьбѣ за существованіе болѣе гуманныя формы, укажетъ человѣчеству средства для подчиненія этого фактора требованіямъ общечеловѣческой правды и любви. Докладъ вызвалъ весьма оживленныя, продолжавшіяся болѣе трехъ часовъ, пренія. Оппоненты старались еще шире и глубже поставить затронутые референтомъ вопросы, освѣтить ихъ именно съ тѣхъ сторонъ, какія не были оттѣнены и отмѣчены въ докладѣ. Они указывали, напр., что выводы автора основываются на безспорныхъ фактическихъ данныхъ, но данными этими далеко не исчерпывается вся совокупность относящагося сюда матеріала. Можно было бы привести цѣлую серію другихъ фактовъ, свидѣтельствующихъ, что нравственное состояніе цивилизованнаго человѣчества не всегда

и не вездѣ было такъ печально, какъ изобразилъ его докладчикъ. Соглашаясь, что нравственное развитіе человѣчества зависитъ отъ степени его научнаго просвѣщенія, они добавляли, что подъ просвѣщеніемъ нужно разумѣть не накопленіе разрозненныхъ положительныхъ знаній, а выработку разумнаго цѣльнаго міровоззрѣнія, съ одной стороны, и образованіе соотвѣтствующихъ ему привычекъ и расположеній, съ другой, и много другихъ. Краткое резюмэ, при удачной обрисовкѣ ассистентомъ и его оппонентами своихъ точекъ зрѣнія, оказалось излишнимъ, и председатель Общества ограничился выраженіемъ благодарности докладчику и его ассистентамъ-оппонентамъ, которыхъ Общество и гости и наградили дружными апплодисментами. Послѣ этого, секретарь Общества, *И. А. Смирновъ*, прочелъ *отчетъ о состояніи и дѣятельности Общества за 190³/₄ академическій годъ*. Въ отчетѣ говорилось, что «Студенческое Психологическое Общество», какъ показалъ истекшій годъ, не изживается въ своей дѣятельности, а, напротивъ, расширяетъ ее, подавая увѣренность, что его задача не пустая затѣя, а жизненное серьезное дѣло. Въ качествѣ характерной особенности нынѣшняго года отчетъ отмѣтилъ, что институтъ оффиціальныхъ ассистентовъ привился и сталъ на твердую почву. Ассистенты выступали съ возраженіями и недоумѣніями послѣ тщательной подготовки, почему замѣчанія ихъ отличались основательностью и оставляли слушателей въ сознаніи, что затрогиваемые въ докладѣ вопросы болѣе или менѣе исчерпываются. За истекшій годъ отчетъ констатировалъ фактъ другой, не менѣе свѣтлой, черты въ жизни Общества. Съ самыхъ первыхъ моментовъ своего существованія Общество было озабочено составленіемъ спеціальной библіотеки въ цѣляхъ большей продуктивности своихъ работъ. Если три прежнихъ года напряженныхъ усилій въ дѣлѣ осуществленія завѣтной мечты дали ничтожные почти результаты, то истекшій годъ долженъ быть названъ золотымъ временемъ въ исторіи созданія спеціально-психологической библіотеки Общества. Благодаря щедрымъ пожертвованіямъ нѣкоторыхъ лицъ, въ библіотекѣ Общества имѣется въ настоящее время болѣе 300 названій. Этотъ крупный шагъ впередъ по пути прогрессивнаго развитія Обществомъ своей жизнедѣятельности, въ связи съ достиженіемъ самой его возможности, какъ нельзя яснѣе свидѣтельствуетъ, что «Студенческому Психологическому Обществу» предстоитъ славное будущее и почетное мѣсто въ ряду факторовъ, вліявшихъ на развитіе среди студентовъ Академіи стремленія къ изученію гуманитарныхъ наукъ. Симпатіи къ Обществу со стороны студентовъ ростутъ и крѣпнутъ, и нынѣшняя максимальная цифра членовъ его—75—оказывается уже недостаточной. Отчетъ не нашелъ возможнымъ не обратить вниманія на ту трогательную связь, которая установилась между Обществомъ и бывшими его членами: по выходѣ изъ стѣнъ родной almae matris они живутъ интересами Общества, шлютъ ему съ мѣстъ своего служенія горячіе привѣты, удѣляютъ изъ своихъ, не рѣдко скудныхъ, средствъ посильную лепту для его библіотеки, даже сами являются піонерами тѣхъ философско-образовательныхъ идеаловъ, которые вынесли они изъ дорогого для нихъ Общества. По прочтеніи отчета, послѣдовалъ обмѣнъ привѣтствій между членами Общества и его председателемъ, проф. В. С. Серебрениковымъ, и почетными гостями-профессорами, принимавшими втеченіе года дѣятельное участіе въ засѣданіяхъ Общества. Въ заключеніе была произведена закрытая баллотировка для замѣщенія открывшейся вакансіи товарища председателя. Избраннымъ оказался В. К. Волнинъ.

Извѣщеніе.

Съ осени текущаго 1904 года при Педагогическомъ Музеѣ военно-учебныхъ заведеній въ Петербургѣ (Соляной Городокъ) предполагается организовать *систематическія занятія по педологіи* для лицъ (обоего пола) съ высшимъ и среднимъ образованіемъ. Лекціи будутъ читать слѣдующія лица: *Л. В. Блуменау* (Нервная и душевная патологія дѣтскаго и юношескаго возроста) *В. И. Вартановъ* (Физіологія дыханія и кровообращенія), *Н. П. Гундобинъ* (Гигіена дѣтскаго возраста), *А. С. Грибоѣдовъ* (Воспитаніе ненормальныхъ дѣтей), *Д. А. Дриль* (Криминальная антропологія), *А. А. Крогіусъ* (Психофизіологія органовъ чувствъ), *А. Ф. Лазурскій* (Ученіе о характерѣ), *А. П. Нечаевъ* (Психологія въ связи съ исторіей философіи и педагогикой; техника психологическаго эксперимента), *князь И. Р. Тархановъ* (физіологія въ связи съ гигіеной), *В. Г. Яроцкій* (введеніе въ статистику). Параллельно съ чтеніемъ лекцій, при лабораторіи экспериментальной педагогической психологіи (въ Соляномъ Городкѣ) будетъ организованъ рядъ практическихъ занятій по изученію современныхъ методовъ педологическаго изслѣдованія.

I. Оригинальныя статьи.

Къ вопросу объ яснослышаніи.

Д-ра мед. А. А. Пѣвницкаго.

Дѣло идетъ о 14-лѣтней дѣвочкѣ, *Софіи Штаркеръ*, которую въ балаганѣ показываетъ ея отецъ, именующій себя «индукторомъ», а ее «индуцируемой». На феноменъ этотъ случайно наткнулся одинъ изъ одесскихъ товарищей, д-ръ *Н. Г. Котикъ*, балагодаря любезности котораго я имѣлъ возможность видѣть эту дѣвочку. Д-ръ *Котикъ* подробно изучилъ *С. Штаркеръ* и демонстрировалъ ее ряду товарищей, изъ которыхъ большинство отнеслось къ явленіямъ «яснослышанія» или чтенія мыслей скептически, что и не удивительно, такъ какъ, приступая къ случаю безъ заранѣе выработанной программы, они не могли поставить опытовъ такъ, чтобы всѣ тѣ возраженія, которыя намъ могутъ прійти въ голову, были бы исключены.

Я видѣлъ *С. Ш.* три раза. Одинъ разъ вмѣстѣ съ д-ръ *Котикомъ* и два раза съ нимъ и прив. доц. *А. Э. Янишевскимъ*. Объ этомъ случаѣ я слышалъ уже много отъ ряда товарищей, которые раньше видѣли *С. Ш.* и потому, приступая къ изслѣдованію ея, придерживался опредѣленной программы.

Обычно опыты чтенія мыслей или яснослышанія отецъ *С. Ш.* производитъ слѣдующимъ образомъ. Онъ собираетъ у публики рядъ предметовъ и, беря одинъ изъ нихъ въ руку, заставляетъ свою дочь отгадывать, что у него въ рукѣ. При опытѣ дѣвочка держится (въ области кисти) за руку отца, который, насколько можно замѣтить, никакихъ движеній ни рукой, ни пальцами не производитъ. Если дѣло идетъ объ одномъ изъ обычныхъ предметовъ, предлагаемыхъ публикой (напр. часы, ножикъ, монета), то *С. Ш.* послѣ 10-5 секундъ обдумыванія, сразу выпаливаетъ названіе, произнося слово отчетливо, по театральному. Сидитъ она при этомъ съ завязанными глазами. Если дѣло идетъ не объ обыденномъ предметѣ, напр. объ имени или фамиліи, то *С. Ш.* говоритъ медленно, угадывая слоги. Если слогъ угаданъ вѣрно, отецъ ей говоритъ: «такъ, думайте дальше!» или, если она ошиблась, «не такъ, думайте хорошенько!» и дѣло, даже съ трудными словами, идетъ быстро и успѣшно.

Нужно сказать, что, имѣя среди своихъ сверстниковъ одного, который

сталъ профессіональнымъ фокусникомъ и постоянно показывалъ на сценѣ и дома мнѣ *подобные* фокусы, я сначала отнесся вполнѣ скептически къ опытамъ *С. Ш*. Я зналъ, какъ достигается это угадываніе. Секретъ его состоитъ въ томъ, что для каждаго предлагаемаго предмета, буквъ и цифръ существуетъ условная форма вопроса. Напр., когда спрашиваютъ: «что это?», то эта фраза относится только, скажемъ, къ ножику, «это что?» означаетъ монету, «сколько,» 3 и т. д. Дѣло въ усердной тренировкѣ и еще въ томъ, что самые эффектные номера, т. е трудно отгадываемые предметы, подаются помощниками. При этихъ фокусахъ «индукторъ» никогда не позволитъ Вамъ задавать вопросы или редактировать ихъ.

Исходя изъ этого, опыты наши были обставлены слѣдующимъ образомъ. Сначала мы дали отцу возможность произвести угадываніе привычнымъ для него способомъ.

I. Дѣвочка съ завязанными глазами сидитъ на стулѣ и держитъ отца за кисть лѣвой руки. Отцу показывается предметъ, съ просьбой для вопроса пользоваться постоянно одной фразой: «ну, теперь что?» Я показалъ отцу носовой платокъ и дѣвочка секундъ черезъ 10 сказала отчетливо: «пла-токъ» Я показалъ часы, отвѣтъ былъ: «часы золотые». Отецъ тогда, по собственной иниціативѣ, спрашиваетъ, который часъ, и черезъ 5-10 секундъ получаетъ отвѣтъ: «9 ч. 38 мин!» Я перевожу стрѣлки и, молча, показываю отцу. Отецъ спрашиваетъ: «а теперь который часъ?», дѣвочка отвѣчаетъ: «10 ч. 35 мин.», безъ колебаній и ошибки. Я показываю отцу полу своего сюртука, считая, что этакій вопросъ не частъ. Отвѣтъ идетъ медленно «С...сюр...сюр ту .сюртукъ». У дѣвочки въ голосѣ слышится неувѣренность и отецъ цѣлымъ рядомъ фразъ подбадриваетъ при этомъ дѣвочку. Затѣмъ д-ръ *К*. даетъ отцу, молча-же, печать. Дѣвочка быстро, не раздѣляя на слоги, говоритъ: «печатно». Отецъ спрашиваетъ, какія на ней буквы и быстро получаетъ отвѣтъ: «Л. Л.»

Мы выясняемъ отцу, что, при его многорѣчивости, опытъ ничего не доказываетъ, лишь заинтересовываетъ, такъ какъ не исключена возможность передачи условныхъ знаковъ путемъ рѣчи. На это отецъ предлагаетъ намъ задавать вопросы, онъ же будетъ молчать.

II. Отцу, молча, показывается записка, на которой чётко написано слово. Прочитавши у лампы, онъ, молча, направляется къ дѣвочкѣ, которая сидитъ съ завязанными глазами, и даетъ мнѣ головой знакъ, чтобы я предложилъ дѣвочкѣ думать. Я говорю: «берите отца за руку и думайте!» и въ короткій срокъ всѣ три слова: «красный», «больно» и «моторъ» отгаданы. Остановка была лишь со словомъ «больно», которое дѣвочка отгадала, какъ «болоно», и долго его повторяла, какъ ей непонятное. Отгадывала она всѣ эти слова по слогамъ.

III. Послѣ этого опыта отецъ разсказалъ, что способность къ чтенію мыслей онъ открылъ въ своей дочери случайно. Заставляя ее обычнымъ образомъ

исполнить задуманное обществомъ дѣйствіе (напр. взять цвѣтокъ или что-либо другое), онъ былъ пораженъ, что дочь его не нуждалась въ руководствѣ, а угадывала мысль вскорѣ послѣ того, какъ бралась за его руку.

Чтобы провѣрить это, мы задумали «встать со стула, влѣзть на стулъ и потомъ на столъ», сказали это шопотомъ въ другой комнатѣ отцу, и дѣвочка не двигаясь, смѣясь, быстро разгадала нашу мысль безъ всякой ошибки. Тогда д-ръ *К.* и я повторили эти опыты, причемъ я старался не помогать ей идео-мускулярными движеніями, а д-ръ *К.* этого не дѣлалъ, и дѣвочка *не* отгадала ни одного изъ дѣйствій («сѣсть подъ столъ» и «снять свой ботинокъ»).

IV. Послѣ этого мы перешли къ отгадыванію словъ «*на разстояніи*». Дѣвочка сидѣла на стулѣ спиной къ отцу *съ закрытыми ватой ушами* (комки ваты въ углубленіяхъ ушныхъ раковинъ) и завязанными глазами. Отецъ, прочтя заданное слово, садился на 2 шага сзади нея и думалъ. Знакъ о началѣ опыта давалъ я. Первое слово «брандеръ» дѣвочка совершенно не отгадала. Тогда отецъ сказалъ, что условія опыта—закрытыя уши—для нея слишкомъ непривычны, что она устала (вслѣдствіе спектаклей въ балаганѣ дѣвочку можно видѣть приватно лишь послѣ 9 часовъ вечера) и, кромѣ того, она привыкла, чтобы ей подтверждали, что она правильно отгадала слогъ, и предлагали думать дальше. *При этихъ условіяхъ и полномъ молчаніи отца, она минуты въ двѣ отгадала слово «караулъ»*. Уши у дѣвочки были открыты, отецъ молчалъ и говорилъ лишь я. Слѣдующее слово было «чашка», и дѣвочка его не отгадала.

V. Имѣя въ виду, что опыты яснослышанія на разстояніи удаются рѣдко, что дѣвочка не упражнялась въ этомъ направленіи, мы предложили ввести кого-нибудь посредствующимъ въ цѣпь, съ тѣмъ чтобы онъ то зналъ, то не зналъ загадываемаго слова. Были взяты слова «столъ» и «монета». Отецъ сидѣлъ съ краю, говорилъ мало. Между нимъ и дѣвочкой сидѣли то д-ръ *К.*, то я, и дѣвочка быстро угадала оба слова.

VI. Тогда мы исключили отца и задумали сначала слово «Наполеонъ», но дѣвочка не отгадывала. *Только что показали это слово*, написанное на бумагѣ, отцу, который сидѣлъ отдѣльно, какъ дѣвочка (глаза завязаны) начала читать по слогамъ «Наполеонъ». Тоже повторилось со словомъ «Бехтеревъ», со словомъ «лампа», «солдатъ» и «колпакъ». Однако во всѣхъ этихъ послѣднихъ случаяхъ, которые могли бы назваться блестяще-доказательными, мы не могли заставить отца совершенно молчать. Онъ волновался по поводу нашего недовѣрія, и у него то и дѣло вырывались подбадривающія восклицанія.

VII. Въ заключеніе мы поставили опытъ, который былъ внѣ сомнѣнія. Дѣло въ томъ, что д-ръ *К.*, посѣщая *С. Ш.* въ ея балаганѣ и наблюдая ее въ антрактахъ (часто невольныхъ), замѣтилъ, что и онъ можетъ передавать ей нѣкоторыя слова, но лишь тогда, когда задуманный предметъ онъ держитъ въ рукѣ и напряженно о немъ думаетъ, а *С. Ш.* держитъ его за руку. На этотъ разъ мы задумали «ключъ». Ключъ былъ у д-ра *К.* въ карманѣ, онъ

крѣпко сжималъ его и думалъ. *С. Ш.* сидѣла съ завязанными глазами, отецъ ея не зналъ задуманнаго предмета, и, тѣмъ не менѣе, *С. Ш.* быстро и увѣренно сказала: «ключъ».

Этимъ закончился первый сеансъ, причемъ безукоризненныхъ въ смыслѣ возможныхъ сомнѣній опытовъ было лишь два: со словами «караулъ» и «ключъ». Въ остальныхъ всегда можетъ быть сдѣлано возраженіе, что отецъ какъ-нибудь сигнализируетъ или движеніями своей руки, когда дѣвочка держитъ его руку, или оборотами рѣчи, если отецъ говоритъ.

Поэтому во второмъ сеансѣ мы старались обойти всѣ эти возраженія. Къ сожалѣнію, опыты опять были начаты лишь въ 10-омъ часу вечера, дѣвочка была утомлена, а къ концу почти спала.

I. Дѣвочка сидитъ съ завязанными глазами (платокъ и вата) и съ *затампонированными* ватой ушами. Отецъ сидитъ передъ ней на разстояніи 1 $^1/_2$ метра Ему дано прочесть слово, написанное на бумагѣ д-ромъ *Янишевскимъ*: «полишинель». Я сижу рядомъ съ *С. Ш.* и на ухо кричу ей: «думайте!», а когда она отгадываетъ, говорю громко: «вѣрно, дальше!» *Отецъ совершенно молчитъ.* Время и слоги отмѣчаются д-ромъ *К.* Дѣвочка говорила: «по...полко.. поли..получитъ....поли..полоши...полушинель». Тутъ мы вмѣшались, прекративъ опытъ, такъ какъ при словѣ «полушинель», я сказалъ: «немного не такъ», а отецъ горячо вмѣшался: «нѣтъ, совершенно правильно! Она отгадала правильно!» Оказалось, что онъ самъ прочелъ такъ, понимая «полушинель», какъ половина шинели. Опытъ длился 5 минутъ.

Этотъ опытъ можетъ считаться совершенно чистымъ. Отецъ не говорилъ ничего и не издавалъ никакихъ другихъ звуковъ: не кашлялъ, не харкалъ, не причмокивалъ и не двигалъ ногами. Дотрогиваться до своей дочери онъ тоже не имѣлъ возможности.

Далѣе при той-же обстановкѣ были задуманы слова: «Пѣвницкій» и «ящикъ». Дѣвочка не отгадала и заявила, что ее очень стѣсняетъ тампонада ушей.

II. Тогда мы освободили ей уши и поставили опытъ иначе. Дѣвочка держалась за руку д-ра *Янишевскаго*; послѣдній держалъ руку отца *С. Ш.* и уже этому послѣднему показывали слово, написанное на бумагѣ. *Онъ совершенно молчалъ.* Дѣвочка сидѣла съ завязанными глазами, а приглашалъ ее думать и подтверждалъ отгаданное я. Задуманныя слова: «молотокъ» и «папироса» дѣвочка сказала очень быстро. Тогда я предложилъ слово «аккумуляторъ», считая, что трудныя слова, непонятныя для отца, скорѣе всего показываютъ, происходитъ ли сигнализація или нѣтъ. Въ этомъ опытѣ дѣвочка сказала сначала: «ку». Я сказалъ ей, что это не начало. «Оку», сказала она. Я возражаю, что не совсѣмъ такъ, но тутъ вмѣшался отецъ, что я сбиваю ребенка. Дѣйствительно, для него, малограмотнаго—«оку» и «акку»—одно и тоже. Слово «аккумуляторъ» онъ не зналъ и не понималъ.

Все таки и при этомъ въ этой постановкѣ опыты достаточно чисты. Отецъ молчалъ совершенно до слова «оку», д-ръ *Я.*, играя роль проводника не зналъ слова и думалъ, что задумано «окурокъ».

III. Когда мы отцу говорили, что онъ портитъ свои опыты своей нетерпѣливостью, онъ предложилъ сдѣлать обычный свой опытъ при полномъ его молчаніи. Дочь его пила чай. Я отцу въ углу комнаты тихо шепнулъ на ухо слово «тарелка», которое дѣвочка увѣренно и моментально повторила, лишь дотронулась до руки отца.

IV. Опыты съ д-ромъ *Котикомъ.* У дѣвочки глаза завязаны. Отецъ не знаетъ, о чемъ идетъ рѣчь. Д-ръ *К.* держитъ предметъ въ рукѣ и напряженно всматривается въ него. Я далъ ему гильзу отъ патрона Бердана. *С. Ш.* много сбивалась. На просьбу описать предметъ, сказала, что онъ четырехъ угольный. Угадала лишь слогъ «па» и, когда ей показали патронъ, она, не знала, что это такое.

Затѣмъ, д-ру *К.* была незамѣтно дана въ руки моей женой американская булавка. Кромѣ моей жены и д-ра *К.*, никто въ комнатѣ не зналъ, о какомъ предметѣ идетъ дѣло. Дѣвочка быстро сказала: «булавка». Третій предметъ были ножницы, дѣвочка быстро угадала сначала «ножикъ», потомъ ужъ «ножницы». Далѣе шли «резина» и «гвоздь», т.-е. предметы, которые у публики въ балаганѣ рѣдко имѣются, и дѣвочка не угадала ихъ. Тогда была взята перчатка. Было уже 12 ч. ночи. Дѣвочка утомлена, не отгадываетъ, разсѣяна, шалитъ. Слово сообщается отцу. Отецъ не издаетъ ни звука. Дѣвочку приглашаютъ напрячь вниманіе, и она все таки не отгадываетъ. Отецъ, молча, касается д-ра *К.* и дѣвочка черезъ 1-2 секунды громко и увѣренно говоритъ: «перчатки!»

Далѣе отецъ вдругъ приблизился къ д-ру *Я.*, сунулъ ему что-то въ руку и сказалъ «а ну, спросите, что это?» Дѣвочка быстро сказала: монета, серебряная, рубль, годъ 97 (что было невѣрно) и поправилась 98. Здѣсь нельзя исключить, что это не былъ заранѣе условленный фокусъ. Когда сейчасъ послѣ этого д-ръ *Я.* далъ незамѣтно д-ру *К.* кольцо—дѣвочка не угадала, хотя предметъ и былъ ходкій.

V. Наконецъ, было поставлено еще 2 заключительныхъ опыта. Отецъ былъ отведенъ въ сосѣднюю комнату, ему дано слово «карандашъ», и онъ усаженъ противъ запертой двери, по другую сторону которой сидѣла *С. Ш.* Она довольно быстро сказала «ключъ» и потомъ, когда ей указали, что она ошибается,—«карандашъ». Слѣдующее слово было «табакъ», дѣвочка была утомлена, говорила «мячикъ» и другія слова. Мы не настаивали: когда называется нѣсколько предметовъ, легко возможна случайность совпаденія.

Подводя итоги видѣнному, я долженъ сказать, что во всѣхъ этихъ опытахъ въ условія, недопускающія возраженій (съ нашей стороны, по крайней мѣрѣ) поставлено отгадываніе словъ: караулъ и ключъ—въ первомъ сеансѣ и полишинель, молотокъ, папироса, аккумуляторъ, булавка, ножницы, перчатка и карандашъ.

Обсуждая между собой постановку опытовъ, мы пришли къ заключенію, что все это очень подкупаетъ въ свою пользу, возразить что-нибудь очень трудно, мы можемъ быть даже увѣрены, что имѣемъ дѣло съ дѣйствительнымъ ясно-слышаніемъ, но, принимая во вниманіе, что мы встрѣчаемся здѣсь съ профессіоналомъ, всетаки опасаемся, что, можетъ быть, насъ незамѣтно обманываютъ.

Противъ послѣдняго соображенія однако говоритъ слѣдующее: 1) отецъ согласенъ до бозконечности варьировать условія опыта и 2) у дѣвочки обнаружена и другая способность—ясновидѣніе. Эта послѣдняя способность у нея еще слабо развита: она прочла нѣсколько фразъ, данныхъ ей д-ромъ *К.* въ двухъ конвертахъ безупречной укупорки. Но были и другіе два конверта, гдѣ она ничего не прочла, зато напр., она сказала первую букву или первое слово при первомъ взглядѣ на письмо еще въ рукахъ *К.* Читаетъ она эти письма оригинально. Содержаніе фразы ей представляется сначала въ видѣ псейдогаллюцинацій, потомъ она уже прочитываетъ слова. Такъ, д-ромъ *К.* было написано «Буря, пароходъ тонетъ, пассажиры плачутъ». Слово «буря» она сказала при первомъ взглядѣ на письмо, дня черезъ 3 описала картину гибели судна и, наконецъ, прочла фразы.

Желая лично провѣрить факты ясновидѣнія, мы поставили слѣдующій опытъ.

Д-ръ *Котикъ* получилъ отъ меня письмо съ фразой, содержаніе которой оставалось ему неизвѣстнымъ. Я написалъ на листѣ почтовой бумаги: «*Дѣвочка бьетъ мальчика. У мальчика течетъ кровь изъ-носу*». Листъ былъ сложенъ пополамъ и склеенъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ *синдетикономъ*, *), такъ что открыть его, не порвавши бумаги, было бы трудно. Этотъ листъ былъ обёрнутъ въ новый полулистъ бумаги, приклеенъ къ нему и уложенъ въ конвертъ, смазанный внутри во многихъ мѣстахъ синдетикомъ-же. Конвертъ былъ въ свою очередь заклеенъ и вмѣсто печати на него наклеенъ этикетъ швейцарскаго общества для борьбы съ пьянствомъ (размѣрами 5×8 сант. съ 12 строками мелкаго текста). Этотъ этикетъ закрывалъ область, гдѣ въ письмѣ была помѣщена вышеприведенная фраза. Этикетъ былъ перечеркнутъ штрихомъ пера. Видѣть что-либо черезъ подобное письмо невозможно. Въ такомъ видѣ письмо было сдано *С. Ш.* 27-го. V.—Пятаго іюня д-ръ *К.* сообщилъ мнѣ, что *С. Ш.* кажется, будто тамъ написано: «бунтъ, стрѣляютъ, развалины, трупы убитыхъ, родные плачутъ», но *С. Ш.* не увѣрена, что это дѣйствительно такъ. 14-го Іюня д-ръ *К.* сообщилъ мнѣ, что *С. Ш.* увѣрена теперь, что она прочла письмо. Содержаніе его выяснялось ей постепенно. 10-го она сказала, что тамъ написано: «дерутся, плачутъ». 11-го—«дѣти дерутся и плачутъ, мать ихъ бьетъ». 12-го—«мать бьетъ дѣтей, идетъ кровь, но откуда, она не знаетъ». 14-го:—«мать бьетъ дѣтей, дѣти плачутъ, кровь течетъ изъ носу».

---

*) растворимъ лишь въ разведенномъ уксусѣ.

При осмотрѣ письма не нашли никакихъ слѣдовъ поврежденія. Такъ какъ я самъ не твердо помнилъ содержаніе письма и зналъ, что написано что-то похожее, то мы и рѣшили вскрыть письмо, причемъ, какъ видно, обнаружилось большое сходство и мѣстами совпаденіе написаннаго съ прочитаннымъ.

Хотя С. Ш. и прочла данное мною письмо, но съ несомнѣнностью о ея ясновидѣніи говорятъ лишь тѣ случаи, когда она въ присутствіи д-ра *К.* сразу читала первое слово или первую букву написанной въ письмѣ фразы. Въ остальныхъ-же случаяхъ не исключается и простой обманъ, въ чемъ впослѣдствіи могъ убѣдиться и самъ д-ръ *Котикъ.*

Послѣ этого случая былъ еще третій сеансъ съ *С. Ш.*, причемъ было высказано желательнымъ строго провести тампонаду ушей, отъ которой дѣвочка отказывалась, какъ очень ее стѣсняющей.

15. VI. 1904. Дѣвочка сидитъ съ затампонированными ватой наружными слуховыми ходами, спиной къ отцу: Отецъ молчитъ послѣ того, какъ ему показано слово, написанное на листикѣ. О началѣ опыта громкимъ окликомъ даетъ знать Сонѣ д-ръ *К.* Дѣвочка сидитъ спиной къ отцу, на разстояніи $1^1/_2$ метровъ отъ него.

Первое слово—«портной». Опытъ длился около 3 минутъ. Произносимые *С. Ш.* слоги записывались мною тутъ-же. Она говорила: «пойм... пор... портной».

Второе слово—«доска». Дѣвочка быстро, въ $^1/_2$ минуты, сказала: «доска». Третье слово: «Вафаньгоу». Оно вызвало недоумѣніе отца. *С. Ш.* отгадывала: «Ва... вань... ванны... вань... іоу... вань-іоу»... Тутъ мы ей подсказали уже «Вафаньгоу».

Далѣе былъ сдѣланъ опытъ чтенія словъ черезъ дверь (уши дѣвочки открыты), при разстояніи 2 метровъ между отцомъ и дочерью, но дѣло шло неудачно, хотя часть слова каждый разъ угадывалась. Первое слово было «кофточка», и дѣвочка могла угадать лишь первую букву, повторяя: «кр... кр». Второе слово было: «пуговица», и дѣвочка угадывала лишь: «пу... пук... пуко». Третье слово—«брелокъ». Дѣвочка сказала: «платокъ», а потомъ начала шалить и говорить другія слова, не отгадывая по слогамъ.

Наконецъ, отцу было предложено два раза усиленно напѣвать въ умѣ данные мотивы вальсовъ. Дѣвочка сидѣла съ открытыми ушами и глазами, не касаясь отца, отъ котораго была на разстояніи метра. Эти опыты ее очень заинтересовали, и она оба раза сразу и безошибочно пропѣла оба мотива, данныхъ д-ромъ *Котикомъ.*

Вотъ все, что я знаю объ *Софіи Штаркеръ.* Хотѣли мы ее гипнотизировать, но отецъ не позволилъ этого, зато д-ру *К.* удалось установить у ней возможность вызвать на-яву зрительную галлюцинацію: «монета лежитъ на столѣ». Явленій истеріи и дегенеративныхъ особенностей у *С. Ш.* нѣтъ, она слабо грамотна, настоящій ребенокъ, играетъ еще въ куклы и всецѣло

занята тѣмъ, что своими чудесами кормитъ многочисленную семью отца. И дочь, и отецъ охотно говорятъ о коммерческой сторонѣ дѣла. *С. Ш.* очень музыкальна (еврейка). Вся семья ея обладаетъ разными талантами: отецъ «внушаетъ» дочери и занимается «монтевидизмомъ»—отгадываетъ задуманное обществомъ дѣйствіе, если его кто-нибудь изъ этого общества держитъ за руку. Мать—истеричка, обладаетъ даромъ предчувствія и часто предсказываетъ вѣрно, но не настолько часто, чтобы эта способность могла имѣть практическое примѣненіе на сценѣ. Дядя дѣвочки вѣрно предсказалъ часъ и день своей смерти.

Какъ ни какъ, а нельзя все сводить на случайное совпаденіе и обманъ, обстановка нашихъ опытовъ, кажется, исключаетъ возможность сигнализаціи, и поэтому данный случай по нашему личному впечатлѣнію заслуживаетъ вниманія. Я буду счастливъ, если услышу отъ товарищей критическія замѣчанія и предложеніе новой обстановки опытовъ, что охотно исполню, если только *С. Ш.* не уѣдетъ изъ Одессы.

Научныя проблемы криминологіи [1]).

Д-ра Ю. В. Португалова.

I.

Чтобы доказать свое право на существованіе какъ извѣстной области положительнаго знанія, криминологія должна обнаружить, помимо научныхъ методовъ изслѣдованія, особенное фактическое содержаніе, сведенное въ стройную систему, обобщенное идейно и обладающее правами всеобщаго научнаго признанія. Для этого ей приходится оперировать, главнымъ образомъ, съ данными біологіи, философіи, психологіи, соціологіи. Если эти четыре области дѣйствительно удостовѣрятъ или узаконятъ долю своего содержанія въ удѣлъ криминологіи, то права послѣдней на общее признаніе является вполнѣ вѣроятными.

Нелишнимъ, поэтому, будетъ проанализировать, на какихъ научныхъ основахъ покоится зданіе ученія о преступности, и какова дальнѣйшая исто-

[1]) Редакція вполнѣ ясно высказала уже свои взгляды на предметъ и задачи уголовной антропологіи (См. стат. «Наука уголовной антропологіи, ея предметъ и задачи», напечат. въ 1 выпускѣ «Вѣстника Психологіи»), которую г. Португаловъ называетъ «Криминологіей». Тѣмъ не менѣе Редакція съ удовольствіемъ даетъ мѣсто статьѣ почтеннаго автора, хотя и расходится съ нимъ во взглядахъ по существеннымъ вопросамъ. Статья автора принадлежитъ къ вновь возникшему теченію, которымъ увлекаются многіе и которое, конечно, имѣетъ свои основы въ развивающемся настроеніи. Уже одно это обстоятельство, помимо всего остального, даетъ интересной статьѣ право на вниманіе. Въ дальнѣйшемъ Редакція позволитъ себѣ сдѣлать нѣкоторыя замѣчанія, которыя, быть можетъ, будутъ не безполезны для читателя. *Д. Д.*

рическая перспектива его судьбы. При этомъ, въ виду того, что объ основахъ біологическихъ, философскихъ и психологическихъ трактовалось уже не разъ (хотя и не систематично),—мы подробнѣе остановимся лишь на соціологическихъ основахъ криминологіи и вытекающихъ изъ нихъ проблемахъ послѣдней, что же касается первыхъ трехъ, то мы скажемъ о нихъ по возможности вкратцѣ и отмѣчая лишь самое существенное.

Начнемъ сперва съ біологическихъ основъ криминологіи.

Чтобы рѣшить, представляютъ ли обще-біологическое явленіе тѣ факты, которые мы привыкли называть преступными, мы должны поставить вопросъ, представляетъ ли обще-біологическое явленіе нравственная область, какъ универсальный психо-физіологическій аттрибутъ. Для относительнаго рѣшенія этого вопроса въ біологіи имѣются кой-какія данныя. Во-первыхъ, у животныхъ констатированы факты перехода родительской и супружеской симпатіи въ соціальную. На болѣе низкихъ ступеняхъ развитія требованія борьбы за существованіе дѣлали распространеннымъ типъ съ узкимъ замкнутымъ чувствомъ, преданный своимъ близкимъ и равнодушный или враждебный ко всему остальному.

Однако могучіе корни симпатіи, порожденные въ животныхъ организмахъ родительскими и супружескими отношеніями, разростались въ соціальную симпатію, такъ что жизнь вида облегчалась группировкой въ мирныя и дружескія общества. Такимъ путемъ создался типъ со *склонностью* къ соціальной симпатіи. Процессъ этотъ былъ, конечно, постепенный. Сперва само соціальное единеніе организмовъ обнаружилось въ видѣ простой физической агломераціи (моллюски); затѣмъ въ видѣ эгоистической коопераціи (холоднокровныя), и наконецъ уже въ формѣ союза, основаннаго на соціальной симпатіи. [1] (См. литературный указатель).

При этомъ предполагаютъ, что зарожденіе истинной симпатіи впервые появляется только у теплокровныхъ, благодаря организаціи нервной системы. [2] Итакъ, повидимому, есть основаніе думать, что нравственная область (основнымъ проявленіемъ которой является симпатія)—феноменъ обще-біологическій. Біологія отвѣчаетъ за достовѣрность этого положенія, научности же ея никто не отваживается оспаривать. Разъ вопросъ этотъ рѣшится въ утвердительномъ смыслѣ, то ученіе о преступности значительно выиграетъ. Если существуетъ нравственная область, то должны быть степени ея проявленія, т. е. высшая средняя и низшая степени обще-біологическихъ нравственныхъ явленій; разъ есть низшая степень ея проявленія, то есть и низведеніе ея до minimum'а, а также уклоненія, извращенія и отсутствіе нравственныхъ побужденій у извѣстныхъ біологическихъ особей, при полномъ развитіи послѣднихъ въ другихъ отношеніяхъ. Организмъ или индивидуумъ, не лишенный психическаго содержанія въ цѣломъ, но лишенный нравственныхъ импульсовъ и проявляющій себя рѣзко эгоистическимъ и противосоціальнымъ образомъ въ міровомъ обще-

житіи, уже граничитъ съ будущимъ объектомъ уголовной антропологіи. Въ психической дѣятельности его будутъ вибрировать тѣ начала, которыя условно можно назвать «преступными». Итакъ, явленія, называемыя «преступными», свойственны всему живущему (съ момента возникновенія симпатіи *) въ большой и меньшей степени. Слѣдовательно, первая ступень криминологіи можетъ считаться обоснованной научно постольку, поскольку вышеприведенныя данныя должны быть признаны реальными въ предѣлахъ біологіи. Эти данныя съ большей или меньшей степенью достовѣрности сообщаются различными біологами, а у этихъ послѣднихъ заимствуютъ антропологи-криминалисты — объ этомъ писалось уже крайне много, и мы повторять здѣсь этого не будемъ, а интерессующихся отсылаемъ къ трудамъ Лорана, Ферри, Ломброзо, Лакассаня и др.

Глубже—этотъ вопросъ соприкасается съ проблемой о существованіи психизма (сознанія) у животныхъ, хотя бы одноклѣточныхъ. Мы только что пережили эпоху господства догматическаго матеріализма разныхъ оттѣнковъ, матеріализма узкаго, самодовольнаго, но отошедшаго, къ счастью, въ область исторіи. Въ эту эпоху мысль о существованіи психики у всего живущаго казалась смѣхотворной. Однако самодовольная убѣжденность матеріализма и не идущая къ нему авторитетность тона уступили мѣсто болѣе добросовѣстному и широкому отношенію къ изучаемымъ вопросамъ, и теперь новые мыслители, вооруженные критическимъ методомъ и передумавшіе гораздо болѣе, чѣмъ матеріалисты, склонны признать явленія психизма въ органическомъ мірѣ **). 3 Разъ есть міровое сознаніе, локализированное, по скольку намъ извѣстно, въ органическомъ мірѣ, а, по нѣкоторымъ авторамъ, и въ неорганическомъ (напр. въ кристаллахъ) ***), 4 то вполнѣ можно допустить, что въ мірѣ сознательномъ, въ «волнахъ бытія» существуетъ какое-то міровое «преступное» начало наряду съ высшимъ моральнымъ...

Это допущеніе, хотя и не доказанное въ настоящее время, но и *не опровергнутое*, прибавляетъ не мало въ пользу существованія криминологіи. Разъ не опровергнута мысль о существованіи мірового біологическаго «преступнаго

*) Едва ли нужно такъ расширять понятіе преступности, когда для обозначенія того, о чемъ говоритъ уважаемый авторъ у насъ есть болѣе подходящее понятіе безнравственности. Понятіе преступности значительно уже, нежели понятіе безнравственности; оно захватываетъ въ свою область не всѣ безнравственныя дѣйствія, а только особо вредоносныя или признаваемыя за таковыя. Смѣшеніе двухъ понятій слишкомъ увеличило бы армію преступнаго люда. *Д. Д.*

**) Редакціи думается, что почтенный авторъ едва ли не напрасно выходитъ здѣсь за предѣлы спокойно-объективнаго обсужденія научныхъ вопросовъ и впадаетъ въ рѣзко-страстный полемическій тонъ, который ничего не прибавляетъ къ доказательности. *Д. Д.*

***) Редакціи позволяетъ себѣ думать, что почтенный авторъ заходитъ при этомъ далеко за предѣлы научныхъ наблюденій и опыта. Предполагать, конечно можно все, потому что трудно установить предѣлы научной фантазіи, но доказать существованіе «мірового сознанія» или психизма едва ли возможно. *Д. Д.*

начала», то пути къ изученію его не только желательны, но необходимы, непреложны и, несомнѣнно, пробившись чрезъ дебри примитивныхъ и элементарныхъ методовъ, найдутъ себѣ доступъ къ чистому и свободному научному мышленію.

Такимъ образомъ, въ предѣлахъ разрѣшимости указанныхъ вопросовъ и находится степень научной вѣроятности біологическаго оправданія криминологіи *).

II.

Перейдемъ теперь къ философскимъ основамъ криминологіи.

Споръ криминалистовъ—защитниковъ и противниковъ позитивной школы—привелъ къ вопросу: возможно ли воздержаніе отъ преступныхъ дѣяній, или нѣкоторые индивидуумы фатально обречены на преступность внѣ зависимости отъ личнаго благожеланія. Этотъ конкретный споръ является выраженіемъ общаго абстрактнаго философскаго спора о существованіи или небытіи свободной воли.

Детерминизмъ, т. е. ученіе, не признающее свободной воли, исходитъ изъ того положенія, что законъ причинности приложимъ и къ жизни воли такъ же, какъ и для всей сознательной дѣятельности, не говоря уже о мертвой матеріи. Это ученіе стоитъ за непрерывность въ развитіи сознательной жизни, принимая причинную связь и въ волевой сферѣ. Индетерминизмъ, т. е. ученіе о томъ, что бываютъ волевые акты, для которыхъ нѣтъ причинъ, разрываетъ, по мнѣнію детерминистовъ, связь и непрерывность сознательной жизни; и, слѣдовательно, законъ причинности и принципъ непрерывности должны въ этомъ смыслѣ оставаться безъ приложенія. По вопросу о свободѣ воли детерминизмъ указываетъ, что намѣреніе и рѣшеніе, какъ волевые элементы, связаны съ воспоминаніемъ, и что, поэтому, нельзя устанавливать правила и законы, которые имѣли бы силу для воспоминаній и ассоціаціи представленій, но не годились бы для воли. Съ этой точки зрѣнія, индетерминизмъ идетъ наперекоръ не только психологіи, но и физіологіи, вступая въ непримиримое противорѣчіе съ принципомъ сохраненія энергіи въ области органической природы. Кто признаетъ хотѣніе безъ причины—думаютъ детерминисты—тотъ и для функціи

*) Уголовная антропологія, какъ думаетъ редакція, вовсе не нуждается для признанія ея существованія, какъ науки, въ признаніи существованія «какого-то хотя и не доказаннаго, но и не опровергнутаго міроваго біологическаго преступнаго начала». Едва ли *научное* изслѣдованіе реальныхъ явленій живой дѣйствительности можетъ стоять въ тѣснѣйшей зависимости отъ признанія или непризнанія предполагаемыхъ отвлеченныхъ началъ. Едва ли также отсутствіе опроверженія можетъ служить доказательствомъ и дѣлать пути къ изученію «не опровергнутаго» непреложными. *Д. Д.*

мозга и нервной системы долженъ допускать возникновеніе безъ причины [5]. Нѣкоторые детерминисты считаютъ волю специфическимъ ощущеніемъ, завершающимъ двигательную часть рефлекторнаго акта; поэтому, автономія воли— чистый призракъ, лишенный аттрибутовъ реальности [6]. Итакъ, свободы воли, съ этой точки зрѣнія, не существуетъ.

Однако не столь убѣдительными покажутся эти доводы, если взглянуть на дѣло глубже. Тогда обнаружится одностороннее и ошибочное толкованіе детерминизма, смѣшивающаго феноменальную физическую причинность съ психологическою причинностью идей-мотивовъ, созерцаемыхъ непосредственно внутреннимъ чувствомъ [7].

Внѣшній стимулъ не такъ легко связать по закону причинности съ тѣми послѣдствіями, которыя онъ можетъ произвести въ области психизма. Точно также индетерминисты отвергаютъ доводъ феноменальной необходимости, заключающійся въ сложившемся постоянствѣ характера дѣйствующаго лица; не отрицая причинности унаслѣдованныхъ привычекъ, индетерминисты высказываютъ мысль, что онѣ были съ начала *волевыми* рефлексами, пока не сдѣлались автоматическими [8].

Необходимо признать фактъ вліянія воли на матеріальную организацію; это вліяніе состоитъ всегда въ томъ, что частое повтореніе одного и того же волевого дѣйствія создаетъ постепенно постоянныя измѣненія въ нервныхъ путяхъ и ихъ связяхъ, въ результатѣ чего первоначально волевыя дѣйствія превращаются въ чисто механическія, вызываемыя самопроизвольно при соотвѣтствующихъ раздраженіяхъ.

Можно въ виду этого предположить, что живой организмъ представляетъ собою продуктъ множества волевыхъ дѣйствій, результаты которыхъ укрѣпились въ теченіе поколѣній [9].

Съ этой точки зрѣнія, детерминисты неправы, ибо впадаютъ въ ошибку, объясняя проявленія мотивовъ простою ассоціаціею идей и не отводя мѣста элементу самосознанія, которое они смѣшиваютъ съ сознаніемъ [10]. Да и въ концѣ концовъ, само понятіе *причинности* не можетъ быть выведено изъ опыта, потому что намъ никогда не дается необходимая связь явленій.

Итакъ, философскій споръ остается еще открытымъ; если одержитъ верхъ детерминизмъ (на что мало данныхъ), то школа позитивистовъ значительно выиграетъ; если же одержитъ верхъ противоположное ученіе—позитивисты должны разстаться съ своей исходной точкой зрѣнія, и ученіе о преступности должно искать новыхъ путей.

Впрочемъ, нѣкоторые криминалисты, симпатизируя индетерминизму, считаютъ возможнымъ обойти этотъ споръ въ вопросѣ объ отвѣтственности*). [11]

---

*) Изъ всего уже изложеннаго и послѣдующаго видно, что почтенный авторъ является противникомъ детерминизма, который онъ считаетъ «дѣтищемъ узкаго

III.

Остановимся теперь на психологическихъ основахъ криминологіи.

На первыхъ порахъ можетъ показаться парадоксальнымъ говорить о психологическихъ основахъ ученія о преступности въ то время, какъ сама психологія, повидимому, лишена всякихъ основъ, и колеблется въ различныя стороны. И, дѣйствительно, ни ассоціаціонизмъ, ни апперцепціонная психологія, ни интеллектуализмъ, ни физіологическая психологія не пользуются правами всеобщаго признанія, а послѣдняя даже вызываетъ ироническое отношеніе у представителей широко-философскаго направленія мысли. Многіе полагаютъ, что успѣхъ экспериментальной психологіи скорѣе кажущійся, чѣмъ реальный, и послѣдняя никогда не можетъ вытѣснить интроспекціи...

Однако, за послѣднее время съ особенною силой пробиваетъ себѣ путь волюнтаристическое направленіе въ психологіи, пріобрѣтающее послѣдователей даже среди чистыхъ философовъ. Успѣхи этого направленія несомнѣнно должны отразиться на судьбахъ ученій о преступности, такъ какъ волюнтаристическая теорія должна внести новую и живую струю въ область традиціонной полемики детерминизма и ученія о свободѣ воли.

Въ самомъ дѣлѣ, научно-теоретическая эволюція волюнтаризма, какъ

естествознанія». Трудно, однако, съ нимъ согласиться, что понятіе фактора и производимыхъ имъ результатовъ или—что то же - причины и слѣдствій не могутъ быть выведены изъ опыта. Почтенный авторъ едва ли правильно противополагаетъ также «феноменальную физіологическую причинность» причинности психической. Всѣ психическія явленія—насколько только намъ даютъ возможность судить о томъ наблюденіе и опытъ—всегда имѣютъ свои *опредѣленныя* физическія или органическія сопутствующія. Конечно, мы не знаемъ природы связи, но пока достаточно и *опредѣленности.* Можно довольствоваться знаніемъ, что съ прекращеніемъ притока крови къ мозгу, путемъ нажатія приводящихъ кровь артерій, опредѣленно исчезаетъ сознаніе, психизмъ, не пытаясь проникнуть въ сущность этого исчезновенія. Плодотворнѣе, сознавая ограниченность предѣловъ знанія, заниматься доступнымъ намъ изслѣдованіемъ явленій, а не предположеній, создаваемыхъ фантазіею, хотя бы и научною. Быть можетъ, въ будущемъ, когда, вслѣдствіе дальнѣйшаго развитія, значительно расширятся средства изслѣдованія, имѣющія основанія въ самомъ человѣкѣ, область познаваемаго, въ свою очередь, значительно расширится, но то уже дѣло будущаго. Нельзя также не замѣтить, что почтенный авторъ какъ будто впадаетъ въ нѣкоторое противорѣчіе съ самимъ собою. Припомнимъ, что, по его мнѣнію, нравственное чувство—эта основа общественности, - всецѣло зависитъ въ своемъ существованіи отъ біологическихъ условій. Возсоединяя, такимъ образомъ, психическое съ біологическимъ (которое своими начальными ступенями незамѣтно соединяется съ физическимъ), почтенный авторъ, не впадая въ противорѣчія, едва ли имѣетъ основанія для того противоположенія, о которомъ упоминалось выше.

Д. Д.

психологической доктрины, должна рѣшительнымъ образомъ отразиться на философскихъ проблемахъ криминологіи, которыя за недостаткомъ новыхъ аргументовъ и данныхъ выброшены были за бортъ современной криминалистики, какъ метафизическій хламъ, оставленный классической школой уголовнаго права въ ненужное наслѣдіе позитивистамъ-антропологамъ. Однако, торжество позитивной школы не должно быть продолжительно, и «метафизическій хламъ» вновь всплыветъ на поверхности криминологіи, такъ какъ уклоненія позитивистовъ дать отвѣтъ на тревожащіе вопросы не являются объясненіемъ, не уничтожаютъ ихъ стойкости, серіозности и глубины. Мы живемъ не во времена Конта, и потому кокетство позитивнымъ методомъ не можетъ вызывать теперь былого умиленія и восторга. Какъ въ общемъ міровоззрѣніи и мышленіи современнаго человѣчества совершается крутой поворотъ къ критицизму, такъ и въ конкретныхъ вопросахъ начинается реакція противъ какого бы то ни было догматизма, а послѣднимъ не въ малой мѣрѣ страдаетъ позитивизмъ.

Проблемы о преступномъ человѣкѣ не могутъ быть изъяты изъ этого общаго потока мысли, и потому презрительное отношеніе къ «метафизикѣ» и панегирики непосредственному эксперименту становятся уже приторными и утомительными.

Итакъ, нужно ждать реформъ отъ волюнтаристической теоріи.

Волюнтаризмъ (Вундта) вовсе не заключается въ утвержденіи, что воля есть единственно реально существующая форма психической жизни, а въ томъ, что воля вмѣстѣ съ тѣсно связанными съ ней чувствованіями и аффектами составляетъ такую же нераздѣльную составную часть психологическаго опыта какъ ощущенія и представленія. Наиболѣе обстоятельныя работы по вопросу о волюнтаризмѣ изъ русскихъ авторовъ принадлежатъ г. Н. Лосскому [12].

Слѣдуя идеологически пути, избранному Вундтомъ, этотъ авторъ старается доказать, что воля есть, такъ сказать, *свойство*, жизнь индивидуальнаго сознанія, а вовсе не первичный психическій элементъ, отъ котораго, будто бы, должны происходить представленіе и ощущеніе. Современный волюнтаризмъ вовсе не грубое ученіе о первенствѣ воли, какъ психической категоріи, и поэтому авторъ предостерегаетъ отъ всякихъ параллелей волюнтаризма съ другими однобокими направленіями, какъ, напр., интеллектуализмъ. Различныхъ ученій о волѣ очень много, но новѣйшій волюнтаризмъ существенно отличается отъ нихъ, какъ сравнительно недавнее направленіе, опирающееся на факты и оттѣнки состояній сознанія, отмѣченные во всей ихъ полнотѣ лишь недавно; это ученіе исходитъ изъ анализа фактовъ, углубленнаго до такой степени, какая не встрѣчалась въ прежней психологіи. Вотъ, благодаря этимъ-то особенностямъ новѣйшаго волюнтаризма, съ нимъ долженъ считаться детерминизмъ, который будто бы одинъ лишь поддерживаетъ зданіе уголовной антропологіи. Что-то будетъ съ послѣдней, если ея первооснова будетъ разрушена новѣйшимъ волюнтаризмомъ? Однако, не нужно очень мрачно смотрѣть на это

грядущее столкновеніе двухъ доктринъ, и мы лучше сдѣлаемъ, если вслѣдъ за г. Лосскимъ будемъ вѣрить, что всѣ старыя ученія «и даже спинозистическій слѣпой детерминизмъ легко могутъ быть согласованы съ психологическимъ волюнтаризмомъ».

Споръ детерминизма и волюнтаризма важенъ для криминологіи въ вопросѣ о томъ, способенъ ли индивидуумъ, впадающій въ преступленія, своею психофизическою личностью противостоять преступному дѣянію, или оно должно вылиться у него непреложно, подобно тому, какъ у страдающаго туберкулезомъ рано или поздно долженъ обнаружиться кашель *).

Пока будетъ рости и разрѣшаться этотъ споръ, для криминологіи важенъ прогрессъ слѣдующаго психологическаго вопроса: каковы законы нравственной жизни у преступной личности? **).

Біологія должна дать отвѣтъ на то, представляетъ ли нравственная область общее органическое явленіе; психологія же должна двинуть вопросъ объ индивидуальной нравственности и ея уклоненіяхъ.

Намъ лично представляется, что развитіе психологіи преступности зависитъ отъ прогресса знаній по слѣдующимъ вопросамъ общей и индивидуальной психологіи:

---

*) Не касаясь даннаго почтеннымъ авторомъ описанія шати въ современной психологіи, при которой физіологическая психологія «даже вызываетъ ироническое отношеніе у представителей широко-философскаго направленія мысли», такъ какъ это завело бы слишкомъ далеко, редакція находитъ не лишнимъ сдѣлать лишь одно замѣчаніе, относящееся къ непосредственному предмету настоящей статьи. Если существуетъ на-лицо *твердая* воля, то противодѣйствіе всегда возможно. Это въ полной мѣрѣ подтверждаетъ опытъ и противъ этого не станетъ спорить ни одинъ детерминистъ. Но рѣшеніе въ такой формѣ не имѣетъ никакого значенія для уголовной антропологіи, которая, давая обобощенія, въ то же время имѣетъ дѣло не съ отвлеченными общностями, а съ конкретными явленіями живой дѣйствительности, которыя требуютъ индивидуальнаго изслѣдованія и изученія. Будетъ ли существовать на-лицо такая *твердая* воля въ конкретныхъ случаяхъ?—вотъ вопросъ. Можно ли говорить о *такой* волѣ у хроническихъ алкоголиковъ, которые, какъ показываетъ изученіе, въ столь значительномъ числѣ пополняютъ собою ряды преступнаго люда? Существуетъ ли наличность *такой* воли у личностей съ импульсивными влеченіями или у абуликовъ? Скажутъ, что все это болѣзненныя состоянія. Но, во-первыхъ, гдѣ почтенный авторъ проведетъ сколько-нибудь рѣзко замѣтную границу между болѣзнію и здоровьемъ, и, во-вторыхъ, разрѣшитъ ли онъ вопросъ о числовыхъ величинахъ, въ которыхъ болѣзненность, въ смыслѣ нарушеній и разстройствъ органическаго питанія, принимаетъ участіе въ порожденіи преступности? Наконецъ, какъ понимать его послѣднее замѣчаніе—вопросъ? Хочетъ ли онъ сказать имъ, что психическіе процессы, проявляющіеся въ дѣйствіяхъ, не представляютъ собою необходимыхъ сопутствующихъ нервно-органическихъ процессовъ, входящихъ въ область изученія физіологіи? *Д. Д.*

**) Въ такой формѣ выраженный вопросъ едва ли представляется достаточно яснымъ и опредѣленнымъ. *Д. Д.*

1) Что такое нравственная область, какъ общее явленіе?

2) На какіе простѣйшіе психологическіе элементы она можетъ быть разложена?

3) Существуетъ ли нравственность: *a*) инстинктивная, *b*) сознательная, *c*) психологически комбинированная?

4) Каковъ генезисъ простѣйшихъ элементовъ нравственности, и какіе изъ нихъ имѣютъ доминирующее значеніе?

5) Какова анатомическая и физіологическая основа нравственныхъ явленій, и существуетъ ли она?

6) Зависимое ли или, быть можетъ, утопическое понятіе: «нравственность»—или же это реальный психологическій феноменъ, имѣющій свою органическую и психологическую подкладку?

Въ зависимости отъ болѣе или менѣе успѣшнаго рѣшенія этихъ вопросовъ, должна двинуться впередъ область разрѣшенія слѣдующихъ параллельныхъ первымъ и противоположныхъ имъ по содержанію вопросовъ:

1) Что такое *a*) безнравственная и *b*) преступная область, какъ общее явленіе? *).

2) Могутъ ли быть *a*) отожествляемы совершенно области безнравственная и преступная, или онѣ должны быть *b*) различаемы (совершенно или до извѣстной степени), или, наконецъ, *c*) обѣ онѣ лишены объективной сущности, какъ искусственные психическіе продукты соціальной жизни?

3) Существуетъ ли преступность *a*) инстинктивная, *b*) сознательная, *c*) комбинированная?

4) На какіе простѣйшіе психологическіе элементы должна быть разложена область безнравственныхъ или преступныхъ явленій?

5) Каковъ генезисъ простѣйшихъ элементовъ преступности, и какіе изъ этихъ элементовъ имѣютъ преобладающее значеніе?

6) Какова анатомическая и физіологическая основа преступныхъ явленій, и существуетъ ли она?

7) Искусственное ли понятіе «преступность», или же это реальный психологическій феноменъ, эмпирически опредѣлимый?

Вполнѣ понятно, что подобные вопросы далеко еще не разрѣшены, но изъ этого не слѣдуетъ, что они *не разрѣшимы*.

Итакъ, прогрессъ психологіи въ указанныхъ нами направленіяхъ дастъ въ будущемъ отвѣтъ на эти вопросы пока же психологическія основы криминологіи представляются намъ уравненіемъ со многими неизвѣстными, но однако уравненіемъ, которое можетъ быть когда нибудь *разрѣшено*.

*) Этотъ вопросъ можетъ быть разрѣшаемъ только путемъ историческимъ, который можетъ показать намъ. какъ совершалась эволюція понятія преступленія, и какіе реальные факты лежали въ основѣ этой эволюціи.

Д. Д.

IV.

Перейдемъ, наконецъ, къ соціологическимъ основамъ криминологіи и вытекающимъ изъ нихъ проблемамъ.

Въ разгарѣ спора сторонниковъ и противниковъ теоріи Ломброзо послѣдніе старались перенести центръ тяжести преступныхъ фактовъ въ область соціальныхъ явленій; однако, несмотря на частыя побѣды, эти оппоненты, за небольшимъ исключеніемъ, обнаруживали не особенно большую эрудицію въ аргументаціи своихъ положеній.

Многіе изъ нихъ лишь упорно твердили, что преступность создается соціальными условіями, что въ преступности повинны соціальные факторы, какъ-то: алкоголь, пауперизмъ, нищета—и этими фразами, правда, часто красиво сплетаемыми (Лакассань) *) дѣло и ограничивалось **). Однако сторонники Ломброзо, хотя и во многомъ неправые, приводили все же фактическія данныя, производили подробныя изслѣдованія, измѣренія... Тѣ же, на сторонѣ которыхъ было, повидимому, больше принципіальной правды, мало трудились надъ обоснованіемъ своихъ тезисовъ по даннымъ современной соціологіи.

Въ настоящее время зрѣетъ насущная потребность обосновать положенія криминальной антропологіи, именно, путемъ обобщенія соціальныхъ явленій; слѣдовательно, является необходимость тщательнаго знакомства съ соціологіей.

Кто говоритъ о соціальныхъ факторахъ преступности, непремѣнно долженъ быть свѣдущъ въ соціологіи, чтобы всегда имѣть возможность научно обосновать свои идеи.

Но является вопросъ, существуетъ ли наука «соціологія» или, быть можетъ, это особое названіе исторіи или исторіи культуры или антропологіи?. Чтобы отвѣтить на этотъ вопросъ, необходимо хотя бы бѣгло обозрѣть исторію возникновенія и развитія соціологической мысли, дабы потомъ имѣть возможность съ полнымъ правомъ говорить о соціологическихъ проблемахъ криминологіи.

Итакъ, приступимъ къ изложенію современныхъ соціологическихъ ученій, причемъ недостатокъ мѣста принудитъ насъ сдѣлать это до-нельзя кратко и ультра-конспективно.

Упомянемъ сперва о зарожденіи соціологической мысли.

---

*) Редакція смѣетъ думать, что здѣсь у почтеннаго автора сорвались неудачныя выраженія, которыхъ въ такой статьѣ, какъ статья автора, слѣдовало бы особенно избѣгать. Дѣйствительно, неужели же можно назвать «фразами, правда, часто красиво сплетенными» указаніе на вліяніе алкоголя, пауперизма и проч. Изучавшіе конкретныя явленія дѣйствительности, конечно, этого не скажутъ, зная хорошо, что соціальныя условія порождаютъ индивидуальныя особенности. *Д. Д.*

**) Исключеніе, разумѣется, представлялъ Тардъ. Зам. автора.

Съ возникновеніемъ государства и государственныхъ вопросовъ должны были возникнуть вопросы соціологическіе, какъ имѣющіе цѣлью установить нормы общественныхъ отношеній.[13]. Первыми соціологами можно считать Моисея и Конфуція, поскольку мышленіе ихъ двигалось въ направленіяхъ, указываемыхъ общимъ для нихъ предметомъ.

Равнымъ образомъ, таковыми признаютъ Ликурга, Солона, Платона, а какъ высшее соціологическое твореніе классической древности—кодексъ римскаго права.

Въ средніе вѣка продуктомъ соціологической мысли явилась церковь, какъ высшая основа средневѣковой организаціи общества. Въ эпоху возрожденія соціологическими мыслителями являются Маккіавелли, Гуго Гроцій, Гоббсъ, изучающій человѣческое общество, какъ всякое другое физическое тѣло, подчиненное непреложнымъ законамъ; Спиноза анализируетъ взаимодѣйствія между человѣческими тѣлами [13].

Въ Англіи (XVII—XVIII в.) соціологическая мысль получаетъ двоякое направленіе: одно—психологическое, другое—изучающее человѣческія эгоистическія стремленія, какъ двигатели экономической жизни. *Милль* (*Д. С.*) создаетъ первую логику соціальныхъ наукъ; по его мнѣнію, общество должно составлять предметъ особой науки. Позднѣе, *Спенсеръ* проводитъ параллель между соціальными и физическими явленіями; впрочемъ современные авторы полагаютъ, что соціологія Спенсера представляетъ собою сравнительную исторію культуры или учрежденій.

Во Франціи соціологическими мыслителями были отчасти Вольтеръ, Монтескьё, Кондорсе, Руссо. Тэнъ, какъ историкъ, выводя индивидуальность изъ среды, выдвинулъ этимъ соціологію. Но кому обязана соціологія своимъ именемъ—это Ог. Конту, творцу позитивной соціологіи, господствовавшей вплоть до нашего времени.

Нѣмецкая соціологическая мысль развивалась преимущественно подъ вліяніемъ Гегелевой философіи и выдвинулась въ твореніяхъ Маркса, Энгельса, Каутскаго, Липперта, а позднѣе Бернштейна, Вольтмана и др. Нѣтъ надобности прибавлять, что первые авторы въ основу соціологическихъ проблемъ ставили экономическій факторъ.

Когда соціологическій матеріалъ уже установился, стала играть выдающуюся роль *теорія сравненія общества съ организмомъ* въ біологическомъ смыслѣ, какъ цѣлаго (*Лилліэнфельдъ*, *Шеффле*, *Вормсъ*). Эта теорія получила сильный отпоръ со стороны 1) адептовъ психологическаго метода въ соціологіи, требующихъ анализа соціальныхъ явленій съ точки зрѣнія общихъ законовъ сознанія и 2) со стороны соціологовъ, считающихъ возможной чисто специфическую теорію общества, основанную на опредѣленномъ пониманіи сущности соціальной жизни и его гносеологическихъ условіяхъ. Нѣкоторые даже высказываются, что органическая теорія совершенно безплодна въ методологическомъ отношеніи, и заслуги ея предъ соціологіей сводятся къ нулю [13].

Далѣе, мы должны обозрѣть слѣдующія теоріи:

1. *Теорія общества, какъ духовнаго организма высшаго порядка.* (*Фуллье, Вундтъ, Гиддингсъ*). Сторонники ея указываютъ на ростъ сознанія въ органическомъ мірѣ, на образованіе сложныхъ центровъ самосознанія и объединеніе низшихъ въ центрахъ высшихъ. Организація воль въ направленіи высшаго коллективнаго сознанія является содержаніемъ историческаго процесса. Изученіе структуры, содержанія и законовъ коллективнаго сознанія является задачей соціологіи [13]. Въ частности, *Гиддингсъ* понимаетъ соціологію, какъ науку объ обществѣ въ философскихъ рамкахъ: задача ея—изслѣдованіе научныхъ основъ [14]. *Вундтъ* же, собственно, вообще отрицательно относится къ соціологіи. Не отвергая права на существованіе соціологіи, какъ науки объ обществѣ въ узкомъ смыслѣ, онъ не признаетъ никакихъ *соціологическихъ* законовъ, подобныхъ естественнымъ. Въ конечномъ счетѣ всѣ соціальныя явленія должны, по его мнѣнію, аппеллировать къ психологіи [15].

2. *Теорія Тарда.* Общество—подражательное распространеніе вѣрованій или желаній одного субъекта или нѣсколькихъ на широкій кругъ человѣческихъ личностей. Теорію эту считаютъ методологически неудачной, ибо подражаніе сводится къ принципу соприкосновенія между различными системами вѣрованій и воль и является лишь одною изъ формъ этого соприкосновенія, такъ какъ наряду съ подражаніемъ происходитъ столкновеніе, противодѣйствіе, борьба между идеями, модами, желаніями [13].

3. *Теоріи, пытающіяся поставить соціологію внѣ всякой зависимости отъ психологіи.* Здѣсь прежде всего нужно остановиться на взглядахъ *Зиммеля*. По его теоріи, задачей соціологіи является изученіе специфическихъ законовъ взаимодѣйствія между людьми, въ какомъ бы содержаніи это взаимодѣйствіе ни происходило. Соціологіи подлежитъ изученіе формъ или рода существованія людей рядомъ, вмѣстѣ и другъ для друга; причины же, благодаря которымъ возникаютъ эти обобществленія, разбираются другими науками. Общество возникаетъ тамъ, гдѣ нѣсколько индивидуумовъ находятся во взаимодѣйствіи; но соціологія не всегда должна быть абстрактной; она изслѣдуетъ въ обществѣ то, что больше всего составляетъ ея сущность. Въ соціологіи идетъ рѣчь о выборѣ принциповъ группировки, и выводѣ изъ нихъ законовъ. Словомъ, соціологія изслѣдуетъ въ абстракціи законы обобществленія. «На абстрактномъ изслѣдованіи соціальныхъ формъ основано все право существованія соціологіи» [16]... Этой теоріи посылаютъ тоже упрекъ въ томъ, что она пытается изслѣдовать взаимодѣйствіе между людьми при отвлеченіи отъ содержаній этихъ взаимодѣйствій, что врядъ ли достижимо.

Далѣе, кромѣ Зиммеля, на различіи предмета и методовъ соціологіи и психологіи настаиваетъ *Дюркгеймъ*. Общество—думаетъ онъ—какъ совокупность человѣческихъ индивидуумовъ, представляетъ по отношенію къ послѣднимъ самостоятельную и самородную мощь. Въ соціальной жизни стираются инди-

видуальныя особенности, и общія для различныхъ индивидуумовъ теченія слагаются въ могучіе потоки соціальной жизни. Поэтому, главными источниками и матеріаломъ соціологіи являются исторія и статистика, а не индивидуальная психологія. Этой теоріи ставятъ въ упрекъ игнорированіе фактовъ развитія, расширенія личности. Наконецъ, третій представитель этой теоретической группы — *Штаммлеръ* тоже видитъ основной признакъ соціальной жизни во внѣшнемъ регулированіи; однако онъ, кромѣ того, пытается положить основу *философіи* соціальныхъ наукъ: большинство соціальныхъ вопросовъ, по его мнѣнію, должны быть разрѣшены «теоріей соціологическаго познанія» [17].

Кромѣ взглядовъ этихъ авторовъ, необходимо отмѣтить слѣдующія теченія соціологической мысли. *Гильомъ-де-Греефъ* принимаетъ, какъ соціологію, философію исторіи, абстрактную формулировку всѣхъ конкретныхъ явленій [18].

Лестеръ Уордъ считаетъ соціологію высшей наукой и дѣлитъ ее на статическую (ученіе объ организаціи общества) и динамическую (изслѣдованіе учрежденій, движеній историческихъ событій) [19]. *Л. Гумпловичъ* является сторонникомъ «соціологическаго детерминизма», сводя значеніе индивидуума въ соціальномъ процессѣ къ нулю, чѣмъ и объясняется его популярность у сторонниковъ экономическаго матеріализма [20]. *A. Bauer* полагаетъ, что въ соціологіи, какъ и въ другихъ наукахъ, примѣнимы индукція и дедукція; соціальное цѣлое распадается на соціальные классы, что даетъ возможность устанавливать основныя понятія соціологіи и открывать соціальные законы [21]. *Jankelewitch.*, анализируя соціальныя явленія, склоненъ совершенно выдѣлить ихъ изъ разряда естественныхъ [22].

P. Palante по вопросу о соціальной телеологіи приводитъ три закона, поочередно управляющіе соціальной эволюціей: 1) законъ умственной инертности и наименьшаго труда; 2) законъ дѣятельности, направленной къ достиженію максимума соціальной полезности; 3) законъ дѣятельности, направленной къ достиженію максимума индивидуальной жизни и красоты. Этотъ же авторъ стоитъ за силу индивида надъ обществомъ [23]. *A. Espinas* отстаиваетъ самостоятельность соціологіи [24]; *Bouglé* указываетъ на безплодность біологической соціологіи [25]; *M. Bernès* [26] основнымъ фактомъ нашего сознанія считаетъ постоянный синтезъ идеальнаго и реальнаго, соціальныхъ и индивидуальныхъ отношеній, и потому, по его мнѣнію, истинно философская соціологическая теорія должна считаться съ обоими концептами — индивидуума и общества, а съ другой стороны, съ тѣмъ, что есть, и съ тѣмъ, что должно быть.

Джемсъ Коллиръ признаетъ существованіе *соціологическихъ видовъ*, которые, по его мнѣнію, состоятъ изъ типовъ, семействъ, формъ правленія, организацій промышленныхъ и церковныхъ, привычекъ и обычаевъ, языковъ, чувствованій и вѣрованій, философій, наукъ и искусствъ.

Они обладаютъ всѣми чертами растительныхъ и животныхъ видовъ, имѣютъ такую же степень реальности и передаютъ эти черты отъ поколѣнія

къ поколѣнію, обнаруживаютъ въ опредѣленныхъ направленіяхъ большую или меньшую степень совершенства, борются между собой, причемъ наиболѣе приспособленные выживаютъ, имѣютъ мирныя сношенія между собою и представляютъ всѣ явленія «перекрестнаго оплодотворенія», происходятъ вновь какъ новые виды животныхъ и растеній, причемъ законъ постояннаго измѣненія видовъ происходитъ въ соціологіи такъ же, какъ и въ біологіи [27]. *Людвигъ Штейнъ* [28] считаетъ важнымъ для соціологическихъ проблемъ слѣдующіе три момента: 1) происхожденіе всякаго человѣческаго общества, 2) историческое развитіе соціальныхъ организмовъ, 3) данное положеніе соціальной проблемы. Противникомъ Штейна является *Генрихъ Куновъ*, который, считая рѣшительнымъ прогрессомъ методологическое обоснованіе предлагаемое Штейномъ, утверждаетъ, что въ виду пассивности и ссылокъ на другія области, онъ не добьется самостоятельности соціологіи. [28]. *Sydney Ball* скептически относится къ существованію соціологіи, какъ науки. «Quot homines tot sociologici»—думаетъ онъ. Соціологія—это общее названіе для большой группы проблемъ, ожидающихъ рѣшенія.

Теперь замѣчается уклоненіе и отъ Конта, и отъ Спенсера къ психологической соціологіи; но отступленіе отъ біологическаго метода должно считаться шагомъ назадъ, ибо біологическая аналогія можетъ дать цѣнныя указанія [29].

Въ pendant къ нему *Paul Barth* вновь возвращается къ аналогіи организма съ обществомъ, но въ отличіе послѣдняго отъ перваго называетъ общество «волевымъ организмомъ», а потому здѣсь является уже иной родъ причинности, и объясненія натуралистико-органической теоріи должны быть переработаны вновь... [30].

Обозрѣвая такимъ образомъ взгляды и идеи представителей современной соціологіи, мы видимъ, что вопросъ о томъ, представляетъ ли собою соціологія самостоятельную науку, остается еще до сихъ поръ открытымъ.

Для нашихъ цѣлей, впрочемъ, важна не столько научная автономія соціологіи, сколько значительными представляются тѣ проблемы, которыя она стремится разрѣшить, и тѣ тезисы, которые она выставляетъ послѣ болѣе или менѣе удачныхъ аргументовъ. Такъ, мы видимъ, что соціологія стремится изучать тѣ пути, слѣдуя которымъ низшіе центры коллективнаго человѣческаго сознанія въ цѣляхъ соціальнаго прогресса должны объединяться въ высшіе центры; она также изучаетъ пути, по которымъ въ цѣляхъ же высшаго сознанія должна быть направлена организація человѣческихъ воль. Она изслѣдуетъ структуру, содержаніе и законы коллективнаго сознанія *), а также множественные факты соприкосновенія людей между собою, причемъ

*) Неужели почтенный авторъ находитъ все это достаточно яснымъ и способнымъ содѣйствовать научной разработкѣ вопросовъ о явленіяхъ человѣческой преступности, какими ихъ знаетъ дѣйствительность? *Д.* . .

выясняетъ формы этого соприкосновенія; исторія и статистика, какъ воспособляющіе матеріалы соціологіи, могутъ свидѣтельствовать о стойкости однѣхъ общественныхъ формъ и неустойчивости другихъ, а борьба общественныхъ классовъ, научно отмѣчаемая въ каждую эпоху, можетъ установить законы колебаній и конфликтовъ въ общественной жизни. Статическая часть соціологіи изучаетъ организацію общественныхъ учрежденій, динамическая— ихъ движеніе и эволюцію, причемъ эмпирически должны выясняться аномаліи прежнихъ и настоящихъ соціальныхъ формъ и способы обхожденія и устраненія ихъ въ будущемъ.

Таковы проблемы современной соціологіи.

Какіе же выводы можно сдѣлать изъ этихъ предварительныхъ соціологическихъ данныхъ для уразумѣнія фактовъ преступности?

Представимъ себѣ какой-либо соціальный строй съ опредѣленнымъ характеромъ внутренней жизни, установившимися нормами правленія и съ извѣстной потенціальной способностью къ прогрессу и саморазвитію.

Представимъ себѣ также, что въ силу ли наступленія реакціи, или въ силу экономическаго, идейнаго и т. п. перероста страны за рамки установившихся нормъ,—мирное теченіе жизни начинаетъ нарушаться и исподволь зрѣетъ внутренняя соціальная борьба. Какъ психическій аггрегатъ, обладающій разнородными элементами, эта страна или государство будетъ характеризоваться наличностью какъ альтруистическихъ, такъ и эгоистическихъ группъ. При дальнѣйшей эволюціи внутренней жизни и развитіи борьбы, тѣ и другія группы должны тоже развиваться и усиливаться. Параллельно съ соціальнымъ внутреннимъ процессомъ должна происходить и психическая эволюція, т. е. со стороны группы альтруистической въ наивысшей стадіи ея развитія могутъ выдѣляться передовыя личности, идеологи свѣтлаго будущаго, геніи, друзья народа. Со стороны же группы эгоистической должны постепенно выдвигаться личности, не стремящіяся къ соціальному благу, чуждыя какихъ бы то ни было идеаловъ, общественные паразиты, тупые въ нравственномъ смыслѣ субъекты, безпринципные,.. «преступники»... *). Мы умышленно исходной точкой анализа даннаго вопроса ставимъ контрастъ психологическій (эгоизмъ-альтруизмъ), а не экономическій (классовая рознь), въ виду того, что послѣдній принципъ лишенъ объективности и не можетъ дать строгую параллель съ факторомъ, порождающимъ преступность.

Психологическій же принципъ—единственно возможное орудіе анализа въ данномъ вопросѣ; если не брать его исходной точкой, то лучше отказаться

*) Почтенный авторъ даетъ одинъ изъ такихъ гипотетическихъ примѣровъ, какихъ можно придумать весьма много. Но, при изученіи дѣйствительной преступности какой либо страны, едва-ли представится возможнымъ свести ее къ формулѣ автора, по которой сверхъ того слишкомъ большая часть населенія попала бы въ разрядъ преступниковъ. *Д. Д.* *Ред.*

отъ всякаго соціологическаго анализа преступленія. Когда вспыхиваетъ соціальная борьба, и группы становятся все болѣе и болѣе *активными*—немедленно обнаруживаются ихъ психологическія свойства, которыя могутъ быть *морально измъряемы* тѣмъ же принципомъ психологическаго содержанія, т.-е. степенью эгоизма и альтруизма.

Въ открывшейся борьбѣ важно будетъ не классовое положеніе личности, не роль ея въ соціальной борьбѣ, не принадлежность ея къ какой-либо политической партіи (ибо и въ партіи передовой могутъ быть преступники, и въ партіи реакціонной высокогуманныя личности и идеалисты), а общее моральное направленіе психической дѣятельности, тѣ импульсы, стремленія и желанія, которые подстрекаютъ личность на ту или иную дѣятельность.

При обостреніи соціальной борьбы, вслѣдствіе разныхъ неблагопріятныхъ моментовъ, сопровождающихъ ее (соціальныхъ, какъ-то: нищеты, алкоголизма, вырожденія, или психологическихъ, какъ-то: перераздраженія, истощенія психической энергіи и т. п.)—можетъ образоваться въ *различныхъ* слояхъ общества обширная и разнообразная группа *криминально настроенныхъ* субъектовъ, психологически объединяемая стихійнымъ аморализмомъ, безпринципностью, гражданской неустойчивостью и преобладаніемъ инстиктивно-чувственной жизни *).

Подобная же, но нѣсколько отличная отъ первой, «преступная группа» можетъ образоваться при другихъ условіяхъ. А именно, въ средѣ корпорацій, отличающихся инертной устойчивостью, можетъ выработаться группа субъектовъ, хотя и не часто заявляющихъ себя активной и бьющей въ глаза преступностью, но нравственно отупѣлыхъ, очерствѣвшихъ, психически неподвижныхъ, готовыхъ на всевозможные компромиссы и неспособныхъ къ активной моральной жизни.

Путемъ вѣкового мѣщанства, загнившихъ бытовыхъ устоевъ, длительнаго извращенія семейныхъ и общественныхъ отношеній, прикрываемыхъ хроническимъ и систематизированнымъ лицемѣріемъ, путемъ постояннаго подавленія негодованія и открытаго протеста,—подавленія, развивающаго затаенную злобу, мстительность и злорадство—эти соціальные элементы являются въ концѣ концовъ лишенными совершенно нравственныхъ побужденій, и если, вслѣдствіе традиціонной сдержанности и трусости за свое буржуазное прозябаніе, они не становятся активными нарушителями соціальнаго общежитія, то за то при малѣйшихъ благопріятныхъ условіяхъ они рѣшаются на все болѣе и болѣе злокозненныя преступленія, причемъ лишь болѣе зорко выглядываютъ условія индивидуальной безопасности. Для изученія ихъ этіологіи важны и экономика, и соціальные моменты, но для анализа ихъ «преступной статики и динамики»

*) Нѣтъ ли нѣкотораго противорѣчія между здѣсь сказаннымъ почтеннымъ авторомъ и тѣмъ, что сказано имъ ранѣе по поводу указанія авторовъ на соціальные факторы преступности? *Д. Д.*

въ моменты ея сформированія и дѣятельнаго проявленія важна только психологія, и только путемъ послѣдней можно добиваться объективныхъ путей ея полнаго изслѣдованія *).

Социологія, какъ мы указали выше, отмѣчаетъ, что въ обществѣ организуются сложные центры самосознанія, и низшіе центры объединяются въ центрахъ высшихъ. Но происходитъ ли это такъ въ дѣйствительности? Дѣйствительно ли процессъ этотъ совершается безпрепятственно?

Разумѣется, нѣтъ. И, именно, препятствія наиболѣе таятся въ низшихъ центрахъ, которые далеко не всегда идутъ на встрѣчу прогрессивнымъ цѣлямъ. Если мы разложимъ на простые элементы эти низшіе центры, то одними изъ нихъ явятся *элементы преступные*, тормозящіе процессъ этого объединенія. Вотъ здѣсь то мы и подступаемъ къ неизбѣжному и необходимому взаимовліянію соціологіи и криминологіи. Разъ констатируется фактъ соціальнаго замедленія въ объединеніи низшихъ центровъ сознанія въ высшіе, то соціологія должна выяснять причины этого замедленія; выясняя эти причины, она сейчасъ же наталкивается, какъ на одну изъ главныхъ, на *преступность*. Продолжая изслѣдованіе вопроса вглубь, соціологія можетъ поставить вопросъ, почему при данномъ соціальномъ положеніи вещей существуетъ преступность и именно опредѣленнаго размѣра и характера; отыскавъ же причины этого, она можетъ уже ставить задачи устраненія преступности путемъ проведенія новыхъ соціальныхъ мѣръ **).

Далѣе, соціологія должна прослѣдить направленія организаціи человѣческихъ воль. Соціальная телеологія требуетъ направленія послѣднихъ въ цѣляхъ высшаго сознанія, а, слѣдовательно, въ цѣляхъ наивысшаго господства альтруистическихъ элементовъ. Но исторія человѣчества свидѣтельствуетъ о неоднократныхъ направленіяхъ человѣческихъ воль далеко не въ цѣляхъ высшаго сознанія и альтруизма. Наивысшіе эвгеническіе элементы часто поги-

---

*) Отрицая или по меньшей мѣрѣ подвергая сильнѣйшему сомнѣнію детерминизмъ, въ смыслѣ строгой опредѣляемости дѣйствій особенностями уже прежде сложившейся психо-физической природы каждаго даннаго человѣка, дѣйствующаго въ опредѣленныхъ условіяхъ окружающей среды, на чемъ же обосновываетъ почтенный авторъ всѣ свои предшествующія утвержденія? *Д. Д.*

**) Редакція позволяетъ себѣ думать, что здѣсь у почтеннаго автора какъ будто существуетъ нѣкоторое смѣшеніе. То, что онъ считаетъ нужнымъ изображать въ формѣ «объединенія низшихъ общественныхъ центровъ самосознанія въ центрахъ высшихъ», повидимому, сводится—если изображать процессъ въ болѣе простыхъ формахъ—къ вліянію распространенія правильнаго воспитанія - образованія въ массахъ или умственно-нравственной культуры. А если такъ, то преступность—не понимая, конечно, этого слова въ слишкомъ широкомъ смыслѣ,—въ смыслѣ безнравственныхъ дѣяній вообще, едва ли можетъ быть признана однимъ изъ главнѣйшихъ препятствій въ процессѣ. Сама преступность въ значительной мѣрѣ является слѣдствіемъ отсутствія широкаго развитія умственно-нравственной культуры. *Д. Д.*

баютъ, а побѣды одерживаютъ группы съ низшимъ неразвитымъ сознаніемъ и морально рудиментарныя. При этомъ, побѣды эти часто достигаются путемъ коллективной преступности.

Здѣсь криминалисту-соціологу предлежитъ слѣдующая задача: при какихъ формахъ общественной жизни наиболѣе вырабатываются и развиваются низшіе центры сознанія, способные подавить высшіе центры и выдѣляющіе изъ своей среды наибольшій и качественно наивысшій процентъ преступнаго элемента—и наоборотъ—при какой структурѣ общества этотъ элементъ понижается и теряетъ преобладающее значеніе? То же касается и законовъ коллективнаго сознанія. Они должны быть выводимы прежде всего на основаніи *повторенія* и *единообразія* въ историческихъ формахъ жизни. При анализѣ аналогичныхъ между собою общественныхъ структуръ неизбѣжно долженъ обнаружиться какой бы то ни было параллелизмъ въ характерѣ коллективнаго сознанія, коллективной морали и воли.

Здѣсь криминалистъ-соціологъ долженъ установить: какая общественная структура содѣйствуетъ подъему и развитію коллективнаго сознанія и какая—его упадку и господству низшаго сознанія и эгоизма.

Наконецъ, криминалистъ-соціологъ долженъ подвергнуть анализу фактъ *соціальнаго соприкосновенія* людей между собою.

Послѣднее въ сущности заключается въ двухъ взаимно противоположныхъ дѣйствіяхъ: *подражаніи* и *противодѣйствіи*. О первомъ изъ нихъ уже достаточно извѣстно, благодаря Тарду.

О второмъ говорилось меньше и даже, кажется, совсѣмъ мало упоминалось въ криминологіи; мы видимъ въ этомъ большое соціологическое упущеніе.

Намъ представляется, что это явленіе играетъ весьма большую роль какъ вообще въ соціальной жизни, такъ и въ генезисѣ преступности.

Вѣрнѣе было бы назвать это явленіе *чувствомъ соціальнаго контраста, инстинктомъ противорѣчія, свойственнымъ всему человѣчеству въ большей или меньшей мѣрѣ; оно порождается внутри насъ стремленіемъ къ психической независимости, основаннымъ на чувствѣ самолюбія, а также на чувствѣ усталости подъ вліяніемъ посторонняго авторитетнаго гнета и вообще на фактѣ раздраженія, являющагося реакціей на переживаемую форму психическаго подчиненія.*

Проявленія этого чувства могутъ быть и благородны, и низменны: оно, какъ и подражаніе, можетъ быть свойственно и эгоистическимъ и альтруистическимъ группамъ, такъ что приписывать подражанію единственную роль въ возникновеніи преступности совершенно непослѣдовательно, ибо множество фактовъ преступности какъ разъ наоборотъ могутъ происходить подъ вліяніемъ инстинкта противорѣчія. Крупныя историческія преступленія, какъ напримѣръ, Варѳоломеевская ночь, Кровавая баня и т. п. — разсматриваемыя психологи-

чески—никакъ не могутъ быть приписаны какому-либо подражанію, а, наоборотъ, чувству противорѣчія, стремленію партіи, имѣющей силу, испытать контрастъ настроенія по отношенію къ своимъ врагамъ, т. е. испытать *новое* настроеніе при сознаніи осуществленной мести—настроеніе новое и *противоположное* прежнему.

Да и вообще, месть, какъ элементъ преступнаго настроенія, мало содержитъ въ себѣ подражанія, а, наоборотъ, основана на противорѣчіи.

Вообще, въ соціальной жизни весьма часто духъ самостоятельности ведетъ къ противорѣчію и противодѣйствію, такъ что нѣкоторыя группы умышленно избѣгаютъ подражанія, хотя бы оно было полезно для нихъ, и стремятся сохранить силу психической индивидуальности и свободы.

Тѣмъ не менѣе, и подражаніе, разумѣется, играетъ большую роль въ соціальныхъ преступленіяхъ.

Мы думаемъ, что вліяніе этого фактора простирается болѣе на группы съ низшимъ неразвитымъ сознаніемъ, тогда какъ преступленія высшаго ранга скорѣе должны быть совершаемы изъ стремленія къ психическому противоощущенію, къ новому настроенію, долженствующему смѣнить прежнее, господствовавшее въ чувственной сферѣ до совершенія преступленія. Это чувство въ моментъ своего нарастанія состоитъ изъ элементовъ раздражительности, досады, мести и предстоящаго наслажденія отъ ожидаемаго дѣянія.

Вообще же о факторахъ подражанія и противодѣйствія нужно сказать, что они играютъ роль какъ въ преступленіяхъ, такъ и въ дѣяніяхъ наивысшаго моральнаго порядка.

Соціологическому анализу преступленія надлежитъ въ этомъ случаѣ установить: при какой общественной структурѣ проявляются наиболѣе факторы подражанія и противорѣчія (противодѣйствія), и какой изъ нихъ ведетъ къ большему развитію сознанія и альтруизма?

Разъ соціологія пользуется исторіей и статистикой для показанія стойкости однѣхъ общественныхъ формъ и неустойчивости другихъ, то эти же средства, т. е. исторія и статистика, указывая балансъ преступности при разныхъ формахъ, тѣмъ самымъ дадутъ понять, при какихъ общественныхъ условіяхъ преступность повышается и понижается, а также какія мѣропріятія пригодны для пониженія преступности. Борьба классовъ можетъ на извѣстной стадіи содѣйствовать выдѣленію и яркой кристаллизаціи преступнаго элемента, причемъ послѣдній можетъ оказаться какъ на сторонѣ угнетаемыхъ, такъ и на сторонѣ угнетателей: у первыхъ путемъ потери равновѣсія и истощенія психическихъ силъ, поведшаго къ моральной расшатанности, у вторыхъ—путемъ скотскаго самоублаженія, лицемѣрнаго самооправданія и застыванія въ ультра-эгоистическихъ побужденіяхъ.

Признаніе реальности соціологическихъ видовъ обязуетъ къ признанію однимъ изъ таковыхъ—преступности. Преступность тоже съ этой точки зрѣнія

есть соціологическій видъ, который можетъ видоизмѣняться, колебаться, передаваться отъ поколѣнія къ поколѣнію, исчезать, появляться вновь. И дѣйствительно, убійство, какъ криминально-соціологическій видъ, видоизмѣняется въ разныя эпохи по мотивамъ, формамъ, характеру, уменьшается и повышается, передается отъ поколѣнія къ поколѣнію (итальянская vendetta), исчезаетъ, появляется вновь и т. п.

Точно также, прогрессъ статической соціологіи долженъ обнаруживать общія и частныя причины *живучести* того или иного специфическаго вида преступности; разъ *научно* возможно организовать нормы соціальной жизни, то *научно* могутъ быть и теоретическимъ, и эмпирическимъ путемъ познаны причины, угнетающія человѣческую личность и доводящія ее до потери нравственныхъ чувствъ, до яркой и очевидной преступности; изслѣдованіе же формъ общественной жизни *историческимъ* путемъ должно выяснить, какія изъ нихъ сопровождались наибольшимъ развитіемъ звѣрства, жестокости, и при какихъ формахъ всплывало вновь нравственное возрожденіе человѣка.

Заканчивая нашъ очеркъ, мы можемъ резюмировать проблемы криминологіи въ слѣдующихъ положеніяхъ:

1. Признаніе преступности біологическимъ феноменомъ зависитъ отъ факта признанія обще-біологическимъ явленіемъ—психизма и—въ частности—нравственной сферы и ея уклоненій.

2. Признаніе преступности, какъ реальнаго бытія, съ точки зрѣнія философіи, зависитъ отъ новыхъ путей, по которымъ долженъ направиться споръ детерминизма съ теоріей свободной воли.

3. Эволюція волюнтаристическаго направленія въ психологіи должна несомнѣнно отразиться на характерѣ и судьбахъ криминологіи.

4. Прогрессъ психологіи преступности связанъ съ эволюціей ученія объ индивидуальной нравственности—ея анатомическихъ, физіологическихъ и психологическихъ основахъ, если таковыя достигнутъ факта общаго признанія.

5. При соціологическомъ изслѣдованіи генезиса преступности въ организованныхъ общественныхъ группахъ необходимо придерживаться психологическаго принципа (эгоизмъ-альтруизмъ), какъ непреложнаго и единственно объективнаго.

6. Соціологіи надлежитъ выясненіе факта объединенія въ обществѣ низшихъ центровъ сознанія въ высшіе, а также анализъ тѣхъ преградъ, которыя препятствуютъ этому процессу; профилактически — соціологія должна разрабатывать вопросъ о наиболѣе благопріятныхъ условіяхъ этого объединенія.

7. Путемъ соціологическаго анализа преступленія должно выясняться, какая общественная структура содѣйствуетъ подъему и развитію коллективнаго сознанія и какая его упадку и, слѣдовательно, господству низшаго сознанія, эгоизма, преступности.

8. Помимо принципа подражанія въ эволюціи преступленія нужно имѣть въ виду принципъ противодѣйствія.

9. Соціологическій анализъ преступленія долженъ открыть пути обхожденія въ направленіи дурно-организованныхъ человѣческихъ воль; наоборотъ, необходима выработка направленія воли въ цѣляхъ альтруизма и высшаго сознанія.

10. Путемъ исторіи и статистики должны быть выяснены колебанія преступности въ различные періоды, при различныхъ общественныхъ формахъ и различныхъ соціально-психическихъ наслоеніяхъ.

11. Соціологическій детерминизмъ совершенно произвольная и недоказанная концепція—и потому не слѣдуетъ опасаться ея при оцѣнкѣ роли личности въ общественной жизни.

12. Позитивная школа уголовной антронологіи должна перестать опираться на детерминизмъ, какъ на главную незыблемую основу, ибо эта доктрина, какъ дѣтище узкаго естествознанія, значительно пошатнулась за послѣднее время и не можетъ выдерживать тяжести ученія о преступности; тѣмъ не менѣе мысль о признаніи преступнаго элемента человѣчества далеко не уничтожается съ паденіемъ этой первоосновы и можетъ для своего оправданія избрать другіе пути *).

Ю. Португаловъ.

---

*) По поводу двухъ послѣднихъ положеній редакція, которой и безъ того пришлось сдѣлать уже весьма много замѣчаній, считаетъ нужнымъ сказать слѣдующее. Если отдѣльный человѣкъ опредѣляется въ своихъ дѣйствіяхъ опредѣленными факторами, заключающимися какъ въ немъ самомъ, такъ и внѣ его, то также опредѣляется въ своихъ дѣйствіяхъ и общество. Этотъ тезисъ долженъ стоять или падать единовременно какъ по отношенію къ отдѣльному индивиду, такъ и отношенію къ собранію ихъ или обществу. Почтенный авторъ даетъ совѣтъ отказаться отъ детерминизма, «какъ дѣтища узкаго естествознанія». Совѣтъ едва ли добрый, если бы онъ даже былъ исполнимъ, отказаться отъ понятій фактора и его опредѣленнаго результата. Отказаться отъ этихъ понятій—это отказаться отъ возможности разработки научной теоріи. Если существуютъ начала, недопускающія опредѣленія, а только самоопредѣляющіяся, внѣ зависимости отъ внѣшнихъ условій, то возможна лишь регистрація прихотливаго прошлаго, но не предвѣдѣніе будущаго. Да и какъ согласить собственное утвержденіе автора, что «*научно* могутъ быть теоретическимъ и эмпирическимъ путемъ познаны *причины*, угнетающія чоловѣческую личность и *доводящія ее до потери н[рав]ственныхъ чувствъ* (а вѣдь, кажется, и, по автору, чувства играютъ нѣкоторую р[ол]ь въ направленіяхъ воли), *до яркой и очевидной преступности*» (курсивъ редакціи), а также хотя бы и съ 4 тезисомъ почтеннаго автора? Трудно также пон[я]ть его утвержденіе (тезисъ 12), что будто бы ученіе о преступности имѣетъ такую тяжесть, что его не можетъ выдержать научное воззрѣніе о господствѣ причинности (детерминизмъ) и въ дѣйствіяхъ человѣка.

Въ заключеніе редакція позволяетъ себѣ высказать мнѣніе, что почтенный авторъ чрезмѣрно склонилъ къ слишкомъ отвлеченнымъ обобщеніямъ, основы кото-

рыхъ представляются совершенно непровѣренными и даже не совсѣмъ ясными. Вмѣстѣ съ тѣмъ редакція считаетъ нужнымъ присовокупить, что, дѣлая свои замѣчанія, которыя могли бы быть значительно увеличены въ числѣ, она руководствовалась исключительно желаніемъ посильно содѣйствовать хотя бы незначительному уясненію интересныхъ вопросовъ, возбужденныхъ почтеннымъ авторомъ и относящихся къ научной постановкѣ уголовной антропологіи. *Д. Д.*

Литература. 1) *Сутерландъ*. Происхожденіе и развитіе нравственнаго инстинкта. 2) Нѣкоторые авторы допускаютъ возможность сознанія въ организмахъ, лишенныхъ нервной системы. См. *Бехтеревъ В. М.* Психо-біологическіе вопросы. («Научн. Обозр.» 1902. 1—8). 3) *Бехтеревъ В. М.* Ibidem. Ср. также *Bastian Schmidt*. Aus dem Seelenleben der Inseсten. (Обз. Ж. въ № 62—1902. «Вопр. фил. и псих.). [Авторъ указываетъ, что необходимо признать зачатки духовнаго развитія въ простѣйшихъ существахъ. Большая часть дѣйствій животныхъ, думаетъ авторъ, объясняется ассоціаціями, причемъ у нихъ могутъ быть усмотрѣны зачатки образованія *понятій* и *сужденій*]. 4) *Проф. П. Бахметьевъ*. Сѣдалище души. («Научн. Обозр.» 1902. Октябрь). [Авторъ даетъ поучительныя картины изъ жизни кристалловъ]. 5) *Геффдингъ*. Очерки психологіи. Спб. 1898. 6) *В Д. Спасовичъ*. Новыя направленія въ наукѣ уголовнаго права. Москва. 1898. 7) *Ibid.* 8) *Ibid.* 9) *Кенигъ*. В. Вундтъ. Его философія и психологія. 10) *Спасовичъ*. Ibid. 11) Ibid. 12) *Н. Лосскій*. Волюнтаристическое ученіе о волѣ. («Вопр. фил. и псих.» 62—63. 1902). *Онъ же*. Основныя ученія психологіи съ точки зрѣнія волюнтаризма. («Вопр. фил. и псих.» 64—66. 1902/3). 13) *Гуревичъ*. Современное состояніе соціологіи. («Вопр. фил. и псих.» 1903. 66—67) 14) *Г. Зиммель*. Введеніе въ соціологію. («Научн. Об.» 1902. № 10). 15) *Э. Кенигъ*. Ibid. 16) *Г. Зиммель*. а) Чѣмъ обусловливается стойкость обществъ. b) Введеніе въ соціологію («Научн. Об.» 1902. № 2 и № 10). 17) *Гуревичъ*. Ibid. 18) *Г. Зиммель*. Ibid. 19) Ibid. 20) *Л. Гумпловичъ*. Соціологія и политика. 21) *А. Bauer*. Des Méthodes applicables à l'étude des faits sociaux. («Вопр. фил. и псих.» Обз. ж. № 66. 1903). 22) *Jankelewitch*. Nature et société. («В. ф. и псих. Обз. ж. № 66. 1903). 23) *P. Palante*. Dtudes sociologiques. La téléologie sociale et son mécanisme («В. ф. и пс.» Обз. ж. № 66. 1903). 24) *A. Espinas*. Etre ou ne pas être ou du postulat de la sociologie. («В. ф. и пс.» О. ж. № 63. 1902). 25) *Bouglé*. Le procès de la sociologie biologique. («В. ф. и пс.» О. ж. № 63. 1902). 26) *M. Bernès*. Individu et société. («В. ф. и пс.» О. ж. № 63. 1902). 27) *Дженсъ Коллиръ*. Происхожденіе видовъ въ соціологіи. («Научн. Об.» 1903. № 1). 28) *Г. Куновъ*. Философскія блужданія въ области соціологіи. («Научн. Об.» 1902. 12). 29) *Sydney Ball*. Современная соціологія. («Вопр. ф. и пс.» № 62. 1902. Обз. ж.). 30) *Paul Barth*. «Fragen der Gesellschafswissenschaft II. Unrecht und Recht der organischen Gesellschaftstheorie» («Вопр. ф. и пс.» № 62. 1902. Обз. Журн.).

Головной мозгъ безпозвоночныхъ, какъ органъ жизни.

В. А. Вагнера.

(Экспериментальное изслѣдованіе).

ГЛАВА I.

Литература предмета: А. Гумбольдтъ, Тревиранусъ, Бурмейстеръ, Ньюпортъ, Валентинъ, Лонгетъ, Вульпіанъ, Іерсинъ, Февръ, Юнгъ, Вардъ, Штейнеръ, Бете.

Крайняя скудость, а часто и неудовлетворительность біологическихъ наблюденій надъ жизнью безпозвоночныхъ животныхъ, привели сначала къ антропоморфизму въ объясненіи явленій ихъ психической жизни, а затѣмъ къ грубымъ аналогіямъ процессовъ ихъ нервной системы вообще, особенно же ихъ головного мозга, съ таковымъ у высшихъ животныхъ.

Біологи надѣляли безпозвоночныхъ памятью, разумомъ, волей; физіологи разыскивали и находили субстратъ этихъ способностей въ ихъ нервной системѣ.

Если число сторонниковъ полной аналогіи въ дѣятельности нервной системы низшихъ и высшихъ животныхъ, говоря вообще, оказывается довольно скромнымъ, когда рѣчь идетъ о простѣйшихъ и общеполостныхъ, если такая аналогія признается не научною подавляющимъ большинствомъ натуралистовъ, то съ момента обособленія подглоточнаго и надглоточнаго гангліевъ, число сторонниковъ аналогіи нервной системы высшихъ и низшихъ животныхъ становится весьма значительнымъ, причемъ два сказанные гангліи приравниваются обыкновенно: надглоточный—большимъ долямъ головного мозга, подглоточный—малымъ долямъ (мозжечку). Мы встрѣчаемъ такія аналогіи на основаніи экспериментальныхъ изслѣдованій головного мозга червей [1]), но особенно насѣкомыхъ.

Первыя изслѣдованія физіологіи нервной системы суставчатоногихъ животныхъ были сдѣланы, сколько извѣстно, А. Гумбольдтомъ въ 1797 году [2]). Ученый установилъ, что нервы насѣкомыхъ такъ же воспріимчивы къ электрическимъ и химическимъ раздраженіямъ, какъ и нервы позвоночныхъ животныхъ. Затѣмъ весьма цѣнныя данныя по этому премету мы находимъ у Тревирануса [3]). Ученый констатируетъ между прочимъ, что жужелица, которой онъ отрѣзалъ голову, свободно бѣгала; что шершень, послѣ такой же операціи,

[1]) См. мою статью Психофизіологія червей (Міръ Божій).
[2]) Versuche über die gereizte Muskel und Nervenfaser. Berlin.
[3]) Die Erscheinungen und Gesetze des organischen Lebens 1832.

положенный на спину дѣлалъ явныя усилія стать на ноги и такъ далѣе. Онъ же впервые наблюдалъ у насѣкомыхъ чрезвычайно интересныя явленія, стоящія въ связи съ отнятіемъ половины головы. Насѣкомыя, подвергнутыя такой операціи, совершали *круговое движеніе по направленію къ здоровой сторонѣ*. Это явленіе Тревиранусъ объясняетъ отсутствіемъ органовъ чувствъ: глаза, щупальца—одной стороны. Подобное же, но менѣе сильное круженіе онъ наблюдалъ у нѣкоторыхъ насѣкомыхъ и послѣ отнятія одного щупальца или одного глаза.

Дальнѣйшія работы производятся въ большей или меньшей степени подъ вліяніемъ идеи монизма, которая такъ часто служила причиной того, что изслѣдователи видѣли единство тамъ, гдѣ для этого не было никакихъ данныхъ.

Мы все чаще и чаще встрѣчаемъ попытки отождествить части центральнаго нервнаго аппарата съ соотвѣтствующими частями позвоночныхъ. Такъ, одни доказываютъ, что у насѣкомыхъ, какъ и у позвоночныхъ, нервы отходятъ двумя корешками: двигательнымъ и чувствительнымъ.

Въ энтомологіи Бурмейстера, 1832 года [1]), доказывается, что всѣ двигательныя координаціи (даже перистальтическое движеніе кишки) у жуковъ локализированы въ головномъ мозгу, подъ которымъ онъ разумѣетъ совокупность надглоточнаго и подглоточнаго гангліевъ. Брюшная же цѣпочка служитъ только путемъ, по которому передается раздраженіе отъ мозга къ членамъ.

Усердный сторонникъ идеи монизма, Бурмейстеръ оспариваетъ мнѣніе Тревирануса, о томъ, что нѣкоторыя насѣкомыя могутъ жить четыре дня послѣ обезглавленія; это, какъ полагаетъ Бурмейстеръ, мнѣніе не вѣрное, на томъ основаніи, что животныя вообще едва-ли могли такъ долго жить безъ такого важнаго органа, какъ мозгъ, а также и потому еще, что Dytiscus'ы, надъ которыми самъ онъ экспериментировалъ, жили только нѣсколько часовъ. Взгляды Бурмейстера находятъ себѣ поддержку у другихъ авторовъ [2]). Въ 1839 году появляются анатомическія изслѣдованія центральной нервной системы Astacus marinus Newport'a [3]). Ученый различаетъ въ нервной системѣ этого животнаго двѣ части: спинную и брюшную. Утолщенія ганглієвъ онъ относитъ къ брюшной части, тогда какъ спинные лишены ганглiозныхъ клѣточекъ (Ganglienzellen) и состоятъ только изъ волоконъ.

Далѣе изъ брюшныхъ частей, такъ же какъ изъ спинныхъ, по мнѣнію ученаго, выступаютъ корешки, которые, соединяясь между собой, образуютъ нервы. На основаніи этихъ анатомическихъ данныхъ авторъ заключаетъ, что спинные корешки служатъ для движеній, а брюшные являются чувствующими. Другими словами онъ сполна присоединяется къ мнѣнію Joffroy-Saint Hilaire'a о томъ, что суставчатоногія суть бѣгающія на спинѣ позвоночныя.

---

[1]) Handbuch der Entomologie. Berlin. 1832.

[2]) Rengger. Physiologische Untersuchungen и др.

[3]) Newport. Philosophical transactions of the royal society of London. 1834.

Grant присоединился къ тому же мнѣнію. Въ самый годъ появленія работы Ньюпорта (1834 г.) Valentin [1]) и Longet [2]) старались доказать этотъ взглядъ физіологическими опытами, тождественными тѣмъ, которые описалъ Newport. Longet даже разыскалъ на чувствительныхъ корешкахъ маленькое утолщеніе, которое отождествилъ съ гангліями чувствительныхъ нервовъ позвоночныхъ животныхъ. Далѣе Longet утверждаетъ, что послѣ разрѣза продольныхъ комиссуръ между двумя гангліями не только не обнаруживается произвольныхъ движеній въ задней части животнаго, но что у него наступалъ параличъ.

Только въ 1866 году появляются наконецъ первые протесты противъ такихъ аналогій въ анатомическомъ строеніи позвоночныхъ и безпозвоночныхъ животныхъ Vulpian [3]), сколько я знаю, первый категорически заявилъ, что онъ не могъ открыть существованія ни верхняго двигательнаго, ни нижняго чувствительнаго трактовъ у Astacus, ни, наконецъ, констатировать происхожденія нервовъ изъ верхнихъ и нижнихъ корешковъ. Онъ не отрицаетъ различія между чувствительностью (Sensibilität) и двигательною способностью (Motilität) при раздраженіи нижней и верхней стороны комиссуръ и гангліевъ.

Въ другомъ мѣстѣ онъ указываетъ, что при поперечномъ разрѣзѣ брюшной гангліозной цѣпи никогда не наступаетъ паралича задней части животнаго, ни прекращенія произвольныхъ движеній. За нимъ выступаютъ Yersin [4]) и Faivre [5]), которые одинаково отрицательно относятся къ теоріи Newport'a, что однако не помѣшало Faivre'у сдѣлать ту же и по тѣмъ-же причинамъ методологическую ошибку, какую сдѣлалъ и Newport.

Faivre признаетъ, напримѣръ, надглоточный ганглій за органъ, аналогичный большому мозгу позвоночныхъ, за центръ воли, завѣдующій направленіемъ движеній; а подглоточный ганглій—за органъ двигательныхъ координацій. Подобно Флурансу (Flourens), нашедшему, что большой мозгъ позвоночныхъ не поддается раздраженію, онъ также пришелъ къ убѣжденію, что при раздраженіи надглоточнаго ганглія не проявляется ни движеній, ни признаковъ боли и т. п. Позднѣе въ литературѣ вопроса появляются лишь отрывочныя наблюденія надъ той или другой группой явленій въ сферѣ нервной дѣятельности этихъ животныхъ. Такъ Lemoine 1868 года утверждаетъ, что ракъ послѣ удаленія у него головного мозга теряетъ способность двигаться, и лишь ноги его реагируютъ на раздраженіе слабыми движеніями.

---

[1]) De functionibus nervorum cerebralium et nervi sympatice 1830.

[2]) Physiologie.

[3]) Leçons sur la physiologie générale et comparée du systéme nerveux. Paris. 1866.

[4]) Bibliotheque univers. d. Geneve T. 34. 1857.

[5]) Ann. d. sc. nat. 1856. T. 5. и 1857. T. 8.

Young [1]) наблюдалъ у Carcinus *круговыя движенія*, направленныя въ здоровую сторону, послѣ частичныхъ операцій. Vard [2]) констатируетъ, что послѣ устраненія мозга у раковъ пропадаетъ способность ходьбы, и что ротовые ганглии служатъ центромъ координаціи ходьбы, но что другія движенія, напримѣръ, движенія питанія и чищенія выполняются произвольно и послѣ удаленія этихъ ганглій. Steiner [3]) разсматриваетъ головной мозгъ суставчатоногихъ, какъ общій двигательный центръ.

Наконецъ въ 1897 г. появилось обширное изслѣдованіе Albert'a Bethe [4]) въ которомъ авторъ резюмируетъ изслѣдованія, сдѣланныя до него (надъ психофизіологіей суставчатоногихъ), сопоставляетъ ихъ съ тѣми данными, которыя добыты имъ самимъ, и этимъ путемъ устанавливаетъ нижеслѣдующій рядъ тезисовъ.

1) Членистоногое животное, у котораго удаленъ весь головной мозгъ, не лишено способности оріентироваться, оно далеко не всегда двигается по прямому направленію, но при раздраженіи сворачиваетъ направо и налѣво, а также обходитъ препятствія. Такимъ образомъ, присовокупляетъ Bethe, сама собою рушится теорія Февра о томъ, что мозгъ есть органъ, завѣдующій направленіемъ; заключеніе, добавлю отъ себя, нѣсколько поспѣшное, какъ мы это увидимъ въ своемъ мѣстѣ. Его (Февра) собственныя наблюденія, продолжаетъ Bethe, говорятъ противъ этого; онъ замѣтилъ, что животныя съ одной половиной мозга спустя нѣсколько часовъ начинаютъ кружиться то направо, то налѣво, а у нѣкоторыхъ экземпляровъ круженіе начинается тотчасъ же послѣ операціи по направленію къ оперированной сторонѣ.

Первый фактъ онъ (Февръ) объясняетъ чрезмѣрнымъ напряженіемъ здороваго полушарія мозга, а на второй онъ смотритъ, какъ на необъяснимое исключеніе, и вовсе на немъ поэтому не останавливается.

Bethe ставитъ по этому поводу въ упрекъ Февру, что онъ не обратилъ вниманія на изслѣдованіе Іерсена (Iersin), который, работая (до него) надъ кузнечиками, нашелъ, что послѣ перерѣзки глоточной комиссуры помощью раздраженія можетъ быть вызвано движеніе животнаго въ оперированную сторону. Фактъ, по мнѣнію Bethe, (тоже слишкомъ поспѣшному, какъ мы увидимъ), лишаетъ заключеніе Февра всякаго основанія.

Утвержденіе Bethe, что будто бы животныя послѣ неподвижнаго состоянія ногъ оперированной стороны не кружатся въ сторону здоровой половины, рѣ-

---

[1]) Comptes rendus. 1879.

[2]) Journal of Physiol. 1879.

[3]) Comptes Rendus. T. 104. 1896.

[4]) Vergleichende Untersuchungen über die Functionen des Centralnervensystem der Arthropoden. Arch. f. d. g. Physiologie v. Pflüger. 1879.

[5]) loc. cit.

шительно не вѣрно. Вообще по этому пункту о круговыхъ движеніяхъ у всѣхъ авторовъ трактовавшихъ вопросъ, а въ томъ числѣ и Bethe, разумѣется,—больше догадокъ и смѣлости, чѣмъ осторожности и фактическихъ данныхъ. Мы увидимъ ниже, что явленія эти сложнѣе, чѣмъ они кажутся на первый взглядъ, и имѣютъ своимъ объясненіемъ не одну, а нѣсколько иногда одновременно дѣйствующихъ причинъ.

Предположеніе Февра о томъ, что въ мозгу локализирована воля, Bethe оставляетъ безъ возраженій на томъ основаніи, что вопросъ о волѣ не подлежитъ точному изслѣдованію. (?)

Положеніе Февра, что подглоточный ганглій есть центръ координаціи движеній, Bethe находитъ также невѣрнымъ, потому что съ удаленіемъ этого органа способность правильно ходить и плавать не исчезаетъ.

2) Мозгъ жесткокрылыхъ насѣкомыхъ, по мнѣнію Bethe, кромѣ того что онъ служитъ мѣстомъ окончанія многихъ периферическихъ нервовъ, есть задерживающій центръ.

При удаленіи мозга у этихъ животныхъ наблюдаются безпрерывныя движенія, которыя у нормальнаго индивида не проявляются при тѣхъ же условіяхъ. Именно потому, что мозгъ дѣйствуетъ рефлекторно-задерживающимъ образомъ, онъ сообщаетъ дѣйствіямъ животныхъ цѣлесообразность.

(*Все это утвержденіе* Bethe нуждается, какъ мы увидимъ, въ существенныхъ поправкахъ и въ смыслѣ ихъ толкованія).

Кромѣ того, головной мозгъ, продолжаетъ Bethe, несомнѣнно оказываетъ прямое вліяніе на двигательный аппаратъ, такъ какъ онъ дѣйствуетъ на мускулатуру тонизирующимъ образомъ. Послѣ удаленія мозга замѣчается ослабленіе ногъ и ненормальная постановка ихъ, вызванныя неравномѣрнымъ напряженіемъ сжимателей и разжимателей.

Тонизирующая роль головного мозга вообще давно извѣстна. Попытка Bethe приложить это ученіе къ безпозвоночнымъ не можетъ быть признана удачной.

3) Каждое полушаріе мозга дѣйствуетъ тонизирующимъ и задерживяющимъ образомъ *исключительно или преимущественно на ту же сторону тѣла.* Эта догадка Bethe, какъ мы увидимъ ниже, болѣе чѣмъ сомнительна, а ея аргументація безусловно ошибочна. Послѣ удаленія одного мозгового полушарія или перерѣзки соотвѣтствующей глоточной комиссуры, говоритъ онъ, животное проявляетъ непрерывную *дѣятельность конечностей оперированной стороны.* Далѣе положеніе этихъ конечностей сравнительно съ конечностями здоровой стороны аномально и безсильно, вслѣдствіе чего животное бываетъ вынуждено приподнимать свое тѣло не оперированную сторону. Наконецъ аргументомъ въ защиту приведеннаго положенія авторъ считаетъ тотъ фактъ, что ноги оперированной стороны проявляютъ активныя движенія при такихъ чрезмѣрныхъ раздраженіяхъ, которыя не вызываютъ реакціи у нормальнаго животнаго, а также и въ здоровой половинѣ оперированной особи.

4) *Круговое движенiе* въ здоровую сторону вызывается, по Bethe, незадержаннымъ движенiемъ ногъ (hemmungslosen Gangbewegungen) оперированной стороны.

Тоже утвержденiе, какъ мы увидимъ, поспѣшное.

5) Животныя, по утвержденiю Bethe, могутъ также кружиться въ сторону оперированной части и идти по прямому направленiю.

Первое наступаетъ, когда задерживающее дѣйствiе головного мозга здоровой половины тѣла прекращается, причемъ обнаруживается большая сила этой стороны, такъ какъ и тогда круговое движенiе наступаетъ въ оперированную сторону при ея раздраженiи, при чемъ при одинаковой силѣ должно было бы послѣдовать изгибанiе въ здоровую сторону; второе явленiе наблюдается также при прекращенiи задерживающаго дѣйствiя (aufgehobener Hemmung), а не при максимальномъ напряженiи ногъ здоровой стороны. Это толкованiе явленiй, какъ и предыдущее, далеко отъ истины.

6) Черезъ продольную комиссуру между мозгомъ и подглоточнымъ ганглiемъ или между нимъ и ганглiемъ проторокса, только тогда передается раздраженiе, когда ему подвергается та половина головы, на которой находится комиссура.

Отъ литературныхъ данныхъ я перейду теперь къ тѣмъ *заключенiямъ* къ которымъ меня привели мои изслѣдованiя предмета и, не останавливаясь на подробностяхъ, о которыхъ здѣсь говорить не мѣсто [1]), постараюсь дать отвѣтъ на нижеслѣдующiе вопросы.

1) Роль головного мозга въ дѣятельности органовъ растительной жизни безпозвоночныхъ животныхъ и влiянiе обезглавленiя на продолжительность ихъ жизни.

2) Роль головного мозга въ движенiяхъ животнаго.

3) Головной мозгъ безпозвоночныхъ, какъ центръ ихъ спонтанной дѣятельности.

ГЛАВА II.

Роль головного мозга въ дѣятельности органовъ растительной жизни насѣкомыхъ: дыханiя, кровообращенiя, пищеваренiя. Влiянiе обезглавленiя на продолжительность жизни животныхъ.

Роль головного мозга въ жизни червей еще менѣе значительна, чѣмъ у насѣкомыхъ, вслѣдствiе чего здѣсь я ограничусь только моими изслѣдованiями этихъ послѣднихъ животныхъ.

---

[1]) Нѣкоторыя изъ отросящихся сюда изслѣдованiй читатель найдетъ въ моей книжкѣ: Вопросы зоопсихологiи. Изданiе Пантелѣева 1896 г.

a) *Процессъ дыханія.*

Изъ сдѣланныхъ мною въ этомъ отношеніи наблюденій я остановлюсь лишь на опытахъ надъ Vespa Crobro, Xylocopa violacea и Vespa germanica.

Шершень—Vespa cribro.

О дыханіи этого животнаго можно судить по соотвѣтствующимъ движеніямъ абдомена, которыя представляютъ слѣдующую картину.

a) Когда шершень ползаетъ или летаетъ, брюшко его совершаетъ дыхательныя движенія; чѣмъ энергичнѣе движеніе тѣла, тѣмъ чаще и короче становятся дыханія, которыя достигаютъ до 200 и болѣе разъ въ минуту.

b) Когда шершень перестаетъ двигаться, дыханіе его поразительно быстро успокаивается; какъ ни коротко потребное для этого время, оно все-же длиннѣе, чѣмъ то, которое проходитъ отъ покоя къ самому быстрому дыханію. Этотъ послѣдній переходъ, можно сказать, почти моменталенъ.

c) Покойное дыханіе днемъ представляетъ картину, которую я, за невозможностью отмѣчать дыхательныя движенія и слѣдующія за ними паузы единицами времени (такъ какъ первыя изъ нихъ занимаютъ меньше секунды времени) представляю такимъ образомъ: я указываю число вздоховъ (каждый изъ которыхъ состоитъ изъ вдыханій и выдыханій), они обыкновенно слѣдуютъ одинъ за другимъ непрерывно въ неопредѣленномъ количествѣ разъ; а затѣмъ, принимая, что каждый вздохъ продолжается приблизительно около $^1/_3$ секунды времени, отсчитываю (по метроному) число такихъ единицъ времени для слѣдующаго за рядомъ вздоховъ покоя.

Напримѣръ, положимъ, что шершень сдѣлалъ разъ за разомъ 3 вздоха, которые заняли *одну секунду* времени, а покойное состояніе его тѣла продолжалось вслѣдъ за этими вздохами *три секунды*, я пишу: 3 в.—9 п.

Формула эта показываетъ во 1-хъ, сколько вздоховъ произвелъ шершень непрерывно одинъ за другимъ (3, употребляя въ данномъ случаѣ $^1/_3$ секунды на каждый); во 2-хъ, сколько единицъ времени, изъ которыхъ каждая равна одному вздоху (т. е. $^1/_3$ секунды) прошло въ наступившемъ вслѣдъ за дыхательными движеніями покоемъ (т. е. девять третей секунды). Слѣдуя этому пріему, мы получаемъ такую картину дыхательныхъ движеній для шершня въ его покойномъ состояніи.

2 в. — 9 п.	2 в. — 13 п.
2 » — 14 »	3 » — 7 »
3 » — 9 »	4 » — 9 »
	16 в. — 61 п.

Когда шершень еще не двигается, но становится на-сторожѣ передъ движеніямъ, картина мѣняется, и мы имѣемъ слѣдующія цифры.

9 в. — 4 п.	7 в. — 13 п.
2 » — 4 »	4 » — 2 »
5 » — 6 »	4 » — 7 »
2 » — 7 »	
	33 в. — 33 п.

Ночью, когда шершень былъ сначала встревоженъ приготовленіями къ наблюденію, а потомъ успокоился, дыхательныя движенія были такими:

5 в. — 24 п.	2 в. — 12 п.
3 » — 15 »	5 » — 42 »
2 » — 8 »	4 » — 36 »
3 » — 43 »	2 » — 8 »
2 » — 10 »	2 » — 18 »
4 » — 14 »	1 » — 20 »
5 » — 7 »	4 » — 37 »
3 » — 47 »	4 » — 30 »
4 » — 38 »	8 » — 50 »

и такъ далѣе въ томъ же родѣ.

Когда шершень спалъ, то его дыхательныя движенія носили такой характеръ:

A	6	вздоховъ	—	100	пауза	a
	4	»	—	5	»	b
	8	»	—	5	»	
	5	»	—	52	»	
B	6	»	—	137	»	a_1
	2	»	—	15	»	b_1
	3	»	—	10	»	
	12	»	—	3	»	
C	136	»	—	238	»	a_2
	4	»	—	7	»	b_2
	20	»	—	9	»	
	2	»	—	2	»	
D	18	»	—	183	»	a_3
	12	»	—	2	»	b_3
	9	»	—	4	»	
	4	»	—	3	»	
E	8	»	—	200	»	a_4

и т. д.

Приведенныя цифры совершенно ясно распадаются на періоды A, B, C D, E. Въ каждомъ изъ нихъ повторяются аналогичныя дыхательныя процессы: *первый актъ* всѣхъ періодовъ представляетъ за нѣкоторымъ числомъ дыхательныхъ движеній—сравнительно очень длинный промежутокъ покоя (пауза): въ періодъ A за 6 дыхательными движеніями слѣдуетъ пауза въ 100 соотвѣтствующихъ единицъ времени; въ періодѣ B за 6-же дыхательными движеніями слѣдуетъ пауза въ 137 единицъ времени; въ періодъ C—пауза равняется 238 единицамъ; въ періодъ D—пауза равна 183; въ періодъ E—200.

За первымъ актомъ каждаго періода слѣдуетъ по три новыхъ акта въ каждомъ изъ нихъ съ очень короткими паузами.

Приведенныя цифровыя данныя позволяютъ сдѣлать по отношенію къ дыхательнымъ движеніямъ шершня слѣдующія заключенія.

d) Въ періодъ болѣе близкій къ возбужденному состоянію на дыхательныя движенія требуется такой же періодъ времени, какой употребляетъ на отдыхъ.

e) Въ случаѣ бо́льшого промежутка времени. отдѣляющаго покойное состояніе, которое мы изслѣдуемъ, отъ возбужденнаго состоянія,—періодъ отдыха, или вѣрнѣе дыхательной бездѣятельности, приблизительно въ 5 разъ длиннѣе періода, въ который производятся дыхательныя движенія.

f) Съ наступленіемъ полнаго отдыха во время сна дыхательныя движенія становятся правильными, но очень своеобразными, какъ мы это видѣли. Въ общемъ-же приведенныя данныя удостовѣряютъ, что во время *покоя* періодъ дыхательныхъ движеній шершня въ 5 разъ короче періода остановокъ или паузъ.

Въ періодъ дѣятельности дыханія безпрерывны, и, по мѣрѣ усиленія дѣятельности, становятся все болѣе и болѣе частыми и короткими.

Малѣйшее возбужденіе—и тотчасъ же время паузъ сокращается, но ритмъ отъ этого правильнѣе не становится. Всего правильнѣе совершается дыханіе во время сна, но и здѣсь ритмъ этотъ имѣетъ характеръ волны неправильной и неравномѣрной.

Тотчасъ послѣ обезглавленія (въ 11 ч. безъ 10 минутъ 12 Августа) дыханіе не остановилось; напротивъ оно стало болѣе энергичнымъ. Нѣкоторое время спустя оно стало, повидимому, менѣе правильно, чѣмъ это должно было бы быть, принимая во вниманіе покойное состояніе шершня.

Вотъ цифровыя данныя, которыя это подтверждаютъ.

A) 15 — 36	B) 2 — 2	C) 7 — 12
22 — 18	2 — 3	1 — 47
13 — 5	3 — 9	35 — 2
	6 — 1	1 — 2
	5 — 14	1 — 3
	и т. д.	20 — 1

20 минутъ спустя, шершень началъ движеніе, всталъ, сдѣлалъ нѣсколько шаговъ впередъ и пр.—дыханіе сдѣлалось безпрерывнымъ и частымъ; черезъ 40 минутъ:

2 — 15	1 — 5
2 — 9	7 — 8
3 — 5	5 — 4
2 — 7	1 — 7
3 — 7	3 — 49
1 — 9	8 — 2
7 — 8	5 — 1
1 — 6	1 — 3
	и т. д.

Во всякомъ случаѣ послѣ того, какъ голова была отрѣзана, дыхательныя движенія производились хоть и неправильно, но постоянно. По мѣрѣ этихъ движеній, которыя все болѣе и болѣе слабѣли, изъ раны выходила кровь съ пузырьками воздуха; чѣмъ энергичнѣе было дыханіе, тѣмъ больше выходило воздуха; когда же, минутъ черезъ 10, дыхательныя движенія сдѣлались слабы, выхожденіе пузырьковъ воздуха изъ раны совсѣмъ почти прекратилось.

1 ч. 30 м. послѣ операціи и раздраженія дыханіе усилилось, но точно прослѣдить его было трудно; оно стало не ровнымъ, вздохи стали иногда двойные, а иногда прерывались. Вдыханія сдѣлались неглубокими. Это не мѣшало шершню жалить.

Сдѣланныя наблюденія удостовѣряютъ, что обезглавленіе у шершня не ведетъ за собой прекращенія дыхательныхъ движеній; оно становится даже энергичнѣе; хотя по прошествіи нѣкотораго времени ихъ обычная неправильность временно становится какъ будто еще болѣе неправильной.

У нѣкоторыхъ особей (шершень № 3) тотчасъ послѣ обезглавленія животное произвело подъ-рядъ безъ перерыва около 100 вздоховъ, что въ нормальныхъ условіяхъ наблюдается лишь при очень большомъ возбужденіи. Во всякомъ случаѣ временно обезглавленіе влечетъ за собою и повышеніе этой функціи.

Шершень № 1 послѣ обезглавленія нѣкоторое время дышалъ неправильнѣе обыкновеннаго.

Что касается до центра дыхательныхъ движеній, то на этотъ вопросъ путемъ метода изслѣдованія, которому я слѣдовалъ, можно отвѣтить лишь такимъ образомъ: такой центръ есть и находится тамъ, гдѣ находится и центръ движенія лапокъ (но не крыльевъ, которыхъ центръ движенія оказывается самостоятельнымъ). Помѣщается онъ въ грудномъ ганглiи. Болѣе точнаго указанія дать нельзя, а то, которое я даю, основывается на слѣдующихъ данныхъ:

1) Шершень, которому отрѣзаютъ голову, дыхательныхъ движеній не утрачиваетъ, равно какъ не утрачиваетъ и движеній ногами.

2) Шершень № 1, которому голова была отрѣзана нѣкоторое время спустя послѣ наложенія лигатуры и вслѣдствіи этого была оттянута отъ груди, вызывая этимъ смѣщеніе (а можетъ быть и разрывъ нѣкоторыхъ нервовъ), потерялъ способность и къ движеніямъ ногами, и къ дѣятельнымъ движеніямъ.

Перерѣзъ, который прошелъ между узломъ и грудью шершня, вызвалъ сильное раздраженіе насѣкомаго. Шершень полетѣлъ, но скоро упалъ. *Дыханіе сразу почти прекратилось; abdomen оставался безъ движенія.*

Движенія его вообще пріостановились, онъ не двигалъ ни передними, ни задними ногами; только безшумно приподнималъ крылья и выдвигалъ жало.

Черезъ 10 минутъ послѣ операціи взятый пинцетомъ за заднюю ногу— жалилъ; изъ чего слѣдуетъ, что чувствительность у него сохранилась, пропала только способность къ движенію ногъ.

Послѣ раздраженія, однако, очень скоро успокоивался и жизнь его снова проявилась только подъемомъ крыльевъ и очень изрѣдка попыткой выпустить жало. Этотъ фактъ давалъ-бы основаніе полагать, что центръ дыхательныхъ движеній помѣщается при самомъ началѣ его грудного сегмента. Основаніемъ для такого предположенія служитъ тотъ фактъ, что движенія эти сохранились послѣ наложенія лигатуры на стебелекъ, соединяющій голову съ грудью; но когда этотъ стебелекъ былъ перерѣзанъ очень близко къ груди, то дыхательныя движенія прекратились и шершень умеръ черезъ *три часа* слишкомъ послѣ операціи, ни разу таковыхъ не проявивъ.

Предположеніе это однако не подтвердилось. Желая провѣрить его, я прямо отрѣзалъ одному шершню голову и часть груди. Если бы центръ, завѣдующій движеніями ногъ и abdomen'а (кромѣ того, который обусловливаетъ движеніе жала), помѣщался здѣсь, то движенія эти прекратились бы. На дѣлѣ, однако, этого не случилось: и тѣ, и другія движенія сохраняются сполна. Въ заключеніе о дыханіи шершня приведу еще одну выписку изъ моихъ наблюденій надъ шершнемъ № 2.

Вотъ что у меня между прочимъ значится въ заключеніе этихъ наблюденій.

a) при движеніи дыханія совершаются безпрерывно;

b) чѣмъ сильнѣе движенія, тѣмъ чаще и короче дыханіе, достигающее 200 разъ и болѣе въ минуту;

c) съ прекращеніемъ движенія, дыханіе быстро успокоивается; но періодъ времени, необходимый для успокоенія, длиннѣе того, который нуженъ для его ускоренія;

d) дыханіе въ покойномъ состояніи слагается изъ серіи дыхательныхъ движеній, которыя смѣняются періодами покоя, въ 5 разъ болѣе длиннаго, чѣмъ періоды вдыханій.

Чѣмъ сильнѣе возбужденіе, тѣмъ короче періоды покоя.

Въ періодъ сна отношеніе періодовъ то же, но распредѣленіе ихъ нѣсколько иное.

e) У обезглавленной особи дыханіе не останавливается;

f) дальнѣйшее дыхательное движеніе въ существенныхъ чертахъ представляетъ то-же, что и у нормальнаго животнаго, разница незначительна и касается частностей (такъ, отношеніе періода покоя къ періоду вдыханій не 1 къ 5, а 1 къ 4-мъ и т. д.).

Ксилокопа—Xylocopa vialacea.

Дыханіе его въ нормальныхъ условіяхъ во время пребыванія въ покойномъ состояніи представляетъ слѣдующую картину. Въ теченіи 8 минутъ насѣкомое совершило 6 серій дыхательныхъ движеній перемежавшихся 6 періодами покоя.

Въ каждую серію дыхательныхъ движеній оно совершило 8 вдыханій и выдыханій, если чѣмъ либо эти дыхательныя движенія задерживались, то число ихъ въ одну серію доходило до 12.

Чѣмъ дольше продолжается періодъ покоя и чѣмъ онъ полнѣе, тѣмъ доступнѣе становятся періоды покоя, а каждая серія состоитъ изъ 9—12 вдыханій и выдыханій; такъ что въ теченіи 6 минутъ бываетъ 3 серіи дыхательныхъ процессовъ и 3 періода покоя. Если насѣкомое дѣлало движеніе, напримѣръ, летало, ползало, чистило крылья, то порядокъ дыхательнаго движенія тотчасъ же нарушался и ксилокопа дѣлала подъ-рядъ 120 вздоховъ, причемъ вздохи эти становились короткими и очень не глубокими. Съ прекращеніемъ движеній дыханіе почти тотчасъ-же успокаивается и начинаются тѣ же 8—9 вдыханій, за которыми слѣдуетъ длинный перерывъ, послѣ учащеннаго дыханія болѣе продолжительный, чѣмъ обыкновенно.

Послѣ обезглавленія дыханіе не останавливается; первое время оно бываетъ непрерывно, какъ всегда вслѣдъ за раздраженіемъ; но скоро успокоивается и становится очень правильнымъ: приблизительно десять вздоховъ (11—12) совершаются разъ за разомъ; діаграмма № 7 передаетъ это графически. Вообще по мѣрѣ ослабленія силъ и приближенія смерти дыханіе ослабѣваетъ и правильность его нарушается.

Къ сказанному о дыханіи ксилокопы мнѣ остается присоединить еще слѣдующія заключенія.

Движенія abdomen'а, не имѣющія прямого отношенія къ дыханію, содѣйствуютъ послѣднему косвеннымъ образомъ. Наблюденія надъ дыхательными движеніями ксилокопы, у которыхъ они совершаются съ достаточною правильностью, чтобы получить возможность провѣрить это заключеніе, можно наблюдать слѣдующій фактъ. Когда abdomen сгибается при чисткѣ его ногами, то

перерывы между дыхательными періодами становятся болѣе длинными и могутъ иногда длиться болѣе минуты, если движенія abdomen'а продолжались около того же времени.

У *Vespa germanica* дыханіе нормальной особи въ покойномъ состояніи (около 12 ч. ночи) происходитъ, какъ и у ксилокопы, не непрерывно; но періоды, прерывающіе дыхательныя движенія, короче. Послѣ періода покоя наступаетъ періодъ дыхательныхъ движеній. Послѣднія крайне быстры и крайне коротки. Я наблюдалъ ихъ въ лупу и насчитывалъ за одинъ разъ 50—60; за ними наступалъ періодъ покоя.

Послѣ обезглавленія перемѣна въ дыханіи повидимому происходитъ незначительная и ограничивается лишь нѣкоторою неправильностью дыхательныхъ движеній. Минуты черезъ 3—4 я насчиталъ около 40 вдыханій, не совсѣмъ правильныхъ, т. е. неправильно слѣдующихъ другъ за другомъ. Затѣмъ наступилъ перерывъ вдыханій, который продолжался около 150 секундъ; затѣмъ опять начались вдыханія.

По прошествіи 3—4 минутъ: періоды покоя около 150 секундъ; вдыханій 30; потомъ опять періодъ покоя 150 секундъ и опять 28 — 30 вдыханій и т. д.

Все вышеописанное имѣло мѣсто при наложеніи лигатуры; затѣмъ, когда голова отрѣзалась, то дыхательныхъ движеній въ теченіи долгаго времени не наблюдалось вовсе.

Когда оса была раздражена пинцетомъ, то abdomen ея началъ двигаться такимъ образомъ, что эти движенія можно было принять и за дыхательныя.

Другая оса послѣ перевязки головы представляла слѣдующее.

Тотчасъ послѣ операціи:

120 вдыханій быстрыхъ, короткихъ и правильныхъ;
80 секундъ перерыва;
120 вдыханій;
400 секундъ перерыва;
5 вдыханій;
450 секундъ перерыва;
4 вдыханія;
100 перерыва;
13 вдыханій;

Въ теченіи этого времени оса дѣлала движенія abdomen'омъ, хоть и не дыхательнымъ—ибо поворачивала abdomen въ стороны и пр., но такія, которыя могутъ служить и для дыхательныхъ цѣлей.

Затѣмъ она была обезглавлена, такъ же, какъ и первая, и наблюдалось послѣ этого надъ нею то же, что и у первой. Надо имѣть въ виду, что обѣ осы послѣ отрѣзанія головы (разрѣзъ этотъ прошелъ очень близко къ груди) сдѣлались неподвижными и слабо отвѣчали на раздраженіе.

b) *Кровообращеніе.*

Наблюденія производились мною надъ нѣкоторыми личинками жуковъ и надъ пауками.

Изъ наблюденій надъ личинками приведу здѣсь тѣ, которыя были мною сдѣланы надъ личинкою одного изъ крупныхъ dамia.

Серцебіеніе этой личинки послѣ обезглавленія совершается правильно; кровь двигается отъ хвоста къ головѣ. На 2-й день послѣ операціи сердце билось 17 разъ въ минуту и представляло такую картину (цифры обозначаютъ сегменты тѣла).

1, 2, 3	Въ этихъ сегментахъ ни сосудовъ, ни сердца не видно.
4, 5, 6, 7	Въ этихъ сегментахъ сердце представлено широкой лентой и видно во всякое время.
8, 9, 10, 11, 12	Въ этихъ сегментахъ кровеносный сосудъ имѣетъ видъ очень тонкой полоски, расширяющейся только при прохожденіи крови.

Нѣсколько дней спустя, сердце билось уже 12 разъ въ минуту и было замѣтно лишь въ 5—7 сегментахъ; причемъ въ 5 сжиманіе было очень слабо, форма сердца оставалась почти неизмѣнною и услѣдить теченіе крови можно было только въ силу болѣе или менѣе интенсивной окраски въ зависимости отъ обилія крови.

Въ 4-мъ сегментѣ сердца уже не было видно вовсе; самый сегментъ сморщился и началъ умирать, хотя и отвѣчалъ на раздраженіе.

Сосудъ въ 8—12 сегментахъ теперь сталъ замѣтенъ всегда; за то *біеніе* въ немъ обнаружить было невозможно. Тутъ мы видимъ то же, что видѣли въ 4 сегментѣ: сердце расширилось и работа его понизилась: оно какъ бы превратилось въ простые *сосуды для крови*, которая теперь гонится только сердцемъ 5—7 сегментовъ животнаго.

Гусеница—Sphinx Lygstri.

Сердцебіеніе обезглавленной (лигатурою) гусеницы совершалось такимъ образомъ: кровь въ теченіи $4^1/_2$ минутъ идетъ по сосуду отъ хвоста къ головѣ, совершая въ этотъ періодъ времени около 90 ударовъ (88 — 89) (то есть около 20 въ минуту); скорость этихъ ударовъ, т. е. разстояніе ихъ другъ отъ друга во времени одно и то же; только приближаясь къ концу каж-

даго даннаго періода, удары становятся рѣже и наконецъ останавливаются вовсе почти на полминуты.

Затѣмъ сердце начинаетъ расширяться въ обратномъ порядкѣ отъ головы къ хвостовому концу тѣла; его сокращенія совершаются въ такой же правильности, но значительно медленнѣе. Число ударовъ въ минуту не превышаетъ 12—13. Продолжительность этого періода также короче предшествующаго и не превышаетъ 1 минуты. Въ концѣ этого періода въ дѣятельности сердца наступаетъ новый перерывъ, но тоже значительно болѣе короткій, чѣмъ предъидущій, и кровь опять начинаетъ течь отъ хвоста къ головѣ.

При возбужденіи дѣятельность сердца становится замѣтной въ большомъ количествѣ сегментовъ (сегмента на 2—3). Число ударовъ въ минуту значительнѣе: въ $2^1/_2$ минуты около 100. Возбужденный пульсъ мало-по-малу успокаивается. Послѣ 15-минутнаго отдыха пульсъ сталъ 20 разъ въ минуту, то-есть вошелъ въ норму.

Самая же замѣчательная особенность возбужденнаго сердцебіенія заключается, конечно, въ томъ, что во весь періодъ возбужденія вплоть до полнаго успокоенія (въ данномъ опытѣ въ теченіи 35 минутъ) сердце билось только въ одномъ направленіи и кровь все время *шла отъ хвоста къ головѣ*. Она совершила такимъ образомъ въ теченіи 25 минутъ около 800 ударовъ, и затѣмъ, постепенно успокаиваясь, въ теченіи остальныхъ 10 минутъ около 300—итого 1200 ударовъ въ одномъ направленіи.

Затѣмъ послѣдовалъ перерывъ и началось обратное теченіе крови, тѣ же 12—15 разъ въ минуту, съ тѣмъ же, предшествующимъ обратному теченію крови, временнымъ большимъ перерывомъ. Такимъ образомъ у обезглавленной гусеницы два рода круговъ кровообращеній—болѣе продолжительный отъ хвоста къ головѣ и болѣе короткій отъ головы къ хвосту. Круги эти въ обычное время чередуются правильно; при возбужденіи же остается только одинъ продолжительный; короткій отъ головы къ хвосту на это время выпадаетъ.

По прошествіи 3 дней послѣ обезглавленія сердцебіеніе гусеницы сдѣлалось неправильнымъ—послѣ 10 — 12 ударовъ біеніе сердца останавливалось. Вторая по счету отъ хвостового конца камера расширялась раньше первой и независимо отъ него; *обратнаго сердцебіенія уже не наблюдалось*. Оно прекратилось за 7 дней до смерти гусеницы и совершалось въ теченіи этого времени только въ одномъ направленіи: отъ хвостоваго конца къ головѣ. За 4 дня до смерти серцебіеніе вовсе не было замѣтно: сердце имѣло видъ тонкой, зеленой нити, покойно лежащей въ тѣлѣ.

Прожила гусеница послѣ обезглавленія 11 дней.

c) *Пищевареніе.*

Совершается повидимому съ полною правильностью и лишь у немногихъ (Stomaxys calcitreus напримѣръ) оно ослабляется въ ближайшій за обезглавленіемъ періодъ времени.

Я наблюдалъ это явленіе и у нѣкоторыхъ гусеницъ.

d) *Свѣченіе.*

Свои немногія наблюденія я дѣлалъ надъ такъ называемымъ Ивановымъ червякомъ.

Голова была отрѣзана прямо ножницами во время свѣченія вечеромъ. Скоро червякъ пересталъ свѣтить и оставался въ покоѣ 24 часа, не издавая свѣта. Вечеромъ черезъ сутки я раздражилъ его слабымъ прикосновеніемъ карандаша; жучекъ былъ такъ слабъ, что не обнаружилъ движенія, но въ органахъ свѣченія показалось сначала двѣ точки свѣта на одномъ сегментѣ, потомъ еще двѣ на слѣдующемъ по направленію къ хвосту. Свѣченіе продолжалось недолго, минуты 3—5. Потомъ оно стало замѣтно лишь на правой сторонѣ задняго сегмента. Жучекъ все время лежалъ безъ движенія. На другой день утромъ онъ былъ уже мертвъ; но слабое свѣченіе продолжалось безъ всякаго раздраженія тамъ же, гдѣ было послѣ раздраженія (прикосновеніе пера на нижней части брюшка, причемъ никакого движенія тѣломъ или ногъ не наблюдалось); свѣченіе появилось и въ сосѣднемъ сегментѣ, но являлось оно не вдругъ, а нѣкоторое время спустя, такъ что я уже было записалъ, что свѣченіе отъ раздраженія черезъ двое сутокъ послѣ операціи не бываетъ, но пошелъ провѣрить, гдѣ именно уцѣлѣлъ свѣтъ и былъ очень удивленъ довольно интенсивнымъ огонькомъ.

Этотъ огонекъ, возникнувъ не вдругъ, не вдругъ и исчезъ, и продолжался довольно долго. Я подавилъ сегменты, свѣтъ снова появлялся, слабый и неопредѣленный, и не вдругъ. Отъ прокалыванія иглой въ мѣстѣ укола появился совершенно опредѣленный и интенсивный свѣтъ, но скоро ослабъ.

e) *Вліяніе обезглавленія на продолжительность жизни животныхъ.*

Факты, мною добытые, даютъ основаніе утверждать, что для нѣкоторыхъ безпозвоночныхъ (червей и насѣкомыхъ) обезглавленіе сокращаетъ продолжительность жизни ровно настолько, насколько эта жизнь сокращается вслѣдствіи голоданія; причемъ обезглавленіе собственно въ этой смерти играетъ второстепенную роль, если только играетъ вообще.

Такъ, піявки, способныя оставаться безъ пищи цѣлый годъ, могутъ жить и безъ головы столько же времени и т. п. Заключеніе это остается справедливымъ и по отношеніи къ нѣкоторымъ суставчатоногимъ; и у нихъ періодъ жизни обезглавленной особи находится въ опредѣленномъ отношеніи къ періоду времени, которое животное способно провести въ неволѣ безъ пищи.

Такъ, шершень, пойманный во время хорошей погоды въ разгарѣ лѣта и его жизнедѣятельности, умираетъ въ неволѣ безъ пищи менѣе, чѣмъ въ сутки.

Обезглавленный умираетъ въ тотъ же періодъ времени—онъ живетъ около 8—15 часовъ. Такимъ образомъ лишеніе головы сократило жизнь животнаго приблизительно на половину.

Это сокращеніе объясняется главнымъ образомъ потерею крови, вслѣд-

ствіе чего животныя, у которыхъ голова отрѣзалась, умирали скорѣе, чѣмъ тѣ у которыхъ она перевязывалась шелковинкой; частью же вслѣдствіи тѣхъ патологическихъ процессовъ, которые получаютъ начало въ мѣстѣ пораненія. Обезглавленіе позднею осенью, когда жизнедѣятельность многихъ животныхъ понижается и они могутъ оставаться безъ пищи долгій періодъ времени—сокращаетъ жизнь гораздо менѣе, чѣмъ на половину: нѣкоторыя бабочки жили у меня въ теплой комнатѣ послѣ обезглавленія осенью въ теченіи 3, 4 и болѣе мѣсяцевъ, тогда какъ операція, сдѣланная лѣтомъ у тѣхъ же видовъ бабочекъ, влечетъ за собою смерть черезъ 1—2 дня.

Многія мухи, лѣтомъ переживающія операцію не болѣе какъ 2 — 3 сутокъ, остаются живыми послѣ операціи, сдѣланной осенью, въ теченіи многихъ недѣль.

Окончаніе слѣдуетъ.

О психикѣ чешуекрылыхъ насѣкомыхъ.

Д-ра Э. Эриксонъ.

Авторы, писавшіе о психикѣ насѣкомыхъ, ограничивались обыкновенно муравьями, пчелами, осами, уховертками и нѣкоторыми жуками; чешуекрылыхъ-же въ ихъ окончательной стадіи развитія обходили полнымъ молчаньемъ. Объясняется это тѣмъ, что проявленіе психической жизни у бабочекъ при сравненіи съ высшими перепончатокрылыми до крайности однообразно и мало интересно.

Если энтомологъ броситъ взоръ на собранную имъ коллекцію жуковъ или осъ, у него невольно пробуждаются въ сознаніи воспоминанія о томъ, гдѣ, при какихъ условіяхъ и въ какой обстановкѣ былъ пойманъ каждый данный видъ, и какъ насѣкомое вело себя при грозившей ему опасности. Не то впечатлѣніе оставляетъ коллекція бабочекъ. Глядя на нихъ, очень трудно воскресить въ памяти психическія различія: они стушевываются подъ завѣсой внѣшней красоты формъ. Особи одного и того-же вида въ проявленіи психической дѣятельности не отличаются другъ отъ друга. Различія мѣстности и климата, въ коихъ встрѣчается данный видъ, тоже едва-ли вліяютъ на повадки насѣкомаго; такъ напр. репейница (Vanessa cardui) или мареновая хоботница (Macroglossa stellatarum), живущія одновременно въ Пріамурскомъ краѣ и въ Закавказьѣ, въ психическомъ отношеніи тожественны. Нѣсколько рѣзче замѣтны различія при сравненіи между собою представителей отдѣльныхъ родовъ и тѣмъ болѣе семействъ. Эволюція психики въ предѣлахъ отряда однако очень мала. Она гораздо слабѣе, чѣмъ у жуковъ и тѣмъ болѣе перепончатокрылыхъ, гдѣ между высшими представителями и низшими имѣется рѣзкое психическое различіе.

На первый взглядъ, бабочки только и способны порхать въ воздухѣ или отдыхать гдѣ нибудь на цвѣткѣ; эмоціональныя же ихъ движенія, оріенти-

ровка въ окружающемъ, проявленіе памяти и вообще высшія психическія отправленія имъ, какъ будто, чужды. Въ группѣ мелко-мотыльковыхъ (Microlepidoptera), куда относятъ вѣерницъ, молей, листовертокъ и огневиковъ, оно, пожалуй, такъ и есть: у нихъ присутствіе психики, какъ руководящаго начала, уловить чрезвычайно трудно. Насѣкомыя эти способны испытывать лишь самыя смутныя ощущенія, реагируя на нихъ простымъ движеніемъ.

Какъ всякій знаетъ, бабочки имѣютъ сношенія съ внѣшнимъ міромъ гл. обр. черезъ посредство органовъ зрѣнія. Глаза у нихъ всегда достигаютъ довольно высокой степени развитія, при чемъ у ночныхъ видовъ они сравнительно болѣе крупныхъ размѣровъ. Однако, говоря вообще, ночницы обнаруживаютъ при сравненіи съ дневными бабочками болѣе плохое зрѣніе, по крайней мѣрѣ ихъ легче схватить. Яркимъ свѣтомъ лампы онѣ ослѣпляются такъ, что падаютъ на огонь или безсмысленно бьются о столъ или стѣну, какъ бы потерявъ способность оріентироваться въ пространствѣ. Слухъ у огромнаго большинства чешуекрылыхъ положительно отсутствуетъ, а мелко-мотыльковыя глухи всѣ. Выстрѣлъ изъ ружья, производящій переполохъ среди пернатыхъ обитателей опушки лѣса, совершенно не пугаетъ дневныхъ и сумеречныхъ бабочекъ. Впрочемъ, нѣкоторые изъ крупныхъ видовъ, расположившихся на цвѣтахъ скабіозы или чертополоха, иногда снимаются какъ будто въ испугѣ, но сейчасъ-же садятся снова. Многіе бражники (Sphingidae) на лету производятъ шумъ жужжанія, какъ пчелы, очевидно предназначенный для того, чтобы его кто-нибудь да слушалъ.

Вкусовыя воспріятія надо признать сильно развитыми у высшихъ формъ, которыя пробуютъ сокъ разныхъ растеній, но кормятся предпочтительно на нѣкоторыхъ. Замѣчательно, что многія бабочки не избѣгаютъ ѣдкихъ, горькихъ, а съ точки зрѣнія вліянія на человѣка, подчасъ ядовитыхъ отдѣленій цвѣтовъ. Большинство однако любитъ сладкія вещества. Бражникъ-мертвая голова (Acherontia atropos) ради меда въ рѣдкихъ случаяхъ забирается даже въ пчелиные ульи, что рѣшительно необъяснимо съ точки зрѣнія теоріи унаслѣдованныхъ привычекъ. Другія не слѣдуютъ примѣру, можетъ быть, только потому, что малы: имъ не справиться съ пчелами. Тѣ насѣкомыя, которымъ не свойственно во взросломъ состояніи принимать пищу, а таковыхъ среди мелкихъ видовъ не мало, не имѣютъ, какъ можно полагать, и вкусовыхъ ощущеній. У высшихъ представителей чешуекрылыхъ обоняніе существуетъ, что вытекаетъ между прочимъ изъ того, что изъ двухъ цвѣтковъ одинаковой окраски и довольно сходнаго внѣшняго вида слишкомъ часто привлекаетъ бабочку растеніе болѣе пахучее, хотя бы запахъ его по нашимъ представленіямъ и былъ противнымъ. Съ другой стороны увядшій цвѣтокъ менѣе манитъ насѣкомыхъ, чѣмъ свѣжій, очевидно вслѣдствіе исчезновенія запаха. Наконецъ ловля ихъ коллекціонерами на самыя разнообразныя искусственныя пахучія приманки является тоже убѣдительнымъ тому доказательствомъ. Что касается

въ частности сяжковъ, то они суть органы чувственнаго воспріятія сложнаго характера.

Болевыя ощущенія у бабочекъ существуютъ, по крайней мѣрѣ насѣкомыя реагируютъ на отрѣзаніе сяжковъ или лапокъ и на уколъ тѣла булавкой почти такъ же сложно, какъ если бы высшему животному стали ломать ногу или колоть шиломъ въ мягкія части тѣла. Разсматриваемыя насѣкомыя очень чутки ко всѣмъ перемѣнамъ атмосфернаго состоянія: въ холодныя ночи напр. они не показываются вовсе, въ теплыя и душныя наоборотъ появляются въ изобиліи; очевидно они получаютъ при этомъ соотвѣвствующія ощущенія.

Всякому движенію, какъ извѣстно, должно предшествовать возбужденіе въ центростремительныхъ путяхъ, какого-бы рода оно ни было. Ощущеніе, дошедшее до сознанія и породившее движеніе, однако можетъ быть настолько мимолетно, что получается впечатлѣніе, какъ будто активность насѣкомаго не зависитъ отъ внѣшнихъ и внутреннихъ воздѣйствій. Глядя на бабочку, невольно думаешь, что только отъ усмотрѣнія ея зависитъ, сѣсть-ли ей на цвѣтокъ или сняться и полетѣть въ томъ или иномъ направленіи. На самомъ дѣлѣ первымъ стимуломъ къ полету является то голодъ, т. е. испытываемое отъ внутреннихъ органовъ ощущеніе недостатка питательнаго матеріала, то потребность найти представителя своего вида противоположнаго пола, развивающаяся отъ избытка въ организмѣ элементовъ, предназначенныхъ для продленія рода; или наконецъ поводомъ является необходимость уберечься отъ неблагопріятныхъ условій погоды или преслѣдованій врага. Такъ какъ вѣтеръ крыльямъ бабочекъ вреденъ, то естественно, что она заблаговременно прячется куда-нибудь въ защищенное мѣсто. Насѣкомыя не даютъ себя также смочить дождемъ. Дневные виды, перейдя на нижнюю поверхность листа, складываютъ крылья въ вертикальной плоскости, такъ что капли воды, случайно упавшія на нихъ сверху, стекаютъ какъ со стѣны; ночные, расположивъ крылья кровлеобразно, уходятъ въ расщелины коры, дупло дерева и т. д. Словомъ, поведеніе ихъ всѣхъ обнаруживаетъ явную цѣлесообразность, но спрашивается, поскольку играетъ здѣсь роль психика?

Извѣстно, что, когда послѣ ясной погоды вдругъ надвинется грозовая туча, и станутъ падать первыя капли дождя, то спѣшатъ спрятаться всѣ живыя существа—и насѣкомыя, и пресмыкающіяся, и птицы, и млекопитающія: ящерица, бѣгавшая по скалѣ, своевременно улизнула въ щель; зяблики, щеглы, синицы удобно пріютились на опушкѣ лѣса подъ листвой и побѣгами деревьевъ; бѣлка шмыгнула въ дупло, заяцъ прижался подъ кустарникомъ къ пню, домашняя птица прячется подъ навѣсы, люди скрываются въ домахъ. Невольно приходится признать, что или всѣ, начиная съ бабочки и кончая человѣкомъ, при избраніи подходящихъ мѣстъ въ такой моментъ руководятся исключительно инстинктомъ, иначе, поступаютъ безсознательно, или у всѣхъ хотя и въ не равной степени играютъ также роль сознаніе и психика. Пси-

хологу нынѣ приходится всегда имѣть въ виду тотъ фактъ, что, до знакомства съ основами наслѣдственности, антропологіей, зоологіей и др. біологическими науками, сфера сознательной дѣятельности человѣка считалась необычайно широкой, но затѣмъ въ глазахъ натуралистовъ она стала быстро и не безъ основанія падать. Съ постепеннымъ переходомъ отъ изученія книгъ къ изученію природы и накопленіемъ знаній о жизни животныхъ, неразумныя твари начали въ свою очередь превращаться одна за другой въ разумныя. Словомъ сравнительная психологія уже окончательно заявила свое право на существованіе, разрушивъ преграду между человѣкомъ и остальной фауной нашей планеты. Многіе поступки животныхъ низшаго порядка, въ данномъ случаѣ бабочекъ, уже требуютъ серіозныхъ размышленій и опытовъ относительно наличности у нихъ психическихъ отправленій въ простѣйшихъ формахъ.

Изъ эмоцій легче всего констатировать у чешуекрылыхъ страхъ, проявленіе котораго свойственно повидимому всѣмъ, являясь въ борьбѣ за существованіе наиболѣе важнымъ психофизіологическимъ процессомъ. Конечно, отъ ощущенія страха до пониманія опасности для жизни еще очень далеко. У бабочекъ послѣдняго повидимому нѣтъ, но у муравьевъ, какъ я убѣдился [1]), имѣется. Всѣ чешуекрылыя сильно бьются, попавъ въ тенета паука, или схваченныя за крыло, положимъ, ящерицей; этотъ актъ сопротивленія едва-ли можно признать только за сложный рефлексъ. Дневная бабочка, застигнутая врасплохъ, летитъ не такъ, какъ въ томъ случаѣ, когда она могла предварительно оріентироваться и, такъ сказать, собраться съ духомъ: она подымается высоко, сбивается многократно съ пути прежде, чѣмъ изберетъ опредѣленное направленіе. Мелкіе виды гораздо менѣе осторожны, чѣмъ крупные, и проявляютъ больше автоматизма, чѣмъ сознанія. Наибольшей пугливостью, но и сообразительностью отличаются бражники.

Проявленіе гнѣва можно наблюдать только у высшихъ представителей отряда. Драться безъ соотвѣтствующаго аффекта немыслимо, какъ показываетъ все то, что мы знаемъ изъ жизни муравьевъ, осъ, жуковъ, уховертокъ, не говоря уже о позвоночныхъ животныхъ и человѣкѣ. Если желтая крушинница (Rhodocera rhamni) въ своемъ полетѣ случайно задѣваетъ крыломъ бѣлую боярышницу, (Aporia crataegi), и эта послѣдняя набрасывается на нее, начинаетъ бить, при чемъ, какъ случается наблюдать, обѣ падаютъ на землю, или если изъ двухъ дерущихся бабочекъ вы одну схватите, а другая, явно стремясь завершить актъ мести, вертится около самой вашей руки вмѣсто того, чтобы улетѣть подальше, то можно-ли допустить, что бы этотъ сложный процессъ столкновенія двухъ насѣкомыхъ не имѣлъ въ основѣ своей аффекта гнѣва? Я полагаю, что нельзя.

Меня крайне поражало, когда случалось наблюдать, что пѣніе птицъ на

---

[1]) Э. Эриксонъ. Изъ дневника. Журн. Естеств. и Геогр. 1900 г. № 7.

опушкѣ лѣса часто прекращается одновременно съ жужжаніемъ перепончатокрылыхъ и мухъ надъ межою какъ разъ вслѣдъ за исчезновеніемъ солнца за тучей и возобновляется съ его появленіемъ. Если изъ общества пестрыхъ Vanessa или Argynnis, кружащихся надъ чертополохомъ, или голубенькимъ Zycaena, играющихъ надъ ручейкомъ, поймать одинъ экземпляръ и, подержавъ нѣсколько минутъ въ плѣну, выпустить, то появленіе исчезнувшей было бабочки порождаетъ въ остальныхъ нѣкоторое эмоціональное движеніе: трепыханіе крылышками, выражающее, какъ надо думать, чувствованіе удовольствія, на короткое время увеличивается, какъ прилетъ новаго скворца къ десятку другихъ, расположившихся на деревѣ, усиливаетъ сразу суматоху и обмѣнъ звуковъ, какъ желанный гость въ обществѣ людей на время увеличиваетъ разговорчивость и подвижность всѣхъ присутствующихъ. Такимъ образомъ, мнѣ кажется, что у нѣкоторыхъ чешуекрылыхъ возможно наблюдать эмоцію веселья.

Бабочки самки послѣ скрещиванія сейчасъ-же теряютъ самца, а отложивъ яйца, не вѣдаютъ о дальнѣйшей ихъ судьбѣ. Такимъ образомъ, разсуждая теоретически, поводовъ къ печали, а стало быть и самой эмоціи у этихъ насѣкомыхъ наблюдаться не должно-бы. За существованіе печали ошибочно можно принять угнетенный видъ ихъ, стоящій обыкновенно въ зависимости отъ дурной погоды, болѣзни и пр. Тѣмъ не менѣе отрицать возможность появленія этой эмоціи, по крайней мѣрѣ въ самой примитивной формѣ и у нѣкоторыхъ видовъ, неправильно уже потому, что психическое угнетеніе и печаль имѣютъ между собой слишкомъ много точекъ соприкосновенія.

Если схватить бабочку за крыло, то она производитъ весьма сложныя движенія и туловищемъ, и сяжками, и крыльями, и ножками. Мнѣ всегда казалось, что въ первый моментъ здѣсь имѣетъ мѣсто только безсознательный актъ сопротивленія, свойственный всѣмъ бабочкамъ безъ исключенія. Однако у нѣкоторыхъ дневныхъ формъ мы можемъ замѣтить послѣ безсмысленнаго хлопанья крыльями и дерганья ногами какъ бы вмѣшательство той или другой степени психики: насѣкомое модифицируетъ свои движенія въ степени доступной ему въ силу анатомической организаціи, явно стараясь освободить крыло. Далѣе. Всякій коллекторъ знаетъ, какъ ловко пользуются нѣкоторыя бабочки удобнымъ моментомъ, чтобы ускользнуть изъ западни, напр., когда пытаешься раскрыть коробку или сачекъ съ плѣнницей. Если наблюдать внимательно процессъ самоспасанія насѣкомаго, то бросится въ глаза, что первые шаги къ выходу дѣлаются имъ крайне осторожно, какъ бы изъ боязни быть замѣченнымъ въ намѣреніи, а потомъ бабочка вдругъ неожиданно взлетаетъ на воздухъ, гдѣ еще долго обнаруживаетъ волненіе своими быстрыми и торопливыми движеніями.

Рѣдко представляются случаи убѣдиться въ существованіи у этихъ насѣкомыхъ памяти. Но какъ объяснить иначе слѣдующее явленіе: красивая

бабочка адмиралъ (Vanessa atalanta) въ теченіе 6 дней прилетаетъ въ садикъ въ 4—5 ч. полудня и садится почти на одно и то же затѣненное мѣсто кустарника давно оцвѣтшей сирени. Что привлекало ее сюда—не знаю, но несомнѣнно. въ другое время она летала на разстояніи версты и больше. Или возьмемъ такой примѣръ. Однажды самецъ капустницы (Pieris brassicae Z). гнался за самкой, и почти въ самый тотъ моментъ, какъ онъ ее настигъ, я поймалъ бабочку. Расположившись на травѣ отдохнуть, я сталъ слѣдить съ помощью бинокля за другимъ насѣкомымъ, успѣвшимъ спастись. Оказалось, что бабочка, оставшись одна, не сразу успокоилась, а съ явнымъ волненіемъ долго облетала то растеніе, надъ которымъ только что лишилась объекта преслѣдованія. Раза 4—5 она уносилась далеко въ сторону, но затѣмъ снова возвращалась къ мѣсту событія, какъ бы ища кого-то. Съ внѣшней стороны она вела себя подобно птицѣ, у которой въ гнѣздовую пору убили самца...

Ни одна бабочка въ нормальныхъ окружающихъ условіяхъ не дается сразу въ руки. Сидя на травѣ, она присматривается къ тому, что дѣлается кругомъ. Днемъ въ полѣ часто приходится убѣждаться, что зайти съ тыла къ насѣкомому труднѣе, чѣмъ кажется. Разъ оно замѣтило, что за нимъ слѣдятъ, оно поворачивается такимъ образомъ, что глаза направлены въ сторону врага, перестаетъ сосать растительный сокъ, если сосало, мыться, если мылось т. е. обтирало лицо передними конечностями, какъ это дѣлаютъ мухи, саранча, муравьи, кошки и люди. Много есть бражниковъ, которыхъ надо ловить сразу; если это не удастся, то и насѣкомое для коллекціонера потеряно, такъ какъ оно ни за что больше не сядетъ по близости или скоро. Если на чертополохѣ кормится нѣсколько Vanessa или Argynnis, и вы подкрадываетесь къ нимъ, въ ихъ движеніяхъ сразу наступаетъ нѣкоторая перемѣна: они вдругъ настораживаются. Будь здѣсь дѣло только въ сложномъ рефлексѣ, безсознательномъ актѣ, бабочка, получивъ чувственное возбужденіе центростремительныхъ путей, автоматически снялась-бы, но мы видимъ, по крайней мѣрѣ у высшихъ представителей отряда, предварительный періодъ выжиданія, въ которомъ есть основаніе подозрѣвать психическій процессъ, хотя-бы самый элементарный.

Когда попробуешь приблизиться къ сидящей на дорогѣ большой черно-бурой Satyrus hermione, насѣкомое, подпустивъ на разстояніе 2-хъ метровъ, слетаетъ на другое мѣсто. Идешь туда, но теперь оно ближе, какъ на 3 метра, къ себѣ подойти не даетъ. Ждешь, не теряя надежды его поймать, и вотъ видишь его вдали снова на землѣ. Теперь уже принимаешь всѣ мѣры, чтобы подкрасться безшумно, незамѣтно. И что же? Ясно видно, что бабочка колеблется, сняться ей или нѣтъ. Это вытекаетъ изъ ея движеній крыльями и сяжками, изъ ея присѣданій при каждомъ неосторожномъ движеніи врага. Все производитъ впечатлѣніе, какъ будто бы между насѣкомымъ и человѣкомъ устанавливается тутъ нѣкоторое взаимное пониманіе преслѣдуемыхъ цѣлей. До

бабочки 6 метр. разстоянія, и ясно, что это будетъ предѣломъ дальнѣйшихъ наступательныхъ движеній для человѣка. Дѣйствительно, попытка сдѣлать еще шагъ оказывается неудачной: насѣкомое взлетѣвъ долго порхаетъ въ воздухѣ, пока наконецъ не изберетъ мѣсто гдѣ-нибудь высоко на стволѣ недоступнаго дерева. И такъ спрашивается: имѣемъ ли мы здѣсь только инстинктъ самосохраненія, сложный психорефлексъ? Я полагаю, что нѣтъ. Нельзя отъ насѣкомаго отнять психики тамъ, гдѣ такой-же поступокъ человѣка всякій счелъ-бы и цѣлесообразнымъ, и разумнымъ. Съ другой стороны, та же бабочка, увлекшись погоней за особью противоположнаго пола, подчасъ даетъ себя забрать съ цвѣтка даже рукой. Здѣсь инстинктъ беретъ перевѣсъ надъ психикой. Часто приходится наблюдать, что капустница или крушинница въ полѣ не такъ осторожна, какъ при нечаянномъ залетѣ въ городъ. Не выражаетъ ли здѣсь нежеланіе насѣкомаго опуститься на многолюдную шумную улицу его предусмотрительность?

Впаденіе въ мнимую смерть наблюдается у бабочекъ, въ противоположность жукамъ, очень рѣдко; иногда ее однако удается видѣть у пестрянокъ— Zygaena и Syntomis. Бабочки названныхъ родовъ, въ силу ихъ анатомической организаціи, тяжелы на подъемъ, летятъ медленно и низко, а потому, какъ-бы лишась на время сознанія, упасть и затеряться въ высокой травѣ — цѣлесообразно. Нѣкоторые виды падаютъ съ цвѣтка на землю при одномъ видѣ приближающагося врага. И этотъ актъ, быть можетъ, далеко не такъ автоматиченъ, какъ кажется на первый взглядъ.

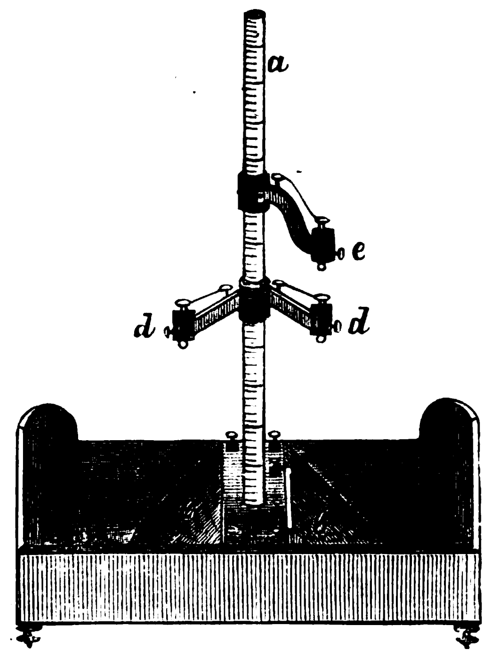
Новый аппаратъ для изслѣдованія слухового воспріятія.

Акад. В. М. Бехтерева.

Такъ какъ имѣющіеся въ употребленіи аппараты для изслѣдованія слухового воспріятія не лишены тѣхъ или другихъ немаловажныхъ недостатковъ, то для всѣхъ лицъ, работающихъ со слуховымъ воспріятіемъ, является настоятельною потребностью имѣть аппаратъ, который бы давалъ возможность вызывать звукъ опредѣленной интенсивности, не осложненный какими либо посторонними шумами и давалъ бы въ то же время возможность послѣдовательно вызывать звукъ, съ одной стороны, одинаковой интенсивности и одинаковаго тембра, съ другой—звуки различной, произвольно измѣняемой, интенсивности и одинаковаго по возможности тембра.

Такой именно аппаратъ, удовлетворяющій вышеуказаннымъ условіямъ былъ устроенъ, по моей мысли и при участіи въ обсужденіяхъ А. Ф. Лазурскаго, мастеромъ при В. М. Академіи Пантелеевымъ. Аппаратъ (см. рис. представляетъ большой металлическій круглый стержень, вертикально стоящій на особой подставкѣ въ формѣ ящика съ двумя наклоненными внутри его

въ двѣ противоположныя стороны плоскостями. На этотъ стержень надѣты 2 горизонтально расположенныхъ металлическихъ прибора. Одинъ изъ нихъ въ формѣ рукоятки съ кольцомъ на одномъ концѣ, которое обхватываетъ стержень, и съ металлической на другомъ свободномъ концѣ ячейкой для удерживанія шарика, обращенной отверстіемъ внизъ. Другой изъ приборовъ сдѣланъ двойнымъ такъ что при одномъ кольцѣ, обхватывающемъ стержень, имѣется двойная рукоятка съ двумя ячейками, расположенными на одинаковой высотѣ.



Приборъ для изслѣдованія звуковыхъ впечатлѣній.
a—стержень, по которому скользятъ приборчики съ падающими шариками, *b*—наклонная плоскость паденія съ приспособленіемъ для замыканія тока при паденіи шарика, безъ заглушителя, *c*—другая наклонная плоскость паденія шарика, также безъ заглушителя, *e*— приборчикъ съ однимъ вложеннымъ въ него шарикомъ, *d* — двойной приборчикъ съ двумя вложенными въ него шариками.

Въ эти ячейки вкладывается снизу гладкій деревянный, костяной или металлическій шарикъ, входящій въ ячейку немного болѣе, чѣмъ на половину, и удерживающійся въ своемъ положеніи небольшими выдвигающимися, на подобіе щеколдъ, изъ нижнихъ краевъ ячейки шипиками, упирающимися въ шарикъ подъ его экваторіальной окружностью. Упомянутые шипики могутъ раздвигаться совершенно безшумно при помощи нажатія пуговки, находящейся на верху ячейки, причемъ шарикъ свободно безъ всякаго толчка сверху выпадаетъ, не производя при выходѣ изъ ячейки ни малѣйшаго шороха или шума.

И тотъ, и другой приборъ удерживаются на извѣстной высотѣ стержня,

благодаря двумъ свободнымъ кольцамъ съ зажимами, подводимыми подъ каждое кольцо приборовъ. При этомъ необходимо замѣтить, что благодаря изгибу рукоятки перваго прибора, всѣ три ячейки обоихъ приборовъ могутъ быть расположены на одной горизонтальной плоскости. При иномъ расположеніи приборовъ одна ячейка можетъ находиться выше или ниже двухъ другихъ ячеекъ, принадлежащихъ второму прибору. Съ другой стороны эти обѣ ячейки вмѣстѣ, какъ и первая ячейка, могутъ по желанію свободно вращаться вокругъ оси стержня, такъ какъ кольца ихъ приборовъ свободно лежатъ на кольцахъ съ зажимомъ, предназначенныхъ для удержанія приборовъ на той или другой высотѣ стержня, и лишь въ случаѣ надобности могутъ быть укрѣплены въ опредѣленномъ положеніи помощью особыхъ зажимовъ. Точность и размѣръ поворотовъ рукоятки приборовъ вокругъ общаго стержня всегда легко контролируется, благодаря имѣющимся вертикальнымъ дѣленіямъ на кольцахъ приборовъ и благодаря отмѣткамъ, имѣющимся на самомъ стержнѣ.

Вышеописанныя приспособленія даютъ возможность по желанію выпускать шарики изъ ячейки или всегда съ одной и той-же опредѣленной высоты, или же съ неодинаковой высоты. Въ первомъ случаѣ можно пользоваться однимъ шарикомъ, заставляя его послѣдовательно выпадать изъ одной и той-же неподвижно укрѣпленной ячейки, или же пользуются приборомъ съ двумя ячейками и наставляютъ сначала одну его рукоятку извѣстнымъ образомъ, а затѣмъ, выпустивши изъ нея шарикъ, точно такимъ же образомъ, т.-е. на то же самое мѣсто наставляютъ другую рукоятку, благодаря чему въ оба раза последовательно шарикъ падаетъ по одному и тому же отвѣсу. Если теперь хотятъ выпускать шарики съ различныхъ высотъ, то для этого пользуются обоими приборами, устанавливая ихъ такъ, чтобы ячейка одного изъ нихъ приходилась выше другого. Затѣмъ, выпустивъ шарикъ изъ ячейки одного прибора, поворачиваютъ другой такъ, чтобы его шарикъ въ ячейкѣ выпадалъ по отвѣсу паденія перваго шарика. Само собою разумѣется, что, благодаря различной высотѣ, на которой устанавливаетъ экспериментаторъ оба прибора, сила звука паденія шариковъ можетъ различествовать въ большей или меньшей степени.

Что касается плоскости, на которую долженъ падать шарикъ, то въ нашемъ аппаратѣ для этой цѣли при основаніи прибора по обѣимъ сторонамъ стержня устроены двѣ упомянутыхъ уже выше покатыхъ доски, обращенныхъ своимъ совершенно одинаковымъ наклономъ въ двѣ противоположныя стороны и защищенныхъ съ боковъ высокими краями, обитыми сукномъ, благодаря чему при наружныхъ краяхъ наклонныхъ досокъ получаются какъ бы особые карманы. Одна изъ досокъ снабжена прикрывающейся деревянной пластинкой, одинъ край которой прикрѣпленъ къ доскѣ шарнирами, а другой лежитъ свободно на легко смѣщающихся колесикахъ. Ударъ шарика, съ какой бы высоты онъ ни выпускался, всегда приводитъ къ тому, что эта пластинка вполнѣ прихлопывается къ доскѣ, покрытой сукномъ, предназначеннымъ для ослабленія звука.

Такимъ образомъ эта пластинка, благодаря особо устроенному соотношенію металлическихъ ея частей и такихъ же частей основной доски, съ которой скрѣплена шарнирами, можетъ играть роль или размыкателя, или замыкателя тока, который проводится къ доскѣ и къ пластинкѣ съ помощью проволокъ, идущихъ отъ элемента и укрѣпляемыхъ къ той и другой съ помощью обыкновенныхъ зажимовъ съ металическими столбиками. Съ другой стороны и ячейки съ шариками устроены такимъ образомъ, что въ моментъ выпаденія шарика достигается замыканіе тока, идущаго по проволокамъ, прикрѣпленнымъ къ ячейкѣ и къ особо устроенному металлическому язычку, расположенному при ячейкѣ.

Слѣдуетъ еще упомянуть, что какъ пластинка, лежащая на покатой доскѣ, такъ и покатая доска, расположенная съ другой стороны стержня и не снабженная пластинкой, имѣютъ особыя съемныя покрывала изъ шершавой шерстяной матеріи для заглушенія звука.

Такимъ образомъ абсолютная сила звука въ нашемъ аппаратѣ можетъ измѣняться не только отъ матеріаловъ, изъ которыхъ сдѣланы шарики и отъ высоты, съ которой они падаютъ, но и отъ примѣненія или непримѣненія вышеуказанныхъ заглушителей. Все это вмѣстѣ взятое даетъ возможность въ нашемъ аппаратѣ пользоваться звуками, интенсивность которыхъ колеблется въ весьма широкихъ размѣрахъ, и при случаѣ изслѣдованіе можетъ быть произведено не только съ очень интенсивными, но и съ весьма слабыми звуками. Вмѣстѣ съ этимъ аппаратъ устраняетъ всякій посторонній звукъ, происходящій отъ вторичнаго удара шарика о доску при его отскакиваніи, благодаря тому, что шарикъ при паденіи на наклонную плоскость отскакиваетъ всегда въ карманъ, расположенный при наружномъ краѣ доски и огражденный обитыми сукномъ стѣнками. Послѣдній при опытахъ для полнаго заглушенія звука наполняется еще ватой, въ которую и попадаетъ отскакивающій шарикъ, не производя своимъ вторичнымъ паденіемъ ни малѣйшаго звука.

Вышеописанный приборъ даетъ возможность работать надъ звуковымъ воспріятіемъ различной интенсивности, а равно и надъ скоростью звукового воспріятія, и вмѣстѣ съ тѣмъ онъ можетъ служить также и для повѣрки Гипповскаго хроноскопа.

Для послѣдней цѣли нашимъ аппаратомъ пользуются такимъ образомъ, что въ цѣпь тока, проходящаго черезъ Гипповскій хроноскопъ, вводятъ ячейку съ шарикомъ и пластинку съ шарнирами, на которую падаетъ шарикъ, причемъ при выпаденіи шарика изъ ячейки токъ замыкается, а при ударѣ о пластинку съ шарнирами токъ размыкается. Если шарикъ берется всегда одинъ и тотъ же и выпускается всегда съ одной и той же высоты, то промежутокъ времени между замыканіемъ и размыканіемъ тока представляется всегда одинаковымъ, чѣмъ и можно пользоваться для провѣрки Гипповскаго хроноскопа на подобіе контрольнаго молотка, стоющаго, какъ извѣстно, довольно дорого. Изъ вышеизложеннаго очевидно, что нашъ аппаратъ можетъ замѣнять собою:

1) Описанный Вундтомъ въ его «Основаніяхъ физіологической психологіи» приборъ для изслѣдованія слуховыхъ воспріятій съ маятникообразнымъ движеніемъ шариковъ, производящихъ удары объ основаніе столбика, къ вершинѣ котораго прикрѣплены стержни съ шариками на ихъ концахъ.

2) Падающій аппаратъ Вундта, примѣняемый при пользованіи Гипповскимъ хроноскопомъ и

3) Контрольный молотокъ для провѣрки послѣдняго.

Передъ всѣми этими аппаратами вышеописанный аппаратъ имѣетъ несомнѣнныя преимущества. Такъ, передъ первымъ аппаратомъ преимущество нашего аппарата заключается въ томъ, что, такъ какъ въ немъ одинъ и тотъ же шарикъ мы можемъ выпускать всегда съ одной и той же высоты и на одну и ту же часть доски, то звукъ всегда получается и одинаковой силы, и одинаковаго тембра, чего, какъ показалъ нашъ опытъ, нельзя достичь въ упомянутомъ аппаратѣ, описанномъ въ книгѣ Вундта.

Передъ вторымъ аппаратомъ нашъ имѣетъ то преимущество, что въ немъ шарикъ выпадаетъ безшумно и при ударѣ о дощечку не производитъ вторичныхъ ударовъ, вслѣдствіе отскакиванія; кромѣ того сила удара о дощечку благодаря заглушителямъ, можетъ быть доведена до возможнаго minimum'а, чего нельзя достичь въ падающемъ приборѣ Вундта, въ которомъ обыкновенно требуется значительное давленіе для прихлопыванія пластинки, лежащей на доскѣ. Далѣе въ послѣднемъ аппаратѣ выпаденіе шарика достигается съ помощью раздвиганія вилки, а это раздвиганіе кромѣ посторонняго звука приводитъ къ тому, что шарикъ часто падаетъ не по отвѣсу, а смѣщается при паденіи въ сторону, ударяясь о тотъ или другой край доски, благодаря чему и звукъ отъ паденія шарика, получающійся при послѣдовательно производимыхъ опытахъ, бываетъ не вполнѣ одинаковымъ по своей интенсивности.

Наконецъ, предъ контрольнымъ молоткомъ нашъ аппаратъ, не уступая ему въ точности, имѣетъ преимущество въ своей относительной дешевизнѣ, такъ какъ первоначальное его изготовленіе мастеромъ при В. М. Академіи Пантелеевымъ обошлось всего въ 45 рублей.

II. Рецензіи и рефераты.

1. Психологія.

I. Гобчанскій. Опытная психологія въ двухъ частяхъ. Второе изданіе, исправленное и дополненное. Спб., 1901 [1]).

Опытная психологія Гобчанскаго, принятая въ духовныхъ семинаріяхъ въ качествѣ учебнаго пособія по психологіи, имѣетъ свои достоинства и недостатки. Главнѣйшіе недостатки суть слѣдующіе:

1) Авторъ старался выполнить въ своей книгѣ семинарскую программу. Но семинарская программа психологіи не выдержана по формѣ и устарѣла по содержанію. Гобчанскій, видимо, сознавалъ это. Форму онъ измѣнилъ. Всѣ мѣста программы, въ которыхъ даются конспективные отвѣты, онъ выкинулъ и оставилъ въ заголовкахъ параграфовъ своей книги лишь одни вопросы. Онъ сдѣлалъ поправки также въ содержаніи программы. Нѣкоторые изъ вопросовъ неправильныхъ, неумѣстныхъ или излишнихъ онъ пропустилъ. Другіе вопросы формулировалъ болѣе точно. Третьи вопросы переставилъ на болѣе соотвѣтствующія имъ мѣста. Все это должно быть поставлено въ заслугу автору. Но довести до конца далеко не легкое дѣло исправленія программы и согласованія ея общаго духа и плана съ современнымъ состояніемъ науки и своими собственными воззрѣніями ему не удалось.

Онъ не принялъ во вниманіе, что вторая часть программы имѣетъ прикладное значеніе. Вопросы, которые въ ней содержатся, не имѣютъ прямого отношенія къ психологіи и наукою опредѣленно не разрѣшены. Поэтому отвѣчать на нихъ нужно было кратко, предлагая читателю книги лишь то, что наиболѣе принято или поддерживается авторитетными представителями науки. Вмѣсто этого Гобчанскій въ своихъ отвѣтахъ сообщаетъ такія детали, изъ которыхъ—одни не связаны одною общею мыслью (о возрастахъ), другія не согласны между собою (о темпераментахъ), иныя не имѣютъ никакого отно-

[1]) Второе изданіе опытной психологіи Гобчанскаго съ внѣшней стороны лучше перваго. Оно отпечатано болѣе отчетливымъ шрифтомъ. Красныя строки распредѣлены въ немъ болѣе цѣлесообразно. Опечатокъ встрѣчается меньше.

По объему второе изданіе больше перваго на 15 (съ небольшимъ) страницъ. Около 10 страницъ перваго изданія выкинуто; около 4 страницъ перенесено во второе изданіе въ исправленномъ видѣ; около 15 страницъ текста и $5^1/_2$ страницъ примѣчаній написано вновь. Исправленія и дополненія проходятъ по всей книгѣ, при чемъ наиболѣе сокращенною является во второмъ изданіи, сравнительно съ первымъ—вторая часть, а наибольшее количество исправленій и дополненій текста приходится на отдѣлы: способность ощущенія, способность мышленія и способность желаній, и примѣчаній на отдѣлы: способность ощущенія, способность желаній и на вторую часть. Въ общемъ содержаніе второго изданія улучшилось.

шенія къ психологіи (симптомы и послѣдствія душевныхъ болѣзней) или являются сомнительными. Можно было сдѣлать прямое отступленіе отъ програмы въ первой части, оставивъ безъ отвѣта вопросы объ отношеніи опытной психологіи къ антропологіи и психологіи раціональной. Вопросы эти въ настоящее время потеряли свое прежнее значеніе. Кромѣ того, не видно, чтобы авторъ имѣлъ отчетливое понятіе о раціональной психологіи и антропологіи (2—3 стр.).

Съ другой стороны, Гобчанскому не слѣдовало вносить въ свою книгу такія мысли програмы, которыя не мирятся съ проводимыми имъ взглядами. Такъ, на страницѣ 83 онъ говоритъ объ ощущеніи, какъ первоначальной и низшей формѣ душевной жизни, хотя чувствуетъ, что это не вѣрно и потому ограничиваетъ высказанную мысль, добавляя: «или, что вѣроятнѣе, одну изъ такихъ формъ», и затѣмъ въ примѣчаніи поясняетъ: «простыя душевныя волненія, а особенно инстинкты столь же первоначальные и непроизводные факты, какъ и ощущенія [1]).

На стр. 79—83 (ср. 209 и 10 стр.) говоритъ объ иллюзіяхъ и галлюцинаціяхъ, какъ ненормальной, патологической дѣятельности способности ощущенія, хотя изъ его разъясненій слѣдуетъ, что иллюзіи не представляютъ собою ничего патологическаго (80 стр.), а галлюцинаціи являются продуктомъ разстроеннаго воображенія (103 стр.). На стр. 85 опредѣляетъ фантазію, какъ высшую степень воображенія, хотя, по его словамъ, фантазіею обладаютъ и фантазеры, дѣти и дикари (105 стр.). Въ § 60 излагаетъ логическое ученіе о законахъ мышленія и въ §§ 98—100 этическое ученіе о нравственномъ законѣ, хотя на стр. 1-й заявляетъ, что «психологія—наука реальная, а не нормативная». На стран. 158—159 дѣлитъ нравственныя чувствованія на волненія—въ отношеніи къ самому себѣ, въ отношеніи къ другимъ людямъ и въ отношеніи къ Богу; но это дѣленіе не мирится съ его объясненіемъ чувствованій изъ прирожденныхъ стремленій (138—139 стр.) и съ принятымъ у него дѣленіемъ прирожденныхъ стремленій (§§ 90—94). Въ § 94, говоря о духовныхъ инстинктивныхъ стремленіяхъ, онъ забываетъ о религіозномъ стремленіи, хотя это стремленіе, по смыслу его ученія, должно быть признано основнымъ, обнимающимъ собою всѣ другія духовныя стремленія (129 стр.).

Программа послужила поводомъ также къ тому, что—вопреки установившейся въ психологіи терминологіи—Гобчанскій въ своей книгѣ называетъ на стран. 62-й тэмбръ, или характеръ звука качествомъ и на стр. 92-й законъ контраста—закономъ различія. Съ другой стороны, противъ правилъ дидактики, говоритъ на стр. 107-й о значеніи воображенія для мышленія, не давъ предварительно понятія о мышленіи, и на стр. 117—118 о зависимости разсудка отъ разума, предлагая читателю книги забѣжать впередъ и прочесть §§ 68 и 65.

2) Наука психологія сравнительно мало разработана, а современные курсы психологіи страдаютъ синкретизмомъ, такъ что разобраться въ нихъ очень трудно. Между тѣмъ авторъ разсматриваемой книги—воспитанникъ средней школы, психологъ-самоучка. Средства, которыми онъ располагалъ для выработки научныхъ психологическихъ понятій, были у него ограничены. Онъ не зналъ иностранныхъ языковъ. У него не было основательной философской и естественно-научной подготовки. Многія цѣнныя психологическія сочиненія,

[1]) Другой примѣръ такой же раздвоенности мысли находится на 5 страницѣ.

не переведенныя на русскій языкъ, остались поэтому неизвѣстными ему. И въ русскихъ книгахъ, которыя онъ читалъ, не все онъ могъ понять и оцѣнить надлежащимъ образомъ. Отсюда въ его книгѣ—если предъявлять къ ней строгія требованія—объясняются спутанность, неопредѣленность и неточность нѣкоторыхъ понятій, темнота и неправильность многихъ выраженій. Несовершенство языка происходило также вслѣдствіе того, что авторъ не вполнѣ свободно владѣлъ литературною русскою рѣчью и безъ достаточной осмотрительности вводилъ иногда въ свою книгу буквальныя выдержки изъ чужихъ книгъ, принадлежащихъ представителямъ одностороннихъ направленій.

Наибольшею спутанностью въ книгѣ Гобчанскаго отличается наименѣе удовлетворительное въ современной психологіи ученіе о сознаніи. Авторъ не уяснилъ себѣ различія между душевными состояніями, какъ предметами созерцанія, и сравнивающею дѣятельностью мысли, обращенною на эти предметы. Первымъ послѣдствіемъ этого смѣшенія было соединеніе двухъ совершенно различныхъ взглядовъ на природу сознанія. Сознаніе является у него, съ одной стороны, общимъ свойствомъ душевной жизни, такъ что никакого сознанія, отличнаго отъ душевныхъ явленій нѣтъ и не можетъ быть, съ другой, сознаніе разсматривается какъ отдѣльный отъ душевнаго содержанія, отъ душевныхъ явленій реальный процессъ сравненія—различенія. Смѣшеніе это отразилось, далѣе, на ученіи о вниманіи. Вниманіе, по словамъ автора, служитъ условіемъ не только ясности, но и силы сознанія (29 стр.). Но если по отношенію къ предметамъ созерцанія справедливо первое, то противъ втораго говоритъ общеизвѣстный фактъ, что сосредоточеніе вниманія на душевныхъ волненіяхъ сопровождается ослабленіемъ ихъ силы. По той же, наконецъ, причинѣ стоитъ особнякомъ и не имѣетъ полной опредѣленности высказанная авторомъ, совершенно вѣрная мысль, что основу душевной жизни составляетъ единый субъектъ, объединяющій въ себѣ все содержаніе душевной жизни. (32 стр.). Если бы авторъ поглубже вникнулъ въ значеніе сравнивающей дѣятельности мысли, то онъ увидѣлъ бы, что расчлененіе, уясненіе и объединеніе душевнаго содержанія производится этою дѣятельностью. Тогда изъ его разсужденій нельзя было бы сдѣлать вывода, будто въ душевной жизни возможно сосуществованіе (8, 77, 90, 91 стр.), и онъ не утверждалъ бы, что механическіе законы ассоціаціи суть основные законы душевной жизни (6; ср. 110, 91 стр.), и что отношеніе между усиленіемъ раздраженій и ощущеній опредѣляется извѣстною математическою формулою Фехнера, по которой ощущенія усиливаются въ ариѳметической прогрессіи, въ то время какъ сила раздраженій возрастаетъ въ геометрической прогрессіи (50 стр.). Спутанность понятій замѣчается также: а) въ ученіи о законахъ мышленія (115—117 стр.) и нравственномъ законѣ (§§ 98—100), гдѣ авторъ, говоря о законѣ, сбивается съ нормативной точки зрѣнія на естественную и на оборотъ; б) въ ученіи объ эстетическихъ чувствованіяхъ, которыя авторъ не ограничиваетъ строго отъ физическихъ чувствованій (64—65 стр.); в) въ ученіи объ инстинктахъ и привычкахъ, въ которыхъ авторъ не проводитъ ясной границы между стремленіями и дѣйствіями (180, 204—207; ср. 27 стр.); г) въ ученіи о воспоминаніи, которое отожествляется съ воспроизведеніемъ (89 стр.), хотя у автора были всѣ основанія отдѣлить одно отъ другого (ср. 89 съ 114—115 стр.).

Неопредѣленность сказывается въ ученіи о методахъ психологіи (3—7 стр.). Авторъ говоритъ объ индукціи, дедукціи, экспериментѣ, анализѣ, синтезѣ. Но въ чемъ состоятъ эти методы и какое отношеніе между ними существуетъ,

для автора осталось не вполнѣ яснымъ, почему и разсужденія его о разработкѣ науки психологіи при помощи этихъ методовъ являются мало понятными. Можно было бы также пожелать большей опредѣленности въ разсужденіяхъ автора о разумѣ и творчествѣ (127, 128, 130, 106, 134, 154, 156—157 стр.), о свободѣ воли (194 стр.), о мнемоникѣ (99—100 стр.), о строеніи нервной системы (41 стр.) и органовъ высшихъ чувствъ (57, 61 стр.).

Неточность проявляется въ томъ, что нѣкоторыя положенія гипотетическія, спорныя или неправильно формулированныя выдаются за истинныя. Таково, прежде всего, чисто эмпирическое объясненіе происхожденія пространственныхъ воспріятій. Авторъ утверждаетъ, что ощущенія суть не созерцанія цвѣтовъ, звуковъ и пр., а субъективныя «наши личныя» состоянія (45 стр.) и затѣмъ пытается показать, какимъ образомъ эти состоянія дѣлаются воспріятіями находящихся внѣ насъ матеріальныхъ предметовъ (77 — 79, ср. 47 стр.). Попытка — совершенно безплодная, особенно — при тѣхъ научныхъ средствахъ, которыми располагалъ авторъ. Было бы гораздо цѣлесообразнѣе не затрогивать вопроса о переходѣ субъективныхъ состояній въ предметы созерцанія, а принять созерцаніе цвѣтовъ, звуковъ, твердости и пр. за фактъ и разъяснить, какимъ образомъ эти созерцанія, сначала мало опредѣленныя, превращаются потомъ въ созерцанія тѣлъ, занимающихъ опредѣленное по отношенію къ намъ и къ другимъ тѣламъ положеніе. Тогда его разсужденія объ образованіи пространственныхъ воспріятій могли бы получить вполнѣ опредѣленный смыслъ. Неточными являются также положенія: слуховой нервъ оканчивается въ преддверіи съ его каналами (61 стр.): сна требуютъ больше всего чувствительные и двигательные нервы вслѣдствіе большой траты кислорода (248 стр.); ритмъ есть правильное чередованіе отдѣльныхъ консонансовъ и ихъ группъ, мелодія-чередованіе высокихъ и низкихъ тоновъ (156 стр.); запоминаніе и воспроизведеніе не возможно безъ словъ (125 стр.); связь между душевными явленіями и мимическими движеніями неизмѣнна (120 стр.); физическія чувствованія всегда вызываются ощущеніями (142 стр.); аффекты вызываются воспріятіями и представленіями очень важными или неожиданными (171 стр.); пріятныя чувствованія вызываются всегда тѣмъ, что полезно для хода жизни и дѣятельности человѣка по крайней мѣрѣ, въ первый моментъ воздѣйствія (140 стр.); душа имѣетъ потребность сна, чтобы уравнять центробѣжное и центростремительное направленіе своей дѣятельности. (См. также стр. 8, 13, 16, 17, 19, 25, 26, 36, 39, 43, 44, 46, 47, 48, 48— прим. 1, 51, 62, 63, 65, 73 (цитатъ изъ Гефдинга), 75, 84, 90, 91, 94, 95, 101, 109, 137, 138, 139, 141, 183, 200, 217, 226, 249, 250, 264).

Примѣромъ неправильныхъ въ литературномъ отношеніи или неупотребительныхъ словъ и выраженій могутъ служить: съужимость частей (228 стр.); были ощущены (28 стр.); причина и слѣдствіе явленій (133 стр); если одновременно прижать всѣ клавиши фортепьяно (62 стр); зависимость душевной жизни изъ мозга (14 стр.). См. также стр. 12, 50, 67, 70 (прим 1), 75, 108, 118, 121, 132, 133, 137, 145, 154, 179, 264).

3) Находясь часто въ зависимости отъ пособій не только по мыслямъ, но и по выраженіямъ, авторъ употребляетъ непонятныя для воспитанниковъ средней школы иностранныя слова и термины безъ объясненія ихъ смысла или безъ перевода на русскій языкъ. Таковы-перцепція (84, ср. 45 стр.), репродукція (93, 95 стр.), латинскія буквы для обозначенія музыкальныхъ тоновъ (63—64 стр.), названіе интерваловъ (64 стр.), числовой алфавитъ

(100 стр.), лицевой уголъ (227 стр.), агглютинирующій (228 стр.), флектирующій (230 стр.), прогнатизмъ (229 стр.), параноикъ (256 стр.), психозъ (261 стр.).

Вмѣстѣ съ недостатками, опытная психологія Гобчанскаго обладаетъ и безспорными достоинствами.

Направленіе книги отличается серіознымъ характеромъ. Авторъ ея убѣжденъ въ бытіи личной, субстанціальной основы душевной жизни и старается, по мѣрѣ своихъ силъ, проводить взгляды, согласные съ этою истиною. Его не увлекаютъ ни матеріалистическіе взгляды, ни феноменалистическія теоріи, когда они проводятся прямо и неприкровенно. Объясненіе душевной жизни онъ ищетъ въ личности и присущихъ ей способностяхъ и стремленіяхъ.

Составлена книга на основаніи новѣйшихъ, хотя и на русскомъ только языкѣ, пособій, почему содержаніе ея отличается, сравнительно съ другими семинарскими руководствами по психологіи, свѣжестью матеріала. Выбранъ матеріалъ довольно искусно и, на сколько у автора хватило умѣнья, приведенъ къ единству. Читается поэтому книга съ интересомъ.

Особенное достоинство книги составляетъ искренность тона, въ какомъ она написана. Видно, что авторъ былъ психологомъ по призванію. Онъ взялся за составленіе книги не по заказу и не столько по внѣшнимъ побужденіямъ (если дозволительно предполагать ихъ), сколько потому, что интересовался психологическими вопросами. Даже въ темныхъ и неопредѣленныхъ мѣстахъ книги обнаруживается стремленіе автора понять предметъ, объяснить извѣстные ему факты, узнать истину.

Изложена книга въ большинствѣ случаевъ языкомъ простымъ и удобопонятнымъ. Общія положенія не рѣдко поясняются на конкретныхъ примѣрахъ и подтверждаются фактами.

Изъ существующихъ руководствъ и пособій опытная психологія Гобчанскаго является наиболѣе приспособленною къ семинарской программѣ психологіи.

В. Серебрениковъ.

Жоржъ Фонсегривъ. Элементы психологіи. Переводъ подъ редакціей П. П. Соколова. Второе изданіе, 1903.

Существующіе въ настоящее время учебники по психологіи на русскомъ языкѣ двоякаго рода: одни, несмотря на несомнѣнныя достоинства, неудобны для начинающихъ, вслѣдствіе трудности усвоенія, какъ-то: руководства Гефдинга, Джемса, «Очеркъ психологіи» Вундта и др.; другіе, преслѣдующіе цѣли популяризаціи, отличаются многими уже отмѣченными въ свое время недостатками, какъ-то: учебники Дж. Лэдда, Эльзенганса и др. Вышеозначенное руководство Ж. Фонсегрива—внѣ этихъ недостатковъ: оно вполнѣ доступно начинающимъ и въ то же время вполнѣ соотвѣтствуетъ требованіямъ современной научной психологіи, такъ какъ всѣ наиболѣе замѣтныя колебанія мысли въ современной психологіи приняты авторомъ во вниманіе и отмѣчены въ достаточной мѣрѣ и полнотѣ, такъ что «Элементы психологіи» съ полнымъ правомъ могутъ быть названы самымъ лучшимъ популярно научнымъ руководствомъ по психологіи. Помимо строгой систематичности плана, котораго придерживался авторъ при составленіи руководства, нужно отмѣтить слѣдующія весьма цѣнныя достоинства книги: при каждой главѣ приложено краткое резюме, передающее кон-

спективно всѣ существенныя идеи основного текста. Кромѣ того, при каждой же главѣ приложенъ, соотвѣтственно содержанію послѣдней, подробный и прекрасно составленный литературный указатель сочиненій по психологіи иностранныхъ и русскихъ авторовъ (дополненный редакціей).

Есть, конечно, въ книгѣ мѣста, съ которыми не всякій можетъ согласиться. Напримѣръ, по вопросу о психологіи животныхъ авторъ становится исключительно на точку зрѣнія сенсуализма, полагая, что всѣ психическіе процессы животныхъ являются лишь въ формѣ смутныхъ состояній и неопредѣленныхъ стремленій. Этотъ взглядъ еще не пріобрѣлъ правъ всеобщаго научнаго признанія; наоборотъ, новѣйшія экспериментальныя работы по психологіи животныхъ (Schmidt'a, Hachet-Soupplet, Artault'a и др.) стремятся доказать наличность существованія интеллектуальной дѣятельности у животныхъ.

Однако, этотъ недочетъ почти нисколько не лишаетъ достоинствъ этого прекраснаго учебника. Если бы намъ позволительно было откровенно выразить свое мнѣніе, то мы сказали бы, что «Элементы психологіи» Ж. Фонсегрива могли бы оказать большую услугу не только учащейся молодежи и читающей публикѣ, но и тѣмъ, конечно, немногимъ врачамъ-психологамъ, которые игнорируютъ совершенно изученіе психологіи нормальнаго человѣка и наблюдаютъ проявленія больного человѣческаго духа, по способу *Weigert'а* и *Pahl'я*. *Ю. Португаловъ.*

И. И. Янжулъ. Между дѣломъ. Очерки по вопросамъ народнаго образованія, экономической политики и общественной жизни. Спб., 1904.

Эта книга представляетъ собой сборникъ нѣкоторыхъ статей, написанныхъ авторомъ за послѣднія семь лѣтъ и имѣющихъ, по словамъ автора, «длительный и общій интересъ». Въ сборникѣ преобладаютъ статьи по экономическимъ и общественнымъ вопросамъ, но три изъ нихъ посвящены вопросамъ педагогической психологіи и въ виду этого не лишены интереса для читателей нашего журнала. Это статьи—«Бережливыя, дѣти» «Оцѣнка добрыхъ и дурныхъ учительскихъ вліяній» и «Изъ психологіи дѣтей». Всѣ три представляютъ собой изложеніе результатовъ изслѣдованій, произведенныхъ въ американскихъ школахъ. Въ статьѣ «Бережливыя дѣти» излагаются работы профессора Монро въ Вестфильдѣ въ штатѣ Массачузетсъ и преподавательницы Станфордскаго университета, Анны Келеръ. Изслѣдованія касаются отношенія дѣтей школьнаго возраста (отъ 6—16 лѣтъ) къ деньгамъ, способамъ расходованія ихъ и къ вопросамъ экономіи. Изслѣдованія велись по методу опроса. Вторая статья—«Оцѣнка добрыхъ и дурныхъ учительскихъ вліяній» является пересказомъ работы профессора Санфордъ Белля въ Clark University въ Массачузетсѣ. Эта работа производилась, какъ и первыя двѣ, при помощи опросовъ, съ тою разницей, что матеріаломъ изслѣдованія являлись не дѣти, а взрослые, которые давали отвѣты по воспоминаніямъ о своихъ школьныхъ дняхъ. Наконецъ, третья изъ упомянутыхъ статей—«Изъ психологіи дѣтей», представляетъ собой изложеніе трехъ работъ американскихъ учительницъ Эстеллы Дарра и Маргариты Шолленбергеръ, касающихся развитія у дѣтей школьнаго возраста чувства законности и правовыхъ понятій. Результаты этихъ работъ, полученные посредствомъ того же *анкетнаго* метода, были опубликованы въ журналахъ «Studies in Education» 1897—97 г. и «Pedagogical Seminary, Stanley Hall», 1894 г. подъ заглавіями: «Childrens Attitude Toward Law» и «Study in Childrens Rights as seen by themselves». *О. Н.*

Т. Флурнуа. Принципы психологіи религіи. Th. Flournoy. Les principes de la psychologie religieuse. (Archives de Psychologie, т. II, № 5. 1902).

Въ лицѣ Мензиса и Летурно мы имѣемъ представителей исторіи религій; проф. Гаральдъ Гефдингъ выпустилъ недавно полный глубокаго интереса трудъ: «Философія религій». Авторъ настоящей работы Th. Flournoy—извѣстный профессоръ психологіи въ Женевѣ, работаетъ надъ *психологіей* религіи. Кромѣ реферируемой работы ему принадлежитъ обстоятельная статья, появившаяся въ 1903 году: «Observations de psychologie religieuse», содержаніе которой мы представимъ въ ближайшемъ будущемъ. Такимъ образомъ, наконецъ, изученіе религіи становится на строго научную психологическую почву (что, конечно, отнюдь не отнимаетъ автономіи религіи, какъ самой себѣ довлѣющей психической области, а также не включаетъ ея въ тѣсныя рамки позитивизма). Принципъ, который выставляетъ современная психологія религіи, это—исключеніе трансценденціи: психологія религіи оставляетъ въ сторонѣ вопросъ объ объективной реальности религіи и стремится лишь къ изученію психологическихъ основъ религіозной жизни. При этомъ, для нея являются характерными слѣдующія черты: во 1-хъ, психологія религіи наука *физіологическая*, ибо она постоянно стремится къ изученію органическихъ условій религіозныхъ ученій (какъ-то: раса, возрастъ, полъ, темпераментъ, здоровье, болѣзнь и т. п.); во 2-хъ, это наука *генетическая* или *эволюціонная*, такъ какъ она разсматриваетъ религіозную жизнь въ зависимости отъ всѣхъ внѣшнихъ и внутреннихъ факторовъ, вліяющихъ на развитіе послѣдней; въ 3-хъ, она является наукой *сравнительной*, такъ какъ изучаетъ различные типы религіознаго воспріятія и комбинаціи ихъ въ различныя сложныя формы (вопреки теологіи, придерживающейся принципа единообразія религіознаго міровоззрѣнія). Наконецъ, психологія религіи есть наука *динамическая*, такъ какъ она разсматриваетъ религіозное чувство не только какъ данное разъ навсегда, неподвижное и стойкое, но какъ процессъ весьма сложный и зависящій отъ различныхъ условій. Въ итогѣ, на религію надо смотрѣть, какъ на «жизненную функцію». Исключеніе трансценденціи и біологическое толкованіе ея—таковы капитальные принципы психологіи религіи.

Ю. Португаловъ.

А. Дерингъ. О нравственномъ воспитаніи и преподаваніи морали. A. Döring Ueber sittliche Erziehung und Moralunterricht—Zeitschrift für Pädagogische Psychologie, Pathologie und Hygiene, 1903, Heft 1—2.

Въ видѣ вступленія авторъ говоритъ о существующеуй же 20 л. во Франціи реорганизованной народной школѣ, причемъ подчеркиваетъ, какъ характерныя ея черты, всеобщее обязательное обученіе и исключеніе преподаванія религіи—вмѣсто нея преподаваніе морали. Нѣкоторые недостатки этого преподаванія (напр. отсутствіе опредѣленной системы и метода) приводятъ автора къ ближайшей цѣли статьи.

Моральное обученіе должно имѣть двѣ ступени—1) подготовительное, наглядное обученіе для дѣтей въ возрастѣ съ 11—12 лѣтъ и 2) систематическое изученіе морали въ возрастѣ 13—14 лѣтъ. Болѣе подробно авторъ останавливается на второй ступени. Въ преподаваніи морали онъ различаетъ двѣ части: 1) содержаніе моральныхъ предписаній и 2) вопросъ о санкціи.

Исходя изъ формулы Шопенгауэра, авторъ отмѣчаетъ, какъ предметы нравственныхъ запрещеній и веленій справедливость, дѣятельную любовь и пр.

Интереснѣе отдѣлъ о санкціи, вопросъ, почему моральныя предписанія обязательны? Обоснованіе этого пункта должно корениться въ *интеллектуальной* сферѣ, такъ какъ дѣло идетъ объ *обученіи*, а проповѣдь или увѣщанія не находятъ *убѣжденія*. Совѣсть не является базисомъ, на которомъ можно было бы строить зданіе морали, такъ какъ она не является спеціальнымъ органомъ моральной истины, а представляетъ изъ себя комплексъ различныхъ чувствъ, инстинктовъ, привычекъ и т. д., различныхъ у разныхъ лицъ и народовъ. Послѣ нѣкоторыхъ справокъ съ мнѣніями Сократа и Фридриха Великаго (стр. 12), авторъ приходитъ къ выводу, что санкціи надо искать въ соображеніяхъ собственной выгоды (man muss daher dem Menschen das sittliche als seinen wahren Vorteil zeigen), показывая, что правильно понятый эгоизмъ (Selbstliebe) приводитъ къ тому, что называютъ добромъ. Отсюда можно доказать необходимость солидарности, состраданія и житейской мудрости и вообще (Lebensklugheit).

Въ концѣ статьи авторъ переходитъ къ практическому примѣненію изложенныхъ взглядовъ.

При наглядномъ, какъ выражается авторъ, обученіи морали (первая ступень) полезны примѣры изъ жизни, разсказы, причемъ сказки авторъ исключаетъ изъ числа пригодныхъ вспомогательныхъ средствъ, такъ какъ они удаляютъ ребенка изъ сферы дѣйствительной жизни (авторъ не отрицаетъ за ними воспитательнаго значенія, но въ другомъ смыслѣ, въ эстетическомъ). Басни авторъ тоже исключаетъ, высказывая мнѣніе, что онѣ проповѣдуютъ «плоскую полезность». Рядомъ съ моральнымъ обученіемъ необходимо должно идти вкорененіе извѣстныхъ нравственныхъ привычекъ; такимъ образомъ рядомъ съ школой должна выступить семья. Указавъ на рѣдкость случаевъ правильнаго и разумнаго воспитанія въ семьѣ, Д. излагаетъ нѣкоторые принципы, которые должны быть положены въ основаніе семейнаго воспитанія.

А. Ельчаниновъ.

Фр. Чада. О педагогическомъ значеніи дѣтскихъ рисунковъ. Paedagogicky vyznam kreseb détskych. (Revidovany o tisk z «Paedagogickych Rozhledu»). V. Praze. 1903.

Небольшая книжка проф. Чады (45 стр.) о «Педагогическомъ значеніи дѣтскихъ рисунковъ» представляетъ оттискъ изъ хорошо ведущагося чешскаго журнала «Педагогическое обозрѣніе». Эта статья отчасти основана на оригинальныхъ изслѣдованіяхъ и собраніяхъ рисунковъ, сдѣланныхъ чешскими педагогами, но въ гораздо большей степени она заключаетъ въ себѣ резюме изъ трудовъ иностранныхъ изслѣдователей (англійскихъ, американскихъ, итальянскихъ, французскихъ и нѣмецкихъ); это резюме сдѣлано умѣлою рукою спеціалиста и даетъ читателю много интересныхъ и цѣнныхъ указаній. Главная цѣль автора—побудить педагоговъ его родины къ собиранію дѣтскихъ рисунковъ и дать необходимыя для того указанія. Не всякое собраніе дѣтскихъ рисунковъ можетъ быть цѣнно для изслѣдователя (педопсихолога). Дѣтскіе рисунки должны сопровождаться рядомъ данныхъ, объясняющихъ ихъ происхожденіе, значеніе не только всего рисунка, но иногда и каждой отдѣльной черточки, возрастъ, полъ ребенка и пр. Иначе мы легко можемъ вложить въ рисунокъ болѣе того, что имѣлъ въ виду дать ребенокъ, или же истолковать его ошибочно. Техническая сторона рисунка не имѣетъ значенія для изслѣдо-

вателя; для него наиболѣе важны самопроизвольные рисунки ребенка, какъ отраженіе его способа мышленія и пониманія окружающихъ явленій.

Любовь дѣтей къ рисованію и къ картинкамъ общеизвѣстна и давно эксплуатируется издателями дѣтскихъ книгъ; но лишь въ послѣднее время (да и то — прибавимъ отъ себя — лишь на Западѣ) такія иллюстраціи начинають удовлетворять дидактическимъ цѣлямъ, стремясь прежде всего къ *выразительной простотѣ*, составляющей наиболѣе замѣтную для всякаго особенность рисунковъ самихъ дѣтей. Ребенокъ не только не въ состояніи самъ создать или воспроизвести сложный рисунокъ, но и не чувствуетъ потребности взрослаго человѣка, чтобы рисунокъ давалъ ему возможно полную иллюзію какого-нибудь предмета. Художники-педагоги въ своихъ методахъ обученія рисованію стараются (особснно въ послѣднее время) удовлетворить стремленіямъ ребенка—рисовать любимые его предметы простыми и легкими линіями. Дѣтскій рисунокъ — другъ дѣтской рѣчи или, если угодно, другъ письма, и бываетъ столь же несовершеннымъ, какъ рѣчь и письмо, ребенка. Подобно слову, дѣтскій рисунокъ, выражая извѣстное понятіе, имѣетъ свое содержаніе и объемъ. Въ дѣтскихъ словахъ и рисункахъ содержаніе обыкновенно бѣдно, поэтому великъ объемъ; дѣтскіе рисунки — это схемы для весьма различныхъ людей и предметовъ. Одинъ и тотъ же рисунокъ изображаетъ у ребенка и отца его, и «дядю», а нерѣдко и женщину. Съ возрастомъ схемы все болѣе и болѣе индивидуализируются, но слѣды первоначальной стадіи развитія остаются еще долгое время; напр., образуется извѣстный пріемъ рисовать такъ, а не иначе, тотъ или иной предметъ (непремѣнно въ профиль или en face и т. п.).

Чаще всего дѣти рисуютъ людей, затѣмъ звѣрей, много рѣже прочіе предметы; и это не случайность. Вниманіе ребенка привлекаютъ прежде всего живыя существа, затѣмъ все, что движется, а изъ неживыхъ предметовъ — лишь наиболѣе близкіе къ нему: игрушки, посуда и пр. Расширяется кругозоръ ребенка—и рисунки становятся разнообразнѣе. Вкусы ребенка, внимательность и разсѣянность, шаблонность и творчество и пр. — все это можно прочитать изъ дѣтскихъ рисунковъ. Весьма важно было бы узнать, схватываетъ ли ребенокъ цѣльные образы предметовъ или частности и какія именно; изслѣдователи расходятся въ отвѣтахъ на этотъ вопросъ. Возможно, что это зависитъ отъ индивидуальности ребенка. Еще интереснѣе рѣшить, въ какой степени на рисункахъ дѣтей отражается несовершенство ихъ представленій. Опыты показываютъ, что если предложить дѣтямъ нарисовать слона (котораго они видѣли хоть на картинкѣ) въ началѣ урока, затѣмъ разсказать имъ о слонѣ, сдѣлать описаніе всѣхъ частей его тѣла и вторично задать ту же задачу, то въ рисункахъ замѣчается явное улучшеніе. Несомнѣнно, что ребенокъ не допуститъ въ своемъ рисункѣ такихъ неправильностей, которыя для него самого очевидны. Совершенство рисунка есть доказательство точности наблюденія или правильности представленія, несовершенство же рисунка доказываетъ лишь «возможность» пробѣла въ дѣтскихъ представленіяхъ. Обыкновенно люди имѣютъ крайне неточныя представленія объ окружающихъ предметахъ; они не умѣютъ наблюдать. О многихъ вещахъ, находящихся вблизи насъ, мы и не подозрѣваемъ, пока не узнаемъ о нихъ изъ книгъ или отъ другихъ людей. Въ современной жизни много условій, угрожающихъ нашему зрѣнію, и рисованіе должно стать школою нашего зрѣнія, подобно тому какъ гимнастика стала школою нашихъ движеній.

Рисунокъ можетъ служить надежнымъ средствомъ—узнать точность или неточность нашихъ наблюденій и представленій. Пока мы не въ состояніи начертить какого-нибудь предмета наизусть, до тѣхъ поръ мы его не знаемъ. Рисованіе наизусть служитъ контролемъ нашего пониманія, а рисованіе съ натуры—школою вниманія. Поэтому рисунки могутъ служить средствомъ развитія въ дѣтяхъ наблюдательности и вниманія. Замѣтимъ, что ребенокъ, говоря, напр., «гавъ», не хочетъ этимъ сказать только «собака», но непремѣнно фразу: или «вонъ собака!» или: «собака лаетъ», или: «собака бѣжитъ» и пр. То же и рисунки, и чѣмъ сложнѣе событіе, изображаемое рисункомъ, тѣмъ интереснѣе оно для педопсихолога; но конечно такіе рисунки требуютъ поясненій собирателя ихъ. Вліяніе среды также явно отражается на рисункахъ, наравнѣ съ вліяніемъ индивидуальности ребенка.

Немудрено, что теперь художественное воспитаніе вызываетъ такое вниманіе къ себѣ на Западѣ, что создаются новые методы обученія рисованію (см., напр., переведенную по-русски книгу *Тэдда*); но не въ этомъ одномъ заключается значеніе изученія дѣтскихъ рисунковъ. Это изученіе прежде всего ярко подтверждаетъ фактъ могущественнаго вліянія среды на ребенка, и чѣмъ моложе ребенокъ, чѣмъ это вліяніе сильнѣе. Охотнѣе и легче всего перенимаютъ дѣти отъ дѣтей же болѣе зрѣлаго возраста; «срисовываніе», также въ ходу у дѣтей, какъ и «списываніе». Взаимное вліяніе дѣтей другъ на друга—фактъ чрезвычайной важности, еще недостаточно оцѣненный на практикѣ. Далѣе. Опыты съ дѣтскими рисунками показываютъ, что не такъ важно указать ребенку его ошибки, какъ обратить его вниманіе на положительные факты. Нужно не столько бороться съ недостатками, сколько укрѣплять въ добрѣ. Еще любопытное явленіе. Изучая рисунки ребенка въ разныя эпохи, мы видимъ, что иногда ребенокъ въ болѣе раннемъ возрастѣ стоялъ на высшей ступени развитія, чѣмъ въ болѣе позднемъ возрастѣ. Особенно заслуживаетъ вниманіе задержка въ развитіи, наступающая около 12-го года его жизни. Наконецъ, рисунки дѣтей краснорѣчиво доказываютъ недостаточность одной только наглядности въ обученіи: одной наглядности мало, если ребенокъ не умѣетъ наблюдать. Мало дать случай видѣть что-нибудь,—надо, чтобы ребенокъ дѣйствительно видѣлъ то, что надо видѣть, излишекъ же показыванія можетъ повести къ упадку воображенія въ дѣтяхъ. Въ заключеніе г. Чада даетъ рядъ указаній, необходимыхъ при собираніи, какъ случайныхъ рисунковъ дѣтей, такъ и при вызываніи дѣтей къ рисункамъ на заданную тему, въ научно поставленномъ экспериментѣ.

Н. Б.

Э. Гембль и М. Калькинсъ. Воспроизведенное представленіе при узнаваніи и сравниваніи. Die reproduzierte Vorstellung beim Wiedererkennen und beim Vergleichen von Eleanor A. M. C. Gamble und Mary Whiton Calkins. (Zeitschrift für Psychologie u Physiologie der Sinnesorgane) H. 3.

Настоящая статья вызвана, по заявленію авторовъ, извѣстной теоріей Lehmann'a, по которой узнаваніе основывается на представленіяхъ о сущности познаваемаго, совпадающихъ съ ассоціаціями, вызываемыми узнаваемымъ явленіемъ; отличительной чертой узнаванія является болѣе или менѣе ясное представленіе о сущности познаваемаго. Авторы стараются экспериментальнымъ путемъ провѣрить эту теорію. Опыты ихъ состояли въ томъ, что испытуемымъ, незнакомымъ съ цѣлью изслѣдованія, предлагался рядъ запаховъ и они должны были отмѣчать слѣдующее: 1) По возможности точно обозначить

всѣ представленія, которыя вызывались всякій разъ обоняніемъ, 2) Обозначить черточкой паузы между вызываемыми представленіями. 3) Отмѣчать каждый запахъ, какъ знакомый или незнакомый. 4) Обозначать названіе запаха, если вспоминали таковое.

Кромѣ своихъ опытовъ авторы также разбираютъ и результаты Лемановскихъ, въ которыхъ отмѣчалось также, одновременно-ли съ соотвѣтствующими ассоціаціями, раньше или позже ихъ появлялось въ сознаніи объектовъ названіе запаха. Свои изслѣдованія авторы производили на 3 испытанныхъ уже лицахъ и на 21 студентахъ 1-го семестра, съ 47 запахами въ среднемъ. Нюхать позволялось, пока рядъ вызываемыхъ представленій не приходилъ къ концу. Разсматривая результаты своихъ и Лемановскихъ опытовъ, авторы находятъ такіе случаи и тамъ и здѣсь, гдѣ констатировалось узнаваніе безъ репродуцированнаго представленія и такіе, гдѣ отмѣчались правильныя ассоціаціи, а запахъ въ то же время не узнавался (36,5%). Возвращаясь къ теоріи Лемана, авторы говорятъ, что согласно ей никогда бы у испытуемыхъ не должны были появиться правильныя ассоціаціи въ то время, когда они ощущаютъ неузнаваемый ими запахъ, и если-бы узнаваніе состояло въ подобныхъ воспроизведенныхъ представленіяхъ, то оно должно было-бы быть всегда при наличности послѣднихъ. Встрѣчались и такіе случаи, гдѣ знакомый или незнакомый запахъ вызывалъ неправильныя ассоціаціи. Простое появленіе неправильныхъ ассоціацій при ощущеніи запаха не противорѣчитъ, по мнѣнію авторовъ, Лемановской теоріи, такъ какъ согласно ей узнаваніе опредѣленнаго запаха состоитъ изъ суммы воспроизведенныхъ ассоціацій, т. е. суммы тѣхъ представленій, которыя вызываются обоняніемъ. Неправильныя же представленія могутъ возникать и не на счетъ запаха, а могутъ быть вызваны и другими условіями, напр. флакономъ. Авторы полагаютъ, что противъ теоріи Лемана говоритъ главнымъ образомъ не такъ отсутствіе или неправильность представленій (воспроизведеній) при знакомыхъ ощущеніяхъ, какъ присутствіе правильныхъ ассоціацій при незнакомыхъ.

Далѣе, разсматривая количество правильныхъ и неправильныхъ ассоціацій, авторы находятъ, что, какъ при знакомыхъ, такъ и при незнакомыхъ запахахъ, все-же количество правильныхъ ассоціацій больше. Кромѣ того замѣчено, что сами ощущенія мало вліяли на репродукцію.

Сопоставляя далѣе по времени узнаваніе и возникновеніе представленій, авторы находятъ, что въ большинствѣ случаевъ первое предшествовало, чаще въ случаяхъ съ извѣстнымъ запахомъ; при этомъ правильныя и неправильныя ассоціаціи возникаютъ по времени безъ особаго различія.

На основаніи этого авторы приходятъ къ заключенію, что такъ какъ ясно воспроизведенное представленіе чаще является послѣ узнаванія, то послѣднее и не зависитъ отъ репродуктивныхъ ассоціацій, какъ утверждаетъ Леманъ; въ этомъ-же убѣждаетъ и тотъ противоположный фактъ, что въ случаяхъ констатированія неизвѣстнаго репродукціи предшествуютъ. Далѣе авторы разсматриваютъ различіе въ появленіи ассоціацій при быстромъ и медленномъ узнаваніи. Они говорятъ, что вообще узнаваніе знакомаго раздраженія приходитъ одновременно съ ощущеніемъ этого раздраженія; въ случаяхъ же, когда раздраженіе незнакомо, то почти никогда ихъ испытуемые не отмѣчали сразу же (Augenblick), что это раздраженіе имъ незнакомо, всегда проходило нѣкоторое время; поэтому авторы говорятъ, что сознаніе неизвѣстности раздраженія не

есть простое отсутствіе узнаванія, но это есть опредѣленное состояніе сознанія съ извѣстнымъ содержаніемъ (Bewustseinsinhalt). И если въ такихъ случаяхъ ассоціацій бываетъ относительно меньше, то это зависитъ отъ того, что все вниманіе всякаго высшаго животнаго инстинктивно сосредоточивается исключительно на неизвѣстномъ ему раздраженіи.

Кромѣ того авторы стараются выяснить, какое мѣсто въ числѣ другихъ вызываемыхъ запахомъ представленій занимаетъ представленіе о словесномъ названіи этого запаха. Изъ приложенныхъ таблицъ видно, что названіе запаха являлось чаще первоначальнымъ звеномъ въ серіи другихъ представленій, рѣже послѣднимъ, и еще рѣже среднимъ; часто оно бывало единственнымъ воспроизведеннымъ представленіемъ. Особаго значенія этому представленію авторы не придаютъ.

На основаніи вышеизложеннаго авторы дѣлаютъ слѣдующіе выводы:

A) Въ противоположность теоріи Lehmann'а, они утверждаютъ, что узнаваніе не основывается на репродуцированныхъ представленіяхъ, потому что, во 1-хъ ясныя, и даже правильныя представленія бываютъ и при сознаніи неизвѣстнаго; во 2-хъ, въ случаяхъ узнаванія не всегда появляются такія ассоціаціи, которыя могли-бы быть воспроизведены; въ 3-хъ, въ опытахъ, гдѣ изслѣдуемые записывали послѣдовательность (ощущеній и идей) отмѣчалось, что сопровождающія представленія слѣдовали за узнаваніемъ, и, наконецъ, узнаваніе, хотя и запоздавшее все-таки не зависитъ отъ воспроизведенныхъ представленій.

B) Истинная сущность узнаванія остается неизвѣстной, какъ не поддающаяся измѣренію, и настоящими методами невозможно дать положительнаго доказательства теоріи «органическихъ ощущеній» (Organempfindung); чувство же легкости или трудности опредѣленія имѣетъ большое значеніе при узнаваніи и при репродукціи представленій.

C) Чувство «неизвѣстности» есть не простое отсутствіе узнаванія, а ясное и опредѣленное состояніе сознанія; относительная же скудость ассоціаціями чувства неизвѣстнаго можетъ зависѣть отъ той концентраціи вниманія, которая вызывается этимъ неизвѣстнымъ содержаніемъ сознанія.

Пр. Грассе. Чувство «уже видѣннаго» Pr. J. Grasset. La sensation du «déjà vu». (Journal de Psychologique normale et pathologique № 1, Janvier-Fevrier 1904).

Подъ общимъ названіемъ «déjà vu» авторъ разсматриваетъ интересное явленіе—воспріятіе какого нибудь объекта, чувствуемое нами, какъ нѣчто уже знакомое, но чего мы не можемъ локализировать въ нашемъ прошломъ, т. е. вспомнить обстановки, времени и мѣста первичнаго воспріятія. Главнымъ признакомъ такого явленія авторъ считаетъ чувство безпокойства (angoisse), связанное съ усиліями припомнить, гдѣ и когда воспринимался данный объектъ. Условія же возможности подобнаго явленія таковы: 1) узнаваніе (reconnaissance) какого-нибудь образа, эмоціи, вообще состоянія, не испытаннаго еще сознательно, 2) незнаніе происхожденія первичнаго впечатлѣнія (impression), которое кажется одинаковымъ съ реальнымъ впечатлѣніемъ. Причина же подобнаго явленія по мнѣнію автора такова: нѣкоторыя воспріятія переживаются нами безсознательно, т. е. воспринимаются нашими подсознательными центрами (les centres psychiques inferieurs) безъ вѣдома сознательныхъ. Когда же уже испытанное безсознательно воспріятіе получается нами.

еще разъ сознательнымъ путемъ, то между двумя впечатлѣніями, сознательнымъ и безсознательнымъ, образуется связь, которая сознается, какъ чувство безпокойства (angoisse).

В. Сорока.

---

2. Психопатологія.

Докторъ Гастонъ Лойгъ. Геній. Ѳ. М. Достоевскій. Медико-психологическій этюдъ. *Docteur Gaston Loygue.* Un homme de génie. Th. M. Dostoiëwsky. Etude medico-psychologique. Paris. 1904 г. 185 р.

Въ предисловіи къ своему сочиненію д-ръ *Loygue* высказываетъ общія соображенія, объясняющія цѣль подобнаго изслѣдованія медикомъ личности геніальнаго и вмѣстѣ съ тѣмъ несомнѣнно больного писателя, болѣзненность котораго отразилась и въ его произведеніяхъ. Авторъ ставитъ себѣ задачу подвергнуть разсмотрѣнію такіе вопросы, какъ отношеніе человѣка къ его произведенію, отношеніе болѣзни къ генію и т. п. Свой трудъ д-ръ *Loyge* посвящаетъ своимъ учителямъ, профессору *Lacassagne* и д-рамъ *Bret* и *Н. Н. Баженову.* Первая глава посвящена біографіи, средѣ, въ которой выросъ Достоевскій, и условіямъ его воспитанія, какъ физическаго, такъ и нравственнаго. Здѣсь мы не узнаемъ ничего новаго. Вторая глава озаглавлена: «Чувства и страсти». Характерной чертой Достоевскаго авторъ считаетъ способность анализировать свои аффективныя состоянія. У него было особенное влеченіе продлить ощущеніе, возобновить его причину, испытать его до конца. Достоевскій любилъ помучить читателя, почему его такъ мѣтко назвалъ *Михайловскій* жестокимъ талантомъ. Его душевныя стремленія д-ръ *Loygue* подраздѣляетъ на личныя, симпатическія и безличныя (стремленія къ истинѣ, красотѣ, добру, Богу и т. п.).

Инстинктъ самосохраненія у Достоевскаго былъ очень сильно выраженъ; что касается полового, то, не смотря на отсутствіе точныхъ біографическихъ свѣдѣній въ этомъ направленіи, анализъ его произведеній говоритъ за то, что вниманіе его особенно привлекалось въ эту сторону, что его интересовали тончайшія, скрытыя проявленія этого инстинкта, даже съ оттѣнкомъ извращенія. Нельзя только ни подъ камимъ видомъ согласиться съ пріемомъ д-ра *Loygue*'а приписывать Достоевскому побужденія и влеченія, которыя онъ такъ мастерски описалъ у Свидригайлова, Карамазовыхъ, Смердякова и друг.

Изъ склонностей, связанныхъ со способностями, авторъ особенно останавливается на такъ назыв. вкусѣ къ эмоціямъ (goût des émotions).

Изъ симпатическихъ чувствованій любовь къ человѣчеству у Достоевскаго была своеобразная: онъ скорѣе любилъ дальняго, отвлеченнаго человѣка, чѣмъ ближняго. Чувство патріотизма у него было сильное, такъ же какъ и любовь къ семьѣ. Къ дружбѣ онъ не былъ склоненъ, былъ человѣкомъ одинокимъ, замкнутымъ.

При разсмотрѣніи безличныхъ склонностей д-ръ Лойгъ отмѣчаетъ, что любовь къ истинѣ у Достоевскаго граничила съ любовью къ рѣдкому, анормальному. Нравственное его чувство, не смотря на патологическій складъ его души, было чрезвычайно высоко, равно какъ и религіозное чувство. Въ заключеніи этой главы д-ръ *Loygue* высказываетъ мысль, что геній Достоевскаго былъ какъ бы предохраняющимъ средствомъ противъ возможности развитія у

него сумасшествія. Въ третьей главѣ разсматривается *характеръ*. Достоевскій не отличался силою воли. Сосланный невольно въ Сибирь, онъ даже не пытался бороться. «Это мой крестъ, писалъ онъ брату, я его заслужилъ». Достоевскій былъ болѣзненно возбудимъ, былъ одержимъ страхами, боялся общества, былъ чрезвычайно непрактиченъ. Что касается его болѣзни, т.-е. падучей, то она его мучила особенно въ послѣднее время, такъ что можно сказать, что одну половину его жизни занималъ его геній, другую—болѣзнь. Его прекрасныя описанія различныхъ состояній этой болѣзни несомнѣнно обязаны самонаблюденію. Трудоспособность его была поразительная.

Четвертая глава занята интеллектуальной сферой и произведеніями Достоевскаго. Образованіе Достоевскаго было блестящее, но память страшно слаба, особенно съ усиленіемъ болѣзни. Въ воображеніи преобладали образы, относящіеся къ общему чувству жизни, и вмѣстѣ съ тѣмъ была наиболѣе развита такъ назыв. чувственная память, стоящая въ связи съ тѣмъ же чувствомъ. Что касается обмановъ чувствъ, то вѣрнѣе приходится заключить, что у Достоевскаго были такъ назыв. галлюцинаторныя навязчивыя состоянія, а не настоящія галлюцинаціи. Здѣсь же авторъ говоритъ о мистицизмѣ Достоевскаго, не рѣшаясь окончательно сказать, какого онъ происхожденія — національнаго или патологическаго.

Изъ произведеній д-ръ *Loygue* разсматриваетъ прежде всего «Записки изъ Мертваго Дома», изъ которыхъ онъ черпаетъ обильный матеріалъ для психологіи преступника. «Преступленіе и Наказаніе» въ лицѣ Раскольникова даетъ прекрасный примѣръ дегенеранта. Изъ преступниковъ по страсти (по классификаціи *Ferri*) авторъ отмѣчаетъ Рогожина въ «Идіотѣ» и Трусотскаго въ «Вѣчномъ Мужѣ». Толкованіе «Бѣсовъ» свидѣтельствуетъ о значительномъ незнакомствѣ автора съ русскою дѣйствительностью (д-ръ *Loygue* даже не знаетъ русскаго языка, въ чемъ самъ признается), разъ онъ дѣлаетъ выводы о психологіи политическаго преступника на основаніи «Бѣсовъ». Всѣмъ безпристрастнымъ читателямъ извѣстно, что это произведеніе представляетъ собою не болѣе, какъ художественный памфлетъ. Особенно цѣнно описаніе Достоевскаго душевнаго состоянія осужденнаго на смертную казнь.

Какъ уже было упомянуто, помимо эпилепсіи, особенно тщательно описаны нашимъ писателемъ, или же изображены различные неврозы и психозы: Елизавета Хохлакова, Лиза Дроздова — истерички, Иванъ Карамазовъ и Свидригайловъ страдаютъ галлюцинаціями и т. п. Особенно многочисленны у него дегенеранты.

Въ пятой и послѣдней главѣ авторъ, разсматривая отношеніе генія Достоевскаго къ его таланту, высказываетъ общія соображенія по поводу частаго совпаденія генія, таланта и болѣзни. Коснувшись исторіи вопроса, д-ръ *Loygue* останавливается на трехъ теоріяхъ: 1) геній есть проявленіе невроза, 2) болѣзнь обусловливается чрезмѣрной тратой нервной энергіи, и, наконецъ, 3) геній и болѣзнь—два параллельныхъ явленія ненормальнаго душевнаго состоянія.

Склоняясь болѣе къ послѣдней теоріи, авторъ вполнѣ присоединяется къ предположенію, высказанному д-ромъ *Баженовымъ* о томъ, что больной геній представляетъ собою примѣръ прогенераціи высшаго психическаго типа.

Таково содержаніе этой книги, интересной, особенно въ виду того обстоятельства, что она написана иностранцемъ, не знающимъ русскаго языка. Не смотря на то, что д-ръ *Loygue* пользовался источниками изъ чисто литературной критики, онъ не избѣгъ той методологической ошибки при разсмотрѣніи

произведеній писателя, которая заключается въ игнорированіи основной мысли автора и въ преимущественномъ сосредоточеніи вниманія на психіатрическомъ разборѣ.

Будто даже Достоевскій писалъ на психіатрическія темы! Далѣе подлежитъ еще большому объясненію теорія прогенераціи высшаго психическаго типа, предлагаемая д-ромъ *Баженовымъ* и къ которой примыкаетъ авторъ разбираемой книги. Я полагаю, вопросъ о высшемъ психическомъ типѣ въ отдаленномъ будущемъ до чрезвычайности туманенъ, и всѣ предположенія въ этомъ направленіи часто ведутъ къ «ошибкамъ исторической перспективы». Если же высшій психическій типъ—величина по меньшей мѣрѣ неопредѣленная, то прогенерація его, мнѣ кажется, уже совершенно неизвѣстная. Предположеніе само по себѣ заманчивое, но не справляющееся съ фактическимъ содержаніемъ, долженствующимъ его заполнить.

Спеціальный разборъ литературныхъ произведеній Достоевскаго не пополняетъ собою извѣстной работы проф. *Чижа*, медико-психологическое изслѣдованіе личности полнѣе, но тоже недостаточное, несмотря на нѣкоторыя интересныя мѣста и тонкія психологическія замѣчанія. *М. Шайкевичъ.*

D-r F. Consoni. Объ измѣреніи вниманія у отсталыхъ дѣтей. La mesure de l'attention chez les enfants faibles d'esprit (phrénasthéniques). Recherches expérimentales. Travail du Laboratoire de Psychologie de l'Asyle-Ecole des Enfants arriérés, dirigé par le prof. Sante de Sanctis, à Rome. (Avec 23 graphiques). Archives de Psychologie, T. II, № 7, 1903.

За послѣднее время *вниманіе* является однимъ изъ психическихъ процессовъ, на которомъ наиболѣе концентрируются экспериментальныя изслѣдованія и въ Германіи, и во Франціи, и въ Америкѣ; и однако до сихъ поръ далеко еще не все ясно въ этой области. Въ настоящей работѣ авторъ задался цѣлью изслѣдовать, какимъ образомъ слагается вниманіе у отсталыхъ дѣтей (которыхъ онъ также называетъ «френастениками»), сравнительно съ нормальными дѣтьми, причемъ пытается уразумѣть, до какихъ предѣловъ можно примѣнять, какъ средство измѣренія, эстезіометрическій методъ, которымъ пользовался Griesbach въ своихъ упорныхъ работахъ касательно умственнаго утомленія учащихся.

Само вниманіе разсматривается авторомъ съ двухъ сторонъ: 1) какъ *статическое* и 2) какъ *динамическое*. Подъ *статическимъ* вниманіемъ авторъ представляетъ длительную стойкость направляющаго вниманіемъ механизма, ограниченнаго въ этомъ случаѣ группою возбудителей, которые образуютъ единое сложное и дѣйствуютъ на одну только центральную зону проекціи. Этой-то формѣ и можно приложить все, что извѣстно подъ именемъ физическихъ свойствъ вниманія (см. 213 стр.). Подъ *динамическимъ* же вниманіемъ авторъ подразумѣваетъ рядъ актовъ вниманія достаточно близкихъ, но различныхъ и обязанныхъ возбудителямъ различной природы, дѣйствующимъ въ теченіе весьма короткаго времени и наичаще на различныя зоны проекціи. Опыты производились авторомъ параллельно на 15 дѣтяхъ, изъ которыхъ 11 «френастениковъ» (8 мальчиковъ и 3 дѣвочки) были выбраны изъ «Пріюта-Школы» проф. S. de Sanctis, а остальные 4 были нормальны, но подходящи къ первымъ по возрасту и общественному положенію.

Недостатокъ мѣста, къ сожалѣнію, не позволяетъ намъ вдаваться въ описаніе экспериментовъ, произведенныхъ авторомъ, и желающихъ ознакомиться

съ ними мы отсылаемъ къ 222—249 стр. его почтеннаго труда; здѣсь же только упомянемъ, что авторъ сперва путемъ эстезіометрическаго метода старался опредѣлить чувство мѣста въ пониманіи испытуемыхъ, а затѣмъ уже въ другомъ рядѣ опытовъ опредѣлялъ собственно вниманіе и его свойства. Работа привела автора къ слѣдующимъ выводамъ:

1. У отсталыхъ дѣтей, въ случаяхъ не особенно тяжелыхъ, всегда возможна извѣстная степень статическаго конативнаго вниманія.

2. У нихъ же статическое конативное вниманіе всегда болѣе или менѣе недостаточно въ отношеніи нѣкоторыхъ, а иногда и всѣхъ его свойствъ—сообразно различнымъ степенямъ индивидуальности.

3, Подобныя измѣненія вниманія особенно ощутимы у наиболѣе яркихъ «френастениковъ».

4. У отсталыхъ дѣтей можетъ также существовать извѣстная степень динамическаго конативнаго вниманія.

5. Динамическое вниманіе можетъ у нихъ достигать достаточной степени быстроты (хотя въ меньшей пропорціи, чѣмъ у нормальныхъ), но ему постоянно не хватаетъ распространенности.

6. Существуютъ тѣсныя соотношенія между способностью различныхъ индивидуумовъ къ динамическому вниманію и нѣкоторыми свойствами ихъ статическаго вниманія.

7. Существуетъ неоспоримое соотвѣтствіе у тѣхъ же френастениковъ между способомъ, посредствомъ котораго формируется ихъ естественное вниманіе, и способомъ образованія конативнаго вниманія.

8. Степень общей способности отсталыхъ къ вниманію находится въ прямомъ соотношеніи со степенью ихъ эмотивности и состоятельностью задерживающаго начала.

9. Возможно установить прямое отношеніе между степенью способности къ вниманію и степенью «френастеніи», resp. отсталости, такъ что испытаніе способности къ вниманію можетъ оказать пользу для діагностики степени умственной слабости. Такимъ образомъ, является возможность классифицировать отсталыхъ по степени ихъ вниманія, какъ это склоненъ дѣлать Sollier.

10. Между нормальными дѣтьми и отсталыми существуютъ явственныя отличія въ степени ихъ способности къ вниманію, но отличія эти почти незамѣтны въ наиболѣе легкихъ случаяхъ отсталости.

11. Нормальныя дѣти, при равныхъ условіяхъ (возрастъ, привычки и т. д.) несомнѣнно обладаютъ большою степенью быстроты конативнаго приспособленія.

12. У нормальныхъ дѣтей способность динамическаго конативнаго вниманія очень развита и часто также оказывается *распространенной*, что свидѣтельствуетъ о высшихъ *качествахъ мозговой дѣятельности*. Солидная работа автора снабжена графическими кривыми, таблицами и подробной литературой.

Ю. Португаловъ.

Э. Клапаредъ. «Вѣсовыя» иллюзіи у ненормальныхъ субъектовъ и признакъ Демура. Ed. Claparède. L'illusion de poids chez les anormaux et le «signe de Demoor». (Archives de Psychologie. № 5. 1902. Pag. 22—32).

D-r Demoor нѣсколько лѣтъ тому назадъ отмѣтилъ въ психологической прессѣ, что нѣкоторыя ненормальныя дѣти лишены «иллюзіи тяжести», заключающейся въ томъ, что два предмета, равныхъ по вѣсу, но различныхъ

по объему, будучи предъявлены нормальному субъекту, воспринимаются имъ такъ, что меньшій по объему предметъ представляется болѣе тяжелымъ, чѣмъ большій по объему. Между отсталыми дѣтьми необходимо отличать субъектовъ съ психическимъ изъяномъ (отсталые «медицинскаго» типа) отъ субъектовъ, развитіе которыхъ замедлено вслѣдствіе особаго воспитанія (отсталые «педагогическаго» типа).

Симптомъ д-ра Демура является поэтому цѣннымъ съ точки зрѣнія дифференціальной діагностики этихъ двухъ типовъ.

Такъ, авторъ реферируемой работы на основаніи экспериментальныхъ данныхъ дѣлаетъ выводъ, что если наличность «иллюзіи тяжести» не позволяетъ относить даннаго отсталаго субъекта къ «педагогическому» типу, то признакъ Демура, когда онъ постояненъ (и когда онъ не можетъ быть приписанъ недостатку вниманія субъекта), говоритъ въ пользу діагностики отсталости «медицинскаго» типа.

Для объясненія подобнаго явленія Demoor указывалъ на недостаточность разсудочной дѣятельности, на несостоятельность логическихъ и эмпирическихъ ассоціацій; авторъ же реферируемой работы склоненъ объяснять это «разобщеніемъ инстинкта» (dissociation de l'instinct), тогда какъ у нормальнаго индивида инстинктъ представляетъ явленіе психологически цѣлое и не разъединимое.

Ю. Португаловъ.

3. Гипнотизмъ.

О. Штоль. Внушеніе и гипнотизмъ въ психологіи народовъ. Otto Stoll Suggestion und Hypnotismus in der Völkerpsychologie. 2-е изд. 1904. Leipzig S. VIII+738.

Сочиненіе автора, вышедшее вторымъ изданіемъ, представляетъ весьма объемистый томъ; авторъ — врачъ, профессоръ географіи и этнологіи въ Zürich'скомъ университетѣ. Въ предисловіи авторъ заявляетъ, что исключительная цѣль его сочиненія—обратить вниманіе этнологовъ на категорію психологическихъ явленій, не встрѣтившихъ до сихъ поръ надлежащей оцѣнки, несмотря на то, что они служатъ единственнымъ ключомъ къ пониманію многаго, составляющаго безсвязную и непонятную мозаику учебниковъ по этнологіи потому, что это многое не понято.

Сочиненіе раздѣляется на 22 главы. Прежде всего авторъ выясняетъ понятіе о внушеніи въ широкомъ смыслѣ слова, говоритъ о самовнушеніи и о внушеніи въ бодрственномъ состояніи. Затѣмъ онъ переходитъ къ выясненію вліянія внушенія у различныхъ народовъ, что и составляетъ содержаніе книги; онъ начинаетъ съ урало-алтайскихъ народовъ, далѣе слѣдуютъ китайцы и японцы, индусы, австралійцы, жители Вестъ-Индіи, Мексики и Центральной Америки, населеніе Ирана и Месопотаміи; съ IX главы авторъ нѣсколько уклоняется отъ основной руководящей идеи—разсмотрѣть вліяніе внушенія по народностямъ и разсматриваетъ его значеніе въ крупныхъ религіозныхъ реформаціяхъ, а именно, въ зарожденіи и развитіи христіанства и ислама. Вслѣдъ за этимъ предъ читателемъ проходятъ различные африканскіе народы, древняя Греція и Египетъ. Съ главы XV и до конца книги разсматривается значеніе внушенія въ жизни Западной Европы и Россіи (гл. XVII и XVIII).

Въ краткой рецензіи мы, къ сожалѣнію, не можемъ изложить содержанія сочиненія Stoll'я, заслуживающаго большого вниманія и интереса далеко не однихъ спеціалистовъ. Авторъ разбираетъ вліяніе внушенія въ домашнемъ обиходѣ народовъ, въ ихъ соціальной и экономической жизни, въ развитіи религіозныхъ культовъ и вѣрованій и религіозныхъ движеній, его значеніе въ наукѣ; вообще, вопросъ захваченъ широко и разносторонне; какъ врачъ, авторъ посвятилъ много мѣста вопросамъ медицинскаго характера, имѣющимъ важное общественное значеніе.

Сочиненіе автора, написанное хорошимъ языкомъ и богатое содержаніемъ, читается съ большимъ интересомъ; цѣнность его увеличивается еще тѣмъ, что, повидимому, авторъ, ознакомившійся обстоятельно съ громадной литературой вопроса, прибѣгалъ къ первоисточникамъ. Фактическая сторона книги чрезвычайно богата и интересна. Изъ сочиненія выносится впечатлѣніе, что въ исторіи развитія самыхъ различныхъ народовъ и въ областяхъ, гдѣ вліяетъ внушеніе, мы встрѣчаемъ весьма много аналогичныхъ явленій, имѣющихъ лишь свою индивидуальную окраску.

Нельзя не указать на нѣкоторыя неправильности и промахи въ основныхъ положеніяхъ автора и въ деталяхъ, что, впрочемъ, не умаляетъ большихъ достоинствъ книги. Авторъ слишкомъ широко понимаетъ вліяніе внушенія и слишкомъ большое значеніе отводитъ внушающему вліянію случайныхъ, неодушевленныхъ предметовъ; въ этомъ направленіи онъ руководствуется примѣромъ: видъ лимона вызываетъ *идею* кислоты — *непосредственное или первичное внушеніе, по автору*; такое толкованіе совершенно произвольно: видъ лимона вызываетъ идею кислоты по ассоціаціи свойствъ, присущихъ лимону, и только; между тѣмъ, такое пониманіе внушенія проходитъ по всему сочиненію Stoll'я. Совершенно непонятно, почему авторъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ своей книги (гл. V, VI и др.), говоря о галлюцинаціяхъ токсическаго происхожденія, вызванныхъ гашишемъ, опіемъ и другими наркотическими веществами, относитъ ихъ также къ сферѣ внушенія; въ другомъ мѣстѣ авторъ тоже не кстати распространяется о гомосексуальныхъ наклонностяхъ (XVI гл.).

Несмотря на видимое стараніе автора овладѣть литературой предмета, мы встрѣчаемъ у него много недочетовъ, отчасти весьма курьезныхъ, когда онъ распространяется о Россіи, которая, вообще, не заняла должнаго мѣста въ его сочиненіи; въ Россіи по автору существуетъ своеобразная «секта», которая называется «странники»; эта секта [1]) раздѣляется на двѣ категоріи—собственно «странники» и «страннопріимцы»! О скопчествѣ авторъ едва упоминаетъ, онъ говоритъ почти объ однихъ хлыстахъ и Терновскихъ хуторахъ; хорошо и это, но мы вправѣ упрекать автора, претендующаго, повидимому, на знаніе русскаго языка, судя по его цитатамъ и литературному указателю, приложенному въ концѣ книги.

Насколько интересна и поучительна фактическая сторона сочиненія Stoll'я, въ большинствѣ случаевъ правильно и хорошо освѣщенная, настолько онъ грѣшитъ и иногда противорѣчитъ самъ себѣ, выставляя общія положенія, относящіяся къ его основнымъ идеямъ.

Мы уже указали на неправильное опредѣленіе внушенія, сдѣланное авторомъ, въ которомъ онъ, между прочимъ, признаетъ различныя случайныя ассоціаціи внушающимъ элементомъ въ психологіи народовъ; между тѣмъ, въ

---

[1]) Не имѣетъ ли авторъ въ виду «бѣгуновъ»? *В. О.*

послѣдней, заключительной главѣ, онъ самъ же приходитъ къ отрицанію выставленнаго имъ въ началѣ положенія, говоря, что въ содержаніе психологіи народовъ входитъ вліяніе «психическихъ» раздражителей, исходящихъ не изъ внѣшней природы, а черезъ посредство другихъ людей.

Ограничимся указаніемъ перечисленныхъ недостатковъ; ихъ слѣдуетъ имѣть въ виду при чтеніи книги Stoll'я, значеніе которой, благодаря массѣ весьма обширнаго и разносторонняго фактическаго матеріала остается чрезвычайно цѣннымъ. *В. Осиповъ.*

---

4. *Криминальная антропологія.*

Д-ръ Н. С. Лобасъ. «Каторга и поселеніе на Сахалинѣ». 1904 года. Цѣна 75 коп.

Печальную картину существующей системы мѣръ воздѣйствія на преступника, унаслѣдованную, въ ея основныхъ началахъ, отъ глубокой старины, рисуетъ намъ почтенный авторъ въ своей небольшой, сжато, просто и правдиво [1]) написанной книгѣ. Картина не велика, но выпукла и производитъ глубокое впечатлѣніе [2]). Познакомившись съ нею, невольно приходишь къ мысли, что мѣры, примѣнявшіяся на Сахалинѣ, представляли собою не систему мѣръ борьбы со зломъ преступленія, въ лицѣ уже народившагося преступника, а скорѣе систему мѣръ для дальнѣйшей фабрикаціи преступниковъ, ложащихся тяжелымъ бременемъ на общество. И такъ дѣло обстояло и обстоитъ не у насъ только. Исключеніе составляютъ, по ихъ постановкѣ, заведенія для несовершеннолѣтнихъ, да, быть можетъ, американскія реформаторіи для взрослыхъ [3]).

Мы не рѣдко ужасаемся и возмущаемся страшною развращенностью, жестокостью и даже звѣрствомъ преступниковъ. Чтеніе книги Г. Лобаса въ этомъ отношеніи освѣщаетъ и разъясняетъ многое, чрезвычайно многое. При чтеніи выступаетъ великая правда изрѣченія: «audiatur et altera pars». Голосъ автора—это голосъ научно образованнаго практика, который въ теченіе 7 лѣтъ внимательно всматривался во все окружающее, глубоко въ него вдумывался и много работалъ для внесенія разумной цѣлесообразности въ примѣнявшіяся мѣры уголовной репрессіи, о которыхъ говорится не мало эффектнаго въ трактатахъ писателей классической школы. Тамъ говорится и о соотвѣтствіи размѣровъ зла преступленія съ размѣрами зла наказанія, объ огражденіи фактомъ этого соотвѣтствія личности преступника (сколько совершилъ, столько и получилъ: ни болѣе, ни менѣе), о примиреніи его съ собственной совѣстью, объ очищеніи черезъ страданіе и о происходящемъ отъ того послѣдующемъ исправленіи и проч. На бумагѣ все гладко, закругленно.

Посмотримъ, однако, что представляетъ собою дѣйствительность и наблюдаются ли въ мѣрахъ, примѣняемыхъ въ этой дѣйствительности, значеніе и пониманіе законовъ душевной жизни человѣка, законовъ ея совершенствованія

---

[1]) Все слышанное и видѣнное мною въ мою бытность на Сахалинѣ даетъ мнѣ основаніе утверждать это. [2]) Считаю нужнымъ замѣтить, что Н. Лобасъ уже нѣсколько лѣтъ, какъ покинулъ Сахалинъ—его описаніе относится къ 90-мъ годамъ. [3]) Лично ихъ я не изучалъ; сужу по отчетамъ и описаніямъ. Ихъ основныя начала несомнѣнно правильны и цѣлесообразны.

съ одной стороны и ея упадка и искаженія—съ другой? Неутѣшительный, но вполнѣ ясный отвѣтъ на этотъ вопросъ даетъ книга Г. Лобаса.

Въ своей статьѣ по психо-физикѣ преступниковъ почтенный авторъ знакомилъ насъ только съ тѣмъ, что представляетъ собою приходящая на Сахалинъ уже образовавшаяся готовая личность преступника. Въ излагаемой книгѣ онъ показываетъ намъ, какими внѣшними вліяніями въ этой по большей части наслѣдственно-недостаточной и органически оскудѣлой личности вызываются дополнительныя извращенія и развращенія, которыя изъ вырождающагося человѣка дѣлаютъ тяжкаго преступника, возмущающаго общественную совѣсть. Правда, онъ показываетъ намъ уже заключительные моменты этого процесса, присущіе примѣненію существующихъ системъ наказанія. Начальные же моменты обыкновенно отходятъ ко времени заброшеннаго дѣтства, развращающаго воспитанія, если о таковомъ еще можетъ быть рѣчь, рабочаго ученичества [1]), скитанія по различнымъ вертепамъ, пребыванія въ различныхъ полицейскихъ каталажкахъ, этапныхъ слѣдованій и проч., и проч. Впрочемъ, это нисколько не измѣняетъ дѣла. Неблагопріятные факторы, несмотря на ихъ видимое различіе, вполнѣ однородны въ ихъ вырождающемъ и развращающемъ вліяніи.

Вытекающіе изъ фактовъ конечные выводы автора вполнѣ и ярко выражаются въ слѣдующихъ выдержкахъ. «Изъ приведенныхъ выше фактовъ». говоритъ онъ, «ясно видно, что ссыльно-каторжный мужчина на Сахалинѣ, какъ и ссыльно-каторжная женщина идутъ неуклонно по пути физическаго и нравственнаго оскудѣнія». «Обыкновенно настроеніе сахалинскаго арестанта—подавленное, мрачное. Атмосфера лжи, несправедливости, безправія, и полнѣйшаго произвола окутываетъ густымъ туманомъ жизнь сахалинскаго каторжника, и онъ влачитъ свое жалкое существованіе изо дня въ день, изъ года въ годъ, пропитываясь до мозга костей злобой и ненавистью ко всему тому, что окружаетъ его на проклятомъ островѣ». Всѣ его помыслы—раздѣлаться и бѣжать съ «ненавистнаго острова». «Не страшатъ его ни пули часовыхъ, ни глухая непроходимая тайга, ни огромныя разстоянія, ни бурный проливъ», «ни плети». «Босой, оборванный, голодный пробирается онъ звѣровыми тропами, питаясь травами и ягодами», связываетъ изъ бревенъ плотъ, пускается черезъ проливъ и нерѣдко кончаетъ свою многострадальную жизнь въ волнахъ пролива, если не погибнетъ въ тайгѣ отъ голода или отъ пули надзирателя» [2]). И такіе результаты получаются при очень и очень значительныхъ затратахъ казны на эту систему огражденія общества отъ зла преступленія, въ лицѣ уже народившихся преступниковъ.

А между тѣмъ иниціаторамъ сахалинской штрафной колонизаціи, «ея далекимъ устроителямъ», какъ выражается авторъ, убѣжденно рисовалась иная картина,—картина развивающейся сельско-хозяйственной колоніи, «могущей возродить преступный людъ къ новой полезной жизни». Дѣйствительность, однако, сказала противное.

Не было нужныхъ и подготовленныхъ людей, ясно понимавшихъ и желавшихъ осуществлять предстоявшія не легкія задачи, намѣченныя «далекими устроителями». Конечно, встрѣчались исключенія, но они, какъ одинокія

1) Исторіи прошлаго питомцевъ воспитательно-исправительныхъ заведеній не рѣдко даютъ яркіе примѣры этого.

2) Повторяю, что описаніе доходитъ только до конца девяностыхъ годовъ.

ласточки, не дѣлали весны. Остальные отбывали службу и развивали, пользуясь ею, карательное крѣпостное право. При наличности переходившаго отъ глубокой старины взгляда на наказаніе, какъ только на возмездіе или—что тоже—отмщеніе за зло преступленія, какъ на мучительство за него, трудно было и подъискать на роли «тюремщиковъ», особенно для такой отдаленной и непривлекательной окраины, какъ Сахалинъ, людей развитыхъ, подготовленныхъ и преданныхъ дѣлу. Неудивительно поэтому, что начальники тюремъ — люди, на которыхъ ближайшимъ образомъ должна лежать задача нравственнаго воздѣйствія на арестанта, по свидѣтельству автора, на Сахалинѣ были въ его время «люди грубые, малообразованные и часто безграмотные»: двое изъ военныхъ фельдшеровъ, одинъ изъ мелкихъ забайкальскихъ тюремныхъ чиновниковъ, двое изъ канцелярскихъ служителей и одинъ изъ становыхъ. Они совершенно не знали преступниковъ, тюрьмы посѣщали рѣдко и управляли ими изъ канцелярій, въ которыхъ во время, напримѣръ, нарядовъ воздухъ «буквально былъ насыщенъ бранью и неистовыми окриками начальника»: «запорю», «шкуру спущу», «въ карцерѣ сгною»,—«мало криковъ, идутъ въ ходъ кулаки, а то и начальническая палка». И вотъ вся тяжесть высокой задачи исправленія арестанта сама собой переносится на надзирателей. Но кто же они? Одни набирались изъ нижнихъ воинскихъ чиновъ мѣстныхъ командъ, другіе—изъ ссыльно-поселенцевъ, т. е. бывшихъ каторжныхъ. Такіе дѣятели «прямо упивались своею властью и всячески ее проявляли надъ арестантами: то били ихъ, то запирали ихъ въ карцеры и штрафныя камеры, то неугодившихъ имъ слабосилыхъ арестантовъ посылали на самыя тяжелыя работы», то, напротивъ, вступали съ арестантами почти въ дружескія отношенія, играли съ ними въ карты, проносили въ тюрьмы водку, а обидѣвшись на злую шутку или ругательства, сорвавшіяся съ языка у арестанта по отношенію къ нимъ, докладывали начальнику, что арестантъ плохо ведетъ себя и бунтуетъ, за чѣмъ слѣдовали розги до 30 ударовъ, которыя начальнику предоставлено назначать хоть ежедневно, заковка въ ручные и ножные кандалы, переводъ на неопредѣленное время въ ужасную кандальную тюрьму.

Понятно, что всѣ условія жизненнаго режима штрафной колоніи необходимо отражали на себѣ особенности состава дѣйствовавшаго персонала, на который была возложена важная задача оказанія нравственно-исправляющаго вліянія на ссыльныхъ. Въ короткихъ, но чрезвычайно содержательныхъ главкахъ своей книги почтенный авторъ послѣдовательно и выпукло рисуетъ намъ эти условія.

Вторую главу авторъ посвящаетъ описанію сахалинскихъ тюремъ своего времени, которыя были до крайности неудовлетворительны. Стѣны со щелями, сырость и холодъ, въ подпольѣ клоаки жидкой вонючей грязи, воздухъ, особенно ночью, невообразимо зловоненъ и негоденъ для дыханія, кубическое содержаніе его далеко ниже требуемаго minimum'а, и переполненіе иногда бываетъ такъ велико, что люди десятками спятъ на полу. Карцера, въ которые нерѣдко помѣщаются по 2 и даже по 3 чел. съ «парашей» [1]), представляли стойла съ одной кубической саженью воздуха и маленькой скамьей, въ качествѣ мебели.

Третья глава посвящена пищѣ арестанта, которая «отличается плохой

---

[1]) Ушатъ для испражненій.

усвояемостью и способностью сильно раздражать желудочно-кишечный каналъ, доводя его до заболѣванія». «На каждомъ шагу можно видѣть, что пища сахалинскаго арестанта не пополняетъ тратъ его организма, если ему приходится нести тяжкую работу, и онъ постепенно идетъ къ упадку». Не болѣе благопріятные отзывы, подтверждаемые фактическими указаніями, находимъ въ четвертой главѣ объ одеждѣ и обуви арестантовъ.

Въ пятой главѣ авторъ говоритъ о каторжныхъ работахъ на островѣ, которыя, по его мнѣнію, благодаря ихъ ненормальной постановкѣ, «ведутъ къ тому, что трудъ каторжника является невыносимо тяжкимъ и въ то же время значеніе его въ смыслѣ продуктивности во всѣхъ отношеніяхъ можетъ быть сведено къ нулю». Принося ничтожную пользу и не окупая тратъ, эти работы «ослабляютъ преступника какъ со стороны физическихъ, такъ и душевныхъ свойствъ» и въ концѣ концовъ дѣлаютъ изъ отбывшихъ каторгу «элементъ никуда негодный и прямо таки вредный, неудержимо стремящійся, за ничтожными исключеніями, «избирать преступный путь».

Въ шестой главѣ авторъ касается «душевной жизни преступниковъ». Всегда грубые способы воздѣйствія на преступника со стороны лицъ тюремной администраціи, отсутствіе съ ея стороны даже и слабыхъ попытокъ внести въ свои отношенія къ преступному люду хотя сколько нибудь справедливости; произволъ по отношенію къ безправому люду, царящій даже среди маленькихъ чиновъ тюремной администраціи, все это такіе моменты, которые, угнетая преступниковъ, вмѣстѣ съ тѣмъ озлобляютъ ихъ и дѣлаютъ «жизнь ихъ поистинѣ каторжной». Они, «какъ мнѣ пришлось убѣдиться, проникнуты сознаніемъ, что правды для нихъ не существуетъ, что попытки жить по правдѣ ни къ чему хорошему не приводятъ, что, ради безопасности, «нужно хитрить и всячески изворачиваться». При такихъ условіяхъ—замѣчаетъ авторъ—«трудно сохранить душевное равновѣсіе, и еще труднѣе возродиться».

Чрезвычайно тяжелое впечатлѣніе производитъ на читателя седьмая глава, содержащая описаніе тѣлесныхъ наказаній [1]), наводящая на глубокое и тягостное раздумье всякаго, хотя сколько-нибудь задумывавшагося надъ цѣлесообразною постановкою репрессивныхъ мѣръ государства. Не стану останавливаться на отталкивающихъ картинахъ экзекуцій, отмѣчу лишь одинъ многознаменательный фактъ, на который защитниками рѣшительныхъ мѣръ воздѣйствія слѣдуетъ обратить самое серьезное вниманіе. Извѣстно, что существуютъ душевныя извращенія, въ значительномъ числѣ отмѣчаемые въ работахъ по психіатріи, при существованіи которыхъ человѣкъ наслаждается видомъ крови, видомъ чужихъ страданій.

Повидимому, такихъ лицъ, въ числѣ налагавшихъ наказаніе, на Сахалинѣ было не мало. Одинъ изъ начальниковъ тюремъ обыкновенно держалъ такую рѣчь къ привязанному для наказанія къ кобылѣ арестанту: «Лежи, голубчикъ, лежи, Господь съ тобою, Богородица съ тобою . . . Тебѣ вѣдь хорошо, голубчикъ, ты лежишь, а я вотъ стою, я долженъ передъ тобою стоять». Палача онъ тутъ же поучалъ: «Рѣже, крѣпче, не принимай грѣха на душу, Христосъ съ тобой». Другой начальникъ тюрьмы самъ обучалъ палача на особо устроенномъ манекенѣ, какъ слѣдуетъ наказывать и при этомъ внушалъ: «хорошо накажешь—награжу, плохо—самого запорю. Для храбрости

---

[1]) По иниціативѣ Г. Министра Юстиціи въ настоящее время уже отмѣнены плети, прикованіе къ тачкѣ и бритье половины головы.

зайди ко мнѣ выпить водки». Наконецъ, третій—что особенно характерно для психологической характеристики—«любившій со слезой декламировать Некрасова», во время служебныхъ поѣздокъ захватывалъ съ собою палача съ розгами и, встрѣчая по дорогѣ арестантовъ, придирался къ чему нибудь и тутъ же приказывалъ пороть, «приговаривая: ложись, ложись, не теряй времени». Ссыльно-поселенцевъ онъ поролъ походя. Приходитъ за отпускнымъ билетомъ, а онъ его разложитъ и даетъ 30. «Да за что же, Ваше Высокоблаг., я ни въ чемъ не виноватъ», вопитъ поселенецъ. «Ложись, ложись, скорѣе, не теряй времени, морда мнѣ твоя не нравится, вотъ я и порю, чтобы помнилъ». Его жена часто заступалась и вымаливала прощеніе несчастнымъ. Тогда онъ начиналъ торговаться и упрашивалъ дать хоть 5, хоть 1 розгу, а въ заключеніе говорилъ: «Пошелъ вонъ, болванъ, скажи спасибо мамкѣ-женѣ, да не попадайся на глаза».

Факты характерные, поучительные, невольно приводящіе на память то, что говорилось на Амстердамскомъ уголовно-антропологическомъ конгрессѣ о необходимости, въ видахъ цѣлесообразности, измѣненія самыхъ основъ существующей системы уголовной репрессіи [1]).

Восьмая глава, посвященная болѣзнямъ каторжныхъ, краснорѣчивыми фактами рисуетъ намъ сахалинскую дѣйствительность. «Посмотрите черезъ годъ на прибывшихъ преступниковъ, и вы ихъ не узнаете. Угрюмыя блѣдно-сѣрыя лица, глаза затравленныхъ звѣрей, исподлобья на васъ устремленные; движенья вялы, разговоры односложны». Въ Александровскомъ округѣ на поселеніе въ 6000 чел. были признаны хрониками, слабыми и неспособными приблиз. 1000 ч. [2]). И эта цифра, какъ утверждаетъ авторъ, ниже дѣйствительной, потому что не все населеніе подвергалось освидѣтельствованію. Страдали арестанты больше всего отъ заболѣваній желудочно-кишечнаго канала и легочныхъ путей—бугорчатки легкихъ». Болѣзни протекаютъ необыкновенно своеобразно: наклонность начинается незамѣтно и переходитъ въ затяжныя формы. «Нигдѣ нельзя также встрѣтить столько нервно и душевно-больныхъ, какъ среди каторжныхъ», утверждаетъ авторъ. «Съ 1892 до 1896 г. зарегистрировано нервно и душевно-больныхъ и эпилептиковъ 2007 чел.» [3]). И эта цифра, какъ думаетъ авторъ, далеко ниже дѣйствительной, потому что общаго изслѣдованія не производилось.

Остановлюсь еще на содержаніи двухъ главъ,—девятой (каторжныя женщины) и четырнадцатой (дѣти ссыльныхъ). Въ нихъ сообщаются тяжелые факты, показывающіе, что на Сахалинѣ было сдѣлано съ женщиной и съ семьей, образовавшейся на основѣ безразборной раздачи женщинъ, вмѣсто назначенной кары, въ принудительныя сожительства [4]) и съ дѣтьми, происходившими отъ такихъ сожительствъ и выроставшими въ сахалинскихъ условіяхъ жизненной обстановки. Бывали случаи, что жена отдавалась въ сожительство отъ мужа. Получатели женщинъ видѣли въ нихъ средство самоудовлетворенія и въ то же время—доходную статью и принуждали ихъ добывать деньги развратомъ. И вотъ, при наличности всѣхъ условій сахалинской жизни, ссыльныя женщины легко становились и, конечно, становятся, и

[1]) См. «Compte rendu des trav. de la 5. session, t. à Amsterdam».
[2]) А на Сахалинъ арестанты отправлялись послѣ освидѣтельствованія и выбора.
[3]) И это на населеніе, не достигавшее 30000 чел.
[4]) Раздача въ принудительное сожительство теперь отмѣнена. На сколько эта отмѣна измѣнила дѣйствительность въ ея основѣ, сказать трудно.

теперь проститутками, не исключая и добровольно прибывшихъ. И одного факта будетъ вполнѣ достаточно, чтобы охарактеризовать существовавшіе порядки. Каторжная была отдана въ сожительство къ поселенцу, моту и каторжнику; тотъ, нуждаясь въ деньгахъ для игры, продалъ ее какъ домашнее животное за три руб. надзирателю. Начальство отобрало купленную у покупателя и отдало ее другому поселенцу, отъ котораго несчастная нѣсколько разъ бѣгала, и за это начальствомъ была заключена въ карцеръ; наконецъ, она была сослана въ бездорожное селеніе, отдана новому сожителю, и больше уже бѣгать не могла.

Родящіяся и выростающія среди такихъ условій жизни несчастныя дѣти, и безъ того унаслѣдующія дурныя особенности природы, отъ колыбели начинаютъ впитывать въ себя ядъ атмосферы штрафной колоніи и проникающій всю обстановку сахалинской жизни, которая, по словамъ автора, представляетъ собою «прекрасную школу» для будущихъ преступниковъ.

Я не стану останавливаться на содержаніи остальныхъ главъ книгъ (въ ней всего 15 гл.), въ которыхъ говорится о результатахъ сахалинской колонизаціи. Достаточно сказать, что послѣдніе могутъ быть охарактеризованы словами: полная неудача.

Мое изложеніе значительно разрослось. Но вѣдь Сахалинъ—это обширный, если позволительно такъ выразиться, представитель все еще существующей прежней системы борьбы съ преступностью, преемственно развивающейся въ своихъ основныхъ началахъ и взглядахъ, отъ глубокой сѣдой старины, отъ временъ первобытнаго варварства, когда «родъ возста на родъ и воевати начаша на ся». Каковы результаты этой системы борьбы для общества и самого преступника? Послѣ всего сказаннаго, они вполнѣ ясны для самого читателя. Надо прибавить только, что для казны они во всѣхъ отношеніяхъ очень дороги. Оставаясь вполнѣ объективнымъ и справедливымъ надо сказать также, что эти результаты не спеціально русскіе. Они болѣе общи. Съ подобными—не говорю съ тождественными явленіями мнѣ приходилось стрѣчаться и въ ссылкѣ французской [1]), что и не удивительно: одинаковы причины—одинаковы слѣдствія, одинаковы основныя начала системы—одинаковы ея результаты.

Д. Дриль.

Письмо въ редакцію.

Приглашенный редакціей журнала *Archiv für die gesamte Psychologie* вести ежегодные обзоры состоянія психологіи въ Россіи, покорнѣйше прошу всѣхъ авторовъ и издателей сочиненій, имѣющихъ отношеніе къ психологіи, не отказаться присылать мнѣ для просмотра свои книги и отдѣльные оттиски статей. Въ случаѣ же невозможности сдѣлать это, прошу сообщать заглавія напечатанныхъ трудовъ, съ обозначеніемъ мѣста и времени напечатанія по адресу: С.-Петербургъ, улица Жуковскаго, 38, А. П. Нечаеву.

Александръ Нечаевъ.

---

[1]) См. мои путевыя записки: «Ссылка во Франціи и Россіи»

РУССКІЙ ВРАЧЪ,

органъ, основанный въ память В. А. МАНАССЕИНА,

подъ редакціею

проф. **В. В. Подвысоцкаго** и д-ра С. **В. Владиславлева.**

ПРОГРАММА:

1) Статьи оригинальныя и переводныя по всѣмъ отраслямъ теоретической и клинической медицины, а также общественной и частной гигіены, съ рисунками и таблицами.

2) Статьи по вопросамъ врачебнаго быта.

3) Рефераты о заграничныхъ и русскихъ работахъ по всѣмъ отраслямъ медицины.

4) Отчеты о засѣданіяхъ ученыхъ обществъ, о докторскихъ диспутахъ и вообще о всѣхъ событіяхъ, касающихся врачей.

5) Письма изъ главнѣйшихъ западно-европейскихъ культурныхъ центровъ о состояніи медицинскихъ и врачебныхъ вопросовъ въ иностранныхъ государствахъ.

6) Рецензіи и библіографія русскихъ и иностранныхъ книгъ по медицинѣ и гигіенѣ.

7) Корреспонденціи, письма въ редакцію, касающіяся вопросовъ врачебнаго быта.

8) Мелкія извѣстія, новости, слухи и т. д., касающіеся врачебныхъ вопросовъ.

9) Жизнеописанія и некрологи съ портретами выдающихся лицъ на поприщѣ медицины.

10) Списокъ защищенныхъ диссертацій въ русскихъ медицинскихъ факультетахъ.

11) Служебныя назначенія и перемѣщенія врачей по военному и по гражданскому вѣдомствамъ.

12) Приложеніе: Краткое содержаніе текущей литературы за истекшіе недѣли и мѣсяцы.

Срокъ выхода журнала въ свѣтъ еженедѣльный.

Подписная цѣна, съ доставкою и пересылкою, на годъ 9 рублей.

Рукописи статей и писемъ въ редакцію, а также отдѣльные оттиски и книги, предназначаемыя для «Русскаго Врача», просятъ присылать одному изъ редакторовъ его проф. В. В. Подвысоцкому (Одесса, Университетъ) или д-ру С. В. Владиславлеву (С.-Петербургъ, Ивановская, № 4).

Подписка принимается въ книжномъ магазинѣ О. А. Риккеръ въ С.-Петербургѣ (Невскій, 14), а также во всѣхъ книжныхъ магазинахъ.

Digitized by Google

I. Оригинальныя статьи.

Ассоціація, какъ законъ воспроизведенія представленій.

А. П. Нечаева.

Было время, когда не только въ широкомъ кругѣ образованныхъ людей, но и среди спеціалистовъ психологовъ незыблемо держалось представленіе о памяти, какъ извѣстнаго рода хранилищѣ пережитыхъ нами душевныхъ состояній: въ это хранилище складываются до извѣстнаго срока полученныя нами представленія и чувства и затѣмъ снова появляются оттуда въ нашемъ сознаніи въ видѣ воспоминаній. Такое воззрѣніе находитъ себѣ пріютъ еще въ теоріи *Гербарта* и его правовѣрныхъ послѣдователей. Однако недостатки подобнаго взгляда теперь уже достаточно выяснились, и въ настоящее время, говоря о широкой области психическихъ явленій, обозначаемыхъ словомъ «воспроизведеніе», мы уже не можемъ думать, будто въ данномъ случаѣ, въ буквальномъ смыслѣ слова, идетъ рѣчь о возвращеніи въ наше сознаніе того же самаго, что уже было нами пережито. Безспорно, у насъ часто является сознаніе, что мы снова переживаемъ тѣ же чувства и тѣ же впечатлѣнія, которыя были нами прежде когда то получены. Это непосредственное сознаніе и служитъ основаніемъ для возникновенія наивнаго психологическаго воззрѣнія, будто наши прежнія представленія дѣйствительно гдѣ то хранились, не сознаваясь нами, а потомъ вдругъ снова появились въ нашей памяти. Но къ этому свидѣтельству непосредственнаго сознанія надо отнестись очень осторожно. Вѣдь такое же непосредственное сознаніе говоритъ намъ о краскахъ внѣшняго міра, о звукахъ, наполняющихъ окружающее насъ пространство, и т. п. Однако мы ясно понимаемъ несостоятельность того наивнаго реализма, который не желаетъ знать различія между качествами нашихъ ощущеній и того, что подъ ними мыслится. Точно также, и говоря о «воспроизведеніи» нашихъ прежнихъ представленій, необходимо проводить строгое различіе между тѣмъ, что можно было бы назвать непосредственными единичными данными состояній нашего сознанія, и тѣмъ значеніемъ, которое они имѣютъ въ общемъ ходѣ нашей интеллектуальной жизни.

Уже при самомъ поверхностномъ самонаблюденіи невольно обращаетъ на

себя вниманіе различіе въ интенсивности «первично-возникающихъ» и «воспроизводимыхъ» представленій: образы воспоминанія въ большинствѣ случаевъ характеризуются какъ нѣчто болѣе слабое, чѣмъ впечатлѣнія, полученныя при дѣйствіи внѣшнихъ раздражителей. Болѣе подробный анализъ процессовъ воспоминанія показываетъ, что между воспроизведенными образами и соотвѣтствующими имъ первоначальными психическими состояніями заключается обыкновенно немалая качественная разница, которая становится особенно ясной, если принять во вниманіе процессы ассимиляціи, послужившіе предметомъ извѣстныхъ анализовъ *Вундта* [1]). Итакъ, стоя на почвѣ строгаго самонаблюденія, если не по отношенію ко всѣмъ, то, по крайней мѣрѣ, къ громадному большинству случаевъ такъ называемаго «воспроизведенія» представленій, нельзя утверждать, что представленіе, «воспроизводимое» въ данный моментъ, дѣйствительно равно тому, которое когда то было «первоначально воспринято».

Если стать на физіологическую точку зрѣнія и, вмѣсто воспроизведенія представленій, какъ психическихъ величинъ, имѣть въ виду лишь воспроизведеніе возбужденій извѣстныхъ нервныхъ элементовъ (или ихъ группъ), какъ физіологическихъ коррелатовъ опредѣленныхъ психическихъ состояній,— то и здѣсь намъ придется признать несостоятельнымъ терминъ «воспроизведеніе», прилагаемый въ буквальномъ смыслѣ этого слова. Не будемъ говорить о томъ, что жизнь всего нашего тѣла (и въ томъ числѣ нервной системы) представляетъ собою постоянный обмѣнъ веществъ, такъ что только въ очень и очень относительномъ смыслѣ слова возможно говорить о возбужденіи «тѣхъ же самыхъ нервныхъ элементовъ» черезъ болѣе или менѣе продолжительный промежутокъ времени. Но возьмемъ данный вопросъ даже въ болѣе простой постановкѣ. Допустимъ на время, что извѣстныя группы нервныхъ элементовъ, оставаясь, сами по себѣ, неизмѣнными, подвергаются, въ моменты 1 и 2, дѣйствію двухъ объективно одинаково сильныхъ (внѣшнихъ или внутреннихъ) раздражителей A и B, или даже дѣйствію одного и того же раздражителя A. Значитъ ли это, что и возбужденіе данныхъ элементовъ въ моменты 1 и 2 будетъ равнымъ? Вѣдь мы знаемъ, что сила возбужденія нервныхъ элементовъ зависитъ не только отъ силы дѣйствующихъ на нихъ возбудителей, но и отъ того, что можно было бы назвать возбудимостью данныхъ нервныхъ элементовъ въ данный моментъ времени; а эта возбудимость, какъ извѣстно, въ значительной степени обусловлена и тѣмъ состояніемъ, въ которомъ находятся въ данный моментъ другія части нервной системы. Такимъ образомъ, одна уже эта сложность комбинаціи взаимодѣйствія всѣхъ частей нервной системы, обусловливающей силу возбужденія опредѣленной группы нервныхъ элементовъ, показываетъ намъ, насколько должно быть ограничено (если только вообще допустимо) количество такихъ случаевъ возбужденія нервныхъ центровъ,

[1]) Grundzüge der Physiologischen Psychologie, III, 528 слѣд.

про которые можно было бы сказать, что они являются повтореніями того, что уже было. А вѣдь большее или меньшее участіе такъ называемыхъ «воспроизведенныхъ» представленій предполагается во всѣхъ сложныхъ состояніяхъ нашего сознанія!..

Для того, чтобы, несмотря на всѣ эти соображенія, удержать гипотезу «воспроизведенія», остается только, вслѣдъ за *Гербартомъ*, широко использовавъ понятіе «безсознательной душевной жизни», провести различіе между абсолютной и относительной величиной представленій, восходящихъ за порогъ сознанія [1]). Тогда можно было бы сказать, что, хотя, по даннымъ самонаблюденія, воспроизводимое представленіе обыкновенно и не равняется тому, что соотвѣтствуетъ ему въ качествѣ первичной психической величины, тѣмъ не менѣе въ обоихъ случаяхъ мы имѣемъ дѣло съ той же самой абсолютной величиной, которая только, отчасти задерживаясь въ области безсознательнаго, отчасти же соединяясь и сливаясь въ области сознательнаго, мѣняетъ свое относительное значеніе въ данномъ моментѣ нашего сознаванія.

Но какъ бы ни казалась заманчивой, въ глазахъ нѣкоторыхъ психологовъ, такая гипотеза, она возбуждаетъ цѣлый рядъ недоумѣній. Вся теорія погруженія представленій за порогъ сознанія, съ сохраненіемъ ихъ абсолютной силы, предполагаетъ понятіе «представливанія» безъ представляемаго, которое, будучи, собственно говоря, выраженіемъ лишь простой *возможности* появленія представленій въ сознаніи, ничѣмъ не отличается отъ тѣхъ понятій «душевныхъ способностей», противъ которыхъ такъ сильно возставалъ самъ Гербартъ. Кромѣ того, вся эта гипотеза является мало соотвѣтствующей направленію современныхъ психологическихъ изслѣдованій и состоянію современныхъ знаній. При томъ слабомъ развитіи психофизіологическихъ свѣдѣній, съ которымъ приходилось считаться ученому первой четверти XIX вѣка, еще можно было, объясняя явленія памяти, довольствоваться неопредѣленными схемами, общими указаніями на существованіе разнаго рода «возможностей» и «способностей», дававшими всетаки нѣкоторый ключъ къ первоначальной классификаціи душевныхъ явленій. Но подобно тому, какъ, съ появленіемъ современной экспериментальной психологіи, должно было стать анахронизмомъ увлеченіе предположительными формулами математической психологіи Гербарта (зачѣмъ общія предположенія тамъ, гдѣ можно вычислять съ большей фактической точностью!), такъ и съ расширеніемъ психофизіологическихъ знаній о памяти должна была перестать казаться удовлетворительной слишкомъ общая, слишкомъ неопредѣленная, слишкомъ расплывчатая теорія «представливанія» безъ представляемаго. Современный психологъ не долженъ успокоиться на формулѣ: «это представленіе сознается мною, потому что у меня была обусловленная предшествующимъ опытомъ возможность его представить». Онъ долженъ идти

[1]) *Herbart*, Psychologie als Wissenschaft, §§ 25—36.

дальше (по пути, отчасти намѣченному самимъ Гербартомъ) и стараться выяснить ближайшія условія этой возможности представливанія.

Но, спрашивается, нужно ли при этомъ обращаться къ понятію «безсознательной душевной жизни»? Мы знаемъ, что современная психофизіологія, хотя часто и прибѣгаетъ къ понятію безсознательнаго, однако это безсознательное обыкновенно понимается или въ смыслѣ смутно сознаваемыхъ душевныхъ явленій, или же въ смыслѣ чисто физіологическихъ процессовъ или состояній, которымъ въ данный моментъ не соотвѣтствуетъ никакое опредѣленное психическое содержаніе, но которые тѣмъ не менѣе могутъ разсматриваться, какъ имѣющіе значеніе для появленія другихъ физіологическихъ процессовъ или состояній, являющихся уже болѣе или менѣе прямыми коррелатами душевныхъ явленій. Методологическая выгода подобнаго рода точки зрѣнія намъ представляется внѣ сомнѣній уже по одному тому, что она обязываетъ принявшихъ ее изслѣдователей всегда доискиваться опредѣленныхъ (психическихъ или физіологическихъ) фактовъ, которые въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ должны соотвѣтствовать допущенному виду безсознательнаго. Между тѣмъ понятіе «представливаніе безъ представляемаго» или, что то же, «безсознательная душевная жизнь» не составляетъ предмета ни субъективнаго (психологическаго), ни объективнаго (физіологическаго) наблюденія.

Въ виду всего этого, въ дальнѣйшемъ изложеніи мы не будемъ пользоваться понятіемъ бозсознательной душевной жизни, въ томъ смыслѣ, какъ примѣнялъ его Гербартъ. Вмѣстѣ съ этимъ, мы должны признать, какъ фактъ, что въ случаяхъ такъ называемаго «воспроизведенія» представленій мы имѣемъ дѣло не съ переживаніемъ *того же самаго* представленія, которое сознавалось нами прежде, а съ инымъ душевнымъ явленіемъ, которое болѣе или менѣе отличается отъ него количественно и качественно и только *понимается*, *истолковывается* нами, какъ то-же самое. Если оставаться на почвѣ строгаго самонаблюденія, то надо согласиться съ тѣмъ, что въ громадномъ большинствѣ случаевъ существуютъ только, такъ сказать, субституты и суррогаты воспроизведенія, болѣе или менѣе яркія иллюзіи переживанія забытаго. И эта иллюзорность воспроизведенія выступаетъ тѣмъ яснѣе, чѣмъ болѣе сложное явленіе воспроизводится въ нашемъ сознаніи. Воспроизведеніе же въ буквальномъ смыслѣ этаго слова, т. е. въ смыслѣ повторенія тѣхъ же самыхъ душевныхъ состояній, если и допустимо въ чрезвычайно ограниченномъ количествѣ случаевъ, то всетаки никогда не можетъ быть научно доказано: придавая вновь переживаемымъ нами душевнымъ состояніямъ значеніе чего то уже пережитаго нами прежде, мысля вновь возникающія въ нашемъ сознаніи представленія, какъ старыя, сохраненныя нашей памятью, впечатлѣнія, мы, въ сущности, напоминаемъ того рантье, который, проживая въ теченіи многихъ лѣтъ проценты съ своего капитала, внесеннаго въ банкъ, захотѣлъ бы наконецъ получить изъ банка «тотъ же самый капиталъ», который былъ имъ когда

то внесенъ. Конечно, ему будутъ выданы уже совсѣмъ не тѣ самыя монеты и бумаги, которыя онъ когда то приносилъ въ банкъ. Значитъ, полученныя деньги только въ условномъ смыслѣ можно будетъ назвать «тѣмъ же самымъ» капиталомъ, — въ смыслѣ того, что имъ придается такое же значеніе, какъ и тѣмъ деньгамъ, которыя были прежде внесены въ банкъ. Если развить это сравненіе дальше, то можно сказать, что, въ зависимости отъ измѣненій условій окружающей жизни, относительная цѣнность денегъ значительно мѣняется, и потому одинъ и тотъ же капиталъ въ два разные момента (въ моментъ вклада въ банкъ и вынимания оттуда) можетъ представлять не одинаковую относительную цѣнность для его владѣльца.

Теперь намъ предстоитъ двойная задача. Мы должны, во первыхъ, объяснить, въ какомъ смыслѣ, съ нашей точки зрѣнія, возможно говорить объ ассоціаціи, какъ законѣ воспроизведенія представленій, и, во вторыхъ, показать, отъ какихъ условій зависятъ иллюзіи, дающія намъ возможность принимать вновь возникающія представленія за старыя. Естественнымъ переходомъ отъ первой задачи ко второй долженъ служить анализъ явленій такъ называемаго воспроизведенія представленій по сходству.

Итакъ: можно ли вообще говорить объ ассоціаціи представленій, какъ законѣ воспроизведенія ихъ?

Во французской литературѣ послѣдняго времени была сдѣлана попытка показать, что отношеніе сходства, существующее между исходнымъ пунктомъ воспроизведенія A и воспроизводимымъ представленіемъ B, не можетъ быть причиной вызова B, такъ какъ это отношеніе можетъ существовать только тогда, когда само B уже вызвано [1]). По этому поводу, въ той же французской литературѣ указывалось, что подобнаго рода разсужденіе можно примѣнить и по отношенію къ принципу смежности [2]).

Нельзя отрицать, что здѣсь ставится интересный принципіальный вопросъ насколько можно считать ассоціацію, существующую между исходнымъ пунктомъ воспроизведенія A и воспроизводимымъ представленіемъ B, причиной появленія въ сознаніи этого B. Разъясняя этотъ вопросъ, указывали на необходимость проводить различіе между ассоціаціей, какъ субъективно-сознаваемымъ отношеніемъ между данными представленіями, и ассоціаціей, какъ извѣстнымъ объективно существующимъ отношеніемъ между ними [3]). Но вѣдь, пока существуетъ въ сознаніи одно только A, а B еще совсѣмъ не появлялось, то между ними нѣтъ еще никакого (ни субъективно-сознаваемаго, ни объективно существующаго) отношенія, которое можно было бы считать причиною возникновенія B вслѣдъ за A. Признаніе ассоціаціи между A и B причиною возникновенія въ нашемъ сознаніи этого B возможно было бы только въ томъ

[1]) *V. Brochard*, De la loi de similarité, *Revue philosophique*, 1880, 257—269.
[2]) La critique philosophique, 1885, I, 194 (Pillon).
[3]) Ibidem.

случаѣ, если бы допустили, что это B дѣйствительно является ничѣмъ инымъ, какъ представленіемъ, *воспроизводимымъ* въ буквальномъ смыслѣ этого слова и, слѣдовательно, уже существующимъ въ нашей душѣ до момента своего воспроизведенія. Но мы уже отказались отъ подобной точки зрѣнія и потому не можемъ остановиться на такомъ пониманіи ассоціаціи.

Душевная жизнь представляетъ собою непрерывный рядъ измѣненій. Внимательно изучая эти измѣненія, мы должны признать, что всѣ предшествующія переживанія оказываютъ извѣстное вліяніе на послѣдующія. Смотря по тому, какимъ вліяніемъ подвергался нашъ психофизическій организмъ въ предшествующіе годы нашей жизни, онъ становится болѣе или менѣе отзывчивымъ къ тѣмъ или инымъ раздраженіямъ, болѣе или менѣе способнымъ къ переживанію тѣхъ или иныхъ состояній. Поэтому, изучая какое нибудь состояніе сознанія въ данный моментъ, всегда позволительно задать два вопроса: 1) Къ какой степени данное состояніе сознанія было обусловлено предшествующимъ опытомъ того субъекта, которому оно принадлежитъ; 2) Къ какой степени оно само можетъ оказать вліяніе на послѣдующую душевную жизнь даннаго лица, и въ особенности на ближайшіе моменты этой жизни.

Изучая опредѣленное состояніе своего сознанія въ его отношеніи къ нашимъ предшествующимъ психофизіологическимъ переживаніямъ, мы обыкновенно убѣждаемся, что многіе элементы переживаемаго нами состоянія сознаются нами, какъ повтореніе или незначительное измѣненіе того, что уже сознавалось въ предшествующіе моменты. Анализируя ближе это отношеніе послѣдующаго къ предыдущему, мы видимъ далѣе, что не всѣ элементы въ отдѣльныхъ состояніяхъ нашего сознанія оказываютъ одинаково сильное вліяніе на моменты послѣдующіе: одни изъ нихъ (на которыхъ сосредоточивается наше невольное или произвольное вниманіе) пріобрѣтаютъ извѣстное господство въ душевной жизни, другіе—замираютъ, стушевываются. Это господство нѣкоторыхъ изъ нашихъ представленій, безспорно, въ значительной степени опредѣляется нашимъ предшествующимъ опытомъ. Для того, чтобы нагляднѣе представить дѣло, возьмемъ три послѣдовательныхъ состоянія сознанія, непосредственно смѣняющихъ другъ друга—1, 2 и 3. Изъ нихъ состояніе сознанія 1 характеризуется представленіями A_1BC_1, состояніе сознанія 2—представленіями NB_2M и состояніе сознанія 3—представленіями A_2QR. (Само собою разумѣется, что, пользуясь въ данномъ случаѣ для обозначенія отдѣльныхъ представленій, характеризующихъ разныя состоянія сознанія, однѣми и тѣми же буквами (A, B), мы не хотимъ сказать этимъ, что данныя представленія, въ буквальномъ смыслѣ слова, равны другъ другу: они только понимаются сознающимъ субъектомъ, какъ равныя или равнозначныя, и только въ этомъ смыслѣ мы обозначаемъ ихъ однѣми и тѣми же буквами). Сравнивая состояніе 2 и 1, мы говоримъ, что представленіе B_2 обусловлено предшествующимъ сознаніемъ представленія B, такъ какъ B_2 является тожественнымъ или сход-

нымъ съ B. Точно такъ же, сравнивая состояніе 3 и 2, мы находимъ, что существованіе представленія A_2 обусловлено вліяніемъ прежде всего—представленія B_2 (въ состояніи 2) и, далѣе, представленія A въ связи съ B (въ состояніи 1). Рѣшая вопросъ, отчего въ данномъ состояніи сознанія пріобрѣли наибольшее вліяніе именно такія, а не другія представленія, мы должны еще болѣе углубиться въ предшествующій опытъ. Изученіе этого опыта дастъ намъ возможность опредѣлить, какія представленія изъ характеризующихъ данное наличное состояніе сознанія слѣдуетъ признать наиболѣе влілтельными для послѣдующей душевной жизни. Такъ, напримѣръ, мы можемъ предположить, что B_2 (въ состояніи сознанія 2) окажетъ болѣе значительное вліяніе на послѣдующій моментъ душевной жизни, чѣмъ представленія N и M, если намъ извѣстно, что B_2 связано болѣе тѣсными отношеніями съ представленіями, характеризовавшими прежнія состоянія сознанія. При всемъ этомъ необходимо помнить, что, если, напримѣръ, говоря о предшествующихъ переживаніяхъ, вліяющихъ на возникновеніе въ сознаніи представленія B_2 (въ моментъ 2), мы указываемъ на представленіе B, характеризовавшее состояніе сознанія 1, то это значитъ лишь то, что указанное предшествующее переживаніе (B) оказало *наиболѣе замѣтное* вліяніе на возникновеніе даннаго представленія B_2, которое, безспорно, было обусловлено вліяніемъ не только B, но и цѣлаго ряда другихъ причинъ. Такъ, напримѣръ, на интенсивность и качество B_2, кромѣ интенсивности и качества B, могутъ оказывать извѣстное вліяніе интенсивность и качество представленій N и M, а также—A и C. Было бы рисковано утверждать, что каждое изъ этихъ вліяній, обусловливающихъ появленіе въ сознаніи B_2, можетъ быть подведено подъ общепринятую формулу ассоціаціи представленій. Вѣдь въ числѣ факторовъ, обусловливающихъ интенсивность и качество представленія B_2, должна быть и сумма всѣхъ внѣшнихъ впечатлѣній, переживаемыхъ въ данный моментъ сознающимъ субъектомъ. Но сомнительно, чтобы можно было безъ натяжки доказать существованіе ассоціаціи между любымъ «воспроизведеннымъ» представленіемъ и каждымъ изъ внѣшнихъ впечатлѣній, одновременно переживаемыхъ. И если бы только мы допускали, что это «воспроизводимое» представленіе, качество и количество котораго опредѣляется такимъ сложнымъ рядомъ психофизіологическихъ вліяній, дѣйствительно есть нѣчто воспроизводимое изъ прежняго опыта въ буквальномъ смыслѣ этого слова, то намъ пришлось бы отказаться отъ мысли видѣть въ такъ называемой «ассоціаціи представленій» не только единственный, но даже основной законъ воспроизведенія.

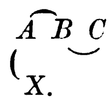
Однако дѣло обстоитъ иначе. Мы знаемъ, что воспроизведенія представленій, въ буквальномъ смыслѣ этого слова, нѣтъ (а если есть, то во всякомъ случаѣ оно является такимъ исключеніемъ, самое существованіе котораго не можетъ быть строго доказано). Существуютъ только иллюзіи воспроизведенія. Новымъ психическимъ переживаніямъ мы придаемъ значеніе старыхъ. Въ этой

то иллюзіи и заключается сущность того, что называется воспроизведеніемъ. Слѣдовательно, если намъ предлагаютъ опредѣлить основные законы воспроизведенія, то въ данномъ случаѣ задача сводится не къ тому, чтобы выяснить причины, обусловливающія *всѣ особенности* вновь возникающихъ въ нашемъ сознаніи состояній, а къ тому, чтобы выяснить *причины, создающія психологическую необходимость считать эти вновь возникающія въ нашемъ сознаніи состоянія за воспроизведеніе чего то уже пережитаго нами.* И вотъ, съ этой точки зрѣнія, въ томъ отношеніи представленій, которое до сихъ поръ описывалось подъ именемъ ихъ ассоціаціи, дѣйствительно можно усмотрѣть проявленіе основного закона, обусловливающаго тѣ психическіе процессы, которые называются воспроизведеніемъ представленій [1]). Подробному выясненію этого вопроса будетъ посвящено мое особое изслѣдованіе, а теперь, послѣ всѣхъ предшествующихъ поясненій, можно перейти къ опредѣленію самаго понятія ассоціаціи.

Основной законъ ассоціаціи представленій можно формулировать такъ:

Если одной изъ причинъ, опредѣляющихъ качество или количество представленія B, характеризующаго наличное состояніе сознанія какого нибудь субъекта, является предшествующее переживаніе, характеризуемое сознаніемъ представленія A, то въ моменты, непосредственно слѣдующіе за даннымъ наличнымъ состояніемъ сознанія (B), представленіе C, особенности котораго находятся въ зависимости отъ переживанія, характеризуемаго сознаніемъ представленія B, въ то же время обусловливается замѣтнымъ вліяніемъ тѣхъ психофизіологическихъ переживаній X, которыя находились въ одновременной или послѣдовательной связи съ переживаніемъ, характеризуемымъ сознаніемъ представленія A [2]).

Взаимное отношеніе психофизіологическихъ переживаній, указанныхъ въ данномъ опредѣленіи, наглядно можетъ быть выражено такъ:



[1]) Выяснивъ свою точку зрѣнія на процессъ «воспроизведенія» представленій, я въ дальнѣйшемъ изложеніи буду пользоваться терминами «воспроизводимое представленіе», «процессъ воспроизведенія» и т. п. уже безъ всякихъ особыхъ оговорокъ. Читатель будетъ помнить, въ какомъ смыслѣ надо понимать эти термины и къ чему, слѣдовательно, меня могутъ обязывать эти выраженія.

[2]) Примѣръ. Мы видимъ молнію. Количественная и качественная сторона даннаго воспріятія (B) опредѣляется въ извѣстной степени и тѣмъ, что подобнаго рода впечатлѣніе нами получено уже не въ первый разъ. Такимъ образомъ предшествующее воспріятіе блеска молніи (A) можно разсматривать, какъ одну изъ причинъ, опредѣляющихъ особенности воспріятія молніи въ данный моментъ. Но это воспріятіе молніи сопровождается невольнымъ ожиданіемъ грома. Представленіе грома (C), явившееся вслѣдъ за воспріятіемъ молніи (B), надо считать обусловлен-

Остановимся на этомъ опредѣленіи. Оно предполагаетъ, по крайней мѣрѣ, четыре представленія

A—X—B—C.

Отношеніе *A—X* назовемъ *первоначальной* или *потенціальной* ассоціацией. Отношеніе *B—C* назовемъ ассоціацией *вторичной* или *дѣйствующей*. Когда человѣкъ въ первый разъ видитъ молнію (*A*) и вслѣдъ за этимъ слышитъ громъ (*X*), то представленія молніи и грома находятся между собою въ первоначальной или потенціальной ассоціаціи, которая служитъ только подготовительной ступенью къ дѣйствующей ассоціаціи, какъ процессу воспроизведенія. Такая дѣйствующая ассоціація обнаруживается лишь тогда, когда вторичное воспріятіе блеска молніи (*B*) влечетъ за собою представленіе грома. Это послѣднее представленіе (грома) нельзя считать (стр. 530) тожественнымъ тому первоначальному воспріятію грома, которое было обозначено буквой *X*. Поэтому его надо обозначить другою буквой—*C*. Теперь спрашивается: насколько необходимо для пониманія перехода потенціальной ассоціаціи *A—X* въ дѣйствующую *B—C* предположеніе особаго момента въ сознаніи, характеризуемаго появленіемъ представленія *B*. Развѣ нельзя себѣ представить болѣе простой процессъ, который выражался бы смѣной представленій

X—A—C?

Для рѣшенія этого вопроса, надо прежде всего помнить, что потенціальная ассоціація *X—A* можетъ выражаться въ отношеніи или одновременности, или послѣдовательности. Въ первомъ случаѣ для перехода потенціальной ассоціаціи въ дѣйствующую, несомнѣнно, всегда придется предположить такой моментъ, когда одно изъ данныхъ представленій (*X* или *A*) перестанетъ сознаваться (потому что иначе нельзя было бы и говорить о «воспроизведеніи» по ассоціаціи того, что ни на одинъ моментъ не выпадало изъ сознанія). Предположимъ, что изъ двухъ представленій *X* и *A*, находящихся въ потенціальной ассоціаціи по одновременности, перестало сознаваться *X*. Это не можетъ остаться безъ вліянія на качество или количество оставшагося въ сознаніи представленія *A*, которое поэтому точнѣе будетъ признать уже инымъ представленіемъ сравнительно съ *A* и обозначить особою буквою—*B*. Итакъ, для пониманія перехода *всякой* потенціальной ассоціаціи по одновременности въ ассоціацію дѣйствующую необходимо допустить, по крайней мѣрѣ, четыре представленія.

Допустимъ теперь, что потенціальная ассоціація *X—A* выражается въ отношеніи послѣдовательности. Если принять во вниманіе, что отношенія представленій, сознаваемыхъ нами въ послѣдовательности, строго говоря, сводятся къ одновременности (*Вундтъ*), то и къ этому случаю примѣнимо

нымъ этимъ самымъ воспріятіемъ (*B*). Но оно въ то же самое время обусловливается тѣмъ обстоятельствомъ, что предшествующее воспріятіе молніи (*A*) сопровождалось воспріятіемъ грома (*X*).

все, сказанное сейчасъ. Но допустимъ даже, что представленія *X—A* находятся въ отношеніи чистой послѣдовательности, причемъ представленіе *X* предшествуетъ представленію *A*. Тогда дѣйствующую ассоціацію можно мыслить или въ формѣ, соотвѣтствующей данной потенціальной ассоціаціи, когда вслѣдъ за появленіемъ въ сознаніи представленія, равнозначнаго *X*, возникаетъ представленіе, равнозначное *A*, или въ обратной формѣ (*A—X*). Въ первомъ случаѣ мы (въ силу предшествующихъ разсужденій) должны будемъ ввести два новыхъ представленія—*C* (равнозначное *X*) и *B* (равнозначное *A*). Во второмъ случаѣ дѣйствительно можно было бы понять переходъ потенціальной ассоціаціи въ дѣйствующую безъ допущенія четвертаго представленія. Но этотъ случай является скорѣе логической конструкціей, чѣмъ точнымъ психологическимъ фактомъ, потому что нельзя точно доказать самаго существованія потенціальныхъ ассоціацій, сводимыхъ къ отношенію чистой послѣдовательности.

Допустивъ, что всякій, фактически осуществленный процессъ «воспроизведенія по ассоціаціи» предполагаетъ четыре представленія

X—A—B—C,

мы должны теперь ближе опредѣлить взаимныя отношенія этихъ представленій. Отношеніе *X—A* нами было обозначено, какъ потенціальная ассоціація, отношеніе *B—C*, какъ ассоціація дѣйствующая.

Всякая дѣйствующая ассоціація предполагаетъ предшествующее существованіе ассоціаціи потенціальной, а эта послѣдняя, въ принятой нами формулѣ (*X—A*), очевидно сводится къ отношенію смежности. Изъ четырехъ представленій, составляющихъ ассоціаціонный процессъ, два понимаются, какъ равнозначныя двумъ другимъ. Вслѣдствіе этого обыкновенно принято говорить объ ассоціаціонномъ процессѣ, какъ отношеніи *двухъ*, а не четырехъ представленій. Представленіе *B* понимается, какъ равнозначное представленіе *A*; представленіе *C*—какъ равнозначное представленіе *X*.

Если представленіе *B* нерѣдко оказывается непосредственно слѣдующимъ за представленіемъ *A* (причемъ иногда возможно даже, съ извѣстной натяжкой, допустить, что B=A), то представленіе *C* никогда не слѣдуетъ непосредственно за представленіемъ *X*. Въ какомъ же смыслѣ возможно разсуждать о связи *X* и C? Какая связь существуетъ, напримѣръ, между представленіемъ грома, какъ невольнымъ воспоминаніемъ, возникающимъ вслѣдъ за даннымъ воспріятіемъ молніи, и тѣмъ предшествующимъ воспріятіемъ грома, которое находилось въ потенціальной ассоціаціи съ другимъ предшествующимъ воспріятіемъ молніи?

Обсуждая отношеніе *X*—C, хочется сказать, что оно сводится къ сходству. Однако нельзя забывать, что, устанавливая такое опредѣленіе, мы, собственно говоря, вызываемъ *X* и C изъ той ассоціаціонной цѣпи, въ которой они дѣйствительно находятся. Мы разсматриваемъ *X* и C, какъ взятыя совершенно изолированно другъ отъ друга. Дѣйствительно, нельзя говорить *о непосред-*

ственномъ вліяніи X на С уже по одному тому, что ихъ существованіе раздѣлено опредѣленнымъ промежуткомъ времени, и въ моментъ возникновенія С представленіе X уже не существуетъ. Значитъ, вліяніе X на С возможно только благодаря существованію нѣкоторыхъ промежуточныхъ состояній, которыя, находясь подъ непосредственнымъ вліяніемъ X, въ то же время непосредственно вліяютъ на С или же на состоянія, непосредственно его опредѣляющія.

Жизнь нашего психифизическаго организма представляетъ собою непрерывный рядъ измѣненій. При этомъ всякое данное психофизическое состояніе опредѣляется, во первыхъ, суммой всѣхъ внѣшнихъ раздражителей, дѣйствующихъ въ данный моментъ на организмъ, а, во вторыхъ, состояніемъ этого организма въ моментъ непосредственно предшествующій данному. Конечно, это послѣднее состояніе, въ свою очередь, опять таки опредѣляется состояніемъ предшествующимъ и т. д. Для простоты объясненія, мы часто не принимаемъ во вниманіе этого длиннаго ряда непосредственно слѣдующихъ одно за другимъ и непосредственно вліяющихъ одно на другое состояній, изъ которыхъ каждое является такимъ образомъ результатомъ всѣхъ предшествующихъ психофизическихъ переживаній даннаго субъекта. Мы обыкновенно прямо указываемъ, что. напримѣръ, при существованіи ряда психофизическихъ измѣненій A B C D E...., на состояніи E обнаруживается вліяніе A. Такое обозначеніе, по своей краткости, представляетъ, конечно, очень много удобствъ. Но нельзя забывать условности этого обозначенія. Надо помнить, что въ данномъ случаѣ, строго говоря, A совсѣмъ не вліяетъ на E, такъ какъ въ моментъ появленія E его уже не существуетъ; но E подвергается непосредственному вліянію Д, на которомъ въ свою очередь сказалось вліяніе C, и т. д. до вліянія A на B включительно.

Съ этой точки зрѣнія придется признать, что *фактически* вліяніе однихъ душевныхъ состояній на другія всегда выражается въ формахъ отношенія смежности. Но почему же въ такомъ случаѣ, выясняя вліяніе на данное душевное состояніе другихъ душевныхъ состояній, мы часто игнорируемъ цѣлый рядъ моментовъ, непосредственно предшествующихъ этому данному состоянію, и указываемъ на какое нибудь сравнительно очень отдаленное переживаніе, какъ на вліяніе, по преимуществу опредѣляющее его особенности?

Основанія для этого могутъ быть отчасти объективнаго, отчасти субъективнаго характера.

Во первыхъ, мы въ данномъ случаѣ отмѣчаемъ тотъ моментъ, съ котораго *начался* рядъ непрерывныхъ психофизическихъ состояній, завершившихся наконецъ тѣмъ, которое подлежитъ нашему истолкованію. Для примѣра возьмемъ нѣкоторые случаи идіосинкразіи. Человѣкъ задрожалъ, увидавъ чернаго таракана. Объясняя свое состояніе, онъ указываетъ на то, что еще въ дѣтствѣ какъ то во время сна къ нему въ кровать попалъ черный таракапъ.

вызвавшій въ немъ сильный испугъ и чувство глубокаго отвращенія. Съ тѣхъ поръ видъ таракана постоянно вызываетъ въ немъ невольный трепетъ. Несомнѣнно, что въ данномъ случаѣ фактически мы имѣемъ дѣло съ непрерывнымъ рядомъ вліяній предшествующихъ психофизическихъ состояній на послѣдующія. Человѣкъ росъ. Измѣнялся его организмъ. Эти измѣненія обусловливались не только особенностями окружающей среды, но и особенностями самого организма человѣка. Въ любой моментъ жизни этого организма (каковы бы ни были внѣшнія вліянія, воздѣйствующія на него) онъ не могъ обнаружить того, къ чему уже не былъ способенъ въ моментъ, непосредственно предшествующій данному. Но, прослѣживая назадъ цѣлый рядъ вліяній, обусловливающихъ проявленіе той или другой способности извѣстнаго организма въ данный моментъ, можно дойти наконецъ до опредѣленнаго пункта, который приходится, съ данной точки зрѣнія, разсматривать, какъ начальный. Для краткости, можно, игнорируя всѣ послѣдующіе (такъ сказать, передаточные) моменты, назвать его дѣйствующей причиной, порождающей данное состояніе.

Второй отвѣтъ на поставленный выше вопросъ можетъ быть данъ съ субъективной точки зрѣнія. Онъ сводится къ тому, что нѣкоторыя состоянія сознанія невольно истолковываются нами, какъ равнозначныя тѣмъ, которыя давно уже были нами пережиты. Они *узнаются* нами, какъ старыя. На чемъ основано это узнаваніе, — я надѣюсь выяснить въ другомъ сочиненіи. Теперь же, подводя итогъ всѣмъ разсужденіямъ объ отношеніи представленій X—С, надо принять, что

1) X не оказываетъ никакого непосредственнаго вліянія на С,

2) о вліяніи X на С можно говорить лишь въ условномъ смыслѣ, на сколько оно вліяетъ на состоянія, непосредственно предшествующія состоянію, характеризуемому представленіемъ С,

3) если С понимается сознающимъ субъектомъ, какъ равнозначное представленію Х, то это вызываетъ невольное стремленіе считать X непосредственно вліяющимъ на состояніе, характеризуемое сознаніемъ представленія С, но изъ этого еще не слѣдуетъ, что X *дѣйствительно* оказываетъ непосредственное вліяніе на С,

4) весь процессъ дѣйствительнаго вліянія X на С сводится къ отношенію смежныхъ состояній.

Все, что сказано о взаимномъ отношеніи представленій X—С, въ основныхъ чертахъ возможно примѣнить и къ представленіямъ А—В, особенно когда они бываютъ раздѣлены нѣкоторымъ промежуткомъ времени.

О личномъ и общемъ сознаніи [1]).

Академика В. М. Бехтерева.

Въ новѣйшее время вмѣстѣ съ успѣхами психопатологіи, и въ особенности вмѣстѣ съ развитіемъ ученія о гипнозѣ и внушеніи въ психологіи накопилось большое число фактовъ и наблюденій, которые одними толкуются, какъ проявленія безсознательной мозговой дѣятельности, другими, какъ явленія, доказывающія существованіе двойного сознанія или двухъ «я», причемъ второе «я», по взгляду нѣкоторыхъ, присутствуетъ не только въ состояніяхъ гипноза и въ патологическихъ случаяхъ съ помраченіемъ нормальнаго сознанія, но даже и при всякой вообще психической дѣятельности.

Надо при этомъ замѣтить, что терминъ «безсознательная дѣятельность» различными авторами понимается не одинаково и прежде, чѣмъ касаться интересующаго насъ вопроса, мы должны указать на болѣе существенные изъ этихъ взглядовъ.

Какъ извѣстно Leibnitz [2]) впервые ввелъ понятіе о безсознательной душевной дѣятельности. Съ тѣхъ поръ оно упрочилось въ психологіи и находитъ себѣ защитниковъ среди представителей самыхъ различныхъ направленій.

По Leibnitz'у, мы должны различать замѣтныя воспріятія или апперцепцію и незамѣтныя или безсознательныя воспріятія, иначе перцепцію. Послѣдняя обнаруживается напр. во время сна и обморока, при которыхъ воспріятіе ничуть не прекращается вполнѣ. Безсознательныя воспріятія, по Leibnitz'у, должны имѣть извѣстное содержаніе и обладать индивидуальнымъ характеромъ.

Они лежатъ вообще въ основѣ всей сознательной жизни. Путемъ вниманія выдѣляются изъ нихъ отдѣльныя явленія, служащія предметомъ сознательнаго воспріятія. Вниманіе же опредѣляется съ одной стороны силою внѣшняго впечатлѣнія, съ другой стороны привычкой и интересомъ къ даннымъ впечатлѣніямъ.

Вотъ въ самыхъ общихъ чертахъ основы ученія о безсознательномъ воспріятіи Leibnitz'а.

Эти взгляды въ значительной мѣрѣ отразились и на ученіи объ апперцепціи современнаго намъ маститаго представителя физіологической психо-

---

[1]) Докладъ, сдѣланный авторомъ въ Обществѣ нормальной и патологической психологіи въ 1904 году.

[2]) Gergard. Die Philosophischen Schriften von G. Leibnitz. Berlin. I—VII. 1875—1890. См. также проф. В. С. Серебренниковъ. Ученіе Лейбница о безсознательной душевной жизни. Вѣстн. псих. г. 1, вып. 2. 1904.

логіи W. Wundt'a [1]). Послѣдній признаетъ, что дѣйствительными представленіями могутъ быть только сознательныя представленія; въ томъ же случаѣ, когда представленіе исчезаетъ изъ сознанія, остается только «психическое расположеніе къ возобновленію представленія въ сознаніи», слѣдовательно ни о какомъ сознаніи здѣсь уже не можетъ быть и рѣчи. Съ этой точки зрѣнія подъ безсознательной дѣятельностью понимается такое состояніе, когда физіологическіе процессы не достигаютъ порога сознанія. Такъ какъ, по Wundt'y, характерной особенностью сознанія являются представленія, то очевидно, что и въ такихъ состояніяхъ, какъ гипнозъ и сонъ, дѣло идетъ также о сознательной, хотя и измѣненной, психической дѣятельности.

W. Vundt также пользуется терминомъ перцепціи, подъ которой понимается введеніе представленій во внутреннее поле зрѣнія, и апперцепціи, подъ которой понимается введеніе представленій въ ясную фиксаціонную точку сознанія. Этотъ послѣдній актъ можетъ быть активнымъ и пассивнымъ и сопровождается особымъ субъективнымъ чувствомъ внутренней дѣятельности, различнымъ въ зависимости отъ характера самой апперцепціи.

Ziehen не признаетъ понятія апперцепціи, согласно Wundt'y, какъ не признаетъ за сознаніемъ и самодѣятельнаго характера. По его воззрѣнію, въ психической сферѣ на первый планъ всегда выступаетъ дѣятельность ассоціаціи. Тѣмъ не менѣе авторъ признаетъ существованіе скрытыхъ представленій и скрытыхъ воспоминательныхъ образовъ, служащихъ выраженіемъ безсознательной психической дѣятельности.

Другіе изъ психологовъ совершенно исключаютъ безсознательную душевную дѣятельность. Вотъ, что мы читаемъ напр. по этому поводу въ недавно вышедшей книгѣ А. П. Нечаева [2]). «Я опредѣлилъ душевное явленіе, какъ фактъ сознанія. По этому поводу можетъ возникнуть естественное сомнѣніе не слишкомъ ли узко мое опредѣленіе. Можно ли всякое душевное явленіе считать непремѣнно явленіемъ, непосредственно намъ извѣстнымъ, т. е. сознательнымъ, и не хочу ли я своимъ опредѣленіемъ душевнаго явленія, какъ факта сознанія, внушить мысль, что всякая душевная жизнь есть жизнь сознательная и что безсознательной душевной жизни не существуетъ. Да, я именно это самое и хотѣлъ сказать. Если только мы не желаемъ переступать границъ опыта, то должны признать, что всякая душевная жизнь есть жизнь непосредственно намъ извѣстная, т. е. сознательная. *Безсознательной душевной* [3]) жизни въ буквальномъ смыслѣ этого слова нельзя допустить. Если иногда и говорятъ о *безсознательной* душевной жизни, то это выраже-

[1]) W. Wundt. Grundzuge der physiol. Psychologie, стр. 265.

[2]) А. Нечаевъ. Очеркъ психологіи для воспитателей и учителей. СПБ. 1904, стр. 23.

[3]) Здѣсь и ниже курсивъ автора.

ніе или вовсе не имѣетъ никакого смысла, или по крайней мѣрѣ оказывается выраженіемъ недостаточно точнымъ».

По автору, если напр. человѣкъ въ припадкѣ гнѣва не сознаетъ послѣдствій того, что онъ дѣлаетъ, то здѣсь, по его словамъ, можно усмотрѣть нѣчто безсознательное, но это уже не будетъ душевное явленіе, и потому вмѣсто *безсознательной* дѣятельности лучше говорить въ этомъ случаѣ объ ея *отсутствіи*.

Въ концѣ концовъ авторъ признаетъ, что ученіе о безсознательной дѣятельности «носитъ *метафизическій* характеръ, такъ какъ самое существованіе безсознательной душевной жизни въ прямомъ значеніи этого слова очевидно не можетъ быть ни доказано, ни опровергнуто при помощи опыта».

Нѣкоторые авторы расширяютъ понятіе сознанія до степени элементарныхъ ощущеній, происходящихъ даже при отсутствіи самосознающаго состоянія. Herzen напр. отличаетъ безличное сознаніе, когда ощущенія испытываются, но не сознаются, какъ принадлежащія себѣ.

Здѣсь очевидно простое ощущеніе принято за элементъ сознанія и слѣд. последнее не съужено до сферы представленій, какъ напр. въ Wundt'овскомъ ученіи.

Болѣе широкаго взгляда на сознаніе держится между прочимъ и Kraepelin, который безсознательными состояніями называетъ лишь тѣ процессы, когда уже не можетъ быть мѣста для превращенія физіологическихъ процессовъ въ психическіе.

Такого же взгляда держатся и нѣкоторые изъ псиxіатровъ. Проф. Анфимовъ напр. въ своей рѣчи «Личность и сознаніе», держась болѣе широкаго взгляда на сознаніе, признаетъ, что сознаніе начинается съ того момента, «какъ только инертная масса зародыша пріобрѣтаетъ движенія. Такимъ образомъ сознательная дѣятельность начинается еще въ утробной жизни плода». На ряду съ этимъ авторъ признаетъ и «таинственный психическій міръ, лежащій за порогомъ сознанія».

Большинство психіатровъ подъ безсознательной дѣятельностью признаютъ особую психическую дѣятельность, въ которой, по выраженію K. Ebing'a, нервныя возбужденія превращаются въ настроенія, въ которой перерабатываются представленія въ мысли и импульсы, въ которой регулируются волевыя движенія и т. п. Эта безсознательная дѣятельность является такимъ образомъ гораздо болѣе важною, чѣмъ дѣятельность сознательная, дѣятельность нашего «я».

Подобные же взгляды развиваетъ и Schüle, который признаетъ, что мы какъ бы постоянно вращаемся въ двойной психичеекой сферѣ — сознательной и безсознательной.

По Meynert'у сознательные процессы сопутствуются представленіями, протекающими ниже порога сознанія. Эти вторичныя представленія, по взгляду Meynert'a, могутъ вступать въ логическія сочетанія другъ съ другомъ, образовывать такъ называемыя безсознательныя умозаключенія и служить основаніемъ для сознательныхъ выводовъ и сужденій.

С. С. Корсаковъ признаетъ существованіе безсознательной идеаціи, допуская, что въ безсознательной сферѣ не только возникаютъ идеи, но и происходитъ ихъ сочетаніе другъ съ другомъ, иначе говоря, происходитъ какъ бы «безсознательная идеація».

Очевидно, что подъ названіемъ безсознательной психической дѣятельности здѣсь понимается психическая дѣятельность, которая отличается отъ нормальной лишь тѣмъ, что лишена характерной особенности сознанія-субъективности или сознаванія процессовъ, которые входятъ въ содержаніе этой психической дѣятельности.

Въ остальномъ же послѣдняя мало чѣмъ отличается отъ нормальной психической дѣятельности, занимая даже болѣе важное значеніе въ душевной жизни, нежели послѣдняя.

По Игнатьеву [1]) сознательною душевною дѣятельностью слѣдуетъ признать ту, при которой «процессы ассоціаціи представленій воспринимаются нами непосредственно въ качествѣ дѣятельности нашего «я» на всемъ протяженіи этихъ процессовъ, опредѣляемомъ существованіемъ процессовъ и ихъ послѣдовательностью».

Иначе говоря, «сознаніе есть дѣятельность нашего я», тамъ, гдѣ «я» не входитъ активнымъ элементомъ въ токъ ассоціаціи представленій, тамъ уже отсутствуетъ существенный признакъ сознательности, и душевная дѣятельность принимаетъ характеръ «психическаго автоматизма». Тамъ же, гдѣ наше «я» не только не принимаетъ участья въ процессахъ ассоціаціи представленій, но гдѣ эти процессы нами даже вовсе не воспринимаются и передъ нашимъ сознаніемъ выступаютъ лишь готовые результаты этихъ ассоціацій, тамъ душевная дѣятельность является уже совершенно «безсознательной».

Надо при этомъ замѣтить, что по, автору, «психическій автоматизмъ и прямо безсознательная психическая дѣятельность составляютъ лишь градаціи внѣсознательной психической дѣятельности». Послѣдняя такимъ образомъ какъ бы расчленяется на два особыхъ вида.

Признаками внѣсознательной дѣятельности авторъ считаетъ прежде всего «отсутствіе избирательнаго хода въ токѣ ассоціацій представленій», затѣмъ «характеръ ассоціацій внѣсознательной душевной дѣятельности рѣзко отличается отъ логики, присущей дѣятельности сознанія». «Логика внѣсознательной дѣятельности сплошь и рядомъ даетъ матеріалъ для болѣе важныхъ «умозаключеній» чѣмъ логика сознательнаго мышленія». Здѣсь имѣется въ виду вѣрность «перваго впечатлѣнія», логическая точность внѣсознательнаго мышленія въ рѣшеніи математическихъ задачъ, во снѣ, и т. п. явленія. Наконецъ третья особенность внѣсознательной сферы это «глубокое интуитивное значеніе продуктовъ ея для нашего сознанія», подъ которыми понимается непреобо-

[1]) Сообщеніе въ общ. норм. и пат. псих. 5 дек. 1900.

римость и навязчивость продуктовъ внѣсознательной дѣятельности, когда они проникаютъ въ сознаніе. Наконецъ отличіе внѣсознательной и сознательной дѣятельности опредѣляется отличіемъ ихъ въ отношеніи къ чувственнымъ раздраженіямъ». Впечатлѣнія относительно другихъ болѣе интенсивныя, болѣе опредѣленныя, отчетливыя, изолированныя и новыя служатъ достояніемъ сознанія. Напротивъ того раздраженія привычныя, слабой интенсивности, раздраженія общаго, неопредѣленнаго характера, отражаясь на общемъ самочувствіи, воспринимаются главнымъ образомъ внѣсознательной дѣятельностью.

При разработкѣ вопроса о гипнозѣ также сказались большія разнорѣчія во взглядахъ авторовъ на психологическую природу гипнотическихъ состояній. Такъ, нѣкоторые авторы пытались примѣнить къ гипнозу и сроднымъ съ нимъ патологическимъ состояніямъ теорію безсознательной психической дѣятельности въ истинномъ смыслѣ этого слова. Но неумѣстность этихъ взглядовъ здѣсь болѣе чѣмъ очевидна.

Дѣло въ томъ, что явленія, наблюдаемыя въ гипнозѣ, по своей сложности ничуть не уступаютъ явленіямъ нормальнаго сознанія, и потому съ объясненіемъ гипноза безсознательной мозговой дѣятельностью совершенно утрачивается всякое различіе между безсознательнымъ и сознательнымъ, если исключить критерій, заключающійся въ субъективности или сознательности послѣднихъ. Надо впрочемъ замѣтить, что теорія безсознательной мозговой дѣятельности въ примѣненіи къ гипнозу встрѣчаетъ большія возраженія и между прочимъ въ позднѣйшее время она подверглась рѣзкой критикѣ со стороны Б. Сидиса [1]). Мы заимствуемъ изъ сочиненія этого автора наиболѣе характерныя мѣста.

«Можетъ ли теорія безсознательной мозговой дѣятельности, говоритъ этотъ авторъ, объяснить напр. амнезію, внушенную въ гипнозѣ? Я гипнотизирую г. В. Ф. и провожу его чрезъ множество живыхъ сценъ и поступковъ, даю ему гипнотическія и послѣгипнотическія внушенія; субъектъ то пробуждается, то гипнотизируется; наконецъ въ гипнотическомъ состояніи ему внушаютъ, что пробудясь, онъ не будетъ помнить ничего случившагося въ гипнозѣ. Субъектъ, выйдя изъ транса, не помнитъ ничего съ нимъ происходившаго. Тогда я кладу ему на лобъ руку и говорю повелительно: «Вы помните теперь все!». Какъ по мановенію волшебнаго жезла, подавленныя воспоминанія оживаютъ и наполняютъ сознаніе субъекта. Онъ теперь все ясно помнитъ и способенъ разсказать повѣсть своихъ похожденій безъ малѣйшихъ пропусковъ. Разсказъ до того подробенъ, что нельзя не удивляться необыкновенной памяти субъекта. Какъ же теорія безсознательной мозговой дѣятельности объяснитъ этотъ странный фактъ? Проф. Ціэнъ въ своей физіологической психологіи говоритъ намъ, что «можно все таки сомнѣваться, не суть ли всѣ факты гипноза движенія,

---

[1]) Б. Сидисъ. Психологія внушенія. СПБ. 1902.

исполненныя безъ сопровождающихъ психическихъ процессовъ» и что «даже воспоминаніе гипнотическихъ психическихъ процессовъ не говоритъ необходимо въ пользу ихъ существованія въ трансѣ». Конечно, этотъ крайній взглядъ ошибоченъ, потому что субъектъ въ гипнозѣ не только дѣйствуетъ, движется, но также говоритъ, разумно отвѣчаетъ на вопросы, размышляетъ, обсуждаетъ и, если такого индивидуума можно считать за простую машину, то на тѣхъ же основаніяхъ мы можемъ на каждаго разумнаго человѣка смотрѣть, какъ на безсознательнаго автомата».

«Защитники безсознательной мозговой дѣятельности должны по крайней мѣрѣ допустить, что гипнозъ—сознательное состояніе. Изъ теоріи безсознательной мозговой работы совсѣмъ непонятно, какъ психическіе процессы могутъ быть подавлены, а сопровождающіе ихъ безсознательные физіологическіе оставлены одни—и все это только по слову экспериментатора. Возстановленіе памяти еще непонятнѣе внушенной амнезіи. Приказъ экспериментатора: «теперь вы можете вспомнить!» приводитъ въ сознаніе потокъ идей и образовъ. Экспериментаторъ даетъ субъекту не намекъ, который пробуждаетъ ряды особыхъ образовъ и идей, но общее отвлеченное внушеніе: «Вы можете вспомнить!»— этого достаточно, чтобы воскресить воспоминанія, которыя повидимому исчезли изъ ума субъекта. Неужели безсознательныя физіологическія нервныя измѣненія могутъ понимать внушенія и имъ слѣдовать? Неужели безсознательная мозговая дѣятельность понимаетъ приказъ экспериментатора и дѣлаетъ послѣднему одолженіе, становясь сознательной? Изслѣдуя ближе, мы находимъ, что терминъ «безсознательная мозговая дѣятельность» такъ широкъ, что подъ него часто подгоняютъ факты, ясно обнаруживающіе работу ума».

«Защитники безсознательной мозговой дѣятельности подъ этимъ терминомъ понимаютъ не только физіологическіе нервные процессы, но и психическія состоянія. Если же отчетливо представлять дѣйствительный смыслъ безсознательной мозговой дѣятельности, какъ относящейся только къ физіологическимъ нервнымъ процессамъ безъ сопровождающихъ психическихъ, трудности объяснить этимъ путемъ явленія гипнотической памяти становятся поистинѣ непреодолимыми. Ибо, если включенные въ категорію безсознательной мозговой дѣятельности физіологическіе процессы вполнѣ лишены всякаго психическаго элемента, какъ можетъ общая абстрактная отрицательная фраза подавить спеціальныя психическія состоянія, и какъ можетъ подобная же положительная фраза привести забытыя воспоминанія къ сознанію? Это просто непостижимо.

Далѣе субъекту въ трансѣ мы можемъ внушить, что, пробудясь, онъ не будетъ ничего помнить, но посаженный за планшетку запишетъ все случившееся въ гипнозѣ. Потомъ его будятъ; онъ не помнитъ ничего происшедшаго въ трансѣ; но, какъ только его посадятъ за автоматическое письмо, рука даетъ полный разумный отчетъ обо всѣхъ явленіяхъ. Если теперь вы спросите субъекта, что онъ написалъ, онъ будетъ глядѣть на васъ съ изумленіемъ, потому

что не знаетъ ничего о письмѣ. Какъ мы объяснимъ этотъ фактъ теоріей безсознательной мозговой дѣятельности? развѣ могутъ безсознательные физическіе процессы писать разумныя разсужденія. Это просто чудесно, непонятно» [1]).

Далѣе Сидисъ указываетъ еще на другія трудности въ объясненіи гипнотическихъ состояній безсознательнымъ состояніямъ, такъ какъ оказывается, что субъектъ при разспросахъ о дѣйствіи, выполняемомъ подъ вліяніемъ внушенія, нерѣдко обнаруживаетъ общее понятіе о немъ, тогда какъ по теоріи безсознательной мозговой дѣятельности не должно быть такого общаго знанія о выполняемомъ подъ вліяніемъ внушенія, особенно раньше выполненія этого внушенія.

На ряду съ этими совершенно справедливыми разсужденіями мы съ своей стороны могли бы указать на то, что и внушенія, производимыя на срокъ никакъ не мирятся съ теоріей безсознательной мозговой дѣятельности. Если бы эти внушенія на срокъ выполнялись строго автоматически, безъ всякаго участія сознанія, то спрашивается, кто и какъ опредѣляетъ срокъ выполненія внушенія. Вѣдь продолжительность этого срока измѣряется по тому же масштабу, какъ и всякое время въ обыкновенномъ психическомъ состояніи? Какъ же безсознательная дѣятельность можетъ опредѣлять этотъ срокъ, когда масштабъ его извѣстенъ лишь сознанію. Затѣмъ внушенія съ превращеніемъ личности не служатъ ли также опроверженіемъ теоріи безсознательнаго? Возьмемъ примѣръ: гипнотику мы говоримъ, что онъ не взрослый, а еще мальчикъ, что онъ теперь посѣщаетъ школу. Этого достаточно чтобы въ его головѣ воскресъ рой воспоминаній изъ школьнаго періода, и онъ передаетъ эти воспоминанія со всѣми подробностями, причемъ эти воспоминанія, по крайней мѣрѣ въ извѣстныхъ своихъ частяхъ, дѣйствительно отвѣчаютъ пережитымъ впечатлѣніямъ. Спрашивается, какимъ путемъ эти воспоминательные образы могутъ быть воскрешены безсознательной мозговой дѣятельностью и почему они сами должны признаваться безсознательными, когда въ нормальномъ сознаніи тѣ же образы признаются нами за сознательные?

Словомъ, чѣмъ болѣе мы углубляемся въ анализъ явленій гипноза и внушенія, тѣмъ болѣе мы встрѣчаемъ затрудненій въ объясненіи этихъ явленій съ помощью безсознательной мозговой дѣятельности.

Эта гипотеза, такимъ образомъ, не выдерживаетъ научной критики и должна быть совершенно отвергнута, какъ не имѣющая подъ собой твердой почвы и фактической основы. Признавая недостаточность вышеуказанной теоріи, нѣкоторые авторы, особенно французской школы, а за ними и другіе высказываются въ томъ смыслѣ, что въ случаяхъ гипноза и другихъ аналогичныхъ состояній дѣло идетъ не о безсознательныхъ процессахъ, а о явленіяхъ сознательныхъ, но происходящихъ въ сферѣ т. наз. вторичнаго или подсознатель-

[1]) Б. Сидисъ. Психологія внушенія, стр. 119—123.

наго «я», т. е. совершенно особаго сознанія, которое въ этихъ случаяхъ выступаетъ на сцену и дѣйствуетъ, какъ что-то независимое и самостоятельное.

Б. Сидисъ по этому поводу выражается слѣдующимъ образомъ: «за несостоятельностью теоріи безсознательной мозговой дѣятельности, мы должны остановиться на психическомъ объясненіи гипноза вообще и гипнотической памяти въ частности. *Подсознаніе есть не безсознательный физіологическій автоматизмъ, а вторичное сознаніе, вторичное я».*

Это вторичное сознаніе понимаетъ внушенія, данныя экспериментаторомъ, принимаетъ ихъ, повинуется имъ, удерживаетъ подавленныя воспоминанія, посылаетъ высшему сознанію общую идею ихъ и по требованію сообщаетъ отдѣльные приказы во всѣхъ подробностяхъ» [1]).

Мы уже упоминали выше, что вопросъ о двойномъ «я» былъ предметомъ особенно подробныхъ изслѣдованій со стороны французскихъ психологовъ.

Дю-Прель напр. признаетъ, что кромѣ нашего сознательнаго «я» имѣется еще другое болѣе высшее «я», непознаваемое нами непосредственно, которому присуща способность къ ясновидѣнію, къ болѣе тонкимъ воспріятіямъ внѣшнихъ впечатлѣній, недоступныхъ для нашего сознанія, къ сверхчувственному познаванію, наше же сознаніе является какъ-бы частичнымъ проявленіемъ этого высшаго «я».

Не менѣе ревностнаго защитника «двойного я» мы находимъ въ лицѣ P. Janet [2]).

По взгляду этого автора мы должны принимать двоякую психическую дѣятельность: активную или созидающую и пассивную или сохраняющую.

Первая творческая дѣятельность есть работа нашего сознанія. Другая дѣятельность, не созидая ничего новаго, служитъ лишь для сохраненія готовыхъ продуктовъ психической дѣятельности и для образованія ассоціацій изъ имѣющихся представленій. Эта дѣятельность, являющаяся по существу автоматическою, и есть внѣсознательная дѣятельность. Ослабленіе первой способности приводитъ неизбѣжнымъ образомъ къ распаду психической индивидуальности и къ развитію психическаго автоматизма, или второго «я»; P. Janet доказываетъ, что психическіе процессы, присущіе вторичному или второму «я», представляются очень сложными и даже представляются высшаго качества, такъ какъ второе «я» можетъ обнаруживать нѣкоторую степень самосознанія, которое къ тому же при извѣстныхъ условіяхъ можетъ еще развиваться. Факты эти будто бы опираются на наблюденія, какъ самого Janet, такъ и другихъ авторовъ, доказывающихъ самостоятельность новой личности, возникающей на почвѣ подсознательнаго или вторичнаго «я». Чтобы выяснить въ чемъ дѣло, приведемъ одинъ изъ примѣровъ. Janet, загипнотизировавъ Луизу, спрашиваетъ ее:

---

[1]) Сидисъ. Психологія внушенія, стр. 123—124.

[2]) R. Janet L'automatische Psychologique.

Слышите вы меня?

Отв. Нѣтъ.

Ж. Но, чтобы отвѣчать, нужно слушать!

Отв. Конечно.

Ж. Какъ же Вы обходитесь?

Отв. Не знаю.

Ж. Долженъ быть кто нибудь, кто слышитъ меня?

Отв. Да.

Ж. Кто же это?

Отв. Не Луиза.

Ж. О, кто нибудь другой. Назовемъ ее Blanche,

Отв. Да, Blanche.

Ж. Итакъ, Blanche, Вы слышите меня?

Отв. Да.

Такъ какъ однако съ именемъ Blanche у Луизы связаны непріятныя воспоминанія, то отъ этого имени пришлось отказаться. Тѣмъ же способомъ имя Blanche замѣнено именемъ Адріенна.

При этомъ выяснилось, что Адріенна была знакома съ тѣмъ, о чемъ Луиза не имѣла никакого понятія. Такъ напр. Луиза проявляла ужасъ, сопровождаемый дикими восклицаніями во время истерическихъ припадковъ, что стояло въ связи съ воспоминаніями объ извѣстныхъ лицахъ. Луиза объ этихъ лицахъ и событіяхъ не имѣла яснаго воспоминанія, тогда какъ Адріенна могла описать ихъ со всѣми подробностями. Затѣмъ, когда Луизу привели въ каталептическое состояніе, Janet, сжавъ ей лѣвую руку, въ правую вложилъ карандашъ и, когда Луиза стала вырывать свою лѣвую руку, J. спросилъ: «Адріенна», что Вы дѣлаете?» вырываніе руки продолжалось по прежнему, на лицѣ было выраженіе ярости, а правая рука писала «я взбѣшена!» «на кого?» «на Ф.» «за что?» «Не знаю, но я очень сердита». Послѣ того J., разжавъ лѣвую руку, поднесъ ее къ ея губамъ. Луиза съ улыбкой на лицѣ начала посылать воздушные поцѣлуи. «Адріенна, вы еще сердитись? «Нѣтъ, это прошло». «А теперь?» «О, я счастлива».—«А Луиза?»—«Она ничего не знаетъ, она спитъ».

Врядъ ли нужно пояснять, что здѣсь все основано на внушеніи, т. е. и внушеніе новой личности первоначально Blanche, а затѣмъ Адріенны, и сердитое состояніе Адріенны при сжатіи лѣвой руки Луизы, и поцѣлуи при поднесеніи руки къ губамъ. Если Адріенна знала о вещахъ, о которыхъ Луиза не знала, то это объясняется тѣмъ, что эти вещи и событія относились къ истерическимъ припадкамъ, слѣдовательно къ нарушенному сознанію, изъ котораго обыкновенно не сохраняются воспоминанія для нормальнаго сознанія, тогда какъ въ гипнозѣ,

какъ я показалъ уже много лѣтъ назадъ [1]), легко воспроизводится все, что переживалось въ истерическомъ сомнамбулизмѣ.

Такимъ образомъ все, что мы находимъ въ этомъ примѣрѣ, объясняется легко съ точки зрѣнія внушенія въ гипнозѣ посторонней личности и ничуть не доказываетъ существованія особаго второго «я», какъ того хочетъ авторъ и какъ въ томъ поддерживаетъ его Б. Сидисъ.

Послѣдній авторъ, приведя вышеуказанный примѣръ, замѣчаетъ отъ себя: «Этотъ случай крайне интересенъ: онъ указываетъ, что сначала гипнотическое, подбодрственное «я» не обладаетъ самосознаніемъ, но пріобрѣтаетъ его при сообщеніи съ внѣшнимъ міромъ. При благопріятныхъ условіяхъ подбодрственное «я» пробуждается изъ глубокаго транса, въ который оно погружено, подымаетъ голову, становится вполнѣ сознательнымъ и по временамъ достигаетъ уровня личности» [2]).

Другой примѣръ съ Léonie B., которую гипнотизировалъ P. Janet, сходный съ предъидущимъ. Для лучшаго уясненія дѣла приведемъ здѣсь и его: Во время гипноза Léonie B. характеръ ея рѣзко измѣняется и она принимаетъ тогда имя Léontine. Janet говоритъ загипнотизированной Léonie, что по пробужденіи, когда она придетъ въ норму, Leontine сниметъ у ней фартукъ и затѣмъ снова его завяжетъ. Когда Léonie была разбужена и направлялась къ двери, она разговаривала, какъ обыкновенно, причемъ ея руки развязали фартукъ. Когда Janet обратилъ вниманіе Léonie на развязанный фартукъ, Léonie воскликнула: «Ну! мой фартукъ опять свалился!» и вновь сознательно завязала его. Но подъ вліяніемъ Léontine руки ея снова развязали фартукъ и затѣмъ опять одѣли его, причемъ Léonie оставалась по отношенію къ этому въ полномъ невѣденіи и только тогда Léontine успокоилась, когда на другой день Léoine была загипнотизирована, на мѣсто ея явилась опять Léontine и сказала: «Ну я сдѣлала, что вы мнѣ сказали вчера. Какъ глупо глядѣла другая, когда я съ нея сняла фартукъ! Зачѣмъ вы сказали ей, что фартукъ свалился? я должна была начать дѣло снова».

По поводу этого наблюденія Б. Сидисъ, придерживаясь взглядовъ самого Janet, между прочимъ пишетъ: «Когда это вторичное я пріобрѣтаетъ самосознаніе и кристаллизуется въ новую и независимую личность, оно иногда является наружу и начинаетъ принимать участіе въ дѣлахъ. Вторичная личность можетъ не любить, ругать, осмѣивать первичную. Такъ Léontine зоветъ Léonie «этой глупой женщиной».

Иногда вторичая личность можетъ относиться къ первичной съ большой злобой и даже грозить погубить ее. Проф. Janet получилъ отъ мадамъ

[1]) См. мое сообщеніе въ Каз. Общ. Невр. и псих. 1892 и Нервн. бол. въ отд. наблюденіяхъ». Казань 1898. Статья: «Сдавленіе поясничной части сп. мозга, осложненное припадками сомнамбулизма» и пр.

[2]) Б. Сидисъ. loco cit стр. 130 131.

В. очень любопытное письмо. «На первой страницѣ—говоритъ онъ, — «была краткая замѣтка, написанная серьезно и почтительно: паціентка сообщала, что нездорова, въ нѣкоторые дни чувствуетъ себя хуже, чѣмъ въ другіе, и подписала свое настоящее имя madame B. Но на слѣдующей страницѣ начиналось иное и въ другомъ стилѣ. «Мой дорогой господинъ,— было въ письмѣ,—я должна Вамъ сказать, что В. меня очень мучаетъ; она не можетъ спать; она харкаетъ кровью; она вредитъ мнѣ; я намѣрена ее погубить; она надоѣдаетъ мнѣ; я также больна. Это отъ преданной Вамъ Léontine».

Вникая ближе въ эти наблюденія, не трудно убѣдиться, что дѣло идетъ здѣсь о внушенномъ превращеніи личности. Извѣстно всѣмъ, что въ гипнозѣ можно внушить все, что угодно, и между прочимъ превращеніе личности, причемъ сообразно представленію о данной личности гипнотизируемаго субъекта послѣдній начинаетъ ее копировать во всѣхъ мелочахъ. Словомъ происходитъ какъ бы перевоплощеніе личности по внушенію. Очевидно, что и въ вышеприведенныхъ примѣрахъ дѣло обстояло не иначе. Въ первомъ случаѣ дѣло шло о прямомъ внушеніи первоначально быть Blanche, а затѣмъ Адріенной, безразлично, какой бы то ни было, можетъ быть даже совершенно неизвѣстной для Луизы, но достаточно, что дѣло идетъ объ иной личности и въ зависимости отъ того, какъ воображеніе Луизы представляло себѣ эту личность, и разыгрывается ею новая личность, которая между прочимъ пріурочивается ею въ какомъ то отношеніи къ истерическимъ припадкамъ, вслѣдствіе чего она связываетъ съ новой личностью то, о чемъ сама Луиза и не знаетъ, такъ какъ дѣло идетъ въ этомъ случаѣ о возстановленіи воспоминанія изъ истерическаго сомнамбулизма.

Въ другомъ случаѣ Léonie, принимающей въ гипнозѣ имя Léontine, дѣло идетъ также о внушеніи или самовнушеніи, благодаря чему происходитъ вмѣстѣ съ гипнозомъ и превращеніе личности.

Не слѣдуетъ забывать, что въ упомянутыхъ случаяхъ дѣло идетъ объ истерическихъ личностяхъ, столь склонныхъ вообще къ самовнушеніямъ разнаго рода. Съ этой точки зрѣнія легко уясняются тотъ и другой случай, какъ и всѣ подобныя имъ превращенія личности. Во второмъ случаѣ мы имѣемъ кромѣ всего еще приступы самостоятельно развивающагося истерическаго транса, въ которомъ больная переживаетъ то, что было ей внушено или что укрѣпилось путемъ самовнушенія въ гипнозѣ, т. е. остается тою же новой личностью Léontine съ ея опредѣленнымъ отношеніемъ къ настоящей Léonie.

Словомъ, все, что мы здѣсь имѣемъ, легко можетъ быть объяснено внушеніемъ или самовнушеніемъ другой личности и вовсе не вынуждаетъ къ принятію всегдашняго существованія въ человѣкѣ вторичнаго подсознательнаго или подбодрственнаго «я», которое выступаетъ въ гипнозѣ и которое будто бы можетъ быть даже враждебнымъ по отношенію къ бодрствующей личности. Становясь на эту точку зрѣнія, мы должны были бы допустить, что какимъ то образомъ въ

насъ вырабатываются двѣ несогласныя другъ съ другомъ, иногда даже враждебныя другъ другу личности, изъ которыхъ одна обнаруживаетъ себя властно въ бодрственномъ состояніи, другая заявляетъ о собѣ въ гипнозѣ или въ подобныхъ ему состояніяхъ транса.

Въ подтвержденіе взгляда о достиженіи подсознательной сферой степени самосознанія и развитія изъ нея второй личности приводятся также случаи истерическаго раздвоенія личности или, лучше сказать, чередованія личности, при которомъ время отъ времени на мѣсто нормальной личности является другая личность съ другими познаніями, другими взглядами, привычками, склонностями и т. п.

Сюда относится: случай Фелиды Х., описанной неоднократно д-ромъ Azam'омъ, случай, еще раньше того описанный Мекшичемъ и относящійся къ одной американкѣ, случай, описанный д-ромъ Озгудомъ Мэзономъ, случай Borrut и Bochut, случай, описанный г. Hadgson'омъ, и др.

Что однако эти случаи доказываютъ кромѣ того, что дѣло идетъ въ нихъ о своеобразныхъ истерическихъ извращеніяхъ личности. Такія извращенія могутъ встрѣчаться даже не въ единственномъ числѣ, а въ видѣ нѣсколькихъ личностей, поочередно смѣняющихъ одна другую. Такъ, уже въ случаѣ Озгуда Мэзона мы находимъ не одну новую личность, а двѣ, причемъ послѣдняя подъ именемъ «мальчика» являлась на смѣну второй патологической личности. Въ наблюденіи же Borrut и Bochut мы встрѣчаемъ даже 5 новыхъ патологическихъ личностей, смѣнявшихъ одна другую.

Развѣ это не достаточное доказательство тому, что дѣло идетъ здѣсь объ истерическомъ трансѣ или сомнамбулизмѣ, сопутствующемъ извращеніямъ личности. Истерія вообще болѣзнь всякихъ одержимостей, извращеній личностей и характеровъ, и потому нѣтъ ничего удивительнаго, что состоянія транса или сомнамбулизма здѣсь обычно сопутствуются извращеніемъ личности, чего мы не наблюдаемъ напр. въ эпилептическихъ трансахъ. Но доказываютъ ли эти ненормальные случаи, что дѣло идетъ о существованіи особаго подбодрственнаго «я», лежащаго ниже порога бодрственнаго сознанія? Ничуть не бывало. По крайней мѣрѣ нѣтъ къ тому никакихъ положительныхъ фактовъ, а отрицательныхъ много.

Нужно имѣть въ виду, что имѣются и патологическіе случаи съ настоящимъ раздвоеніемъ «я», когда больные испытываютъ какъ бы двойной потокъ мыслей, какъ будто бы ихъ собственныя мысли повторялись въ ихъ головѣ. Эти патологическія состоянія мало однако имѣютъ сходства съ предъидущими случаями и говорятъ собственно не о «двухъ я», содержащихся въ нормальномъ человѣкѣ, а о патологическомъ раздвоеніи единственнаго «я» нормальнаго человѣка.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Къ вопросу о происхожденіи познанія и интеллекта.

К. Ө. Жакова.

Ученіе о реальности міра, о такъ называемыхъ «вещахъ въ себѣ» составляетъ наиболѣе трудную главу въ философіи, въ частности теоріи познанія. Въ этомъ вопросѣ расходятся трансцендентная и имманентная школы, въ этомъ же пунктѣ существуетъ разногласіе и между естественными науками и психологіей и гносеологіей. Натуралисту естественно думать, что тѣла природы, которыя онъ изучаетъ, независимы отъ его сознанія, существовали до него и будутъ существовать послѣ него. Психологъ, въ особенности гносеологъ имѣетъ тенденцію думать, что предметы міра—состоянія его сознанія, а бытіе, независимое отъ его сознанія, по меньшей мѣрѣ непознаваемо. Стоитъ сопоставить данныя астрономіи и геологіи съ утвержденіями философовъ, чтобы убѣдиться въ этомъ.

Конечно, ни одинъ философъ не оставлялъ безъ вниманія вопросъ о реальности міра, но при этомъ большею частію задавались цѣлью изслѣдовать вопросъ о взаимодѣйствіи реальности, существующей внѣ сознанія, и самого сознанія. Вопросъ, какъ относится міръ сознанія къ міру бытія, покрываетъ-ли первый своей областью всю реальность или нѣтъ, всегда рѣшался отрицательно, «Адэкватнаго знанія нѣтъ»—въ этомъ сходятся всѣ изслѣдователи въ области мысли. При этомъ мало или совсѣмъ не занимались приложеніемъ математической теоріи перемѣннаго и предѣла къ вопросу о реальности.

Въ самомъ дѣлѣ, можетъ быть, міръ познанія приближается къ истинной реальности, можетъ быть, въ однихъ отношеніяхъ наше знаніе достигло предѣла, въ другихъ безконечно приближается, въ третьихъ оно далеко отъ свойствъ существующаго. Этотъ вопросъ хотѣли бы мы разобрать въ настоящей статьѣ. Попытаемся на примѣрахъ пояснить, насколько возможно подобное пониманіе въ исторіи развитія познанія. Для большой ясности и легкости рѣшенія поставленной задачи раздѣлимъ ее на двѣ части—на происхожденіе внѣшняго воспріятія и на происхожденіе законовъ логики. Но прежде скажемъ нѣсколько словъ объ отношеніи современныхъ мыслителей къ вопросу о реальности міра.

Остановимся для примѣра на послѣднемъ изслѣдованіи русскаго психолога, наиболѣе ревностно занимающагося вопросомъ о реальности міра. Въ книгѣ его («Проблема воспріятія пространства» часть II.)[1], а именно въ главѣ о реальности пространства мы находимъ: «Я не могу согласиться съ утвержденіемъ гносеологическаго идеализма, что нельзя признать существованіе

---

[1]) Проф. Кіевскаго Унив. Г. И. Челпанова.

чего либо, независящаго отъ нашего представленія, что всякое существованіе исчерпывается только содержаніемъ нашего представленія, что представленіе не указываетъ на что-либо другое, отличное отъ него, а что о самомъ существованіи можно говорить только постолько, поскольку оно является предметомъ сознанія. По моему мнѣнію, ощущеніе или представленіе является указаніемъ на существованіе чего то другого, что является причиной этого ощущенія; ощущеніе является результатомъ взаимодѣйствія между нашимъ психофизическимъ существованіемъ и между независящей отъ него реальностью».

Книга уважаемаго профессора и глава о реальности пространства даютъ намъ сильную увѣренность, что поднятые здѣсь вопросы современны, и что въ разрѣшеніи ихъ мы стоимъ на вѣрномъ пути.

Имманентная школа, ничего не признающая кромѣ фактовъ сознанія, однако должна, чтобы быть послѣдовательной, допустить кромѣ человѣческаго сознанія существованіе особаго родового сознанія (Шуппе); а такъ какъ послѣднее недоказуемо, то это направленіе никогда не можетъ выйти изъ противорѣчій (Паульсенъ,—божеств. разумъ).

Для того, чтобы сблизить естественныя науки съ философіей, не только важно признаніе реальности, независимой отъ человѣческаго сознанія, но также и доказательство, что наше познаніе приближается къ этой реальности, что міръ, если и не предустановленная гармонія, то, по крайней мѣрѣ, созидающаяся гармонія, что къ вопросамъ философскимъ приложимъ принципъ эволюціи, какъ и къ наукамъ естественнымъ.

Если истинная реальность [1]) не играетъ роли предѣла, то значеніе ея въ теоріи и исторіи познанія сведется на нуль, да и наше знаніе всегда будетъ носить лишь субъективный характеръ. Поэтому важно попытаться доказать приложимость теоріи перемѣннаго и предѣла къ вопросамъ гносеологіи и къ исторіи познанія. Итакъ, мы посмотримъ, какъ нужно представлять себѣ происхожденіе внѣшняго воспріятія, что въ немъ апріорнаго, что опытнаго; точно также и по отношенію къ образованію нормъ логическаго мышленія, все ли здѣсь доопытно, или мышленіе развивалось на фонѣ внѣшняго воспріятія.

I.

Въ вопросѣ о біологической исторіи внѣшняго воспріятія мы наталкиваемся на чрезвычайныя затрудненія—на незнаніе психики другихъ существъ, на то обстоятельство, что психика другихъ не можетъ непосредственно быть наблюдаема. Это затрудненіе (психологическаго, а не гносеологическаго характера) можетъ быть побѣждено только однимъ путемъ: тщательнымъ изученіемъ человѣческаго организма и его психики и установленіемъ параллелизма между

[1]) Здѣсь мы не приводимъ доказательства о существованіи независимой отъ сознанія реальности, ибо въ данной статьѣ имѣется въ виду разобрать вопросъ о математическомъ соотношеніи между познаніемъ и допускаемой реальностью.

нервной организацiей и психическими событiями, затѣмъ точнымъ изученiемъ другихъ существъ и приложенiемъ къ нимъ психофизическаго параллелизма. Современная психофизiологiя показываетъ, что вниманiе должно быть обращено не только на нервные центры и ихъ соотношенiя, но и на периферическiе органы человѣка и другихъ существъ.

Исходнымъ пунктомъ для бiологической психологiи должно быть то обстоятельство, что человѣкъ, къ нашему счастью, обладаетъ разными состоянiями познаванiя, отъ самаго несовершеннаго испытыванiя внутреннихъ перемѣнъ въ своемъ организмѣ (неопредѣленное самочувствiе) до тонкаго расчлененнаго зрительнаго воспрiятiя. Знанiе физическихъ аппаратовъ этихъ испытыванiй (психическихъ явленiй) можетъ дать намъ ключъ къ умозаключенiямъ о детальныхъ особенностяхъ психофизическаго параллелизма, а черезъ это— къ умозаключенiямъ о психикѣ другихъ существъ. Знанiе жизни этихъ существъ можетъ быть дополненiемъ къ этому методу. Съ другой стороны, человѣкъ испытываетъ инстинктивныя, безотчетныя движенiя, онъ же строитъ отдаленные планы о своихъ будущихъ дѣйствiяхъ, и его умозаключенiя черезъ тысячи логическихъ звеньевъ оправдываются явленiями природы. Человѣкъ въ его теперешнемъ состоянiи—выраженiе всѣхъ ступеней духа, онъ исторiя психической жизни на землѣ.

Пользуясь высказанными принципами, мы должны теперь нарисовать картину развитiя внѣшняго воспрiятiя, начиная съ низшихъ организмовъ и кончая человѣкомъ. Не полагая необходимымъ излагать здѣсь бiологическую психологiю, мы удовольствуемся пока двумя-тремя этапными пунктами, указанiе которыхъ можетъ помочь изложенiю основныхъ положенiй исторiи внѣшняго воспрiятiя. Остановимся на развитiи зрѣнiя. Имѣются факты, которые говорятъ, что представленiе пространства совершенно не одинаково у существъ, стоящихъ на разныхъ ступеняхъ бiологической лѣстницы.

Человѣкъ видитъ пространство трехмѣрное, перспективное, формы эллипсоида. Это достигается сложнымъ аппаратомъ органа зрѣнiя. Сѣтчатка очень сложнаго строенiя, граничащая снаружи со слоемъ шестиугольныхъ клѣтокъ пигментнаго эпителiя. Изъ слоевъ собственно сѣтчатки наружнѣе всѣхъ лежитъ слой палочекъ и колбочекъ, наружные членики которыхъ содержатъ красный пигментъ. Надъ всѣмъ этимъ стекловидное вещество съ хрусталикомъ. Хрусталикъ можетъ быть то болѣе, то менѣе выпуклымъ. Разстоянiе и величина предметовъ точнѣе опредѣляются по ощущенiю степени схожденiя обоихъ глазъ.

Такимъ образомъ для различiя цвѣтовъ, тѣней и полутѣней, величины, фигуры, разстоянiя, эллипсоиднаго пространства нуженъ аппаратъ, сложность котораго при изученiи съ помощью микроскопа изумительна. Если мы будемъ этотъ аппаратъ упрощать, какъ это имѣется въ природѣ, при нисхожденiи отъ высшихъ существъ къ низшимъ, мы упростимъ вмѣстѣ съ тѣмъ воспрiятiе про-

странства. У рыбъ два пространства по обѣимъ сторонамъ головы, но оба — меньшаго размѣра, потому что у рыбъ не сходятся оси зрѣнія. У пресмыкающихся нѣтъ зрительнаго пурпура, и, вѣроятно, они не отличаютъ нѣкоторыхъ цвѣтовъ. У членистоногихъ (у нѣкоторыхъ) многочисленныя палочки, окруженныя пигментомъ, располагаются тѣсно другъ подлѣ друга, образуя нѣчто вродѣ свода. Хитинный покровъ состоитъ изъ фасетокъ и образуетъ на поверхности каждой палочки чечевицеобразную роговицу. Каждая фасетка весьма вѣроятно, даетъ лишь часть изображенія внѣшняго міра; получающееся при этомъ изображеніе мы должны представить себѣ какъ бы составленнымъ изъ мозаики. Пространство (у мухи, напр.), вѣроятнѣе всего двухмѣрное, поверхностное. У морскихъ звѣздъ глаза расположены на вершинѣ ножекъ и состоятъ изъ шаровиднаго хрусталика, окруженнаго пигментомъ, къ которому подходитъ нервъ. У низшихъ медузъ только пигментныя пятна составляютъ органъ зрѣнія. Вселенная для такого глаза равна тѣлу медузы, не болѣе. Пространство внѣтѣлесное не воспринимается, а внутри тѣла—неопредѣленное самочувствіе какой-то объемкости. Первичное ощущеніе зрѣнія — сѣрая поверхность, совпадающая съ поверхностью периферія зрѣнія, неопредѣленная сѣрая или цвѣтная внѣположность. Возможно ли дальнѣйшее упрощеніе на этомъ пути?—Нѣтъ, если не примемъ теоріи безсознательнаго. Если не допустимъ, что ощущеніе внѣположности не состоитъ изъ какихъ то безсознательныхъ ощущеній, къ которымъ не приложима никакая локализація. Но если мы примемъ и безсознательное, все же дальше нелокализированнаго ощущенія, безъ времени, безъ сознанія времени, итти мы не можемъ. — Способность ощущенія—не выводима, апріорна. Здѣсь камень преткновенія для точнаго знанія, основной аттрибутъ духа, несводимаго на матерію. Способность ощущенія, испытываніе—ни на что болѣе не сводимо. Въ этомъ внутреннемъ свойствѣ природы, въ самоиспытываніи — начало внѣшняго воспріятія. Съ усложненіемъ организаціи усложняется, дифференцируется испытываніе, локализируется, становится внѣшнимъ и внутреннимъ.

Въ этомъ случаѣ важно обращать вниманіе на два обстоятельства. Во первыхъ, на то, что высшія существа (люди) всѣ выработали трехмѣрное пространство. Какая причина этому?

Во вторыхъ,—психическое всегда обусловливалось физическимъ, независимымъ отъ психическаго. Теорія эволюціи объясняетъ, что всякое развитіе есть приспособленіе организма къ средѣ. Слѣдовательно, мы должны думать, что психическое, какъ перемѣнная величина, всегда стремилось быть адэкватной, равной истинной реальности, а это достигалось усовершенствованіемъ физическаго организма.

Изначала не было соотвѣтствія, гармонія получается только въ концѣ. Біологическая психологія, оказывается, рисуетъ иную картину развитія внѣшняго воспріятія, нежели трансцендентальная эстетика Канта. При отрицаніи без-

сознательнаго психическаго, все же нужно признать, что не это трехмѣрное пространство апріорно и не это, точно измѣряемое время, а только способность ощущенія внѣположности и неопредѣленнаго чувства протяженности во времени. Вся остальная детальность воспріятія вещей и пространства — производна, апостеріорна.

Къ такимъ же выводамъ приходитъ въ своей книгѣ и проф. Челпановъ, хотя иными путями. Намъ же хотѣлось бы итти въ этомъ вопросѣ дальше, допустить безсознательное и еще болѣе уменьшить территорію апріорнаго.

Такимъ образомъ біологическая психологія напишетъ въ будущемъ первую половину книги о познаніи, о развитіи дифференцированнаго и интегрированнаго воспріятія и измѣнить основы теоріи познанія.

II.

Духъ человѣка не останавливается на внѣшнемъ и внутреннемъ воспріятіи, а идетъ далѣе по пути приспособленія къ истинной реальности. Это достигается мышленіемъ. Мысль—приспособленіе къ будущему и къ отдаленному. Попытаемся разсмотрѣть законы послѣдней. Методомъ здѣсь долженъ явиться взглядъ на интеллектъ, какъ на внутреннее переживаніе внѣшняго воспріятія, какъ на нѣчто вторичное, производное. Мысль—явленіе повторное. Намъ предстоитъ задача показать зависимость логическихъ нормъ мышленія отъ содержанія внѣшняго воспріятія, попытаться объяснить законы мышленія отъ законовъ видѣнія, слышанія и т. п. Сначала разсмотримъ мы историческое приложеніе законовъ логики, а затѣмъ попытаемся описать ихъ возникновеніе.

А. Приложеніе логики.

Изучая міровозрѣніе народовъ разныхъ эпохъ, мы наталкиваемся на интересныя соображенія о тѣхъ логическихъ нормахъ, которыя примѣнялись народами при ихъ мышленіи, поскольку осталось это въ ихъ словесныхъ произведеніяхъ. Мы узнаемъ отсюда, что не всегда основанія въ разумѣніи міра были тѣ же, что и у насъ теперь. Такъ, читая космогоническіе гимны Ригведы, мы не находимъ въ нихъ соблюденія законовъ логики тожества или противорѣчія. Въ одномъ гимнѣ говорится (X, 129), что «тогда не было ни бытія, ни небытія, не было пространства, а по ту сторону пространства не было неба. Что же покрывало все? Гдѣ, подъ чьей защитой находилась вода, бездонная глубь?» Говорится «не было ни бытія, ни небытія». Возможно ли это по законамъ логики? Не можетъ быть третьяго, кромѣ бытія и небытія. Или дальше сказано: «ни смерти, ни безсмертія тогда не было... тогда одно, недвижимое вѣтромъ, само по себѣ дышало»... Здѣсь А не равно А.

«Одно дышало», значитъ оно было, смертно или безсмертно, разъ оно было.

Нелогичность такого рода встрѣчаемъ мы въ памятникахъ всѣхъ народовъ. Такъ, въ финской «Калевалѣ» говорится, что міръ произошелъ изъ яйца утки, однако въ той же рунѣ воспѣвается, что эта утка была на морѣ и было небо, и вѣтры были. До міра былъ міръ. Какъ назвать такой способъ мышленія? Біологи говорятъ, что каждый индивидуумъ повторяетъ всѣ фазы развитія своего рода, поэтому человѣкъ повторяетъ съ дѣтства всѣ стадіи біологическаго и логическаго состоянія. И дѣйствительно, каждый можетъ припомнить, что до школы онъ многое не зналъ относительно логики. Законъ причинности, что ничто не бываетъ безъ причины, для многихъ является откровеніемъ въ школѣ. Одинъ изъ діалоговъ Платона очень остроумно развиваетъ мысль, что думать можетъ каждый, какъ хочетъ, и все будетъ равноцѣнно вѣрно или невѣрно («Два брата»).

Такого рода факты позволяютъ намъ задать два вопроса:

1. Всегда ли человѣкъ мыслилъ по законамъ логики?

2. Къ какимъ явленіямъ человѣкъ прежде всего примѣнилъ открытые имъ законы логики?

Отвѣчая сначала на второй вопросъ, намъ кажется, можно доказать, что первая сфера приложенія логики—это языкъ, вторая сфера — діалектика, третья—природа, наконецъ, послѣдняя, куда мы не дошли еще логикой, это сфера чувства (мораль, эстетика).

Попытаемся вкратцѣ доказать именно преемственность, замѣчаемую въ развитіи человѣческаго ума. Мышленіе и языкъ такъ глубоко слиты, что изученіе одного невозможно безъ другого. Языкъ—разумъ, мысль и рѣчь—одно и то-же. Такъ выражаются авторитетнѣйшіе лингвисты и психологи (Максъ Мюллеръ, Гумбольдтъ, Вундтъ и др.).

Возникновеніе одного параллельно, одновременно съ происхожденіемъ другого. Розысканія лингвистовъ и психологовъ ведутъ насъ къ тому, что языкъ—созданіе общества. *Существованіе его начинается съ того момента, когда звукъ, произнесенный однимъ индивидуумомъ вызываетъ въ другихъ то-же чувство, или тотъ-же рефлексъ.* Языкъ—достояніе не отдѣльной личности, а вида, рода, общины, племени, и развивается на основаніи общихъ свойствъ психики. Общепринятость внѣшнихъ знаковъ и опредѣленность въ содержаніи—вотъ главныя свойства языка. Языкъ именно и отличается стройностью и общностью грамматическихъ категорій: читаю, читаешь, читаетъ, хожу, ходишь, ходитъ, на дому, на горѣ.

Въ языкѣ видимъ мы логическія нормы, какъ постоянство отношеній между словомъ и вещью (конечно, логическую норму можно понять еще, какъ постоянство отношеній въ вещахъ и между вещами). Предлогъ *на* имѣетъ всегда опредѣленное значеніе, равное себѣ, также какая-нибудь падежная конструкція, тогда какъ въ гимнахъ ведійскихъ и въ другихъ космогоніяхъ мы не видимъ постоянства отношеній вещи къ смерти или къ безсмертію. Изученіе

языковъ открываетъ намъ двѣ стороны въ развитіи логики. Во 1-хъ въ немъ первое приложеніе силы человѣческаго духа—логическая норма, во 2-хъ, примѣненіе это совершилось силою соціальнаго, а не индивидуальнаго духа. Это заставляетъ насъ смотрѣть на законы логики, какъ на нормы мыслеобщенія, нормы общественныя, для всѣхъ обязательныя. Ихъ приложеніе—дѣло соціальной психики. Вотъ почему и естественно, что второй средой приложенія логическихъ нормъ была *діалектика*. Отъ миѳологіи люди перешли къ діалектикѣ постепенно и сполна только на греческой почвѣ.

Изъ отрывочныхъ миѳологій, принадлежащихъ отдѣльнымъ семействамъ, когда эти семейства соединялись въ народъ, возникало общее родословіе боговъ, а такъ какъ боги управляли стихіями природы, то возникали космогоніи, повѣствованія объ этихъ стихіяхъ, откуда въ счастливый моментъ исторіи, у остроумнѣйшаго народа возникла философія природы. Но «философій» природы возникало при разныхъ условіяхъ много, неизбѣжны были столкновенія (сущностью, первоестествомъ считали то огонь, то воду, то безконечность) идей и міропониманій. Публичныя пренія философовъ дали начало «научной», какъ бы мы выразились, діалектикѣ. *Діалектика требуетъ своимъ условіемъ признаніе за истинное извѣстныхъ нормъ взаимнаго пониманія и убѣжденія.* И вотъ на площадяхъ греческихъ городовъ выработались «законы логики» и «правила силлогизмовъ». Это былъ шагъ величайшій въ человѣчествѣ. Оно достигло самосознанія, знаніи основныхъ формъ мышленія. Съ этого времени могли быть воздвигаемы обширныя философско-религіозныя системы, провѣряемыя силлогизмами и доказуемыя.

Но грекамъ не доставало понятія закономѣрности явленій природы. Аристотель и то нуждался въ первомъ движителѣ въ своей космогоніи. (Въ наше время нѣкоторые натуралисты, на основаніи второго принципа термодинамики тоже требуютъ перваго движителя, но ихъ требованіе не отличается категоричностью). У грековъ не было еще пріемовъ для приложенія законовъ логики къ явленіямъ природы. Для этого второго геніальнаго шага нужны были новыя условія. Средневѣковое человѣчество усердно занималось философіей и силлогизмами, и лучшіе умы по реакціи бросились отъ преній, отъ діалектики на лоно природы и постарались приложить правила доказательствъ и свойствъ ума къ явленіямъ природы. Эти люди были: Галилей, Коперникъ, Торичелли, Декартъ, Паскаль, Гюйгенсъ и др. Они выработали вмѣстѣ съ послѣдующими учеными пріемы изученія природы—методы индукціи. Эта новая логика, novum organon, или новая сфера приложенія основныхъ нормъ мышленія, были выработаны соціальной средой ученыхъ путешественниковъ, гуманистовъ, еретиковъ и т. п. возрождающимися умами.

Стюартъ Милль удачнѣе другихъ формулировалъ эти методы изученія природы: методъ сходства, методъ различій, сопутствующихъ измѣненій, методъ остатковъ. Величайшія открытія были сдѣланы этими путями мысли.

Они измѣнили строеніе человѣческаго духа. Міръ сталъ для человѣка не миѳомъ, не субстанціей, не логикой, а системой явленій, связанныхъ закономъ причинности (въ наше время закономъ сохраненія энергіи). Измѣнилось лицо природы въ глазахъ человѣка.

Такимъ образомъ, концентрическими кругами размѣрялась область, освѣщенная логикой. Первое ядро—языкъ, средство взаимнаго пониманія. Вторая ступень—діалектика, способъ взаимнаго пониманія и убѣжденія, третья—наука о природѣ, создающая для всего человѣчества одно міровозрѣніе, природовѣдѣніе, и согласитъ въ будущемъ всѣ народы. Вездѣ, гдѣ работаетъ соціальная сила, тамъ общія нормы логики.

Куда же дальше пойдетъ человѣческая мысль? Въ какія сферы вознесется все озаряющая, все примиряющая богиня согласія—логика?—Намъ кажется, мораль и эстетика суть слѣдующія ступени человѣческой мысли. Мы видимъ, что сфера приложенія законовъ логики расширялась на протяженіи исторіи, но не знаемъ, была ли такая пора, когда человѣкъ ни въ чемъ не проявлялъ законовъ логики, т. е. мы не знаемъ происхожденія законовъ мысли. Родились ли они вмѣстѣ съ человѣкомъ или потомъ были открыты имъ?

B. Происхожденіе логическихъ законовъ.

Логическія нормы—суть словесныя выраженія очевидностей созерцанія. Математическія аксіомы—наглядности законовъ отвлеченнаго мышенія. Въ самомъ дѣлѣ, когда бы ни началась мысль, въ стадіи ли животнаго состоянія или же человѣческаго, все же это представляется такъ.

Я вижу А. (напр., столъ), и говорю: «А есть А». Это и есть законъ тожества. Я вижу, что столъ сегодня и вчера столъ. Это видѣніе свое выражаю: «А есть А, ничего болѣе»; законъ тожества—законъ созерцанія. Также обстоитъ дѣло и съ прочими законами логики. Я вижу non А (свѣчку), и говорю: «А не есть non А», т. е. столъ не есть свѣчка. Это законъ противорѣчія. Всякій предметъ или А, или non А, онъ или столъ, или все то, что не столъ. Это очевидно для зрѣнія, потому что кромѣ стола и всего того, что не столъ, больше нѣтъ предметовъ. Намъ кажется, объясняя отвлеченное нагляднымъ, мысленное опытомъ, мы встаемъ на точку зрѣнія опытно-эволюціонныхъ наукъ и на правильномъ пути. Законы логики—простыя выраженія созерцанія вещей въ данный моментъ времени. Народы въ до-греческій періодъ созерцали эти отношенія, но мыслили въ своихъ космогоніяхъ, не обращая на нихъ вниманія. Они созерцали законы логики, но не мыслили по этимъ законамъ. Аѳинскимъ гражданамъ удалось общими силами научиться вести споры при помощи законовъ логики. Соціальная сила формулировала созерцаемое и примѣнила свои формулы къ діалектикѣ, къ исканію истины.

Такимъ образомъ, намъ представляется, надо было бы рѣшить вѣчный споръ объ апріорности и апостеріорности законовъ логики. Они—соціальнаго происхожденія и выведены изъ акта *видѣнія* (осязанія).

Силлогизмъ—болѣе сложное созерцаніе. Возьмемъ кругъ А и въ немъточку С. Положимъ, весь кругъ окрашенъ въ черный цвѣтъ, тогда и точка С—въ черномъ цвѣтѣ. Это предметъ нагляднаго представленія, это не «въ словахъ» будетъ силлогизмъ.—Кругъ—чернаго цвѣта, С—часть круга, С—чернаго цвѣта.

Таково же происхожденіе математическихъ аксіомъ. Онѣ—словесныя выраженія нѣкоторыхъ отношеній «видимаго и осязаемаго». Эти формулировки оказались наиболѣе удачными изъ возможныхъ при изученіи нашего міра, потому что внѣшнія чувства вообще не обманываютъ насъ, но говорятъ всегда одно и то-же. Благодаря однообразію природы, возможно стало познаваніе при помощи такого пассивнаго ума, какъ человѣческій интеллектъ.

На все то, что здѣсь говорится, существуетъ вѣское возраженіе. Уже доказано теоріей познанія, что самое созерцаніе предметовъ внѣшняго воспріятія невозможно безъ логическихъ нормъ, безъ нѣкоторыхъ категорій. На это отвѣтить можно только данными біологіи. Извѣстно, что біологи считаютъ осязаніе болѣе первичнымъ чувствомъ внѣшняго воспріятія, чѣмъ зрѣніе или слухъ. Извѣстно также, что осязаніе наименѣе явно локализируетъ свои объекты, значитъ, какъ можно дальше отъ логическихъ нормъ, ясно опредѣляющихъ предметъ внѣшняго воспріятія. Болѣе тонкія чувства, слухъ и зрѣніе, развились изъ болѣе грубыхъ путемъ стихійнаго непроизвольнаго синтеза психическихъ явленій (объемъ чувства Джемсъ). А логика—слѣдствіе дальнѣйшаго развитія: оформленіе отношеній созерцанія тонкихъ чувствъ. Нельзя думать, чтобы духу человѣческому искони была врождена способность думать по законамъ логики; естественнѣе полагать (имѣя въ виду весь органическій міръ на землѣ), что ему свойственна изначала способность ощущать, потому что человѣческій духъ того же рода, какъ «психическое» всякаго организма. Это вѣрно съ тою силою очевидности, съ какою мы признаемъ единообразіе въ природѣ, въ чемъ не сомнѣвается ни одна наука.

Итакъ, разумъ черпаетъ свое богатство изъ «видимаго». Это во первыхъ. Во вторыхъ, разумъ—результатъ соціальной жизни. Открытіе отношеній, называемыхъ логическими законами, дѣло не индивидуальной, а соціальной психики, потому что только столкновеніе индивидуумовъ можетъ выработать нормы мыслеобщенія, взаимнаго пониманія, убѣжденія, доказательства.

На какой же почвѣ возможно соглашеніе Парменида, Гераклита, Анаксимена и др.? Они могутъ убѣдить другъ друга только въ томъ случаѣ, если обратятъ вниманіе всѣ на что-нибудь, всѣмъ имъ присущее, для всѣхъ ихъ очевидное. Очевидное для всѣхъ есть дѣйствительное отношеніе вещей, къ которымъ нашъ умъ приближается. Но вѣдь бываетъ же общепринятое заблужденіе, и это чаще всего. Да, и это нашимъ словамъ не противорѣчитъ. Заблужденіе

бываетъ тамъ, куда самое общее и очевидное—законы логики—еще не дошли до полнаго своего приложенія, гдѣ еще дѣйствуютъ страсти, чувства, настроенія. Тамъ заблужденіе для ума, но истина для сердца, для воображенія толпы...

Скажутъ еще, каждый индивидуумъ видитъ, что отрѣзокъ прямой короче всякой другой линіи между двумя точками, причемъ тутъ соціальное происхожденіе логичекихъ нормъ и аксіомъ математики?

Да, всякій видитъ, да не обращаетъ на это никакого вниманія, не выдѣляетъ это свойство изъ прочихъ свойствъ вещей, не дѣлаетъ это свойство правиломъ изслѣдованія; для этого нужно столкновеніе умовъ, желаніе убѣдить другъ друга, доказать, притти къ соглашенію, одинаково реагировать на разныя явленія. Слѣдовательно, происхожденіе логическихъ нормъ мыслеобщенія и математическихъ аксіомъ апостеріорно или апріорно? Въ созерцаніи вещей ужъ даны эти свойства (общія) вмѣстѣ съ другими. Но для движенія мысли нуженъ толчокъ. Одинъ пораженъ однимъ, другой—другимъ. Согласіе между ними будетъ лишь тогда, когда оба они обратятъ вниманіе на одно и то-же свойство, одинаково понимаемое, простое (логическая норма, аксіома).

Вотъ почему можно сказать, что возникновеніе нормъ логики и аксіомъ интеллектуально-соціальное.

Апріорна или апостеріорна самая способность внѣшняго воспріятія?—Воспріятіе—синтезъ психическихъ элементовъ, процессъ досознательный, актъ первичный, апріорный. Каждый же элементъ психическій согармониченъ дѣйствительности (хотя не адэкватенъ), какъ бы вызванъ дѣйствительностью, значитъ, апостеріоренъ.

Трудно сказать больше на поставленный вопросъ, ибо болѣе глубокое знаніе въ этой области намъ недоступно...

Вліяніе настроенія на характеръ и быстроту ассоціацій.

Е. Кармазиной и В. Суховой.

Психологія чувствованій темная, мало изученная область.

За послѣднее время, когда къ изученію психологіи приложено было столько силъ, значительно расширился и обогатился наблюденіями и отдѣлъ эмоцій.

Но кто ищетъ точныхъ знаній, строго опредѣленныхъ законовъ, того не удовлетворитъ имѣющееся по данному вопросу.

Тутъ гипотезы, предположенія, контръ-гипотезы, опроверженія—все неопредѣленно, неясно, гадательно.

Причина этого лежитъ въ предметѣ изслѣдованія—сложномъ, неустойчивомъ, измѣнчивомъ.

Интеллектуалисты (Herbart и его школа) утверждаютъ, что чувствованія суть вторичныя, производныя свойства формы или функціи сознанія; они существуютъ при посредствѣ его и являются какъ бы «неяснымъ сознаніемъ». Приверженцы физіологическаго возрѣнія на природу чувствованій (Bain, Spencer, James, Maudsley, Ланге, Ribot) говорятъ, что чувствованія первичны, автономны, независимы отъ сознанія, могутъ существовать внѣ его и безъ него, имѣютъ совершенно иное происхожденіе.

Причину возникающихъ чувствованій того или другого характера пріятнаго или непріятнаго правильно или неправильно искали и въ условіяхъ мозгового кровообращенія, такова, напримѣръ, теорія Meynert'а. Meynert, а также Palan и Langue, говорятъ, что на чувствованія слѣдуетъ смотрѣть, какъ на симптомы перемѣнъ въ мозговомъ кровообращеніи: напр. подавленное самочувствіе есть ощущеніе малокровія, пріятное—полнокровія.

Смотрятъ на чувствованія, какъ на результатъ химическихъ процессовъ въ организмѣ (напр. Krener). По этой теоріи организмъ представляетъ собой какое то скопленіе—лабораторіи ядовъ, и при эмоціяхъ роль этой работы обнаруживается на каждомъ шагу.

Чувствованія пытались свести на состояніе энергіи въ организмѣ; таковы, напримѣръ опыты Фере, которые показываютъ, что пріятное чувствованіе сопровождается приращеніемъ энергіи, а непріятное—ея убылью.

Ощущеніе удовольствія—это ощущеніе силы, а ощущеніе неудовольствія—ощущеніе безсилія.

Въ задачу нашей работы не входитъ обсужденіе тѣхъ или иныхъ теорій; мы хотѣли только путемъ опытовъ выяснить, какъ то или другое настроеніе отражается на быстротѣ возникновенія ассоціаціи и на ихъ характерѣ. Около 20—22 лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ были сдѣланы первыя попытки примѣнить экспериментальный методъ къ изслѣдованію ассоціацій. Первые изслѣдователи въ этой области, Galton, Cattel, Wundt, занимались, преимущественно, скоростью ассоціацій; затѣмъ перешли къ изслѣдованію самого содержанія ассоціацій, таковы, напримѣръ, опыты Scripture'а, который въ качествѣ возбудителя ассоціаціи пользовался зрительными впечатлѣніями.

Ставили такіе опыты и со слуховыми и обонятельными впечатлѣніями. На основаніи полученнаго матеріала подробно разбирались отношеніе и зависимость между *впечатлѣніемъ*, возбудителемъ и возникшимъ представленіемъ.

Въ психологической лабораторіи акад. В. М. Бехтерева д-ръ Лазурскій изучалъ вліяніе различнаго рода чтенія на ходъ ассоціацій.

Насколько намъ извѣстно, вліяніе настроенія на быстроту и характеръ ассоціацій экспериментальной обработкѣ не подвергались.

Также спорны и предложенныя классификаціи чувствованій.

Классификаціи чувствованій расходятся между собою потому, что отличаются другъ отъ друга и по объектамъ классификаціи, и по методамъ изслѣдованія.

Рибо удачно различаетъ 3 типа имѣющихся въ психологической литературѣ классификацій: 1) Одни классифицируютъ въ дѣйствительности удовольствія и страданія и сводятъ всѣ чувствованія къ нимъ. Таковы классификаціи, предложенныя Léon.—Dumon'омъ, Beunis, Hannemann'омъ. 2) Другіе классифицируютъ эмоціи въ. узкомъ смыслѣ, и здѣсь можно различать двѣ группы, смотря по тому, слѣдуютъ-ли эмпирическому методу, основанному на бѣглыхъ наблюденіяхъ, или-же прибѣгаютъ къ анализу и генетическому изслѣдованію, по примѣру естественно-научной классификаціи. Одинъ изъ главныхъ представителей такого рода Бэнъ. 3) Третьи классифицируютъ исключительно состоянія сознанія, поскольку они сопровождаются элементами «чувствованій». Сюда можно отнести Herbart, White, Дробиша. Нѣкоторыя классификаціи очень обширны.

Такъ, д-ръ Mercier, прибѣгая къ пріему зоологовъ и ботаниковъ, дѣлитъ эмоціи на классы, подклассы, роды, виды, образующіе 17 таблицъ. Въ нихъ находится 6 классовъ, 23 рода, 128 проявленій чувствованій.

Но и подъ самую подробную классификацію трудно подвести широкую. неустойчивую область эмоцій. Каждая эмоція, какъ простая, такъ и сложная, имѣетъ массу оттѣнковъ, варіацій.

Подъ настроеніемъ мы понимаемъ общій тонъ самочувствія въ каждый данный моментъ, вызываемый совокупностью органическихъ ощущеній и душевныхъ движеній. Настроеніе можетъ вызываться и цѣлой совокупностью разнообразныхъ ощущеній и эмоцій, представлять изъ себя какъ-бы конгломератъ, мозаику ихъ; при чемъ отдѣльныя ощущенія и эмоціи мало замѣтны и сознаваемы. Но настроеніе можетъ вызываться и однимъ сильнымъ душевнымъ движеніемъ—чувствованіемъ или аффектомъ, которое оттѣсняетъ, заслоняетъ собою всѣ остальныя ощущенія и эмоціи, и одно цѣлое, большое ложится нъ основу настроенія.

Тонъ самочувствія можетъ быть пріятнымъ, непріятнымъ и болѣе или менѣе индифферентнымъ.

Пріятное настроеніе въ жизни обозначается, обыкновенно, какъ радостное, веселое; непріятное—грустное, печальное; индифферентное—какъ спокойное.

Будемъ и мы для простоты пользоваться этой номенклатурой, оговорившись, что въ основѣ нашего понятія радостнаго настроенія не должна обязательно лежать переживаемая радость, а въ основѣ грустнаго—горе. Пріятное или радостное настроеніе можетъ быть вызвано и конгломератомъ неуловимыхъ причинъ и болѣе крупными нѣжными или эгоистическими эмоціями. То же надо сказать и относительно непріятнаго или печальнаго настроенія.

Итакъ, мы пользовались слѣдующими настроеніями: спокойнымъ, пріятнымъ или радостнымъ, непріятнымъили печальнымъ, и состояніями аффекта—восторга, отчаянія, ужаса и гнѣва.

Мы не льстимъ себя мыслью, что полно охватили широкую, измѣнчивую область чувствованій, и хорошо знаемъ, что наше опредѣленіе, какъ впрочемъ и опредѣленія всѣхъ, кто касается чувствованій, недостаточно тонки и въ значительной степени схематичны.

Перейдемъ къ постановкѣ опытовъ:

Принципъ опытовъ былъ слѣдующій: при опредѣленномъ настроеніи, данномъ естественными причинами или внушенномъ во время гипнотическаго сна,—вызвать посредствомъ произносимыхъ словъ рядъ ассоціацій и выяснить, какъ настроеніе отражается на характерѣ и быстротѣ ихъ возникновенія.

Опыты производились слѣдующимъ образомъ: испытуемому предлагался вопросъ относительно переживаемаго имъ настроенія, и опредѣленіе настроенія ставилось какъ на основаніи субъективныхъ показаній, такъ и объективныхъ данныхъ, т. е., на основаніи внѣшнихъ выраженій эмоцій—подвижности глазъ, лица, конечностей, туловища, измѣненій голоса.

Если испытуемый находился въ настроеніи уже использованномъ нами у него, мы прибѣгали къ гипнотическому внушенію. Внушая во время гипнотическаго сна то или другое настроеніе, мы говорили, что это настроеніе по пробужденіи будетъ продолжаться въ теченіе 15 минутъ, нужныхъ намъ для опыта; затѣмъ будили изслѣдываемаго и приступали къ опыту.

Должно отмѣтить, что, несмотря на тщательныя сравненія и провѣрку, мы не замѣтили разницы отраженія внушеннаго и естественнаго настроенія на характерѣ и быстротѣ ассоціацій.

Скажемъ подробнѣе о настроеніяхъ, какими мы пользовались.

Спокойное настроеніе. Трудно, конечно, представить себѣ полную гармонію между пріятными и непріятными чувствованіями. Но очень часто разница въ преобладаніи тѣхъ или другихъ чувствованій не сознается нами, и на вопросъ «какъ себя сувствуете?» можно часто услышать совершенно искренній отвѣтъ: «Ничего. Не хорошо и не худо».

И мы подъ спокойнымъ настроеніемъ понимаемъ такое самочувствіе, когда пріятныя и непріятныя чувствованія, по возможности, уравновѣшены.

Мышцы лица во время спокойнаго настроенія не напряжены и не разслаблены, лишнихъ движеній нѣтъ, но незамѣтно и избѣганія ихъ, нежеланія двигаться, голосъ ровный.

Намъ не приходилось прибѣгать къ гипнозу для возбужданія этого настроенія. Всѣ изъ изслѣдуемыхъ нами лицъ бывали то или другое число разъ при нашихъ опытахъ въ спокойномъ настроеніи безъ примѣненія внушеній.

Пріятное или *радостное настроеніе.* Ощущенія и чувствованія удовольствія преобладаютъ и даютъ общій тонъ настроенію. Когда было нужно, мы внушали это настроеніе, рисуя пріятныя картины въ гипнотическомъ состояніи; такъ, мы говорили:—«Лѣто. Яркій, солнечный день. Вы идете полемъ.

Кругомъ много цвѣтовъ. Воздухъ чистый, дышется свободно. Все непріятное отодвигается отъ васъ. Вамъ легко, радостно».

Лицо во время радостнаго настроенія—довольное, у многихъ улыбающееся; движенія оживленныя, но не бурныя; голосъ звучитъ весело и громко.

Непріятное или *печальное настроеніе*.

Тягостныя чувствованія и ощущенія преобладаютъ, общій тонъ настроенія печальный.

Мышцы лица ослаблены, брови часто сдвинуты, углы губъ слегка опущены, движенія вялыя, будто усталыя, въ голосѣ слышится недовольство.

Мы внушали это настроеніе, сообразуясь съ индивидуальностью изслѣдуемыхъ: однимъ говорили о неудачѣ ихъ работы, другимъ рисовали картину экзаменаціоннаго провала и т. д.

Аффектовъ гнѣва, ужаса, отчаянія—какъ болѣе интенсивныхъ и быстрѣе преходящихъ—мы—въ естественномъ ихъ видѣ—для нашихъ опытовъ не имѣли и пользовались ими, исключительно вызывая ихъ посредствомъ гипнотическаго внушенія.

Внушали эти аффекты, опять таки сообразуясь съ индивидуальностью нашихъ испытуемыхъ.

Свои опыты начали мы надъ больными, но скоро должны были оставить ихъ.

Истеричные больные, легко впадавшіе въ гипнотическій сонъ, представляли другія трудности: иногда они, что называется, срывали наши опыты, объявляли, что у нихъ сейчасъ нѣтъ и не будетъ ни одной мысли въ головѣ; другіе разы они рисовались и «придумывали» ассоціаціи; это придумываніе сказывалось и на изысканной вычурности ассоціацій и на поразительной медленности ихъ возникновенія.

Оставивъ больныхъ, мы стали производить опыты со здоровыми.

Первыми опытами, когда изслѣдуемый еще не привыкъ къ обстановкѣ опытовъ и недостаточно освоился съ ихъ внѣшней стороной, мы не пользовались.

Итакъ, у изслѣдуемаго имѣлось опредѣленное настроеніе.

Помѣщался изслѣдуемый въ комнатѣ слабо и равномѣрно освѣщенной и отдѣлялся отъ насъ ширмой.

Опыты, по возможности, производились всегда въ одинъ и тотъ-же часъ.

Хроноскопъ Hipp'а, которымъ мы пользовались для опредѣленія времени возникновенія ассоціацій, помѣщался на нашемъ столѣ, а электрическіе проводы его съ замыкателемъ—на столѣ изслѣдуемаго.

Съ послѣднимъ слогомъ произносимаго слова мы пускали въ ходъ механизмъ хроноскопа. Стрѣлки его начинали двигаться, цифра, на которой онѣ стояли до начала ихъ движенія, записывалась нами.

Когда у изслѣдуемаго возникала какая-либо ассоціація по поводу услышаннаго слова, онъ нажималъ на пуговицу замыкателя и тѣмъ останавли-

валъ стрѣлки хроноскопа. Опять записывалась цифра, и изъ нея вычиталась первая.

Такъ мы узнавали время возникновенія первой ассоціаціи.

Черезъ $^1/_2$ минуты мы останавливали изслѣдуемаго словомъ «довольно», и, подождавъ нѣсколько секундъ, чтобы дать ему время освободиться отъ возникшихъ ассоціацій, произносимъ новое слово и опять пускаемъ въ ходъ хроноскопъ.

Большинство нашихъ изслѣдуемыхъ настолько привыкло къ письменному изложенію своихъ мыслей, что запись нисколько не мѣшала свободному теченію ихъ ассоціацій.

Но нѣкоторые заявляли, что процессъ писанія отвлекаетъ ихъ, и тогда изслѣдуемый по мѣрѣ возникновенія у него ассоціацій сообщалъ ихъ намъ, и мы сами записывали ихъ.

Опыты производились надъ 22 изслѣдуемыми—за немногимъ исключеніемъ людьми интеллигентными—докторами, студентами разныхъ учебныхъ заведеній, слушательницами курсовъ и т. п.

Число опытовъ въ среднемъ для каждаго изслѣдуемаго равнялась—8; при чемъ у однихъ число опытовъ было больше, у другихъ меньше.

Число словъ, предлагаемыхъ изслѣдуемому во время каждаго отдѣльнаго опыта въ среднемъ равнялось—15.

Если считать за отдѣльный опытъ слово съ вызванными имъ образами, сужденіями и воспоминаніями, то количество произведенныхъ опытовъ равняется 2640.

Мы должны оговориться, что не надъ всѣми 22 изслѣдуемыми намъ удалось прослѣдить всѣ отмѣченныя выше настроенія.

Нѣкоторые изъ изслѣдуемыхъ не поддавались гипнозу, а естественныя условія не давали нужныхъ для опытовъ разнообразныхъ настроеній.

Другіе—прекрасные гипнотики—послѣ внушенія имъ чувства гнѣва, ужаса или отчаянія такъ пугались неожиданно набѣгавшаго на нихъ непріятнаго аффекта, что не соглашались больше подвергать себя опыту, хотя мы каждый разъ не забывали внушать во время гипнотическаго сна, что внушенное настроеніе будетъ продолжаться только въ теченіе 15 минутъ, нужныхъ намъ для опыта.

Но у нѣкоторыхъ лицъ намъ удалось изслѣдовать какъ пріятныя, такъ и непріятныя настроенія и аффекты.

Всѣ изслѣдованныя нами лица были поставлены, по возможности, въ одинаковыя условія опыта.

Пользуемся случаемъ, чтобы выразить нашу искреннюю благодарность, какъ всѣмъ участвовавшимъ въ нашихъ опытахъ, такъ и глубокоуважаемому академику Владиміру Михайловичу Бехтереву за предложенную тему и за руководство и совѣты во время работы.

Наблюденія надъ быстротой ассоціацій при различныхъ настроеніяхъ у различныхъ лицъ обнаружили удивительную закономѣрность, которая наблюдалась въ скорости возникновенія ассоціаціи почти у всѣхъ субъектовъ, подвергавшихся опыту. Мы не будемъ приводить здѣсь всѣхъ цифръ, полученныхъ у изслѣдованныхъ нами лицъ, укажемъ только на нѣкоторыя. Такъ у Г-на Н. средняя скорость возникновенія первой ассоціаціи послѣ произнесеннаго слова при спокойномъ настроеніи равнялась 0,338, при пріятномъ—0,204, при непріятномъ—0,500, при острой радости—0,638, при гнѣвѣ—1,641 и т. д. (Смотри табл. быстроты ассоціаціи). Изъ сопоставленія всѣхъ этихъ цифръ мы пришли къ слѣдующему выводу: скорость ассоціаціи при спокойномъ настроеніи подвержена значительнымъ индивидуальнымъ колебаніямъ, такъ у одного субъекта ассоціаціи возникаютъ быстрѣе; настолько иногда быстро, что въ моментъ произнесенія слова у него уже готовъ цѣлый рядъ ассоціацій; у другого онѣ возникаютъ по истеченіи болѣе долгаго времени. Въ цифрахъ эта индивидуальная разница выразилась слѣдующимъ образомъ: у Н она = 0,338, у О = 0,387, Р = 0,538, П = 0,826, А = 0,346, Т = 0,252, В = 0,387, Д = 0,315, Л = 0,183, у нѣкоторыхъ средняя скорость ассоціаціи = 1,2 секундамъ.

Среднюю скорость возникновенія ассоціаціи мы принимали за норму для даннаго субъекта и съ этой нормой уже сравнивали цифровыя данныя другихъ настроеній одного и того же лица.

Оказалось, что пріятное настроеніе дѣйствуетъ ускоряющимъ образомъ на ходъ ассоціацій, такъ у Н. скорость возникновенія первой ассоціаціи = = 0,2043, О = 0,280, Р = 0,370, П = 0,657, А = 0,231, Т = 0,193, В = = 0,274, Д = 213, Л = 0,049.

Разница съ нормой выразилась въ слѣдующихъ цифрахъ: Н = 0,134, О = 0,107, Р = 0,168, П = 0,169, А = 0,115, Т = 0,059, В = 0,113, Д = = 0,102, Л = 0,134.

Нельзя не отмѣтить, что замѣчается нѣкоторая закономѣрность и въ этой разницѣ, т.-е. она достигаетъ въ большинствѣ случаевъ одной съ небольшимъ десятой секунды.

Переходя къ настроенію, сопровождаемому чувствомъ неудовольствія или, какъ мы его называемъ, непріятному настроенію, нашли, что здѣсь въ рѣзкой степени сказывается замедленіе скорости ассоціацій, что въ цифрахъ выразилось слѣдующимъ образомъ: у Н = 0,500, О = 0,493, Р = 0,722, П = 0,967, А = 0,485, Т = 0,457, В = 0,456, Д = 0,452, Л = 0,234; разница съ нормой для Н = 0,162, О = 0,106, Р = 0,184, П = 0,141, А = 0,139, Т = 0,205, В = 0,069, Д = 0,037, Л = 0,051.

Аффекты на быстроту ассоціаціи дѣйствуютъ замедляющимъ образомъ подобно непріятному настроенію, независимо отъ того, сопровождается ли аффектъ

чувствомъ удовольствія или неудовольствія. Такъ, скорость возникновенія первой ассоціаціи при восторгѣ:

у Н = 0,638, О = 0,531, Р = 0,718,
П = 0,956, А = 0,564, Т = 0,432,
В = 0,492, Д = 0,573, Л = 0,246.

Цифры скорости ассоціаціи при остальныхъ аффектахъ, т.-е. при ужасѣ гнѣвѣ, отчаяніи, страхѣ, очень близко подходятъ къ цифрамъ настроенія восторга: У Н = время возникновенія ассоціаціи при гнѣвѣ = 0,641, у О— при ужасѣ = 0,650, у Р = при настроеніи ужаса = 0,740, злобѣ = 0,576, у П при отчаяніи=1,003, у А при страхѣ=0,449, у В при ужасѣ = 0,513, у Д при страхѣ = 694, у Л при гнѣвѣ = 0,361.

Сдѣлавъ эти общіе выводы, остановимся нѣсколько подробнѣе на каждомъ изъ нихъ и посмотримъ, какія именно понятія и при какомъ настроеніи требуютъ болѣе долгаго или болѣе короткаго времени для возникновенія ассоціаціи. У большинства субъектовъ за очень немногими исключеніями отвлеченныя понятія при спокойномъ настроеніи требуютъ гораздо большаго времени, чѣмъ слова выражающія конкретныя понятія, такъ слово «собака» у Н вызываетъ первую ассоціацію черезъ 0,123, слово «идея» черезъ 0,959. У П слово «дерево» вызываетъ ассоціацію черезъ 0,130, «воля» черезъ 0,991 и т. д., и т. д. (При настроеніи, сопровождающемся чувствомъ удовольствія, пріятномъ настроеніи отвлеченныя понятія вызываютъ ассоціацію скорѣе. Слово «робость» при спокойномъ настроеніи требуетъ 0,914, при пріятномъ— 0,342, «умъ» при спокойномъ 0,867, при пріятномъ—0,323).

Слова, выражающія понятія, которыя близки намъ или потому, что они обозначаютъ названіе предметовъ, съ которыми намъ приходится встрѣчаться въ нашей повседневной жизни, или же съ ними связаны воспоминанія, оставившія въ нашей душѣ глубокій слѣдъ, или, наконецъ, если они представляютъ интересъ для насъ въ будущемъ, вызываютъ при спокойномъ настроеніи быстрыя ассоціаціи. При пріятномъ настроеніи слова, выражающія понятія, которыя особенно подходятъ къ данному настроенію, вызываютъ ассоціаціи еще скорѣе, причемъ разница выражается даже въ десятыхъ доляхъ секунды. Напримѣръ, слово «улыбка» вызываетъ у одного изъ субъектовъ ассоціацію черезъ 0,991 с. при спокойномъ настроеніи, а во время пріятнаго черезъ 0,376. Слѣдовательно пріятное настроеніе является особенно продуктивнымъ въ смыслѣ быстроты ассоціацій.

При непріятномъ настроеніи, или такъ наз. грустномъ, понятія, соотвѣтствующія данному настроенію, вызываютъ быстрыя ассоціаціи, чувствуешь даже, какъ субъектъ съ особенной поспѣшностью и удовольствіемъ хватается за тѣ слова, которыя вызываютъ у него бурный потокъ ассоціаціи бывшій у него какъ бы на готовѣ и, наоборотъ, понятія, которыя при пріятномъ настроеніи вызываютъ у него почти мгновенно слѣдующія за произне-

сеннымъ словомъ ассоціаціи, требуютъ долгаго времени, чтобы появилась какая-либо мысль, относящаяся къ данному слову. Подобныя слова очень часто даже не воспринимаются сознаніемъ объекта въ первый моментъ, такъ какъ оно заполнено мыслями, окрашенными совсѣмъ въ иное настроеніе, а иногда они и совсѣмъ не вызываютъ никакихъ ассоціацій. Слово «улыбка» при грустномъ настроеніи вызываетъ ассоціаціи черезъ 1,912 у Н., тогда какъ при веселомъ оно требуетъ времени 0,301. Слово «радость» при грустномъ настроеніи не вызываетъ никакихъ ассоціацій, при пріятномъ черезъ 0,183 (у Р). При спокойномъ настроеніи слово «горе» вызываетъ ассоціацію черезъ 0,959, при веселомъ настроеніи оно совсѣмъ не вызываетъ никакихъ ассоціацій, а при грустномъ черезъ 0,216.

Остается сказать еще нѣсколько словъ о быстротѣ ассоціаціи при аффектахъ. Какъ уже раньше было замѣчено, при аффектахъ скорость теченія ассоціацій замедляется. При восторгѣ, напримѣръ, это замедленіе сказывается на всѣхъ понятіяхъ, будутъ ли они относиться къ данному настроенію или нѣтъ, хотя разница во времени возникновенія ассоціацій, соотвѣтствующихъ различнымъ словамъ, несомнѣнно существуетъ. Понятія, соотвѣтствующія переживаемому настроенію, хотя и вызываютъ замедленіе ассоціацій, но это замедленіе сказывается не въ такой степени, какъ при понятіяхъ, не соотвѣтствующихъ характеру даннаго аффекта.

Это замедленіе скорости возникновенія первой ассоціаціи при аффектахъ восторга можно объяснить тѣмъ разсѣяніемъ вниманія, которое каждый изъ насъ наблюдалъ на себѣ, переживая настроенія, связанныя съ чувствомъ возбужденія, когда мысли самаго разнообразнаго характера быстро слѣдуютъ одна за другой и не даютъ возможности придать имъ соотвѣтствующее направленіе.

При такого рода аффектахъ, какъ страхъ, ужасъ, злоба, отчаяніе, также замѣчается замедленіе ассоціацій, но это замедленіе, быть можетъ, объясняется той оцѣпенѣлостью мыслей, которая охватываетъ человѣка при переживаніи имъ того или другого изъ перечисленныхъ аффектовъ. Мысли его сковываются однимъ господствующимъ чувствомъ, и сознаніе въ отвѣтъ на предложенныя слова предлагаетъ только тѣ мысли, которыя имѣютъ хотя бы самую отдаленную внѣшнюю связь съ предложеннымъ словомъ.

Слово «миръ» во время аффекта злобы требуетъ для ассоціаціи 1,352, тогда какъ въ спокойномъ 0,393. Слово «злоба» во время спокойнаго настроенія 0,662, при внушеніи чувства гнѣва 0,248.

Слово «спокойствіе» во время аффекта страха не вызываетъ никакихъ ассоціацій.

Много и горячо спорили о роли интеллекта съ одной стороны и чувствованій съ другой въ душевной жизни человѣка.

Одна изъ задачъ нашей работы заключалась въ изслѣдованіи вліянія

чувствованія на интеллектъ. Мы хотѣли опытнымъ путемъ подойти къ теоретическому спору и исключительно на основаніи данныхъ опыта или присоединиться къ сильному и образному выраженію Рибо, что «чувствованія — это слѣпой силачъ, носящій на своихъ плечахъ зрячаго паралитика—интеллектъ», или стать на сторону его противниковъ.

Просматривая протоколы нашихъ опытовъ, невольно удивляешься рѣзкой разницѣ записанныхъ образовъ, воспоминаній и сужденій, вызванныхъ одними и тѣми же словами, но произнесенными во время разныхъ настроеній.

Слово «хлѣбъ» во время спокойнаго настроенія у г-жи П. ассоціируется съ образомъ горячаго дымящагося хлѣба и съ романомъ Мамина-Сибиряка того-же названія.

Во время грустнаго — съ мыслью о голодающихъ деревняхъ и съ образомъ цынготныхъ больныхъ.

Слово «воля» во время радостнаго настроенія у той же г-жи П. вызываетъ образъ орла и слова романса «Мы вольныя птицы».

Это же слово во время грустнаго настроенія ассоціируется съ образомъ узника.

У г-на Р. во время испытываемаго имъ въ состояніи злобы непріятнаго настроенія раздраженія, по произнесеніи слова «карандашъ», записано: «Я разъ въ гимназіи сильно разсердился на товарища, подсунувшаго мнѣ на рисованіи скверный карандашъ, которымъ я испортилъ рисунокъ».

По поводу того же слова во время радостнаго настроенія г-нъ Р. пишетъ: «Мнѣ было ужасно смѣшно, когда мой товарищъ нашелъ карандашъ одной барышни и хранилъ его, какъ святыню, хотя карандашъ былъ старый и испорченный».

«Болото» во время радостнаго настроенія вызываетъ у г-на М. воспоминаніе лѣтнихъ прогулокъ, собиранія болотныхъ цвѣтовъ; во время-же грустнаго ассоціируется съ воспоминаніемъ тяжелой сцены нечаяннаго убійства во время охоты.

Но еще рѣзче настроеніе накладываетъ свою печать на ассоціаціи, вызываемыя словами имѣющими связь съ тѣмъ или другимъ чувствованіемъ. Во время противоположнаго настроенія они или вовсе не вызываютъ ассоціацій, или ассоціируются съ представленіями, контрастирующими съ даннымъ словомъ, или-же вызванныя ассоціаціи носятъ на себя рѣзкую печать переживаемаго. Во время радостнаго настроенія слово «улыбка» вызываетъ у г. Л. образъ смѣющейся дѣвушки; во время грустнаго настроенія по произнесеніи этого слова у Л. записано: «противно смотрѣть на вѣчно улыбающееся лицо».

По произнесеніи слова «блескъ» г-нъ Т. во время грустнаго настроенія записываетъ: «тускло, темно, грязно».

Слово «радость», будившее у г-на М. во время радостнаго настроенія

много веселыхъ, пріятныхъ воспоминаній, во время печальнаго настроенія не вызываетъ ничего, кромѣ мысли, что ему теперь тоскливо.

«Счастье» во время грустнаго настроенія ассоціируется у П. съ мыслью, что можно быть счастливымъ только тогда, когда закроешь глаза на окружающее горе.

Въ листкахъ записей г. О. за словомъ «тоска» во время радостнаго настроенія стоитъ: «дѣлай дѣло, и не будетъ тоски!», а во время печальнаго— «какъ туча, налетаетъ горе и отравляетъ тоской жизнь».

Вліяніе чувствованій на характеръ ассоціацій еще рѣзче сказывается во время аффектовъ.

Тутъ интеллектъ поистинѣ уподобляется безсильному, хотя и зрячему паралитику, всецѣло зависящему отъ воли несущаго его слѣпого силача— чувствованія.

Поле сознанія во время аффекта рѣзко суживается, и въ немъ ярко выступаютъ представленія, выдвигаемыя господствующимъ чувствованіемъ.

.Г-ну Р.—отличному гипнотику во время сна было внушено чувство страха, вызванное бросившейся на него змѣей. Это чувство должно было продолжаться втеченіе 15 минутъ по пробужденіи.

Р. всталъ съ недоумѣвающе-испуганнымъ видомъ. Всегда живое, подвижное лицо его остановилось, глаза расширились, движенія стали медленны, точно связаны.

Во всѣхъ его ассоціаціяхъ, страшно замедленныхъ, какъ упомянуто выше, фигурируютъ змѣи, гадюки и внушаемое ими чувство страха.

Даже такія слова какъ «тетрадь» связывались въ его сознаніи съ господствующимъ чувствованіемъ; за словомъ «тетрадь» у него стоитъ: «Я разсматривалъ недавно тетрадь съ рисунками змѣй. Сколько отвращенія и ужаса внушаютъ эти гады».

Слово «цвѣтокъ», ассоціировавшееся у него во время разнообразныхъ настроеній то съ образомъ любимыхъ цвѣтовъ, то съ воспоминаніями лѣтнихъ прогулокъ, вызываетъ теперь слѣдующую ассоціацію: «Я боюсь забираться въ чащу за цвѣтами,—того гляди наткнешься на змѣю».

Черезъ 15—20 минутъ выраженіе лица Р. рѣзко измѣнилось; неподвижное, остановившееся—оно ожило, выраженіе испуга безслѣдно исчезло, движенія пріобрѣли обычную живость, и онъ съ недоумѣвающей улыбкой спрашивалъ насъ: «что вы со мной сдѣлали?»

Во время аффекта злобы всѣ ассоціаціи окрашиваются этимъ чувствованіемъ. Въ нихъ сквозитъ раздраженіе противъ всего и всѣхъ. Всюду видится одно некрасивое, непріятное, перебираются всѣ темныя стороны человѣческаго характера, подчеркивается недоброжелательство и эгоизмъ людей.

Даже неодушевленные предметы возбуждаютъ недоброжелательство; п произнесеніи слово «снѣгъ» записано: «сверху было, какъ будто чисто, опнешь—грязь».

Переживаемое настроеніе—это своего рода источникъ свѣта, бросающій свѣтлую полосу на міръ и его явленія. Все не освѣщенное имъ остается въ густой тѣни.

Самоубійца, въ порывѣ отчаянія рѣшающійся оборвать жизнь, не видитъ свѣтлыхъ сторонъ ея.

Человѣкъ, переживающій радость исполнившагося желанія, не видитъ горя, міръ ему кажется прекраснымъ.

Человѣческій языкъ богатъ выраженіями, отмѣчающими это явленіе.

Напримѣръ, «все померкло для него», «видѣть все въ розовомъ свѣтѣ», «чувство слѣпо» и т. п.

Выраженіе «судить по себѣ» имѣетъ въ основѣ это-же явленіе.

Любящему человѣку кажется, что всѣ раздѣляютъ его чувство и съ восхищеніемъ смотрятъ на любимое имъ существо; лжецъ и лицемѣръ подозрѣваетъ во лжи и притворствѣ другихъ; скупой не вѣритъ, что у другихъ можетъ отсутствовать страсть къ стяжанію; эгоистъ не понимаетъ альтруистическихъ порывовъ; сытый не разумѣетъ голоднаго.

Дьякъ Алексѣя Толстого говоритъ голодной толпѣ:—Изъ васъ всякъ долженъ быть въ тѣлѣ: Еще въ думѣ вчера мы съ трудомъ осетра съѣли.

Въ психологической литературѣ велся одно время оживленный споръ о томъ, что легче запоминается удовольствіе или страданіе и какого характера воспоминанія ярче, живѣе всплываютъ въ памяти.

Мы видѣли, что воспоминанія находятся почти въ рабской зависимости отъ переживаемыхъ настроеній.

Во время грустнаго настроенія всплываютъ грустныя воспоминанія, во время радостнаго—радостныя.

У лицъ, наклонныхъ къ меланхоліи, чаще и ярче оживаютъ грустныя воспоминанія, у оптимистовъ—радостный тонъ настроенія мѣшаетъ возникновенію печальныхъ воспоминаній.

Поэтому одни лица съ удивительной легкостью возстановляютъ радостныя представленія; другія-же наоборотъ.

Отсюда безрезультатность спора о легкости запоминанія и возстановленія въ памяти фактовъ удовольствія и страданія, оптимисты будутъ утверждать одно, пессимисты—другое; и тѣ и другіе будутъ правы.

Недавно мы имѣли случай сдѣлать слѣдующее наблюденіе. Г-жи И. и Б. стояли у окна.

Вѣтеръ рвалъ съ деревьевъ пожелтѣвшіе листья.

Г-жа И. сказала: «Вотъ и осень. Сухіе листья. Потянутся сѣрые дни. Вотъ тоска-то».

Г-жа Б. слѣдя за тѣми-же желтыми листьями воскликнула:—«Точно золото—какъ красиво! Мнѣ сейчасъ кажется, что весь міръ состоитъ изъ синяго неба, золотыхъ листьевъ, и что это небо и золото для меня».

Здѣсь одно и то-же зрительное впечатлѣніе—желтые листья—въ зависимости отъ различныхъ настроеній породило такія не похожія одна на другую ассоціаціи.

Длительныя чувствованія, вызванныя естественно, накладываютъ болѣе глубокій, постоянный слѣдъ на ассоціаціи.

Одинъ изъ нашихъ изслѣдуемыхъ переживалъ эмоцію любви. Быстрая смѣна его настроеній позволяла намъ ставить съ нимъ опыты, не прибѣгая къ гипнозу.

Экспансивный, порывистый онъ не умѣлъ маскировать переживаемаго. Онъ приходилъ къ намъ въ лабораторію, то вялый недовольный, раздраженный, говорилъ что все ему надоѣло, удивлялся, какъ онъ согласился подвергнуть себя такимъ скучнымъ опытамъ, просилъ насъ скорѣе закончить ихъ, то являлся улыбающійся, оживленный, шутилъ, острилъ, увѣрялъ, что его самого очень интересуетъ наша работа.

Даже не спрашивая его, въ какомъ онъ настроеніи можно было ставить діагнозъ на глазъ.

Настроеніе у него рѣзко сказывалось на окраскѣ ассоціацій, но сущность ихъ все время оставалась поразительно-однообразной.

Во время печальнаго настроенія предлагаемыя слова ассоціировались у него съ предположеніями, что чувство его не раздѣляется, съ воспоминаніями сценъ, подтверждающихъ эти предположенія и т. п.; во время радостнаго настроенія являлась увѣренность въ противномъ, и опять прямо или косвенно всѣ его ассоціаціи группировались около переживаемой эмоціи; во время аффекта злобы записи его пестрятъ восклицаніями о томъ, что все ему надоѣло, что надо бросить, оборвать, что это глупо, скучно и т. д.

Длительное чувство утомленія, скуки, вызванное работой, которая не интересуетъ и не нравится, проскальзываетъ въ разнообразныхъ настроеніяхъ.

Такъ слово «лугъ» во время радостнаго настроенія вызываетъ у г-на А. слѣдующія ассоціаціи. «Зеленый, цвѣтущій. Солнце горячее. Хорошо-бы полежать сейчасъ на травѣ; надо будетъ лѣтомъ взять отпускъ, отдохнуть забыть про Питеръ», а во время грустнаго: «До луга-ли? Погибать вѣрно въ своей коптильнѣ!».

Просматривая собранныя нами записи, невольно припоминаешь слова Шопенгауера: «Даже слабая память удерживаетъ превосходно то, что оказывается годнымъ для господствующей въ данный моментъ страсти: влюбленный не забываетъ ни одного благопріятнаго случая; честолюбивый—ничего изъ того, что служитъ для его плановъ; скупой не забываетъ своей ничтожной потери; гордый—оскорбленія, нанесеннаго его чести; тщеславный запоминаетъ всякое слово хвалы, всякое отличіе, объектомъ котораго онъ служилъ. Это то, что можно бы назвать памятью сердца, болѣе интимной, чѣмъ память ума».

Если предтсавленіе часто повторялось, если оно связано въ нашемъ соз-

наніи съ большимъ количествомъ опытовъ и воспоминаній—оно имѣетъ больше всего возможности стать во главѣ.

Но при глубокомъ интересѣ, вызванномъ чувствомъ, могутъ быть совершенно отстранены представленія, связанныя съ обширными и неоднократными опытами.

По словамъ Hefding'a есть «душа» и «тѣло» мимики; тѣлесная мимика—это дѣйствіе чувства на мускульныя движенія, душевная—вліяніе чувства на представленія.

Укажемъ, хотя это и не относится непосредственно къ нашей работѣ, на глубокое вліяніе, оказываемое искусствомъ на ассоціаціи.

У испытуемаго И.—на другой день послѣ прослушанной имъ талантливо исполненной драматической пьесы—изъ предложенныхъ ему 12 словъ 6 ассоціировалось съ образами и сценами видѣнной наканунѣ драмы.

У В. на другой день послѣ оперы листки записанныхъ ассоціацій пестрятъ обрывками слышанныхъ наканунѣ арій.

У С.—послѣ посѣщенія картинной выставки—изъ 12 предложенныхъ ему словъ 4 ассоціировались съ только что видѣнными картинами.

Музыка (опыты съ вліяніемъ музыки имѣли мѣсто на сторонѣ) вызывала наплывъ образовъ, усиливала имѣвшіяся желанія, будила новыя.

О томъ, какъ сроднились со всей читающей публикой нѣкоторые литературныя произведенія, говоритъ слѣдующій опытъ: всѣмъ нашимъ испытуемымъ во время самыхъ разнообразныхъ настроеній предлагалось слово «Обрывъ», и у всѣхъ безъ исключенія это слово ассоціировалось со сценами и типами романа Гончарова «Обрывъ».

Во время нашихъ опытовъ мы обратили вниманіе на то, что настроеніе съ замѣтной правильностью отражается на преобладаніи въ возникающихъ ассоціаціяхъ продуктовъ дѣятельности той или иной душевной способности—памяти, воображенія или ума въ узкомъ смыслѣ.

При извѣстномъ настроеніи у одного и того-же субъекта чаще возникаютъ образы, при другомъ сужденія и т. д.

Мы можемъ отмѣтить на основаніи своихъ опытовъ, что при спокойномъ настроеніи индивидуальность выступаетъ рѣзче всего; у одного индивидуума въ ассоціаціяхъ во время спокойнаго настроенія всегда преобладаютъ образы, у другого сужденія и т. д. При уклоненіи-же настроенія въ ту или другую сторону количество образовъ, воспоминаній, сужденій въ возникающихъ ассоціаціяхъ значительно варіируетъ.

Во время радостнаго настроенія усиливается дѣятельность воображенія и въ возникающихъ ассоціаціяхъ увеличивается количество творческихъ образовъ.

Воображеніе измѣняетъ содержаніе и составъ представленій и производитъ новые ряды и группы ихъ, тогда какъ собственно воспоминаніе шагъ за шагомъ слѣдуетъ за дѣйствительнымъ воспріятіемъ.

Мы говоримъ, напримѣръ, — гибель — и это слово изслѣдуемаго ассоціируется съ картиной гибели корабля. Онъ пишетъ: «Буря, волны, спускъ лодки. Женщины и дѣти плачутъ». На нашъ вопросъ не воспоминаніе-ли это читаннаго или виданнаго изслѣдуемый отвѣчаетъ:

— Ни то, ни другое.. Такъ свое что-то представилось.

Или за произнесеніемъ слова «улыбка» записано:

— Смѣющееся лицо дѣвушки, ямки на подбородкѣ и щекахъ; слезы смѣха на рѣсницахъ — и опять на вопросъ — знакомый-ли это образъ? — мы получаемъ отвѣтъ: — Нѣтъ, какое-то совсѣмъ новое лицо.

Во время спокойнаго настроенія усиливается дѣятельность ума — мышленіе, и въ ассоціаціяхъ увеличивается количество сужденій болѣе или менѣе отвлеченнаго характера.

Ассоціаціи всѣхъ испытуемыхъ, записанныя во время грустнаго настроенія, останавливаютъ на себѣ вниманіе количествомъ сужденій, констатирующихъ ощущенія и чувствованія, переживаемыя субъектомъ въ данный моментъ.

Предлагаемыя нами слова на первый взглядъ очень далекія отъ того, чтобы ихъ можно было связать съ переживаемой эмоціей, останавливаютъ однако мысль на ней.

Мы говоримъ — ледъ — въ записи стоитъ:

— Громадная льдина. Холодная. Какъ холодно, тяжело жить. И опять это мнѣ такъ тоскливо.

— Говоримъ — стукъ — записано: — Стукъ вашего хроноскопа. Большая скука быть объектомъ психологическихъ опытовъ — и т. д.

Для примѣра возьмемъ листки ассоціацій г-на Л. и сдѣлаемъ подсчетъ встрѣчающихся въ нихъ при томъ или иномъ настроеніи творческихъ образовъ, воспоминаній, сужденій болѣе или менѣе отвлеченнаго характера и сужденій, имѣющихъ своимъ предметомъ переживаемое настроеніе или чувствованіе.

	Спокойное.	Радостное.	Печальное
Образы . . . . ,	5	11	2
Воспоминанія	8	3	10
Сужденія	11	2	5
Сужд., конст. переживаемое настроеніе	—	—	4

Что касается привычныхъ ассоціацій — воспроизведенія заученныхъ или врѣзавшихся въ память сочетаній словъ — напримѣръ: — умѣренность... и аккуратность — Петръ... Великій, и словесныхъ — напримѣръ Буря — Буреломъ Мука, Мука́ — то такія ассоціаціи сравнительно рѣдки въ записяхъ нашихъ изслѣдуемыхъ.

Привычныя и словесныя ассоціаціи встрѣчались у нашихъ изслѣдуемыхъ чаще всего, когда они испытывали усталость.

Это наблюденіе наше согласуется съ наблюденіемъ Aschaffenburg'a, который на рядѣ опытовъ изучилъ вліяніе усталости на ассоціаціи.

Привычныя и словесныя ассоціаціи свидѣтельствуютъ о склонности умственныхъ способностей къ автоматической дѣятельности. Слѣдовательно во время усталости человѣкъ особенно склоненъ къ автоматической дѣятельности.

Встрѣчающееся въ записяхъ изслѣдуемыхъ во время печальнаго настроенія значительное количество сужденій, имѣющихъ своимъ предметомъ переживаемое чувствованіе, показываетъ, что печальное настроеніе останавливаетъ вниманіе человѣка на самомъ себѣ.

Происходитъ взаимодѣйствіе: чувствованіе направляетъ мысль, мысль усиливаетъ чувствованіе.

Извѣстно, что чувствованіе усиливается, если на немъ сосредоточивается вниманіе.

Во время войны часто не чувствуютъ сильной боли отъ полученныхъ ранъ; вниманіе занято другимъ, возбужденіе не позволяетъ мыслямъ сосредоточиться на переживаемыхъ чувствованіяхъ.

Можно привести множество подобныхъ примѣровъ.

Взять, напримѣръ, анестезію мученицъ съ улыбкой восторга встрѣчающихъ самыя страшныя муки.

Извѣстно, что лица страдающія ипохондрическими идеями преувеличиваютъ свои страданія.

Цифры нашихъ опытовъ говорятъ, что такъ и должно быть; находясь въ печальномъ настроеніи, меланхоликъ сосредоточиваетъ свое вниманіе на переживаемыхъ ощущеніяхъ и чувствованіяхъ.

Прислушиваясь къ нимъ, онъ начинаетъ чувствовать боль тамъ, гдѣ ее часто на самомъ дѣлѣ и не существуетъ. Отсюда безчисленныя неуменимыя страданія меланхоликовъ—болѣзни легкихъ, сердца, печени, селезенки, почекъ, желудка и т. д.

Въ языкѣ каждаго народа множество словъ для обозначенія чувствованій и ощущеній тягостнаго характера; между тѣмъ какъ номенклатура пріятныхъ чувствованій очень бѣдна.

Психологи, разрабатывая отдѣлъ эмоцій, особенно подробно останавливаются на печальныхъ чувствованіяхъ и ощущеніяхъ. Налетанъ различаетъ, напримѣръ, 73 вида одного физическаго страданія, Georget—38, Renodin—12 и такъ далѣе.

Когда трактуешь о страданіи—говоритъ Ribot,—то чувствуешь себя подавленнымъ обиліемъ матеріала; по отношенію къ удовольствію этого совсѣмъ нельзя сказать. Происходитъ ли это оттого, что врачи въ теченіе вѣковъ накопляли наблюденія о страданіи, между тѣмъ какъ нѣтъ такой профессіи, которая избрала бы предметомъ изслѣдованія удовольствіе? Или же оттого, что человѣчество уже такъ сложено, что, испытывая больше страданія, чѣмъ на-

слаждаясь удовольствіями, оно изучало то, что тяготитъ, чтобы освободиться отъ этого?..

Намъ, на основаніи данныхъ нашихъ опытовъ, кажется, что отвѣтъ можетъ быть проще.

Переживая пріятную эмоцію, человѣкъ чувствуетъ приливъ силъ, стремится проявить, воплотить ихъ; онъ мало занятъ собой, не останавливается на анализѣ собственныхъ чувствованій—отсюда бѣдность психологическихъ наблюденій, относящихся къ пріятнымъ эмоціямъ.

Напротивъ во время печальнаго настроенія ослабѣвшія силы человѣка уменьшаютъ его энергію, убиваютъ охоту къ труду, ослабляютъ альтруистическія наклонности и приковываютъ вниманіе къ себѣ.

Отсюда такое обиліе словъ, отмѣчающихъ самыя тонкія колебанія страданія, такое обиліе психологическаго матеріала, имѣющаго своимъ предметомъ страданіе. Bain въ своей психологіи говоритъ: «страданіе имѣетъ силу удерживать и плѣнять умъ». Достоевскій и другіе художники-психологи прекрасно отмѣтили это въ своихъ произведеніяхъ.

Это «любованіе собственнымъ страданіемъ», доходящее иногда у героевъ Достоевскаго до наслажденія имъ, это стремленіе бередить и безъ того ноющую рану свѣжаго горя, эти выраженія «тоску свою полюбила», или—«вы полюбили свой позоръ и безпрерывную мысль о томъ, что васъ оскорбили»—все это говоритъ о томъ, что страданіе приковываетъ вниманіе человѣка, зачаровываетъ его.

Мы не можемъ согласиться съ мнѣніемъ Wundt'а, слѣдующимъ образомъ объясняющаго подавляющее обиліе выраженій страданія въ человѣческомъ языкѣ.

«Явленіе это, говоритъ онъ, обусловливается не столько тѣмъ, что человѣкъ особенно заботливо присматривается къ непріятнымъ и тягостнымъ состояніямъ, сколько тѣмъ, что чувство удовольствія въ дѣйствительности болѣе однообразнаго характера».

Въ задачи нашей работы не входитъ оцѣнка разнообразія тоновъ того или другого чувствованія.

Поэтому мы не будемъ касаться сложной, богатой области пріятныхъ чувствованій, куда, какъ порождающая причина, входятъ и эгоизмъ, и альтруизмъ, эстетика и интеллектъ, мы укажемъ только на то, что цифры нашихъ опытовъ говорятъ именно за то, что человѣкъ особенно заботливо прислушивается къ непріятнымъ чувствованіямъ.

Попробуемъ вкратцѣ резюмировать результаты нашихъ опытовъ:

I). Индивидуальность оказываетъ громадное вліяніе на скорость возникновенія ассоціацій.

Моментъ возникновенія первой ассоціаціи по поводу одного и того же слова во время одного и того же настроенія, но у разныхъ испытуемыхъ даетъ разныя цифровыя данныя.

Въ спокойномъ настроеніи индивидуальная разница сказывается рѣзче всего.

II) Настроеніе пріятное, по сравненію съ спокойнымъ, ускоряетъ время возникновенія ассоціацій, но тормазитъ ходъ ассоціацій, имѣющихъ связь съ настроеніемъ противоположнымъ переживаемому.

III) Печальное настроеніе дѣйствуетъ угнетающимъ образомъ на скорость ассоціацій и только слова, выражающія понятія близкія тягостнымъ чувствованіямъ и ощущеніямъ вызываютъ первыя ассоціаціи сравнительно быстро.

IV) Аффекты, всѣ безъ исключенія, какъ пріятные,—напр. восторгъ, такъ и непріятные—гнѣвъ, ужасъ, отчаяніе—занимая собою все поле сознанія, съ трудомъ уступаютъ или даже вовсе не уступаютъ дорогу ассоціаціямъ, не находящимся въ непосредственной связи съ переживаемымъ аффектомъ.

V) Настроеніе накладываетъ рѣзкую печать на характеръ возникающихъ ассоціацій, оно производитъ качественный выборъ и вводитъ въ сознаніе только тѣ образы, сужденія и воспоминанія, которые гармонируютъ съ нимъ.

VI) На ассоціаціяхъ испытуемыхъ индивидуальность рѣзко сказывается въ преобладаніи продуктовъ той или иной душевной способности—воображенія, памяти или ума въ узкомъ смыслѣ. Такія индивидуальныя колебанія рѣзче всего сказываются во время спокойнаго настроенія.

VII) Пріятное или радостное настроеніе, въ ассоціаціяхъ увеличиваетъ количество творческихъ образовъ.

VIII) Во время непріятнаго или печальнаго настроенія бросается въ глаза увеличивающееся количесво сужденій, имѣющихъ своимъ предметомъ испытываемыя въ данный моментъ чувствованія и ощущенія.

Мы далеко не считаемъ свою тему исчерпанной и горячо желаемъ, чтобы вопросъ о вліяніи чувствованія на ассоціоціи, вопросъ—столь важный для психологіи, педагогики, соціалогіи, психіатріи и судебной медицины—привлекъ къ своей разработкѣ какъ можно больше силъ.

Таблица быстроты ассоціацій.

		Время возникновенія ассоціаціи по вычитаніи времени реакціи на нихъ.
Г. Н.	Спокойное настроеніе	0,338
	Пріятное . .	0,204
	Непріятное » .	0,500
	Восторгъ	0,638
	Гнѣвъ	0,641

Разница во времени между спокойнымъ настроеніемъ и пріятнымъ (a)— 0,134, между спокойнымъ и непріятнымъ (b) + 0,162, между спокойнымъ и аффектомъ восторга (c) + 0,300, между спокойнымъ и аффектомъ гнѣва (d) 0,303.

О.	Спокойное настроеніе	0,387	a = — 0,107
	Пріятное »	0,280	b = + 0,106
	Непріятное » .	0,493	c = + 0,144
	Восторгъ	0,531	Разница между спокойнымъ
	Ужасъ	0,650	и аффектомъ ужаса (e) =
			= + 0,263.
М. Р.	Спокойное настроеніе	0,538	a = — 0,168
	Пріятное » .	0,370	b = + 0,184
	Непріятное » .	0,772	c = + 0,180
	Восторгъ	0,718	d = + 0,202
	Ужасъ	0,740	Разница во времени между
	Злобы	0,576	спокойнымъ настроеніемъ
			и аффектомъ злобы (f) =
			= 0,038.
С. Ц.	Спокойное настроеніе	0,826	a = - 0,160
	Пріятное » .	0,657	b = + 0,141
	Непріятное » .	0,967	c = + 0.130
	Восторгъ	0,956	Разница между спокойнымъ
	Отчаяніе	1,003	настроеніемъ и аффектомъ
			отчаянія (g) 0,177.
Н. А.	Спокойное настроеніе	0,346	a = — 0,115
	Пріятное »	0,231	b = + 0,130
	Непріятное » .	0,485	c = + 0,218
	Восторгъ	0,564	Разница между спокойнымъ
	Страхъ	0,449	настроеніемъ и аффектомъ
			отчаянія i = 0,103.
Д. Т.	Спокойное настроеніе	0,252	a = — 0,059
	Пріятное » .	0,193	b = 0,205
	Непріятное » .	0,457	c = 0,180
	Восторгъ	0,432	
В. В.	Спокойное настроеніе	0,387	a = — 0,113
	Пріятное » .	0,274	b = 0,069
	Непріятное » .	0,456	c = 0,105
	Восторгъ	0,492	e = 0,126
	Ужасъ	0,513	
Н. Д.	Спокойное настроеніе	0,315	a = — 0,102
	Пріятное » .	0,213	b = 0,137
	Непріятное » .	0,452	c = 0,258
	Восторгъ	0,578	l = 0,379
	Страхъ	0,694	
М. Х.	Спокойное настроеніе	0,938	a = — 0,167
	Пріятное » .	0,771	b = + 0,071
	Непріятное » .	1,012	
Т. Л.	Спокойное настроеніе	0,183	a = — 0,134
	Пріятное .	0,049	b = + 0,051
	Непріятное » .	0,234	c = + 0,063
	Восторгъ	0,246	d = + 0,178
	Гнѣвъ	0,361	
М. К.	Спокойное настроеніе	0,867	a = + 0,029
	Пріятное » .	0,896	b = + 0,064
	Непріятное » .	0,931	c = + 0,80
	Ужасъ	0,947	
Е. Д.	Спокойное настроеніе	0,560	a = — 0,128
	Пріятное » .	0,482	b = + 0,064
	Непріятное » .	0,624	f = + 0,140
	Злоба	0,700	
В. Г.	Спокойное настроеніе	0,485	
	Пріятное » .	0,311	
А. Л.	Спокойное настроеніе	0,245	a = + 0,111
	Пріятное » .	0,356	b = + 0,157
	Непріятное » .	0,402	
І. К.	Спокойное настроеніе	1,105	

В. Б.	Спокойное настроеніе	1,230	a =	0,248
	Пріятное » .	0,982		
В. В.	Спокойное настроеніе	0,346	a =	0,054
	Пріятное » .	0,400	b =	0,021
	Непріятное » .	0,367		
З. С.	Спокойное настроеніе	0,498	a =	— 0,108
	Пріятное » .	0,390	b =	0,062
	Непріятное »	0,560	c =	0,120
	Восторгъ	0,618		
М. О.	Спокойное настроеніе	0,846	a =	0,223
	Пріятное » .	0,623	b =	0,073
	Непріятное » .	0,919	c =	0,169
	Ужасъ	1,015		
Н. А.	Спокойное настроеніе	2,002		
Н. Г.	Спокойное настроеніе	0,428	a =	0,083
	Пріятное » .	0,511		
В. Т.	Спокойное настроеніе	0,621		
	Пріятное » .	0,642		
	Непріятное » .	0,711		

Г-нъ Н. Настроенія.

Спокойное.	Пріятное.	Непріятное.	Острая радость.	Гнѣвъ
Время возникновенія I ассоціаціи.				
I.	II.	III.	IV.	V.
0,338с	0,204	0,500	0,638	0,641

Разница времени между.

I и II = — 0,134

I и III = + 0,162

I и IV = + 0,300

I и V = + 0,303

Г-нъ О. Настроенія.

Спокойное.	Пріятное.	Непріятное.	Острая радость.	Ужасъ.
Время возникновенія I ассоціаціи.				
I.	II.	III.	IV.	V.
0,387	0,280	0,493	0,531	0,650

Разница во времени между

I и II = — 0,107 I : V

I и III = + 0,106 = +

I и IV = + 0,144 0,263

Г-нъ Р. Настроенія.

Спокойное.	Пріятное.	Непріятное.	Острая радость.	Ужасъ.	Злоба.
Время возникновенія I ассоціаціи.					
I.	II.	III.	IV.	V.	VI.
0,538	0,370	0,722	0,718	0,740	0,576

Разница во времени между

I и II = — 0,168

I и III = + 0,184

I и IV = + 0,180

I и V = + 0,202

I и VI = + 0,038

Г-нъ П. Настроенія.

Спокойное.	Пріятное.	Непріятное.	Острая радость.	Отчаяніе.
Время возникновенія I ассоціація.				
I.	II.	III.	IV.	V.
0,826	0,657	0,967	0,956	1,003

Разница во времени между

I и II = — 0,169

I и III = + 0,141

I и IV = + 0,130

I и V = + 0,177

Г-жа А. Настроенія.

Спокойное.	Пріятное.	Непріятное.	Острая радость.	Страхъ.
Время возникновенія I ассоціаціи.				
I.	II.	III.	IV.	V.
0,346	0,231	0,485	0,564	0,449

Разница во времени между

I и II = — 0,115

I и III = + 0,139

I и IV = + 0,218

I и V = + 0,103

Г-нъ Т. Настроенія.

Спокойное.	Пріятное.	Непріятное.	Восторгъ.
Время возникновенія I ассоціаціи.			
I.	II.	III.	IV.
0,152	0,093	0,457	0,432

Разница во времени между

I и II = — 0,059

I и III = + 0,305

I и IV = + 0,280

Г-жа В. Настроенія.

Спокойное.	Пріятное.	Непріятное.	Восторгъ.	Ужасъ.
Время возникновенія I ассоціаціи.				
I.	II.	III.	IV.	V.
0,387	0,274	0,456	0,492	0,513

Разница во времени между

I и II = — 0,113

I и III = + 0,069

I и IV = + 0,105

I и V = + 0,126

Г-жа Д. Настроенія.

Спокойное.	Пріятное.	Непріятное.	Восторгъ.	Страхъ.
Время возникновенія I ассоціаціи.				
I.	II.	III.	IV.	V.
0,115	0,013	0,252	0,273	0,394

Разница во времени между

I и II = - 0,102

I и III = + 0,137

I и IV = + 0,158

I и V = + 0,279

Г-жа Л. Настроенія.

Спокойное.	Пріятное.	Непріятное.	Восторгъ.	Гнѣвъ.
Время возникновенія I ассоціаціи.				
I.	II.	III.	IV.	V.
0,183	0,049	0,234	0,246	0,361

Разница во времени между.

I и II = 0,134

I и III = + 0,051

I и IV = + 0,063

I и V = + 0,178

Головной мозгъ безпозвоночныхъ, какъ органъ жизни.

В. А. Вагнера.

(*Окончаніе*).

ГЛАВА III.

Роль головного мозга въ движеніяхъ животнаго. Движенія: круговыя, сокращенныя, задержанныя, продолженныя и преувеличенныя.

Отъ вліянія головного мозга на общій тонусъ нервной системы перейдемъ теперь къ выясненію роли головного мозга *въ движеніяхъ животнаго*.

Для выясненія этой роли я предпринялъ рядъ опытовъ, которыхъ задача состояла въ опредѣленіи *характера движеній* безпозвоночныхъ въ связи съ тѣми или другими поврежденіями головного мозга. Изслѣдованія эти привели меня къ заключеніямъ, которыя я изложу здѣсь по рубрикамъ, опредѣляющимъ тотъ или другой рядъ совершаемыхъ животными послѣ операціи движеній.

а) Круговыя движенія.

Основную причину круговыхъ движеній Bethe видитъ въ томъ, что *удаливъ одну половину головного мозга*, мы въ соотвѣтствующей половинѣ тѣла поражаемъ задерживающій движеніе факторъ, такъ какъ, по его мнѣнію, каждая половина тѣла тонизируется только соотвѣтствующею ей половиною головного мозга.

Разсужденіе это не соотвѣтствуетъ дѣйствительности: по прошествіи большаго или меньшаго времени послѣ операціи, способность къ движенію *по прямому направленію возстановляется*, изъ чего слѣдуетъ, во 1-хъ, что высота нервнаго тонуса обоихъ половинъ всегда бываетъ *одинаковой*, и это собственно совершенно понятно, принимая во вниманіе источникъ нервной энергіи и способъ ея накопленія. Если-бы каждая половина нервной цѣпи съ соотвѣтствующей половиной головного мозга дѣйствовала въ этомъ отношеніи только сама за себя, то въ концѣ концовъ животное никогда не могло-бы двигаться по прямому направленію, такъ какъ полнаго тождества въ накопленной энергіи двухъ половинъ нервной системы, разумѣется, быть не можетъ; изъ сказаннаго совершенно очевидно, что объясненія Bethe'а круговыхъ движеній также не вѣрны въ этой своей части, какъ и во всѣхъ остальныхъ. Это послѣднее утвержденіе основывается на данныхъ опыта и наблюденія, которые приводятъ къ слѣдующимъ заключеніямъ:

1. Животное двигается въ сторону поранения, описывая круги большаго или меньшаго діаметра. Это наблюдается у тѣхъ изъ нихъ, которые послѣ лишенія ихъ половины головы испытываютъ паралличное состояніе конечностей соименной съ операціей стороны. При отрѣзаніи, напримѣръ, правой половины головы животное двигается вправо, такъ какъ ножки этой половины не работаютъ. Круговое движеніе это *не психическаго характера*, а *чисто физіологическаго*.

2. Животное, описывая круги, двигается въ сторону уцѣлѣвшей половины головы. Это наблюдается тогда, когда операція переносится имъ съ большою легкостью, не влечетъ за собою паралличнаго состоянія конечности, и животное руководится при перемѣщеніи глазомъ или усикомъ. Движеніе это составляетъ актъ психическій.

Въ первомъ и во второмъ случаяхъ дѣло кончается тѣмъ, что животное описываетъ все большей и большей величины круги и въ концѣ концовъ начинаетъ идти по прямой линіи; въ первомъ случаѣ потому, что прекращается паралличное состояніе, во второмъ потому, что уцѣлѣвшій глазъ, усикъ или щупальца оріентируются наконецъ въ своей работѣ. Чистка того мѣста гдѣ находился глазъ, вскорѣ послѣ операціи, есть именно такой актъ, который въ нормальныхъ условіяхъ служитъ для того, чтобы привести его въ порядокъ, и никакого отношенія къ боли не имѣетъ.

3. Животное описываетъ круговое движеніе въ сторону поранения, когда паралличнаго состоянія конечностей у него не наблюдается. Это бываетъ въ тѣхъ случаяхъ, когда операція не влечетъ за собою сильныхъ болевыхъ ощущеній, и животное въ нормальныхъ условіяхъ идетъ въ сторону отъ испытываемаго раздраженія (наземные клопы). Движенія эти психическаго характера, и всего лучше удостовѣряются двойной послѣдовательной операціей: съ отрѣзаніемъ лѣвой стороны головы они идутъ вправо, но не потому же, почему идутъ вправо тѣ животныя, которыя идутъ въ сторону уцѣлѣвшей части головы, руководясь находящимися на лицо органами чувствъ, а потому, что они уходятъ отъ предмета, который раздражаетъ лѣвую сторону ихъ головы. Вслѣдъ за этимъ отрѣзается и правая сторона головы. Животныя, руководящіяся послѣ операціи уцѣлѣвшими органами чувствъ либо остановятся вовсе и не будутъ двигаться, либо пойдутъ по прямой линіи; тѣ же изъ нихъ, которыя двигались вправо, потому что уходили отъ раздраженія лѣвой стороны головы, послѣ ампутаціи правой половины будутъ дѣлать круговое движеніе влѣво уходя отъ раздраженія болѣе сильнаго. Изъ сказаннаго понятно, почему я назвалъ оба движенія на половину обезглавленнаго Notonecta glauca (водяного клопа)—движеніями психическими: *уплывая* онъ двигался по прямому направленію, такъ какъ его задачей было уйти отъ опасности.

Плавая, животное руководилось уцѣлѣвшими органами чувства одной половины головы и потому кружило.

Аналогичныя явленія мы видимъ въ тѣхъ круговыхъ движеніяхъ, которыя, будучи сначала кругами малаго діаметра, смѣняются круговыми движеніями большого діаметра, а эти послѣднія первыми, и такъ нѣсколько разъ. Причина явленія заключается въ томъ, что, уходя отъ раздраженія, животное (жукъ напримѣръ) двигается быстро; въ это время оно не имѣетъ времени обращать вниманіе на мелкіе предметы и неровности пути, которые поэтому не входятъ въ составъ элементовъ, направляющихъ движеніе животнаго—и оно двигается по кругу большого діаметра. Когда же оно начинаетъ двигаться медленнѣе и потому болѣе тщательно ощупывать дорогу, то круги начинаютъ становиться все меньшей и меньшей величины.

Къ сказанному остается присоединить, что круговыя движенія въ сторону здоровой или оперированной стороны головы, зависятъ у нѣкоторыхъ животныхъ отъ того, къ свѣту или отъ свѣта они двигаются при нормальныхъ условіяхъ жизни. Характеръ такихъ круговыхъ движеній, разумѣется, психическій. Далѣе: *круговыя движенія* могутъ совершаться не только вправо или влѣво, но быть и попятными.

Когда отрѣзана половина головы у жука, то онъ, по прошествіи нѣкотораго времени, появившись на свѣтъ изъ полутьмы, въ которой находился (кучи сухихъ листьевъ), начинаетъ пятиться кругами, то въ одну, то въ другую сторону, уходя отъ «стоящаго и застящаго передъ нимъ предмета».

Совершенно такое же понятное движеніе мы видимъ у сверчка (Cryllus campestris); животное, лишенное половины головы, кружитъ, пятясь назадъ. Движенія эти, какъ и предшествующее, имѣютъ *психичеекую природу*; они вполнѣ соотвѣтствуютъ движеніямъ нормальнаго животнаго, когда оно пятится, отступая, если почему нибудь не видитъ однимъ глазомъ.

Нѣтъ надобности говорить, что у животныхъ, о которыхъ идетъ рѣчь, психическія перемѣны опредѣлены наслѣдственно, т. е. получены ими органически, и что поэтому онѣ будутъ одинаковыми для всѣхъ особей вида въ каждомъ данномъ случаѣ.

в) Продолженныя движенія.

Подъ этимъ родомъ движеній я разумѣю движенія, которыхъ примѣромъ могутъ служить многія обезглавленныя гусеницы. Если обезглавленную Mocroglossa Stel вывести изъ покойнаго состоянія, то ея движенія въ одной своей части будутъ существенно сходными съ движеніями нормальной особи, въ нѣкоторыхъ-же другихъ будутъ отличаться отъ нея въ томъ, между прочимъ, что нѣкоторыя движенія нормальнаго животнаго, прекращающіяся у него тотчасъ вслѣдъ за минованіемъ въ нихъ надобности, у обезглавленнаго, будучи однажды вызваны, продолжаются какъ бы по инерціи болѣе или менѣе долгое время уже послѣ того, какъ надобность въ нихъ миновала.

Поясню сказанное примѣромъ.

Если нормальную гусеницу взять пинцетомъ за середину тѣла, то она выворачивается, крутясь около большой оси своего тѣла: освобожденная отъ пинцета, она тотчасъ же, или очень скоро, прекращаетъ этотъ родъ движенія для нея безполезный и замѣняетъ его другимъ.

Обезглавленная гусеница въ тѣхъ же условіяхъ ведетъ себя нѣсколько иначе: взятая пинцетомъ, она производитъ тотъ же маневръ, что и нормальная; но, будучи освобождена, не прекращаетъ вращательнаго движенія, а продолжаетъ его довольно долго, причемъ прекращаетъ не сразу, какъ нормальная, а, производя его постепенно все рѣже и рѣже, незамѣтно сводя на нѣтъ.

Сдѣланное заключеніе *о продолженныхъ движеніяхъ* было бы не полнымъ, если-бы я не указалъ другихъ источниковъ угнетенія, кромѣ органовъ чувствъ, непосредственно реагирующихъ на воздѣйствія среды.

Дѣло въ томъ, продолженными движеніями могутъ быть такія инстинктивныя дѣйствія, которыя возникаютъ подъ вліяніемъ внутреннихъ физіологическихъ процессовъ (напримѣръ: многочисленныя дѣйствія при постройкѣ гнѣзда, кладкѣ яицъ и др.). Процессы эти, требуя отъ организма опредѣленныхъ дѣйствій или состояній, которыя стимулируютъ головной мозгъ въ соотвѣтствующемъ направленіи, угнетаютъ такимъ образомъ другіе менѣе интенсивно дѣйствующіе нервные процессы.

Желая выяснить себѣ этотъ логическій выводъ изъ данныхъ животной психологіи опытнымъ путемъ, я принялся разъискивать такой объектъ, который съ одной стороны устранялъ бы возможность объяснить продолженныя движенія исчезновеніемъ органовъ чувствъ, а съ другой обладалъ бы такимъ инстинктомъ, который въ нормальныхъ условіяхъ стимулируя головной мозгъ въ опредѣленномъ направленіи, заставлялъ его угнетать движенія, съ удаленіемъ мозга обращающіяся въ продолженныя.

Такимъ объектомъ оказались куколки бабочекъ.

Наложивъ лигатуру на голову куколки Leuconea crotaegi, я констатировалъ слѣдующее:

Потревоженная прикосновеніемъ послѣ операціи она начала производить быстрыя движенія «хвостомъ», продолжая ихъ очень долго и постепенно ослабѣвая, ослабляя свела ихъ на нѣтъ. У нормальной особи при аналогичномъ раздраженіи куколка дѣлаетъ два, три рѣзкихъ оборонительныхъ движеній и сразу ихъ прекращаетъ.

Явленіе это объясняется такимъ образомъ.

Въ интересѣ сложныхъ физіологическихъ процессовъ, претерпѣваемыхъ животными въ стадіи куколки.—всякое движеніе вообще будетъ нарушающимъ правильность этихъ процессовъ. Ввиду этого инстинкты самосохраненія животнаго въ этотъ періодъ его жизни направлены къ доставленію и сохраненію ему полнаго покоя. Движенія вызываются только крайностью самообороны и потому бываютъ до возможной степени непродолжительными.

Возникая и обусловливаясь внутренними процессами, они стимулируютъ всѣ нервные гангліи въ сказанномъ направленіи, а въ числѣ ихъ и головной мозгъ. Съ удаленіемъ этого органа одинъ изъ могущественныхъ факторовъ угнетенія исчезаетъ,—въ результатѣ является только что отмѣченныя у куколки продолженныя движенія.

Онѣ явились тутъ, однако, не вслѣдствіе утраты органовъ чувствъ головы, которые доставляютъ у вполнѣ развитыхъ особей притоки новыхъ силъ и которые у куколки отсутствуютъ.

Источникомъ, стимулирующимъ у нихъ головной мозгъ, въ направленіи способномъ подавлять движенія, нецѣлесообразныя въ данномъ состояніи организма, лежитъ въ другомъ мѣстѣ; онъ лежитъ въ тѣхъ внутреннихъ процессахъ, о которыхъ я говорилъ.

Слѣдуетъ ли однако отсюда, что головной мозгъ является здѣсь центральнымъ органомъ координаціи движеній? Не больше, чѣмъ въ тѣхъ случаяхъ, когда онъ является таковымъ подъ вліяніемъ органовъ чувствъ развитого животнаго. Какъ въ этомъ послѣднемъ случаѣ его роль и значеніе представляютъ лишь роль и значеніе одного изъ гангліевъ нервной системы, пріобрѣтающемъ большее или меньшее значеніе, въ зависимости отъ важности инервируемыхъ имъ органовъ чувствъ, такъ и здѣсь головной мозгъ представляетъ собою только одинъ изъ гангліевъ, подъ вліяніемъ внутреннихъ процессовъ угнетающій всякія движенія кромѣ самыхъ необходимыхъ.

Что координирующая роль въ этомъ направленіи принадлежитъ не одному только головному ганглію, а всѣмъ гангліямъ цѣпи, это слѣдуетъ изъ того, что обезглавленная куколка совершаетъ продолженныя движенія, сводитъ ихъ на нѣтъ, а не продолжаетъ ихъ до утомленія, какъ бы это было при иной роли головного мозга.

Стоитъ только что закончившую свое продолженное хвостовое движеніе обезглавленную куколку вновь раздражить какимъ нибудь предметомъ, какъ она тотчасъ же начинаетъ ихъ снова и въ томъ же порядкѣ сводитъ на нѣтъ. Ясно, что причина пріостановки движенія, хотя бы и гораздо менѣе цѣлесообразная, чѣмъ это бываетъ при нормальныхъ условіяхъ, лежитъ не въ утомленіи, а въ стимуляціи уцѣлѣвшихъ гангліевъ нервной системы, дѣйствующихъ въ томъ же направленіи и смыслѣ, какъ и головной мозгъ, но слабѣе этого послѣдняго. Различіе, какъ и въ другихъ случаяхъ, не качественное, а только количественное.

c) Движенія по инерціи.

Движеніями «по инерціи» я называю движенія, которыя выясняются слѣдующими примѣрами.

Обезглавленіе обыкновенной осы—Wespa vulgaris—влечетъ за собою послѣдствія, которыя мы не часто наблюдаемъ у другихъ животныхъ: онѣ про-

должаютъ дѣлать то, что дѣлали въ моментъ операціи. Я дѣлалъ такой опытъ: бралъ живую осу пинцетомъ и сразу отрѣзалъ ей голову, когда она, раставивъ крылья, пробовала улетѣть. Насѣкомое послѣ операціи продолжало летѣть, вытянувъ ножки, какъ при обычномъ полетѣ, и издавая обычный звукъ крыльями. Явленіе совершенно аналогичное тому, которое констатировано для голубей. Но такъ, какъ послѣ операціи равновѣсіе тѣла у осы было нарушено, то насѣкомое безпрестанно кувыркалось черезъ то мѣсто, гдѣ у него находилась голова; устранивъ такую неправильность движенія помощью соотвѣтствующихъ приспособленій, можно убѣдиться въ томъ, что оса будетъ продолжать свой полетъ, иногда вплоть до наступленія смерти. Само собою разумѣется, что сила движенія крыльевъ постепенно ослабѣваетъ.

Другой примѣръ того же рода движеній мы можемъ видѣть на Sarcophaga carnaria тотчасъ послѣ обезглавленія, которое было сдѣлано мухѣ во время жужжанія; она слетѣла на полъ, чуть чуть жужжа и кружась на мѣстѣ; $^1/_2$ минуты спустя муха вылетѣла изъ коробки, въ которой была помѣщена и летала неправильно постоянно падая на спину, пока наконецъ утомилась и легла на спину.

Здѣсь такимъ образомъ мы имѣемъ другой случай, когда движенія, начатыя до обезглавленія, продолжаются послѣ него «по инерціи» и, сравнительно съ другими движеніями этого рода у обезглавленныхъ животныхъ этой группы, гораздо больше. Онѣ прекращаются, какъ и продолженныя движенія, не сразу, а медленно, сходя на *нѣтъ*.

d) Сокращенныя движенія.

Подъ этимъ терминомъ я разумѣю такія рефлекторныя или инстинктивныя движенія, изъ координированной суммы которыхъ выпадаетъ какая нибудь составная ихъ часть, вслѣдствіе чего они представляются совершенно безсмысленными и, безъ изученія дѣятельности нормальной особи, совершенно непонятными. Таковы, напримѣръ, движенія ксилокопы, которыя она производитъ послѣ обезглавленія задними ножками, и которыхъ назначеніе заключается въ чисткѣ крыльевъ.

Собственно говоря такой чистки ксилокопа не производитъ и вотъ почему. Актъ этотъ въ нормальныхъ условіяхъ дѣлается очень сложнымъ образомъ, и въ нормальныхъ условіяхъ составляетъ весьма обычный актъ: крылья по очереди пропускаются между нижней стороной abdomen'а и задними лапками. Всѣхъ тѣхъ движеній, которыя требуются для этого сложнаго акта, ксилокопа не производитъ, и чистки крыльевъ не получается; но соотвѣтствующія движенія лапками, теперь являющіяся совершенно безсмысленными, ксилокопа выполняетъ: она третъ ими тѣ мѣста abdomen'а, къ которымъ крылья прикладываются, и такимъ именно способомъ какъ это дѣлаетъ, когда чиститъ крылья, хотя крылья въ это время остаются совершенно покойными на своемъ обычномъ мѣстѣ.

Явленіе это въ психическомъ смыслѣ вполнѣ аналогично тому, которое мы видѣли у Torticula напримѣръ, которая подставляла свою ножку для чистки ея клешнями головы, послѣ того какъ она была отрѣзана, или у Nepa cinereo.

Ближайшая причина такихъ явленій, которыя я называю сокращенными движеніями, заключается въ томъ, что одинъ изъ составляющихъ его моментовъ, вслѣдствіе разрушенія соотвѣтствующихъ центровъ координаціи, выпалъ. Получилось не цѣлое, не законченное сложное координированнаго движенія (рефлекторное или инстинктивное), а только *его часть*. Вслѣдствіе чего оно представляется совершенно безсмысленнымъ и можетъ быть выяснено лишь путемъ сравненія дѣятельности обезглавленнаго животнаго и нормальной особи.

Болѣе же глубокая основная причина сокращенныхъ движеній заключается въ томъ, что я назвалъ-бы явленіемъ колоніальной психологіи Arthropoda: нервныя гангліи отвѣчаютъ на раздраженіе соотвѣтствующимъ образомъ не зависимо отъ того, способны или нѣтъ принять участіе въ ихъ работѣ, и принимаютъ ли это участіе другіе гангліи, которыхъ работа необходима для законченности даннаго координированнаго движенія.

e) Задержанныя движенія.

Задержанныя движенія я наблюдалъ на бабочкахъ (ночныхъ) и муравьяхъ. Они заключаются въ томъ, что отвѣтное движеніе наступаетъ не тотчасъ-же за полученнымъ раздраженіемъ, а отдѣляется отъ него промежуткомъ времени въ 2—3 минуты; сверхъ того иногда въ этотъ промежутокъ времени происходитъ другой родъ движеній, хотя и стоящій въ связи съ полученнымъ раздраженіемъ, но не являющійся на него прямымъ отвѣтомъ; этотъ же послѣдній выступаетъ лишь потомъ. Причина задержаннаго движенія заключается, повидимому, въ крайней степени повышенія пороговъ на всѣхъ ступеняхъ нервнаго процесса, и въ медленности трансформаціи силъ.

Такъ, обезглавленная Neuronia popularis при защемленіи ея ножки пинцетомъ, сначала вздрагиваетъ и лишь потомъ, спустя нѣкоторое время, отдергиваетъ ножку, отвѣчая на раздраженіе цѣлесообразнымъ рефлексомъ.

Аналогичное явленіе представляютъ намъ нѣкоторыя ночныя бабочки. Сильное раздраженіе ноги этихъ насѣкомыхъ (пинцетомъ, напримѣръ) иногда влечетъ за собою сначала простое вздрагиваніе всѣмъ тѣломъ, а ужъ потомъ, нѣкоторое время спустя, отвѣтное движеніе на раздраженіе ноги, то есть медленное подбираніе ея къ тѣлу.

f) Движенія преувеличенныя.

Подъ движеніями преувеличенными я разумѣю слѣдующія.

Послѣ обезглавленія Musca domestica у нѣкоторыхъ изъ нихъ наступаетъ столбнякъ, за которымъ слѣдуетъ та или другая мышечная работа, которая характеризуется *преувеличенностью*; такъ, начавшая чистить ноги, дѣлаетъ это

съ необычною быстротою; при чисткѣ заднихъ лапокъ другъ объ друга такъ наклоняетъ тѣло на бокъ, что какъ будто собирается лечь на правую или лѣвую сторону; или такъ поднимаютъ абдоменъ, что какъ будто собирается стать на голову. Движенія этого рода мы встрѣчаемъ не у однихъ только мухъ, но и у многихъ другихъ насѣкомыхъ. Я называю эти движенія преувеличенными.

ГЛАВА IV.

Содержаніе: Головной мозгъ безпозвоночныхъ животныхъ, какъ центръ ихъ спонтанной дѣятельности и его вліяніе на тонусъ нервной системы.

Мнѣнія натуралистовъ по вопросу о головномъ мозгѣ безпозвоночныхъ, какъ центрѣ спонтанной дѣятельности этихъ животныхъ, расходятся въ стороны діаметрально противуположныя.

Бурмейстеръ и Лемуанъ рѣшаютъ его въ утвердительномъ смыслѣ; по ихъ мнѣнію, координированныя движенія вообще съ обезглавленіемъ исчезаютъ; Максвель рѣшаетъ вопросъ въ смыслѣ отрицательномъ; онъ утверждаетъ даже, что послѣ удаленія надглоточнаго узла у Nereis самымъ существеннымъ и характернымъ явленіемъ операціи—является *повышанная спонтанная дѣятельность животнаго,* состояніе совершенно противоположное тому, присовокупляетъ авторъ, которое наблюдается у этихъ червей послѣ удаленія у нихъ подглоточнаго узла.

Bethe, основываясь на своихъ изслѣдованіяхъ суставчатоногихъ, утверждаетъ, что головной мозгъ служитъ мѣстомъ окончанія многихъ периферическихъ нервовъ, есть *задерживающій центръ.*

Заключеніе это онъ обосновываетъ тѣмъ, во 1-хъ, что послѣ обезглавленія суставчатоногія животныя реагируютъ на такія раздраженія, на которыя нормальное животное не отвѣчаетъ;—и тѣмъ, во 2-хъ, что обезглавленныя животныя производятъ движенія, которыя авторъ называетъ увеличенными, и которыя я считаю правильнѣе называть *продолженными,* такъ какъ они не представляютъ увеличенія дѣйствія, а лишь его продолженіе за предѣлы нормальнаго. И то, и другое основанія Bethe однако, не достаточны для признанія его тезиса справедливымъ.

Повышеніе рефлекторной дѣятельности у обезглавленныхъ животныхъ обусловливается пониженіемъ угнетенія, въ которомъ головной мозгъ далеко не всегда играетъ главную, еще того менѣе исключительную роль. Эта роль у суставчатоногихъ, какими являются многоножки, и многія прямокрылыя, принадлежитъ *почти въ одинаковой степени* и другимъ ганглiямъ. Лишь нѣкоторыя перепончатокрылыя и жесткокрылыя насѣкомыя представляютъ данныя, которыя годились бы для подтвержденія идеи Bethe, если бы не было другихъ, удостовѣряющихъ, что истина лежитъ въ другомъ мѣстѣ, а не тамъ, гдѣ ее искалъ Bethe.

Что касается мнѣнія Максвеля, то оно расходится съ точно установленными мною фактами, которые доказываютъ, что удаленіе головного мозга не можетъ ни увеличить, ни уменьшить спонтанной дѣятельности червей и Arthropoda, и что все дѣло сводится лишь къ тому, что съ удаленіемъ головного мозга удаляются важные для жизни органы чувствъ, а съ этимъ вмѣстѣ тѣ дѣйствія, которыя тѣсно съ ними координированы, прекращаются, другія же остаются на лицо.

Не останавливаясь долѣе на этихъ частныхъ соображеніяхъ и обращаясь къ мнѣніямъ авторовъ о роли головного мозга вообще, я считаю возможнымъ утверждать, что—и тѣ и другія мнѣнія представляются крайними и, какъ это доказываютъ мои изслѣдованія, въ одинаковой степени далекими отъ истины.

Не только сложныя рефлекторныя движенія, но и очень многіе инстинкты, сохраняются и проявляются безпозвоночными животными послѣ обезглавленія. Такъ, черви послѣ операціи могутъ удерживать:

a) Инстинкты питанія; Lumbricus напр. послѣ удаленія у него надглоточнаго и подглоточнаго узловъ—питается, какъ нормальное животное.

b) Инстинкты обычной жизнедѣятельности: такъ, обезглавленный Lumbricus, будучи посаженъ въ помѣщеніе, котораго половина дна покрыта пропускной бумагой, а другая землею, всегда занимаетъ эту послѣднюю часть помѣщенія;

c) Инстинкты самосохраненія. Слабое колебаніе воды въ акваріи ставитъ обезглавленную піявку (какъ и нормальную особь) на сторожѣ: онѣ прерываютъ дыхательныя движенія (clepsina).

d) Инстинкты защиты отъ нападенія. Дѣйствія эти производятся обезглавленными особями такъ же, какъ и нормальными. Nephlis—приближаетъ къ раздражающему предмету то мѣсто своего тѣла, гдѣ находилась голова, чтобы защищаться и нападать, хотя органъ защиты и нападенія уже не существуетъ.

e) Половой инстинктъ. Lumbricus по удаленіи головного узла спариваются.

У обезглавленныхъ *насѣкомыхъ* могутъ удерживаться:

a) инстинктивныя дѣйствія защиты. Гусеницы, послѣ обезглавленія, продолжаютъ хватать заднею парою ложныхъ ножекъ нитку, которой наложена лигатура.

Шершень и осы жалятъ раздражающіе ихъ предметы. *Нѣкоторые клопы* послѣ обезглавленія при раздраженіи *прикидываются мертвыми.* Nepa cinerea, какъ обезглавленный, такъ и контрольная особь, оба уплываютъ на дно сосуда, если безпокоить водоросль, въ которой они держались.

Zorficula хватаетъ придатками абдомена прикасающіеся къ ея тѣлу предметы.

Pieris bras. выбивается изъ паутины, въ которую попала случайно, совершая энергичныя и сложныя движенія, которыя заканчиваются тѣмъ, что

она освобождается наконецъ изъ бѣды и улетаетъ. Инстинкта болѣе цѣлесообразнаго, акта съ большими атрибутами *сознательности и разумности*— едва ли можно придумать, принимая во вниманіе всѣ детали, начиная съ того момента, какъ бабочка попадетъ въ паутину, и кончая отлетомъ изъ нея.

Шмель подноситъ ногу, защемленную въ пинцетѣ, «къ челюстямъ», которыхъ уже нѣтъ, такъ какъ онъ обезглавленъ, и т. д., и т. д., и т. д.

b) *Инстинкты обычной дѣятельности.* Обезглавленная многоножка, встрѣтивъ щель на своемъ пути, залѣзаетъ въ нее.

Многоножка *отыскиваетъ* предметы, спускаясь съ отвѣса стола, чтобы ими воспользоваться для ухода изъ мѣста наблюденія.

Личинка жука, которая живетъ подъ корой гніющихъ деревьевъ, гдѣ двигается въ трухѣ дерева, прокладывая себѣ дорогу силою, послѣ обезглавленія удерживаетъ тѣ же пріемы движеній, включая сюда и колебательныя движенія ея головнымъ концемъ въ разныя стороны, которыя она производитъ какъ-бы разъискивая что-то, и вслѣдъ затѣмъ мѣняя направленіе въ своемъ перемѣщеніи.

Blatta germanica, будучи опрокинутъ на спину, не только употребляетъ *разные* пріемы, чтобы принять нормальное положеніе, цѣлесообразно мѣняя ихъ, но обнаруживаетъ способность искусно приспособляться къ обстоятельствамъ и окружающимъ его въ это время предметамъ. Онъ *научается* узнавать незнакомый ему до того времени предметъ (цѣпочку, напримѣръ) и перестаетъ обнаруживать признаки опасенія, которыя проявлялъ при первой съ нимъ встрѣчѣ.

Надавливая какимъ нибудь предметомъ на спинную поверхность Ontophagus vorax мы вызываемъ отвѣтное движеніе жука, который все выше и выше поднимается на ногахъ, т. е. выполняетъ рядъ приспособительныхъ движеній, столь полезныхъ ему въ обычныхъ условіяхъ жизни, когда онъ зарывается въ землю.

Муха, Syrphus selenticus, послѣ обезглавленія, претерпѣваетъ слабое паралничное состояніе переднихъ конечностей, вслѣдствіе чего для чистки тѣла должна принимать особенное приспособительное положеніе тѣла, котораго послѣ ряда усилій и добивается.

Blatta germanica не только сохраняетъ способность къ поступательному движенію, но, встрѣчая препятствіе на своемъ пути, обходитъ ихъ, или, пользуясь промежутками между стоящими на пути предметами, проходитъ далѣе, пользуясь ими съ большимъ искуствомъ, для чего измѣняетъ положеніе своего тѣла и т. д.

Большинство суставчатоногихъ при раздраженіи лапки ее отдергиваютъ и чистятъ; кузнечикъ при раздраженіи прыгаетъ и т. д.

Однимъ изъ относящихся въ эту группу инстинктовъ, удерживаемыхъ послѣ обезглавленія, является и тотъ, который я наблюдалъ у шершня: послѣ

наложенія лигатуры, сполна отдѣляющей голову отъ туловища—*насѣкомое чистило* глаза своими передними лапками, какъ оно это дѣлаетъ въ нормальныхъ условіяхъ. Я не имѣю права утверждать, конечно, что оно это дѣлало потому же, почему обезглавленная forficula подсовывала свою лапку къ мѣсту, гдѣ находилась голова, для того, чтобы ея челюсти привели въ порядокъ то, что пинцетомъ было нарушено, то есть, чтобы шершень потому чистилъ свои глаза, что дѣятельность гангліевъ туловища требовала свѣтовыхъ ощущеній, которыхъ они не получали, но въ одинаковой мѣрѣ мы не можемъ и отрицать такой возможности.

c) *Инстинктъ питанія. Nepa cinerea* хватаетъ передними ногами добычу, и подноситъ ее къ тому мѣсту, гдѣ у него была голова и держитъ ее такъ, какъ будто бы высовываетъ ее своимъ хоботкомъ.

d) *Инстинктъ размноженія.* Въ своемъ мѣстѣ было указано о спариваніи обезглавленныхъ домашнихъ мухъ.

Половое возбужденіе, послѣ обезглавленія, наблюдается также у Pieris brassica и выражается спеціальнымъ родомъ движеній, служащихъ внѣшнимъ выраженіемъ этого возбужденія; у Scarabus hortens и др.

Приведенныя изслѣдованія даютъ намъ право считать мнѣнія, по которымъ головной мозгъ суставчатоногихъ является центромъ ихъ психической дѣятельности и органомъ координирующимъ ихъ сложныя инстинктивныя движенія, будто-бы прекращающіяся вслѣдъ за обезглавленіемъ,—*мнѣніями не вѣрными.*

Нѣтъ сомнѣнія, конечно, что заключеніе это имѣетъ принципіальное значеніе, и что въ частности мы можемъ встрѣтить случаи, когда головной мозгъ оказывается играющимъ нѣкоторую роль и въ смыслѣ сохраненія нѣкоторыхъ инстинктовъ и въ смыслѣ органа, координирующаго сложныя движенія.

Но случаи эти ничего не отнимаютъ отъ принципіальнаго значенія приведеннаго тезиса, такъ какъ только лишній разъ доказываютъ важную роль органовъ чувствъ въ жизни червей и суставчатоногихъ. Исчезновеніе того или другого инстинкта послѣ обезглавленія всегда является слѣдствіемъ не утраты головного мозга, а того органа чувствъ, съ которымъ исчезнувшіе инстинкты были связаны.

Такъ обезглавленная Clepsina перестаетъ нѣкоторое время закручиваться въ спираль, потому что *начинающій* этотъ актъ органъ—голова отсутствуетъ; Lumbricus, послѣ удаленія подглоточнаго узла, перестаетъ вползать въ норы, Nereis, послѣ удаленія подглоточнаго ганглія, перестаетъ принимать пищу.

Органы чувствъ, которые руководятъ червями въ перечисленныхъ дѣйствіяхъ, перестаютъ функціонировать.

Такъ Acantosoma dentatum, послѣ лишенія его усиковъ, не различаетъ предметовъ (руки напримѣръ) и не оріентируется въ положеніи (не можетъ слѣзть со стола) и пр. Эти и другіе аналогичные факты доказываютъ намъ, что обезглавленіе можетъ повлечь за собою исчезновеніе, или измѣненіе нѣкоторыхъ координированныхъ движеній, безъ прямого отношенія къ нимъ го-

ловного мозга, какъ таковаго: измѣненія эти могутъ являться прямымъ слѣдствіемъ исчезновенія того или другого органа чувствъ.

Огромное большинство суставчатоногихъ животныхъ, которыхъ поступательныя движенія координированы съ головными органами чувствъ, послѣ обезглавленія теряютъ способность къ поступательнымъ движеніятъ.

У Lina pupa послѣ обезглавленія исчезаетъ координація двигательныхъ движеній: порядокъ въ передвиженіи ногъ нарушается сполна, чистка ногъ совершается не нормальнымъ образомъ. Ни одно изъ этихъ движеній не стоитъ въ *прямой* зависимости отъ органовъ чувствъ головы, но, очевидно, находится въ связи съ ними, хотя и косвенными путями.

Formica rupa послѣ обезглавленія и по тѣмъ же причинамъ теряетъ почти всѣ свои не только инстинктивныя, но и сложныя рефлекторныя движенія. Bombus terrestris, положенный на спину, не пытается принять нормальнаго положенія, и чувствованіе удобнаго и неудобнаго положенія тѣла вообще у него исчезаетъ; и т. п.

Въ заключеніе о роли головного мозга, въ качествѣ регулятора движеній суставчатоногихъ животныхъ, считаю необходимымъ указать на тотъ, сколько мнѣ извѣстно еще не оцѣненный по достоинству фактъ, что, какъ туловище, лишенное головы, проявляетъ у разныхъ представителей класса и количественно и качественно не одинаковую дѣятельность, такъ и голова, отдѣленная отъ туловища, какъ это доказываетъ цѣлый рядъ опытовъ, проявляетъ аналогичныя различія въ разныхъ группахъ этихъ животныхъ.

Если мы сопоставимъ способность къ произвольной и принудительной дѣятельности отрѣзанной отъ туловища головы съ отрѣзаннымъ отъ головы туловищемъ, то получимъ не лишенную интереса схему, которая, отклоняясь въ частностяхъ отъ истины, въ общемъ, повидимому, съ нею совпадаетъ. Вотъ эта схема, въ которой, принимая во вниманіе семь разныхъ по степени сложности движеній членистоногихъ, я обозначаю, для краткости, (сообразно изложенному выше, фактическому матерьялу), наличную способность даннаго представителя ихъ, цифрами отъ 0 (отсутствіе какихъ бы то ни было способностей къ движенію, послѣ операціи) и цифрою 6, которая показываетъ наличность всѣхъ спонтанныхъ движеній послѣ обезглавленія.

Способность къ спонтанной и принудительной дѣятельности.

	Головы (безъ туловища)	Туловища (безъ головы)
Miriopoda . . .	0	6
Blattidae	1	5
Нѣкоторые жуки . .	2	4
Осы	3	3
Насѣкомыя разныхъ	4	2
группъ	5	1
Муравьи	6	0

Что касается до вліянія головного мозга безпозвоночныхъ на общій тонусъ *) *ихъ нервной системы*, то мои изслѣдованія по этому вопросу убѣждаютъ меня въ слѣдующемъ: удаленіе головного мозга у червей и у .насѣкомыхъ влечетъ за собой *пониженіе тонуса нервной системы*,—того возбужденія, котораго источникомъ является, однако, не головной мозгъ въ качествѣ органа, обладающаго какой нибудь спеціальной, отличной отъ другихъ гангліевъ, функціей, а тѣ живыя силы раздражителей, которыя доставляются нервной системой животнаго его органами чувствъ.

Такъ какъ у червей головные органы чувствъ (у піявки, напримѣръ, или у Lumbricus) играютъ въ смыслѣ прихода этой живой энергіи не большую роль, то у нихъ пониженіе тонуса нервной системы, если и наблюдается, то въ громадномъ большинствѣ случаевъ незначительное.

У насѣкомыхъ, какъ это само собою понятно изъ сказаннаго, пониженіе тонуса за обезглавленіемъ тѣмъ значительнѣе, чѣмъ важнѣе роль органовъ чувствъ въ ихъ жизнедѣятельности.

Notonecta glauca, напримѣръ, лишенный головы, *подвигается впередъ медленно*, хотя его плавательныя движенія совершаются въ обычные другъ за другомъ промежутки времени. Объясненіе явленія можетъ быть только одно: общее напряженіе нервнаго тона понижается, понижается и мышечная энергія вслѣдствіи чего ноги—весла не представляютъ такой твердой точки опоры, какими онѣ бываютъ при нормальныхъ условіяхъ, и въ результатѣ работа ихъ оказывается менѣе производительной.

Ослабленіе тонуса общаго нервнаго напряженія обезглавленныхъ особей сказывается у ползающихъ насѣкомыхъ въ томъ, между прочимъ, что движенія ихъ не тверды; у Musca domestica напр., онѣ являются какими то волеблющимися, какъ бы дрожащами. У бабочекъ, жуковъ и другихъ суставчатоногихъ животныхъ пониженіе тонуса обнаруживается въ тѣхъ же явленіяхъ.

Фактъ *пониженія энергіи въ дѣйствіяхъ обезглавленнаго жавотнаго* имѣетъ своимъ объясненіемъ то обстоятельство, что съ потерею головы уменьшается способность къ угнетенію; способность же къ угнетенію, послѣ обезглавленія, уменьшается потому, что при наличности головы, т. е. ея органовъ чувствъ, раздраженія воспринимаемыя разными частями тѣла, могутъ вовсе не повлечь за собой разряда, вслѣдствіе чего живая сила этихъ раздраженій превращается въ скрытую форму нервной энергіи.

Вотъ что мы знаемъ по этимъ вопросамъ въ настоящее время. Bethe утверждаетъ, что тонизирующее значеніе нервной системы обусловливается дѣдѣятельностью только одного головного мозга, причемъ каждое мозговое полушаріе дѣйствуетъ тонизирующимъ образомъ исключительно, или преимущественно на соотвѣтствующую половину тѣла. Основаніемъ для такого заключенія слу-

---

*) Нервный тонусъ или тонъ есть результатъ извѣстнаго уровня нервнаго возбужденія, котораго источникомъ служитъ живая сила раздражителя.

жить автору тотъ фактъ, во 1-хъ, что животное будто бы проявляетъ непрерывную дѣятельность конечностей оперированной стороны, а во 2-хъ, что «положеніе конечностей оперированной стороны аномально и безсильно, вслѣдствіе чего животное бываетъ вынуждено приподнимать свое тѣло въ оперированную сторону». Фактъ этотъ и не вполнѣ точно подмѣченъ и совершенно не вѣрно объясненъ, какъ мы это сейчасъ увидимъ.

Что тезисы эти не вѣрны, объ этомъ мы можемъ судить прежде всего, и независимо отъ всего остального, потому уже, что у самого автора тотчасъ же являются «*затрудненія*» въ объясненіи явленій, съ его точки зрѣнія на предметъ, имъ же замѣченныхъ явленій. Онъ пишетъ: «нѣкоторое затрудненіе (признать этотъ тезисъ справедливымъ) представляетъ тотъ фактъ, что обнаруживаются измѣненія тонуса и въ тѣхъ органахъ, которые инервируются самымъ мозгомъ. Такимъ образомъ замѣчается измѣненіе положенія глазъ у Carcinus, Astacus и Squilla, первыхъ сяжковъ у Carcinus, вторыхъ у Astacus и «Squilla и сяжковъ у Hydrophilus».

Можно-ли, однако, заключить, отсюда, спрашиваетъ авторъ, что брюшная цѣпь въ свою очередь дѣйствуетъ тонинирующимъ образомъ на переднія части тѣла подобно тому, какъ мозгъ—на заднія»? И отвѣчаетъ: «такую роль можно было бы приписать развѣ подглоточнымъ гангліямъ, такъ какъ послѣ перерѣзки комиссуръ позади этихъ гангліевъ (т. е. въ мѣстѣ ихъ соединенія съ брюшной цѣпочкой) не происходитъ измѣненія тонуса головныхъ органовъ; съ другой стороны нельзя констатировать измѣненія тона передней части тѣла послѣ поперечной перерѣзки брюшной цѣпочки».

Множество фактовъ доказываютъ намъ, однако, что Bethe ошибается, какъ утверждая, что каждая часть головного мозга тонизируетъ только свою половину, такъ и въ томъ, что брюшная цѣпь у суставчатоногихъ не дѣйствуетъ тонизирующимъ образомъ на переднюю часть тѣла.

Явленія, которыя смутили Bethe и показались ему противорѣчащими его идеѣ (о томъ, что эта цѣпь тонизирующей роли не играетъ) никакого отношенія къ вопросу не имѣютъ, и не могутъ служить ни для отрицательнаго, ни для положительнаго рѣшенія вопроса. Явленія эти представляютъ случаи большей или меньшей силы судорожнаго сокращенія мышцъ, вслѣдствіе крайней степени возбужденія нервной системы, послѣдовавшей отъ операціи.

Факты доказываютъ намъ, что отъ мѣста пораненія это судорожное сокращеніе мышцъ распространяется и въ направленіи къ туловищу и въ голову.

Въ туловищѣ оно поражаетъ конечности въ послѣдовательномъ порядкѣ отъ первой пары до третьей; въ головѣ, какъ мы это наблюдаемъ у Vespa Crabro, напр., и въ нѣкоторыхъ другихъ случаяхъ, съ менѣе рѣзко выраженнымъ эффектомъ.

Голова шершня, послѣ того какъ она отрѣзана отъ туловища, остается

недвижимой, какъ разбитая параличемъ; въ такомъ же состояніи остается болѣе или менѣе долгое время и передняя пара конечностей. Ясно, что сильное раздраженіе отъ мѣста пораненія распространяется въ обѣ стороны и влечетъ одинаковыя послѣдствія и въ головномъ, и въ торакальныхъ гангліяхъ.

Допустивъ одну ошибку, утверждая, что брюшная цѣпь не имѣетъ тонизирующаго значенія, Bethe путемъ логическихъ разсужденій былъ приведенъ и ко второй. Каждая половина головного мозга, говоритъ онъ, тонизируетъ только свою половину тѣла.

Ничего нѣтъ легче, какъ убѣдиться въ неточности этого заключенія.

Наблюденія надъ цѣлымъ рядомъ суставчатоногихъ животныхъ свидѣтельствуютъ, что тотчасъ послѣ перерѣзки имъ *половины* головы у нихъ обнаруживается судорожное сокращеніе членовъ той именно половины тѣла, которая соотвѣтствуетъ оперированной части головы; но затѣмъ иногда черезъ 3—4 минуты, вызванное сильнымъ *раздражителемъ явленіе проходитъ, и животное дѣйствуетъ обѣими половинами совершенно одинаково*; и тогда становится совершенно очевиднымъ во 1-хъ, что описываемые Bethe факты отнюдь не являются постояннымъ послѣдствіемъ ампутаціи половины головного мозга, а лишь *временнымъ состояніемъ*, вслѣдствіе сдѣланной операціи, и во 2-мъ, что съ окончаніемъ этого временнаго состоянія тонизирующая роль уцѣлѣвшей половины мозга равномѣрно дѣйствуетъ на обѣ половины тѣла. Ошибка автора въ данномъ случаѣ произошла отъ того, что онъ не вѣрно понялъ значеніе судорожныхъ сокращеній, наступающихъ вслѣдъ за операціей.

Можно ли сказать, однако, что даже у многоножки дѣятельность головного мозга и его роль въ качествѣ стимулятора нервнаго напряженія и повышенія пороговъ возбудимости, совершенно равноцѣнна съ остальными гангліями ея нервной цѣпи, что здѣсь все сводится только къ одной массѣ нервной ткани?

Нѣтъ. И здѣсь уже мы замѣчаемъ нѣкоторую въ этомъ отношеніи разницу, которую легко констатировать, сравнивая головной отрѣзокъ вмѣстѣ съ 3—4-мя прилежащими къ нему сегментами, съ отрѣзкомъ въ 12—15 сегментовъ изъ середины тѣла. Сравненіе это легко обнаруживаетъ разницу въ роли головного мозга: оно удостовѣряетъ съ полною очевидностью, что стимулирующая роль головного мозга уже здѣсь представляется гораздо болѣе значительной, чѣмъ роль 5—6 гангліевъ нервной цѣпочки; обстоятельство, объясняющееся кромѣ причинъ, указанныхъ выше, тѣмъ еще, что головной мозгъ представляетъ результатъ спайки нѣсколькихъ ганглій. Впрочемъ, эта роль головного мозга совершенно скрадывается, когда передъ нами отрѣзокъ въ 30—40 сегментовъ, особенно если въ ихъ числѣ находится и хвостовый. У обезглавленныхъ прямокрылыхъ насѣкомыхъ мы видимъ, что удаленіе головного мозга влечетъ за собою (въ ближайшій къ послѣоперационному состоянію періодъ) повышенную возбудимость. Таковы, напримѣръ, дѣйствія Blatta germanica вскорѣ послѣ операціи.

Нѣкоторое время спустя, когда животное успокоивается, его дѣятельность въ тѣхъ предѣлахъ, въ которыхъ она обнаруживается, мало чѣмъ отличается отъ дѣятельности нормальныхъ особей; такія отличія, принимая во вниманіе *послѣдствія обезглавленія на общій* тонъ нервнаго напряженія, конечно, существуютъ, но они мало замѣтны. И здѣсь, стало быть, головной мозгъ не представляетъ собою такой части нервной системы, отъ которой бы въ замѣтной степени зависѣлъ тонъ ея общаго напряженія, повышенія или пониженія пороговъ нервныхъ процессовъ; то и другое и здѣсь въ значительной степени зависитъ отъ массы имѣющейся на лицо нервной ткани, сравнительно съ тѣмъ ея количествомъ, которое находится у нормальнаго животнаго, какъ это удостовѣряется опытомъ съ разрѣзаніемъ Blattidae на части.

Удаленіе головного мозга у жуковъ оказываетъ вліяніе на тонъ общаго напряженія нервной системы, и повышеніе пороговъ нервнаго процесса—далеко не пропорціональное тому, чѣмъ должно было-бы быть, если бы играло въ этихъ процессахъ только роль опредѣленной массы нервной ткани. Отрѣзая голову у Scarabus, напримѣръ, мы отнимаемъ у ней приблизительно $^1/_6$ или $^1/_8$ часть общей массы нервной системы. Если бы дѣло сводилось здѣсь къ тому-же, къ чему оно сводится у многоножки, то очень замѣтныхъ послѣдствій операціи на повышеніи или пониженіи пороговъ, или нервномъ процессѣ мы обнаружить бы не могли. Тогда какъ опыты доказываютъ намъ противное. Они доказываютъ, что головной мозгъ получаетъ въ нервныхъ процессахъ этихъ животныхъ болѣе важную роль: онъ является органомъ по преимуществу импульсирующимъ напряженіе общаго тона системы, а съ этимъ вмѣстѣ главнѣйшимъ изъ факторовъ въ повышеніи и пониженіи пороговъ возбудимости.

Исходя изъ сказаннаго положенія, ясно, что различіе въ гангліяхъ головного мозга и брюшной цѣпи становится болѣе глубокимъ, что роль первыхъ, если не въ качествѣ такихъ, которые обладали-бы какой нибудь не свойственной гангліямъ брюшной цѣпи функціей, то въ качествѣ центровъ, завѣдующихъ органами большой важности, *вслѣдствіе чего* пріобрѣтаетъ и качественное значеніе. Эта качественная роль не одинакова даже у близкихъ родичей, но, говоря вообще, она становится значительнѣе и тѣмъ болѣе важной, чѣмъ важнѣе органы чувствъ головы для жизнедѣятельности даннаго вида животнаго.

Не слѣдуетъ думать однако, что-бы съ образованіемъ этой роли головного мозга, которая является слѣдствіемъ все возростающаго значенія органовъ чувства въ жизнедѣятельности этихъ животныхъ и ихъ инстинктовъ, что-бы съ возникновеніемъ этой роли значеніе *массы* нервной ткани здѣсь утрачивало бы всякое значеніе. Она его имѣетъ, какъ въ этомъ убѣждаютъ насъ опыты надъ Scarabus hortensis, у которой рефлексы и цѣлесообразная дѣятельность конечностей сохраняется даже послѣ того, какъ жуку отрѣзалось съ головой и первая часть груди съ первою парою ножекъ. Правда, порогъ возбужденія очень повышается, а нервная волна, возникнувъ вслѣдствіе дѣятель-

ности раздражителя, ограничивается очень небольшой сферой нервной системы, но она все же существуетъ. Жукъ, у котораго послѣ такой операціи прищемляли пинцетомъ tarsus ножки *отдергивалъ ее*; справедливо также, что движеніе это совершалось менѣе энергично, чѣмъ у просто обезглавленнаго; справедливо и то, что оно требовало со стороны раздражителя гораздо большаго напряженія; правда наконецъ, что отвѣтная реакція только тѣмъ и ограничивалась, что ножка отдергивалась жукомъ, который не дѣлалъ затѣмъ никакой попытки не только уйти отъ раздражителя, но даже привести въ порядокъ органъ обычной чисткой его о другую ножку,—тѣмъ не менѣе однако отвѣтная реакція эта имѣла мѣсто, изъ чего слѣдуетъ, что послѣ удаленія нѣкоторой части нервной системы пороги возбудимости повышаются и тонъ нервнаго процесса опускается *еще болѣе*, чѣмъ мы это видимъ послѣ простого обезглавленія. Такимъ образомъ эволюція нервныхъ процессовъ заключается въ томъ, между прочимъ, что головной мозгъ пріобрѣтаетъ все большее и большее значеніе, принимая участіе все въ большемъ и большемъ числѣ нервныхъ актовъ.

Въ связи съ явленіями пониженія тонуса нервной системы животнаго стоитъ явленіе ненормальнаго *утомленія*. Опыты въ этомъ направленіи доказываютъ, что пространственное распространеніе возбужденія нервной системы даже отъ сильныхъ раздражителей можетъ быть весьма ограничено,—обстоятельство, стоящее въ связи съ разсѣянностью центровъ нервной дѣятельности; если нѣкоторыя сложныя рефлекторныя движенія у безпозвоночныхъ животныхъ повторяются неопредѣленное число разъ (напримѣръ перевертываніе на спину у гусеницъ и другихъ суставчатоногихъ), то другія, какъ прыганіе Blatta germanica, напримѣръ, вслѣдствіе его раздраженія, послѣ 20—25 скачковъ слабѣетъ, а по прошествіи 4—5 минутъ отдыха возобновляются вновь.

У низшихъ позвоночныхъ (лягушки напримѣръ) сложные рефлексы (прыганіе) разъ за разомъ становятся слабѣе, и наконецъ прекращаются вовсе, раздраженія даже болѣе сильное ихъ не вызываютъ болѣе. Затѣмъ послѣ болѣе или менѣе значительнаго отдыха они возстановляются снова.

Такимъ образомъ въ этомъ отношеніи существеннаго различія между позвоночными и безпозвоночными нѣтъ, и вся разница сводится, быть можетъ лишь къ продолжительности требуемаго отдыха да въ тому еще, что нѣкоторые сложные рефлексы у безпозвоночныхъ совершаются безъ отдыха болѣе продолжительное время.

У бабочекъ, напримѣръ, Pieris brass, послѣ ряда раздраженій, заставлявшихъ ее взлетать, эти взлеты дѣлаются и менѣе продолжительные и требуютъ большей силы раздраженія, тѣмъ самымъ указывая на то, что порогъ возбудимости *повышается*.

Утомленіе это у бабочекъ наступаетъ сравнительно съ червями и многоножками поразительно быстро, и очевидно стоитъ въ прямомъ отношеніи къ

значенію головного мозга для жизнедѣятельности животнаго; чѣмъ больше это значеніе, другими словами, чѣмъ больше живой силы раздражителей получаетъ нервная система, путемъ органовъ чувствъ головы, тѣмъ значительнѣе потери ея энергіи съ исчезновеніемъ головного мозга. У мухъ утомленіе наступаетъ такъ-же быстро, какъ и у бабочекъ.

Таковы въ немногихъ словахъ результаты моихъ изслѣдованій по вопросу *о головномъ мозгѣ животныхъ безпозвоночныхъ, какъ органъ жизни.*

Мы видѣли, что головной мозгъ отдѣла безпозвоночныхъ животныхъ, поскольку мы можемъ говорить о нихъ вообще по матерьялу, доставляемому намъ классомъ червей и насѣкомыхъ, принципіально ничѣмъ не отличается отъ роли любого другого ганглія ихъ нервной системы, каждый изъ которыхъ потенціально можетъ играть совершенно тождественную головному мозгу роль; мы видѣли, что утрата головного мозга безпозвоночныхъ животныхъ не влечетъ за собой никакихъ послѣдствій ни для дѣятельности органовъ растительной и животной жизни, ни самой продолжительности жизни: сохраняются и правильная дѣятельность органовъ и совокупность всего наличнаго состава инстинктовъ. Если же въ томъ или другомъ отношеніи лишеніе головного мозга влечетъ за собою нѣкоторыя измѣненія, то характеръ этихъ измѣненій, ихъ важность и размѣры,—принципіально ничѣмъ не отличаются отъ послѣдствій, которыя влечетъ за собой и лишеніе животнаго того или другого числа ганглій ихъ нервной цѣпочки.

Разница въ крайнихъ случаяхъ есть разница количественная, а отнюдь не качественная. Даетъ ли все это право на аналогію между головнымъ мозгомъ безпозвоночныхъ животныхъ съ одной стороны и – большими полушаріями съ мозжечкомъ головного мозга позвоночныхъ животныхъ,—объ этомъ предоставляется судить уже самому читателю.

Второй международный философскій конгрессъ.

В. С.

Второй международный философскій конгрессъ происходилъ въ Швейцаріи въ городѣ Женевѣ, въ зданіи Университета съ 22 по 26 августа. Конгрессъ можно считать вполнѣ удавшимся какъ въ количественномъ, такъ и въ качественномъ отношеніи. На конгрессъ явилось болѣе 300 членовъ,—главнымъ образомъ изъ Швейцаріи и Франціи, довольно много изъ Германіи, нѣсколько лицъ изъ Италіи и Россіи. Англичане и американцы почти отсутствовали на конгрессѣ. Докладовъ было выслушано и обсуждено около 100. Изъ нихъ 7 докладовъ были прочитаны на общихъ засѣданіяхъ, остальные—на засѣданіяхъ секцій. Всѣхъ секцій было 5: а) по исторіи философіи, б) по общей философіи и психологіи, в) по прикладной философіи, г) по логикѣ и философіи наукъ и д) по исторіи наукъ. Засѣданія секцій происходили по утрамъ съ 8 до 12½

час., а общія засѣданія послѣ обѣда съ 2 час. Наибольшій интересъ представляли, конечно, общія засѣданія, потому что на нихъ обсуждались животрепещущіе вопросы, и въ преніяхъ принимали участія лучшія силы конгресса.

Первое общее засѣданіе, которымъ начались занятія конгресса, происходило въ присутствіи многочисленныхъ гостей изъ посторонней публики. Засѣданіе открылось рѣчью председателя организаціоннаго комитета, Женевскаго профессора Гура. Ораторъ началъ съ исторіи возникновенія перваго философскаго конгресса въ Парижѣ. Въ 1900 г. за нѣсколько мѣсяцевъ до открытія всемірной выставки у нѣкоторыхъ парижскихъ представителей философіи явилась мысль, что философія—мать другихъ наукъ, полная внутренней жизни, не можетъ не заявлять о своемъ существованіи, что философы не менѣе нуждаются во взаимообщеніи, чѣмъ психологи, имѣвшіе собраться въ 1900 году уже на четвертый конгрессъ, что необходимъ философскій международный конгрессъ. Благодаря приложеннымъ усиліямъ для осуществленія этой мысли, конгрессъ состоялся и прошелъ блестяще. Участники Парижскаго конгресса воочію увидѣли, что конгрессъ есть источникъ силы и свѣта. Живой обмѣнъ мнѣній, вызванный докладами, оставилъ во всѣхъ теплое чувство взаимной солидарности. Сознавая важность достигнутаго результата, организаторы второго конгресса одушевлены горячимъ желаніемъ, чтобы и его члены вынесли глубокое чувство духовнаго братства. Послѣ этого ораторъ посвятилъ нѣсколько словъ памяти почившахъ философовъ—Спенсера и Ренувье, выразилъ благодарность всѣмъ, почтившимъ конгрессъ своимъ присутствіемъ, и закончилъ словами: «Женева—городъ, который любитъ все возвышающее и укрѣпляющее духъ; ея двери открыты для изслѣдованія всякихъ идей».

Затѣмъ взошелъ на каѳедру почетный президентъ конгресса, Женевскій философъ Эрнестъ Навиль и произнесъ, не смотря на свой преклонный возрастъ, исполненную юношескаго воодушевленія рѣчь. За точку отправленія для своей рѣчи онъ взялъ опредѣленіе философіи, которое далъ Бутру 23 января текущаго года въ собраніи профессоровъ Парижа. По опредѣленію Бутру, философія есть попытка духа къ единству и гармоніи въ области умозрѣнія и практической жизни человѣчества. Ораторъ ставитъ вопросъ: въ чемъ заключается это единство? и отвѣчаетъ по его личному глубокому убѣжденію, основанному на многолѣтнихъ философскихъ размышленіяхъ и опытѣ: оно дано въ христіанскомъ ученіи о твореніи. Это ученіе, чрезъ которое примиряется единство начала и множество элементовъ міра, не ново; оно изложено на первыхъ страницахъ библіи. Но философія далеко еще не уразумѣла всей глубины его и не сдѣлало изъ него всѣхъ необходимыхъ выводовъ. Это составляетъ задачу будущей философіи, которая, повидимому не за горами. На горизонтѣ мысли уже обозначаются нѣкоторые предвѣстники новой философіи—послѣдовательнаго и полнаго спиритуализма,—философіи воли. Мы должны радоваться этому, потому что въ наше время необычайной специализаціи, когда въ наукахъ накопилось

громадное количество наблюденій и фактовъ, особенно нужна философія. Закончилъ Навиль свою рѣчь словами: «Еслибы отъ меня зависѣло, то я потребовалъ бы, чтобы всякій, желающій получить дипломъ высшаго учебнаго заведенія, подвергался серьезному экзамену по философіи. Я желалъ бы, чтобы богословы были способны къ воспріятію всего, что развиваетъ человѣческій духъ, чтобы юристы не были всецѣло поглощены изученіемъ кодексовъ, чтобы медики не забыли, что тѣла—предметъ ихъ заботъ—не составляютъ всего человѣка, чтобы инженеры не принимали людей за машины, чтобы литераторы и артисты не увлекались прелестями стиля и красотами формы до забвенія истины. Философія, правильно понятая, основанная на общемъ обозрѣніи результатовъ всѣхъ наукъ, составляетъ одинъ изъ существенныхъ элементовъ высшей культуры человѣческаго духа».

Послѣ рѣчи Навиля слово было предоставлено Бутру, который прочелъ докладъ на тему: «Значеніе исторіи философіи для философіи». Сущность доклада сводится къ слѣдующему. Противъ изученія исторіи философіи раздавались голоса 50 лѣтъ тому назадъ. Въ настоящее время главными противниками этого изученія являются эволюціонисты. Они говорятъ, что въ мірѣ все преобразуется, что изъ прошлаго имѣетъ цѣну лишь то, что отражается въ настоящемъ, и что, изучая настоящее, мы постигаемъ вмѣстѣ съ тѣмъ и цѣнное прошлое. Но они забываютъ, что настоящее есть продуктъ прошедшаго, почему нельзя понять ностоящаго, не изучивъ надлежащимъ образомъ всего прошедшаго. Въ частности относительно исторіи философіи нужно замѣтить, что философскія системы суть созданія геніевъ; а геніи не могутъ быть поняты сразу: ихъ творенія служатъ источникомъ все новыхъ и новыхъ открытій. Конечно, если смотрѣть на философію, какъ на соединеніе результатовъ другихъ наукъ,—исторія философіи для насъ будетъ не нужна. Но если философія—самостоятельная наука, то безъ исторіи философіи она обойтись не можетъ. Чрезъ изученіе прежнихъ философскихъ системъ философы могутъ открыть свое призваніе, могутъ воодушевиться извѣстными идеями, развить ихъ и выработать свою собственную, новую, болѣе глубокую систему. Только чрезъ изученіе исторіи философіи индивидуальный духъ можетъ выйти изъ узкихъ предѣловъ личнаго сознанія и соединить свою мысль съ мыслью универсальною, вѣчною.

Докладъ вызвалъ довольно оживленныя пренія, въ которыхъ приняли участіе: Виндельбандъ, Людвигъ Штейнъ, Кантони, де-Роберти, В. Н. Ивановскій (изъ Казани), Ительсонъ (изъ Берлина).

На второмъ общемъ засѣданіи были выслушаны два доклада: проф. Бернскаго университета Людвига Штейна и проф. Гура. Оба доклада были написаны на одну и ту же тему: «Опредѣленіе философіи».

Штейнъ привелъ различныя опредѣленія философіи, сопоставилъ ихъ и далъ свое опредѣленіе, по которому философія есть полное объединеніе знанія.

Философія, пояснялъ онъ, всегда стремится къ монизму. Были въ ней дуалистическія системы, но онѣ не могли удержаться. Даже дуализмъ Канта признававшаго ноумены и феномены, отвергнутъ, какъ не выдерживающій критики. Истинный монизмъ, по мнѣнію Штейна, есть монизмъ сознанія, установленный философіей Фихте. Сущее распадается на «я» и «не я», духъ и природу. Задача философіи—объяснить, какимъ образомъ механическіе законы, управляющіе природою, согласуются съ телеологическими законами, дѣйствующими въ человѣческомъ обществѣ. Если отдѣльныя науки даютъ разрозненныя понятія о сущемъ, то философія должна объединить эти понятія и показать единство законовъ, которымъ повинуются духъ и природа.

По взгляду Гура, философія, какъ показываетъ исторія, есть наука всеобщая. Она распадается на три частныхъ науки: на философскую психологію, метафизику и философскую канонику. Философская психологія не занимается внѣшними обнаруженіями человѣческаго духа, а изучаетъ внутренніе его процессы и для объясненія ихъ пользуется исключительно душевными явленіями, какъ они даны въ чувствѣ и мысли. Предметомъ метафизики служитъ сущее въ самомъ себѣ, въ его всеобщности. Метафизика не должна задаваться вопросомъ о послѣдней причинѣ сущаго и не должна быть простымъ собраніемъ частныхъ наукъ. Ея задача—уяснить послѣдніе всеобщіе элементы сущаго. Наконецъ, философская каноника имѣетъ своею задачею указать всеобщія нормы, опредѣляющія человѣческій духъ въ его познавательно-практической дѣятельности. Она не можетъ быть собраніемъ частныхъ нормативныхъ наукъ и не должна быть наукою трансцендентальною. Всеобщія нормы должны быть открыты ею чрезъ изученіе непосредственныхъ реакцій человѣческаго духа, дающихъ начало отдѣльнымъ нормативнымъ наукамъ.

Третье общее засѣданіе было посвящено слушанію и обсужденію доклада Гейдельбергскаго профессора Виндельбанда, автора извѣстной исторіи философіи. Докладъ былъ написанъ на тему: «Теперешнія задачи логики и теоріи познанія по отношенію къ наукамъ о природѣ и духѣ». По мнѣнію докладчика, существуетъ различіе между науками природы и духа. Первыя суть науки о всеобщемъ, какъ бы мы ни называли это всеобщее, идеями или законами природы. Вторыя суть науки историческія, которыя, въ отличіе отъ первыхъ, имѣютъ своимъ предметомъ частные факты. Правда, и исторія открываетъ нѣкоторые общіе законы. Но законы эти отличны отъ законовъ природы. Въ то время, какъ законы природы предполагаютъ въ вещахъ необходимость безусловную, законы исторіи имѣютъ необходимость лишь производную, такъ какъ они не опредѣляютъ частныхъ фактовъ, а наоборотъ, сами зависятъ отъ нихъ. Съ этимъ различіемъ наукъ должна считаться логика и теорія познанія. Логика должна имѣть въ виду какъ общественныя, такъ и историческія науки Она должна быть наукою всѣхъ методовъ, при помощи которыхъ духъ человѣческій приходитъ къ истинѣ.

Для четвертаго общаго засѣданія были назначены два доклада: профессора Лозанскаго университета Парето и ректора новаго Брюссельскаго университета Греефа; оба доклада на тему «Индивидуумъ и общество». Но Греефъ не могъ прибыть на конгрессъ, почему былъ выслушанъ лишь докладъ Парето. Сущность доклада можетъ быть передана въ слѣдующихъ немногихъ словахъ. Термины «индивидуумъ» и «общество» весьма неопредѣленны. Въ то время, какъ одни изслѣдователи противополагаютъ индивуумъ обществу, другіе находятъ между ними полное согласіе. По мнѣнію первыхъ, интересы индивидуума никогда не сходятся съ интересами общества; вторые утверждаютъ наоборотъ, что истинное счастье индивидуума состоитъ въ дѣятельности, полезной для общества. Въ послѣднемъ случаѣ подъ индивидуумомъ разумѣется меньшинство, а подъ обществомъ большинство людей. Такимъ образомъ предполагается, что интересы меньшинства должны быть приносимы въ жертву большей группѣ людей. Но почему такъ должно быть, и что нужно считать большинствомъ, остается неопредѣленнымъ. Всѣ попытки выйти изъ указанной неопредѣленности до тѣхъ поръ будутъ оставаться тщетными, пока не будутъ точно выяснены однообразія, представляемыя жизнью общества.

На послѣднемъ общемъ засѣданіи были предложены вниманію слушателей два доклада — на самую современную тему: «Неовитализмъ и телеологія въ біологіи».

Первый докладъ принадлежалъ профессору ботаники Кильскаго университета Рейнке. Главныя мысли доклада суть слѣдующія. Неовитализмъ пытается примирить механическое объясненіе жизненныхъ явленій съ телеологическимъ. Древній витализмъ допускалъ жизненную силу, посредствомъ которой хотѣлъ объяснить всѣ явленія, происходящія въ растеніяхъ и животныхъ. Явившееся на смѣну витализма, механическое воззрѣніе впало въ другую крайность. Представители его отвергли всякую телеологію и думали свести всѣ жизненныя явленія къ процессамъ физико-химическимъ, господствующимъ въ неорганической природѣ. Неовитализмъ полагаетъ, что наличное состояніе нашихъ знаній заставляетъ принять обѣ эти точки зрѣнія. Онъ признаетъ, что жизненныя явленія, совершаясь по законамъ строгой причинности, въ то же время управляются одною или нѣсколькими силами-доминантами, которыя въ извѣстной степени могутъ быть сравнены съ духовными силами человѣка. Такимъ образомъ въ неовитализмѣ механизмъ и телеологія удерживаются, но не какъ выраженіе самой реальности, а какъ лучшіе принципы изслѣдованія, которые могутъ руководить нами въ истолкованіи жизненныхъ явленій.

Второй докладъ, написанный Парижскимъ профессоромъ Жіаромъ и прочитанный, за отсутствіемъ автора, женевскимъ профессоромъ Юнгомъ, представлялъ собою защиту механическаго воззрѣнія. По мнѣнію автора, предполагаемыя въ природѣ цѣли, если брать ихъ въ научномъ смыслѣ, фактически совпадаютъ съ причинами. Мы можемъ сказать, что въ феноменальномъ мірѣ, который

только и доступенъ намъ, цѣпь причинъ, повидимому, направлена къ произ веденію того, что мы воспринимаемъ въ дѣйствительности. Легко также допустить и по отношенію къ будущему времени, что вселенная идетъ къ нѣкоторой цѣли, хотя мы прекрасно знаемъ, что объ этой цѣли не имѣемъ ни малѣйшей идеи. Но на практикѣ вопросъ: для чего? не долженъ имѣть мѣста. Теорія доминантовъ Рейнке не убѣдитъ натуралистовъ. Для нихъ наслѣдственность и приспособленіе являются достаточными для объясненія кажущейся цѣлесообразности всѣхъ стадій развитія, связанныхъ между собою цѣпью причинности. Такимъ образомъ неовитализмъ долженъ быть признанъ безполезнымъ и, слѣдовательно, для прогресса науки вреднымъ.

Въ дополненіе къ докладу Жіара, Юнгъ указалъ основанія, почему, думается ему, идеи Рейнке не встрѣчаютъ сочувствія со стороны біологовъ. Эти идеи служатъ выраженіемъ вѣры, которая сама по себѣ очень законна, но которая не должна входить въ качествѣ элемента въ объясненіе біологическихъ явленій. Доминанты Рейнке—это прежняя жизненная сила, снова сдѣлавшаяся модною въ наши дни. Но въ ней нѣтъ никакой нужды, потому что жизненныя явленія могутъ быть объяснены съ механической точки зрѣнія.

Прочитанные доклады вызвали оживленныя пренія. Большинство оппонентовъ стояли за то, что однихъ механическихъ законовъ для объясненія явленій органической жизни не достаточно.

По окончаніи преній было произведено избраніе, въ дополненіе къ прежнимъ, новыхъ членовъ постоянной международной философской комиссіи Изъ русскихъ, присутствовавшихъ на конгрессѣ, избраны профессора В. С. Серебрениковъ и Г. И. Челпановъ. Въ заключеніе состоялось рѣшеніе устроить третій международный философскій конгрессъ въ Гейдельбергѣ въ 1908-мъ году.

Кромѣ докладовъ были обсуждены на общихъ засѣданіяхъ два проэкта: а) проэктъ Ляланда объ изданіи Философскаго словаря, имѣющаго своею задачею установить точный смыслъ французскихъ философскихъ терминовъ и дать соотвѣтствующіе термины англійскіе, нѣмецкіе и итальянскіе и б) прочитанный Кутюра проэктъ особой комиссіи о созданіи интернаціональнаго вспомогательнаго языка. Оба проэкта одобрены конгрессомъ.

Изъ докладовъ, прочитанныхъ на засѣданіяхъ секцій, особенное вниманіе остановилъ на себѣ докладъ парижскаго профессора Бергсона на тему: «О софизмѣ, общемъ реализму и идеализму». Докладчикъ старался посредствомъ тонкихъ соображеній доказать, что теорія психо-физическаго параллелизма заключаетъ въ себѣ смѣшеніе двухъ точекъ зрѣнія: реалистической и идеалистической. Идеалистъ, признавая параллелизмъ, дѣлается реалистомъ; съ другой стороны, реалистъ, высказывающійся въ пользу параллелизма, становится идеалистомъ.

Научныя занятія членовъ конгресса чередовались развлеченіями, устроенными организаціоннымъ комитетомъ въ цѣляхъ тѣснѣйшаго сближенія пред-

ставителей философіи разныхъ странъ. Первый вечеръ провели члены конгресса у секретаря конгресса Кляпареда на его дачѣ въ саду, иллюминованномъ венеціанскими фонарями. Во второй день ѣздили на пароходѣ въ замокъ Коппе; на обратномъ пути на пароходѣ былъ сервированъ ужинъ; въ 9 час. вечера, когда пароходъ подходилъ къ Женевѣ, набережная озера и церковь св. Петра по данному съ парохода сигналу, сразу засвѣтились разноцвѣтными бенгальскими огнями; огласившіе воздухъ крики ура были выраженіемъ восторга отъ чудной картины, представившейся взору конгрессистовъ. На третій день была совершена экскурсія сначала по конкѣ, потомъ по зубчатой желѣзной дорогѣ на гору Салевъ, откуда открывается великолѣпный видъ на снѣжныя горы съ Монбланомъ во главѣ, на Женеву и ея окрестности. Экскурсантамъ были предложены на горѣ въ Трезарбръ чай и въ Монетье ужинъ. Въ четвертый день члены конгресса были приглашены на суаре въ загородную дачу къ Женевскому меценату Буассье. Завершительнымъ моментомъ конгресса былъ банкетъ въ фойэ городского театра, прошедшій очень задушевно и весело. Несомнѣнно, что о дняхъ конгресса, проведенныхъ въ Женевѣ, у всѣхъ участниковъ осталось самое свѣтлое воспоминаніе.

II. Рецензіи и рефераты.

1. Психологія.

Б. Грэтгуйзенъ. Сочувствіе. B. Groethuysen. Das Mitgefühl, Zeitschrift f. Psychologie und Physiologie der Sinnesorgane Bd. 34. Heft 3—4, S. 161—270.

Авторъ ставитъ себѣ задачей всесторонній психологическій анализъ и точное опредѣленіе понятія сочувствія или симпатіи. Въ первой критической части статьи онъ разсматриваетъ цѣлый рядъ ученій психологовъ о сочувствіи. Мнѣнія большинства сходятся въ томъ, что сочувствіе можно опредѣлить, какъ чувство, по своему качеству, равное данному чувству нѣкотораго другого существа. Въ виду, однако, очевидной недостаточности такого опредѣленія, были сдѣланы попытки установить иные характерные признаки сочувствія. Авторъ въ своей критикѣ опирается на слѣдующую схему ученій о сочувствіи. Характерными признаками сочувствія считается: или a) способъ его возникновенія, или в) извѣстный сопровождающій его процессъ, или с) самое содержаніе его. Эти три группы авторъ разбиваетъ на слѣдующія подгруппы; ad a — сочувствіе возникаетъ α) черезъ ассоціацію (ассоціаціонныя теоріи — Spencer, Bain, Bösch,) или β) черезъ подражаніе (теорія подражанія — Bain. Ribot, Sully, Sutherland); ad в — сочувствіе сопровождается α) психическимъ процессомъ не эмоціональнаго характера (Horwicz, Stephen, Höffding, Ziegler, Mc. Cosh, Sully, Meinong и др.), или β) извѣстнымъ чувствомъ (Ribot); ad c—содержаніемъ сочувствія можетъ быть α) содержаніе представленій и сужденій или β) только сужденій (v. Ehrenfels и Meinong). Къ этой схемѣ можно прибавить еще одну самостоятельную точку зрѣнія, отождествляющую явленіе симпатіи съ простымъ знаніемъ чувствъ, переживаемыхъ другими существами (Gefühlskenntnisstheorie—Stephen, Schubert-Soldern). Въ добавленіи къ критической части авторъ останавливается на ученіяхъ о состраданіи, и путемъ сопоставленія различныхъ взглядовъ, (Bain, Spencer, v. Hartmann, Ziegler, Lipps, Volkelt, Ribot) приходятъ къ выводу, что состраданіе часто сопровождается любовью къ ближнимъ. Подтвержденіе этой мысли онъ находитъ у многихъ философовъ (Аристотель, Юмъ, Декартъ, Лессингъ, Мендельсонъ, Шиллеръ, изъ современныхъ—Фолькельтъ).

Въ положительной части авторъ ближе всего примыкаетъ къ точкѣ зрѣнія v. Ehrenfels'a и Meinong'a. Сочувствіе онъ опредѣляетъ, какъ горе или радость по поводу того, что нѣкоторое другое существо переживаетъ. переживало или будетъ переживать чувство съ характеромъ удовольствія или неудовольствія (стр. 233). Сочувствіе проявляется или въ состраданіи (Mitleid) или въ сорадости (Mitfreude). Состраданіе есть душевное движеніе съ характеромъ неудовольствія, по качеству сходное съ горемъ (огорченность, грусть, подавленность, тоска и т. под.): сорадость—душевное движеніе съ характеромъ удовольствія, по качеству сходное съ радостью. Одинаковость чувствъ въ сочувствующемъ и въ томъ, кому сочувствуютъ, далеко не обязательна; она представляетъ не болѣе какъ частный случай сочувствія вообще. Наоборотъ—

непремѣннымъ условіемъ сочувствія является совпаденіе знаковъ передъ чувствами того и другого (+ знакъ чувствъ съ характеромъ удовольствія,— знакъ чувствъ съ характеромъ неудовольствія). Къ состраданію и сорадости часто примѣшивается чувство любви къ ближнимъ, душевное движеніе съ характеромъ удовольствія. Въ интенсивности сочувствіе не уступаетъ прочимъ чувствамъ, и вмѣстѣ съ послѣдними находится въ тѣсной зависимости отъ индивидуальныхъ условій. Внѣшнимъ проявленіемъ состраданія часто служатъ слезы. Для сорадости труднѣе подыскать характерныя проявленія (пожалуй, улыбка). Ошибка многихъ психологовъ—въ смѣшеніи сочувствія съ симпатіей въ широкомъ смыслѣ этого слова. Симпатія есть всякое чувство, возникающее въ одномъ существѣ путемъ воспріятія выраженій чувствъ другого, при качественной одинаковости обоихъ чувствъ. Въ сочувствіи же мы горюемъ о томъ или радуемся тому, что другое существо переживаетъ горе или радость, (горе или радость другихъ существъ является здѣсь содержаніемъ нашего сочувствія). Симпатія въ своемъ качествѣ не ограничена, подобно сочувствію, горемъ или радостью. Въ этомъ же заключается отличіе прочихъ альтруистическихъ чувствъ отъ сочувствія: кромѣ того тождество знаковъ (см. выше) для альтруистическихъ чувствъ не обязательно. Сочувствіе отличается также и отъ другихъ чувствъ, имѣющихъ своимъ содержаніемъ свойства, состоянія или дѣйствія другихъ существъ (Fremdgefühle—зависть, злорадство, чувство мести, благодарность), такъ какъ знаки передъ нашими чувствами и чувствами другихъ въ этомъ случаѣ противуположныя (+ и —).

Переходя къ вопросу о происхожденіи сочувствія, авторъ указываетъ на то, что обязательной психологической предпосылкой сочувствія является сужденіе или допущеніе (Annahme), имѣющія своимъ содержаніемъ радостныя или горестныя чувства другихъ существъ. Съ этой точки зрѣнія для дѣтей сочувствіе становится доступнымъ лишь тогда, когда общее развитіе дѣлаетъ ихъ способными познать чужую радость или чужое горе. Съ другой стороны несомнѣнно, что дѣтямъ отъ рожденія присуще предрасположеніе къ сочувствію. Спрашиватся, какъ могло возникнуть въ человѣкѣ такое предрасположеніе? По Гёффдингу, развитію симпатіи предшествуютъ два полусознательныхъ инстинкта— инстинктъ матери и инстинктъ любви. Материнскій инстинктъ на извѣстной ступени развитія превращается въ материнское чувство. На почвѣ первоначальныхъ общественныхъ отношеній, вызываемыхъ материнскою любовью, развивается явленіе симпатіи. Чувство любви очищается по мѣрѣ того, какъ оно соединяется съ образомъ другой самостоятельной особи. Оно получаетъ характеръ симпатіи, поскольку вступаетъ въ зависимость отъ чувствъ другой особи. Гёффдингъ не различаетъ строго любви и симпатіи, тогда какъ эти два чувства существенно различны. Материнская любовь создаетъ лишь предрасположеніе къ сочувствію между ребенкомъ и матерью. Тоже слѣдуетъ сказать и о половой любви. Можно согласиться также со Спенсеромъ въ томъ, что въ стадѣ создается извѣстное предрасположеніе къ сочувствію, и что половая любовь увеличиваетъ это предрасположеніе.

Отмѣтивъ нѣсколькими строками явленіе автосимпатіи (Autosympathie), авторъ переходитъ къ заключительному отдѣлу своей статьи, посвященному выясненію индивидуальныхъ различій въ сочувствіи.

Послѣднія (интенсивность, продолжительность, повторяемость) объясняются съ одной стороны индивидуальными же различіями въ отношеніи благопріятныхъ или неблагопріятныхъ условій для возникновенія психологической предпосылки

сочувствія, съ другой стороны—различіемъ моментовъ положительно или отрицательно вліяющихъ на предрасположеніе къ сочувствію, и наконецъ—различіемъ въ прирожденной склонности къ сочувствію. Большое значеніе приписывается живости представленія чужихъ чувствъ. Не слѣдуетъ, однако, преувеличивать значенія этого момента. Индивидуальныя различія зависятъ въ сильной степени отъ того, является-ли необходимый психологической предпосылкой сочувствія простое допущеніе или сужденіе. На предрасположеніе къ сочувствію положительное вліяніе оказываетъ любовь къ ближнимъ, положительно и отрицательно могутъ вліять случайныя условія, напр.—общее состояніе духа. Сочувствіе непосредственно зависитъ отъ степени врожденнаго предрасположенія къ нему. Въ случаяхъ ненормальныхъ отклоненій такое предрасположеніе можетъ вовсе отсутствовать. Сила, продолжительность и другія свойства сочувствія зависятъ также отъ возраста. Въ дѣтскомъ возрастѣ сочувствіе отличается силою, но и скоропреходящимъ характеромъ. Многіе утверждаютъ, будто женщина въ особенности склонна къ состраданію. У женщинъ состраданіе специализируется подъ вліяніемъ склонностей болѣе, чѣмъ у мужчинъ.

Авторъ заканчиваетъ статью нѣсколькими замѣчаніями объ относительной распространенности состраданія и сорадости и о вырожденіи состраданія.

А. Римскій-Корсаковъ.

Д-ръ Гисслеръ. Вложенный въ предметы искусства вкусъ, какъ одна изъ разновидностей прекраснаго, и отношеніе его къ чувственному вкусу.

Dr. C. M. Giessler. Die Geschmackvolle als Besonderheit des Schönen und speciellseine Beziehungen zums innlichen Geschmack. Zeitschrift Psychologie und Physiologie für der Sinnes-Organe Bd. 34. Hell. 2. S. 81—110.

Среди нашихъ отношеній къ прекрасному особнякомъ стоитъ тотъ случай, когда мы оцѣниваемъ предметы искусства съ точки зрѣнія вложеннаго въ нихъ вкуса. Мы примѣняемъ эту точку зрѣнія въ чистомъ видѣ лишь къ художественно отдѣланнымъ и идеализированнымъ предметамъ ежедневнаго обихода. Статую, картину, пейзажъ мы называемъ прекрасными, въ то время какъ отъ мебели, посуды, комнатныхъ украшеній, платья и т. д. требуемъ художественнаго вкуса. Эстетика называетъ прочувствованіемъ (Einfühlung) постепенное погруженіе созерцающаго субъекта въ предметъ искусства, и вызванное такимъ путемъ сліяніе ихъ обоихъ. Въ данномъ случаѣ прочувствованіе характеризуется нѣкоторыми специальными особенностями, касающимися какъ качества и количества прочувствованнаго, такъ и глубины прочувствованія. *Качество прочувствованнаго.* Поэзія, живопись, скульптура подчасъ изображаютъ и безобразное, и комическое, музыка пользуется, какъ средствомъ, диссонансомъ, даже страданіе въ его различныхъ формахъ находитъ себѣ выраженіе въ названныхъ искусствахъ. Предметы, отъ которыхъ мы требуемъ художественнаго вкуса, имѣютъ дѣло исключительно съ элементами, связанными съ чувствомъ удовольствія. Объектомъ художественнаго прочувствованія служатъ здѣсь наиболѣе цѣнныя ощущенія. *Количество прочувствованнаго.* Число элементовъ, достигающихъ прочувствованія и болѣе или менѣе одинаково способствующихъ эстетическому эффекту, относительно велико. Такое обогащеніе въ однихъ случаяхъ достигается детальной выработкой индивидуальности предмета, въ другихъ—красочнымъ рисункомъ и пластическими изображеніями съ большой индивидуальной цѣнностью, или всевозможными орнаментами, подчасъ

лишь слабо намѣченными и побуждающими нашу фантазію къ истолковывающей работѣ. Иногда, наконецъ, практическое назначеніе предметовъ изображается, какъ свойство или функція образовъ, служащихъ ему украшеніемъ. Въ первомъ случаѣ имѣется въ виду привлеченіе вниманія зрителя къ практическому назначенію предмета, во второмъ—отвлеченіе вниманія отъ него, въ третьемъ практическая сторона предмета маскируется. *Глубина прочувствованія.* Эстетическое наслажденіе несовмѣстимо съ полнымъ поглощеніемъ нашей личности чувствами. Поддаваясь впечатлѣніямъ, мы въ то же время противупоставляемъ себѣ охваченную этими впечатлѣніями сторону нашего я и переносимъ ее на предметъ. Вообще во всякомъ эстетическомъ наслажденіи мы попеременно углубляемся въ впечатлѣнія и освобождаемся отъ нихъ; въ этомъ чередованіи—сущность эстетическаго наслажденія. Чѣмъ глубже затронуты центральныя части нашего я, тѣмъ сильнѣе наслажденіе. При созерцаніи предметовъ, воплощающихъ въ себѣ художественный вкусъ, эмоціональная сторона ограничивается возбужденіемъ настроеній, при руководящемъ значеніи которыхъ элементы достигаютъ прочувствованія въ интеллектуальной формѣ.

Отношеніе между чувственнымъ и эстетическимъ вкусами. Странное на первый взглядъ сопоставленіе находитъ себѣ оправданіе въ языкѣ. Изъ психологіи мы знаемъ также о существованіи аналогій между ощущеніями разныхъ классовъ. Наиболѣе общій характеръ присущъ формальнымъ аналогіямъ (во всѣхъ областяхъ существуютъ контрастирующія и гармонирующія сочетанія). Возможны также аналогичныя отношенія въ условіяхъ пріятныхъ вкусовыхъ ощущеній съ одной стороны и условіяхъ впечатлѣнія художественнаго вкуса съ другой. Существуютъ, наконецъ, отношенія ассоціативнаго характера между этими двумя областями. *Аналогіи настроенія* (скудость (1), гармонія (2), контрастъ (3), смѣна (4) настроеній). 1) Аналогичны впечатлѣнія отъ безвкусныхъ, прѣсныхъ субстанцій и предметовъ, окрашенныхъ въ одинъ тонъ. 2) Вкусовое сродство субстанцій и преобладаніе одного, родственнаго всѣмъ даннымъ тонамъ оттѣнка, даютъ аналогичное впечатлѣніе гармоническаго сочетанія. 3) Аналогичны также внечатлѣнія отъ контрастирующихъ сочетаній красокъ и отъ контрастовъ вкусовыхъ. 4) Утонченный вкусъ, какъ художественный, такъ и чувственный, требуетъ частой смѣны впечатлѣній. *Аналогичныя отношенія въ условіяхъ полученія и переработки матеріала.* Необходимымъ условіемъ вкусовыхъ ощущеній является питательная цѣнность матеріала. Субстанціи, испорченныя или по существу негодныя къ питанію, вызываютъ въ насъ отвращеніе. Вкусовыя ощущенія предполагаютъ также растворимость субстанціи въ слюнѣ и механическую размельчаемость ея. Одно изъ основныхъ условій эстетическаго впечатлѣнія — способность объекта вызывать въ насъ ассоціаціи — въ этомъ заключается какъ бы питательная художественная цѣнность предмета. Такое дѣйствіе достигается индивидуальнымъ расчлененіемъ частей, которое можно сравнить съ размельчаемостью питательныхъ субстанцій. Множество изъ окружающихъ насъ предметовъ вовсе не способно быть предметомъ художественнаго наслажденія, какъ множество субстанцій вовсе не годно къ питанію. Мы не находимъ также вкуса въ предметахъ, попорченныхъ и подержанныхъ. *Ассоціативныя отношенія.* Эстетическое впечатлѣніе вліяетъ часто возбуждающимъ образомъ на чувственный вкусъ. Такъ напр. напитки намъ кажутся вкуснѣе въ изящныхъ сосудахъ. Красиво сервированныя кушанья сильнѣе возбуждаютъ нашъ аппетитъ.

Извѣстно, что распредѣленіе свѣта и тѣни позволяетъ намъ разобраться

лишь въ общихъ пространственныхъ отношеніяхъ предметовъ. Детальная оріентировка всегда опирается на красочные покровы (въ зрительной дѣятельности играетъ большую роль идеальное осязаніе). Предметы, воплощающіе въ себѣ художественный вкусъ, даютъ намъ какъ-бы нѣкоторый излишекъ данныхъ осязанія (Tastdata), большая часть которыхъ не столько способствуетъ пространственной оріентировкѣ, сколько приводится нашей фантазіей въ особый порядокъ. Послѣдній можетъ быть уже предопредѣленъ данной группировкой элементовъ. Иногда же элементы лишь побуждаютъ насъ къ группировкамъ, разработка которыхъ предоставляется зрителю. Такимъ образомъ въ воспріятіи художественнаго предмета мы имѣетъ дѣло съ идеальнымъ осязаніемъ его, связаннымъ съ эстетическимъ чувствомъ. Всѣ вкусовыя ощущенія въ свою очередь связаны съ ощущеніями осязанія. Въ осязаніи поэтому можно видѣть звено, связующее чувственный и эстетическій вкусы.

А. Римскій-Корсаковъ.

---

2. *Психопатологія.*

Д-ръ А. Бернштейнъ. Dr. Alexander Bernstein. О несложныхъ методахъ изслѣдованія памяти у умалишенныхъ. Zeitschr. f. Psychol. und Physiol. der Sinnesorgane, Bd. 32, H. 3/4.

Свою статью авторъ начинаетъ съ констатированія все больше и больше обнаруживающейся потребности и стремленія замѣнить субъективно-объяснительный анализъ психическаго состоянія душевно-больныхъ болѣе объективнымъ, возможно измѣрительнымъ изслѣдованіемъ. Но на пути къ осуществленію этого стремленія авторъ указываетъ въ качествѣ преградъ сложность многихъ аппаратовъ и методовъ, примѣняемыхъ при подобныхъ изслѣдованіяхъ, необходимость сознательнаго согласія на нихъ душевно-больныхъ и т. п. Кромѣ того, по мнѣнію автора, лабораторные психологическіе опыты преслѣдуютъ болѣе общія психологическія цѣли, мало давая для разъясненія даннаго индивидуальнаго психическаго состоянія. Но, несмотря на это, положительную сторону этихъ опытовъ, при условіи ихъ простоты и несложности, нельзя не видѣть, во первыхъ въ томъ, что, благодаря имъ, различныя единичныя функціи представляются намъ въ сравнительномъ видѣ, во вторыхъ, путемъ этихъ опытовъ создаются симптомы, которые въ связи съ другими обстоятельствами являются характерными для той или иной болѣзни. Это и даетъ право автору сообщить о произведенныхъ имъ въ теченіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ, какъ въ лабораторіи, такъ и у постели больного, опытахъ съ изслѣдованіемъ способности воспоминанія и памяти вообще. Сущность его опытовъ сводится къ слѣдующему: берется квадратная (28 × 28) деревянная доска, раздѣленная на три части (строка). Въ каждую изъ этихъ трехъ частей можетъ быть вдвинуто по 3 картонныя квадратныя карты размѣромъ 8 × 8 ctm. Каждая карта имѣетъ рисунокъ, изображающій простую фигуру той или иной комбинаціи простѣйшихъ геометрическихъ формъ. Рисунки подобраны такъ, что они по возможности не возбуждаютъ представленія о какомъ нибудь предметѣ и не могутъ быть обозначены точно однимъ какимъ либо словомъ.

Эту доску съ рисунками держатъ предъ испытуемымъ 30 секундъ затѣмъ ему показываютъ картонную табель длиною въ 40 сент., имѣющую

25 рисунковъ простыхъ и сложныхъ геометрическихъ формъ, среди которыхъ есть и первоначально показанные 9 рисунковъ. Эти 25 рис. подобраны такъ, что между ними почти каждый имѣетъ другой (свою пару), почти сходный съ нимъ, такъ что ихъ довольно легко смѣшать другъ съ другомъ. Испытуемый среди этихъ 25 рис. долженъ указать тѣ, какіе онъ запомнилъ изъ первоначально ему показанныхъ. Вѣрно и невѣрно показанные отмѣчаются по предлагаемой и практикуемой авторомъ формулѣ: $\frac{v}{n}+f$, гдѣ v — означаетъ число правильно показанныхъ рисунковъ, а f — неправильно; n — число первоначально показанныхъ рисунковъ, въ данномъ случаѣ — 9. Въ количествѣ и формѣ рисунковъ авторъ допускаетъ варіаціи. Если требуется изслѣдованіе прочности и продолжительности запоминанія, то авторъ предлагаетъ во второй части опыта видоизмѣненіе; угадываніе рисунковъ совершается послѣ извѣстнаго промежутка времени: спустя часъ послѣ начала опыта или сутки, недѣлю, мѣсяцъ и т. д., послѣ чего получаются интересныя сравнительныя данныя. Для изслѣдованія «воспроизводительной» способности памяти авторъ пользуется замѣной указыванія первоначально предъявленныхъ фигуръ ихъ черченіемъ по памяти на доскѣ или бумагѣ, что можетъ производиться также тотчасъ послѣ 30-секунднаго показыванія или спустя часъ, сутки и т. д.

Авторъ сдѣлалъ, между прочимъ, не безъинтересное наблюденіе. Подвергая означеннымъ опытамъ душевно-нормальныхъ мужчинъ и женщинъ, онъ замѣтилъ, что послѣднія обыкновенно всегда указываютъ несравненно большее число рисунковъ, чѣмъ имъ было показано, и вообще въ своихъ показаніяхъ онѣ дѣлаютъ больше ошибокъ, чѣмъ мужчины. Другое болѣе любопытное наблюденіе сдѣлано авторомъ относительно того, что при различныхъ душевныхъ болѣзняхъ замѣчаются и различные и, какъ кажется автору, характерные для каждой особой болѣзни типы. Обстоятельное составленіе и распредѣленіе этихъ сдѣланныхъ на больныхъ и здоровыхъ изслѣдованій авторъ обѣщаетъ издать вмѣстѣ съ однимъ изъ своихъ ассистентовъ. Свою статью авторъ заканчиваетъ указаніемъ преимущества его метода изслѣдованія памяти предъ другими, когда показанные предметы оставляютъ предъ глазами испытуемаго лишь очень непродолжительное время. При послѣдней постановкѣ опыта довольно трудно опредѣлить, характеризуютъ-ли полученныя показанія способность «воспріятія» или запоминанія, такъ какъ впечатлѣніе предварительно должно быть воспринято для сохраненія его въ памяти. Методъ же автора почти исключаетъ неточности воспріятія въ виду 30-секунднаго выставленія рисунка, благодаря чему функціи воспріятія и запоминанія являются независимыми одна отъ другой. Преимущество своего метода авторъ видитъ также и въ томъ, что предметами оперированія являются такія комбинаціи геометрич. формъ, которыя нельзя подвести подъ какое либо опредѣленіе, тогда какъ при употребленіи буквъ, опредѣленныхъ предметовъ не исключается участіе при запоминаніи ассоціативныхъ процессовъ, напримѣръ, буквальное наименованіе предмета облегчаетъ воспроизведеніе его формы. Преимущество своего метода авторъ находитъ и въ его простотѣ и полной примѣнимости при изслѣдованіи душевно-больныхъ.

В. Протопоповъ.

3. Гипнотизмъ.

В. М. Нарбутъ. Гипнозъ и его судебно-медицинское значеніе (По поводу циркуляра № 5289 медицинскаго департамента, ограничивающаго терапевтическое примѣненіе гипноза). — Юбилейный Сборникъ трудовъ по психіатріи и невропатологіи, посвященный В. М. Бехтереву. Томъ I. 1903 г.

Научная разработка гипноза началась у насъ въ Россіи недавно. Знакомство же съ явленіями гипноза стало проникать въ общество особенно съ 1881 года, съ пріѣздомъ датскаго гипнотизера Ганзена, сеансы котораго производили на публику потрясающее впечатлѣніе; началась «гипнотическая эпидемія» и не безъ жертвъ, въ смыслѣ разстройства здоровья многихъ лицъ, согласившихся служить объектомъ для гипнотическихъ наблюденій. Съ появленіемъ въ Варшавѣ гипнотизера Донато увлеченіе гипнозомъ возрастало съ каждымъ днемъ. Понятіе о гипнозѣ стали смѣшивать съ понятіемъ о спиритизмѣ, гипнотическіе опыты кончались спиритическими сеансами, столоверченіемъ: въ результатѣ—возрастающій процентъ нервныхъ заболѣваній, истероэпилептическихъ припадковъ и т. п. Общество, обезпокоенное этими фактами, стало обращаться къ врачамъ за разрѣшеніемъ волновавшихъ его вопросовъ. Врачи обратились на западъ, гдѣ Шарко уже была создана цѣлая теорія гипнотическихъ явленій. Взгляды Шарко проникли въ Россію, и русскіе врачи въ объясненіи гипнотическихъ явленій твердо держались ихъ. Однако, общество медленно знакомилось съ научной разработкой этого вопроса, и въ немъ успѣли прочно укорениться самыя причудливыя и извращенныя представленія о гипнотизмѣ. Особенно они усилились съ появленіемъ Фельдмана, который объѣзжалъ различные города, давая въ нихъ гипнотическія представленія. Результаты представленій Фельдмана вліяли вредно на организмъ, особенно подростающей молодежи: она разнервничалась. Въ Новгородѣ врачи собрались 28 марта 1889 г. для обсужденія вопросовъ, какъ изъять зло. Въ нѣсколькихъ засѣданіяхъ общество врачей признало, что публичные опыты съ гипнозомъ не имѣютъ никакой цѣны, служатъ источникомъ заблужденій и не только вредно вліяютъ на здоровье гипнотизируемыхъ субъектовъ, но и на тѣхъ, которые присутствуютъ на такого рода зрѣлищахъ». Чтобы постановленіе не осталось безрезультатнымъ, общество Новгородскихъ врачей обратилось къ мѣстному губернатору съ просьбой ходатайствовать передъ министромъ внутреннихъ дѣлъ о запрещеніи въ Россіи публичныхъ гипнотическихъ представленій.

Отъ 9 іюля 1890 г. за № 4682 въ текстѣ циркуляра медицинскаго департамента мы видимъ двѣ статьи: одну, удовлетворяющую ходатайство Новгородскихъ врачей, и другую—обидную для нихъ, а именно, въ § 2 сказано: примѣненіе гипноза съ лечебной цѣлью должно быть разрѣшаемо «административною властью только врачамъ при соблюденіи требованія закона (ст. 115 т. XIII Уст. Вр.) относительно операцій надъ больными, т. е. не иначе, какъ лишь въ присутствіи другихъ врачей». Относительно мотивовъ появленія этой статьи можно сдѣлать два предположенія: или медицинскій департаментъ желалъ оградить врачей и общество отъ опасности гипнотизированія, или онъ предполагалъ со стороны врачей возможность исполненія во время гипнотизированія какихъ либо преступныхъ намѣреній.

Относительно отрицательныхъ сторонъ гипнотизированія заявилъ Шарко. Въ одной изъ своихъ лекцій, читанныхъ въ Сальпетріерѣ, Шарко заявляетъ, что: «гипнозъ, такъ легко вызываемый у одержимыхъ истеро-эпилепсіей, мо-

жетъ считаться однимъ изъ признаковъ этой болѣзни». Его школа смотрѣла на гипнотизмъ, какъ на состояніе нарушенія правильности функцій организма, какъ на искусственно вызываемый неврозъ. Авторитетъ Шарко былъ настолько силенъ, что его обаянію поддались въ 80-хъ годахъ безъ строго научной провѣрки фактовъ и русскіе врачи.

Лица, желавшія доказать опасность гипнотизированія, указывали на то, что многіе послѣ сеансовъ впадали въ самопроизвольный гипнозъ, изъ котораго съ трудомъ были выводимы; отмѣчали послѣ гипнотизированія ухудшеніе теченія нервныхъ болѣзней, приводили случаи помѣшательства не только у лицъ, подвергнутыхъ гипнотизированію, но даже и у тѣхъ, которые присутствовали при сеансѣ. Все это сообщалось, конечно, безъ всякой научной провѣрки: отсюда возникли неизбѣжныя ошибки и ошибочныя убѣжденія. Въ такое заблужденіе впали, по всей вѣроятности, редакторы статьи циркуляра.

При широкомъ изученіи явленій гипнотизма пришлось отказаться отъ предположенія Шарко о родственности этихъ явленій съ истеріей. Moll высказывается въ томъ смыслѣ, что ни неврастенія, ни истерія, ни общая слабость не порождаютъ особаго предрасположенія къ гипнозу. Eulenburg полагаетъ, что за болѣзненное явленіе можетъ считаться скорѣе неспособность впасть въ гипнозъ, чѣмъ воспріимчивость къ гипнозу.

Относительно страха гипнотизируемаго передъ гипнозомъ и дурныхъ его послѣдствій, можно возразить, что врачу, желающему добиться терапевтическаго успѣха, не къ чему запугивать больного.

Большая воспріимчивость къ всевозможного рода внушеніямъ не вызывается гипнозомъ, а лечится имъ. Судороги у истеричныхъ, которыя яко бы вызываются гипнозомъ, происходятъ у подобныхъ людей отъ самыхъ ничтожныхъ психическихъ возбужденій; гипнозъ же является надежнымъ средствомъ для продолжительнаго ослабленія истерическихъ судорогъ.

Приравнивать гипнозъ къ наркозу ошибочно, такъ какъ клиническія наблюденія съ ясностью доказываютъ, что онъ близко подходитъ къ естественному сну.

Цѣлый рядъ авторовъ высказывается о гипнозѣ, какъ о безопасномъ средствѣ въ рукахъ врачей, владѣющихъ невропатологическимъ и психическимъ образованіемъ.

Мотивомъ для созданія второй статьи циркуляра явилась мысль редакторовъ о возможности исполненія внушенныхъ врачами во время гипнотизированія какихъ-либо преступныхъ намѣреній.

Здѣсь представляются случаи 2-хъ родовъ: 1. Преступленія, совершаемыя надъ гипнотизируемыми, при чемъ послѣдніе являются какъ бы пассивными участниками преступленія. Во-2-хъ—преступленія, совершаемыя самими гипнотизируемыми подъ вліяніемъ сдѣланнаго имъ внушенія, иными словами, при активномъ участіи гипнотизированныхъ. Почти 50% такъ называемыхъ гипнотическихъ преступленій касаются посягательства на честь женщины. Для предупрежденія преступленія было бы достаточно, если-бы въ статьѣ циркуляра было сказано, что гипнозъ необходимо производить въ присутствіи третьяго лица; но тогда, чтобы быть послѣдовательнымъ, надо было бы также регламентировать поведеніе врача у кровати больного съ припадками каталепсіи, летаргіи, истеріи и т. п. болѣзненныхъ состояній. Подобныхъ ограниченій не существуетъ, ихъ и немыслимо допустить.

Относительно 2-го рода случаевъ надо сказать, что у гипнотизируемыхъ

субъектовъ нельзя вызвать полной амнезіи; идеи, внушенныя въ гипнозѣ, могутъ возвратиться и предстать передъ сознаніемъ испытуемаго съ большей или меньшей яркостью, и преступленіе будетъ обнаружено; строго говоря, преступленіе фактически не доказано, хотя многіе авторы убѣждены, что гипнотики роковымъ образомъ совершаютъ преступленія.

Въ концѣ статьи авторъ передаетъ цѣлый рядъ казуистическихъ случаевъ, въ которыхъ гипнотизированный является пассивнымъ или активнымъ орудіемъ преступленія. Свою статью авторъ заканчиваетъ словами: разъ врачъ получилъ дипломъ, дающій ему право свободной практики, онъ является въ своей практической дѣятельности вполнѣ самостоятельнымъ *).

В. Сухова-Осипова.

De Menant des Chesnais. Случай успѣшнаго леченія гипнозомъ припадковъ морской болѣзни при ѣздѣ въ поѣздѣ. (Observation de vertige de la locomotion traité avec succés par la suggestion hypnotique). Revue de l'Hypnotisme. VII 1904 стр. 14.

Описываемый случай авторъ приводитъ, какъ примѣръ того, что и людей съ сильной волей можно съ полнымъ успѣхомъ гипнотизировать, если окружающая среда развиваетъ въ больномъ особенную вѣру въ успѣхъ леченія. Больная автора—учительница отличалась поразительной энергіей, вела чрезвычайно дѣятельный образъ жизни и начала страдать цѣлымъ рядомъ разстройствъ, вслѣдствіе упадка питанія и переутомленія. Въ деревнѣ, куда она пріѣхала отдохнуть, она встрѣтилась со своими двумя тетками и подъ вліяніемъ ихъ постоянныхъ разсказовъ о чудесахъ, творимыхъ гипнозомъ, была настолько подготовлена къ полному усвоенію внушеній, что de Menant усыпилъ ее простымъ приказаніемъ засыпать. Точно также одного сеанса было достаточно, чтобы больная совершенно избавилась отъ мучившихъ ее припадковъ морской болѣзни, разъ только она ѣхала въ поѣздѣ. Больная не представляла никакихъ истерическихъ симптомовъ, отличалась громадной силой воли и всетаки быстро впадала въ глубокій сонъ. Объясненіе этому факту авторъ даетъ слѣдующее: честолюбивая больная въ своемъ обычномъ стремленіи къ успѣху привыкла всецѣло подчиняться тѣмъ, отъ кого зависѣло ея будущее. Тетки ея своими разсказами заставили ее смотрѣть на врача, какъ на держащаго судьбу ея здоровья въ своихъ рукахъ, и потому, по отношенію къ de Menant, она находилась въ томъ состояніи съуженія сознанія, которое одинаково необходимо, какъ для безпрекословнаго исполненія, такъ и для гипноза. Отсюда слѣдуетъ, что почти всякаго здороваго человѣка можно быстро привести въ состояніе глубокаго гипнотическаго сна, нужно лишь найти условія, при которыхъ его природная внушаемость можетъ вполнѣ проявиться.

А. Пьвницкій.

Проф. H. Beaunis. Къ вопросу о психологіи сна, Contribution à la psychologie du rêve. Revue de l'Hypnotisme. 1904 VII стр. 19.

Подводя итоги наблюденіямъ надъ своими снами, проф. Beaunis приходитъ къ слѣдующимъ выводамъ. За нѣкоторыми исключеніями у насъ сохраняются вѣрныя воспоминанія о видѣнныхъ снахъ; явленія сна можно разчле-

---

*) Въ настоящее время статья циркуляра, ограничивающая примѣненіе гипноза врачами, отмѣнена. *В. О.*

нить на три фазы: фаза начальнаго раздраженія, фаза воспоминанія и фаза распространенія; вторая фаза можетъ возникнуть и безъ первой, безъ раздраженія какой-нибудь области тѣла, исключительно подъ вліяніемъ колебаній кровяного давленія или состава крови, дѣйствующихъ на самые нервные центры. Образы воспоминанія во снѣ могутъ относиться къ ближайшему времени или отдаленному прошлому, но чаще всего связаны съ предметомъ занятій даннаго лица. Біологическое развитіе сновъ точно соотвѣтствуетъ органическому и психологическому развитію индивидуума. Часты случаи, гдѣ сонъ не можетъ быть сведенъ къ простой послѣдовательности картинъ. Колебанія чувства сохранены во снѣ, но смягчены; однако, у автора, несмотря на преклонный возрастъ, еще очень живы во снѣ чувства удовольствія и самолюбія. Сознаніе своего я сохранено во снѣ. Можно сознавать во снѣ, что переживаемое спящимъ снится ему. Во снѣ возможны всѣ высшія проявленія интеллектуальной дѣятельности. Воля можетъ быть сохранена во снѣ, но она ослаблена. Вліяніе сновъ на наши мысли и, слѣдовательно, на философскія и религіозныя ученія мало извѣстно, но заслуживаетъ изученія. Роль сновъ особенно была велика у первобытныхъ народовъ и у древнихъ. Видѣнія—это лишь продолженные и видоизмѣненные сны. Вѣра въ загробную жизнь со всѣми ея философскими и религіозными послѣдствіями имѣетъ въ основѣ наблюденіе надъ снами.

А. Пѣвницкій.

К. С. Агаджанянцъ. Роль психотерапіи въ дерматологіи. — Русскій Врачъ. 1904 г. № 11.

Часто, какъ органическія пораженія центральной и периферической нервной системы, такъ и функціональные неврозы сопровождаются кожными заболѣваніями, которыя могутъ улучшаться и ухудшаться съ поразительнымъ параллелизмомъ по отношенію къ состоянію основной невропатологической формы. Душевныя волненія несомнѣнно оказываютъ важное вліяніе на развитіе и теченіе кожнаго процесса. Въ виду этого авторъ полагаетъ, что психотерапія въ широкомъ смыслѣ слова должна имѣть благодѣтельное вліяніе въ извѣстномъ рядѣ случаевъ кожныхъ заболѣваній. Въ извѣстномъ внушенномъ состояніи различные органы, въ частности и кожа, у лица, подвергающагося внушенію, претерпѣваютъ много измѣненій. Вліяніе внушенія на кожную чувствительность и кровообращеніе—фактъ, установленный. У Elise'ы F. внушеніемъ удавалось вызывать гиперемію, пузыри, гнойники съ образованіемъ струпа, измѣненія подобныя бывающимъ при ожогѣ и т. д.

Между разстройствомъ мѣстной чувствительности кожи и развитіемъ и теченіемъ кожныхъ болѣзней существуетъ связь. Авторъ, примѣняя внушеніе, достигалъ улучшенія въ состояніи мѣстной чувствительности кожи и не разъ ему удавалось остановить развитіе кожнаго заболѣванія; психотерапія имъ примѣнялась въ тѣхъ случаяхъ, въ которыхъ распознаваніе исключало отраженный характеръ заболѣванія, какъ, напр., зависимость его отъ глистовъ, а въ кожныхъ причиной служили психическія вліянія. Гдѣ мѣстныя и общія лѣчебныя мѣры оказывались безсильными, тамъ нерѣдко помогала психотерапія: такъ, у одной истерички гипнозомъ предупреждались приступы невралгіи сопровождавшейся развитіемъ лишая, въ другомъ случаѣ удалось предупредить развитіе экземы, въ третьемъ случаѣ экзема была излечена. Изъ всего сказаннаго, по мнѣнію автора, вытекаетъ, что дерматотерапія на ряду съ другими средствами не должна чуждаться и психотерапіи; нужно только въ ка-

ждомъ отдѣльномъ случаѣ сообразоваться съ его особенностями, устранить отраженныя вліянія, внѣшнія раздраженія и ждать отъ психотерапіи помощи лишь въ опредѣленной области съ точно установленными показаніями.

В. Сухова-Осипова.

III. Корреспонденціи.

Русское Общество нормальной и патологической психологіи.

Засѣданіе 13 апрѣля 1904 г. (продолженіе). Предсѣдательствовалъ акад. В. М. Бехтеревъ.

Докладъ д-ра К. И. Поварнина: *Объ условіяхъ привлеченія и сосредоточенія вниманія.* Докладчикъ продѣлалъ рядъ опытовъ надъ нѣсколькими взрослыми интеллигентными лицами съ цѣлью опредѣлить условія привлеченія и сосредоточенія вниманія. Опыты состояли въ томъ, что испытуемому показывалась при помощи фотографическаго затвора группа, состоящая изъ 6 небольшихъ рисунковъ. Рисунки, сдѣланные перомъ на бѣломъ картонѣ, были расположены въ видѣ круга на листѣ бѣлой бумаги и изображали различные предметы, болѣе или менѣе знакомые всякому (одежда, мебель, предметы домашняго обихода, растенія, животныхъ и т. д.). Затѣмъ испытуемый долженъ былъ подробно припомнить и описать видѣнные имъ рисунки, а также сказать который изъ нихъ и почему привлекъ на себя наибольшее его вниманіе. Въ результатѣ оказалось, что вниманіе наше съ одинаковой силой можетъ сосредоточиваться, какъ на свойствахъ предмета (окраска, форма), такъ и на отношеніяхъ его (назначеніе, принадлежность). Важную роль въ этихъ случаяхъ играютъ нѣкоторыя особенности разсматриваемыхъ объектовъ, какъ то: интенсивность, качество или протяженность полученныхъ ощущеній; способъ появленія ощущеній, напр., быстрота; отношеніе даннаго ощущенія къ предыдущему, напр., контрастъ. Не менѣе важными оказываются также тѣ чувства и ассоціаціи, которыя возникаютъ въ сознаніи испытуемаго при видѣ того или иного рисунка. Вниманіе можетъ быть привлечено къ объекту или въ самый первый моментъ воспріятія, илипослѣ того, какъ объектъ уже узнанъ, распознанъ. Кромѣ того, докладчикъ высказалъ отчасти свои взгляды на сущность процесса вниманія. Онъ склоненъ отождествлять вниманіе съ большей или меньшей степенью сознательности каждаго даннаго впечатлѣнія. Дѣятельность вниманія подчиняется, повидимому, закону цѣлесообразности.

К. Ѳ. Жаковъ. Докладчикъ недостаточно подчеркнулъ элементъ активности, составляющій постоянную и непремѣнную принадлежность акта вниманія. Далѣе, цѣлесообразность—понятіе очень неопредѣленное, и можно привести примѣры, когда актъ вниманія является нецѣлесообразнымъ.

Докладчикъ. Элементъ активности, чувство напряженія часто сопровождаютъ актъ вниманія, но не составляютъ его сущности. При отсутствіи яснаго сознанія процессъ вниманія не можетъ осуществиться. Ваши примѣры нецѣлесообразныхъ актовъ вниманія не могутъ считаться достаточно доказательными.

Д-ръ Ф. Ф. Фишеръ считаетъ неправильнымъ господствующее въ современной экспериментальной психологіи стремленіе расчленить каждый пси-

хическій актъ на нѣсколько простѣйшихъ самостоятельныхъ функцій. Подобно большинству другихъ душевныхъ процессовъ, вниманіе есть актъ въ высшей степени сложный и въ то же время цѣльный, не поддающійся детальному анализу и расчлененію.

Проф. Л. В. Блуменау. По моему мнѣнію, вниманіе едва ли можно отождествлять съ яснымъ сознаніемъ. Главную роль здѣсь играетъ скорѣе приспособленіе органовъ чувствъ, а также соотвѣтственнаго воспринимающаго центра. Психологически этому соотвѣтствуетъ извѣстная подготовка къ предстоящему воспріятію—«преперцепція» Льюиса.

Докладчикъ. Приспособленіе центровъ, преперцепція играетъ роль только при одномъ видѣ вниманія—активномъ; между тѣмъ я разсматривалъ главнымъ образомъ пассивное вниманіе, которое считаю первоначальной, наиболѣе естественной и чистой формой вниманія.

Д-ръ Е. П. Радинъ. Активная реакція на окружающую среду, процессъ выбора являются необходимымъ условіемъ успѣшнаго развитія всякаго организма. Они-то и лежатъ въ основѣ процесса вниманія. Съ этой точки зрѣнія является вполнѣ понятной та цѣлесообразность вниманія, которую Вы подчеркиваете въ своемъ докладѣ.

Докладчикъ. Приспособленіе и выборъ могутъ возникнуть чисто пассивнымъ образомъ, безъ всякой активности, путемъ постепеннаго ассоціированія извѣстныхъ воспріятій съ извѣстными движеніями (сложный рефлексъ).

Акад. В. М. Бехтеревъ. Въ психологіи нѣтъ еще общепринятаго опредѣленія вниманія. По моему мнѣнію, вниманіе все же нельзя отождествлять съ яснымъ сознаніемъ. Оно представляетъ собою скорѣе актъ чисто подготовительный и состоитъ въ томъ, что мы приспособляемся къ воспріятію новаго впечатлѣнія. Весьма важную роль играетъ здѣсь приспособленіе органовъ чувствъ, а также центровъ, выражаясь языкомъ физіологическимъ, или психики, выражаясь языкомъ психологическимъ. Если подготовка исходитъ изъ нашего «я», т. е. выполняется при посредствѣ воли, мы можемъ назвать вниманіе активнымъ, въ томъ же случаѣ, когда подготовка происходитъ помимо нашего «я», мы можемъ говорить о пассивномъ вниманіи. Ваше экспериментальное изслѣдованіе касается очень важнаго вопроса, поэтому желательно, чтобы Вы продолжали свою работу, расширивши и самую тему.

Кромѣ названныхъ лицъ, въ преніяхъ принимали участіе также д-ра: В. П. Осиповъ, А. Л. Щегловъ и А. Ѳ. Лазурскій.

Засѣданіе 4-го мая 1904 г.

Предсѣдательствовалъ акад. В. М. Бехтеревъ. Докладъ **К. Ѳ. Жакова.** *Происхожденіе познанія и интеллекта.* По мнѣнію докладчика, гносеологія не можетъ держаться психологической точки зрѣнія, согласно которой внѣшній міръ является для насъ только, какъ фактъ нашего сознанія. Теорія познанія должна предшествовать психологіи, а не слѣдовать за ней. Наше познаніе, постепенно совершенствуясь, все болѣе и болѣе приближается къ точному (адэкватному) постиженію объектовъ внѣшняго міра. Выражаясь математическимъ языкомъ, наше познаніе можно назвать перемѣнной, а бытіе — ея предѣломъ. Это можно доказать, излагая исторію внѣшняго воспріятія и исторію логики. Разсматривая происхожденіе познанія въ связи съ біологической эволюціей организмовъ, необходимо различать два періода: первый — процессъ развитія воспріятій внѣшняго міра, второй—образованіе способности сужденія

по законамъ логики и возникновеніе интеллектуальнаго познанія. При изученіи исторіи развитія внѣшнихъ воспріятій особенно полезнымъ оказывается знакомство съ сравнительнымъ устройствомъ органовъ чувствъ у разныхъ особей животнаго царства. Разсматривая устройство глаза членистоногихъ, рыбъ, человѣка и всѣхъ промежуточныхъ ступеней, мы видимъ (на основаніи принципа параллелизма), какъ постепенно осложнялось явленіе «видѣнія», какъ «вселенная» возрастала въ глазахъ развивающихся по ступенямъ біологіи организмовъ, пока не стала трехмѣрною и безконечною. Чтобы изучить развитіе интеллектуальнаго познанія, надо разсмотрѣть происхожденіе законовъ логики и постепенное расширеніе сферы приложенія этихъ законовъ. Здѣсь слѣдуетъ различать четыре фазы: a) приложеніе логики въ области языка, b) въ области діалектики, c) въ познаніи природы, d) въ явленіяхъ морали и эстетики. Что касается происхожденія законовъ логики (и способности сужденій по этимъ законамъ), то они возникли путемъ постепеннаго развитія изъ ощущеній и воспріятій и имѣютъ свое начало въ свойствахъ объектовъ внѣшняго міра. Законы логики являются лишь словесными символами законовъ внѣшняго воспріятія.

Д-ръ А. А. Крогіусъ. Вы слишкомъ подчеркиваете въ процессѣ развитія логическій элементъ. Нельзя отождествлять мышленіе съ развитіемъ рѣчи. Далѣе, дѣйствительно ли наше познаніе все прогрессируетъ въ направленіи болѣе полнаго знакомства съ физической реальностью? Вѣдь признать существованіе самой физической реальности, какъ таковой, мы не можемъ. Это есть только сознаніе вынужденности ощущеній.

Докладчикъ. Понятіе представленія есть понятіе психологическое, а не гносеологическое. Поэтому гносеологъ начинаетъ не съ него, а съ вопроса, какіе предметы зависимы отъ насъ. Для сознанія первично признаніе вещей, а не психологическій анализъ переживаній.

Д-ръ П. Я. Розенбахъ. Положеніе докладчика, будто мышленіе развивается изъ воспріятія, по моему мнѣнію, нельзя считать достаточно обоснованнымъ. У душевно-больныхъ можно нерѣдко наблюдать, какъ при полной потерѣ мышленія воспріятіе бываетъ вполнѣ сохранено. Схема постепеннаго приложенія страдаетъ также нѣкоторой произвольностью; непонятно, почему діалектика выдѣлена въ особую рубрику.

П. Ѳ. Каптеревъ. Самой существенной частью доклада является мысль о развитіи логическаго мышленія изъ внѣшнихъ воспріятій. Къ сожалѣнію, мысль эта недостаточна развита докладчикомъ. При раскрытіи ея можно указать слѣдующія ступени: 1) основные логическіе процессы даются самой природой внѣшнихъ воспріятій, именно: процессами различенія и связыванія, которые въ нихъ неизбѣжно присутствуютъ; 2) выражаясь словами, эти основные процессы получаютъ отвлеченную общую формулировку; 3) появленіе и развитіе наукъ о природѣ и духѣ въ значительной степени усовершенствуетъ общее логическое мышленіе и, наконецъ, 4) законченность логическому мышленію даетъ точная философско-логическая формулировка законовъ и правилъ мышленія особой наукой—логикой.

Акад. В. М. Бехтеревъ. Различныя рѣшенія вопроса о существованіи внѣшняго міра очень субъективны; особенно интереснымъ въ докладѣ я нахожу то, что мышленіе выводится изъ воспріятія. Положеніе это не очень подробно развито, но и тѣ данныя, которыя докладчикъ привелъ въ его пользу, очень солидны. Я самъ раздѣляю это мнѣніе. Логическое мышленіе можно вы-

вести не только изъ зрительнаго воспріятія, но и изъ осязательнаго и вообще изъ всякаго воспріятія. Далѣе, элементарныя формы мышленія возможны и безъ языка, напр., у животныхъ. Понятіе эволюціи и въ логикѣ можетъ быть столь же плодотворнымъ, какъ и въ другихъ областяхъ знанія. Міръ ребенка съ его развивающимся мышленіемъ можетъ служить доказательствомъ этого. Въ заключеніе я долженъ отмѣтить важность затронутыхъ въ докладѣ вопросовъ и выразить докладчику благодарность за его интересное сообщеніе.

Докладъ **Акад. В. М. Бехтерева.** *О личномъ и безличномъ (или общемъ) сознаніи* [1]).

К. Ѳ. Жаковъ. Существуетъ цѣлый рядъ явленій, указывающихъ на то, что психическіе процессы совершаются и за порогомъ нашего сознанія. Отсюда возможность раздвоенія личности при условіи перехода безсознательныхъ переживаній въ сферу сознанія, особенно, если эти переживанія соединены тѣснѣе между собою, чѣмъ съ явленіями сознательной жизни. Гипотеза двойного сознанія не противорѣчитъ принципу психо-физическаго параллелизма.

Докладчикъ. Я не исключаю безсознательной сферы. Она существуетъ. Но тѣ явленія, которыя мы наблюдаемъ въ гипнозѣ и т. д., не доказываютъ существованія въ насъ двухъ личностей. Здѣсь нужно принять другое объясненіе, состоящее въ томъ, что каждый данный процессъ можетъ протекать съ участіемъ или безъ участія вниманія. Подъ личнымъ сознаніемъ я объединяю все то, что подчинено нашему «я», какъ въ сознаніи, такъ и въ подсознательной сферѣ. Далѣе, я не отрицаю возможности раздѣленія личности, а указываю лишь на то, что въ противоположность утвержденію Сидиса и др. въ нормальномъ сознаніи не наблюдается такихъ фактовъ, которые говорили бы въ пользу подобнаго раздѣленія.

П. Ѳ. Каптеревъ вполнѣ присоединяется къ мнѣнію докладчика относительно того, что мы не имѣемъ достаточно данныхъ для признанія одновременнаго существованія нѣсколькихъ личностей въ одномъ и томъ же сознаніи. Однако, онъ сомнѣвается въ томъ, чтобы активность или пассивность могла служить достаточнымъ признакомъ для дѣленія сознанія на личное и безличное. Всѣ психическія переживанія суть процессы, всѣ они въ большей или меньшей степени активны, такъ что тутъ разница только въ степени; между тѣмъ личное и безличное—понятія, по существу противоположныя.

Докладчикъ. Въ болѣе рѣзкихъ проявленіяхъ душевной жизни мы все же отличаемъ значительную активность отъ менѣе значительной активности. Конечно, здѣсь существуетъ цѣлый рядъ постепенныхъ переходовъ. Однако, психологи съ полнымъ правомъ противополагаютъ волю, активное вниманіе пассивнымъ состояніямъ сознанія, совершенно лишеннымъ волевой окраски.

Д-ръ А. А. Крогіусъ. Критика теорій Janet, Dessoir'а и др. важна потому, что эти теоріи совершенно непсихологичны. Въ какомъ отношеніи стоятъ ваши взгляды къ теоріи Вундта, разсматривающей гипнозъ, какъ суженіе сознанія?

Докладчикъ. Вопросъ о сущности гипнотическаго состоянія представляется весьма спорнымъ. Литературныя данныя на этотъ счетъ весьма противорѣчивы. По моему, гипнозъ есть подавленіе личности, такъ что въ болѣе рѣзкихъ степеняхъ гипноза остается одно только безличное «я». Загипнотизированный субъектъ можетъ разсуждать совершенно такъ же, какъ и нормаль-

[1]) Докладъ напечатанъ въ № 8 «Вѣстника Психологіи».

ный, но эти разсужденія уже не стоятъ въ тѣсной связи съ его «я», и потому послѣ возстановленія нормальнаго «я» бывшее въ гипнозѣ не припоминается.

Кромѣ упомянутыхъ лицъ, въ преніяхъ принимали участіе д-ра П. Е. Снѣсаревъ и А. Ѳ. Лазурскій. *А. Лазурскій.*

С.-Петербургское Философское Общество. Засѣданіе 28 Сентября 1904 г.

Докладъ В. Н. Сперанскаго.

Психологія религіозныхъ чувствъ у Ренана въ связи съ его философіей.

1) Историческое мѣсто Ренана среди типичныхъ представителей крайняго индивидуализма XIX вѣка опредѣляется своеобразнымъ руководящимъ началомъ его философіи, почти безукоризненно проведеннымъ на всемъ пространствѣ его литературной дѣятельности—замѣною мѣрила нравственнаго мѣриломъ эстетическимъ. Внѣшняя форма, составляющая, по справедливой самооцѣнкѣ самого Ренана, $^3/_4$ его мысли, доведена до несравнимаго совершенства. 2) Предположеніе Ренана о тѣсной близости врожденнаго религіознаго инстинкта съ половымъ и вытекающей отсюда почти полной равноцѣнности любви духовной съ любовью плотской является лишь безсознательной профанаціей ученія Платона о четырехъ ступеняхъ обнаруженія Эроса, а не геніальнымъ новшествомъ, какъ думаютъ нѣкоторые его поклонники. 3) Ренанъ не даетъ никакого философско-историческаго построенія, если не считать его наивной эсхатологіи. Онъ не задается вопросомъ о внутреннихъ объективныхъ основаніяхъ отдѣльныхъ философскихъ направленій; о разумной необходимости различныхъ діалектическихъ моментовъ. Онъ не вѣруетъ въ Истину, открывающуюся собирательному сознанію человѣчества. 4) Если «иронія» Сократа является благимъ общественнымъ служеніемъ, вдохновляемымъ вѣрою во вселенское Провидѣніе, то иронія Ренана, въ которой онъ совершенно справедливо усматриваетъ весьма характерный признакъ своего жизнепониманія, питаетъ лишь безпечный эстетическій нигилизмъ. 5) Туманная сентиментальная идея Ренана о Божествѣ, рождаемомъ изъ скорбныхъ упованій страдающаго простолюдья и проповѣдуемомъ своекорыстными аристократами духа, едва-ли имѣетъ что-либо общее съ истинно-философской идеей всечеловѣческаго Великаго Существа, завершающаго теогоническій процессъ исторіи. 6) Примѣненіе Ренаномъ собственнаго экспериментальнаго метода къ изученію религій не даетъ надежнаго эмпирико-психологическаго матеріала. Всѣ великіе образы міровой религіозной исторіи искажаются порою до неузнаваемости на прокрустовомъ ложѣ его субъективнаго импрессіонизма. 7) Въ истолкованіи роли первобытной религіи, какъ временной замѣны науки для объясненія причинной связи внѣшнихъ явленій, Ренанъ повторяетъ ошибку большинства позитивистовъ. 8) Психологія ветхозавѣтныхъ пророковъ у Ренана является чрезвычайно характерной для оцѣнки его религіозно-историческаго чутья—онъ проглядѣлъ ихъ важнѣйшія заслуги. какъ выразителей богосознанія Израиля и грядущаго христіанства, и въ ихъ Откровеніи вмѣсто реальнаго психологическаго факта усмотрѣлъ лишь преднамѣренную аффектацію обыкновенныхъ демагоговъ или патологическія грёзы. 9) Нѣтъ никакихъ основаній считать Ренана защитникомъ религіозной свободы.

Н. Г. Дебольскій указалъ на то, что докладчикъ неправильно считаетъ Ренана противникомъ религіозной свободы. Ренанъ, правда, считалъ религію

необходимою для толпы, но, на ряду съ этимъ, допускалъ свободу изслѣдованія религіозныхъ вопросовъ. Ренанъ отличался вообще широкою терпимостью ко всякаго рода взглядамъ. Такъ, привѣтствуя вступленіе Пастера, человѣка религіознаго, въ члены Французской Академіи, онъ сказалъ, что ему особенно пріятно общеніе съ великимъ біологомъ—онъ будетъ дѣлиться съ Пастеромъ своими сомнѣніями, послѣдній-же будетъ внушать ему положительныя религіозныя убѣжденія. Переходя затѣмъ ко взгляду докладчика, что Ренанъ профанировалъ религіозное чувство, сближая его съ половымъ, Н. Г. Дебольскій, не защищая тожества этихъ чувствованій, указалъ на родственные элементы обоихъ.

Докладчикъ. Ренанъ отстаивалъ необходимость участвовать въ религіозномъ обманѣ массъ. Принципъ насильственнаго обмана плохо мирится съ принципомъ свободы. Что-же касается до сближенія религіознаго чувства съ половымъ, то Ренанъ шелъ въ этомъ отношеніи гораздо дальше. Ренанъ указывалъ на общность источника обоихъ этихъ чувствованій, на равноцѣнность любви христіанской и плотской. Парижскіе поклонники Ренана видѣли въ этомъ сближеніи геніальное новшество.

Ѳ. Ф. Зѣлинскій. Докладчикъ напрасно относится бесусловно отрицательно къ тому взгляду, что первобытная религія являлась временною замѣною науки для объясненія причинной связи внѣшнихъ явленій. Если взять религію грековъ, на которой останавливался докладчикъ, то встрѣчаются, правда, взгляды на нее, какъ на самодовлѣющую цѣнность, такъ Эпикуръ говорилъ, что боги греческіе настолько прекрасны, что красота ихъ сама по себѣ требуетъ поклоненія, но это справедливо только по отношенію къ болѣе позднимъ стадіямъ религіи. На первобытныхъ-же стадіяхъ религія играла и у грековъ, по преимуществу, роль космологіи. Затѣмъ Ѳ. Ф. Зѣлинскій отмѣтилъ, что наибольшій интересъ представляютъ историческіе труды Ренана. Въ этомъ отношеніи религіозный индифферентизмъ Ренана оказался даже полезнымъ, такъ какъ помогъ ему болѣе объективно разсмотрѣть эволюцію представленій Божества.

Докладчикъ возразилъ, что происхожденіе религій первобытныхъ народовъ не входило въ его задачу. Можно, однако, указать, что и очень древнія религіи, напр., буддизмъ, возникли не изъ стремленія дать объясненіе явленіямъ природы. Ренанъ совершенно упустилъ изъ виду крайнюю историческую отдаленность инстинкта благоговѣнія. В. С. Соловьевъ прекрасно выяснилъ этотъ вопросъ и докладчикъ всецѣло примыкаетъ къ его взгляду.

Д. К. Петровъ. Докладчикъ напрасно не разобралъ теоріи познанія у Ренана. Онъ упустилъ изъ виду, что Ренанъ—искатель прежде всего, искатель истины, искатель Божества. Культура, по Ренану, осуществляетъ процессъ Богопознанія, она открываетъ Бога.

Докладчикъ. У Ренана не было серьезно продуманной теоріи познанія. Онъ откровенно высказывалъ взглядъ, что для безопасности философской позиціи нужно отдаваться то одному, то другому настроенію. Если это и былъ искатель, то искатель не истины, а наслажденій.

С. Ф. Годлевскій. Ренанъ въ юности пережилъ серьезный кризисъ, онъ порвалъ прежнія связи, отказался отъ обезпеченнаго положенія во имя исканія истины. Онъ стремился полюбить истину, но не могъ найти ее. Замѣну мѣрила нравственнаго мѣриломъ эстетическимъ нужно объяснять тѣмъ, что истинно прекрасное онъ считалъ, какъ и Рескинъ, также и безусловно нравственнымъ. Ренанъ полагалъ, что Высшая идея, къ которой стремится чело-

вѣчество, заключается въ синтезѣ Добра и Красоты. Эта идея открывается собирательному сознанію человѣчества, въ его поступательномъ развитіи.

Докладчикъ. Переживши въ юности кризисъ, Ренанъ въ зрѣломъ возрастѣ сталъ относиться ко всякимъ философскимъ теченіямъ совершенно равнодушно, для успокоенія духа однимъ полезно, по его мнѣнію, принимать гашишъ или алкоголь, другимъ заниматься философіею. Съ лѣнивымъ, вялымъ скептицизмомъ относился онъ ко всякимъ положительнымъ философскимъ ученіямъ.

Въ заключеніе **А. И. Введенскій** резюмировалъ результатъ преній такимъ образомъ. Докладчикъ слишкомъ мало остановился на значеніи Ренана, какъ историка и какъ безкорыстнаго искателя истины.

Далѣе, докладчикъ слишкомъ склоненъ подчеркивать противоположность религіознаго и полового экстаза, по существу это два различныхъ психическихъ состоянія, но между ними существуютъ промежуточныя звенья.

Несогласіе докладчика съ оппонентами относительно того, былъ-ли Ренанъ сторонникомъ или противникомъ религіозной свободы, объясняется различнымъ понятіемъ слова свобода. Свобода есть независимость, поэтому при употребленіи этого понятія слѣдуетъ прибавлять, отъ чего считаютъ то или иное явленіе независящимъ. Если-бы докладчикъ и его оппоненты сдѣлали такое дополненіе, то разногласія, можетъ быть, и не получилось-бы.

Наконецъ, А. И. Введенскій отмѣтилъ у докладчика отсутствіе имманентной точки зрѣнія. Критикуя какую нибудь философскую систему, нужно стать на точку зрѣнія автора ея, а не подходить къ ней съ чуждыми ей философскими принципами. Въ заключеніе А. И. Введенскій поблагодарилъ референта за содержательное и интересное сообщеніе.

А. Крогіусъ.

Книги и брошюры, полученныя редакціею.

Боровко. Психологія мышленья. Варшава. 1904. стр. 64. Ц. 60 к.

П. П. Викторовъ. Ученіе о личности и настроеніяхъ. Вып. 2-ой. Изд. магазина. «Книжное Дѣло». 1904. стр. 187. Ц 1 р. 20 к.

I. В. Вяземскій. Къ вопросу о травматическомъ неврозѣ. 6 стр.

I. В. Вяземскій. По поводу лечебныхъ гипнотическихъ внушеній. 9 стр.

I. В. Вяземскій. Примѣненіе лечебныхъ внушеній въ состояніи естественнаго сна. 16 стр.

I. В. Вяземскій. Случай осложненнаго перелома теменной кости съ вдавленіемъ отломка и поврежденіемъ мозга. 7 стр.

I. Wjasemsky La Suggestion pendant le Sommeil naturel. 10 стр. 1903.

А. И. Елистратовъ и А. В. Завадскій, прив-доц. Казанск. Университ. Къ вопросу о достовѣрности свидѣтельскихъ показаній. Стр. 53. Казань 1903 г.

Записки, Императорскаго Харьковскаго Университета. 1904 г. Кн. 1-ая.

А. А. Ивановскій. Объ антропологическомъ составѣ населенія Россіи. Стр. 287. Москва, 1904. Извѣстія Императорскаго Общества Любителей Естествознанія, Антропологіи и Этнографіи, состоящаго при Императорскомъ Московскомъ Университетѣ. т. CV.

Кожановъ, Н. Психика жизни. Логическое изслѣдованіе. I. и II. (Стр. 32+56) СПБ., 1903.

Памяти Ардаліона Ардаліоновича *Токарскаго.* 89 стр. Саратовъ 1903.

Труды Саратовскаго Общества Естествоиспытателей и любителей Естествознанія т. III. Вып. 1. (140 стр.).

Хомяковъ. Къ вопросу о психологіи свидѣтеля. Стр. 18. Казань. 1903.

РУССКІЙ ВРАЧЪ,

органъ, основанный въ память В. А. МАНАССЕИНА,

подъ редакціею

проф. **В. В. Подвысоцкаго** и д-ра **С. В. Владиславлева.**

ПРОГРАММА:

1) Статьи оригинальныя и переводныя по всѣмъ отраслямъ теоретической и клинической медицины, а также общественной и частной гигіены, съ рисунками и таблицами.

2) Статьи по вопросамъ врачебнаго быта.

3) Рефераты о заграничныхъ и русскихъ работахъ по всѣмъ отраслямъ медицины.

4) Отчеты о засѣданіяхъ ученыхъ обществъ, о докторскихъ диспутахъ и вообще о всѣхъ событіяхъ, касающихся врачей.

5) Письма изъ главнѣйшихъ западно-европейскихъ культурныхъ центровъ о состояніи медицинскихъ и врачебныхъ вопросовъ въ иностранныхъ государствахъ.

6) Рецензіи и библіографія русскихъ и иностранныхъ книгъ по медицинѣ и гигіенѣ.

7) Корреспонденціи, письма въ редакцію, касающіяся вопросовъ врачебнаго быта.

8) Мелкія извѣстія, новости, слухи и т. д., касающіеся врачебныхъ вопросовъ.

9) Жизнеописанія и некрологи съ портретами выдающихся лицъ на поприщѣ медицины.

10) Списокъ защищенныхъ диссертацій въ русскихъ медицинскихъ факультетахъ.

11) Служебныя назначенія и перемѣщенія врачей по военному и по гражданскому вѣдомствамъ.

12) **Приложеніе:** Краткое содержаніе текущей литературы за истекшіе недѣли и мѣсяцы.

Срокъ выхода журнала въ свѣтъ еженедѣльный.

Подписная цѣна, съ доставкою и пересылкою, на годъ 9 рублей.

Рукописи статей и писемъ въ редакцію, а также отдѣльные оттиски и книги, предназначаемыя для «Русскаго Врача», просятъ присылать одному изъ редакторовъ его проф. **В. В. Подвысоцкому** (Одесса, Университетъ) или д-ру **С. В. Владиславлеву** (С.-Петербургъ, Ивановская, № 4).

Подписка принимается въ книжномъ магазинѣ **О. А. Риккеръ** въ С.-Петербургѣ (Невскій, 14), а также во всѣхъ книжныхъ магазинахъ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на **1904** годъ на журналы

„ЦЕРКОВНЫЙ ВѢСТНИКЪ“

(еженедѣльно)

и „ХРИСТІАНСКОЕ ЧТЕНІЕ“,

(ежемѣсячно)

СЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ

Полнаго собранія твореній св. Іоанна Златоуста,

издаваемыя при С.-Петербургской Духовной Академіи.

Въ 1904 году будетъ изданъ десятый томъ въ двухъ книгахъ. Въ него войдутъ Бесѣды св. Іоанна Златоуста на 1 и 2 посланіе св. Апостола Павла къ Коринѳянамъ и толкованіе на посланіе къ Галатамъ.

Условія подписки на 1904 годъ. а) за оба журнала 8 (восемь) руб., съ приложеніемъ 10-го тома Твореній св. Іоанна Златоуста 9 (девять) рублей, въ изящномъ переплетѣ—9 руб. 50 коп.

б) отдѣльно за «Церковный Вѣстникъ» 5 (пять) руб., съ приложеніемъ 10-го тома Твореній св. Іоанна Златоуста — 6 руб. 50 коп., въ изящномъ переплетѣ—7 руб. (на полугодіе 3 руб., съ приложеніемъ 10-го тома Твореній св. Іоанна Златоуста—5 руб., въ переплетѣ—5 руб. 50 коп.); за «Христіанское Чтеніе» 5 (пять) руб., съ приложеніемъ 10-го тома Твореній св. Іоанна Златоуста 6 руб. 50 коп., въ изящномъ переплетѣ—7 руб.

Иногородные подписчики надписываютъ свои требованія такъ: въ контору «Церковнаго Вѣстника» и «Христіанскаго Чтенія», въ С.-Петербургѣ.

Редакторъ «Церковнаго Вѣстника» проф. свящ. **А. Рождественскій.**

Редакторъ «Христіанскаго Чтенія» проф. **П. Смирновъ.**

Годъ седьмой **1904 г.**

О ПОДПИСКѢ НА ЖУРНАЛЪ

„ТРУДОВАЯ ПОМОЩЬ“

ИЗДАВАЕМЫЙ СОСТОЯЩИМЪ ПОДЪ АВГУСТѢЙШИМЪ ПОКРОВИТЕЛЬСТВОМЪ

ЕЯ ВЕЛИЧЕСТВА ГОСУДАРЫНИ ИМПЕРАТРИЦЫ

АЛЕКСАНДРЫ ѲЕОДОРОВНЫ

Попечительствомъ о Домахъ Трудолюбія и Работныхъ Домахъ.

Журналъ имѣетъ своею задачею теоретическую и особенно практическую разработку вопросовъ трудовой помощи бѣднымъ въ различныхъ формахъ ея, а также и другихъ вопросовъ общественнаго призрѣнія и благотворительности въ широкомъ смыслѣ.

Журналъ выходитъ, безъ предварительной цензуры, *ежемѣсячно*, за исключеніемъ Іюля и Августа, книгами около 9 листовъ.

Подписная плата—*три рубля въ годъ* съ доставкою и пересылкою; за-границу—*пять рублей.*

Отдѣльныя книги журнала продаются по 50 к. Цѣна книгъ съ приложеніями будетъ назначаться особо, въ зависимости отъ размѣра приложеній.

Для лицъ, состоящихъ на службѣ въ государственныхъ и общественныхъ учрежденіяхъ, при подпискѣ на журналъ чрезъ казначеевъ, а для прочихъ подписчиковъ при подпискѣ чрезъ Контору журнала допускается *разсрочка* на слѣдующихъ условіяхъ: при подпискѣ уплачивается 1 р. 50 к., остальная же сумма вносится ежемѣсячными платежами по 50 коп. каждый разъ.

Адресъ редакціи—С.-Петербургъ, Николаевская, 38.

Редакторъ **В. Дерюжинскій.**

О личномъ и общемъ сознаніи.

Академика В. М. Бехтерева.

(Продолженіе).

Въ пользу существованія въ человѣкѣ «двухъ я» приводятся также случаи автоматическаго письма, въ которомъ будто-бы «подбодрственное «я» обнаруживаетъ себя, не нарушая въ то же время первичнаго сознанія». Въ этомъ случаѣ по выраженію Б. Сидиса *) «два потока сознанія текутъ параллельно другъ къ другу, два «я» сосуществуютъ. Первичная личность входитъ въ прямое сообщеніе съ поднявшимся нисшимъ, подбодрственнымъ «я» **). Явленія, о которыхъ я здѣсь говорю, пишетъ Б. Сидисъ, факты автоматическаго письма.

Обыкновенно, когда автоматически пишущій начинаетъ свою дѣятельность на планшеткѣ, его карандашъ изображаетъ только каракули; но при дальнѣйшей практикѣ начинаютъ появляться буквы, цифры, слова, фразы и даже цѣлыя разсужденія. Нужно нѣкоторое время для того, чтобы подбодрственное «я» отдѣлилось отъ бодрственной личности. Мало по малу подбодрственное «я» выходитъ изъ транса, начинаетъ обнаруживать скрытыя воспоминанія, сначала бормочетъ, пытается думать связно, собираетъ мысли, пріобрѣтаетъ нѣкоторую степень самосознанія, даетъ себѣ имя, становится временами краснорѣчивымъ и изливается въ разсужденіяхъ о метафизикѣ и религіи.

Чтобы сдѣлать первые шаги въ автоматическомъ письмѣ требуются тѣ же условія, какъ и для нормальной внушаемости. Субъектъ, начинающій свой первый урокъ автоматическаго заимствованія, долженъ сильно *сосредоточить* свое вниманіе на какой нибудь буквѣ, цифрѣ или словѣ, ему необходимо *отвлечь* свое вниманіе отъ того, что происходитъ подъ его рукой; ему слѣдуетъ находиться въ *однообразной* обстановкѣ, его не должно смущать разнообразіе впечатлѣній; ему нужно держаться спокойно, *ограничивая свои произвольныя движенія*; его поле сознанія *должно быть съужено*: другимъ идеямъ кромѣ требующихся не слѣдуетъ присутствовать въ умѣ; если же онѣ являются въ умѣ, ихъ нужно *подавлять*. Эти условія, какъ мы знаемъ, благопріятствуютъ диссоціаціи, дизагрегаціи сознанія. Въ явленіяхъ автоматическаго письма мы имѣемъ дизагре-

*) См. выпускъ 8.
**) Б. Сидисъ, loco cit. стр. 141.

гацію сознанія, вторичное, подбодрственное »я» отдѣляется отъ первичнаго бодрственнаго самосознанія. Оба «я» сосуществуютъ; одно не препятствуетъ свободѣ другого. Когда раздѣленіе произошло, дальнѣйшее соблюденіе условій, разумѣется становится лишнимъ—явленія автоматическаго письма обнаруживаются свободно, подбодрственное «я», когда оно въ духѣ, бойко обсуждаетъ всякіе предметы, пока ведетъ свою независимую жизнь».

Такимъ образомъ въ автоматическомъ письмѣ, по Б. Сидису, *), мы имѣемъ примѣръ раздѣленія сознанія на два «я». «Мало по малу подбодрственное «я» выходитъ изъ транса, начинаетъ обнаруживать скрытыя воспоминанія, сначала бормочетъ, пытается думать связно, собираетъ мысли, пріобрѣтаетъ нѣкоторую степень самосознанія, даетъ себѣ имя, становится временами краснорѣчивымъ и изливается въ разсужденіяхъ о метафизикѣ и религіи».

Ясно, что такъ назыв. автоматическое письмо въ глазахъ P. Janet, Джемса, Сидиса и др. психологовъ этого направленія признается за одно изъ вѣрныхъ доказательствъ второго «я», лежащаго обычно какъ бы подъ спудомъ и выступающаго наружу при автоматическомъ письмѣ.

Чтобы ближе уяснить себѣ, о какихъ явленіяхъ здѣсь идетъ дѣло, нужно привести и самые случаи автоматическаго письма.

Какъ одинъ изъ интересныхъ случаевъ автоматическаго письма, Джемсъ приводитъ въ своей психологіи слѣдующій случай, на который ссылается также и Б. Сидисъ, признавая его интереснымъ и поучительнымъ случаемъ этого рода.

Вотъ какъ Sidney Dean самъ говоритъ о своемъ автоматическомъ письмѣ: «Писаніе производится моей рукой, но диктуютъ *не мои умъ и воля*, но кто-то другой, и о предметахъ, о которыхъ я ничего не знаю, я же, когда рука пишетъ, сознательно критикую мысль, фактъ, способъ выраженія и пр. даже слова, готовыя быть написанными, и предложенія начинаются, а я не знаю, о чемъ они будутъ и какъ кончатся.

Теперь и въ извѣстные сроки, независимо отъ моей воли, пишется рядъ изъ двадцати четырехъ главъ о научныхъ сторонахъ жизни, морали, духовнаго, вѣчнаго. Уже семь написаны подобнымъ манеромъ. А предъ ними написаны двадцать четыре главы, повѣствующія вообще о жизни за смертью тѣла, о ея характерныхъ чертахъ и проч. Каждая глава подписана именемъ какого нибудь лица, которое жило на землѣ, съ нѣкоторыми изъ которыхъ я былъ лично знакомъ; другія же извѣстны изъ исторіи. Я ничего не знаю объ авторѣ какой-либо главы, пока она не закончена и не подписано имя. Я интересуюсь не только извѣстными авторами, но философіей, мыслями, которыхъ я не знаю, пока не явились эти главы. Это пишетъ интеллегентное я, или вдохновеніе принимаетъ индивидуальность, что практически дѣлаетъ вдохновеніе личностью, на каждомъ шагу процесса я сознаю, что это не я».

---

*) Б. Сидисъ, loco cit, стр. 141 и 142.

Не подлежитъ, конечно, никакому сомнѣнію, что въ подобныхъ случаяхъ автоматическаго письма дѣло идетъ о дѣйствительномъ раздѣленіи личности, достигаемомъ первоначально искусственно, раздѣленіи, которое, какъ мы видѣли, встрѣчается нерѣдко и въ патологическихъ случаяхъ. Но сущность этого раздѣленія состоитъ не въ томъ, что вторичное подбодрственное «я», существовавшее и раньше, отдѣляется ота первичнаго бодрственнаго самосознанія. Какъ полагаютъ защитники существованія въ насъ двухъ «я», дѣло идетъ здѣсь о такихъ состояніяхъ, когда психическіе процессы, не связанные съ бодрствующимъ «я», развиваются при соотвѣтствующихъ условіяхъ до степени самостоятельной работы мысли болѣе или менѣе автоматическаго характера.

До чего рѣчь идетъ о чемъ то дѣйствительно отдѣльномъ отъ нашего бодрствующаго сознанія въ этихъ случаяхъ такъ назыв. «вторичнаго я», доказываютъ между прочимъ слѣдующія слова Б. Сидиса: когда происходитъ раздѣленіе двухъ «я» и подбодрственное «я» начинаетъ проявлять себя и овладѣваетъ какимъ нибудь органомъ, который до того былъ подъ контролемъ бодрствующей личности, этотъ органъ становится анэстетическимъ. Высшее бодрственное я не получаетъ болѣе периферическихъ впечатлѣній отъ этого органа.

Теперь подбодрственное «я» владѣетъ этими впечатлѣніями и сознаетъ ихъ. Вторичное я можетъ расширить свои сношенія съ внѣшнимъ міромъ; оно можетъ продолжать обогащаться добычей, отнятой у бодрственнаго «я». Получаются амаурозъ, истерическая анэстезія и аналгезія. Анэстезію находятъ не только въ истеріи, но и въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ раздѣленіе преходяще, и подборственное «я» только на моментъ овладѣваетъ органомъ. Такая анэстезія конечно мимолетная и продолжается только пока органъ находится во власти вторичнаго «я». Въ другомъ мѣстѣ тотъ же авторъ говоритъ: «Когда раздѣленіе произошло, мы можемъ считать за правило, что *ростъ, развитіе индивидуализированнаго подбодрственнаго я находится въ обратномъ отношеніи къ росту, развитію сознанія бодрственнаго»* *).

«Грезящее подличное подбодрственное «я», говоритъ Б. Сидисъ, хамелеонъ по своей природѣ, оно обладаетъ почти абсолютной пластичностью; оно можетъ превращаться во всевозможныя существа, можетъ безразлично принимать моментально всѣ роды характеровъ и личностей, такъ какъ оно не имѣетъ своей личности. Принявъ какую нибудь личность, подбодрственное я копируетъ ее въ совершенствѣ. Быстрое, какъ молнія, подобное злому духу, подбодрственное «я» овладѣваетъ всѣми идеями и сочетаніями ассаціацій, относящихся къ принятой личности, воплощается въ нихъ и является новое лицо» **).

По ученію психологовъ, держащихся взгляда о существованіи въ каждомъ лицѣ вторичнаго «я», приходится между прочимъ признать его большую чувстви-

*) Б. Сидисъ. loco cit стр. 145 и 147.
**) Б. Сидисъ. Психологія внушенія стр. 267—268.

тельность сравнительно съ бодрственнымъ, а также что подбодрственное гипнотическое я присутствуетъ въ нормальномъ состоянiи и можетъ слышать и угадывать то, о чемъ бодрственное я и не подозрѣваетъ».

Реальное существованiе въ бодрственномъ состоянiи вторичнаго «я» доказываютъ будто бы галлюцинацiи, появляющiяся у нѣкоторыхъ лицъ при смотрѣнiи въ хрусталь и слушанiи раковины. «Всѣ эти явленiя смотрѣнiя въ хрусталь и слушанiя раковины, по словамъ Б. Сидиса, ясно обнаруживаютъ присутствiе вторичнаго, скрытаго, гипреэстетическаго сознанiя, которое видитъ, слышитъ и воспринимаетъ недоступное воспрiятiю первичнаго, личнаго я» *).

Что касается до сообщенiя обоихъ «я» между собою, то по этому поводу Б. Сидисъ высказывается очень выразительно: «Оба я въ нормальномъ человѣкѣ такъ координируются, что сливаются въ одно; хотя для всѣхъ практическихъ цѣлей сознательный индивидуумъ представляетъ единство, все таки самъ по себѣ онъ—двойственность. Самосознательная личность, хотя явно соединяется съ подбодрственнымъ я, не принадлежитъ однако же послѣднему. Жизнь бодрствующаго самосознанiя протекаетъ среди болѣе обширныхъ процессовъ подбодрственнаго я, какъ теплое экваторiальное теченiе въ холодномъ лонѣ океана. Быстро бѣгущiй потокъ и глубокiй океанъ повидимому составляютъ одно, но на дѣлѣ ихъ два. Одинъ служитъ поприщемъ для другого. Они не смѣшиваютъ своихъ водъ и однако же, будучи столь раздѣльными, тѣмъ не менѣе сообщаются между собою. Теплота Гольфстрема передается океану, а волненiе послѣдняго влiяетъ на Гольфстремъ. Такъ и съ обоими «я». Повидимому, въ дѣйствительности ихъ два—теплый потокъ бодрственнаго самосознанiя не смѣшивается съ подбодрственнымъ «я». Но, хотя протекаютъ отдѣльно, они все таки сообщаются между собою» **).

Трудно ярче представить обособленность двухъ «я», предполагаемыхъ въ каждомъ нормальномъ человѣкѣ, имѣющихъ очевидно не много общаго между собою и находящихся лишь въ какой то непонятной унiи другъ съ другомъ: таково впечатлѣнiе отъ всѣхъ этихъ разсужденiй по поводу существованiя въ человѣкѣ кромѣ обычнаго бодрственнаго сознанiя еще особаго вторичнаго подбодрственнаго «я».

Въ заключенiе замѣтимъ, что по P. Janet ***) и другимъ представителямъ того же направленiя, различныя истерическiя стигматы, какъ анэстезiя, абулiя амнезiя представляетъ собою ничто иное, какъ выпаденiе функцiй нормальной личности, мѣсто которой замѣчается по отношенiю къ этимъ функцiямъ вторымъ «я».

Выше мы уже высказывались въ пользу того, что нѣтъ достаточныхъ осно-

*) Б. Сидисъ. loco cit. стр. 157.

**) Сидисъ, loco cit, стр. 162.

***) P. Janet Etat mental des dystériques.

ваній признавать реальное существованіе въ насъ особаго вторичнаго или подбодрственнаго я. По нашему мнѣнію, не можетъ быть и рѣчи о двухъ я, сосуществующихъ въ насъ и трудно было бы даже понять ихъ генеалогію, если мы сами представляемъ собою существо, пользующееся вездѣ и всюду одними и тѣми же органами.

Тѣмъ не менѣе вышеприведенные факты не оставляютъ сомнѣнія въ томъ, что наше я ничуть не объединяетъ собою всѣ явленія нашего сознанія, что помимо тѣхъ явленій, которыя подчинены нашему я, имѣется въ нашемъ сознаніи и такой рядъ явленій, который, не находясь въ тѣсномъ соотношеніи съ нашимъ «я», образуетъ какъ бы особую группу психическихъ явленій, которая, если и не сливается съ нашимъ я, то все же ничуть не образуетъ ему какого либо противовѣса въ видѣ второго «я», и напротивъ того, являясь дополнительнымъ звеномъ нашей психической дѣятельности, эта группа психическихъ явленій служитъ для нашего «я» своего рода сокровищницей, дары которой, хотя и не даются ему прямо въ руки, но тѣмъ не менѣе обезпечиваютъ его безбѣдное существованіе.

Если наше «я» вмѣстѣ со всѣми подчиненными ему явленіями психической жизни мы назовемъ личнымъ или активнымъ сознаніемъ, то другую группу явленій нашей психической среды, не стоящей въ тѣсномъ соотношеніи съ «я», мы можемъ назвать общимъ или пассивнымъ сознаніемъ, не образующимъ въ насъ какой либо особой личности и даже неспособнымъ организоваться въ личность, но какъ показываетъ опытъ, обнаруживающимъ особую склонность къ воспріятію всякаго рода внушеній.

Мы не можемъ здѣсь входить въ разсмотрѣніе вопроса о томъ, какъ возникаетъ наше я и какъ вообще формируется личность въ человѣкѣ. Объ этомъ мы поговоримъ гдѣ либо въ другомъ мѣстѣ. Но для нашей цѣли достаточно здѣсь замѣтить, что съ нашимъ я неотъемлемымъ образомъ связываются всѣ вообще волевые процессы и также тѣсно связанное съ ними активное вниманіе. Какъ волевые процессы, такъ и активное вниманіе являются своего рода орудіями нашего я. Благодаря волѣ, послѣднее воздѣйствуютъ опредѣленнымъ образомъ на окружающій насъ міръ, активное же вниманіе извлекаетъ изъ внѣшняго воспріятія опредѣленныя впечатлѣнія, которыя, благодаря принадлежности активнаго вниманія нашему я, вступаютъ въ тѣсное соотношеніе съ послѣднимъ, становясь прочнымъ его достояніемъ.

Что же дѣлается съ тѣми впечатлѣніями, которыя воспринимаются нами безъ активнаго вниманія, въ состояніи какъ бы разсѣянности. Опытъ показываетъ, что они все же воспринимаются нами, отпечатки ихъ при извѣстныхъ случаяхъ даже могутъ воспроизводиться, но они не вступаютъ подобно первымъ въ тѣсное соотношеніе съ нашимъ я, и незамѣчаемыя или мало замѣчаемыя послѣднимъ, входятъ въ общее поле сознанія или въ общее сознаніе, гдѣ и хранятся памятью, подобно всѣмъ вообще переживаемымъ впечатлѣніямъ.

Съ этимъ общимъ сознаніемъ наше я, хотя и имѣетъ извѣстное общеніе, но уже далеко не столь прямое, какъ со всѣми тѣми образами, которые восприняты съ вниманіемъ, слѣд. при активномъ участіи нашего я, и которые не утрачиваютъ своей связи съ я, даже и въ скрытомъ состояніи сохраняясь въ формѣ воспоминательныхъ образовъ. Поэтому они могутъ быть воспроизведены по произволу въ любую минуту и находятся въ полной готовности быть къ услугамъ нашего я, состоятъ какъ бы въ его постоянномъ распоряженіи. Что касается впечатлѣній, воспринятыхъ нами безъ вниманія resp. въ состояніи разсѣянности, то, не находясь, подобно предъидущимъ, въ *непосредственномъ* распоряженіи нашего я и не будучи воспроизводимы по нашему произволу, они тѣмъ не менѣе составляютъ наше внутреннее богатство и могутъ при тѣхъ или другихъ случаяхъ сами входить въ связь съ нашимъ «я», являясь послѣ того уже прочнымъ достояніемъ послѣдняго.

Мы можемъ пояснить нашу мысль слѣдующимъ примѣромъ. Положимъ, мы были въ какой либо мѣстности, мы отлично ознакомились съ ней и она такъ врѣзалаеь въ нашу память, что мы можемъ свободно сравнивать съ этой видѣнной нами мѣстностью всякую другую мѣстность, которую намъ приходится видѣть. Такимъ образомъ воспоминаніе о первой мѣстности находится въ постоянномъ и непосредственномъ распоряженіи нашего я. Въ другомъ случаѣ мы были въ какой либо мѣстности, но были при такихъ условіяхъ, что не могли вовсе обращать вниманія на окружающія условія. Впечатлѣнія отъ этой мѣстности были восприняты нами безъ активнаго вниманія и потому не получили связи съ нашимъ я, они остались въ общемъ полѣ сознанія и могутъ о себѣ сами дать знать, т. е. появиться въ сферѣ личнаго сознанія лишь при какомъ либо случаѣ, напр. когда мы явились въ какую либо новую мѣстность, имѣющую сходство съ прежней, видѣнной нами безъ вниманія. Мы тотчасъ же узнаемъ, что гдѣ то мы нѣчто подобное уже видѣли и въ концѣ концовъ можемъ даже воскресить въ своей памяти образъ ранѣе видѣнной мѣстности, хотя воспоминаніе о ней первоначально и не могло быть оживляемо по нашему произволу. Здѣсь достаточно было такого толчка, въ видѣ сходства одной мѣстности съ другой, чтобы перевести данное впечатлѣніе изъ общаго сознанія въ сферу личнаго сознанія. Въ другихъ случаяхъ такую же роль можетъ съиграть какая либо ассоціація, или даже видѣнная нами въ разсѣянности мѣстность можетъ воскреснуть въ нашемъ сознаніи въ качествѣ сновидѣнія или галлюцинаціи (напр. при смотрѣніи въ хрусталь) и такимъ путемъ сдѣлаться достояніемъ нашего «я».

Такимъ образомъ мы приходимъ къ необходимости всѣ процессы воспріятія раздѣлить на два главныхъ порядка: на процессы воспріятія, протекшія съ активнымъ вниманіемъ и процессы воспріятія, протекшіе безъ активнаго вниманія или въ состояніи разсѣянности. Ту область сознанія, въ которую входятъ процессы воспріятія съ активнымъ вниманіемъ, слѣдовательно съ участіемъ

нашего я, мы можемъ назвать личнымъ сознаніемъ, тогда какъ другую область сознанія, въ которую входятъ процессы воспріятія безъ активнаго вниманія, мы можемъ назвать безличнымъ или общимъ сознаніемъ.

По Джемсу [1]) «одною изъ характернѣйшихъ особенностей нашей духовной жизни является тотъ фактъ, что находясь подъ постояннымъ наплывомъ все новыхъ и новыхъ впечатлѣній, проникающихъ въ сферу нашихъ чувствъ, мы замѣчаемъ лишь самую ничтожную часть ихъ. Только часть полнаго итога нашихъ впечатлѣній входитъ въ нашъ такъ называемый *сознательный опытъ*, который можно уподобить ручейку, протекающему по широкому лугу цвѣтовъ».

Эту то часть полнаго итога нашихъ впечатлѣній мы и объединяемъ подъ названіемъ личнаго сознанія; всѣ же остальныя впечатлѣнія хранятся въ сферѣ общаго сознанія.

Отсюда ясно, какъ узки границы личнаго сознанія и какъ широки границы общаго сознанія; при этомъ эта узость личнаго сознанія объясняется тѣмъ, что волевое вниманіе, его опредѣляющее, не можетъ заразъ направляться на большое число различныхъ впечатлѣній.

Извѣстны экспериментальныя изслѣдованія относительно объема сознанія (W. Wundt'a [2]), Dietze [3]), мои [4]) Cattel'a и др.), которыя относятся собственно къ объему личнаго сознанія, представляющемуся въ общемъ болѣе или менѣе ограниченнымъ и во всякомъ случаѣ значительно болѣе ограниченнымъ, нежели предполагаемый объемъ общаго сознанія, который пока впрочемъ не поддается точному вычисленію.

Психологическій анализъ показываетъ, что подобно воспріятію также и другіе психическіе процессы происходятъ въ насъ при участіи активнаго вниманія или безъ участія послѣдняго. Возьмемъ примѣръ изъ сферы нашихъ движеній. Всякій знаетъ, что одни движенія мы производимъ съ активнымъ вниманіемъ и обдуманно, тогда какъ другія движенія производимъ безъ вниманія и машинально. Первыя и вторыя оставляютъ слѣдъ въ воспоминаніи, но въ первомъ случаѣ этотъ слѣдъ мы можемъ почти всегда воскресить по произволу въ своей памяти, тогда какъ вторыя, хотя также оставляютъ слѣдъ въ нашей психической сферѣ, но тѣмъ не менѣе не могутъ быть воспроизводимы по нашему желанію, хотя при тѣхъ или другихъ случаяхъ они иногда сами вдвигаются въ сферу личнаго сознанія. Такимъ образомъ очевидно, что одни движенія обогащаютъ сферу нашего личнаго сознанія, тогда какъ другія поступаютъ въ общее поле сознанія или въ общее безличное сознаніе.

На сферѣ движенія между прочимъ доказывается что акты, требовавшія первоначально участія волевого или активнаго вниманія и слѣдовательно бывшія

---

[1]) Джемсъ. Психологія, пер. Лапшина. 1896.

[2]) См. W. Wundt. Grunzüge der physiologischen Psychologie. Bd. II.

[3]) Тамъ-же.

[4]) Б. Бехтеревъ. Сознаніе и его границы. Казань. 1886.

достояніемъ нашего «я», современемъ выполняются уже безъ участія активнаго вниманія и слѣдовательно поступаютъ въ сферу общаго или безличнаго сознанія. Такимъ образомъ и здѣсь, какъ и во всѣхъ вообще процессахъ психической жизни, мы можемъ различать сферу личнаго сознанія и сферу общаго безличнаго сознанія.

Равнымъ образомъ и болѣе сложные процессы мысли могутъ въ насъ происходить безъ нашего личнаго участія, т. е. при отсутствіи къ нимъ вниманія и безъ всякаго направляющаго вліянія со стороны нашего «я», тогда какъ въ другихъ случаяхъ наше «я» активно участвуетъ въ ходѣ идей. Въ первомъ случаѣ мы можемъ говорить о пассивномъ теченіи нашихъ идей, нами лично не улавливаемомъ, за которымъ мы даже и не слѣдимъ, во второмъ случаѣ дѣло идетъ о теченіи идей съ участіемъ нашего вниманія, слѣдовательно съ участіемъ нашего «я», которое иногда не только слѣдитъ за ходомъ идей, но и активно вмѣшивается въ него, направляя его соотвѣтственнымъ образомъ.

Благодаря этому отношенію нашего «я» къ происходящимъ въ насъ психическимъ процессамъ и отношенію этихъ послѣднихъ къ нашему «я», они протекаютъ или въ сферѣ нашего личнаго сознанія, слѣдовательно замѣчаются нашимъ «я», или же протекаютъ въ сферѣ общаго безличнаго сознанія и нашимъ «я» не улавливаются и не замѣчаются.

Само собою разумѣется, что тѣ процессы, которые нашимъ «я» замѣчаются и которые протекаютъ съ участіемъ активнаго или волевого вниманія, вступаютъ въ болѣе или менѣе прочную связь съ нашимъ «я»; тогда какъ всѣ процессы, протекающіе безъ участія активнаго вниманія, слѣдовательно не улавливаемые и не замѣчаемые нашимъ «я», съ нимъ не сочетаются и такимъ образомъ ускользаютъ отъ его руководящаго вліянія и даже отъ его вѣдѣнія, протекая отъ начала до конца такъ сказать внѣ «я» или по крайней мѣрѣ безъ непосредственной связи съ нашимъ «я».

И здѣсь всѣ тѣ психическіе процессы, которые координированы съ нашимъ «я», входятъ въ сферу личнаго сознанія, тогда какъ всѣ психическіе процессы, которые съ нашимъ «я» непосредственно не связаны, входятъ въ сферу общаго сознанія.

Изъ вышеизложеннаго ясно, что только что упомянутая координація въ каждомъ случаѣ устанавливается, благодаря тому процессу, который мы называемъ активнымъ вниманіемъ и который всегда служитъ выраженіемъ дѣятельнаго состоянія нашего «я».

При всемъ томъ всѣ процессы, которые протекаютъ внѣ нашего «я», ничуть не вполнѣ и не навсегда оторваны отъ нашего «я». Они, какъ уже ранѣе говорилось, при тѣхъ или другихъ случаяхъ сами вступаютъ въ сферу личнаго сознанія, обогащая его своимъ матеріаломъ. Они составляютъ такимъ образомъ совершенно особое богатство нашей психики, которымъ наше «я»

само по себѣ не властно распорядиться, но которое тѣмъ не менѣе составляетъ неисчерпаемый источникъ умственныхъ цѣнностей и которое при извѣстныхъ условіяхъ само себя предоставляетъ въ пользованіе нашего «я».

При всякой работѣ мысли дѣятельное участіе нашего «я» характеризуется тѣмъ, что оно опредѣленнымъ образомъ координируетъ ходъ нашихъ идей, самый же матеріалъ для этого мышленія часто дается не только репродукціей скрытыхъ явленій личнаго сознанія, но и тѣмъ обширнымъ запасомъ умственнаго достоянія, которое лежитъ въ сферѣ общаго сознанія. Такимъ образомъ между личнымъ и общимъ сознаніемъ существуетъ извѣстный обмѣнъ, благодаря тому, что изъ сферы общаго сознанія помимо воли постоянно вступаетъ въ распоряженіе личнаго сознанія тотъ или другой матеріалъ. Съ другой стороны и тѣ продукты памяти и мышленія, которые были всегда въ связи съ личнымъ сознаніемъ, могутъ съ теченіемъ времени, благодаря ослабленію процесса воспроизведенія и при отсутствіи ихъ возобновленія и оживленія, утратить эту связь, переставая быть активно воспроизводимыми. Но они тѣмъ не менѣе не исчезаютъ вполнѣ изъ психической сферы, а сохраняются еще въ общемъ сознаніи и при какихъ-либо исключительныхъ случаяхъ могутъ вновь вступить въ связь съ нашимъ «я» и какъ бы вновь для него воскреснуть. Примѣры оживленія утраченныхъ воспоминаній врядъ ли нужно приводить здѣсь, такъ какъ они вообще многочисленны и общеизвѣстны.

Изъ предыдущаго ясно, что если мы имѣемъ раздѣленіе психической дѣятельности на сферу «я» или личнаго сознанія и сферу внѣ «я» или общаго сознанія, то ничуть нельзя думать, что мы здѣсь имѣемъ двѣ какъ бы независимыхъ другъ отъ друга группы психическихъ явленій. Напротивъ того, они находятся въ тѣснѣйшемъ интимномъ единеніи другъ съ другомъ, составляя въ сущности одно цѣлое, но одни процессы, какъ основанные на активномъ воспріятіи, т. е. на воспріятіи съ участіемъ волевого вниманія, стоятъ всегда въ ближайшемъ соотношеніи съ «я» субъекта и, находясь въ распоряженіи воли, могутъ быть всегда оживляемы по желанію «я» или по произволу resp при посредствѣ волевого вниманія, тогда какъ другіе психическіе процессы будучи восприняты безъ участія волевого вниманія, не находятся въ распоряженіи «я», не подчинены волѣ и слѣдовательно не могутъ быть оживляемы въ сознаніи по произволу, а, протекая въ сферѣ внѣ «я», тѣмъ не менѣе составляютъ существенную основу психической сферы и даже самого «я», такъ какъ при соовѣтствующихъ условіяхъ они сами вступаютъ въ его распоряженіе и во всякомъ случаѣ составляютъ для него тотъ неисчерпаемый источникъ который на ряду съ притокомъ внѣшнихъ впечатлѣній постоянно вливаетъ свои струи въ сферу личнаго сознанія.

Нѣтъ надобности говорить, что такіе продукты умственной дѣятельности, какъ творчество и даже мышленіе, вообще основаны въ значительной степени на взаимной работѣ личнаго и общаго сознанія, причемъ личное сознаніе въ

этихъ случаяхъ является лишь заправляющимъ началомъ, которое слѣдитъ за общимъ ходомъ мыслительнаго процесса и внимательно относится къ его конечнымъ результатамъ, тогда какъ вся сложная подготовительная работа, дающая матеріалъ для творчества и мышленія, обязана главнымъ образомъ сферѣ общаго сознанія. Личное сознаніе при творчествѣ часто намѣчаетъ лишь главные пункты, которые должны войти въ задачу, выполненіе же послѣдней большею частью идетъ уже помимо активнаго вниманія, всплывая постепенно изъ непроницаемыхъ глубинъ сферы общаго сознанія.

Какъ все въ органическомъ мірѣ подвергается колебанію въ смыслѣ отдыха и дѣятельности, такъ и сфера личнаго сознанія представляетъ собою смѣну дѣятельности и отдыха, чѣмъ и объясняется бодрственное состояніе и сонъ. Въ первомъ мы имѣемъ постоянно дѣятельное состояніе личнаго сознанія, причемъ сфера общаго сознанія является лишь пособницей личнаго сознанія, сама же активно не участвуетъ въ умственной дѣятельности. Во второмъ случаѣ личное сознаніе отходитъ уже на второй планъ и болѣе или менѣе совершенно подавляется, тогда какъ на сцену выдвигаются психическіе процессы, происходящіе въ сферѣ общаго сознанія.

Самостоятельныя возбужденія въ сферѣ общаго сознанія и даютъ канву для тѣхъ своеобразныхъ явленій, которыя мы называемъ сновидѣніями и которыя, продолжаясь въ періодъ начавшагося пробужденія «я», замѣчаются послѣднимъ и такимъ образомъ вводятся въ сферу личнаго сознанія, какъ продукты воспоминанія о бывшихъ сновидѣніяхъ, изъ которыхъ во всякомъ случаѣ лишь меньшая часть вступаетъ въ связь съ личнымъ сознаніемъ при его пробужденіи.

Гипнозъ представляетъ собою ничто иное, какъ видоизмѣненіе сна, сходственное въ своихъ глубокихъ степеняхъ съ естественнымъ сомнамбулизмомъ; поэтому въ гипнозѣ, какъ и въ послѣднемъ, угасаетъ вполнѣ или отчасти личное сознаніе, на мѣсто же его остается лишь сфера общаго безличнаго сознанія. Такъ какъ контролирующее и критикующее «я» при этомъ отсутствуетъ, то очевидно, что гипнозъ представляетъ собою благопріятную почву для всякаго рода внушеній, которыя вступаютъ въ сферу общаго безличнаго сознанія безконтрольно и тамъ укрѣпляются, со временемъ же послѣ пробужденія отъ гипноза при извѣстныхъ условіяхъ, опредѣленныхъ внушеніемъ, вступаютъ и въ сферу личнаго сознанія, какъ готовые и необъяснимые съ точки зрѣнія личнаго сознанія продукты психической дѣятельности, нерѣдко вполнѣ порабощающіе наше «я».

Тѣмъ не менѣе въ гипнозѣ мы не имѣемъ второго «я», а имѣемъ лишь ослабленіе или даже полное временное подавленіе «я» субъекта, причемъ на сцену выдвигается сфера общаго сознанія, которая, какъ лишенная руководящаго начала, составляющаго особенность личнаго сознанія, допускаетъ вообще введеніе и навязываніе или прививаніе какихъ угодно ощущеній и идей, часто

совершенно безсвязныхъ, въ томъ числѣ и идею извращенія личности или появленія на ряду съ существующей новой мнимой личности, какъ было въ разсмотрѣнныхъ ранѣе примѣрахъ Janet.

Что гипнозъ выражается подавленіемъ или исчезаніемъ личнаго сознанія, доказывается и тѣми способами, къ которымъ мы прибѣгаемъ для вызыванія гипноза.

Для вышесказанной цѣли мы сосредоточиваемъ вниманіе—это важнѣйшее орудіе личнаго сознанія — на опредѣленномъ пунктѣ, напр., на идеѣ сна при словесномъ внушеніи, на какомъ либо предметѣ при гипнотизаціи съ помощью фиксаціи, на извѣстной части тѣла при гипнотизаціи пассами, на монотонномъ звукѣ и т. п. Этого достаточно, чтобы съузить поле личнаго сознанія и дать большій просторъ сферѣ общаго сознанія. Затѣмъ, чтобы активное вниманіе совершенно устранить, мы его подавляемъ либо путемъ утомленія при продолжительной фиксаціи, либо путемъ прививанія идеи сна, съ которой уже въ нормальномъ состояніи связывается исчезаніе активнаго вниманія, вслѣдствіе чего при внушеніи идеи сна устраненіе активнаго вниманія осуществляется по ассоціаціи, какъ и во многихъ другихъ случаяхъ, приводя къ развитію гипноза.

Послѣдній является благопріятной почвой для различныхъ внушеній, благодаря тому, что всякое внушеніе основано на проникновеніи чувства, эмоціи или идеи непосредственно въ сферу общаго сознанія безъ всякаго участія личнаго сознанія.

Уже въ своей работѣ «О внушеніи и его роли въ общественной жизни» я опредѣлилъ внушеніе, какъ такое воздѣйствіе на другое лицо, которое проникаетъ въ психическую сферу не путемъ логическаго убѣжденія, а путемъ обхода личнаго сознанія и воли, что достижимо и въ бодрственномъ состояніи, а въ гипнозѣ, гдѣ личное сознаніе и безъ того подавлено, внушеніе проникаетъ въ сферу общаго сознанія почти безъ всякаго противодѣйствія даже и въ томъ случаѣ, когда нелѣпость внушенія для бодрствующаго сознанія болѣе, чѣмъ очевидна. Нельзя думать, однако, что сфера общаго сознанія совершенно не считается съ законами здраваго смысла, нравственныхъ чувствъ и пр. Такъ какъ это общее сознаніе не составляетъ собою отдѣльной, вполнѣ обособленной сферы сознанія отъ «я» субъекта, а находится всегда въ тѣснѣйшемъ единеніи съ послѣднимъ, лежа въ основѣ психическихъ процессовъ, то очевидно, что и для общаго сознанія должны существовать въ общемъ тѣ же законы логики и тѣ же нравственные устои, какъ и для бодрствующаго сознанія. Поэтому, хотя полное проявленіе въ гипнозѣ вышеуказанныхъ началъ нарушается устраненіемъ контролирующаго «я» съ его активнымъ вниманіемъ, тѣмъ не менѣе гипнотики не лишены ни логики, ни нравственныхъ понятій. По крайней мѣрѣ стройность мысли въ выполненіи ими сложныхъ умственныхъ операцій у нихъ не нарушается существеннымъ образомъ. Съ другой стороны извѣстно, что лица различной нравственности относятся неодинаково къ внушеніямъ, задѣвающимъ ихъ честь и нравственныя и религіозныя понятія.

Изъ всего того, что мы сказали выше, ясно, что общее сознаніе является мѣстомъ выполненія разнообразныхъ психическихъ процессовъ, которые по своей сложности не отличаются отъ процессовъ личнаго сознанія, но характеризуются 1) тѣмъ, что лишены руководящаго начала, которое создается въ личномъ сознаніи «я» субъекта, и 2) тѣмъ, что сами по себѣ не могутъ быть по произволу вводимы въ сферу личнаго сознанія.

Съ этимъ вмѣстѣ, я полагаю, могутъ быть вполнѣ легко объяснены всѣ тѣ своеобразныя явленія, которыя до сихъ поръ авторами понимались, какъ явленія, указывающія на присутствіе въ насъ вторичнаго «я».

Въ пользу присутствія въ насъ двойного я приводили между прочимъ тотъ фактъ, что въ гипнотическомъ состояніи человѣкъ будто бы можетъ принять на себя другую личность съ другимъ именемъ и съ другимъ характеромъ, которая обнаруживаетъ даже больше познаній, нежели нормальный человѣкъ, и притомъ объ этой новой личности впослѣдствіи не сохраняется даже воспоминанія, а по внушенію она и въ бодрственномъ состояніи можетъ заявить о себѣ тѣми или другими дѣйствіями. Но въ дѣйствительности новая личность есть ничто иное, какъ результатъ внушенія. Всякому извѣстно, что въ гипнозѣ можно внушить, что угодно, и въ томъ числѣ можно внушить новую личность съ новымъ именемъ, а иногда даже просто достаточно дать новое имя, какъ дѣлалъ это Janet, давъ имя вмѣсто Луизы—Бланшъ или Адріенна, чтобы тотчасъ же съ этимъ новымъ именемъ по ассоціаціи связался другой характеръ, другія манеры, иные поступки и даже недружелюбное отношеніе къ собственной личности и пр. Что касается новыхъ познаній, то, какъ мы уже говорили выше, они относятся собственно къ періодамъ истерическаго сомнамбулическаго состоянія, воспоминанія изъ котораго, какъ я убѣдился, легко возбуждаются и въ состояніи гипноза. Луиза, напр., во время припадковъ дико вскрикивала, вспоминая о какихъ то личностяхъ и по выходѣ изъ припадка ничего обо всемъ этомъ не помнила, въ гипнозѣ же съ именемъ Адріенны, которое въ сущности совершенно излишне, могла хорошо припомнить и самыя событія съ тяготившими ее воспоминаніями. Нетрудно конечно путемъ внушенія заставить гипнотика сохранять и въ бодрственномъ состояніи воспоминаніе о новой личности, примѣняемой въ гипнозѣ, въ чемъ я многократно убѣждался при своихъ сеансахъ гипноза.

Словомъ все, что мы находимъ въ описаніяхъ авторовъ, относительно второй личности и второго «я»,—все по нашему мнѣнію объясняется вполнѣ просто съ точки зрѣнія внушенія въ гипнозѣ и нѣтъ никакой надобности прибѣгать къ гипотезѣ о существованіи въ насъ второго «я». Тѣ патологическія состоянія, при которыхъ періодами является измѣненіе личности у истеричныхъ, какъ это напр. описано Мэкшичемъ, Azam'омъ, Озгудъ Мэзономъ и др., которыя также приводятся въ пользу существованія въ насъ второго «я», въ сущности представляютъ собою ничто иное, какъ состоянія истерическаго из-

вращенія личности, близкія къ истерическому сомнамбулизму и разумѣется ничуть не доказываютъ существованія въ насъ второго «я», какъ не могутъ доказывать существованія второго «я» эпилептическія состоянія съ помраченіемъ сознанія, т. наз. эпилептическій «абсансъ» или алкогольный трансъ и т. п.

Что дѣло идетъ здѣсь не о второмъ «я», а о состояніяхъ, подобныхъ истерическому сомнамбулизму, въ которыхъ устанавливается своеобразное отношеніе къ нормальному «я», доказываетъ то обстоятельство, что, какъ мы уже упоминали, можетъ появиться не только вторая, но и третья личность, какъ это напр. было въ случаѣ Озгудъ Мэзона, а иногда можетъ быть даже нѣсколько новыхъ личностей, какъ это было напр. въ случаѣ Bourru и Burrot. Съ точки зрѣнія, допускающей въ нормальной психической дѣятельности второе «я», также было бы логично допускать существованіе третьяго, четвертаго и даже множественнаго «я», тогда какъ на самомъ дѣлѣ все можетъ быть вполнѣ легко и просто объяснено патологическимъ состояніемъ, подобнымъ сомнамбулизму, къ которому прививается на подобіе самовнушенія новая личность, иногда съ новымъ именемъ и во всякомъ случаѣ съ инымъ характеромъ, съ иными чувствами, инымъ поведеніемъ и пр. и притомъ, какъ и должно быть, по выходѣ изъ этого состоянія, не сохраняется объ этой личности никакого воспоминанія, тогда какъ въ теченіе гипноза воспоминанія о нормальныхъ періодахъ психической сферы обыкновенно сохраняются вполнѣ. Послѣднее впрочемъ случается не всегда, какъ показываетъ напр. случай Hodgson'а.

Далѣе особое доказательство второго «я» находятъ многіе въ явленіяхъ такъ наз. автоматическаго письма. Здѣсь дѣйствительно имѣется раздѣленіе сознанія (но не личности) на сферу личнаго сознанія, которому свойственно и самосознаніе, и на безличное или общее сознаніе. Послѣднее въ этомъ случаѣ и руководитъ автоматическимъ письмомъ. Тѣ случаи, въ которыхъ пишется слово безъ участія воли, при одномъ лишь сосредоточеніи на немъ вниманія, объясняются мимовольными импульсами и представляютъ собою особое развитіе такихъ мимовольныхъ движеній. Эти послѣднія безспорно относятся къ сферѣ общаго сознанія, такъ какъ происходятъ совершенно независимо отъ «я» субъекта и не проникаютъ въ сферу личнаго сознанія до тѣхъ поръ, пока на нихъ не устремлено вниманіе. Болѣе поразительные случаи автоматическаго письма, подобные напр. Sidney Dean'у,—описываемому проф. Джемсомъ, представляютъ, конечно, уже ненормальное, крайне рѣзкое и стойкое раздѣленіе личнаго сознанія отъ общаго, причемъ послѣднее работаетъ какъ бы независимо отъ перваго, личное же сознаніе лишь пассивно наблюдаетъ за работой перваго.

Подобныя состоянія, какъ извѣстно, случаются и во снѣ. Общее сознаніе испытываетъ сновидѣнія, но и личное сознаніе не вполнѣ еще угасло и человѣкъ сознаетъ, что онъ видитъ во снѣ, и наблюдаетъ сновидѣніе.

Болѣе же рѣзкія явленія подобнаго рода наблюдаются въ патологическихъ

случаяхъ и извѣстны подъ названіемъ психомоторныхъ галлюцинацій. Seglas *) впервые въ 1888 году изъ такъ называемыхъ психическихъ галлюцинацій Baillarger выдѣлилъ, подъ именемъ «словесныхъ психомоторныхъ галлюцинацій», особыя состоянія, при которыхъ дѣло идетъ объ объективированіи образовъ, представляющихся по своей локализаціи и натурѣ двигательными образами. Въ этомъ случаѣ больные говорятъ про себя, двигая языкомъ и губами, но не по своей волѣ, какъ будто бы кто нибудь посторонній двигалъ ихъ языкомъ и губами. Подобныя же наблюденія были сдѣланы Ballet **) и Рубиновичемъ ***). Лично я также имѣлъ возможность наблюдать много случаевъ подобнаго рода. Приэтомъ въ кругѣ своихъ наблюденій я встрѣчалъ случаи, гдѣ совершенно аналогичныя явленія наблюдались не въ рѣчи только, но и въ отношеніи движенія конечностями. Одна изъ больныхъ, напримѣръ, заявляла, что она получаетъ отвѣты на задуманные ей вопросы по движенію пальцевъ. Нѣкоторые изъ пальцевъ ея лѣвой руки въ ея представленіи связывались съ опредѣленными лицами въ томъ смыслѣ, что эти лица могли говорить съ ней, управляя движеніемъ даннаго ею пальца, какъ орудія ихъ переговоровъ съ больной. Послѣдняя, мысленно или вслухъ задавъ тотъ или другой вопросъ, выжидала затѣмъ, что будетъ съ ея пальцами, и когда убѣждалась, что одинъ изъ пальцевъ, помимо ея воли, приходилъ въ движеніе, она понимала это движеніе, какъ утвердительный отвѣтъ отъ того или другого лица. Сейчасъ мы наблюдаемъ больную, которая имѣетъ не только психомоторныя словесныя галлюцинаціи въ вышеуказанномъ смыслѣ слова, но и автоматическое письмо, въ которомъ «я» больной не участвуетъ, а ея рука пишетъ тѣ или другія слова, какъ бы повинуясь чужой волѣ, причемъ сама больная впередъ не можетъ даже сказать, что будетъ ею написано. Свое автоматическое письмо она можетъ воспроизводить, когда угодно, по желанію присутствующихъ. Достаточно, по ея словамъ, ей положить правую руку на столъ вполнѣ свободно, какъ для обыкновеннаго письма, и затѣмъ предоставить руку самой себѣ, чтобы началось автоматическое письмо, въ которомъ она сама, т. е. ея «я», не участвуетъ, но которое она можетъ наблюдать, какъ посторонній зритель, не зная, что будетъ написано. Это автоматическое письмо, какъ и психомоторныя словесныя галлюцинаціи, больная объясняетъ вліяніемъ на нее чужой воли путемъ внушенія.

Такимъ образомъ, въ приведенныхъ случаяхъ дѣло идетъ несомнѣнно о своеобразныхъ патологическихъ состояніяхъ въ формѣ душевнаго разстройства. Къ такой же категоріи патологическихъ явленій принадлежитъ безъ сомнѣнія и цитируемый выше случай Sidney Dean'a, сообщаемый проф. Джемсомъ.

*) Seglas. L'hallucination dans ses rapports avec la fonction du langage; les hallucinations psychomotrices. Progrès méd. 1884, 33 et 34.

**) G. Ballet. Le Langage intérieur. Paris, 1886, стр. 64. См. также «Leçons a l'hopital St. Antoine». Semain. Méd. 1891.

***) Roubinowitch. Sur les hallucinations verbales psychomotrices etc. Paris, 1893.

«Писаніе, говоритъ Sidney Dean, производится моей рукой, но диктуютъ не мой умъ и воля, но кто то другой и о предметахъ, о которыхъ я ничего не знаю; я же, когда рука пишетъ, сознательно критикую мысль, фактъ, способъ выраженія и пр., даже слова, готовыя быть написанными. Предложенія начинаются, а я не знаю, о чемъ они будутъ и какъ кончатся».

«Я ничего не знаю объ авторѣ какой либо главы, пока она не закончена и не подписано имя». Я интересуюсь не только извѣстными авторами, но философіей, мыслями, которыхъ я не знаю, пока не явились эти главы. Это пишетъ интеллигентное «я» или вдохновеніе принимаетъ индивидуальность, что практически дѣлаетъ вдохновеніе личностью. Но на каждомъ шагу процесса я сознаю, что это не я». Ясно, что дѣло идетъ здѣсь о такомъ состояніи, въ которомъ человѣкъ пишетъ, не сознавая того, что пишетъ, и самъ правильно понимаетъ, что въ этомъ случаѣ «вдохновеніе (черпающее свой матеріалъ, какъ всегда, изъ сферы общаго сознанія) принимаетъ индивидуальность».

Галлюцинація, какъ и сновидѣнія, суть также продукты общаго сознанія, вступающія въ сферу личнаго сознанія при большемъ или меньшемъ подавленіи послѣдняго. Поэтому съ нашей точки зрѣнія легко объясняются и тѣ галлюцинаторныя явленія, которыя испытываются нѣкоторыми лицами при смотрѣніи въ хрусталь и при слушаніи раковинъ.

Если мы обратимъ вниманіе на эти видѣнія въ хрусталѣ, то окажется, что въ сущности они представляютъ собою ничто иное, какъ олицетвореніе продуктовъ т. наз. безсознательной памяти, т.-е. тѣхъ воспоминательныхъ образовъ, которые, какъ пассивно (resp. безъ участія активнаго вниманія) воспринятые, откладываются съ самаго начала въ сферѣ общаго сознанія, оставаясь какъ бы не замѣченными впечатлѣніями, и затѣмъ уже при смотрѣніи въ хрусталь, вызывающемъ утомленіе вниманія и вслѣдствіе того подавленіе личнаго сознанія, въ періодъ, когда общее сознаніе начинаетъ воздѣйствовать съ большею силою на личное сознаніе, эти воспоминательные образы воскрешаются съ особенною живостью, вступая въ сферу личнаго сознанія. Вотъ напр. какъ описываетъ одинъ наблюдатель, способный также и къ автоматическому письму, свои видѣнія въ хрусталѣ *): «я вижу въ хрусталѣ часть темной стѣны, покрытой жасминомъ и спрашиваю себя «я гдѣ сегодня гулялъ»? Я не помню такого вида; онъ не часто встрѣчается на лондонскихъ улицахъ; но на другой день я повторяю прогулку этого утра, причемъ тщательно вглядываясь въ стѣны, покрытыя ползучими растеніями. Загадка разрѣшена. Я нахожу это мѣсто и при этомъ вспоминаю, что, когда я здѣсь проходилъ съ моимъ спутникомъ. то весь ушелъ въ бесѣду, и такимъ образомъ мое произвольное вниманіе было занято работой.

*) Proceedings of the Society for psychical research. May. 1889. Описаніе приводится по Б. Сидису: Психологія внушенія.

«9 марта я видѣлъ въ хрусталѣ скалистый берегъ, бушующее море и впереди пространство песку. Когда я наблюдалъ, картина была почти закрыта изображеніемъ мыши. Спустя два дня я читалъ томъ стиховъ и вспомнилъ, что разрѣзалъ его среди разговора, конечно безсознательно читая. При перелистываніи меня поразила пара строкъ:

Только шумящее море,
да за обоями мышь».

Въ другомъ случаѣ тотъ же наблюдатель въ хрусталѣ видѣлъ: «газетное объявленіе; оно сообщало о смерти леди, когда то частой посѣтительницы моего кружка и очень близкой со многими моими лучшими друзьями; поэтому, если бы я такое объявленіе увидалъ сознательно, оно бы меня очень заинтересовало, за завтракомъ я разсказалъ мое видѣніе, процитировалъ имя, время, мѣсто, намекъ на «долгій періодъ страданій», пережитыхъ покойной, и прибавилъ о своей увѣренности въ томъ, что ничего не слыхалъ о ея болѣзни, не слыхалъ даже имени ея въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ; ничто не могло внушить такую галлюцинацію. Но я зналъ, что наканунѣ взялъ первый листъ Times'a и былъ прерванъ раньше, чѣмъ успѣлъ сознательно прочитать какое-то объявленіе о смерти. Мистриссъ H. Sidgwick немедленно отыскала газету и мы нашли сообщеніе почти такое же, какъ я видѣлъ».

Въ Proceedings of the Soicety for psychical Research за 1889, vol. VIII проф. James'омъ приведено много интересныхъ примѣровъ видѣній при смотрѣніи въ хрусталь; но всѣ эти видѣнія совершенно одинаковаго по существу характера.

Одна особа, напр., въ хрусталѣ видѣла картину, которая, какъ потомъ выяснилось, относится къ впечатлѣніямъ ранняго дѣтства, совершенно не оставившимъ слѣдовъ въ личномъ сознаніи, въ другомъ случаѣ дама, засунувъ свой цѣнный приборъ серебряныхъ ножей, не могла его долго найти, но занявшись затѣмъ смотрѣніемъ въ хрусталь, увидѣла въ немъ форму ящика съ діагонально лежащими въ немъ предметами, послѣ чего тотчасъ же взяла стулъ, встала на него и протянувъ руку на верхъ шкафа, нашла тамъ ящикъ съ діагонально лежащими тамъ ножами. И все въ томъ же родѣ.

Всѣ эти примѣры показываютъ, что дѣло идетъ о воспроизведеніи въ хрусталѣ впечатлѣній, воспринятыхъ безъ участія личнаго сознанія, т.-е. въ состояніи разсѣянности и слѣд. оставшихся въ сферѣ общаго сознанія. Такимъ образомъ въ этихъ видѣніяхъ въ хрусталь дѣло идетъ о проявленіи дѣятельности общаго сознанія при извѣстномъ подавленіи личнаго сознанія.

Подобнаго же рода явленія могутъ быть обнаружены и при слушаніи раковины. И здѣсь выслушиваются обыкновенно тѣ разговоры, которые восприняты были безъ участія вниманія и вошли въ сферу общаго сознанія даннаго лица.

Вообще, если образы, скрывающіеся въ сферѣ общаго сознанія, получаютъ

необычную для нихъ яркость, благодаря подавленію личнаго сознанія или какимъ либо инымъ условіямъ, то они вторгаются въ сферу сознанія уже и сами собою, какъ бы насильственно, т.-е. не по ассоціаціи, становясь тѣми патологическими явленіями, которыя извѣстны подъ названіемъ галлюцинацій.

Галлюцинаціи суть такимъ образомъ ничто иное, какъ продукты общаго безличнаго сознанія, проникающія самостоятельно въ сферу личнаго сознанія и постепенно порабощающія послѣднее.

Между прочимъ изъ области галлюцинацій, которыя иногда приводятъ въ изумленіе личное сознаніе своимъ содержаніемъ, можно привести немало поучительныхъ примѣровъ, говорящихъ въ пользу вышеуказаннаго объясненія. Чтобы не ходить далеко за примѣрами я остановлюсь на случаѣ галлюцинацій, когда больные утверждаютъ, что имъ подсказываютъ всѣ ихъ мысли впередъ. Если больной начнетъ читать, то голосъ, который онъ слышитъ, начинаетъ впередъ читать книгу, находящуюся въ рукахъ больного [1]).

Это опережаніе галлюцинаторнымъ воспріятіемъ нормальнаго активнаго воспріятія, съ вышеуказанной точки зрѣнія, объясняется тѣмъ, что активное вниманіе, какъ волевой процессъ, всегда протекаетъ медленнѣе автоматическаго процесса, который мы имѣемъ въ пассивномъ воспріятіи.

Такимъ образомъ все, что мы знаемъ изъ области галлюцинацій, ничуть не доказываетъ существованія въ насъ второго «я», а доказываетъ лишь раздѣленіе нашей психической сферы на личное сознаніе, въ которомъ всѣ психическія явленія координированы съ нашимъ «я» и подчинены его волѣ, и общее сознаніе, воспринимающее и хранящее въ себѣ психическія явленія, не координированныя съ нашимъ «я», причемъ лишь при извѣстныхъ условіяхъ психическія явленія изъ сферы общаго сознанія вступаютъ въ связь съ нашимъ «я», входя вмѣстѣ съ тѣмъ въ сферу личнаго сознанія.

Если психическіе образы изъ сферы общаго сознанія вступаютъ въ сферу личнаго сознанія обычнымъ порядкомъ, благодаря какой либо ассоціаціи, мы имѣемъ нормальное оживленіе образовъ, воспринятыхъ безъ участія нашего «я», т.-е. безъ нашего вниманія resp. въ разсѣянности. Такой случай мы наблюдаемъ при всякомъ вообще мышленіи, и вообще при нормальномъ ходѣ нашихъ идей, пополняемыхъ умственными образами, возникающими не только изъ скрытой области личнаго сознанія и воспроизводимыми обычнымъ порядкомъ, но и изъ сферы общаго сознанія путемъ ассоціаціи ихъ съ образами, находящимися въ сферѣ личнаго сознанія.

---

[1]) Интересно, что одинъ изъ моихъ больныхъ, убѣдившись, что его голоса могутъ читать впередъ книгу только въ томъ случаѣ, когда онъ надѣнетъ очки и возьмется за книгу, безъ очковъ же чтеніе книги впередъ голосами никогда не удавалось, пришелъ къ выводу, что и голоса его, какъ и онъ самъ, должны пользоваться его очками, безъ которыхъ они не въ состояніи подсказывать впередъ то, что ему предстоитъ читать.

Какъ на яркій примѣръ невольнаго воздѣйствія сферы общаго сознанія на сферу личнаго сознанія, можно указать на случаи разрѣшенія задачъ во снѣ, не поддававшихся правильному рѣшенію въ бодрственномъ состояніи. Всякому извѣстны примѣры, когда рѣшеніе той или другой задачи никакъ не удавалось въ обыкновенномъ состояніи, но рѣшеніе открывалось во снѣ, какъ бы по какому либо волшебству. И здѣсь очевидно дѣло идетъ о вторженіи дѣятельности общаго сознанія въ сферу личнаго сознанія, благодаря тѣмъ или другимъ ассоціаціямъ.

Итакъ все сказанное нами, говоритъ не за существованіе въ нормальной психической сферѣ двойного «я», а за присутствіе въ ней психическихъ образовъ, съ одной стороны тѣсно связанныхъ съ нашимъ «я», съ другой—образовъ, откладывающихся въ насъ безъ всякаго участія нашего «я». При всемъ томъ взаимодѣйствіе тѣхъ и другихъ образовъ происходитъ при всякомъ вообще мышленіи, при всякой психической дѣятельности, нисколько не нарушая цѣльности нашей личности.

Загадочные скороспѣлые убійцы.

Д. А. Дриля.

Въ книжкѣ отъ 15 апрѣля 1904 г. «Archives d'Anthropologie criminelle», въ отдѣлѣ «Notes et observations médico-legales», напечатана статейка подъ заголовкомъ «Замѣчательный случай рецидива» (un cas de recidive remar quable). Знакомство съ нимъ невольно вызываетъ то чувство, о которомъ мнѣ пришлось слышать отъ покойнаго профессора Krafft-Ebing'a, слѣдя за его клиническими лекціями въ Грацѣ. Въ Beobachtungsabtheilung былъ присланъ «завсегдатай тюрьмы» своимъ, по временамъ, дурнымъ поведеніемъ наконецъ, остановившій на себѣ вниманіе тюремной администраціи и вызвавшій сомнѣніе и въ ней. Присланный пробылъ въ учрежденіи съ мѣсяцъ, при чемъ ничего опредѣленнаго наблюсти не удалось. Передъ послѣдней демонстраціей покойный профессоръ сказалъ, что случай этотъ у него лежитъ тяжело на душѣ. На другой день надо вернуть присланнаго съ заключеніемъ, что ничего опредѣленнаго констатировать не удалось, а между тѣмъ многое представляется подозрительнымъ и заставляетъ задумываться. Къ счастью, во время самой демонстраціи обнаружилась эпилепсія въ одной изъ трудно уловимыхъ формъ, которыя очень трудно подмѣчаются и, напротивъ, чрезвычайно легко просматриваются. То же тяжелое чувство, повторяю, является и въ случаѣ, разсказанномъ въ «Archives» и имѣвшемъ мѣсто въ Амстердамѣ. Это случай 19-лѣтняго подростка, убившаго жену своего брата,

L. v. d. Laan. Начало его исторіи было напечатано въ Archives еще въ 1899 г., а относилось оно къ 1897 г., когда Laan было 13 л. Сообщавшій его въ то время, разсказывалъ при этомъ, что перелистывая VIII т. «Archives» и натолкнувшись въ немъ на случай 13-л. дѣвочки Blanche Deschamps, онъ невольно припомнилъ и случай Laan.

Снова просмотрѣвши дѣло Deschamps я, въ свою очередь, рѣшилъ сопоставить оба случая въ настоящей замѣткѣ, присоединить указанія на одинъ третій и высказать нѣкоторыя соображенія, которыя невольно приходятъ въ голову, при раздумьѣ надъ этими и имъ подобными фактами живой, но печальной дѣйствительности.

Факты родословной тринадцатилѣтней убійцы Deschamps немного шатки въ томъ отношеніи, что часть ихъ опирается только на заявленія адвоката подсудимой, которая была внѣбрачной дочерью одной рабочей женщины и *неизвѣстнаго* отца. Впослѣдствіи ея мать вышла замужъ, при чемъ мужъ усыновилъ дѣвочку, хотя по заявленію адвоката, онъ былъ ни при чемъ въ ея рожденіи. Бракъ продолжался, однако, не долго и закончился разводомъ. Его причиною послужило, по заявленію того же адвоката, [1]) дурное поведеніе матери, которая послѣ того вступила въ сожительство съ нѣкіимъ Д. и стала заниматься ткачествомъ.

Сама Blanche $11^1/_2$ л. была отдаваема въ работницы къ 2 или 3 землевладѣльцамъ, а черезъ полтора года поступила работницей на прядильную фабрику. Здѣсь она нашла себѣ подростка-товарку, нѣкую Lambert, съ которой она дѣлила постель, и которая всецѣло подпала подъ ея вліяніе, какъ во всѣхъ отношеніяхъ болѣе слабая.

Blanche была жадная лакомка. Свои полученія перваго мѣсяца она проѣла, хотя и должна была отнести своей матери. При такихъ обстоятельствахъ она не нашла сдѣлать ничего лучшаго, какъ украсть портмонэ своей подруги. Кража была открыта, мастерица возвратила украденное ея собственницѣ, но при этомъ вполнѣ пощадила самолюбіе Blanche и не разгласила о совершенномъ ею. Повидимому тогда же у послѣдней созрѣлъ ужасный планъ. Въ ближайшую субботу—день, въ который рабочіе фабрики въ 12 ч. пополудни расходились по своимъ домамъ, Blanche уговорила Lambert и затѣмъ настойчиво выпросила для себя и для нея позволеніе у мастерицы, не дожидаясь развозившей рабочихъ кареты, оставить фабрику еще въ 8 ч. утра, чтобы вмѣстѣ съ товаркой пѣшкомъ пойти по домамъ.

По дорогѣ она завела свою подругу въ одномъ попутномъ маленькомъ городкѣ въ два кафе и, не смотря на свою жадность, угостила ее на свой счетъ кофе съ алкоголемъ, хотя у нея оставалось не болѣе $1^1/_2$ фр. въ карманѣ.

---

[1]) Фактъ въ дѣлѣ оцѣнки, конечно, не безразличный, если бы онъ былъ твердо установленъ, особенно если бы была установлена и степень дурного поведенія.

На дальнѣйшемъ пути Blanche два раза пыталась украсть у подруги ея портмонэ, при чемъ при второй попыткѣ былъ и свидѣтель, который слышалъ, какъ Lambert сказала: «Ты хотѣла украсть мое портмонэ; я скажу твоей матери, маленькая воровка!».

Продолжая путь, товарки подошли къ небольшой рѣченкѣ, черезъ которую, на высотѣ двухъ метровъ былъ перекинутъ мостъ безъ перилъ. Года полтора передъ тѣмъ въ этой же рѣченкѣ былъ найденъ трупъ убитой и изнасилованной дѣвочки лѣтъ 10, при чемъ преступникъ остался необнаруженнымъ, хотя убійство и вызвало сильное возбужденіе въ округѣ, которое еще не улеглось вполнѣ ко времени преступленія Blanche. За мостомъ дороги расходились: одна должна была идти вправо, а другая влѣво. И вотъ на мосту происходитъ ужасная сцена. Blanche въ третій разъ вытаскиваетъ портмонэ у спутницы и сталкиваетъ ее съ моста въ рѣчку, глубина которой была нѣсколько центиметровъ. Жертва падаетъ грудью внизъ, разбиваетъ себѣ лицо, но поднимаетъ голову изъ воды. Тогда Blanche перебѣгаетъ мостъ, спускается внизъ, переходитъ часть рѣки и прежде, нежели товарка успѣваетъ подняться, хватаетъ ее за голову и разъ 12 съ силою погружаетъ ее въ воду, колотя при этомъ о дно лицомъ, на которомъ оказались многочисленныя пораненія и ссадины.

Задушивъ свою жертву такимъ способомъ, Blanche не удовольствовалась этимъ, а взяла тяжелый рѣжущій камень, имъ нанесла 5 сильныхъ ударовъ по черепу трупа и потомъ отправилась спокойно далѣе, но не къ своей матери, а къ родителямъ убитой дѣвочки. Къ нимъ она пришла мокрая и спокойно и вполнѣ естественно разсказала, что она разсталась съ товаркой въ томъ городкѣ, въ которомъ она угощала убитую, и что та была подвыпивши. Родители Lambert ухаживали за ней, обсушили ее и напоили теплымъ виномъ, при чемъ Blanche не проявляла и тѣни какого-либо смущенія или раскаянія, а только съ самымъ естественнымъ и невиннымъ видомъ удивлялась, что товарка, такъ долго не приходитъ.

Послѣ этого она оставила радушныхъ родителей своей жертвы, отправилась къ матери и спокойно отдала ей украденные 5 франковъ, какъ свой заработокъ на фабрикѣ.

На другой день трупъ былъ найденъ, и подозрѣнія пали на Blanche. Первоначально она отрицала все, а потомъ, подъ вліяніемъ уликъ, вступила на путь постепенныхъ частичныхъ признаній, при чемъ до полнаго признанія она дошла только во время судебнаго разбирательства. Во все теченіе предварительнаго слѣдствія она была совершенно холодна и спокойно-цинична. Немного смутилась только въ самомъ началѣ своего пребыванія въ залѣ суда, да во время объявленія приговора. Все же остальное время судебнаго разбирательства она оставалась спокойной и безучастной ко всему окружающему, не смотря на переполненіе залы публикою, которая была очень возбуждена всѣми обстоятельствами ужаснаго дѣла.

На слѣдствіи было выяснено, что между убійцей и ея жертвою не существовало какой либо вражды, не происходило и ссоръ.

Мѣстныя газеты, занявшіяся этимъ дѣломъ, произвели родословную убійцы отъ знаменитаго разбойника и контрабандиста Мандріи, жившаго въ XVIII ст., воспоминанія о которомъ сохранились въ обширной мѣстности его разбойничьихъ подвиговъ. Фактическихъ подтвержденій такой родословной газеты, однако, не представили.

Интересно, что еще до начала суда мать Blanche и родители жертвы вступили между собой въ соглашеніе, по которому послѣдніе отказывались отъ правъ иска за убійство за два гектолитра зерноваго хлѣба, цѣною въ 36 фр., и за 50 фр. деньгами.

Blanche была приговорена къ 10 г. заключенію въ исправительный домъ. Мѣсяцъ спустя послѣ осужденія описавшій обстоятельства дѣла въ «Archives» видѣлъ ее въ Гренобльской тюрьмѣ. Она мало выходила изъ своей келіи, гдѣ занималась чтеніемъ и была спокойна и чувствовала себя хорошо, при чемъ очень озабочивалась денежными интересами. Она писала своей матери: «хорошенько береги домъ, которымъ ты владѣешь, онъ долженъ потомъ мнѣ принадлежать». Приложенный къ статьѣ портретъ Blanche представляетъ физіогномію взрослой женщины (Blanche былъ тогда всего 14-й годъ) съ непріятнымъ выраженіемъ. Особенно останавливаютъ на себѣ вниманіе глаза—пристальные, холодные и жесткіе.

Таковы несложныя обстоятельства этого страннаго и въ то же время характернаго дѣла. Въ нихъ не находимъ какихъ либо ясныхъ указаній на природу случая. Можно отмѣтить для болѣе или менѣе вѣроятныхъ предположеній только нѣкоторые факты. Усиленное развитіе низшихъ грубыхъ чувствъ (жадная лакомка), эгоистичность натуры (мало свойственная возрасту усиленная забота о своихъ будущихъ матеріальныхъ интересахъ въ бытность въ тюрьмѣ, во второй же мѣсяцъ послѣ осужденія за убійство, о которомъ у нея сохранились самыя ясныя воспоминанія), возрастъ полового развитія, нѣкоторыя, хотя и шаткія указанія на распущенность нравовъ матери[1]), крайнюю недостаточность мотива преступнаго дѣянія и чрезвычайную жестокость въ его исполненіи, особенно же посмертные удары камнемъ по головѣ убитой жертвы.

Перехожу къ случаю v. d. Laan. Въ первый разъ онъ предсталъ передъ судомъ, имѣя 13 лѣтъ отъ роду, по обвиненію въ предумышленномъ убійствѣ 10-лѣтняго мальчика. Обстоятельства преступленія не сложны. Въ день его совершенія обвинявшійся съ своей жертвою вытаскивали молодыхъ птицъ изъ гнѣздъ и послѣ того усѣлись на землю, при чемъ первый строгалъ прутъ ножемъ, принадлежавшимъ второму. По словамъ v. d. Laan, сотоварищъ обо-

---

[1]) См. мою работу «Преступность и преступники», глава V. (Убійства и убійцы).

злилъ его тѣмъ, что ударилъ по спинѣ маленькой палочкой и назвалъ «свинымъ хвостомъ». Тогда обвиняемый, по его словамъ, въ раздраженіи, ударилъ мальчика ножемъ въ шею. Несчастный забормоталъ, что то, чего Laan не могъ разобрать и, чтобы покончить съ нимъ, нанесъ ему второй ударъ въ шею. Отбросивъ далеко ножъ, онъ немедля отправился къ отцу своей жертвы и, *подобно Deschamps*, разсказалъ ему вымышленную исторію, о томъ, какъ онъ и его товарищъ были преслѣдуемы человѣкомъ, находившимся въ бѣшенствѣ, и какъ ему едва удалось спастись. Повѣривъ разсказу, отецъ убитаго отправился съ Laan на поиски, который повелъ его сначала въ другомъ направленіи, а потомъ привелъ и къ мѣсту преступленія. Въ этотъ же день противъ Laan возникли подозрѣнія въ убійствѣ, и онъ былъ уличенъ полевымъ сторожемъ, при чемъ посвистывая подошелъ къ трупу убитаго.

Защитникъ указалъ, что Laan двухъ лѣтъ потерялъ своихъ родителей, которые отличались дурными характерами, получилъ у второй жены своего покойнаго отца очень распущенное воспитаніе, потомъ поступилъ ученикомъ въ колбасную своего дяди, гдѣ испортился въ конецъ. Судомъ Laan былъ приговоренъ на 7 л. въ тюрьму.

Королева смягчила наказаніе, сокративъ его продолжительность до 5 лѣтъ, по истеченіи которыхъ онъ былъ освобожденъ изъ тюрьмы [1]) и поселился у своего старшаго женатаго брата, сапожника по ремеслу.

Въ этомъ преступленіи 13-лѣтняго мальчика, которое такъ и осталось не выясненнымъ въ своемъ психологическомъ составѣ, прежде всего останавливаетъ на себѣ вниманіе полная недостаточность мотива. Спокойно, безъ ссоръ, играли вмѣстѣ, и только названія «свиного хвоста», да толчка въ спину—если даже вѣрить словамъ убившаго—достаточно, чтобы нанести ударъ ножемъ въ шею, потомъ повторить его и, отбросивъ далеко ножъ, пойти немедля къ отцу жертвы и разсказывать ему вымышленную исторію о бѣшеномъ человѣкѣ. Должно отмѣтить также переходный возрастъ убившаго, указанія на дурной нравъ его родителей, да эти два нѣсколько характерные удара ножемъ въ шею. Вотъ и все.

По выходѣ изъ тюрьмы, имѣя всего только 19 лѣтъ отъ роду, Laan не долго оставался спокоенъ. Скоро общественное вниманіе снова сосредоточилось на немъ, благодаря новому кровавому преступленію. Въ отсутствіи брата, 27 іюля 1903 г., была зарѣзана его жена, женщина 25 л. Laan послѣ того исчезъ изъ дому, но подозрѣнія скоро сосредоточились на немъ. Черезъ нѣсколько дней онъ вернулся и самъ отдался въ руки полиціи.

Онъ былъ подвергнутъ наблюденію въ теченіи 6 мѣс. Эксперты признали его нѣсколько затронутымъ процессомъ вырожденія, но ни въ какомъ случаѣ ни душевно-больнымъ, ни даже слабоумнымъ.

[1]) Къ величайшему сожалѣнію объ условіяхъ его жизни и воспитанія въ послѣдней—если еще можно говорить о воспитаніи въ тюрьмѣ—ничего неизвѣстно.

На судѣ обвиняемый холодно и спокойно пояснилъ, что онъ съ самаго ранняго возраста испытываетъ неодолимое влеченье убивать, уступая которому онъ и совершилъ оба убійства. Въ послѣдній разъ, оставшись одинъ съ женою брата, онъ испыталъ это влеченіе во всей его силѣ. Онъ старался отогнать прочь ужасную мысль и работалъ изъ всѣхъ силъ. Ничто не помогало. Тогда онъ схватилъ ножъ и со словами: «Я сожалѣю, но ты должна умереть» нанесъ несчастной женщинѣ по шеѣ нѣсколько характерныхъ рѣжущихъ ударовъ, вполнѣ подобныхъ тѣмъ, которые онъ нанесъ въ первый разъ и которые дѣлаются мясниками животнымъ, убиваемымъ на мясо (колбасная).

Послѣ этого убійца спокойно ушелъ изъ дому, нѣсколько дней переѣзжалъ изъ мѣстности въ мѣстность и, наконецъ, утомленный такою жизнію, отдался въ руки полиціи. Судъ приговорилъ его къ пожизненному заключенію въ тюрьмѣ.

Это представляющееся загадочнымъ преступленіе невольно приводитъ мнѣ на память другое такое же,—дѣло 23-лѣтняго Thouviot умышленно, безъ всякаго повода, убившаго совершенно незнакомую ему служанку Cotard въ ресторанѣ, въ которомъ онъ былъ въ первый разъ. Родителями Thouviot былъ 66-лѣтній еврей и развратная 15-лѣтняя еще почти дѣвочка, родившая его въ тюрьмѣ St—Lazare. Thouviot, какъ и Laan, съ возраста *полового развитія* сталъ испытывать безотчетное сильное влеченіе къ убійству. Первоначально онъ хотѣлъ убить няньку, жившую у одного съ нимъ хозяина, и съ этою цѣлью нѣсколько разъ заманивалъ ее въ погребъ, но влеченіе свое осуществить все еще не рѣшался. Между тѣмъ оно было очень сильно, и, по его словамъ, у него даже *мутилась голова*. Онъ оставилъ мѣсто и поступилъ въ другое. Влеченіе тогда перемѣнило объектъ и перешло на собственную мать, которую ему очень хотѣлось убить за дурное поведеніе. Влеченіе долго владѣло имъ.

Во время коммуны онъ попалъ въ число «мстителей Парижа», что, конечно, вполнѣ соотвѣтствовало особенностямъ его натурѣ, охваченной безотчетнымъ влеченіемъ къ убійству. Послѣ этого отслужилъ у одного фабриканта, потомъ поступилъ въ зуавы и отправился въ Африку, откуда вернулся въ Парижъ, гдѣ и совершилъ свое ужасное дѣло. Передъ нимъ онъ испытывалъ въ теченіи сутокъ сильнѣйшую внутреннюю борьбу.

Ночь передъ убійствомъ *провелъ съ женщиной*, которую хотѣлъ убить, но остановился передъ мыслію—что весьма интересно быть заподозрѣннымъ обокрасть жертву.

Утромъ онъ пошелъ въ ресторанъ, потребовалъ завтракъ и, покончивъ съ нимъ и идя къ выходу, положилъ руку на плечо совершенно незнакомой ему Cotard и нанесъ ей въ грудь смертельный ударъ заранѣе приготовленнымъ ножемъ. Послѣ этого онъ, было, побѣжалъ, но потомъ остановился и, приведенный на мѣсто, безъ всякаго запирательства заявилъ: «Да это я убилъ».

Интересно содержаніе записки, которую Thouviot написалъ въ ресторанѣ передъ завтракомъ и во время завтрака. «Всѣ спрашиваютъ, почему я убилъ?» пишетъ онъ. «Просто для того, чтобы выйти изъ положенія, въ которомъ нахожусь. Я пробовалъ работать и хорошо вести себя; однимъ словомъ, я хотѣлъ быть счастливымъ, но въ моей судьбѣ написано, что я долженъ пойти въ каторгу или на эшафотъ. Въ этотъ моментъ я завтракаю и спрашиваю себя, которую изъ двухъ женщинъ, находящихся въ заведеніи, я хочу убить. Послѣ нанесеннаго удара я прошу у моихъ судей только одного—немедленно же отрубить мнѣ голову».

Помѣщенный для наблюденія Thouviot энергично протестовалъ противъ мысли о существованіи у него какой-либо душевной болѣзни. Онъ былъ спокоенъ, не проявлялъ болѣзненныхъ разстройствъ и о своемъ преступленіи говоритъ свободно, безъ волненія, какъ бы о дѣяніи другого лица.

Thouviot былъ признанъ невмѣняемымъ, но, какъ личность опасная, былъ помѣщенъ въ Bicêtre, гдѣ черезъ 6 лѣтъ удавился. Въ оставленной посмертной запискѣ онъ говорилъ, между прочимъ: «Я хотѣлъ поступать хорошо, но никогда не могъ прогнать мысль о преступленіи».

Таковы странные, загадочные случаи скороспѣлыхъ убійцъ. Что такое представляетъ собою въ двухъ послѣднихъ эти приступы неодолимаго влеченія къ убійству, это; господство въ теченіи многихъ лѣтъ одной не дающей покоя мысли о крови и убійствѣ? Не дѣйствовала ли и здѣсь эпилепсія [1]), на эпилепсія скрытая [2]), затронувшая преимущественно унаслѣдованную раздражительную половую систему, съ замѣщеніемъ приступовъ влеченія къ половому акту приступами неодолимаго влеченія къ крови и убійству, какъ это наблюдается въ нѣкоторыхъ случаяхъ [3])? Въ примѣрѣ Laan на мысль объ эпилептической природѣ дѣйствій наводитъ, но, конечно, только, *между прочимъ*, повторяющееся черезъ промежутокъ нѣсколькихъ лѣтъ какое-то единообразіе въ способѣ совершенія преступленій съ его рѣжущими ударами въ шею.

Наконецъ, что представляетъ собою странный случай Deschamps, въ которомъ васъ поражаетъ недостаточность повода, чрезвычайная жестокость, особенно по сравненію съ возрастомъ и прежними отношеніями убійцы и жертвы, способы совершенія дѣянія и это отыскиваніе, послѣ уже задушенія, камня и нанесеніе имъ нѣсколькихъ сильныхъ ударовъ по головѣ трупа, а также послѣдующее за убійствомъ поведеніе убійцы, столь сходное—сказать

---

[1]) При развитіи алкоголизма и наслѣдственной передачѣ развиваемыхъ имъ болѣзненныхъ уклоненій, случаи эпилепсіи въ ея разнообразныхъ формахъ должны только увеличиваться въ числѣ.

[2]) См., между прочимъ, мою работу. «Психофизическіе типы», стр. 91 и слѣд., гдѣ систематизированы и приведены въ значительномъ числѣ случаи этого рода.

[3]) См. мою работу «Преступность и преступники» и въ ней главу «Убійство и убійцы».

къ слову—съ поведеніемъ Laan, послѣ совершеннаго имъ перваго убійства? Не представляется ли психо-физическое состояніе Deschamps только болѣе легкою степенью психофизическаго состоянія Laan и Thouviot, отличающееся отъ нихъ тѣмъ, что для пробужденія влеченія необходимъ хотя бы слабый поводъ? Но все это лишь гадательные вопросы и предположенія, невольно возникающіе у всякаго наблюдателя, привыкшаго, по указаніямъ опыта, видѣть въ человѣкѣ двойственное и въ то же время не расчленяемо единое психо-физическое существо и знающаго, по указаніямъ того же опыта, силу вліянія слѣпыхъ стимуловъ, исходящихъ изъ тайниковъ растительной жизни.

Къ сожалѣнію недостаточность данныхъ, имѣющихся въ приведенныхъ дѣлахъ, возбуждая вопросы, не даетъ возможности отвѣчать на нихъ въ формѣ утвержденія. Положительнымъ фактомъ является только возрастъ дѣйствующихъ лицъ (возрастъ полового развитія), въ который у нихъ пробудилось влеченіе къ крови и убійству или склонность дѣйствовать послѣднимъ (Deschamps). До нѣкоторой степени выступаетъ и связь между вырожденіемъ и преступностью [1]). Но и только.

За то ясно обнаруживается все безсиліе и нецѣлесообразность существующей системы борьбы съ преступностью. Какія, въ этомъ дѣлѣ, средства даетъ она въ руки обществу для огражденія отъ развивающагося въ нѣдрахъ его, подъ воздѣйствіемъ различныхъ причинъ, зла преступленія? Почти одно, шаблонно прописываемое лишеніе свободы заключеніемъ въ тюрьму на произвольно и совершенно на-угадъ назначаемые сроки. Ни для кого теперь не тайна, что примѣняемое широкой рукой тюремное заключеніе, въ томъ видѣ, въ какомъ оно практикуется, и при томъ на сроки, какъ уже замѣчено, ни на чемъ не основанные и напередъ назначаемые, производитъ только развращеніе и является какою-то фабрикаціею преступниковъ на казенный счетъ [2]). Что было достигнуто и что могло быть достигнуто тюремнымъ заключеніемъ, напримѣръ, въ случаяхъ Laan и Deshcamps? Тамъ, гдѣ, по самому существу дѣла, казалось бы необходимо нужно всестороннее тщательное изученіе разнообразныхъ случаевъ въ ихъ факторахъ и гдѣ нужна научная постановка вообще, которыя бы довали возможность изыскивать дѣйствительныя средства борьбы со зломъ какъ общія, такъ и частныя—тамъ, взамѣнъ этого, мы находимъ теперь только произвольныя шаблонныя предписанія на всѣ даже неоднородные случаи, предписанія, для отысканія фактическихъ основаній которыхъ изслѣдователю приходится уходить въ глубь вѣковъ къ темнымъ временамъ дикости и варвара

---

[1]) Я употребилъ слова «до нѣкоторой степени» лишь въ отношеніи данныхъ случаевъ, вообще же тѣсная связь между вырожденіемъ и преступностью внѣ сомнѣнія.

[2]) Интересующихся отсылаю хотя бы къ отчету о засѣданіи С.-Петербургскаго Юридическаго Общества, напечатанному въ 1 выпускѣ настоящаго журнала, стр. 88.

ства народовъ [1]). Надъ такимъ положеніемъ людямъ, занимающимся вопросами преступности, да и всему обществу, давно уже слѣдовало бы внимательно и глубоко, а главное дѣятельно позадуматься.

Объективная психологія и ея предметъ [2]).

Акад. В. М. Бехтерева.

Руководясь внутреннимъ опытомъ, мы непосредственно убѣждаемся, что въ насъ обнаруживаются субъективныя явленія, которыя всѣ въ совокупности могутъ быть названы явленіями сознанія, понимаемаго въ широкомъ смыслѣ слова. Хотя признакъ субъективности для всякаго сознающаго лица является вполнѣ достовѣрнымъ указателемъ происшедшей внутренней перемѣны, тѣмъ не менѣе извѣстно, что самонаблюденіе не можетъ служить точнымъ руководствомъ даже для выясненія процессовъ собственной психической сферы, по крайней мѣрѣ въ такой мѣрѣ, какъ можно было бы думать съ самаго начала. Возьмемъ хотя бы такой простой примѣръ, какъ оборонительныя движенія, вызванныя щекотаніемъ подошвъ. Если мы будемъ въ оцѣнкѣ ихъ руководиться самонаблюденіемъ, то съ самаго начала можетъ показаться, что эти движенія подчинены нашей волѣ въ такой степени, что мы ихъ можемъ задержать. Но первыя же попытки къ этому убѣждаютъ насъ въ томъ, что мы ошиблись. Многія лица, которыя впервые изслѣдуютъ колѣнный рефлексъ, убѣждены, что они могутъ задержать рефлекторное движеніе ноги и нерѣдко

---

[1]) Современный способъ составленія рецептовъ средствъ борьбы съ преступностью для нашихъ кодексовъ невольно напоминаетъ мнѣ объясненіе одного пристава о способѣ составленія (дѣло относится къ концу 60-хъ годовъ) въ полицейскомъ управленіи сельско-хозяйственной статистики за каждый отчетный годъ. «Измѣняемъ по соображенію имѣющуюся у насъ статистику: гдѣ, убавишь гдѣ прибавишь. Когда же и какъ была составлена первая статистика—не знаю; я нашелъ ее готовою».

[2]) Изложенная здѣсь точка зрѣнія на значеніе объективнаго изслѣдованія нервно-психической дѣятельности авторомъ излагалось частями въ его курсѣ психологіи въ примѣненіи къ изученію психіатріи, читанная студентамъ Военно-Медицинской Академіи, начиная съ 1893 г. до послѣдняго времени и еще ранѣе того въ такомъ же курсѣ студентамъ Казанскаго университета. Въ настоящей статьѣ однако весь вопросъ представленъ въ болѣе цѣльномъ изложеніи, разработаны отдѣльныя его частности и кромѣ того введены въ статью нѣкоторыя изъ позднѣйшихъ литературныхъ выдержекъ.

дѣлаютъ къ тому много разъ безуспѣшныя попытки, пока не убѣдятся въ противномъ. Точно также и сложныя волѣвыя движенія издавна служили предметомъ разнорѣчій между различными представителями философіи и психологіи. Психологи, придававшіе особое значеніе субъективному анализу, приходили къ выводу о существованіи абсолютно свободной воли, тогда какъ изученіе волевыхъ дѣйствій съ ихъ объективной стороны приводитъ къ иному рѣшенію, и врядъ ли теперь найдется психологъ, который бы не признавалъ ограниченія т. наз. свободной воли въ той или другой мѣрѣ внѣшними вліяніями. Точно также и вопросъ объ объемѣ сознанія не могъ быть рѣшенъ или, точнѣе говоря, рѣшался самымъ противорѣчивымъ образомъ на основаніи самонаблюденія до тѣхъ поръ, пока разрѣшеніе этого вопроса не было поставлено подъ контроль объективнаго метода.

На этихъ простыхъ примѣрахъ можно убѣдиться, какъ вообще трудно пользоваться одними субъективными признаками психическихъ явленій для ихъ изученія. Очевидно, что, игнорируя изученіе объективныхъ явленій, которыми выражаются психическіе процессы, мы рискуемъ впасть въ большія ошибки относительно хода и теченія даже тѣхъ субъективныхъ состояній, которыя переживаются даннымъ лицомъ при тѣхъ или другихъ условіяхъ. Вотъ почему уже сравнительно давно къ простому самонаблюденію, какъ методу изслѣдованія психическихъ процессовъ, въ психологіи стали относиться съ должнымъ и совершенно справедливымъ скептицизмомъ. Выводы современной намъ экспериментальной психологіи именно потому и пріобрѣтаютъ для насъ особенную цѣнность, что они подчиняютъ самонаблюденіе возможно точному контролю объективнаго изслѣдованія. Какъ извѣстно, всѣ успѣхи современной экспериментальной психологіи основаны на объективномъ контролѣ самонаблюденія и это вошло въ такой мѣрѣ въ плоть и кровь современной психологіи, что не далеко уже время, когда вся субъективная психологія переработается въ науку экспериментальную, подобно физіологіи.

Тѣмъ не менѣе и въ современной намъ экспериментальной психологіи мы имѣемъ дѣло въ большинствѣ случаевъ съ субъективной же психологіей, къ которой приложенъ соотвѣтствующій объективный контроль, отмѣчающій тѣ или другіе моменты субъективныхъ переживаній. Но нельзя не принять во вниманіе, что далеко не всѣ области психики представляются доступными субъективному анализу. Всѣмъ извѣстно, что психическая дѣятельность далеко не въ полной мѣрѣ и не во всѣхъ своихъ частяхъ сопутствуется сознаніемъ. Даже психическіе процессы, которые сопровождаются наиболѣе напряженной работой мысли, въ значительной мѣрѣ протекаютъ въ безсознательной сферѣ. Извѣстно, что путемъ субъективнаго анализа мы улавливаемъ только конечные продукты мысли, вся же подготовительная работа къ нимъ обыкновенно протекаетъ въ безсознательной сферѣ. Далѣе извѣстно, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ могутъ протекать скрытыми отъ насъ и наиболѣе сложные процессы мысли. Съ развитіемъ ученія

о гипнозѣ и т. наз. психическаго автоматизма намъ стали ближе извѣстны состоянія, выражающіяся сложной психической дѣятельностью, при которыхъ однако имѣется полная амнезія всего переживаемаго въ этомъ состояніи. Равнымъ образомъ по субъективному анализу мы не можемъ отдавать себѣ отчета и о многихъ психическихъ явленіяхъ, происходящихъ во снѣ, хотя уже давно извѣстны сложные процессы мысли, происходившіе въ періодъ сна, несмотря на то, что о нихъ не сохранялось яснаго воспоминанія.

Далѣе субъективный анализъ въ такихъ проявленіяхъ психики, какъ эмоціи, даетъ въ общемъ очень скудный матеріалъ по отношенію къ теченію психическихъ процессовъ и почти не даетъ возможности судить о внѣшнихъ проявленіяхъ эмоцій, обычно неощутимыхъ и несознаваемыхъ.

Отсюда очевидно, что субъективныя проявленія психики, какъ мы ихъ открываемъ въ самонаблюденіи, хотя и даютъ научный матеріалъ для изученія и построенія тѣхъ или другихъ выводовъ, но этотъ матеріалъ часто не даетъ возможности подвести точные итоги психической дѣятельности до тѣхъ поръ, пока онъ изучается совершенно независимо отъ тѣхъ объективныхъ явленій, которыми обычно выражается дѣятельность нашей психики.

Съ другой стороны, если мы обратимся къ изслѣдованію не самого себя, а другихъ лицъ, то легко убѣдиться, что самонаблюденіе уже потому здѣсь мало пригодно для изслѣдованія субъективныхъ проявленій психики, что послѣднія представляются для насъ непосредственно недоступными, и мы можемъ судить о нихъ лишь по аналогіи съ самимъ собою и въ предположеніи, что другіе при опредѣленныхъ внѣшнихъ условіяхъ испытываютъ и переживаютъ опредѣленное внутреннее или субъективное состояніе, вполнѣ сходное съ тѣмъ, которое переживаемъ мы сами при такихъ же условіяхъ. Однако нетрудно показать, что мы здѣсь находимся уже въ сферѣ совершенно произвольныхъ толкованій.

Допустимъ, что мы находимся на площади св. Марка и любуемся общимъ ансамблемъ ея построекъ. Имѣемъ ли мы право предполагать, что другія лица, которыя будутъ стоять на томъ же самомъ мѣстѣ и будутъ разсматривать тѣ же зданія, будутъ переживать то же, что и мы. Ничуть не бывало! Прежде всего, хотя всѣ зданія этой площади будутъ находиться въ кругозорѣ наблюдающихъ лицъ, но далеко неодинаковое впечатлѣніе отъ всего видѣннаго оставитъ въ себѣ каждый изъ зрителей. Такъ художникъ будетъ видѣть кромѣ общаго ансамбля всей площади детальный характеръ каждой постройки, уловитъ колоритъ красокъ, замѣтитъ всѣ главные узоры зданій наиболѣе характерныя архитектурныя линіи и пр. Простой любитель путешествій уловитъ лишь общее расположеніе построекъ, уловитъ ихъ общій внѣшній характеръ, и уловитъ, быть можетъ, еще нѣкоторыя частности, бросившіяся ему въ глаза; простолюдинъ же, никогда не видавшій художественныхъ построекъ, обратитъ вниманіе лишь на общее расположеніе зданій и отмѣтитъ,

быть можетъ, размѣры и общее убранство самыхъ зданій. А человѣкъ, вполнѣ лишенный образованія и ограниченный отъ природы, смотря на тѣ же зданія, врядъ ли можетъ отмѣтить, что либо другое кромѣ ихъ относительной пестроты или же вовсе не обратитъ ни на что должнаго вниманія и не оставитъ въ себѣ болѣе или менѣе яснаго отпечатка отъ всего имъ видѣннаго.

Ясно, что мы только тогда имѣли бы полное право заключать, что другіе при данныхъ внѣшнихъ условіяхъ переживаютъ то же, что и мы, если бы дѣло шло не только о тождествѣ внѣшнихъ условій, но и о тождествѣ внутреннихъ условій, опредѣляющихъ внѣшнее воспріятіе, его полноту и характеръ. А такъ, какъ психика каждаго вырабатывается подъ опредѣленными индивидуально различными условіями, неодинаковыми вообще для отдѣльныхъ лицъ, то ясно, что въ оцѣнкѣ психики другихъ мы не можемъ безошибочно руководиться предположеніемъ, что другія лица должны переживать аналогичныя нашимъ субъективныя состоянія, при одинаковыхъ внѣшнихъ условіяхъ.

Изъ вышеизложеннаго очевидно, что точная оцѣнка психическихъ процессовъ, переживаемыхъ другимъ лицомъ, не можетъ быть произведена по аналогіи съ самимъ собою, а требуетъ строгой регистраціи не однихъ только субъективныхъ переживаній, но и всѣхъ объективныхъ проявленій психики въ моментъ самаго переживанія и позднѣе при воспроизведеніи пережитаго, т. е. изученія всѣхъ вообще реакцій въ сферѣ двигательной системы, дыханія, сердечно-сосудистой системы, секреторной сферы и пр.

Что касается субъективной стороны психическихъ процессовъ, то, служа предметомъ изученія субъективной психологіи, она изслѣдовалась до сихъ поръ путемъ описательнаго метода, на помощь которому явилась въ новѣйшее время усовершенствованная регистрація съ помощью приборовъ и аппаратовъ, употребляемыхъ въ экспериментальной психологіи. Но было бы ошибочно полагать, что описаніе субъективнаго переживанія можетъ дать намъ точное понятіе о всей полнотѣ пережитаго. Дѣло въ томъ, что описаніе, какъ бы живо оно ни производилось, въ дѣйствительности всегда основано на воспроизведеніи и потому часто не даетъ полнаго изображенія пережитаго или преувеличиваетъ послѣднее. Кромѣ того всякое описаніе даетъ возможность постороннему наблюдателю составить сужденіе опять таки лишь по аналогіи. а мы уже знаемъ, какія различія имѣются въ субъективныхъ переживаніяхъ различныхъ лицъ, чтобы не признавать за аналогіей въ данныхъ случаяхъ особенно точнаго пріема.

Вообще, если бы мы хотѣли вникнуть ближе въ самый характеръ субъективныхъ переживаній, испытываемыхъ другимъ лицомъ при томъ или другомъ случаѣ, и пожелали бы выяснить детально ихъ субъективную сторону, руководясь описаніями и опираясь на аналогію съ своимъ субъективнымъ

міромъ, то опять таки, отрѣшаясь даже отъ вопроса о точности самыхъ описаній, мы рискуемъ впасть въ ошибку, не принявъ во вниманіе сопутствующихъ переживанію объективныхъ явленій. Да и описанія съ помощью символическихъ знаковъ членораздѣльной рѣчи требуютъ надъ собою въ свою очередь объективнаго контроля и соотвѣтствующей поправки для выясненія точности передачи субъективнаго состоянія символизирующимъ аппаратомъ рѣчи уже послѣ происшедшаго переживанія.

Изъ вышеизложеннаго очевидно, что психологія, ставящая главнѣйшимъ матеріаломъ своихъ изысканій собственную психику, имѣющая основнымъ методомъ ея изслѣдованія самонаблюденіе и изучающая психику другихъ по аналогіи съ самимъ собою, руководясь описаніями и сравненіями, всегда обречена на извѣстную неточность въ своихъ выводахъ и не можетъ претендовать на полноту изученія психики, до тѣхъ поръ, пока она игнорируетъ ея объективныя проявленія.

Недостаточность одного самонаблюденія и метода аналогіи въ оцѣнкѣ психическихъ явленій, признанная уже давно многими представителями современной психологіи, выясняется еще болѣе на случаяхъ, гдѣ дѣло идетъ о безсознательной психической дѣятельности, т. е. о такихъ психическихъ процессахъ, которые протекаютъ безъ явленій сознанія, слѣдовательно не проявляются субъективными признаками. Какъ извѣстно, многими представителями современной психологіи эти безсознательные психическіе процессы признавались и признаются происходящими въ нашей психической сферѣ на ряду съ субъективными состояніями, но, какъ безсознательныя, они ускользаютъ совершенно отъ контроля самонаблюденія.

Однако и въ этомъ вопросѣ между современными психологами нѣтъ полнаго согласія, такъ какъ нѣкоторые слово «безсознательный» готовы совершенно исключить изъ психологіи. Чтобы не ссылаться на многихъ, упомяну, что еще недавно *А. П. Нечаевъ* [1]) по этому поводу высказался вполнѣ категорично: «*безсознательной душевной* [2]) жизни, въ буквальномъ смыслѣ этого слова, нельзя допустить. Если иногда и говорятъ о *безсознательной* душевной жизни, то это выраженіе или вовсе не имѣетъ никакого смысла или по крайней мѣрѣ оказывается выраженіемъ недостаточно точнымъ». Въ другомъ мѣстѣ тотъ же авторъ говоритъ: «и такъ, когда говорятъ о *безсознательной душевной* жизни, то при этомъ въ большинствѣ случаевъ совершенно искажаютъ прямое значеніе словъ «безсознательный» и «душевный», но иногда начинаютъ нарочно разсуждать о безсознательной душевной жизни въ прямомъ значеніи этого слова. Такъ напримѣръ, говорятъ, что наши мысли и чувства могутъ оставаться въ нашей памяти, совершенно не сознаваясь нами: они хранятся тамъ въ безсознательномъ состояніи. Въ этомъ же родѣ иногда разсуждаютъ о появленіи нѣкоторыхъ мыслей. Гово-

[1]) А. Нечаевъ. Очеркъ психологіи для воспитателей и учителей. Спб. 1904 г.

[2]) Курсивъ здѣсь и въ другихъ мѣстахъ принадлежитъ подлиннику.

рять, что иныя мысли зарождаются независимо отъ насъ, гдѣ то тамъ въ глубинѣ души, за предѣлами нашего сознанія; онѣ живутъ и крѣпнутъ, оставаясь безсознательными, и только потомъ мы начинаемъ ихъ сознавать. Не входя въ подробный разборъ этихъ воззрѣній, я скажу только, что подобнаго рода ученія несомнѣнно носятъ *метафизическій* характеръ, такъ какъ самое существованіе безсознательной душевной жизни въ прямомъ значеніи этого слова, очевидно не можетъ быть ни доказано, ни опровергнуто при помощи опыта. Поэтому безсознательная душевная жизнь въ прямомъ значеніи этого слова не можетъ служить предметомъ изученія нашей психологіи».

Мы съ намѣреніемъ привели эту выдержку, такъ какъ она достаточно полно выражаетъ взглядъ обширной группы представителей современной психологіи, для которыхъ «*самонаблюденіе - основной источникъ психологіи*» и по взгляду которыхъ и психологія—наука о фактахъ сознанія, какъ таковыхъ [1]).

Здѣсь нѣтъ надобности входить въ критическую оцѣнку этого довольно распространеннаго взгляда, являющагося яркимъ отраженіемъ направленія, господствующаго въ современной психологіи, которая по справедливости должна быть названа субъективной. Вышеуказанный взглядъ свидѣтельствуетъ, что субъективная психологія даже по взгляду лицъ, пользующихся экспериментальнымъ методомъ изслѣдованія, съуживаетъ свою задачу предѣлами одного сознанія. Мы уже говорили, къ какимъ послѣдствіямъ это приводитъ, лишая насъ возможности изучить психическую сферу другихъ лицъ иначе, какъ путемъ воображаемаго подставленія нашихъ собственныхъ субъективныхъ состояній на мѣсто предполагаемыхъ субъективныхъ переживаній другими лицами [2]).

Опираясь на самонаблюденіе и на аналогію, субъективная психологія и дѣлаетъ свои выводы, относительно психической дѣятельности другихъ лицъ, тогда какъ эти выводы основаны на предположеніи, что мы можемъ безошибочно и въ полной мѣрѣ наблюдать за своей психической дѣятельностью, что другими переживается все именно такъ, какъ переживается и нами, и что мы можемъ путемъ воображенія поставить себя на ихъ мѣсто и, такъ

---

[1]) См. А. Нечаевъ. тамъ же стр. 22.

[2]) «Если мы говоримъ о чужой душевной жизни, если даже задаемся цѣлью изучить ее, то это возможно только при одномъ условіи, мы должны предполагать, что внѣ насъ находятся другія существа, обладающія такою же способностью непосредственнаго знанія, какъ и мы, и при всѣхъ разсужденіяхъ о душевной жизни этихъ существъ мы невольно должны ставить себя на ихъ мѣсто и потомъ живо представлять себѣ, что стали бы мы чувствовать въ ихъ положеніи. Отсюда ясно, что хорошимъ психологомъ можетъ быть только тотъ, кто умѣетъ хорошо наблюдать надъ самимъ собою». (Нечаевъ, loko cit. стр. 22).

сказать, ретроспективно пережить въ точности все то, что пережили уже другіе и передали намъ о своемъ состояніи опредѣленными символическими знаками. Нечего и говорить о томъ, какъ много научныхъ заблужденій кроется въ выводахъ, основанныхъ на столь шаткихъ предположеніяхъ.

Не можетъ подлежать сомнѣнію, что вышеуказанный методъ самонаблюденія и аналогіи полонъ еще большихъ ошибокъ, когда дѣло идетъ о патологическихъ состояніяхъ психической сферы. Можемъ ли мы, напримѣръ, сколько нибудь точно представить себѣ субъективныя переживанія, которыя испытываетъ меланхоликъ или маніякъ, или человѣкъ со спутанностью сознанія или, наконецъ, идіотъ отъ рожденія? Врядъ ли вообще въ мірѣ найдется такой психіатръ, который бы отвѣтилъ на этотъ вопросъ положительно. Равнымъ образомъ мы не можемъ даже и приблизительно представить себѣ тѣ субъективныя переживанія, которыя испытываетъ ребенокъ въ періодѣ младенчества и въ первую пору дѣтства, да и много позднѣе. А если это такъ, то болѣе чѣмъ очевидно, что субъективный методъ самъ по себѣ не можетъ претендовать на сколько нибудь значительную точность въ изслѣдованіи психической сферы.

Еще въ большей мѣрѣ очевидна недостаточность субъективнаго метода въ примѣненіи къ изслѣдованію психическаго міра животныхъ. Правда было не мало извѣстныхъ авторовъ, которые съ чистотою сердца старались навязать животнымъ тѣ же ощущенія, представленія и понятія, какія они испытываютъ сами. Но всякому должно быть понятно, что здѣсь кроется грубая ошибка. Для примѣра приведемъ напримѣръ выдержку изъ извѣстнаго сочиненія Л. Л. Лангсрота «Пчела и улей» (Р. п. стр. 247)[1]). «При перемѣщеніи ульевъ, говоритъ этотъ авторъ, очень интересно наблюдать поведеніе пчелъ, возвратившихся въ прежнее свое жилище. Если вновь поставленный улей походитъ на прежній по величинѣ и виду, пчелы входятъ въ него, какъ въ свой, но онѣ тотчасъ же вылетаютъ изъ него въ сильномъ возбужденіи, *думая безъ сомнѣнія*, что онѣ по какой нибудь непонятной для нихъ ошибкѣ попали въ другой улей. Вылетѣвъ съ тѣмъ, чтобы поправить свою ошибку, онѣ замѣчаютъ, къ *своему великому изумленію*, что попали вѣрно. Онѣ снова влетаютъ въ улей и вылетаютъ изъ него цѣлыми кучами *въ крайнемъ недоумѣніи*. Наконецъ, найдя матку и видя, что у нихъ есть возможность вывести другую, *онѣ рѣшаютъ*, что какъ ни страненъ этотъ улей, онъ удивительно похожъ на прежній, что положеніе его таково, что во всякомъ случаѣ онѣ могутъ жить только въ немъ. Онѣ безъ сомнѣнія видятъ, что судьба надъ ними подшутила, *но онѣ настолько умны,* что останавливаются на лучшемъ изъ возможныхъ рѣшеній. *Онѣ бываютъ такъ смущены* неожиданностью, что не вступаютъ въ ссору съ оставшимися въ ульѣ пчелами, ко-

---

[1]) Въ ниже приведенныхъ выдержкахъ курсивъ мой.

торыя ихъ и принимаютъ охотно». А вотъ что по тому же поводу говоритъ извѣстный англійскій натуралистъ Роменсъ[1]). «Если мы видимъ, напримѣръ, рѣзкія проявленія чувства привязанности, симпатіи, ревности или гнѣва у собаки или обезьяны, то немногіе изъ насъ будутъ настолько скептиками, чтобы усомниться въ томъ, что полная аналогія этихъ проявленій съ проявленіями, какія мы видимъ у человѣка, достаточно доказываетъ существованіе субъективныхъ состояній аналогичныхъ состояніямъ человѣка, внѣшними и видимыми знаками которыхъ служатъ такія же проявленія. Но, когда мы находимъ, что дѣйствія муравья или пчелъ обнаруживаютъ повидимому тѣ же эмоціи, то немногіе изъ насъ окажутся настолько нескептиками, чтобы не спросить себя: можно ли повѣрить въ этомъ случаѣ внѣшнимъ и видимымъ знакамъ, какъ доказательству аналогичныхъ или соотвѣтствующихъ внутреннихъ состояній. Вся организація такого существа, какъ муравей и пчела, настолько отличается отъ человѣческой организаціи, что является вопросъ: насколько въ дѣлѣ заключенія о присутствіи субъективныхъ состояній можно положиться на аналогію дѣйствія насѣкомаго съ человѣческими дѣйствіями. А такъ, какъ вполнѣ справедливо безъ сомнѣнія, что, чѣмъ меньше сходства, тѣмъ меньше и цѣнность въ аналогіи, построенной на этомъ сходствѣ, то и выводъ о муравьѣ или пчелѣ, чувствующихъ симпатію или гнѣвъ, менѣе законенъ, нежели тотъ же выводъ относительно собаки и обезьяны. Тѣмъ не менѣе это всетаки выводъ законный, хотя бы только потому, что на самомъ дѣлѣ, это единственный. дѣйствительный выводъ».

Всякій однако понимаетъ, что законность этого вывода, вообще говоря, весьма и весьма условна. Ясно, что мы ни въ коемъ случаѣ не можемъ пользоваться субъективнымъ методомъ для оцѣнки тѣхъ психическихъ процессовъ, которые переживаютъ при сооотвѣтствующихъ внѣшнихъ условіяхъ нисшія существа и какую бы коррекцію мы не производили въ этомъ случаѣ, принявъ во вниманіе ограниченность ихъ психики, мы не приблизимся въ болѣе или менѣе желательной степени къ дѣйствительнымъ особенностямъ ихъ внутренняго переживанія. Поэтому въ изслѣдованіи психики животныхъ возможенъ и долженъ получить право гражданства лишь одинъ объективный методъ. Въ этомъ отношеніи мы не можемъ не присоединиться къ словамъ нашего зоопсихолога Вагнера[2]) «Господствующій методъ нашей науки построенъ на широкой аналогіи дѣйствій нисшихъ и высшихъ животныхъ между собой, т. е. представляетъ тотъ путь изученія явленій, при которомъ мы идемъ отъ человѣка къ природѣ, и который Ог. Контъ назвалъ субъективнымъ. Такъ какъ степень вѣроятности такихъ аналогій, ихъ предѣлъ, оцѣнка психологическихъ свойствъ явленій, установленіе взаимной связи ихъ между собой и проч. каждымъ авторомъ понимаются и опредѣляются по своему, то субъективный методъ

[1]) Роменсъ. Умъ животныхъ. Стр. 7 и 8.

[2]) См. В. Вагнеръ. Вопросы зоопсихологіи Спб. 1896 стр. 35.

самъ по себѣ заключаетъ условія, дѣлающія выводы, построенные этимъ путемъ, бездоказательными и потому неизбѣжно спорными. Вслѣдствіе всего этого сказанный методъ не можетъ считаться въ такой степени достовѣрнымъ, въ какой мы имѣемъ право требовать этого для точной науки».

Мы однако не вполнѣ согласны съ авторомъ, который, говоря про объективный методъ въ зоопсихологіи, замѣчаетъ: «точкою отправленія этого метода служитъ идея о томъ, что въ изученіи зоопсихологіи, какъ и явленій природы вообще, надо идти отъ животныхъ къ человѣку, а не наоборотъ».

Мы не отрицаемъ, что въ разрѣшеніи всѣхъ научныхъ вопросовъ правильнѣе идти отъ простѣйшаго къ болѣе сложному, но не въ этомъ съ нашей точки зрѣнія лежитъ сущность объективнаго метода въ психологіи вообще и въ зоопсихологіи въ частности, а въ томъ, чтобы, отрѣшившись отъ оцѣнки психики болѣе нисшихъ животныхъ съ точки зрѣнія субъективныхъ переживаній человѣка, изучать лишь объективныя проявленія психической дѣятельности животныхъ, какъ они обнаруживаются въ отношеніяхъ послѣднихъ къ окружающему міру, и въ выясненіи функціональнаго значенія органовъ психики.

Въ этомъ отношеніи мы вполнѣ присоединяется въ отношеніи объективной оцѣнки психики животныхъ къ словамъ проф. И. П. Павлова, который въ своей работѣ: «Экспериментальная психологія и психологія на животныхъ». (изв. И. Воен. Медицин. Академіи, 1893 г.) говоритъ слѣдующее»: Должны ли мы, спрашиваетъ онъ, для пониманія новыхъ (относящихся до слюноотдѣленія) психо-физіологическихъ явленій входить во внутреннее состояніе животнаго, по своему представлять его ощущенія, чувства и желанія? Для естествоиспытателя остается на этотъ послѣдній вопросъ, какъ мнѣ кажется, только одинъ отвѣтъ—рѣшительное «нѣтъ». Гдѣ хоть сколько нибудь безспорный критерій того, что мы догадываемся вѣрно и можемъ съ пользою для пониманія дѣла сопоставлять внутреннее соотояніе, хотя бы и такого высокоразвитаго животнаго, какъ собака съ самими собой? Далѣе. Не постоянное ли горе жизни состоитъ въ томъ, что люди большею частью не понимаютъ другъ друга, не могутъ войти одинъ въ состояніе другого».

Мы признаемъ, что безъ полнаго знакомства съ объективными данными, которыми выражаются психическіе процессы, никогда не можетъ быть достигнуто дѣйствительное изученіе психики въ животномъ царствѣ вообще, а равно и у дѣтей. Мы полагаемъ также, что и въ изученіи психики взрослыхъ людей данныя одной субъективной психологіи никогда не могутъ претендовать на достаточную научную полноту и точность. По нашему мнѣнію, понятіе о психикѣ вообще не должно быть съуживаемо до степени однихъ субъективныхъ переживаній, а тѣмъ болѣе изученіе психики не можетъ и не должно ограничиваться одной субъективной стороной даже у взрослаго человѣка, а должно имѣть въ виду своей существенной задачей также и изученіе объективной стороны психической дѣятельности.

Такъ называемая душевная или психическая дѣятельность, гдѣ бы она не проявлялась, не можетъ быть разсматриваема только съ точки зрѣнія субъективныхъ переживаній, открываемыхъ нами въ себѣ самомъ при непосредственномъ самонаблюденіи. Не говоря о томъ, что вмѣстѣ съ т. наз. сознательными, субъективно переживаемыми состояніями въ нашей психической дѣятельности протекаютъ и безсознательные процессы, должно имѣть въ виду, что современная психофизіологія установила, какъ положеніе, что на ряду съ субъективными переживаніями въ мозгу протекаютъ параллельно имъ происходящія объективныя измѣненія.

Доказано также, что извѣстные психическіе процессы, какъ наприм., процессы чувственнаго воспріятія, могутъ быть уничтожены путемъ разрушенія опредѣленныхъ частей мозга, чѣмъ доказывается непосредственная связь этихъ процессовъ съ происходящими въ указанныхъ мозговыхъ частяхъ физико-химическими измѣненіями. Если есть еще лица, полагающія, что имѣется цѣлый рядъ психическихъ явленій и процессовъ, которые не связаны непосредственно съ извѣстными частями мозга, то мы должны указать на тотъ фактъ, что, удаливъ полушарія большого мозга у животнаго, мы лишаемъ его всѣхъ высшихъ психическихъ отправленій, а, удаливъ вмѣстѣ съ тѣмъ подкорковыя части головного мозга, мы отнимаемъ у животнаго даже и наиболѣе элементарныя проявленія психической дѣятельности. Ясно слѣдовательно, что и высшія психическія отправленія стоятъ въ тѣсной связи съ дѣятельностью мозга и съ происходящими въ немъ физико-химическими процессами.

Другое доказательство соотношенія психическихъ процессовъ заключается въ томъ, что уже простого прекращенія притока крови къ мозгу, слѣд. пониженія въ немъ обмѣна, какъ показываютъ опыты со сдавленіемъ сонныхъ артерій у человѣка, достаточно, чтобы психическая дѣятельность съ ея сознаніемъ временно исчезла.

Наконецъ, третье доказательство въ пользу того же положенія мы находимъ въ томъ, что всѣ вообще психическіе процессы протекаютъ во времени, они требуютъ того или другого промежутка болѣе или менѣе точно измѣряемаго, какъ показываютъ соотвѣтствующія психофизическія изслѣдованія. Это обстоятельство, безъ сомнѣнія, доказываетъ, что психическіе процессы происходятъ въ средѣ, представляющей извѣстное сопротивленіе, а такое сопротивленіе можетъ быть объяснено только матеріальными измѣненіями мозговой ткани. Въ нашихъ глазахъ этотъ фактъ служитъ очевиднымъ доказательствомъ того, что всѣ вообще психическіе процессы сопутствуются матеріальными процессами мозга и что нѣтъ ни одного психическаго акта, который бы представлялъ собою явленіе чисто духовное въ философскомъ значеніи этого слова и не сопутствовался бы никакими матеріальными измѣненіями мозговой ткани.

Мы рѣшительно не понимаемъ, какъ еще могутъ раздаваться сомнѣнія относительно того, сопровождаются ли высшіе психическіе процессы матеріальными измѣненіями наравнѣ съ процессами воспріятія. Вѣдь процессы воспріятія и высшіе процессы апперцепціи, какъ процессы психическіе или душевные, не могутъ различаться другъ отъ друга по существу, а если это такъ, то очевидно, что и высшіе психическіе процессы суть также процессы, сопутствуемые матеріальными процессами, какъ и всѣ вообще процессы воспріятія. Да и умственная работа, какъ извѣстно, выражается цѣлымъ рядомъ послѣдовательныхъ матеріальныхъ измѣненій въ организмѣ, которыя суть ничто иное, какъ проявленіе дѣятельнаго состоянія мозга.

По нашему мнѣнію, совершенно неправильно говорить во всѣхъ вышеуказанныхъ случаяхъ даже о параллельномъ теченіи двухъ процессовъ психическаго или душевнаго и физическаго или матеріальнаго, какъ это принято вообще выражаться. Мы должны твердо держаться той точки зрѣнія, что дѣло идетъ въ этомъ случаѣ не о двухъ отдѣльныхъ параллельно протекающихъ процессахъ, а объ одномъ и томъ же процессѣ. который выражается одновременно матеріальными или объективными и нематеріальными или субъективными явленіями. Какъ бы ни было существенно различіе между субъективными переживаніями и сопутствующими имъ объективными измѣненіями мозга, мы не должны упускать изъ виду, что тѣ и другія служатъ выраженіемъ одного и того же нервно-психическаго процесса, обусловленнаго дѣятельностью энергіи центровъ. По этому во избѣжаніе всякихъ недоразумѣній и въ устраненіе издавна установившагося противоположенія духовнаго матеріальному мы вправѣ и должны говорить нынѣ не о душевныхъ или психическихъ процессахъ въ настоящемъ смыслѣ слова, а о процессахъ нервно-психическихъ, и вездѣ, гдѣ мы имѣемъ дѣло съ психикой, нужно, имѣть въ виду собственно нервно-психическіе процессы, иначе, невро-психику, а у простѣйшихъ, лишенныхъ нервной системы, біопсихику.

Что касается безсознательныхъ психическихъ resp. нервно-психическихъ процессовъ, въ которые мы не включаемъ процессы, входящіе въ сферу безличнаго или общаго сознанія, какъ дѣлаютъ нѣкоторые, то они суть несомнѣнно нервные процессы, недостигшіе такого напряженія, при которомъ становится доступной внутреннему воспріятію субъективная сторона процесса. Доказательство послѣдняго можно видѣть въ томъ, что эти процессы также протекаютъ во времени, какъ и всѣ сознательные нервно-психическіе процессы.

Съ другой стороны всѣ собственно нервные процессы, которые мы имѣемъ въ наиболѣе элементарныхъ рефлекторныхъ центрахъ и переферическихъ нервныхъ узлахъ, должны быть признаны процессами, содержащими въ потенціальномъ состояніи и нервно-психическія проявленія въ томъ смыслѣ, что при особыхъ условіяхъ, приводящихъ къ задержанію въ нихъ нервнаго процесса, вмѣстѣ съ чѣмъ и развитіе нервно-психической энергіи достигало бы въ этихъ

центрахъ большаго напряженія, въ нихъ могли бы обнаруживаться наряду съ объективными измѣненіями ткани и субъективныя проявленія. Что предположеніе это не лишено фактической подкладки, доказывается тѣми патологическими случаями, въ которыхъ обычно безсознательные импульсы отъ внутреннихъ органовъ становятся сознательными и служатъ предметомъ воспріятія и жалобъ больныхъ.

Вышеуказанный взглядъ устраняетъ извѣстное матеріалистическое воззрѣніе, по которому мысль и психическое вообще съ явленіями сознанія служатъ результатомъ матеріальныхъ измѣненій мозга, и равнымъ образомъ устраняетъ извѣстное спиритуалистическое воззрѣніе, признающее зависимость матеріальныхъ измѣненій мозга отъ душевныхъ явленій. Строгое и самое полное единеніе матеріальныхъ и душевныхъ явленій въ одномъ нервно-психическомъ процессѣ съ нашей точки зрѣнія получаетъ объясненіе въ томъ, что оба порядка явленій служатъ производными одной общей причины, которую мы видимъ въ особой нервно-психической энергіи.

Мы не можемъ входить здѣсь въ подробное выясненіе этого вопроса разсмотрѣнію котораго посвящено наше сочиненіе: «Психика и жизнь» [1]). Мы замѣтимъ лишь, что, по нашему воззрѣнію, психическое съ его субъективными переживаніями есть такое же производное энергіи при извѣстныхъ условіяхъ подвижнаго и организованнаго сцѣпленія сложныхъ по своему химическому составу частицъ вещества, какъ и тѣ молекулярные процессы, которые мы открываемъ или предполагаемъ въ нервной ткани при дѣйствіи этой энергіи. Съ этимъ воззрѣніемъ, разсматривающимъ нервно-психическую энергію, какъ причину одновременно происходящихъ въ центрахъ матеріальныхъ и субъективныхъ процессовъ, мы можемъ логически объяснить тотъ параллелизмъ субъективныхъ явленій и матеріальныхъ процессовъ въ нашихъ центрахъ, который нынѣ признается большинствомъ психологовъ. Иначе говоря, душа съ ея сознаніемъ, не есть особая сущность, проявляющаяся при дѣятельности центровъ и затѣмъ скрывающаяся какимъ то таинственнымъ образомъ, а продуктъ энергіи мозговыхъ центровъ, какъ и открываемыя въ тѣхъ же центрахъ матеріальныя измѣненія нервной ткани. Безъ этой унификаціи двухъ совершенно разнородныхъ явленій при посредствѣ нервно-психической энергіи совершенно немыслимо придерживаться и понятія о параллелизмѣ тѣхъ и другихъ.

---

[1]) Спб. изд. Риккера 1904.

Къ вопросу о значеніи провинціальныхъ педагогическихъ кружковъ.

П. М. Ѳедотова.

Русское общество за послѣдніе 3—4 года обнаружило особенный интересъ къ вопросамъ обученія и воспитанія. Въ связи съ этимъ интересомъ нельзя не поставить учрежденія въ провинціи педагогическихъ кружковъ и обществъ.

Теперь едва-ли можно сомнѣваться въ томъ, что этимъ кружкамъ и обществамъ предстоитъ въ будущемъ сыграть большую роль не только въ дѣлѣ распространенія здравыхъ педагогическихъ понятій, но и вообще въ дѣлѣ распространенія въ провинціи просвѣщенія.

При своемъ основаніи кружки эти имѣли въ виду разработку только педагогическихъ вопросовъ. Но сама жизнь показала, что замыкаться въ своей дѣятельности имъ нельзя, почему незамѣтно пришлось расширить программу и сдѣлаться вообще просвѣтительными учрежденіями.

Какъ бы плохо ни было обставлено внѣшнее положеніе педагога въ провинціи, къ нему провинціальное общество предъявляетъ большія требованія. Оно смотритъ на него, какъ на носителя знаній, какъ представителя въ провинціи того движенія, которое совершается въ умственной жизни человѣчества. Педагогъ—это интеллигентъ по преимуществу. Отсюда понятно, почему общество такъ строго относится къ педагогамъ. Что можно, или, по крайней мѣрѣ, извинительно чиновникамъ другихъ вѣдомствъ, хотя бы этотъ чиновникъ былъ съ высшимъ образованіемъ,—то не прощается педагогу. Служба педагога въ провинціи по этой причинѣ трудна и отвѣтственна. У него на рукахъ прежде всего молодое поколѣніе. Въ школѣ ему приходится рѣшать вопросы на столько же важные, на сколько и сложные. Хотя въ школѣ педагогъ получаетъ опредѣленный матеріалъ, данный наслѣдственностію, матеріалъ, характера котораго онъ не можетъ измѣнить, тѣмъ не менѣе онъ сознательно можетъ хорошіе задатки въ дѣтяхъ усилить, развить, а вредные—ослабить, можетъ помочь развернуться природнымъ способностямъ.

Эта сознательная дѣятельность педагога вполнѣ успѣшна будетъ только тогда, когда и общество дѣйствуетъ въ одинаковомъ съ нимъ направленіи, когда оно заставляетъ ребенка путемъ подражанія вбирать въ себя изъ окру-

жающей среды то, о чемъ заботится педагогъ. Это, конечно, идеалъ, отъ котораго дѣйствительность далека, а провинціальная—въ особенности.

Педагогу въ провинціи приходится воздѣйствовать и на дѣтей, и на общество—отцовъ и матерей. Работа слишкомъ трудная и сложная. Нельзя надѣяться на успѣхъ, если педагоги будутъ работать раздробленно, каждый за свой рискъ и страхъ. Другое дѣло, если они будутъ соединять свои силы, дѣйствовать дружно въ одномъ направленіи, составлять союзы съ цѣлію воздѣйствовать на общество. Вотъ эти союзы педагоговъ и есть педагогическіе кружки и общества въ провинціи.

Лежащіе передъ нами отчеты Керченскаго педагогическаго кружка за три года служатъ иллюстраціей того, что сдѣсь сказано. Недаромъ П. Н. Сакулинъ, говоря о Керченскомъ педагогическомъ кружкѣ, назвалъ его «типичнымъ» для провинціи *).

Въ первый годъ своего существованія кружокъ занимается исключительно педагогическими вопросами, какъ это видно изъ отчета за 1901 годъ. Вотъ рефераты, которые были прочитаны въ собраніи кружка и обсуждались: «Обозрѣніе педагогическихъ журналовъ за 1899 годъ», «О физическомъ воспитаніи», «Литературно-вокально-музыкальные вечера и спектакли въ школѣ», «Преподаваніе ариѳметики по учебнику Егорова», «Къ вопросу о реформѣ средней школы», «Учитель средней школы» «Преимущества естествознанія предъ классицизмомъ въ дѣлѣ развитія мышленія учащихся», «О развитіи вниманія», «Педагогическій отдѣлъ на всемірной выставкѣ въ Парижѣ въ 1900 году». Не смотря на такое количество рефератовъ, чрезвычайно интересныхъ съ педагогической точки зрѣнія, составитель отчета жалуется на то, что въ преніяхъ принимали участіе «весьма немногіе изъ присутствующихъ», и вообще на засѣданіяхъ этихъ проявлялось «мало живости». Но вечера, посвященные чествованію памяти поэтовъ—гр. А. Толстого, Т. Г. Шевченко и педагога Ушинскаго, были «выдающимися моментами въ жизни педагогическаго кружка». «Программы этихъ вечеровъ состояли въ чтеніи біографій чествовавшихся писателей, характеристикѣ ихъ литературной дѣятельности, чтеніи и разборѣ ихъ произведеній».

Не трудно догадаться, почему эти «вечера» были выдающимися моментами въ жизни педагогическаго кружка, не трудно догадаться, почему они отличались многолюдствомъ и оживленностію. Очевидно, общество интересовалось болѣе тѣмъ, что носило общеобразовательный характеръ, а не спеціально педагогическій.

Педагогическій кружокъ не могъ не обратить вниманія на этотъ фактъ, такъ какъ одна изъ важнѣйшихъ задачъ его заключалась въ привлеченіи общества, въ необходимости такъ или иначе установить связь школы и семьи-

*) Вѣстн. Восп., 1903 г., Сентябрь.

Что-же нужно было для этого дѣлать? Кружокъ удачно разрѣшилъ этотъ вопросъ, съузивъ нѣсколько специально-педагогическую программу и расширивъ общеобразовательную. Второй отчетъ и говоритъ о такой дѣятельности кружка, говоритъ онъ также о томъ, что эта дѣятельность увѣнчалась полнымъ успѣхомъ. Отчетъ говоритъ о семи рефератахъ, имѣющихъ педагогическій характеръ и десяти—общеобразовательный. Сюда же нужно присоединить чтеніе и обсужденіе печатныхъ статей, имѣющихъ тоже общій интересъ. Кромѣ того, дѣятельность кружка расширилась въ томъ отношеніи, что онъ приглашаетъ лекторовъ для прочтенія ряда лекцій по разнымъ отраслямъ знанія. Къ выбору лекторовъ кружокъ, какъ и слѣдовало ожидать, привлекъ и общество. Интересно, на представителяхъ какихъ наукъ остановлено было вниманіе. Избранными оказались: проф. К. Э. Линдеманъ (Зоологія), В. П. Вахтеровъ (Педагогика), пр.-доц. П. Н. Сакулинъ (Русская литература), пр.-доц А. П. Нечаевъ (психологія). Такое расширеніе дѣятельности кружка отразилось благопріятно и на движеніи денежныхъ суммъ кружка. Если по первому отчету приходъ выразился въ 440 р. 30 к., то по второму—онъ уже достигаетъ 1035 р. 25 к.

Програма керченскаго педагогическаго кружка, за отсутствіемъ опыта, конечно, не могла быть выработана самостоятельно учредителями кружка. Послѣдніе взяли за образецъ программу Новгородскаго педагогическаго кружка. Въ настоящее время программа эта выработана на основаніи собственнаго опыта, о чемъ свидѣтельствуетъ отчетъ кружка за 1903 годъ. Это уже не сухой отчетъ, а книга, говорящая о томъ, какіе запросы предъявляетъ провинціальное общество къ интеллигенціи, чѣмъ оно болѣе интересуется, какъ можно удовлетворить запросы этого общества.

Занятія кружка расширились и осложнились, работа идетъ съ захватывающимъ интересомъ. Составительница отчета, чтобы овладѣть всѣмъ матеріаломъ, который далъ своими трудами кружокъ, должна была разбить его по рубрикамъ. По этимъ рубрикамъ можно составить себѣ понятіе о той новой программѣ, которую продиктовала кружку сама жизнь. Вотъ эта программа: чтеніе и обсужденіе самостоятельныхъ рефератовъ; чтеніе и обсужденіе печатныхъ статей и вообще произведеній выдающихся писателей; чтеніе рефератовъ пріѣзжими лекторами; чтеніе публичныхъ лекцій пріѣзжими лекторами; собесѣдованія съ пріѣзжими лекторами членовъ кружка и учащейся молодежи.

Если мы обратимъ вниманіе на рефераты, которые были прочитаны и обсуждались въ этомъ году, то увидимъ, что большинство изъ нихъ носитъ общеобразовательный характеръ, хотя въ то же время сохраняется связь съ педагогикой, педагогикой, понимаемой въ болѣе широкомъ смыслѣ. Вотъ эти рефераты: «Свѣтлой памяти Царя-Освободителя», «Вопросы образованія и воспитанія въ русской литературѣ XVIII вѣка», «Неврастенія и неврастеники въ изображеніи литературы и вліяніе школы на развитіе неврастенія», «Мысли врача по поводу «Записокъ врача» Вересаева», «О новомъ вѣяніи въ театрѣ»,

«Гипнотизмъ и внушеніе, роль и значеніе его въ обществѣ и педагогикѣ». Перечисленные рефераты говорятъ сами за себя. Они имѣютъ большой интересъ какъ для спеціалиста педагога, такъ и для общества. Здѣсь широкое поле для обмѣна мыслей. Въ обсужденіи этихъ рефератовъ будутъ, должны принимать участіе и педагогъ, и врачъ, будутъ просить указаній и разъясненій отецъ и мать. Отчетъ не оставляетъ никакого сомнѣнія, что это такъ дѣйствительно и было. Въ преніяхъ по поводу прочитанныхъ рефератовъ принимаютъ участіе не «весьма немногіе», а весьма многіе. Пренія эти затягиваются до глубокой ночи и не разъ переносились на другой «вечеръ». Желающихъ писать рефераты явилось такъ много, «что не хватаетъ времени выслушать ихъ доклады въ этомъ году и приходится отложить ихъ на слѣдующій годъ» (Отчетъ за 1903 г.). «Гостей, говорится въ томъ же отчетѣ, посѣтившихъ собранія въ прошломъ отчетномъ году, было 428 человѣкъ, въ истекшемъ же—808; если принять во вниманіе, что прошлый отчетъ составленъ за полтора года, то нужно считать, что количество гостей сильно возрасло».

Отзываясь на все то, что волнуетъ современное русское общество въ области литературы, кружокъ посвятилъ два «вечера» обсужденію произведеній Л. Андреева, «о которыхъ такъ много говорятъ въ настоящее время». Это былъ опытъ «совмѣстной работы». Подробный отчетъ объ этихъ, «вечерахъ» доказываетъ, что этотъ опытъ вполнѣ удался. Въ преніяхъ принимаютъ участіе многія лица. Произведенія Л. Андреева разсматриваются съ разныхъ точекъ зрѣнія. Происходятъ жаркія схватки, во время которыхъ возбуждаются все новые и новые вопросы; для разрѣшенія ихъ здѣсь же прочитываются соотвѣтствующія статьи, или дѣлается указаніе на статьи, которыя даютъ отвѣтъ на возбужденный вопросъ.

Всѣми этими преніями, происходившими въ кружкѣ по поводу произведеній Л. Андреева, заинтересовалось мѣстное общество и учащаяся молодежь чѣмъ и вызванъ былъ подробный отчетъ о ходѣ преній, напечатанный въ одной изъ мѣстныхъ газетъ, который потомъ почти полностію вошелъ въ годовой отчетъ въ видѣ «приложенія».

Волненіе, произведенное этими «вечерами» въ мѣстномъ обществѣ не скоро улеглось, какъ это показываютъ собесѣдованія съ пріѣзжавшими потомъ лекторами, къ которымъ обращались съ вопросами, возбужденными во время преній по поводу произведеній Л. Андреева.

Въ этомъ же году прочитанъ цѣлый рядъ лекцій пріѣзжими лекторами, къ выбору которыхъ, какъ сказано, привлекалось и общество. Читали публичныя лекціи: В. П. Вахтеровъ «Изъ психологіи дѣтскаго возраста въ связи съ вопросами воспитанія и обученія»; П. Н. Сакулинъ «Борьба за идеалы въ русской литературѣ средины XIX вѣка» (2 лекціи); Д. С. Шоръ прочелъ 5 лекцій по исторіи музыки; А П. Нечаевъ «Объ основныхъ процессахъ умственной жизни» (6 лекцій); В. М. Фриче «Развитіе капитализма въ Германіи и его

вліяніе на содержаніе и технику литературы»; Н. А. Рожновъ «Реформы Петра Великаго» (2 лекціи) и «Паденіе крѣпостного права въ Россіи» (2 лекціи).

Нѣкоторые изъ пріѣзжихъ лекторовъ кромѣ публичныхъ лекцій читали въ собраніи кружка и рефераты. Рефераты прочитаны З. С. Мировичемъ «О демократизаціи образованія въ Англіи», В. П. Вахтеровымъ «Объ эвристическомъ методѣ преподаванія»; В. М. Фриче «Реформы буржуазнаго брака на Западѣ».

Въ 1903 году два «вечера» посвящены были Вл. Г. Короленко и П. И. Чайковскому, при чемъ Вл. Г. Короленко послана такая телеграмма: «Керченскій Педагогическій Кружокъ, посвятивъ Вашему свѣтлому имени вчеращнее свое засѣданіе, шлетъ Вамъ сердечный привѣтъ съ искренними пожеланіями продленія Вашей широко плодотворной художественной, публицистической и общественной дѣятельности на многіе и многіе годы. Да не оскудѣваетъ Ваше художественное творчество, всегда пробуждая въ сердцахъ Вашихъ безчисленныхъ читателей чувство жизненной правды, братской любви и вѣчной красоты».

Изъ этого краткаго очерка видно, какую богатую умственную пищу даетъ Керченскій педагогическій кружокъ не только учителямъ, учительницамъ, но и обществу. Возможность существованія въ провинціи кружка съ такими широкими просвѣтительными задачами доказываетъ, что провинціальное русское общество пробуждается отъ вѣковой спячки, у него являются умственные интересы, удовлетворить которые является настоятельная необходимость. Требуются интеллигентные работники, которые стояли бы на высотѣ своего положенія. Теперь интеллигентъ, отправляющійся въ провинцію, можетъ быть увѣренъ, что тамъ отъ него потребуется не служба только—въ смыслѣ «кормленія» и исполненія бумагъ за номерами, а творческое дѣло, служба обществу, потребуется работа, къ которой онъ готовился въ большихъ умственныхъ центрахъ. Что это не обобщеніе единичнаго факта, доказываетъ тотъ-же самый отчетъ Керченскаго педагогическаго кружка за 1903 годъ. Здѣсь мы, между прочимъ, читаемъ: «Какъ нуждается провинція въ обществахъ, подобныхъ нашему кружку, явствуетъ изъ того количества просьбъ выслать уставъ и отчеты кружка, которыя мы получили въ этомъ году. Просьбы эти получались изъ разныхъ мѣстъ Россіи: изъ Эривани, Симферополя, Екатеринодара, Александровска, Ногайска, Екатеринослава, Херсона, Майкопа, Воронежа и Рыбинска».

Да, теперь интеллигентъ не можетъ жаловаться, что въ провинціи онъ не найденъ исхода своимъ «возвышеннымъ порывамъ», что въ провинціи поневолѣ приходится опускаться, не встрѣчая въ мѣстномъ обществѣ поддержки. Были бы только эти «возвышенные порывы», да желаніе работать,—провинціальное общество отзовется.

«Настанетъ время, говорится въ отчетѣ Керченскаго педагогическаго кружка за 1903 годъ, и повсюду, во всѣхъ захолустьяхъ нашего обширнаго

отечества, организуются кружки, подобные нашему, и какъ огоньки будутъ свѣтить во мракѣ провинціальной жизни»... Когда это время дѣйствительно «настанетъ», когда «наши педагогическіе кружки не будутъ искать какъ будто оправданія для своего существованія, а сдѣлаются необходимыми учрежденіями, гдѣ свободно и непринужденно школа и общество могутъ обмѣниваться мыслями, одинаково интересными для всѣхъ» (см. 2-й отчетъ), когда кружки эти сдѣлаются проводниками въ обществѣ всего того, что совершается въ нашихъ умственныхъ центрахъ, тогда и дѣло обученія и воспитанія молодого поколѣнія будетъ зависѣть не отъ разнаго рода «вѣяній», случайностей, а поставлено будетъ на прочную научную основу.

Экспериментальная психологія и выросшая изъ нея педологія все болѣе и болѣе пріобрѣтаютъ послѣдователей и, слѣдовательно, увеличивается число лицъ, способныхъ поставить дѣло обученія и воспитанія молодого поколѣнія на научную почву. Намъ кажется, что въ этомъ дѣлѣ педагогическимъ кружкамъ предстоитъ значительная роль.

Наблюденія надъ развитіемъ зрительной памяти у кадетъ отъ 11-до 15-лѣтняго возраста включительно.

Н. О. Бышевскаго, А. Н. Кирста и Н. Я. Навроцкаго.

(Изъ лабораторіи экспериментальной педагогической психологіи при Педагогическихъ Курсахъ военно-учебнаго вѣдомства).

Въ Январьской книжкѣ журнала «Русская Школа» за 1903 годъ была помѣщена статья подъ заглавіемъ: «Наблюденія надъ развитіемъ зрительной памяти и характеромъ преобладающихъ ассоціацій у дѣтей до-школьнаго возраста» М. Л. Кауфмана, А. П. Нечаева и Н. Н. Тычино. Данныя, полученныя при этихъ наблюденіяхъ, показываютъ, что при испытаніи зрительной памяти, въ формѣ узнаванія, дѣти старшаго возраста даютъ лучшіе результаты, чѣмъ дѣти младшаго, причемъ кривая, выражающая сравнительную силу даннаго вида памяти у дѣтей разнаго возраста поднимается постепенно. При этомъ точность узнаванія тоже увеличивается съ возрастомъ, такъ какъ количество неправильно указанныхъ картинокъ съ возрастомъ постепенно уменьшается. Желая продолжить этого рода наблюденія надъ развитіемъ зрительной памяти у дѣтей школьнаго возраста отъ 11—15 лѣтъ, мы произвели рядъ опытовъ надъ кадетами 1-го петербургскаго корпуса.

Всѣхъ испытуемыхъ было 100, причемъ представителей каждаго возраста,

было по 20 человѣкъ. Испытанія производились въ одни и тѣ же часы дня, отъ 5—7 ч. По классамъ испытуемые распредѣлялись слѣдующимъ образомъ:

	Классы				
лѣта	1-й	2	3	4	5
11 лѣтъ	19	1	—	—	—
12 »	4	16	—	—	—
13 »	—	—	20	—	—
14 »	—	1	2	17	—
15 »	—	—	4	16	—

Форма испытанія состояла въ томъ, что каждому кадету молча показывали 12 картинокъ (одинаковаго формата и колорита), вырѣзанныхъ изъ разныхъ журналовъ и газетъ и наклеенныхъ на отдѣльные картоны *). Картинки воспринимались въ теченіи 5 секундъ, съ промежутками между воспріятіями также въ 5 секундъ. Спустя 2 минуты послѣ воспріятія послѣдней картинки, испытуемаго подводили къ столу, на которомъ въ порядкѣ (6 рядовъ по 6 картинокъ въ каждомъ) были разложены 36 картинокъ, подобныхъ только что воспринятымъ, въ томъ числѣ и 12 воспринятыхъ. Испытуемый долженъ былъ указать видѣнныя имъ картинки. При этомъ многіе, на ряду съ дѣйствительно воспринятыми ими картинками, ошибочно указывали и на такія, которыя ими не воспринимались. Количество правильно и неправильно показанныхъ картинокъ записывалось. Испытуемымъ позволялось тратить на процессъ узнаванія сколько угодно времени. Но экспериментаторы внимательно слѣдили за продолжительностью узнаванія. Обработка полученнаго матеріала состояла въ выводѣ средняго ариѳметическаго числа правильно и неправильно указанныхъ картинокъ для каждаго возраста испытуемыхъ. Это то число и являлось въ данномъ случаѣ характеризующимъ память (въ формѣ узнаванія) испытуемыхъ разнаго возраста. Кромѣ того, вычислялось % отношеніе числа неправильно узнанныхъ картинокъ каждой группы къ числу правильно указанныхъ. При этомъ получились слѣдующіе результаты (табл. I).

Возрастъ.	Абсолют. число. Правильно узнанныхъ картинокъ	Абсолют. число. Неправильно узнанныхъ картинокъ.	Среднее ариѳмет. число. Правильно узнанныхъ картинокъ.	Среднее ариѳмет. число. Неправильно узнанныхъ картинокъ.	% отношеніе числа неправильныхъ узнаваній къ числу правильныхъ.
11 лѣтъ	190	18	9,50	0,90	9,5
12 »	207	17	10,35	0,85	8,2
13 »	209	18	10,45	0,90	8,6
14 »	214	18	10,70	0,90	8,4
15 »	213	24	10,65	0,20	11,2

*) Для этихъ опытовъ были употреблены *тѣ же самыя* картинки, которыми пользовались при своихъ наблюденіяхъ надъ дѣтьми до-школьнаго возраста авторы указанной выше статьи въ «Русской Школѣ».

По сдѣланнымъ отмѣткамъ о времени узнаванія картинокъ каждаго испытуемаго можно было подраздѣлить всѣхъ испытуемыхъ каждой группы на узнающихъ быстро, т. е. тратящихъ на процессъ узнаванія менѣе 1 минуты, обнаруживающихъ среднюю скорость узнаванія (отъ 1 до 2 минутъ), и узнающихъ медленно, т. е. тратящихъ на процессъ узнаванія данныхъ картинъ болѣе 2 минутъ. Общее число испытуемыхъ въ каждой группѣ, узнающихъ быстро, со средней скоростью и медленно, было слѣдующее (табл. II).

	Узнаваніе			
Возрастъ	Медленное	Среднее	Быстрое	Итого
11 лѣтъ	7	12	1	20
12 »	5	10	5	20
13 »	1	19	0	20
14 »	4	9	7	20
15 »	2	9	9	20

Если каждаго испытуемаго, обнаружившаго среднюю скорость узнаванія, обозначить нулемъ (0), каждаго испытуемаго быстро узнающаго обозначить положительной единицей (1), то получатся слѣдующія числа, выражающія сравнительную скорость узнаванія при испытаніи зрительной памяти учениковъ разнаго возраста (табл. III).

Возрастъ	Скорость узнав.
11 лѣтъ	— 0,3
12 »	— 0,
13 »	— 0,05
14 »	+ 0,15
15 »	+ 0,35

Сопоставляя всѣ эти результаты съ тѣми, которые раньше были получены (при помощи того же самаго метода) при наблюденіи силы зрительной памяти у дѣтей до-школьнаго возраста (3—10 лѣтъ), мы видимъ постепенно прогрессирующее съ возрастомъ развитіе силы узнаванія: среднее ариѳметическое число вѣрно показанныхъ картинокъ увеличивается, а среднее ариѳметическое число ошибочно показанныхъ картинокъ уменьшается (табл. IV).

Возрастъ	3—4	5—6	7—8	9—10	11	12	13	14	15
Правильно узнано	6,1	7,3	8,5	8,8	9,5	10,4	10,5	10,7	10,7
Ошибочно показано	6,2	2,8	2,3	1,5	0,9	0,9	0,9	0,9	0,2

О памяти зрительныхъ воспріятій. (Экспериментальное изслѣдованіе).

Д-ра П. Шафранова.

Въ русской литературѣ имѣются три работы по вопросу объ экспериментальномъ изслѣдованіи памяти зрительныхъ воспріятій: *Заборскаго* [1]), *Цѣликова* [2]) и *Гервера* [3]). Всѣ онѣ преслѣдуютъ одинаковую цѣль: изученіе памяти зрительныхъ воспріятій въ зависимости отъ промежутковъ времени, черезъ которые изслѣдуемый получалъ опредѣленное зрительное воспріятіе, и отъ измѣненія силы освѣщенія предмета, который фиксировался изслѣдуемымъ.

Заборскій, работавшій въ лабораторіи *В. Ф. Чижа*, на основаніи своихъ опытовъ пришелъ къ заключенію, что сила образовъ воспоминанія до семи минутъ послѣ полученія воспріятія такъ мало ослабѣваетъ, что, съ помощью примѣненнаго имъ способа изслѣдованія, опредѣлить это почти невозможно. Только по прошествіи первыхъ семи минутъ она начинаетъ замѣтно слабѣвать (съ различною скоростью у каждаго изъ трехъ лицъ, надъ которыми онъ производилъ опыты), и къ 12—17 минутамъ вліяніе памяти становится незамѣтнымъ. Кромѣ того, своими опытами *Заборскій* доказываетъ, что точность, съ которой всѣ лица опредѣляли разницу въ освѣщеніи, увеличивалась, когда промежутокъ времени между обоими воспріятіями увеличивался отъ 1 до 10—20 секундъ, т. е. количество вѣрныхъ отвѣтовъ при промежуткахъ въ 10 — 20 сек. было больше, нежели при меньшихъ промежуткахъ

Результаты *Цѣликова*, работавшаго подъ руководствомъ *А. А. Токарскаго*, сводятся къ слѣдующему: образы воспоминанія начинаютъ измѣняться непосредственно вслѣдъ за полученіемъ воспріятія, и притомъ это измѣненіе происходитъ гораздо быстрѣе въ первое время, чѣмъ въ послѣдующее. Въ началѣ второй минуты память почти совсѣмъ исчезаетъ. *Цѣликовъ* отмѣчаетъ

[1]) *К. И. Заборскій.* «О памяти зрительныхъ воспріятій». Диссертація 1894. Юрьевъ.

[2]) *И. Цѣликовъ.* «О памяти зрительныхъ воспріятій». Вопр. филос. и псих. 1896.

[3]) *А. В. Герверъ.* «Эксперим. изслѣдов. памяти зрит. воспріятій». Обозр. психіатріи etc 1899. № 8

еще тотъ фактъ, что всѣ лица, надъ которыми онъ производилъ опыты, дѣлали относительно больше ошибокъ при ослабленіи второй тѣни.

Герверъ, провѣряя въ лабораторіи *В. М. Бехтерева* результаты опытовъ предыдущихъ авторовъ, пришелъ къ слѣдующимъ выводамъ: Память зрительныхъ воспріятій въ теченіе первыхъ трехъ минутъ послѣ полученія воспріятія мало измѣняется; черезъ пять минутъ она значительно ослабѣваетъ, а къ десяти минутамъ, повидимому, совсѣмъ исчезаетъ. Болѣе всего вѣрныхъ отвѣтовъ экспереме̂нтируемыя лица даютъ при паузахъ въ 15—20 секундъ; даже при паузахъ отъ 2 до 10 секундъ количество вѣрныхъ отвѣтовъ менѣе, чѣмъ при паузахъ въ 15—20 сек. При переходѣ отъ менѣе освѣщенныхъ объектовъ къ болѣе освѣщеннымъ количество вѣрныхъ отвѣтовъ замѣтно больше, чѣмъ при переходѣ отъ болѣе освѣщенныхъ къ менѣе освѣщеннымъ.

Цѣликовъ и *Герверъ* производили свои опыты съ помощью прибора, построеннаго по типу Румфордовскаго фотометра. Для полученія воспріятія эксперементируемыя лица смотрѣли на тѣнь отъ стержня, падавшую на матово-бѣлую стѣнку прибора отъ неподвижнаго источника свѣта (въ приборѣ *Цѣликова*—стеариновыя свѣчи, у *Гервера*—электрическія лампочки отъ аккумуляторовъ). При помощи другого, помѣщеннаго въ приборѣ источника свѣта, который то приближался, то удалялся отъ упомянутой тѣни, освѣщеніе послѣдней измѣнялось согласно тому закону, что сила освѣщенія предмета обратно пропорціональна квадрату разстоянія источника свѣта отъ этого предмета. Это давало возможность получать и сравнивать между собой два очень малоразнящіяся свѣтовыя воспріятія черезъ тотъ или другой промежутокъ времени. Приборъ *Заборскаго* тѣмъ разнится отъ приборовъ *Цѣликова* и *Гервера*, что источникъ свѣта въ немъ одинъ. Въ работахъ двухъ послѣднихъ авторовъ имѣется настолько подробный критическій разборъ несовершенства прибора *Заборскаго*, что въ своей работѣ я не считаю нужнымъ подробно останавливаться на немъ.

Уже изъ приведеннаго краткаго перечня добытыхъ результатовъ ясно видно, что вопросъ о памяти зрительныхъ воспріятій далеко еще не исчерпанъ, и новыя изслѣдованія по этому вопросу необходимы. Въ виду этого мною предпринято настоящее изслѣдованіе съ помощью особаго прибора. Кромѣ желанія провѣрить прежнія изслѣдованія, въ мою задачу входило еще изслѣдованіе памяти воспріятій различныхъ цвѣтовъ (красокъ).

Построенный мною приборъ даетъ возможность сравнивать между собой свѣтовыя воспріятія, полученныя отъ дѣйствія на глазъ изслѣдуемаго субъекта свѣтовыхъ лучей, прошедшихъ сквозь различной толщины слой жидкости, окрашенной въ тотъ или другой цвѣтъ.

Прямоугольный, открытый сверху, мѣдный, вылуженный внутри ящикъ съ помощью винтовой кремальеры движется взадъ и впередъ въ горизонталь-

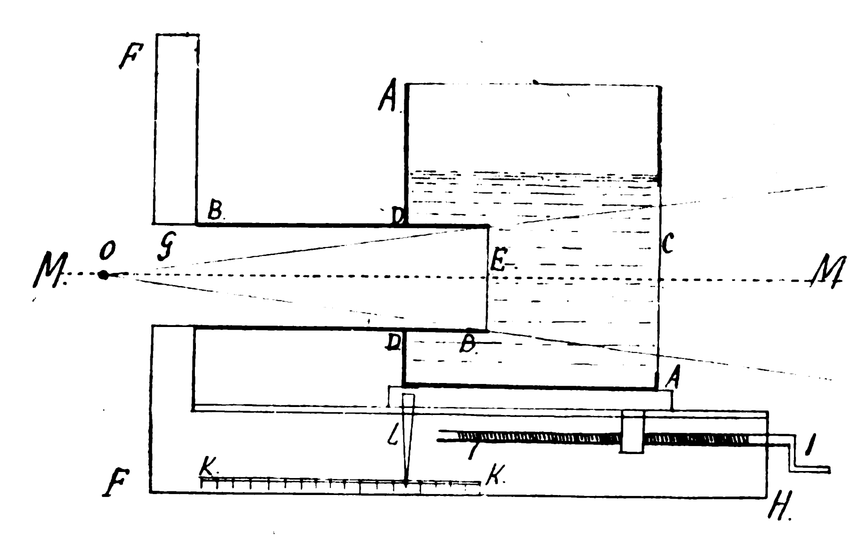
номъ направленіи на деревянномъ станкѣ, къ одному концу котораго подъ прямымъ угломъ, перпендикулярно линіи движенія ящика, прикрѣплена доска. Ящикъ имѣетъ въ длину 16,5, въ ширину 19 и въ вышину 19,5 сантиметровъ. Въ стѣнкѣ ящика, противоположной прикрѣпленной къ станку доскѣ, имѣется круглое отверстіе, діаметромъ въ 12 сант., центръ котораго, находясь посрединѣ между вертикальными сторонами этой стѣнки, отстоитъ отъ дна ящика на 7 сант. Это отверстіе плотно закрыто обыкновеннымъ оконнымъ стекломъ лучшаго качества. На противоположной стѣнкѣ ящика имѣется другое круглое отверстіе съ діаметромъ въ 7 сант. и съ центромъ, отстоящимъ отъ дна ящика такъ же, какъ и центръ перваго отверстія, на 7 сант. Такимъ образомъ, оба центра находятся на одной горизонтальной линіи, параллельной линіи движенія ящика. Для выливанія жидкости въ днѣ ящика продѣлано небольшое отверстіе, снабженное гуттаперчевой трубкой съ краномъ.

Черезъ меньшее отверстіе входитъ въ ящикъ полый цилиндръ, полированный снаружи, съ діаметромъ, равнымъ діаметру отверстія, которое въ этомъ мѣстѣ снабжено, такъ называемымъ, сальникомъ для болѣе плотнаго соприкосновенія наружной поверхности цилиндра съ краями отверстія. Длина цилиндра равна 19 сант. Основаніе цилиндра, находящееся внутри ящика, плотно закрыто матовымъ стекломъ, матовая поверхность котораго обращена внутрь цилиндра. Упомянутое матовое стекло расположено параллельно стеклу, закрывающему большое отверстіе. Другое основаніе цилиндра неподвижно прикрѣплено къ вертикальной доскѣ станка; въ послѣдней вырѣзано отверстіе, одинаковое съ отверстіемъ цилиндра и составляющее какъ бы продолженіе его. Въ случаѣ надобности оно закрывается особой задвижкой. Какъ внутренняя поверхность цилиндра, такъ задвижка и края отверстія въ доскѣ выкрашены черной, матовой краской.

Кремальерой ящикъ передвигается независимо отъ неподвижно укрѣпленнаго цилиндра, который при этихъ движеніяхъ, подобно поршню, вдвигается въ ящикъ или выдвигается изъ него; сообразно съ этимъ, разстояніе между стеклами уменьшается или увеличивается. Прикрѣпленная къ ящику стрѣлка показываетъ на особой скалѣ въ сантиметрахъ разстояніе между стеклами, прибора.

Приводимый здѣсь схематическій рисунокъ болѣе наглядно объясняетъ устройство прибора. (См. рис. на стр. 673).

Такимъ образомъ, если смотрѣть въ приборъ черезъ отверстіе въ вертикальной доскѣ его, то глазу представится въ глубинѣ полости цилиндра круглое ламповое стекло, со стороны ящика закрывающее полость цилиндра. Если же въ ящикъ прибора налить достаточное количество окрашенной въ тотъ или другой цвѣтъ жидкости и смотрѣть въ отверстіе прибора, поставленнаго передъ какимъ-нибудь источникомъ свѣта, то глазъ увидитъ матовое стекло, окрашенное въ соотвѣтствующій налитой жидкости цвѣтъ. Степень окраски его



AA—ящикъ для жидкости. *BB*—цилиндръ. *C*—большое отверстіе въ ящикѣ со стекломъ. *DD*—малое отверстіе, черезъ которое входитъ въ ящикъ цилиндръ. *E*—матовое стекло, *FF*—вертикальная доска станка съ отверстіемъ *G*. *FH*—станокъ. *II*—кремальера. *KK*—скала, по которой двигается стрѣлка *L*. *MM*—линія движенія ящика. *O*—глазъ изслѣдуемаго.

зависитъ отъ того, сколько свѣтовыхъ лучей прошло сквозь заключенный между стеклами прибора слой цвѣтной жидкости. Размѣры большого круглаго отверстія въ ящикѣ таковы, чтобы, при наибольшемъ раздвиженіи прибора, расходящіеся изъ глаза изслѣдуемаго субъекта лучи, проходящіе черезъ периферическія части матоваго стекла, не задерживались краями большого отверстія, что вполнѣ устраняло возможность руководствоваться этимъ при опредѣленіи разстоянія между стеклами. Съ той же цѣлью и ближайшее къ глазу стекло вставлено матовое.

Жидкости въ ящикъ наливается столько, сколько нужно, чтобы заполнить просвѣтъ большого отверстія при наибольшемъ раздвиженіи прибора. Ящикъ сдѣланъ нѣсколько большихъ размѣровъ, особенно въ вышину, съ той цѣлью, чтобы вытѣсняемая вдвигающимся цилиндромъ жидкость не могла перелиться черезъ края его. Для ящика, указанныхъ выше размѣровъ, жидкости требуется 4000 куб. сант.

Понятно, что при передвиженіи ящика въ ту или другую сторону, другими словами, при увеличеніи или уменьшеніи толщины прозрачнаго слоя окрашенной жидкости, интенсивность окраски видимаго круга будетъ измѣняться прямо пропорціонально толщинѣ слоя. Если, напр., толщину слоя въ 2 сант. увеличить въ два раза, т. е. до 4 сант., то ясно, что и интенсивность окраски увеличится также въ два раза. Въ силу этого, описанный приборъ даетъ возможность производить свѣтовыя и цвѣтныя раздраженія въ желаемомъ отношеніи одного раздраженія къ другому.

Для опытовъ былъ устроенъ особый ставень, раздѣлявшій вмѣсто двери темную комнату отъ свѣтлой. Со стороны свѣтлой комнаты къ ставню плотно примыкалъ своей вертикальной доской приборъ, установленный на прочной подставкѣ такимъ образомъ, что его отверстіе находилось на уровнѣ глазъ сидящаго въ темной комнатѣ изслѣдуемаго субъекта. Противъ отверстія въ приборѣ въ ставнѣ также было соотвѣтствующихъ размѣровъ отверстіе. Въ своихъ опытахъ я пользовался обыкновеннымъ дневнымъ освѣщеніемъ, позволяющимъ болѣе точно различать измѣненія интенсивности окраски прозрачнаго слоя и не искажающимъ самаго цвѣта. Освѣщался приборъ дневнымъ свѣтомъ черезъ окно, расположенное на разстояніи около шести аршинъ сзади прибора, если передней частью считать край его, обращенный къ глазу изслѣдуемаго. Для опытовъ я выбиралъ дни съ ровнымъ освѣщеніемъ, старательно слѣдя за тѣмъ, чтобы освѣщеніе обоихъ показываемыхъ изслѣдуемому субъекту слоевъ жидкости было одинаковое.

Самые опыты производились слѣдующимъ образомъ. Эксперементируемое лицо смотрѣло впродолженіи приблизительно пяти секундъ въ отверстіе прибора, стараясь запомнить интенсивность окраски или силу свѣта видимаго глазомъ круга. Послѣ этого лицо, производившее опыты, закрывало задвижкой отверстіе, измѣняло съ помощью ручки винтовой кремальеры разстояніе между стеклами прибора на требуемую величину и, черезъ извѣстный промежутокъ времени, вновь открывало задвижку. Изслѣдуемый долженъ былъ опредѣлить, въ какую сторону измѣнилась интенсивность окраски. Отвѣты тотчасъ же записывались, и изъ нихъ потомъ составлялись таблицы. Изслѣдуемый во все время опытовъ не выходилъ изъ темной комнаты.

Для правильнаго сравненія свѣтовыхъ или цвѣтныхъ воспріятій, конечно, необходимо, чтобы разница между обоими раздраженіями была одинаковая, т. е. чтобы толщина слоя окрашенной жидкости въ приборѣ измѣнялась всегда въ одно и тоже количество разъ. Чтобы узнать эту величину, мною были произведены слѣдующіе опыты. Наливая въ приборъ различно окрашенныя жидкости, я заставлялъ изслѣдуемое лицо внимательно смотрѣть на окрашенное въ соотвѣтствующій цвѣтъ матовое стекло и тотчасъ же начиналъ кремальерой передвигать ящикъ въ ту или другую сторону. Изслѣдуемый долженъ былъ, какъ только замѣтитъ, въ какую сторону произошло измѣненіе, сказать мнѣ объ этомъ. Я записывалъ въ миллиметрахъ толщину слоя, съ котораго начался опытъ, и толщину, на которой получилъ отъ изслѣдуемаго вѣрный отвѣтъ. Изъ этихъ данныхъ я выводилъ среднія величины, и оказалось, что всѣ лица различали измѣненіе при растворѣ черной краски острѣе, нежели при всѣхъ другихъ цвѣтныхъ растворахъ. Та величина, на которую нужно было измѣнить первое разстояніе, получилась для чернаго вдвое меньшая, нежели для цвѣтныхъ растворовъ, въ этомъ смыслѣ приблизительно одинаковыхъ между собой. Такъ, для субъекта № 1 отношеніе цифръ толщины слоя жидкости при

черномъ растворѣ было—1 : 1,032, т. е. онъ различалъ при вышеописанныхъ условіяхъ разницу въ измѣненіи интенсивности при растворѣ черной краски на 0,032, тогда какъ та же величина при цвѣтныхъ растворахъ выразилась—1 : 1,064, т. е. нужно измѣнить интенсивность окраски на 0,064 прежней величины. То же самое замѣчено и у другихъ субъектовъ (при черномъ растворѣ отношеніе—1 : 1,035, при цвѣтныхъ—1 : 1,07).

Пользуясь этими данными я сначала установилъ «разностный порогъ», равный вышеупомянутымъ величинамъ, но тутъ оказалось, что черезъ двѣ секунды, если на это время закрывалась въ приборѣ задвижка, никто изъ изслѣдуемыхъ не могъ болѣе или менѣе увѣренно различать измѣненія въ освѣщеніи и интенсивности окраски матоваго стекла. Поэтому, эти числа пришлось значительно измѣнить, чтобы получить при промежуткѣ времени въ 2 секунды на 100 опытовъ вѣрныхъ отвѣтовъ около 70—80. При этомъ, хотя по прежнему при черномъ растворѣ измѣненія и различались болѣе тонко, но уже не въ такомъ отношеніи чернаго къ остальнымъ, какъ раньше.

Послѣ длиннаго ряда опытовъ оказалось, что при измѣненіи толщины слоя жидкости, окрашенной черной краской, въ отношеніи 1 : 1,08, а прочими красками—въ отношеніи 1 : 1,10, всѣ лица при двухъ секундной паузѣ давали вѣрныхъ отвѣтовъ отъ 67 до 89 на 100 опытовъ. Въ такомъ отношеніи я и измѣнялъ разстоянія между стеклами при всѣхъ послѣдующихъ опытахъ.

Чтобы каждый разъ не высчитывать, на какую величину нужно было передвигать ящикъ, мною были изготовлены двѣ другія скалы: одна для чернаго раствора, другая—для остальныхъ цвѣтовъ. На нихъ были обозначены величины, нужныя для того, чтобы при передвиженіи прибора на нихъ, получилось требуемое отношеніе. Величины эти вычислены были слѣдующимъ образомъ: пусть первое разстояніе, при которомъ дается для запоминанія извѣстная окраска матоваго стекла, равно 5 сант.; тогда, чтобы отношеніе было требуемое, нужно 5 сант. измѣнить въ 1,08 разъ, если опыты производятся съ чернымъ растворомъ, и въ 1,10 разъ при остальныхъ краскахъ. Въ первомъ случаѣ стрѣлка должна съ 5 сант. передвинуться на 5,4 или на 4,63 сант. при черномъ и на 5,5 или на 4,55 сант. при остальныхъ растворахъ, смотря по тому, усиливается или уменьшается интенсивность окраски.

Для опытовъ я употреблялъ растворимыя въ водѣ анилиновыя краски. Лишь для чернаго раствора черный анилинъ оказался не подходящимъ, такъ какъ давалъ при слабомъ разведеніи ясно фіолетовый оттѣнокъ. Въ виду этого, для послѣдняго раствора я воспользовался разведенной тушью фабрики Günther'a Wagner'a (Flüssige Perl-Tusche), дающей при слабомъ разведеніи темно-сѣрый оттѣнокъ. Концентрація всѣхъ растворовъ была такова, чтобы, при разсматриваніи раствора въ приборѣ при раздвиженіи стеколъ приблизительно на одинъ сантиметръ можно было ясно различать цвѣтъ окраски. Не имѣя возможности произвести изслѣдованіе со всѣми спектральными цвѣ-

тами въ виду крайней утомительности этихъ опытовъ для экспериментируемыхъ лицъ, я ограничился, кромѣ раствора черной краски, растворами: фіолетовымъ, голубовато-зеленымъ и краснымъ. На первомъ и послѣднемъ цвѣтахъ я остановился, какъ на крайнихъ въ спектрѣ, а на голубовато-зеленомъ, какъ на среднемъ въ спектрѣ и дополнительномъ красному.

Предварительные опыты показали, что при совершено прозрачной и безцвѣтной жидкости, т. е. чистой водѣ, опредѣлить разницу въ измѣненіи толщины слоя воды въ приборѣ было немыслимо, не смотря на измѣненія слоя съ нѣсколькихъ миллиметровъ до 15,5 стм. (наибольшее раздвиганіе прибора) и обратно. Такимъ образомъ, измѣненія при черномъ и цвѣтныхъ растворахъ зависѣли всецѣло отъ присутствія въ нихъ цвѣтного вещества. Кромѣ того, опыты съ водой доказываютъ, что вліяніе бокового освѣщенія при разныхъ движеніяхъ прибора для глаза неощутимо, и что въ самомъ устройствѣ прибора нѣтъ ничего такого, чѣмъ можно было бы руководствоваться при опредѣленіи измѣненій въ передвиженіи, кромѣ интенсивности окраски.

Всѣ изслѣдуемыя лица не знали, вѣрно ли они опредѣлили второй цвѣтъ. Въ каждый сеансъ первоначальный, «нормальный» цвѣтъ одинаковое число разъ дѣлался болѣе или менѣе интенсивнымъ, чего изслѣдуемые также не знали. Во всѣхъ опытахъ интенсивность цвѣта обязательно измѣнялась въ ту или другую сторону, что изслѣдуемымъ лицамъ было извѣстно. Для устраненія вліянія навыка опыты производились какъ на тонкихъ слояхъ, такъ и на толстыхъ, насколько позволяло раздвиженіе прибора. Отвѣчать экспериментируемыя лица должны были, сильнѣе или слабѣе сталъ второй показанный имъ цвѣтъ, въ случаѣ же неувѣренности они должны были отвѣчать: не знаю.

Опыты производились надъ четырьмя субъектами, изъ которыхъ двое были врачи, одинъ фельдшеръ и одна интеллигентная дама (жена врача). Зрѣніе у всѣхъ въ предѣлахъ нормы. Опыты прекращались, когда изслѣдуемое лицо чувствовало утомленіе.

Всего было произведено 4238 опытовъ, не считая подготовительныхъ. Промежутки времени (паузы), черезъ которые сравнивались полученныя воспріятія, были въ 2, 4, 6, 10, 15, 20, 30 и 45 секундъ, 1, 2, 4 и 6 минутъ. Промежутки между опытами были различные, смотря по утомляемости изслѣдуемаго и его глазъ.

Слѣдующія таблицы показываютъ полученные результаты (см. стр. 677 и 678). Для большей наглядности всѣ отвѣты въ нихъ выражены въ процентахъ.

Съ паузами болѣе шести минутъ я не производилъ опытовъ въ достаточномъ количествѣ во первыхъ потому, что уже къ шести минутамъ, какъ это показываютъ приведенныя таблицы, вліяніе памяти на вѣрные отвѣты становится очень незначительнымъ, а во вторыхъ—немногіе опыты съ промежуткомъ времени въ 10 минутъ убѣдили меня, что къ этому времени память ослабѣваетъ настолько, что съ помощью моего прибора замѣтить ея вліяніе на отвѣты уже нельзя.

Таблица I.

Растворъ черной краски.

ПАУЗЫ.		Въ 2 сек.	Въ 4 сек.	Въ 6 сек	Въ 10 с.	Въ 15 с.	Въ 20 с.	Въ 30 с.	Въ 45 с	Въ 1 мин.	Въ 2 мин.	Въ 4 мин.	Въ 6 мин.
Субъектъ.													
№ 1.	Вѣрныхъ . .	82	88	88	91	92	82	82	77	71	63	68	56
	Ложныхъ . .	18	12	12	6	6	14	11	19	24	21	26	28
	Сомнительн.	—	—	—	8	2	4	7	4	5	16	11	17
№ 2.	Вѣрныхъ . .	89	85	90	92	89	89	73	72	72	70	57	51
	Ложныхъ . .	—	8	4		7	5	18	20	21	18	12	21
	Сомнительн. .	11	7	6	8	4	6	9	8	7	12	31	28
№ 3.	Вѣрныхъ . .	86	78	87	82	73	73	61	56	55	51	—	—
	Ложныхъ . .	5	10	13	13	25	20	39	44	45	33	—	—
	Сомнительн. .	9	12	—	5	2	7	—	-		16		—
№ 4.	Вѣрныхъ . .	67	78	81	88	87	91	89	87	87	64	59	49
	Ложныхъ . .	33	13	15	8	9	8	5	13	12	27	22	22
	Сомнительн. .	—	9	4	4	4	1	6	—	1	9	19	29

Таблица II.

Растворъ фіолетовой краски.

Субъектъ.													
№ 1.	Вѣрныхъ .	88	92	94	100	88	96	88	88	83	75	63	56
	Ложныхъ . .	12	8	6	—	12	4	12	7	10	18	15	24
	Сомнительн. .	—	-	—	—		—	—	5	7	7	22	20
№ 2.	Вѣрныхъ .	84	83	87	86	81	79	78	75	72	65	56	49
	Ложныхъ . .	12	11	11	14	5	18	16	16	9	17	15	21
	Сомнительн. .	4	6	2	—	14	3	6	9	19	18	29	30
№ 3.	Вѣрныхъ . .	78	81	81	79	83	78	79	80	72	59	—	—
	Ложныхъ . .	19	12	19	21	6	16	16	14	21	29	—	—
	Сомнительн. .	3	7	—	-	11	6	5	6	7	12	—	—
№ 4.	Вѣрныхъ . .	84	84	85	79	83	90	92	80	79	74	68	57
	Ложныхъ . .	16	11	11	18	12	4	6	14	17	22	25	24
	Сомнительн. .	—	5	4	3	5	6	2	6	4	4	7	19

Таблица III.

Растворъ голубовато-зеленой краски.

ПАУЗЫ.	Въ 2 сек.	Въ 4 сек.	Въ 6 сек.	Въ 10 с.	Въ 15 с.	Въ 20 с.	Въ 30 с.	Въ 45 с.	Въ 1 мин.	Въ 2 мин.	Въ 4 мин.	Въ 6 мин.
Субъектъ.												
№ 1. Вѣрныхъ . .	77	88	94	82	82	88	83	83	76	65	54	42
Ложныхъ . .	23	12	6	18	18	8	16	13	21	21	29	32
Сомнительн. .	—	—	—	—	—	4	1	4	3	14	17	26
№ 2. Вѣрныхъ . .	73	80	81	84	79	78	71	67	65	58	50	—
Ложныхъ .	22	17	14	16	14	11	19	17	25	17	32	—
Сомнительн. .	5	3	5	-	7	11	10	16	10	25	18	—

Таблица IV.

Растворъ красной краски.

Субъектъ.												
№ 1. Вѣрныхъ . .	81	79	76	87	82	73	78	70	68	54	51	—
Ложныхъ .	17	17	24	13	17	22	11	24	25	22	24	—
Сомнительн. .	2	4	—	—	1	5	11	6	7	24	25	—
№ 2. Вѣрныхъ . .	68	75	74	72	72	71	71	61	57	51	—	—
Ложныхъ . .	26	21	22	22	19	14	19	14	22	15	—	—
Сомнительн. .	6	4	4	6	9	15	10	25	21	4	—	—

При изученіи приведенныхъ таблицъ видно, что у всѣхъ лицъ при опытахъ какъ съ черными, такъ и съ цвѣтными растворами, количество вѣрныхъ отвѣтовъ съ увеличеніемъ паузъ съ 2 до 10—15 секундъ увеличивается. затѣмъ до конца первой минуты послѣ полученія воспріятія убываетъ медленно, и лишь съ наступленіемъ второй минуты вѣрные отвѣты начинаютъ убывать быстрѣе. Къ четыремъ минутамъ количество вѣрныхъ отвѣтовъ немногимъ превышаетъ число ложныхъ и сомнительныхъ, а черезъ шесть минутъ вліяніе памяти на правильные отвѣты замѣчается въ очень незначительной степени только при черномъ и фіолетовомъ растворахъ.

Сравнивая между собой таблицы, можно замѣтить, что количество вѣрныхъ отвѣтовъ убываетъ различно при разныхъ растворахъ. Быстрѣе всего они убываютъ

при красномъ растворѣ; при немъ уже черезъ 4 минуты вліяніе памяти становится незамѣтнымъ. За краснымъ слѣдуетъ голубовато-зеленый растворъ, который при паузѣ въ 4 минуты давалъ вѣрныхъ отвѣтовъ приблизительно столько же, сколько красный при паузѣ въ двѣ минуты. Изъ цвѣтныхъ растворовъ фіолетовый далъ наибольшее количество вѣрныхъ отвѣтовъ; при немъ даже при паузахъ въ 6 минутъ вліяніе памяти сказалось очень значительно. Растворъ черной краски у всѣхъ лицъ далъ приблизительно тѣ же цифры, что и фіолетовый; но здѣсь слѣдуетъ вспомнить, что «разностный порогъ» для чернаго раствора былъ нѣсколько меньшій, нежели для всѣхъ цвѣтныхъ растворовъ, слѣдовательно, мы въ правѣ высказаться, что при растворѣ черной краски, при прочихъ равныхъ условіяхъ, получается наибольшее количество вѣрныхъ отвѣтовъ.

Такимъ образомъ опыты показываютъ, что различные цвѣта удерживаются неодинаково. Слабѣе другихъ удерживается красный цвѣтъ, за нимъ голубовато-зеленый, потомъ фіолетовый, на конецъ черный (вѣрнѣе бѣлый, такъ какъ черный, какъ не актиничный, не можетъ быть и воспринятъ нами).

Выше было сказано, что количество вѣрныхъ отвѣтовъ у всѣхъ лицъ и при всѣхъ растворахъ съ увеличеніемъ паузъ съ 2 до 10 — 15 секундъ возрастаетъ и затѣмъ уже начинаетъ постепенно падать. Какъ будто выходитъ, что память черезъ 10—15 секундъ послѣ полученія воспріятія лучше, нежели при меньшихъ паузахъ. Это интересное явленіе въ своихъ опытахъ наблюдали *Заборскій* и *Герверъ*. Первый объясняетъ это «съ одной стороны съ помощью періодическаго колебанія вниманія, а съ другой тѣмъ, что сѣтчатка скоро утомляется и въ темнотѣ снова достигаетъ максимальной своей воспріимчивости». *Герверъ* думаетъ, что это «можно объяснить тѣмъ, что тотчасъ по полученіи какого-нибудь зритильнаго воспріятія раздраженіе отъ него не успѣваетъ, какъ слѣдуетъ, запечатлѣться въ мозгу и поэтому, если за первымъ какимъ нибудь раздраженіемъ быстро наносится второе, то экспериментируемое лицо даетъ больше ложныхъ отвѣтовъ, и такимъ образомъ память оказывается не такой ясной, какъ при сравненіи воспріятій, отдѣленныхъ другъ отъ друга немного большимъ промежуткамъ времени». Далѣе онъ говоритъ, что этотъ фактъ можно объяснить послѣдовательными ощущеніями (Nachempfindungen). Я думаю, что это явленіе происходитъ исключительно отъ утомляемости сѣтчатки и рѣшительно возстаю противъ перваго объясненія *Гервера*. Экспериментальная психологія давно уже доказала, что для того, чтобы простое зрительное раздраженіе, какъ слѣдуетъ, запечатлѣлось въ мозгу, требуется всего нѣсколько долей секунды, а въ опытахъ *Гервера* мы имѣемъ около пяти секундъ, впродолженіи которыхъ изслѣдуемое лицо смотрѣло на тѣнь, плюсъ 2—15 секундъ паузы. Едва ли также можно объяснить это всецѣло и послѣдовательными ощущеніями, а также и періодическимъ колебаніемъ вниманія. Гораздо проще, мнѣ думается, объяснить это однимъ только свойствомъ нашего

глаза—утомляемостью сѣтчатки. Нѣсколько секундъ слишкомъ мало, чтобы измѣненія, происшедшія въ сѣтчаткѣ подъ вліяніямъ перваго раздраженія ея, возстановились, и сѣтчатка пришла въ свое первоначальное состояніе возбудимости. Всякій знаетъ, какъ долго мы не можемъ различать подробностей въ полутемной комнатѣ, если войдемъ въ нее съ сильнаго свѣта, — на это иногда требуется до четверти часа, если разница между тѣмъ и другимъ освѣщеніемъ была очень значительна. Въ опытахъ надъ зрительной памятью раздраженіе сѣтчатки не очень сильно, и можно думать, что сѣтчатка снова достигаетъ своей нормальной возбудимости черезъ какія нибудь 20 — 30 секундъ или немного больше.

Первое свѣтовое раздраженіе неутомленной сѣтчатки было воспринято мозгомъ. Черезъ двѣ секунды вызвано было новое роздраженіе ея. Вполнѣ естественно, что сѣтчатка, не успѣвшая еще придти въ прежнее состояніе своей возбудимости, такъ сказать—еще не отдохнувшая послѣ перваго раздраженія, на новое раздраженіе будетъ реагировать болѣе вяло, и свѣтовое ощущеніе будетъ воспринято мозгомъ неправильно: относительно слабѣе, нежели первое. Съ увеличеніемъ паузъ, т. е. времени для отдыха сѣтчатки, послѣдняя и на второе раздраженіе будетъ реагировать все правильнѣе и правильнѣе. Вполнѣ понятно, и число вѣрныхъ отвѣтовъ будетъ повышаться, поскольку это зависитъ отъ описанной причины. Это и наблюдается во всѣхъ нашихъ опытахъ, это же получили въ своихъ опытахъ *Заборскій* и *Герверъ*.

Разъ это объясненіе правильно, то должно получиться слѣдующее явленіе. Если въ опытахъ второе свѣтовое раздраженіе дѣлается слабѣе, то, вслѣдствіе склонности утомленной сѣтчатки относительно слабѣе реагировать на новое раздраженіе, разница между воспріятіями для мозга будетъ больше, нежели на самомъ дѣлѣ, и легче распознается изслѣдуемымъ лицомъ. Въ случаѣ же усиленія освѣщенія сѣтчатка, слабѣе реагируя на второе раздраженіе, значительно уменьшаетъ разницу между полученными воспріятіями и тѣмъ затрудняетъ правильное сравненіе послѣднихъ. Изъ этого явствуетъ, что при усиленіи освѣщенія ложныхъ отвѣтовъ должно получиться больше, а вѣрныхъ меньше, чѣмъ при ослабленіи. И это должно быть особенно замѣтно при небольшихъ паузахъ, когда утомляемость сѣтчатки должна сказываться сильнѣе. При увеличеніи промежутковъ времени между обоими воспріятіями эта разница должна такъ или иначе измѣниться.

Въ слѣдующихъ двухъ таблицахъ приведены вѣрные, ложные и сомнительные отвѣты отдѣльно при усиленіи и ослабленіи. Для большаго удобства цифры вычислены изъ всѣхъ отвѣтовъ всѣхъ лицъ среднія ариѳметическія для чернаго раствора въ V, для всѣхъ остальныхъ вмѣстѣ въ VI таблицахъ. Части единицы болѣе половины при вычисленіи были приняты за цѣлую единицу, менѣе половины—опущены. (См. стр. 681 и 682).

ТАБЛИЦА V.

Растворъ черной краски.

ПАУЗЫ.	2 сек.			4 сек.			6 сек.			10 сек.			15 сек.			20 сек.		
	Усиленье.	Ослаблен.	Всего.	Усиленье.	Ослаблен.	Всего.	Усиленье.	Ослаблен.	Всего.	Усиленье.	Ослаблен.	Всего.	Усиленье.	Ослаблен.	Всего.	Усиленье.	Ослаблен.	Всего.
Вѣрныхъ . .	47	34	81	47	35	82	48	38	86	47	41	88	45	40	82	47	37	84
Ложныхъ .	3	11	14	2	9	11	1	10	11	2	5	7	4	8	12	2	10	12
Сомнительныхъ		5	5	1	6	7	1	2	3	1	4	5	1	2	3	1	3	4
ПАУЗЫ.	30 сек			45 сек.			1 мин.			2 мин.			4 мин.			6 мин.		
Вѣрныхъ . . .	44	32	76	41	32	73	41	30	71	36	26	62	32	28	60	28	24	52
Ложныхъ . .	4	14	18	8	16	24	8	18	26	10	15	25	8	12	20	12	12	24
Сомнительныхъ .	2	4	6	1	2	3	1	2	3	4	9	13	10	10	20	10	14	24

ТАБЛИЦА VI.

Цвѣтные растворы.

ПАУЗЫ.	2 сек.			4 сек.			6 сек.			10 сек.			15 сек.			20 сек.		
	Усиленье.	Ослаблен.	Всего.	Усиленье.	Ослаблен.	Всего.	Усиленье.	Ослаблен.	Всего.	Усиленье.	Ослаблен.	Всего.	Усиленье.	Ослаблен.	Всего.	Усиленье.	Ослаблен.	Всего.
Вѣрныхъ	39	40	79	39	44	83	38	46	84	39	44	83	38	43	81	42	40	82
Ложныхъ . . .	11	8	19	9	5	14	11	3	14	10	5	15	8	5	13	5	7	12
Сомнительныхъ .	—	2	2	2	1	3	1	1	2	1	1	2	4	2	6	3	3	6
ПАУЗЫ.	**30 сек.**			**45 сек.**			**1 мин.**			**2 мин.**			**4 мин.**			**6 мин.**		
Вѣрныхъ	39	41	80	37	39	76	37	35	72	30	33	63	30	27	57	23	28	51
Ложныхъ	8	7	15	8	7	15	9	9	18	13	11	24	10	13	23	14	12	26
Сомнительныхъ . .	3	2	5	5	4	9	4	6	10	7	6	13	10	10	20	13	10	23

При разсматриваніи этихъ таблицъ прежде всего бросается въ глаза то обстоятельство, что при употребленіи раствора черной краски получалось меньше вѣрныхъ отвѣтовъ и больше ложныхъ при ослабленіи окраски, нежели при усиленіи, при всѣхъ же остальныхъ растворахъ — наоборотъ. Это кажущееся противорѣчіе объясняется очень просто. Во всѣхъ цвѣтныхъ растворахъ при усиленіи интенсивности увеличивается и раздраженіе для глаза изслѣдуемаго субъекта, между тѣмъ при черномъ растворѣ, гдѣ дѣйствующимъ на глазъ свѣтомъ является проходящій сквозь слой жидкости бѣлый, безцвѣтный свѣтъ, происходитъ обратное. При усиленіи чернаго раствора уменьшается количество проходящихъ бѣлыхъ лучей, а при ослабленіи его—увеличивается. Сообразно съ этимъ уменьшается и увеличивается раздраженіе глаза изслѣдуемаго. Такимъ образомъ для правильнаго сравненія V и VI таблицъ необходимо сопоставлять цифры, соотвѣтствующія усиленію при черномъ съ цифрами ослабленія при прочихъ растворахъ, а цифры ослабленія чернаго съ цифрами усиленія цвѣтныхъ растворовъ.

Цифры таблицъ наглядно подтверждаютъ тотъ фактъ, что, при уменьшеніи интенсивности дѣйствующаго на глазъ цвѣта, количество вѣрныхъ отвѣтовъ больше, а число ложныхъ отвѣтовъ меньше, нежели при усиленіи. Разница эта особенно замѣтно выражена въ пятой таблицѣ, гдѣ приведены среднія цифры отвѣтовъ всѣхъ лицъ при черномъ растворѣ. При цвѣтныхъ растворахъ она выражена слабѣе. Я думаю, причину такого явленія слѣдуетъ искать въ томъ обстоятельствѣ, что при цвѣтныхъ растворахъ глазъ получаетъ вмѣстѣ съ цвѣтными, также и бѣлые лучи, особенно при тонкихъ слояхъ цвѣтной жидкости. При увеличеніи толщины слоя интенсивность окраски увеличивается, а для бѣлыхъ лучей этимъ создается большое препятствіе для прохожденія ихъ черезъ приборъ. Вслѣдствіе этого, примѣшивающійся къ цвѣтной окраскѣ бѣлый свѣтъ, измѣняясь при движеніяхъ прибора въ обратномъ порядкѣ, понижаетъ разницу между отвѣтами при опредѣленіи усиленія или ослабленія степени окраски. Къ тому же, по всей вѣроятности, не остаются безъ вліянія не абсолютно чистыя цвѣтныя краски, содержащія кромѣ своего красящаго начала разныя непрозрачныя примѣси.

Какъ было упомянуто выше, количество вѣрныхъ отвѣтовъ получалось болѣе всего при паузахъ въ 10—15 секундъ, и до 45 секундъ включительно уменьшалось довольно медленно; лишь при паузахъ въ 1—2 минуты оно начинало падать быстро, и къ 6 минутамъ вліяніе памяти на отвѣты становилось очень небольшимъ. Если признать справедливымъ мое объясненіе относительно увеличенія количества вѣрныхъ отвѣтовъ при паузахъ отъ 2 до 10 — 15 секундъ, то, помимо вышеприведеннаго явленія—неравенства одинаковыхъ отвѣтовъ при усиленіи и ослабленіи освѣщенія, должно получиться еще слѣдующее: отношеніе вѣрныхъ, ложныхъ и сомнительныхъ отвѣтовъ при усиленіи освѣщенія къ таковымъ же при ослабленіи должно быть различное для небольшихъ

паузъ и для паузъ въ одну и болѣе минутъ. Въ самомъ дѣлѣ, при короткихъ паузахъ въ 2—10 сек. утомляемость сѣтчатки должна сказываться сильнѣе, нежели при длинныхъ паузахъ, что безспорно должно отразиться на вышеупомянутомъ отношеніи.

Слѣдующая таблица показываетъ отношеніе количества всѣхъ отвѣтовъ при усиленіи раздраженія къ таковому же при ослабленіи. Отношеніе сдѣлано отдѣльно для отвѣтовъ при черномъ растворѣ и при всѣхъ цвѣтныхъ. (Отношеніе вычислено изъ подлинныхъ цифръ отвѣтовъ, а не изъ пятой и шестой таблицъ, гдѣ приведены съ точностью до единицы среднія ариѳметическія).

ТАБЛИЦА VII.

Паузы		2—10 сек.	15—45 сек.	1—6 мин.
Черный растворъ Отношен.	Вѣрныхъ	0,784	0,803	0,788
	Ложныхъ	4,667	2,603	1,554
	Сомнительныхъ	5,5	2,048	1,365
Цвѣтные растворы Отношен.	Вѣрныхъ	0,891	0,964	1,001
	Ложныхъ	2,05	1,117	1,028
	Сомнительныхъ	0,622	1,235	0,956

Изъ этихъ цифръ ясно видно, что при короткихъ премежуткахъ времени при черномъ растворѣ ложныхъ отвѣтовъ при увеличеніи раздраженія въ 4,667 разъ больше, нежели при уменьшеніи. Съ увеличеніемъ паузъ уменьшается разница; такъ при томъ же растворѣ при паузахъ въ 15—45 секундъ приведенное отношеніе равно 2,603, а при паузахъ въ 1—6 минутъ оно спустилось до 1,554. То же самое произошло и съ отношеніемъ сомнительныхъ отвѣтовъ. Цифры отношенія вѣрныхъ отвѣтовъ при томъ же растворѣ не такъ наглядно подтверждаютъ вышесказанное. За то, отношеніе вѣрныхъ отвѣтовъ при увеличеніи интенсивности къ вѣрнымъ же при уменьшеніи ея, вычисленное изъ отвѣтовъ всѣхъ лицъ при всѣхъ цвѣтныхъ растворахъ, безспорно подтверждаютъ мое объясненіе. Здѣсь цифра отношенія этихъ отвѣтовъ съ 0,891 при короткихъ паузахъ поднялась до 1,001 при паузахъ въ 1—6 минутъ, т. е. разница между тѣми и другими отвѣтами, самая большая при малыхъ паузахъ, сгладилась съ увеличеніемъ промежутковъ времени. Точно также разница въ количествѣ ложныхъ отвѣтовъ при усиленіи, большая вначалѣ при паузахъ въ 2—10 сек., значительно уменьшилась при длинныхъ паузахъ.

Такимъ образомъ, на основаніи своихъ опытовъ, я не могу придти къ такому выводу, что память вліяетъ на большее количество вѣрныхъ отвѣтовъ при ослабленіи освѣщенія, какъ то дѣлаетъ въ своей работѣ Цѣликовъ.

Сравнивая полученные мною результаты съ выводами прежнихъ авторовъ, видно, что мои изслѣдованія ближе всего подходятъ къ даннымъ работы *Гер-*

вера. Однако между результатами *Гервера* и моими есть существенная разница. Я нашелъ, что всѣ изслѣдуемыя мною лица дѣлали больше ошибокъ при усиленіи освѣщенія, *Герверъ* же получилъ какъ разъ обратное: всѣ лица надъ которыми онъ производилъ опыты, дѣлали больше ошибокъ въ томъ случаѣ, когда послѣ первой, нормальной тѣни онъ показывалъ имъ болѣе темную. Поэтому онъ дѣлаетъ выводъ, что въ воспоминаніи нормальная тѣнь представлялась какъ будто темнѣе (Результаты работы *Цѣликова* въ этомъ отношеніи согласуются съ моими, *Заборскій* же этого вопроса совсѣмъ не затрогиваетъ). Такіе результаты *Гервера*, по моему мнѣнію, можно объяснить слѣдующимъ образомъ: Для правильнаго сравненія воспріятій, какъ было выше сказано, необходимо, чтобы разница между обоими раздраженіями была одинаковая. *Герверъ* въ своемъ изслѣдованіи передвигалъ лампочку на два сантиметра, то приближая ее къ бѣлой стѣнкѣ ящика, то отодвигая. Пользуясь извѣстнымъ закономъ, что сила свѣта обратно пропорціональна квадрату разстоянія, не трудно вычислить, что отношеніе освѣщенія стѣнки будетъ различное, приближаемъ ли мы съ извѣстнаго мѣста лампочку, или съ того же мѣста удаляемъ ее отъ экрана. Въ самомъ дѣлѣ, положимъ, что лампочка находится отъ экрана на разстояніи въ 20 сант. Если придвинуть лампочку къ экрану на 2 сант., освѣщеніе его будетъ во столько разъ сильнѣе перваго, во сколько 20^2 больше 18^2, т.-е. въ 1,235 разъ. Если же отодвинуть лампочку отъ экрана дальше, т. е. на 22 сант., то то же отношеніе будетъ такое: $22^2 : 20^2$, т.-е. 1,21. Изъ этого ясно, что, удаляя на 2 сант. лампочку, мы относительно меньше ослабляемъ освѣщеніе экрана, нежели приближеніемъ съ того же мѣста на 2 сант. это освѣщеніе усиливаемъ. Естественно, поэтому, и число ошибокъ будетъ тамъ больше, гдѣ меньше разница между раздраженіями, т.-е. при отодвиганіи лампочки, другими словами—при ослабленіи освѣщенія. Это и получилось въ опытахъ *Гервера*. Кромѣ того, изъ описанія постановки опытовъ не видно, какъ велики были у него промежутки для отдыха между опытами. Дѣло въ томъ, что при очень малыхъ промежуткахъ сѣтчатка не успѣваетъ придти въ свое первоначальное состояніе послѣ послѣдняго раздраженія въ предыдущемъ опытѣ, и потому подъ вліяніемъ новаго раздраженія она относительно реагируетъ слабо. При этихъ условіяхъ также возможно получить больше ложныхъ отвѣтовъ при ослабленіи освѣщенія, нежели при усиленіи его.

Трудно согласиться съ *Герверомъ*, утверждающимъ, что «при паузахъ въ 15—20 секундъ память оказывается лучшей, чѣмъ при паузахъ отъ 2-хъ до 10-ти секундъ». Едва ли можно допустить, чтобы память тотчасъ послѣ полученія воспріятія была хуже, нежели черезъ 15—20 сек. послѣ него. Возбужденіе мозговыхъ клѣтокъ, происшедшее вслѣдствіе внѣшняго раздраженія зрительнаго органа, сильнѣе всего должно быть выражено въ первое время, непосредственно вслѣдъ за раздраженіемъ. Вполнѣ естественно предположить, что оно тотчасъ за прекращеніемъ раздраженія начинаетъ ослабѣвать, причемъ

ослабленіе будетъ такъ или иначе усиливаться по мѣрѣ увеличенія времени. Мои опыты убѣждаютъ меня, что примѣненный мною способъ не пригоденъ для опредѣленія этого ослабленія памяти въ первыя 20—30 секундъ по причинамъ, изложеннымъ выше. Въ силу этого, я не считаю себя вправѣ, на основаніи своихъ опытовъ, высказаться объ измѣненіи памяти въ первыя пол-минуты послѣ полученія воспріятія.

Насколько вообще утомительны опыты для экспериментируемыхъ лицъ, можно судить по тому, что на однѣ только паузы при моихъ опытахъ всѣми четырьмя лицами было израсходовано времени въ общей сложности около 70 часовъ. Все это время изслѣдуемые должны были сидѣть въ темной комнатѣ при возможно наибольшемъ напряженіи вниманія. Въ виду такой утомительности ихъ, удобнѣе было бы производить подобныя изслѣдованія надъ цѣлой аудиторіей, посредствомъ особаго прибора. При помощи проэкціоннаго фонаря, на мѣсто прозрачной картины котораго вставляется наполненный окрашенной жидкостью плоскій ящикъ съ раздвигающимися и сдвигающимися стеклянными стѣнками, можно было бы получать на экранѣ большіе круги различной интенсивности окраски. Полученныя такимъ путемъ данныя были бы многочисленнѣе и точнѣе для опредѣленія памяти зрительныхъ воспріятій, при гораздо меньшей затратѣ труда и времени.

На основаніи всего вышеизложеннаго я могу высказать слѣдующія положенія:

1. Память простыхъ зрительныхъ воспріятій начинаетъ ослабѣвать, по всей вѣроятности, тотчасъ же вслѣдъ за полученіемъ воспріятія.

2. Прослѣдить экспериментальнымъ путемъ измѣненія ея въ первыя 20—30 секундъ послѣ полученія воспріятія крайне трудно въ виду сильнаго вліянія на вѣрность опытовъ утомляемости глаза изслѣдуемаго.

3. По истеченіи первой минуты послѣ полученія воспріятія память начинаетъ значительно ослабѣвать; къ четыремъ минутамъ она отражается на опытахъ очень мало, а вскорѣ за шесть минутъ совсѣмъ, повидимому, исчезаетъ.

4. Память цвѣтныхъ воспріятій хуже памяти свѣтовыхъ.

5. Фіолетовый цвѣтъ сохраняется памятью лучше, нежели голубовато-зеленый; голубовато-зеленый лучше, нежели красный.

Программа изслѣдованія личности.

Прив.-доц. А. Ф. Лазурскаго.

Всякій, кто пытался когда-либо составить подробную, болѣе или менѣе обоснованную характеристику какого-нибудь человѣка—все равно ребенка или взрослаго,—знаетъ, съ какими большими трудностями бываютъ обыкновенно

сопряжены такія попытки. Особенно трудно положеніе наблюдателя въ томъ случаѣ, когда изученію его подлежитъ одновременно большое количество объектовъ (напр., дѣтей), въ характерѣ которыхъ необходимо такъ или иначе разобраться. Здѣсь некогда долго заниматься каждымъ изъ нихъ въ отдѣльности.

Требуется какая-либо короткая схема, небольшое число яркихъ характерныхъ признаковъ, которые сразу позволяли бы занести наблюдаемое лицо въ ту или иную группу, причислить его къ одной изъ извѣстныхъ въ настоящее время разновидностей характера. А между тѣмъ, по мѣрѣ развитія ученія о характерахъ, все болѣе и болѣе несомнѣнными становятся два факта, имѣющіе первостепенное значеніе для всей индивидуальной психологіи: во первыхъ— необычайная сложность въ строеніи характера каждаго человѣка; во вторыхъ— тѣсная связь между различными сторонами характера, между тѣми отдѣльными качествами, которыя въ своей совокупности даютъ намъ цѣльную человѣческую личность. Узнать основныя черты, дѣйствительно характеризующія даннаго человѣка, не такъ-то легко. Если мы будемъ въ своихъ наблюденіяхъ руководиться немногими рубриками, стараясь втиснуть въ нихъ все разнообразіе изучаемыхъ личностей, то результаты выйдутъ крайне отрывочными, неполными и односторонними. Мало того. Стоитъ только отнестись къ дѣлу внимательнѣе, разобраться подробнѣе въ тѣхъ немногихъ проявленіяхъ наблюдаемой личности, которыя подошли подъ наши рубрики, и мы увидимъ, что проявленія эти далеко не такъ просты, какъ это намъ казалось вначалѣ. Даже на такихъ, сравнительно несложныхъ душевныхъ актахъ, какъ воспріятіе или припоминаніе, отражаются очень многія другія стороны данной личности (напр., степень сосредоточенія вниманія, развитіе мышленія и воображенія, направленіе интересовъ; особенности эмоціональной сферы и т. д.). Нечего и говорить о другихъ, болѣе сложныхъ проявленіяхъ характера. Здѣсь все переплетено такъ тѣсно, что трудно, почти невозможно изучать отдѣльныя качества, не изучая всего человѣка.

Итакъ, бѣглое изслѣдованіе по короткой схемѣ или дастъ намъ очень мало, или не дастъ совсѣмъ ничего. А между тѣмъ, повторяю, обстоятельства въ большинствѣ случаевъ не позволяютъ цѣлыми мѣсяцами производить наблюденія надъ какими-нибудь двумя-тремя мальчиками, такъ какъ, кромѣ нихъ, есть налицо еще два-три десятка другихъ, столь же заслуживающихъ изученія. Какъ тутъ быть? Намъ кажется, что индивидуальная психологія должна въ данномъ случаѣ слѣдовать примѣру медицины. Идеаломъ медицинскаго изслѣдованія является клиническое наблюденіе. Здѣсь больного изучаютъ цѣлые мѣсяцы, иногда годы. Всѣ діагностическія средства и методы, которыми располагаетъ современная медицина, должны примѣняться въ хорошо поставленной клиникѣ. Составленныя такимъ образомъ исторіи болѣзни являются тѣмъ матеріаломъ, благодаря которому развивается медицинская наука, устанавли-

ваются новые виды болѣзней, составляются классификаціи и т. д. Врачъ-практикъ не имѣетъ физической возможности подвергнуть каждаго изъ своихъ больныхъ такому же подробному изученію. Онъ по необходимости долженъ сократить программу изслѣдованія и примѣнять различные упрощенные діагностическіе методы. Однако, клиническіе пріемы изслѣдованія ему хорошо знакомы; онъ самъ неоднократно примѣнялъ ихъ и всегда готовъ воспользоваться нѣкоторыми изъ нихъ на практикѣ, если встрѣтится со случаемъ сомнительнымъ и запутаннымъ. Кромѣ того, въ своихъ заключеніяхъ онъ можетъ опираться на весь тотъ огромный матеріалъ, который даетъ ему научная медицина. По двумъ-тремъ характернымъ признакамъ онъ уже предполагаетъ о наличности даннаго вида заболѣванія и затѣмъ имѣетъ возможность вполнѣ сознательно отыскивать другіе признаки, обыкновенно сопутствующіе данной болѣзни. Только совокупность всѣхъ этихъ условій даетъ возможность врачу-практику при помощи упрощенныхъ методовъ ставить вѣрные діагнозы даже въ довольно трудныхъ и запутанныхъ случаяхъ.

То же должно быть и при изученіи характеровъ. Необходимо путемъ долгаго, систематическаго наблюденія собирать характеристики, по возможности полныя и фактически обоснованныя, хотя бы сначала въ количествѣ очень ограниченномъ. Когда этихъ характеристикъ наберется достаточное количество можно будетъ постепенно приступить къ ихъ группировкѣ и составленію классификаціи характеровъ. И хотя этотъ путь труденъ и продолжителенъ, но за то всякій успѣхъ въ этомъ направленіи будетъ, какъ намъ кажется, больше способствовать точности и плодотворности практическихъ наблюденій, чѣмъ составленіе какихъ бы то ни было слишкомъ краткихъ и «удобопримѣнимыхъ» шаблоновъ. Такое именно подробное «клиническое» изслѣдованіе личности мы и имѣли въ виду, составляя предлагаемую здѣсь программу.

Существуетъ, какъ извѣстно, цѣлый рядъ программъ для изслѣдованія личности. Нѣкоторыя изъ нихъ отличаются значительною полнотою и охватываютъ всѣ важнѣйшія стороны человѣческаго характера [1]). Намъ кажется, однако, что здѣсь есть одна трудность, на которую до сихъ поръ не обращали должнаго вниманія. Дѣло въ томъ, что всякая программа составляется болѣе или менѣе схематически, заключаетъ въ себѣ рядъ такихъ вопросовъ, для отвѣта на которые нужно не только собрать извѣстное количество наблюденій, но еще и проанализировать ихъ. Научное изслѣдованіе характеровъ должно опираться на тѣ данныя, которыя доставляетъ намъ общая психологія. Исходя изъ этого, вполнѣ справедливаго положенія, составители программъ вносятъ въ нихъ нерѣдко различные отвлеченно-психологическіе термины и опредѣленія,

---

[1]) Такова напр., весьма подробная программа, составленная соединенной коммиссіей Московскихъ психологическаго общества и общества невропатологовъ и психіатровъ. См. Тюремный Вѣстникъ, 1904 г., № 3.

ограничиваясь лишь простымъ упоминаніемъ ихъ, и опуская какія-бы то ни было конкретныя подробности и проявленія. Съ извѣстной точки зрѣнія они правы. Разборъ какого-бы то ни было характера только тогда можно считать доведеннымъ до конца, когда мы расчленили всю безконечную пестроту его проявленій и свели ихъ къ различнымъ комбинаціямъ нѣсколькихъ (вѣрнѣе—нѣсколькихъ десятковъ) основныхъ качествъ, болѣе или менѣе рѣзко выраженныхъ. Только въ такомъ случаѣ можно сравнить другъ съ другомъ отдѣльныя характеристики и объяснять строеніе того или иного характера на основаніи извѣстныхъ намъ психологическихъ законовъ. Но вѣдь подобный результатъ можетъ получиться только въ самомъ концѣ работы, когда мы подвергнемъ подробному психологическому анализу всѣ тѣ разнообразныя проявленія, которыя были отмѣчены у наблюдаемаго лица. Во время же производства наблюденій мы имѣемъ дѣло не съ психологическими отвлеченіями, а съ живымъ человѣкомъ, который движется, говоритъ, дѣйствуетъ, реагируетъ такъ или иначе на раздраженія и т. д. Слишкомъ трудно въ одно и то же время и наблюдать и анализировать свои наблюденія. Самое большее, что можетъ сдѣлать добросовѣстный наблюдатель, это записывать по возможности подробно всѣ тѣ проявленія, которыя ему кажутся достойными вниманія, и затѣмъ, на досугѣ, обсуждать ихъ, анализировать и подводить подъ тѣ или иныя психологическія рубрики.

Такимъ образомъ, отвлеченно-психологическая программа, необходимая для планомѣрной разработки матеріала и составленія классификаціи, оказалась-бы во время самого производства наблюденій почти совершенно неприложимой. Ввиду этого нѣкоторые, черезчуръ отвлеченные психологическіе термины при составленіи программъ обыкновенно выбрасываются, замѣняясь какими-нибудь примѣрами и поясненіями. Далѣе, въ программу нерѣдко вставляются различныя сложныя проявленія, имѣющія важное практическое значеніе (напр., пьянство, непослушаніе и т. д.),—хотя бы психологическое истолкованіе ихъ представлялось въ разныхъ случаяхъ весьма различнымъ. Благодаря этому получается иногда крайняя пестрота: на ряду съ нѣкоторыми, дѣйствительно основными качествами, лежащими въ основѣ цѣлаго ряда проявленій, фигурируютъ нерѣдко подробности, имѣющія весьма частное и сравнительно маловажное (въ смыслѣ характеристики наблюдаемаго лица) значеніе; и тутъ же рядомъ стоитъ какой-нибудь вопросъ, преслѣдующій чисто внѣшнія, прикладныя цѣли.

Единственный способъ, позволяющій, съ одной стороны, дать значительное количество конкретныхъ подробностей, а съ другой—установить не особенно длинную схему для сравненія другъ съ другомъ отдѣльныхъ, уже разработанныхъ характеристикъ, заключается, на нашъ взглядъ, въ томъ, чтобы составить двѣ неодинаковыхъ по величинѣ программы, идущихъ параллельно одна другой. Первая, руководящая (у насъ она обозначена № 2-мъ), содержитъ въ себѣ перечень основныхъ качествъ или сторонъ личности, поскольку онѣ являются результатомъ тщательнаго психологическаго анализа. Вторая, объяснитель-

ная, обозначенная у насъ № 3-мъ, заключаетъ въ себѣ болѣе или менѣе длинный рядъ конкректныхъ проявленій, соотвѣтствующихъ каждому изъ вышеназванныхъ основныхъ качествъ. Каждое изъ этихъ проявленій представляетъ изъ себя, конечно, довольно сложный душевный процессъ, требующій присутствія также и нѣкоторыхъ другихъ чертъ характера, но то качество, проявленіемъ котораго этотъ процессъ служитъ, выражено въ немъ съ особенной силой, является необходимымъ для того, чтобы самый процессъ осуществился. Въ цѣляхъ большей ясности и наглядности мы иногда нарочно преувеличивали интенсивность проявленій того или иного качества, разсчитывая на то, что если указана крайняя, наивысшая степень даннаго проявленія, то болѣе слабыя, чаще встрѣчающіяся степени будутъ и безъ дальнѣйшихъ объясненій сами сабой понятны.

Для болѣе удобнаго обзора всей программы мы выставили вначалѣ еще одинъ, самый общій перечень, назвавши его программой № 1-й (предварительной).

Въ объяснительной программѣ упоминаются вкратцѣ также и эксперименты, пригодные для изслѣдованія того или иного изъ основныхъ качествъ. Болѣе подробное описаніе этихъ экспериментовъ выходило бы изъ рамокъ поставленной нами себѣ задачи.

Въ заключеніе считаю своимъ долгомъ выразить искреннюю благодарность всѣмъ лицамъ, помогавшимъ мнѣ своими совѣтами при составленіи этой программы.

Программа № 1 (предварительная).

I. Ощущенія. Воспріятія.
II. Память.
III. Ассоціаціи.
IV. Вниманіе.
V. Мышленіе.
VI. Рѣчь.
VII. Воображеніе.
VIII. Общія особенности умственной сферы.
IX. Настроеніе и аффекты.
X. Чувства зависящія отъ контраста.
XI. Чувства, относящіяся къ собственной личности.
XII. Чувства по отношенію къ другимъ людямъ.
XIII. Высшія идейныя чувствованія.
XIV. Общія особенности эмоціональной сферы.
XV. Движенія.
XVI. Принятіе рѣшеній. Процессъ выбора.
XVII. Сознательное волевое усиліе.

Программа № 2 (руководящая).

I. *Ощущенія. Воспріятія.* Острота воспріятій. Обиліе и богатство ихъ. Точность воспріятій.

II. *Память.* Запоминаніе. Сохраненіе въ памяти. Способность узнаванія. Легкость воспроизведенія. Точность воспроизведенія. Преобладаніе одного изъ видовъ памяти (память матеріальная и формальная). Типъ воспроизведенныхъ представлоній. Способность точно локализировать воспроизведенныя представленія.

III. *Ассоціаціи.* Обиліе или бѣдность ассоціацій. Развитіе внѣшнихъ ассоціацій. Развитіе внутреннихъ ассоціацій.

IV. *Вниманіе.* Легкость привлеченія вниманія. Сила его сосредоточенія (отвлекаемость). Развитіе произвольнаго (активнаго) вниманія. Устойчивость или неустойчивость вниманія. Его объемъ.

V. *Мышленіе.* Наклонность къ составленію сужденій. Правильность, обоснованность сужденій. Ихъ субъективность или объективность. Большая или меньшая способность къ отвлеченію. Широта или узость понятій. Способность къ умозаключеніямъ. Наклонность къ анализу и синтезу. Наклонность къ индукціи и дедукціи.

VI. *Рѣчь.* Обиліе словесныхъ образовъ. Преобладающій типъ ихъ. Легкость сочетанія словесныхъ образовъ. Связь представленій и понятій съ ихъ словесными обозначеніями.

VII. *Воображеніе.* Способность къ образованію новыхъ представленій и ихъ комбинацій. Богатство или бѣдность воображенія. Живость, яркость его. Степень реальности новообразованныхъ представленій.

VIII. *Общія особенности умственной сферы.* Быстрота или медленность умственныхъ процессовъ. Преобладаніе сознательныхъ или безсознательныхъ психическихъ процессовъ. Преобладаніе внѣшнихъ воспріятій надъ внутренними или обратно. Наличность или отсутствіе направляющихъ идей въ умственной сферѣ. Умственная утомляемость. Умственная упражняемость (привыканіе).

IX. *Настроеніе и аффекты.* Преобладающее настроеніе. Постоянство или измѣнчивость настроенія. Способность испытывать радость и горе. Наклонность къ гнѣву. Наклонность къ испугу. Наклонность къ страху, или ея отсутствіе (различные виды страха).

X. *Чувства, зависящія отъ контраста.* Чувство удивленія. Интересъ ко всему новому.

XI. *Чувства, относящіяся къ собственной личности.* Низшія органическія чувства. Забота о благосостояніи своей личности (эгоизмъ). Забота о своемъ превосходствѣ надъ другими (самолюбіе). Чувства, связанныя съ оцѣнкой собственной личности.

XII. *Чувства по отношенію къ другимъ людямъ.* Родственная привязанность. Чувства симпатіи (различные виды симпатій). Общественныя чувства.

XIII. *Высшія идейныя чувствованія.* Интеллектуальное чувство. Эстетическое чувство (различные его виды). Нравственное чувство; религіозное чувство (степень ихъ развитія и характеръ проявленій).

XIV. *Общія особенности эмоціальной сферы.* Возбудимость чувствованій. Ихъ сила, интенсивность. Ихъ продолжительность, устойчивость. Обиліе или бѣдность проявленій чувства. Вліяніе чувствъ на умственные и волевые процессы.

XV. *Движенія.* Обиліе или бѣдность движеній. Ихъ быстрота или медленность. Ихъ сила или слабость. Степень координаціи сложныхъ движеній. Двигательная утомляемость. Двигательная упражняемость.

XVI. *Принятіе рѣшеній. Процессъ выбора.* Сила или слабость желаній и влеченій. Наличность или отсутствіе борьбы мотивовъ (выбора). Быстрота выбора. Наклонность къ обсужденію мотивовъ. Способность къ принятію рѣшеній. Устойчивость принятыхъ рѣшеній. Ясность, опредѣленность желаній и рѣшеній. Систематичность сложныхъ дѣйствій.

XVII. *Сознательное волевое усиліе.* Наличность или отсутствіе руководящихъ идей и стремленій. Степень развитія внутренней (психической) задержки. Степень развитія физической (психомоторной) задержки. Значительное развитіе волевой энергіи. Большая или меньшая продолжительность волевого усилія. Степень сопротивляемости внѣшнимъ вліяніямъ (различные ея виды).

Программа № 3 (объяснительная).

I. ОЩУЩЕНІЯ, ВОСПРІЯТІЯ.

1. *Острота воспріятій.* Способность улавливать самыя тонкія и малозамѣтныя разницы между отдѣльными ощущеніями.

Количественная сторона. Въ сумеркахъ и темной ночью хорошо видитъ, распознаетъ самыя мелкія звѣзды на небѣ, свободно разбираетъ мелкую печать. Улавливаетъ самый незначительный шорохъ, чрезвычайно слабые и отдаленные звуки. Ясно и отчетливо различаетъ самыя слабыя прикосновенія, запахи и т д.

Качественная сторона: Хорошо подбираетъ цвѣта, различая тончайшіе ихъ оттѣнки. Обладаетъ музыкальнымъ слухомъ, способностью улавливать разницу между самыми близкими тонами. Тонко распознаетъ различные запахи (напр., разные духи).

Не замѣчается ли преобладанія одного какого нибудь рода ощущеній надъ всѣми остальными. *Эксп.:* Цѣлый рядъ психофизическихъ методовъ и пріемовъ.

2. *Обиліе и богатство воспріятій.* Наблюдателенъ: замѣчаетъ все, что происходитъ вокругъ него. Когда разсматриваетъ что нибудь, то ни одна мелочь не ускользнетъ отъ его вниманія. Чрезвычайно подробно изучаетъ все то, за что ни возьмется. *Эксп.*: описаніе объекта или рисунка (типъ описательный).

3. *Точность воспріятій.* Всѣ его наблюденія, описанія и разсказы о только что видѣнномъ или слышанномъ вполнѣ соотвѣтствуютъ дѣйствительности; какъ отдѣльныя подробности событій, такъ и ихъ взаимныя отношенія переданы совершенно точно. Или же всѣ его описанія даже при внимательномъ отношеніи къ предмету полны ошибокъ, неточностей и пробѣловъ. *Эксп.* Описаніе рисунка или объекта тотчасъ послѣ показыванія.

II. ПАМЯТЬ.

4. *Запоминаніе.* Хорошо запоминаетъ предметы, лица, событія, разговоры, хотя бы только одинъ разъ имъ видѣнные и слышанные. Легко и быстро заучиваетъ самыя длинныя стихотворенія и прозаическіе отрывки. Въ короткое время можетъ усвоить во всѣхъ подробностяхъ рисунокъ или описаніе сложнаго прибора, зданія, мѣстности. *Эксп.* Непосредственное воспроизведеніе рядовъ или группъ, состоящихъ изъ чиселъ, словъ или слоговъ, послѣ однократнаго прочтенія. Заучиваніе стихотворныхъ отрывковъ. Заучиваніе слоговъ по методу Эбинггауза.

5. *Сохраненіе въ памяти.* (Продолжительность сохраненія и количество сохранившихся подробностей). То, что разъ видѣлъ или усвоилъ, сохраняетъ въ памяти очень долго. По прошествіи многихъ дней, мѣсяцевъ, даже лѣтъ помнитъ всѣ подробности событій почти такъ же хорошо, какъ помнилъ ихъ на другой день. Или же всѣ впечатлѣнія быстро изглаживаются изъ памяти, воспоминанія очень бѣдны, отрывочны и неполны. *Эксп.* Методъ сбереженія (Эбинггауза). Воспроизведеніе рисунка или объекта спустя долгое время послѣ показыванія.

6. *Способность узнаванія.* Легко узнаетъ все то, что когда нибудь видѣлъ, слышалъ или читалъ (лица, предметы, мѣстности, музыкальныя произведенія, стихотворные отрывки и т. д.). Точно и правильно различаетъ все старое, знакомое отъ новаго, незнакомаго. Или же не узнаетъ даже тѣхъ людей, съ которыми нѣсколько разъ встрѣчался и разговаривалъ.

7. *Легкость воспроизведенія.* Въ случаѣ надобности или когда самъ этого захочетъ, тотчасъ же припоминаетъ все, что нужно. Или же воспроизведеніе совершается съ большимъ трудомъ, приходится справляться съ записной книжкой, спрашивать окружающихъ и т. д. Только въ томъ случаѣ можетъ припомнить всѣ подробности какого нибудь (не особенно важнаго) происшествія, когда окружающая обстановка, разговоры и его собственное настроеніе напоминаютъ ему о случившемся.

8. *Точность воспроизведенія.* При чтеніи наизусть стихотвореній, при пересказѣ прочитаннаго дѣлаетъ очень мало ошибокъ. Припоминая какое нибудь событіе, описываетъ совершенно правильно всѣ тѣ (хотя бы и очень немногія) подробности, которыя сохранились въ его воспоминаніи. Или же

число ошибокъ очень велико, видѣнныя ранѣе событія передаетъ (даже при самомъ добросовѣстномъ отношеніи къ дѣлу) очень неточно, часто перепутываетъ подробности, перемѣшиваетъ лица, дѣлаетъ собственныя вставки и т. д. *Эксп.* Пересказъ заученнаго ранѣе отрывка, описаніе видѣннаго ранѣе рисунка.

9. *Преобладаніе одного изъ видовъ памяти.* (Память матеріальная и формальная). Хорошо запоминаетъ и удерживаетъ въ памяти: отдѣльные звуки и ихъ сочетанія, мелодіи и отрывочныя фразы: отдѣльныя цифры и числа; движенія; лица, картины, отдѣльныя мѣстности. Или же: ритмъ и быстроту звуковъ и движеній, геометрическія фигуры, чертежи, схемы, планы мѣстностей, хронологическую послѣдовательность событій. Не преобладаетъ ли одинъ какой нибудь изъ этихъ видовъ памяти надъ другими.

10. *Типъ воспроизведенныхъ представленій* (типы: зрительный, слуховой, моторный и смѣшанные). Во всѣхъ его воспоминаніяхъ, мечтахъ и сновидѣніяхъ преобладаютъ яркіе, живые зрительные образы; очень подробно и точно можетъ описать ихъ цвѣтъ, форму и положеніе. Обладаетъ способностью къ живописи. Или же преобладаютъ слуховые образы (способность къ музыкѣ) и воспоминанія о движеніяхъ *Эксп.:* заставить писать въ теченіе 5 минутъ названія вещей, обладающихъ рѣзко выраженнымъ цвѣтомъ; затѣмъ то же въ области слуховыхъ впечатлѣній. Опыты съ памятью цвѣтовъ, тоновъ и т. д.

11. *Способность точно локализовать воспроизведенныя представленія.* Всякій разъ можетъ точно опредѣлить, когда и при какихъ обстоятельствахъ видѣлъ даннаго человѣка. Можетъ указать, въ какой книгѣ и въ какомъ мѣстѣ страницы находится цитированная имъ фраза.

III. АССОЦІАЦІИ.

12. *Обиліе или бѣдность ассоціацій.* Каждое впечатлѣніе вызываетъ цѣлый рядъ мыслей, воспоминаній и образовъ. Обладаетъ неисчерпаемымъ запасомъ темъ для разговора и большимъ количествомъ самыхъ разнообразныхъ свѣдѣній. Или же кругъ представленій очень узокъ и ограниченъ, воспоминанія немногосложны *Эксп.* Предложить испытуемому написать 20 словъ (какихъ угодно); при оцѣнкѣ обратить вниманіе на содержаніе словъ и время потребовавшееся для всего ряда.

13. *Развитіе внѣшнихъ ассоціацій.* Разсказывая о чемъ нибудь, передаетъ подрядъ все то, что онъ видѣлъ и слышалъ, не заботясь о внутренней связи. Въ разсужденіяхъ преобладаютъ поверхностныя аналогіи. Заучиваетъ (напр. уроки) не по смыслу, а чисто механически. Повторить заученное можетъ лишь въ томъ порядкѣ, въ какомъ его усвоилъ, иначе становится въ тупикъ и все забываетъ. *Эксп.* Записываніе одной или цѣлаго ряда ассоціацій къ данному слову или рисунку (характерно обиліе ассоціацій по созвучію).

14. *Развитіе внутреннихъ ассоціацій.* Не довольствуясь простымъ пересказомъ событій, старается передать ихъ внутреннюю причинную связь. (Осмысленный и связный текстъ—стихи, прозу—запоминаетъ гораздо лучше, чѣмъ безсвязный—собственныя имена, хронологическія таблицы). *Эксп.* См. предыдущее.

IV. ВНИМАНІЕ.

15. *Легкость привлеченія вниманія.* Всякая перемѣна въ окружающей обстановкѣ, все необычное, выдающееся, а также все, что сколько нибудь затрогиваетъ его чувства и интересы, тотчасъ же привлекаетъ его вниманіе. Или же, наоборотъ, ко всему относится одинаково разсѣянно и невнимательно, не способенъ остановиться подольше на чемъ бы то ни было.

16. *Сила сосредоточенія вниманія* (отвлекаемость вниманія). Сосредоточившись на какихъ нибудь внѣшнихъ впечатлѣніяхъ (читая, слушая, разсматривая что-нибудь, работая) или углубившись въ свои собственныя мысли, совершенно не замѣчаетъ окружающаго; чтобы отвлечь его, нужно нѣсколько разъ назвать по имени, тронуть за плечо и проч. Или наоборотъ: ничтожное неудобство, помѣха, громкій разговоръ тотчасъ же развлекаетъ. *Эксп.:* Отвлеченіе отъ работы путемъ хлопанія въ ладоши, разговора съ испытуемымъ, рѣзкихъ внезапныхъ и разнообразныхъ зрительныхъ и слуховыхъ впечатлѣній и т. д.

17. *Развитіе произвольнаго* (активнаго) *вниманія.* Если нужно, можетъ сосредоточить вниманіе даже на скучномъ и непріятномъ предметѣ. По желанію или въ случаѣ нужды легко переноситъ вниманіе съ одного объекта на другой или же занимается только тѣмъ, что представляетъ интересъ въ данную минуту, бросая дѣло тотчасъ же, какъ только найдется другой болѣе интересный объектъ (пассивное вниманіе) *Эксп.:* Число ошибокъ въ трудной работѣ (выбираніе буквъ, исправленіе корректуры, арифметическія дѣйствія и т. д.). Разставлять точки въ неправильно расположенныхъ графикахъ.

18. *Устойчивость или неустойчивость вниманія.* Долгое время можетъ заниматься однимъ и тѣмъ же предметомъ, поддерживать разговоръ на одну и ту же тему. Или, наоборотъ, безпрестанно мѣняетъ тему разговора, спросивши что-нибудь, не дослушиваетъ объясненія и задаетъ уже новый, посторонній вопросъ. *Эксп.:* Величина колебаній во времи работы (средняя варіація).

19. *Объемъ вниманія* (широта или узость его). Можетъ ли заниматься нѣсколькими дѣлами одновременно, напр.: выполнять сложную ручную работу, писать, рисовать,—и въ то же время слушать чтеніе, участвовать въ интересномъ разговорѣ; или: заниматься подробностями дѣла и одновременно не упускать изъ виду общаго плана его. *Эксп.:* Двѣ работы одновременно, напр., списываніе и рѣшеніе вслухъ предлагаемыхъ арифметическихъ задачъ или счетъ вслухъ ударовъ метронома.

V. МЫШЛЕНІЕ.

20. *Наклонность къ составленію сужденій.* По поводу всякаго сколько нибудь значительнаго факта начинаетъ разсуждать сопоставляетъ его съ другими и дѣлаетъ выводы. Наклонность перерабатывать и дополнять свои прежнія впечатлѣнія, мысли и воспоминанія, какъ только опытъ дастъ что-нибудь новое. Или же совершенно не способенъ разсуждать, не въ состояніи понять самой простой мысли, не замѣчаетъ вопіющихъ противорѣчій въ своихъ сужденіяхъ. *Эксп.:* Описаніе объекта (типъ разсуждающій).

21. *Правильность, обоснованность сужденій.* Значительное большинство его мнѣній и взглядовъ вполнѣ соотвѣтствуютъ дѣйствительности. На его сужденіе можно положиться, такъ какъ они всегда достаточно обоснованы. *Эксп.:* чтеніе словъ и слоговъ на быстро вращающемся барабанѣ: не разобранныя слова и слоги одними пропускаются, другими же воспроизводятся постоянно хотя бы наугадъ и ошибочно.

22. *Субъективность или объективность сужденій.* Въ своихъ сужденіяхъ о предметахъ, людяхъ и событіяхъ передаетъ, главнымъ образомъ, то впечатлѣніе, которое они на него произвели. Оцѣниваетъ ихъ значеніе всегда съ точки зрѣнія своихъ собственныхъ взглядовъ, не будучи способенъ встать на чужую точку зрѣнія. Или же разсматриваетъ ихъ вполнѣ объективно. Примѣръ: противоположность между художественнымъ и научнымъ отношеніемъ къ объекту.

23. *Большая или меньшая способность къ отвлеченію* (абстрактность или конкретность мышленія, образованіе общихъ представленій и понятій). Всегда занятъ какими-нибудь общими вопросами. Каждое отдѣльное явленіе природы или фактъ общественной жизни умѣетъ обобщить, отыскавши въ немъ черты, общія для цѣлаго класса явленій. Собирая растенія, камешки, рисунки, всегда дѣлитъ ихъ на группы по извѣстнымъ общимъ признакамъ Можетъ дать болѣе или менѣе точное опредѣленіе различнымъ отвлеченнымъ понятіямъ (напр., наука, справедливость, равновѣсіе). Наклонность къ занятію отвлеченными науками: математикой, философіей. Противоположныя качества: каждое явленіе интересуетъ его само по себѣ, безъ всякаго отношенія ко всему остальному. Каждый отдѣльный фактъ всегда представляетъ себѣ образно, конкретно, со всѣми подробностями. Отвлеченныя мысли и разсужденія старается для ясности иллюстрировать примѣрами, схемами и рисунками.

24. *Широта или узость понятій.* Всѣ его наблюденія и взгляды отличаются значительной узостью и односторонностью. Педантъ и формалистъ, изъ-за частностей не видитъ главнаго, изъ-за средствъ забываетъ о цѣли.

Наклонность къ мелочной спеціализаціи. Или же обладаетъ широкимъ кругозоромъ, способностью понимать и оцѣнивать самыя разнообразныя и противоположныя явленія.

25. *Способность къ умозаключеніямъ* (построеніе цѣпи сужденій для образованія конечнаго вывода). Въ области, ему хорошо знакомой, очень дальновиденъ: задолго впередъ можетъ разсчитать всѣ возможныя комбинаціи и предсказать вѣроятныя послѣдствія даннаго поступка. Въ своихъ разсужденіяхъ очень послѣдователенъ. Обладаетъ способностями къ формальной логикѣ, математикѣ и т. д.

26. *Наклонность къ анализу и синтезу.* Приступая къ ознакомленію съ какимъ нибудь предметомъ (научная проблема, явленіе природы, практическое предпріятіе) прежде всего подробно изучаетъ одну за другой отдѣльныя его стороны, не оставляя безъ вниманія ни одной мелочи. Или же, наскоро ознакомившись съ нѣкоторыми подробностями вопроса, старается, исходя изъ нихъ, сразу представить себѣ общую организацію дѣла, уловить главныя причины явленія и т. д.

27. *Наклонность къ индукціи и дедукціи.* Дѣлаетъ выводъ только тогда, когда собрано достаточно фактовъ; вообще въ своихъ разсужденіяхъ придерживается фактовъ (все равно, будутъ ли это собственныя наблюденія или свѣдѣнія, полученныя изъ книгъ) и старается не слишкомъ удаляться отъ нихъ. Или же, усвоивши себѣ извѣстный принципъ или законъ (ходячее мнѣніе, научная гипотеза, какая нибудь предвзятая мысль), дѣлаетъ изъ нея обширные и разнообразные выводы, не считаясь уже болѣе съ фактами (прямолинейность, наклонность къ поспѣшнымъ обобщеніямъ).

VI. РѢЧЬ.

28. *Обиліе словесныхъ образовъ* (богатство рѣчи). Обыкновенно не чувствуетъ недостатка въ словахъ и выраженіяхъ. Для каждаго предмета, для каждой мысли у него тотчасъ имѣется цѣлый рядъ словъ, названій, готовыхъ фразъ и оборотовъ рѣчи. Или же рѣчь очень бѣдна, въ ней часто повторяются одни и тѣ же слова и обороты.

29. *Преобладающій типъ словесныхъ образовъ* (типы зрительный, слуховой, моторный и смѣшанные). Какимъ образомъ охотнѣе читаетъ и заучиваетъ, про себя или вслухъ? Какимъ образомъ охотнѣе заучиваетъ, — по книгѣ или съ чужихъ словъ? если по книгѣ, то заучиваетъ-ли молча, слѣдя только глазами, или-же повторяетъ слова про себя? Что больше сохраняется въ памяти: строчки, буквы, печатный шрифтъ или звуки, рифмы. *Эксп.:* Даютъ запоминать различными способами буквы, числа, слоги, чтобы опредѣлить, какой способъ дастъ наиболѣе благопріятные результаты (обратить вниманіе на характеръ совершаемыхъ при этомъ ошибокъ).

30. *Легкость сочетанія словесныхъ образовъ.* Рѣчь льется плавно, связно и свободно, безъ всякихъ задержекъ. Легко и быстро пишетъ письма, сочиненія и т. д. Или же рѣчь и письмо изобилуютъ тяжелыми, неуклюжими оборотами, каждую фразу по нѣскольку разъ исправляетъ и передѣлываетъ.

31. *Связь представленій и понятій съ ихъ словесными обозначеніями.* Для каждаго предмета или отношенія находитъ самыя подходящія, наиболѣе соотвѣтственныя названія и обороты рѣчи (мѣткая, ясная рѣчь).

VII. ВООБРАЖЕНІЕ.

32. *Способность къ образованію новыхъ представленій и ихъ комбинацій.* Высказываемыя мысли часто бываютъ новы, оригинальны, не похожи на все прежнее. Или, наоборотъ, шаблонны, являются повтореніемъ общеизвѣстныхъ истинъ. Изобрѣтателенъ, находчивъ. Легко рѣшаетъ загадки, шарады. По нѣсколькимъ даннымъ ему намекамъ можетъ легко составить себѣ цѣлую картину какого-нибудь событія или мѣстности. Способность къ сочиненію стиховъ, повѣстей и т. п. Способность къ остроумнымъ научнымъ гипотезамъ, техническимъ открытіямъ и усовершенствованіямъ. *Эксп.*: Составленіе фразъ изъ нѣсколькихъ данныхъ словъ или словъ изъ нѣсколькихъ данныхъ буквъ. Заполненіе пробѣловъ текста.

33. *Богатство или бѣдность воображенія.* Всѣ созданія его воображенія (классныя сочиненія, разсказы, мечты, сновидѣнія) отличаются крайней несложностью, примитивностью; или же, наоборотъ, изобилуютъ богатствомъ подробностей, образовъ, сравненій и т. п. На одну и ту же тему (организація какого-нибудь предпріятія, способъ выйти изъ труднаго положенія) можетъ придумать цѣлый рядъ различныхъ варіацій. *Эксп.:* См. предыдущ.; обратить вниманіе на количество составленныхъ фразъ (или словъ) и на число повторяющихся комбинацій.

34. *Живость, яркость воображенія.* Образы фантазіи (напр., мечты, сновидѣнія) до того ярки, что въ воспоминаніи иногда перемѣшиваетъ ихъ съ дѣйствительностью (не знаетъ самъ, видѣлъ ли такой то фактъ во снѣ или на яву). Или же они блѣдны, неясны и неопредѣленны, съ трудомъ поддаются описанію и передачѣ.

35. *Степень реальности новообразованныхъ представленій.* Его стремленія и замыслы, даже самые широкіе и отдаленные, вполнѣ осуществимы и не заключаютъ въ себѣ ничего несбыточнаго. Его научныя построенія вполнѣ оправдываются дальнѣйшимъ опытомъ; различныя техническія усовершенствованія, планы и проекты оказываются практичными и цѣлесообразными. Или же, наоборотъ, склоненъ мечтать, строить воздушные замки, составлять фантастическія гипотезы и неосуществимые проекты. Противоположность между реализмомъ и идеализмомъ въ искусствѣ.

VIII. ОБЩІЯ СПОСОБНОСТИ УМСТВЕННОЙ СФЕРЫ.

36. *Быстрота или медленность умственныхъ процессовъ.* Быстро или медленно схватываетъ и подмѣчаетъ окружающія впечатлѣнія, быстро припоминаетъ, соображаетъ, отвѣчаетъ на вопросы. Быстро оріентируется во всякомъ новомъ, незнакомомъ ему дѣлѣ. Всякую привычную и не особенно трудную умственную работу можетъ исполнить въ очень короткое время. Насколько хорошо успѣваетъ разсмотрѣть (при нормальномъ зрѣніи и достаточномъ сосредоточеніи вниманія) быстро промелькнувшіе передъ глазами предметы: мышь, пробѣжавшую въ углу комнаты, рядъ домовъ, на мгновеніе освѣщенныхъ молніей и т. д. *Эксп.*: Изслѣдованіе скорости простой и сложной реакціи, выбора, ассоціацій. Изслѣдованіе при помощи тахистоскопа. Заставить въ теченіе извѣстнаго времени, какъ можно быстрѣе, писать всѣ приходящія въ голову названія предметовъ (скорость ассоціацій).

37. *Преобладаніе сознательныхъ или безсознательныхъ процессовъ.* Разсказывая о событіи изъ своей жизни, подробно описываетъ, что онъ думалъ и чувствовалъ въ это время. Способенъ къ самонаблюденію, къ точному описанію и анализу своихъ внутреннихъ переживаній (напр., во время психологическаго эксперимента). Или же замѣтно преобладаніе безсознательныхъ процессовъ. Не можетъ сказать, какимъ путемъ онъ дошелъ до извѣстной мысли, заключенія. Не можетъ доказать своего мнѣнія фактами, но «чувствуетъ», что онъ правъ. «Инстинктивно» догадывается, въ чемъ сущность даннаго вопроса. Самыя удачныя мысли приходятъ въ голову невзначай, какъ бы случайно, во время прогулки, посторонняго разговора и т. д.; воспоминанія сами собой «всплываютъ», когда о нихъ не думаетъ. Самъ не можетъ хорошенько разобраться въ своихъ желаніяхъ и стремленіяхъ, симпатіяхъ и антипатіяхъ; часто самъ не можетъ назвать причины, заставившей его разсердиться, обрадоваться и проч. Приступы недостаточно мотивированнаго страха.

38. *Преобладаніе внѣшнихъ воспріятій надъ внутренними и обратно.* Внѣшнія воспріятія являются только поводомъ къ возникновенію длиннаго ряда мыслей, которыя и овладѣваютъ всецѣло его вниманіемъ. Часто, углубившись въ свои собственныя мысли, плохо слушаетъ то, что ему говоритъ собесѣдникъ. Любитъ тишину и уединеніе, позволяющія ему свободно предаваться своимъ занятіямъ, мечтамъ и воспоминаніямъ. Или же любитъ шумную, пеструю, разнообразную обстановку, которая давала бы массу внѣшнихъ впечатлѣній и не оставляла бы его наединѣ съ самимъ собой.

39. *Наличность или отсутствіе направляющихъ идей въ умственной сферѣ.* Замѣчается ли въ различныхъ его сужденіяхъ извѣстное единство, одна общая руководящая мысль,—или же они не имѣютъ между собой ничего

общаго. Во время наблюденій всегда имѣетъ извѣстныя руководящія задачи или точки зрѣнія и обращаетъ вниманіе только на тѣ явленія, которыя соотвѣтствуютъ его задачамъ. Или же часто уклоняется въ сторону, забывая о цѣли наблюденій, теряя нить разговора, впадая въ противорѣчіе съ самимъ собой.

40. *Умственная утомляемость.* Сколько часовъ или минутъ можетъ провести за такой работой, которая требуетъ значительнаго умственнаго напряженія (рѣшеніе задачъ, заучиваніе уроковъ, подготовка къ серьезному экзамену). Скоро ли наступаютъ при этомъ признаки утомленія.— субъективны (чувство усталости, тяжесть и боль въ головѣ, мельканіе въ глазахъ, невозможность сосредоточиться, неспособность соображать) и объективные (количественное и качественное ухудшеніе работы, разсѣянность). Можетъ ли долгое время работать безъ перерыва или отъ времени до времени нуждается въ отдыхѣ. Какъ часты и продолжительны должны быть эти промежутки отдыха. Сказывается ли къ концу рабочаго дня утомленіе по сравненію съ утренними часами и насколько оно значительно. *Эксп.:* Заставить въ теченіе 20—40 мин. безъ перерыва производить трудную умственную работу (ариѳметическія дѣйствія заучиваніе безсмысленныхъ слоговъ, выбираніе буквъ изъ текста) и сравнить первую и вторую половину работы въ количественномъ и качественномъ отношеніи. Изслѣдовать работоспособность послѣ долгихъ утомительныхъ занятій (напр., послѣ ряда уроковъ).

41. *Умственная упражняемость (привыканіе).* Какъ скоро приспособляется ко всякой новой, непривычной для него умственной работѣ. Когда послѣ перерыва снова принимается за занятія, то сколько времени (минутъ, часовъ, дней) требуется для него, чтобы «втянуться» и начать работать обычнымъ темпомъ. *Эксп.:* Постепенное улучшеніе работы по мѣрѣ дальнѣйшихъ повтореній одного и того же опыта.

IX. НАСТРОЕНІЕ И АФФЕКТЫ.

42. *Преобладающее настроеніе.* Всегда веселъ, доволенъ, радостно настроенъ, отличается хорошимъ самочувствіемъ; даже въ трудныхъ положеніяхъ не теряетъ хорошаго расположенія духа. Или, наоборотъ, самочувствіе большею частью плохое, настроеніе угнетенное, замѣчается общая вялость и подавленность. Или, наконецъ, настроеніе спокойное, ровное,—ясное, но безъ особенной радости, серьезное, но безъ оттѣнка грусти.

43. *Постоянство или измѣнчивость настроенія.* Не смотря ни на какія обстоятельства, настроеніе всегда одинаково. Или же оно легко мѣняется въ зависимости отъ обстоятельствъ, а иногда и безъ всякой особенной причины. Происходитъ ли смѣна настроеній быстро или медленно.

44. *Способность испытывать радость и горе.* Всякое пріятное событіе, все, что удовлетворяетъ его желаніямъ и потребностямъ (игры, подарки, лакомства, интересное чтеніе, свиданіе съ любимыми людьми, и проч.) вызываетъ рѣзко выраженное состояніе довольства и радостное возбужденіе. Всякія же непріятности, лишенія и несчастія, постигающія его самого или близкихъ людей, сильно огорчаютъ, заставляютъ плакать, тосковать, грустить. Или же, наоборотъ, неспособенъ ни къ особенной радости, ни къ особенному горю.

45. *Наклонность къ гнѣву.* Часто сердится, раздражается. Всякія препятствія, стѣсненія, помѣхи, даже самыя незначительныя, возбуждаютъ его и вызываютъ досаду и чувство гнѣва, достигающее иногда значительной силы (бѣшенство, ярость). Или, наоборотъ, добродушенъ, ко всему относится спокойно и снисходительно.

46. *Наклонность къ испугу.* Всякое сильное и внезапное впечатлѣніе (шумъ отъ паденія чего-нибудь, выстрѣлъ изъ ружья, неожиданный стукъ въ дверь, внезапное появленіе человѣка за спиной) пугаетъ, заставляетъ вздрагивать и вызываетъ сердцебіеніе.

47. *Наклонность къ страху или ея отсутствіе.* При приближеніи опасности безпокоится, дрожитъ, блѣднѣетъ, теряется, пытается бѣжать или (при крайней степени страха) совершенно теряетъ способность двигаться. Противоположныя качества: храбрость, смѣлость, хладнокровіе; въ присутствіи опасности, вполнѣ сознавая ее, спокойно продолжаетъ свое дѣло, разговариваетъ и т. д.

Различные виды страха: страхъ передъ болью (побои, пораненія), страхъ за свою жизнь, за свое имущество, за различные матеріальные интересы. Боязнь за свое дѣло, за свою репутацію, за свои высшіе духовные интересы, за близкихъ и уважаемыхъ людей. Боязнь большого общества, застѣнчивость. Боязнь всего новаго, неизвѣстнаго, страхъ передъ будущимъ вообще. Боязнь темноты, привидѣній, мертвецовъ, всего непонятнаго и сверхъестественнаго. Боязнь мышей, лягушекъ, пауковъ, отвратительныхъ животныхъ и насѣкомыхъ.

X. ЧУВСТВА, ЗАВИСЯЩІЯ ОТЪ КОНТРАСТА.

48. *Чувство удивленія.* Всякое необычное, неожиданное происшествіе сильно поражаетъ его. Осматривая въ первый разъ въ жизни большой городъ, музей, дворецъ и т. д., приходитъ въ сильное возбужденіе, поминутно оборачивается во всѣ стороны, испускаетъ удивленные возгласы и т. д. Или же его ничѣмъ не удивишь, ко всему относится спокойно и холодно, какъ будто бы все это уже зналъ заранѣе.

49. *Интересъ ко всему новому.* Все новое, незнакомое (новыя лица, новые предметы, книги, рѣдкія и странныя вещи и т. п.) возбуждаютъ въ немъ интересъ и желаніе ознакомиться поближе. Постоянно ищетъ новыхъ,

неиспытанныхъ еще ощущеній и впечатлѣній. Любитъ разнообразіе, не терпитъ скуки, монотонности. Погоня за модой (въ платьѣ, манерахъ, взглядахъ и обычаяхъ). Любопытенъ.

Любознателенъ. Съ интересомъ слѣдитъ за всякими новыми открытіями и теченіями въ наукѣ, литературѣ и жизни.

XI. ЧУВСТВА, ОТНОСЯЩІЯСЯ КЪ СОБСТВЕННОЙ ЛИЧНОСТИ.

50. *Низшія органическія чувства.* Удовлетвореніе органическихъ потребностей (сонъ, ѣда и др.) является однимъ изъ главыхъ удовольствій въ его жизни. Обжора, лакомка, гастрономъ. Наклонность къ злоупотребленію спиртными напитками. Сильное развитіе грубыхъ половыхъ влеченій; распутенъ, охотно слушаетъ всякія сальности, разсматриваетъ всякіе непристойные рисунки. Или же, наоборотъ, всѣ физическія потребности очень ограничены, отличается умѣренностью, трезвостью и воздержаніемъ.

51. *Забота о благосостояніи своей личности* (эгоизмъ). Всегда заботится только о себѣ, о своихъ собственныхъ нуждахъ, выгодахъ и удовольствіяхъ; во всѣхъ остальныхъ людяхъ видитъ лишь средство или препятствіе для достиженія своихъ личныхъ цѣлей. Жадность, корыстолюбіе. Трусость, чрезмѣрная забота о самосохраненіи. Или же, наоборотъ, отличается безкорыстіемъ и самоотреченіемъ, способенъ къ великодушію и самопожертвованію.

52. *Забота о своемъ превосходствѣ надъ другими* (самолюбіе). Всегда старается чѣмъ-нибудь отличиться, превзойти своихъ товарищей. Ищетъ славы, почета, высокаго положенія, знаковъ отличія, чувствителенъ къ похваламъ и порицаніямъ, шумному успѣху или равнодушію со стороны окружающихъ. Тщеславенъ, любитъ рисоваться и кокетничать. Хвастливъ. Обидчивъ. Чрезвычайно дорожитъ своей репутаціей. Сильно развитое чувство чести и собственнаго достоинства.

53. *Чувства, связанныя съ оцѣнкой собственной личности.* Сильная, непоколебимая увѣренность въ себѣ, въ своихъ силахъ и способностяхъ (физическихъ или духовныхъ). Смѣло и самоувѣренно берется за самыя трудныя предпріятія. Самомнѣніе. Самонадѣянность. Самодовольство. Властолюбивъ и гордъ, насмѣшливо и презрительно относится ко всѣмъ окружающимъ.— Противоположныя качества: Чувство собственнаго безсилія и неспособности; не рѣшается взять на себя сколько-нибудь отвѣтственное дѣло. Легко приходитъ въ смущеніе, замѣшательство. Въ присутствіи незнакомыхъ людей стыдится, конфузится. Наклоненъ къ раскаянію, смиренію и самоуничиженію (остерегаться притворства!)

XII. ЧУВСТВА ПО ОТНОШЕНІЮ КЪ ДРУГИМЪ ЛЮДЯМЪ.

54. *Родственныя привязанности.* Любитъ своихъ родителей, братьевъ, сестеръ, часто вспоминаетъ о нихъ, пишетъ длинныя письма, радуется свиданію съ ними и т. д. Хорошій, заботливый семьянинъ, готовъ для своей семьи на всякія жертвы. Родительская любовь къ дѣтямъ.

55. *Чувство симпатіи* (различные виды симпатіи). Любовь, влюбленность. Способенъ къ сильной, глубокой любви, ради которой готовъ пожертвовать многимъ; или же привязанности его не глубоки и непродолжительны (хотя, можетъ быть, и часты).—Нѣжность, сострадательность. Ко всему слабому, безсильному (маленькія дѣти и животныя, дряхлые старики, больные и нищіе) относится ласково и съ сожалѣніемъ, старается помочь всѣмъ, чѣмъ можетъ. Добръ, услужливъ. Мягокъ, деликатенъ. Чутокъ, отзывчивъ.—Способность къ дружбѣ. Обнаруживаетъ значительную привязанность къ нѣкоторымъ товарищамъ, воспитателямъ; дѣлится съ ними своими тайнами, старается доставлять имъ удовольствіе.—Чувство уваженія. Почтительно и съ уваженіемъ относится къ родителямъ, старшимъ, начальству,—вообще, всѣмъ тѣмъ, кого считаетъ выше, умнѣе или лучше себя. Разсказы о великихъ людяхъ и чтеніе ихъ біографій производятъ на него глубокое впечатлѣніе.

Противоположныя качества: Холодность. Жестокость, безсердечіе. Желаніе причинить другимъ страданіе (охотно дразнитъ дѣтей, мучитъ животныхъ) Мстительность, злопамятство. Зависть, злорадство. Способность къ ненависти Ѣдкость, язвительность въ разговорахъ. Наклонность къ ссорамъ и дракамъ.—Дерзость, грубость, нахальство.

56. *Общественныя чувства.* Радушіе, гостепріимство. Сильно развитое чувство товарищества. Стремленіе устраивать сообща различныя предпріятія. Стремленіе направлять свою дѣятельность на пользу общества, государства, человѣчества.

XIII. ВЫСШІЯ ИДЕЙНЫЯ ЧУВСТВОВАНІЯ.

57. *Интеллектуальное чувство.* Умственная работа, если только не слишкомъ утомительна, сама по себѣ доставляетъ ему удовольствіе. Охотно читаетъ серьезныя книжки, интересуется различными чисто теоретическими вопросами. Успѣшное рѣшеніе трудной задачи очень радуетъ его, независимо отъ какихъ-либо побочныхъ соображеній (самолюбія, разсчета и т. д.) Способенъ увлекаться широкими научными обобщеніями и теоріями.

58. *Эстетическое чувство* (различные его виды). Чувство красоты. Любитъ все красивое, изящное: чистые, пріятные звуки, мелодіи и аккорды (пѣніе, игра на инструментахъ), красивыя сочетанія цвѣтовъ (живопись, зеленѣющія поля и лѣса, голубое небо), плавныя, мѣрныя движенія и т. д. Одѣвается изящно, со вкусомъ. Умѣетъ составлять букеты, красивыя декораціи. Питаетъ отвращеніе ко всему безобразному, некрасивому. Или же совершенно лишенъ чувства красоты, ему нравятся пестрыя, безвкусныя сочетанія цвѣтовъ, оглушающій шумъ и стукъ и проч.

Содержаніе въ искусствѣ: Нравится все полезное, цѣлесообразное: чистота и порядокъ въ комнатѣ; стройно и правильно дѣйствующая (хотя бы и не изящная) машина, пароходъ, поѣздъ желѣзной дороги; правильное симметричное расположеніе частей въ утвари, зданіяхъ и орнаментахъ. Или же красоту и изящество предпочитаетъ пользѣ, любитъ изящныя бездѣлушки, поэтическія, хотя и нецѣлесообразныя постройки и сооруженія (парусный корабль, старая, покривившаяся избушка въ лѣсу, въ произведеніяхъ искусства ищетъ преимущественно интересныхъ похожденій, сильно волнующихъ сценъ, различныхъ идей общаго характера и т. д.—Чувство высокаго. Любитъ все возвышенное и грандіозное: волнующееся море, водопады, сильныя грозы, голыя скалы. Зачитывается разсказами о герояхъ, обладавшихъ огромной физической силой, о грандіозныхъ сраженіяхъ и знаменитыхъ полководцахъ, или о нравственномъ героизмѣ. о христіанскихъ мученикахъ, миссіонерахъ, самоотверженныхъ поступкахъ.—Чувство смѣшного. Любитъ шутки, остроты, юмористическіе разсказы, каррикатуры, водевили и т. п.

59. *Нравственное чувство* (степень развитія и характеръ проявленій). Большее или меньшее развитіе извѣстныхъ нравственныхъ принциповъ, руководящихъ его поведеніемъ. Ко всему, что онъ считаетъ хорошимъ и нравственнымъ, относится сочувственно, всякій же дурной, безнравственный поступокъ вызываетъ въ немъ отвращеніе, сожалѣніе или негодованіе. Поступивши дурно, чувствуетъ затѣмъ угрызенія совѣсти.

Проявленія нравственнаго чувства: честенъ, правдивъ, откровененъ, справедливъ, добросовѣстно исполняетъ то, что считаетъ своимъ долгомъ, вѣренъ разъ данному обѣщанію, твердо держитъ свое слово. — Отношеніе къ различнымъ общепринятымъ обычаямъ и приличіямъ: вѣжливъ, аккуратенъ, умѣетъ хорошо держать себя въ обществѣ и на улицѣ, опрятенъ и т. д.—Противоположныя кичества: наклонность къ обману, лести, хитрости, воровству, постоянныя шалости, даже въ самыя серьезныя и торжественныя минуты, неопрятность, нечистоплотность.

60. *Религіозное чувство* (степень развитія и характеръ проявленій). Существуютъ ли у него какія-нибудь (болѣе или менѣе сложившіяся) религіозныя воззрѣнія, вліяющія на его поступки и поведеніе. Насколько сильно это вліяніе. Прибѣгаетъ ли къ религіи въ критическіе моменты своей жизни

(во время несчастій, передъ началомъ труднаго и опаснаго предпріятія).— Проявленія религіознаго чувства: часто и горячо молится, охотно читаетъ священныя книги и бесѣдуетъ о вопросахъ вѣры и религіи. Отношеніе къ обрядовой сторонѣ религіи: частое хожденіе въ церковь, строгое соблюденіе постовъ и различныхъ другихъ обрядностей.

XIV. ОБЩІЯ ОСОБЕННОСТИ ЭМОЦІОНАЛЬНОЙ СФЕРЫ.

61. *Возбудимость чувствованій.* Всевозможныя чувства и волненія возникаютъ очень легко: достаточно малѣйшаго повода, чтобы ихъ вызвать. Постоянно волнуется, кипятится. Легко приходитъ въ состояніе восторга, гнѣва (вспыльчивость), угнетенія и т. д.

62. *Сила, интенсивность чувствованій.* Достигаютъ ли нѣкоторыя чувства и аффекты (напр.: радость, печаль, гнѣвъ, самолюбіе. состраданіе, религіозное чувство и др.) когда нибудь такой силы и глубины, чтобы потрясти весь его организмъ, измѣнить хотя бы на время все его поведеніе или, наконецъ, побудить его на необычайные, изъ ряда вонъ выходящіе поступки? Или же всѣ его чувства слабы и поверхностны?

63. *Продолжительность, устойчивость чувствованій.* Разъ возникшее чувство не скоро успокаивается, даже если причина, его вызвавшая, уже давно исчезла. Спустя долгое время достаточно малѣйшаго повода или напоминанія, чтобы прежнее чувство возобновилось въ полной силѣ; или же, наоборотъ, всякое, даже сильное чувство быстро ослабѣваетъ и прекращается, хотя бы вызвавшая его причина и перестала дѣйствовать.

64. *Обиліе или бѣдность внѣшнихъ проявленій чувства.* Каждое сколько-нибудь значительное чувство сопровождается обильными физіологическими проявленіями: краснѣетъ или блѣднѣетъ, плачетъ или громко смѣется, оживленно жестикулируетъ, голосъ дѣлается черезчуръ громкимъ или, наоборотъ, слабымъ и беззвучнымъ, дыханіе учащено, сердце сильно бьется. Или же даже при сильныхъ чувствахъ все ограничивается легкой краской на лицѣ и небольшими полузадержанными движеніями. — Общителенъ, много говоритъ, обо всѣхъ своихъ чувствахъ всѣмъ разсказываетъ,—или замкнутъ, молчаливъ, несообщителенъ. *Эксп.:* графическая запись пульса и дыханія. Плетисмографическое изслѣдованіе.

65. ***Вліяніе чувствъ на умственные и волевые процессы.*** Событіе, сильно его поразившее, преувеличиваетъ и вообще передаетъ неточно. Сужденія о людяхъ часто бываютъ пристрастны подъ вліяніемъ симпатій или антипатій. Впечатлителенъ: при удачѣ, въ хорошемъ настроеніи духа слишкомъ оптимистиченъ, при неудачѣ же, утомленіи, черезчуръ быстро отчаивается во

всемъ. Часто увлекается, дѣйствуетъ подъ вліяніемъ минутныхъ желаній, забывая всѣ свои прежнія рѣшенія и разсужденія. Склоненъ идеализировать свое прошлое или, наоборотъ, рисовать его слишкомъ мрачно.

XV. ДВИЖЕНІЯ.

66. *Обиліе или бѣдность движенія.*—Подвиженъ или мало подвиженъ. Совершаетъ много ненужныхъ движеній: безъ всякой надобности ходитъ или бѣгаетъ изъ угла въ уголъ, прыгаетъ, размахиваетъ руками, гримасничаетъ, ерзаетъ на стулѣ, раскачивается, потягивается и т. д. или же подолгу сидитъ на мѣстѣ, совершаетъ только тѣ движенія, которыя необходимы.

67. *Быстрота или медленность движеній.* Насколько быстро можетъ ходить, бѣгать, говорить, писать, исполнять различную ручную работу; наибольшее количество движеній (напр., поворотовъ колеса, точильнаго станка), которое можетъ совершать за извѣстный промежутокъ времени. *Эксп.:* стучать пальцемъ по телеграфному ключу, соединенному съ перомъ, пишущимъ на закопченномъ барабанѣ; ставить точки карандашемъ; считать въ слухъ, — все это какъ можно быстрѣе, или же тѣмъ темпомъ, какой для него наиболѣе удобенъ и привыченъ.

68. *Сила или слабость движеній.* Можетъ поднимать и ворочать значительныя тяжести. Во время игръ, гимнастики или атлетическихъ состязаній обнаруживаетъ значительную мышечную силу. *Эксп.:* Изслѣдованіе при помощи динамометра, эргографа.

69. *Степень координаціи сложныхъ движеній.* Насколько ловко или неуклюже совершаетъ хорошо знакомыя ему, привычныя движенія. Способность къ гимнастикѣ, танцамъ, подвижнымъ играмъ, спорту. Бѣглая техника при игрѣ на музыкальныхъ инструментахъ. Способность къ ручной работѣ. *Эксп.:* Попаданіе въ цѣль палочкой или шарикомъ.

70. *Двигательная утомляемость.* Способенъ-ли къ трудной и продолжительной работѣ. Насколько быстро появляются признаки утомленія (вялость движеній, дрожаніе рукъ, одышка и проч.). *Эксп.:* быстрое постукиваніе но телеграфному ключу. Изслѣдованіе при помощи эргографа.

71. *Двигательная упражняемость* (способность къ упражненію въ двигательной сферѣ). Насколько быстро и хорошо усваиваетъ рызличныя новыя для него сложныя движенія. Легко-ли дается обученіе различнымъ ручнымъ и техническимъ работамъ, ремесламъ и т. д.

XVI. ПРИНЯТІЕ РѢШЕНІЯ. ПРОЦЕССЪ ВЫБОРА.

72. *Сила или слабость желаній и влеченій.* Когда говоритъ о своихъ потребностяхъ, о своихъ задушевныхъ желаніяхъ и намѣреніяхъ, то замѣтно оживляется или, наоборотъ, остается такимъ же вялымъ, апатичнымъ

и безразличнымъ, какъ и прежде. Находясь въ очень неудобномъ и непріятномъ положеніи, не обнаруживаетъ ни малѣйшаго желанія выйти изъ него, хотя бы это было и нетрудно сдѣлать. Ко всему одинаково равнодушенъ и безразличенъ.

73. *Наличность или отсутствіе борьбы мотивовъ* (выбора). Передъ каждымъ, сколько-нибудь важнымъ рѣшеніемъ или сужденіемъ колеблется, выбираетъ, взвѣшиваетъ; или наоборотъ, во всѣхъ, даже затруднительныхъ случаяхъ принимаетъ тотчасъ-же, безъ всякихъ колебаній, первое попавшееся рѣшеніе (импульсивность поступковъ). *Эксп.*: Характеръ отвѣтовъ, даваемыхъ испытуемыми при психо-физич. изслѣдованіяхъ: одни послѣ долгихъ колебаній даютъ вѣрный отвѣтъ, другіе отвѣчаютъ немедленно, но ошибочно.

74. *Быстрота выбора.* Продолжительность колебаній, предшествующихъ окончательному принятію рѣшенія. Въ критическую минуту, когда нельзя медлить (пожаръ, внезапная опасность для жизни, критическій моментъ во время игры), дѣйствуетъ рѣшительно и цѣлесообразно. *Эксп.:* Скорость реакціи выбора.

75. *Наклонность къ обсужденію мотивовъ.* Предусмотрительность: заранѣе обдумываетъ всѣ возможныя послѣдствія своего рѣшенія или поступка. Благоразуміе: начинаетъ какое-нибудь дѣло, предпріятіе только въ томъ случаѣ, если обладаетъ достаточными средствами для его выполненія, и если результатъ предпріятія вполнѣ соотвѣтствуетъ его цѣлямъ и интересамъ. Всѣ подробности поступка заранѣе хорошо обдуманы. Всегда можетъ сказать, почему и зачѣмъ онъ дѣйствуетъ такъ, а не иначе. Противоположныя качества: легкомысліе, беззаботность.

76. *Способность* (или неспособность) *къ принятію рѣшеній.* Даже когда положеніе дѣла ясно, все же никакъ не можетъ рѣшиться и безъ конца колеблется. Едва начавши какое нибудь дѣло, уже начинаетъ передѣлывать его въ противоположномъ направленіи. Наличность или отсутствіе твердыхъ, опредѣленныхъ плановъ и намѣреній.

77. *Устойчивость* (или неустойчивость) *принятыхъ рѣшеній.* Постоянство въ образѣ дѣйствій, въ преслѣдованіи разъ намѣченныхъ цѣлей. Никогда или очень рѣдко мѣняетъ свои привычки и занятія. Неизмѣнность взглядовъ и мнѣній, вѣрность своимъ давнишнимъ убѣжденіямъ.

78. *Ясность, опредѣленность желаній и рѣшеній.* Всегда знаетъ до послѣднихъ подробностей, чего именно хочетъ и добивается. Или же конечныя цѣли очень неясны, планы и намѣренія полны противорѣчій, которыя онъ самъ не замѣчаетъ. На многіе вопросы, относящіеся къ предстоящему поступку, совершенно не въ состояніи отвѣтить.

79. *Систематичность сложныхъ дѣйствій.* Всякое дѣло совершаетъ систематически, послѣдовательно. Только окончивши одно, переходитъ къ другому. Во всемъ любитъ порядокъ, систему (въ распредѣленіи времени, занятій

въ денежныхъ дѣлахъ). Занимаясь научными изслѣдованіями, охотно составляетъ классификаціи, стремится расположить факты въ извѣстномъ порядкѣ, хотя бы и чисто внѣшнемъ. Или же, наоборотъ, постоянно суетится безъ толка, перескакиваетъ отъ одного къ другому, не оканчивая ни одного изъ начатыхъ дѣлъ. Отдѣльные поступки часто противорѣчатъ другъ другу. На столѣ и въ комнатѣ безпорядокъ. Научные факты и наблюденія излагаетъ, какъ попало, безъ всякой обработки и систематизаціи.

XVII. СОЗНАТЕЛЬНОЕ ВОЛЕВОЕ УСИЛІЕ.

80. *Наличность или отсутствіе руководящихъ идей и стремленій.* Имѣетъ-ли опредѣленныя мнѣнія, взгляды (взгляды религіозные, этическіе и т. д.), руководящіе всѣми его рѣшеніями, опредѣленныя цѣли, дающія направленіе всѣмъ его поступкамъ. Замѣчается-ли въ его дѣйствіяхъ извѣстное единство, наличность общей руководящей мысли.

81. *Степень развитія внутренней* (психической) *задержки.* Самообладаніе, способность подавлять въ себѣ страхъ, вспышки гнѣва, различныя страсти, влеченія и т. д. Аскетическія наклонности.

82. *Степень развитія физической* (психомоторной) *задержки.* Умѣетъ скрыть проявленіе своихъ чувствъ. Даже при сильномъ возбужденіи, страхѣ, гнѣвѣ, радости и т. д. остается по наружности спокойнымъ. Выносливъ по отношенію къ боли, не кричитъ, не стонетъ.

83. *Значительное развитіе волевой энергіи.* Можетъ-ли принудить себя взяться за очень трудное, почти безнадежное дѣло, если это необходимо. Находясь въ самомъ тяжеломъ положеніи (болѣзнь, отсутствіе средствъ, различныя лишенія и препятствія), все же продолжаетъ развивать энергическую дѣятельность или же наоборотъ, малѣйшее затрудненіе тотчасъ же парализуетъ всю его энергію.

84. *Большая или меньшая продолжительность волевого усилія.* Настойчивъ-ли въ преслѣдованіи своихъ цѣлей. Можетъ-ли довести до конца разъ начатое дѣло, несмотря ни на какія препятствія. Или же за всякую работу сначала принимается энергично, но затѣмъ быстро остываетъ. Способенъ-ли на продолжительную работу или нѣтъ.

85. *Степень сопротивляемости внѣшнимъ вліяніямъ (различные ея виды).* Сознательная, разумно-мотивированная самостоятельность мнѣній и поступковъ. Нежеланіе поступаться своими убѣжденіями. Чужіе совѣты и образцы принимаетъ, но только измѣнивши ихъ, сообразно своимъ потребностямъ.—Тупое, ограниченное упрямство. Несмотря на всѣ убѣжденія ни за что не желаетъ измѣнить своихъ дѣйствій, явно безсмысленныхъ и для него самого вредныхъ.

Противоположныя качества:—подражательность: легко перенимаетъ по-

ступки окружающихъ, ихъ манеры, жесты, сужденія, способъ выражаться; при этомъ одинаково легко усваиваетъ какъ хорошее, такъ и дурное. Уступчивость, наклонность подчиняться. Легковѣріе: всякій разсказъ, даже самый нелѣпый, принимаетъ за чистую монету. Способность поддаваться внушенію: можно безъ особеннаго труда убѣдить его сдѣлать, что угодно. *Эксп.*: опыты со внушеніемъ запаховъ, едва замѣтныхъ слуховыхъ, болевыхъ ощущеній и т. д.

Рецензіи и рефераты.

Психологія.

Брадлей. Опредѣленіе Воли. The definiti on of Will by F. H. Bradley. Mind №№ 44, 46, 49 NS.

«Волевой актъ есть самореализація идеи, съ которой наше Я идентично» (self—realisation of an idea with which the self is identified) такъ опредѣляетъ авторъ волю и всѣ остальныя главы посвящаетъ разъясненію даннаго опредѣленія и его доказательствамъ, опровергая попутно возможныя возраженія.

Волевой актъ включаетъ въ себѣ слѣдующія части: «бытье, идея перемѣны, дѣйствительное измѣненіе бытья идеею къ содержанію идеи; въ этой перемѣнѣ Я чувствуетъ себя реализованнымъ».

1) Бытье (existence) есть временная цѣпь происшествій внутренней или внѣшней психической жизни, можетъ быть пространственнымъ, чувствуется какъ не-Я, противоположное Я.

2) Перемѣна въ волевомъ актѣ должна непремѣнно начинаться въ опредѣленный въ настоящемъ времени моментъ, «теперь» и «здѣсь».

3) Причиной перемѣны является всегда идея, но не какъ полная причина и единственная, но «какъ conditio sine qua non цѣльнаго комплекса причинъ». Такъ исполнившееся ожиданіе сходно съ волевымъ актомъ въ томъ, что здѣсь идея (ожидаемое письмо) также реализуется (прибытіе письма), но отличается тѣмъ, что эта реализація причиняется не идеей, но посторонними факторами

Главныя возраженія на эти положенія: «воля не можетъ быть измѣненіемъ бытья идеею, такъ какъ возможны волевые акты, гдѣ идея не реализируется дѣйствительно», таковы намѣренія, рѣшеніе, воля у паралитиковъ и т. д. Но авторъ не признаетъ простого рѣшенія и намѣренія за волевые акты, такъ какъ «они направлены на то, что мыслится не какъ дѣйствительное, но лишь какъ воображаемое» и «ихъ объекты отдѣлены отъ исполненія въ настоящемъ извѣстнымъ интерваломъ», чего нѣтъ въ волевыхъ актахъ, т.-е. рѣшеніе и намѣреніе отличаются отъ послѣднихъ тѣмъ, что въ нихъ перемѣна не совершается въ опредѣленный въ настоящемъ моментъ, «теперь» и «здѣсь». У паралитиковъ могутъ совершаться волевые акты, но это будутъ «неполные акты» (incomlete will), если идея относительно не реализируется (поднятіе парализо-

ванной руки), такъ какъ «перемѣна совершается лишь идеально, а не реально». На возраженіе, отрицающее главную особенность волевого акта въ присутствіи идеи, авторъ указываетъ, что идея не всегда имѣетъ простой характеръ, не всегда сопровождается зрительнымъ образомъ, можетъ быть абстрактной, а потому не всегда ясно понимается и замѣчается.

4) Переходя къ вопросу о Я и не-Я, авторъ разсматриваетъ ихъ, какъ факты опыта, и находитъ, что не-Я есть «бытье передо мною», какъ объектъ; Я же есть нѣчто противоположное этому объекту и воспринимаетъ послѣдній «не просто, какъ мой объектъ, но чувствуетъ себя, какъ нѣчто противоположное, старающееся измѣнить его». Между Я и не-Я находится соединительное звено—идея перемѣны. «Въ моемъ сознаніи существуетъ извѣстное отношеніе между не-Я и идеей. Эта идея есть идея перемѣны въ этомъ объектѣ (въ не-Я), и эта идея въ своемъ конфликтѣ съ не-Я есть также объектъ для Я», но съ другой стороны противоположность этой идеи бытью не-Я сближаетъ ее съ Я, а отсюда Я чувствуетъ себя идентичнымъ съ нею; поэтому «мое чувство единства (oneness) съ этой идеей и чувство противоположности бытью (esistence) суть не два отдѣльныхъ факта, но нераздѣльный взглядъ на одинъ фактъ». Такимъ образомъ, если не-Я чувствуется, какъ нѣчто противное идеѣ, какъ нѣчто препятствующее ея реализаціи, то идея можетъ измѣнить его и «въ этомъ самомъ процессѣ Я, какъ находящееся за-одно съ идеей, самореализируется въ не-Я». и такимъ образомъ «мой міръ въ полномъ волевомъ актѣ есть не только то что находится передо мной, но становится дѣйствительнымъ выраженіемъ и реализаціей моего собственнаго Я». Таковъ взглядъ автора на сущность волевого акта. Что же касается особенностей, присущихъ высшей формѣ его — выбору и рѣшенію, то онъ смотритъ на нихъ, какъ на средства наиболѣе подходящей реализаціи идеи, которая и опредѣляетъ по своему содержанію характеръ выбора и рѣшенія.

Волевые акты бываютъ разныхъ типовъ въ зависимости отъ содержанія идеи, реализирующейся въ нихъ—императивные, негативные, гипотетическіе, и дисъюнктивные типы.

1) Сущность императивной воли состоитъ въ «произведеніи извѣстнаго акта другимъ лицомъ, но не просто, а черезъ извѣстное выраженіе (manifestation) моей воли другому» напр. въ приказаніяхъ—«стой», «смотри».

2) Гипотетическая и дисъюнктивная воля суть самореализація таковыхъ же идей.

3) Негативную волю авторъ, взявъ за примѣръ отвращеніе, опредѣляетъ такъ: «отвращеніе (aversion) есть желаніе уничтоженія (negation) чего-либо непріятнаго», такъ что «само отвращеніе имѣетъ положительный характеръ, но его истинный объектъ есть отрицаніе того, что обыкновенно называется объектомъ отвращенія». Такимъ образомъ «идея, реализирующаяся въ отрицательныхъ актахъ т.-е. въ негативной волѣ, не проста, но всегда включаетъ въ себѣ нѣкоторый положительный базисъ», но этотъ придатокъ весьма мало замѣтенъ. Наоборотъ—во всякомъ положительномъ волевомъ актѣ положительная самореализирующаяся идея включаетъ въ себѣ нѣкоторый отрицательный придатокъ—именно отрицаніе бытія, а отсюда идея перемѣны.

В. Сорока.

Корреспонденціи.

Русское Общество нормальной и патологической психологіи.

Засѣданіе 12 октября 1904 г. Предсѣдательствовалъ акад. В. М. Бехтеревъ.

Обсужденіе проекта Психоневрологическаго Института въ С.-Петербургѣ.

Проектъ Устава Психоневрологическаго Института.

1. Психоневрологическій Институтъ есть высшее ученое учрежденіе, имѣющее цѣлью разработку и распространеніе знаній въ области психологіи и неврологіи въ широкомъ смыслѣ слова, а также въ области сопредѣльныхъ съ ними наукъ.

2. Согласно важнѣйшимъ спеціальностямъ, которыя входятъ въ область психологіи и неврологіи, въ составъ Психоневрологическаго Института входятъ слѣдующіе отдѣлы:

1) Философскій.
2) Психологическій.
3) Анатомическій.
4) Эмбріологическій.
5) Гистологическій.
6) Физіологическій.
7) Химическій.
8) Патологическій.
9) Бактеріологическій.
10) Антропологическій.
11) Криминально-антропологическій.
12) Педологическій.
13) Врачебно-педагогическій.
14) Гигіеническій.
15) Психопатологическій (съ психіатрической клиникой).
16) Невропатологическій (съ клиникою для нервныхъ болѣзней).
17) Психотерапевтическій (съ поликлиникою для леченія гипнозомъ и внушеніемъ).
18) Физико-терапевтическій (съ гидротерапіею, электротерапіею, фототерапіей и прочими физическими методами леченія нервныхъ и душевныхъ болѣзней).

3. Завѣдываніе отдѣлами Института возлагается по избранію на профессоровъ или доцентовъ одного изъ высшихъ ученыхъ и учебныхъ заведеній или ранѣе состоявшихъ въ этомъ званіи.

Примѣчаніе. По мѣрѣ развитія научныхъ знаній институтъ по постановленію Совѣта можетъ выдѣлять также и другіе научные отдѣлы для самостоятельнаго завѣдыванія ихъ тѣми или другими лицами, входящими въ составъ штатныхъ преподавателей Института или же совмѣщать другъ съ другомъ родственные отдѣлы.

4. При Институтѣ по мѣрѣ развитія его средствъ устраиваются клиники, лабораторіи, кабинеты, поликлиники, амбулаторіи, музеи, библіотеки въ качествѣ учено-вспомогательныхъ учрежденій, а также другія учрежденія, посвященныя какимъ-либо большимъ отдѣламъ Психоневрологическаго Института.

Примѣчаніе 1. Клиники, лабораторіи, кабинеты и музеи Психоневрологическаго Института могутъ служить вмѣстѣ съ тѣмъ и для нуждъ Женскаго Медицинскаго Института, а въ случаѣ возможности также и для другихъ женскихъ учебныхъ заведеній столицы, не обезпеченныхъ въ достаточной мѣрѣ самостоятельными учрежденіями подобнаго рода.

5. Средства Института составляются: 1) изъ процентовъ съ пожертвованныхъ капиталовъ и доходовъ съ имущества Института, 2) изъ пожертвованій, поступающихъ на расходы по Институту, 3) изъ платы, взимаемой съ больныхъ за пользованіе лечебными средствами Института и изъ платы, вносимой занимающимися въ Институтѣ лицами.

6. Институтъ имѣетъ право пріобрѣтать недвижимую собственность, устраивать въ свою пользу платныя лекціи, практическія занятія и проч. При совершеніи тѣхъ или другихъ актовъ на право владѣнія недвижимостью Институтъ освобождается отъ всѣхъ вообще налоговъ и пошлинъ.

7) Къ занятію въ учрежденіяхъ Института допускаются врачи, филологи, юристы, педагоги и другія лица съ высшимъ образованіемъ обоего пола. Къ слушанію же курсовъ допускаются всѣ вообще лица обоего пола, имѣющія дипломы объ окончаніи среднихъ учебныхъ заведеній. Послѣднія допускаются и къ занятіямъ въ учрежденіяхъ Института, на каждый разъ съ особаго разрѣшенія Совѣта Института.

8. Въ Психоневрологическомъ Институтѣ организуются по мѣрѣ возможности и средствъ практическія занятія и курсы по слѣдующимъ предметамъ: 1) исторіи философіи и психологіи, 2) логики съ теоріей познанія, 3) этики, 4) эстетики, 5) общей психологіи, 6) психологіи индивидуальной и общественной, 7) экспериментальной психологіи, 8) зоопсихологіи, 9) физіологіи органовъ чувствъ, 10) анатоміи нервной системы, 11) эмбріологіи нервной системы, 12) гистологіи и микроскопической анатоміи нервной системы, 13) общей физіологіи нервной системы, 14) ученію о функціяхъ мозга, 15) органической химіи нервной системы, 16) физіологической химіи мозга, 17) клинической психопатологіи, 18) патологической психологіи, 19) судебной психопатологіи, 20) невропатологіи, 21) психотерапіи съ ученіемъ о гипнозѣ и внушеніи, 22) психологіи дѣтскаго возраста, съ соотвѣтствующими анатомическими свѣдѣніями, 23) педагогической психологіи, 24) врачебной педагогики, 25) умственной и школьной гигіены вмѣстѣ со школовѣдѣніемъ, 26) криминальной антропологіи съ психологіей преступленій, 27) антропологіи въ связи съ сравнительной психологіей народовъ, 28) общей патологіи нервной системы съ бактеріологіей, 29) патологической анатоміи нервной системы, 30) физической терапіи нервныхъ и душевныхъ болѣзней и 31) физіологіи и патологіи рѣчи съ основами сравнительнаго языкознанія.

Примѣчаніе. По мѣрѣ развитія отдѣльныхъ областей знанія могутъ быть обособляемы и другія специальности, входящія въ составъ наукъ Психоневрологическаго Института. Чтеніе курсовъ можетъ ограничиваться и болѣе дробными отдѣлами того или другого предмета.

9. На ряду съ курсами въ Институтѣ могутъ читаться и публичныя лекціи по предметамъ, относящимся къ дѣятельности Института.

10. Преподаваніе въ Институтѣ приноравливается къ семестровому дѣленію курсовъ и къ образовательному цензу слушателей.

11. Практическія занятія при Институтѣ, курсы и публичныя лекціи могутъ быть платными и безплатными. Размѣръ платы во всѣхъ случаяхъ опредѣляется Совѣтомъ.

12. Въ порядкѣ высшаго управленія Институтъ состоитъ въ вѣдомствѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія.

13. Во главѣ Института стоитъ Совѣтъ, состоящій изъ завѣдывающихъ отдѣлами, преподавателей и предсѣдателя хозяйственнаго комитета, избирающій изъ своей среды срокомъ на пять лѣтъ президента, на котораго возлагается все управленіе Институтомъ, предсѣдательствованіе въ собраніяхъ Совѣта и всѣ сношенія по дѣламъ Института.

14. При Институтѣ имѣется особый дѣлопроизводитель, на котораго возлагается все вообще письмоводство по Институту и по дѣламъ его Совѣта.

15. Совѣтъ подъ предсѣдательствомъ президента или замѣняющаго его лица имѣетъ ближайшею своею задачею направленіе научной и практической дѣятельности Института, а также распредѣленіе суммъ, принадлежащихъ Институту на состоящія при немъ научныя учрежденія.

16. Засѣданія Совѣта собираются президентомъ Института по мѣрѣ надобности не менѣе одного раза въ мѣсяцъ кромѣ каникулярнаго времени.

17. О вопросахъ, подлежащихъ разсмотрѣнію Совѣта, члены его увѣдомляются заблаговременно повѣстками.

18. Чтеніе курсовъ и руководство практическими занятіями по разнымъ отдѣламъ производится завѣдывающими отдѣлами профессорами и доцентами и преподавателям, въ помомощь которымъ при занятіяхъ въ Институтѣ имѣются прозекторы и ихъ помощники, лаборанты, ассистенты и ординаторы, избираемые Совѣтомъ по представленіи завѣдывающихъ отдѣлами и преподавателями Института.

19. Дѣла въ Совѣтѣ рѣшаются простымъ большинствомъ голосовъ, въ случаѣ же ихъ раздѣленія голосъ президента или замѣняющаго его мѣсто даетъ перевѣсъ. Всѣ дѣла личнаго характера рѣшаются закрытой баллотировкой.

20. Постановленія Совѣта считаются дѣйствительными при наличности не менѣе двухъ третей дѣйствительныхъ членовъ Совѣта.

21. Дѣлопроизводство Совѣта возлагается на ученаго секретаря, избираемаго изъ числа членовъ Совѣта, срокомъ на пять лѣтъ.

22. Общее наблюденіе за хозяйствомъ Института Совѣтъ возлагаетъ на хозяйственный комитетъ. Послѣдній завѣдываетъ и всѣми денежными средствами Института и ведетъ по нимъ ежегодную отчетность.

23. Хозяйственный комитетъ состоитъ изъ предсѣдателя и четырехъ завѣдывающихъ учено-вспомогательными учрежденіями Института, избранными для этой цѣли Совѣтомъ на срокъ, опредѣляемый Совѣтомъ.

Примѣчаніе 1. Всѣ постановленія комитета рѣшаются простымъ большинствомъ голосовъ.

Примѣчаніе 2. Въ засѣданіи комитета по его постановленію могутъ быть приглашаемы въ случаѣ надобности и другія лица для обсужденія того или другого спеціальнаго вопроса, но они имѣютъ лишь совѣщательный голосъ. Въ случаѣ болѣзни или отсутствія предсѣдателя комитета, его мѣсто занимаетъ старшій изъ членовъ комитета.

24. Протоколы засѣданія хозяйственнаго комитета ведутся дѣлопроизводителемъ Института, который исполняетъ въ этомъ случаѣ обязанности секретаря хозяйственнаго комитета.

25. На обязанности комитета лежитъ разсмотрѣніе всѣхъ вообще вопросовъ по хозяйственной части Института, которые будутъ предложены на обсужденіе комитета Совѣтомъ. Постановленія комитета утверждаются Совѣтомъ.

26. Деньги или капиталы, пожертвованные спеціально на то или другое учено-вспомогательное учрежденіе, расходуются только на это учрежденіе, для каковой цѣли хозяйственный комитетъ имѣетъ особыя засѣданія по этимъ вопросамъ совмѣстно съ лицомъ, имѣющимъ полномочія завѣдующаго этого учено-вспомогательнаго учрежденія.

27. Институтъ имѣетъ печать съ Государственнымъ гербомъ и своимъ наименованіемъ.

28. Институту предоставляется право издавать свои труды какъ въ видѣ отдѣльныхъ книгъ, такъ и въ видѣ періодическихъ изданій.

29. Изданія Института и все вообще печатаемое отъ его имени не подлежитъ предварительной цензурѣ.

30. Необходимыя Институту печатныя изданія и рукописи, выписываемыя имъ изъ-за границы, также не подлежатъ разсмотрѣнію цензуры.

31. Выписываемые Институтомъ изъ-за границы для своихъ надобностей инструменты, научные приборы, аппараты, химическіе, фармацевтическіе и иные матеріалы, машины и другіе тому подобные предметы не подлежатъ оплатѣ таможенной пошлины. Адресованные въ Институтъ тюки и ящики пломбируются въ таможнѣ и доставляются въ Институтъ, гдѣ вскрываются въ присутствіи таможеннаго чиновника и одного изъ членовъ Совѣта.

32. Всѣ учено-вспомогательныя учрежденія Института въ научно-учебномъ отношеніи состоятъ въ вѣдѣніи завѣдывающихъ отдѣлами профессоровъ или доцентовъ и штатныхъ преподавателей. Въ особыхъ случаяхъ Совѣтъ предоставляетъ завѣдываніе учено-вспомогательнымъ учрежденіемъ сверхштатному преподавателю Института, къ отдѣлу котораго относится данное учрежденіе.

33. Болѣе обширныя учено-вспомогательныя учрежденія Института руководствуются въ своей внутренней организаціи особыми правилами, утверждаемыми Совѣтомъ Института.

34. Институту предоставляется право имѣть ученыя собранія, посвящаемыя научнымъ вопросамъ, въ которыя приглашаются всѣ лица учебнаго состава Института, а также почетные и непремѣнные члены Института.

35. При Институтѣ могутъ состоять ученыя общества, имѣющія своею цѣлью изученіе тѣхъ или другихъ научныхъ вопросовъ, входящихъ въ кругъ дѣятельности Института, при чемъ уставы этихъ обществъ должны быть утверждаемы Министромъ.

36. При Институтѣ полагаются слѣдующія учебныя должности: президентъ, 18 завѣдывающихъ отдѣлами профессоровъ или доцентовъ, 18 штатныхъ преподавателей, 8 прозекторовъ, 16 помощниковъ прозекторовъ, 10 лаборантовъ, 36 ассистентовъ, 1 библіотекарь, 2 помощника библіотекаря и

соотвѣтственное число ординаторовъ въ клиникахъ Института. Сверхъ вышеуказаннаго числа штатныхъ должностей при Институтѣ могутъ быть открываемы по мѣрѣ надобности и сверхштатныя должности.

Кромѣ того при Институтѣ имѣется соотвѣтственно потребности низшій медицинскій персоналъ и прислуга, а также соотвѣтственныя должности при аптекѣ Института, если таковая имѣется.

Всѣмъ должностямъ Института присваивается тотъ же разрядъ, что и соотвѣтствующимъ должностямъ другихъ высшихъ ученыхъ и учебныхъ заведеній, при чемъ завѣдывающій отдѣломъ соотвѣтствуетъ ординарному профессору университетовъ, а штатные преподаватели—экстраординарному.

Примѣчаніе 1. Первоначальный составъ членовъ Совѣта назначается Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія по представленію учредительнаго комитета Психо-неврологическаго Института.

Открытіе всѣхъ вышеуказанныхъ должностей происходитъ постепенно по мѣрѣ развитія различныхъ отдѣловъ Института и возникающихъ изъ этого потребностей.

Примѣчаніе 2. Сверхъ вышеуказаннаго числа завѣдывающихъ отдѣлами и преподавателей всѣ лица обоего пола, имѣющія степень доктора медицины или магистра другихъ наукъ, которыя примутъ на свои средства устройство того или другого отдѣла Института, могутъ быть признаны постановленіями Совѣта сверхштатными преподавателями съ завѣдываніемъ устраиваемыми ими отдѣлами. Эти лица во всемъ остальномъ пользуются правами по Институту наравнѣ со штатными преподавателями Института.

37. Всѣ учебныя должности замѣщаются по избранію Совѣта, при чемъ должности завѣдывающихъ отдѣлами Института, штатныхъ преподавателей и библіотекаря, замѣщаются путемъ конкурса на общихъ основаніяхъ, согласно Положенія объ этихъ конкурсахъ въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ; низшія же учебныя должности замѣщаются по избранію Совѣтомъ послѣ представленія кандидатовъ завѣдывающими отдѣлами и преподавателями.

38. Президентъ Института по избраніи его Совѣтомъ назначается Высочайшею властью. Должности завѣдывающихъ отдѣлами, преподавателей и библіотекаря утверждаются Министромъ Народнаго Просвѣщенія. Остальныя должностныя лица по избраніи ихъ Совѣтомъ утверждаются Попечителемъ учебнаго округа.

39. Бывшіе и настоящіе профессора другихъ высшихъ учебныхъ учрежденій по прослуженіи въ Психоневрологическомъ Институтѣ въ теченіе 10 лѣтъ, Совѣтомъ послѣдняго утверждаются въ званіи заслуженныхъ профессоровъ Психоневрологическаго Института, а приватъ-доценты другихъ высшихъ учебныхъ учрежденій по прослуженіи въ Психоневрологическомъ Институтѣ въ теченіе 10 лѣтъ утверждаются Совѣтомъ въ званіи заслуженныхъ преподавателей Психоневрологическаго Института.

40. 25-ти-лѣтняя учебная дѣятельность въ Институтѣ даетъ право учебнымъ лицамъ Института на званіе непремѣнныхъ членовъ Психоневрологическаго Института.

41. Совѣту Института предоставляется право избирать почетныхъ членовъ Института изъ лицъ извѣстныхъ особо выдающимися научными трудами въ области знаній входящихъ въ кругъ вѣдѣнія Института или оказавшихъ Институту иныя особо важныя услуги.

12. Для поддержанія средствъ Института и вообще для обезпеченія его съ матеріальной стороны при немъ состоитъ особый попечительный комитетъ съ правами, предоставленными подобнымъ комитетамъ при другихъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ.

Акад. В. М. Бехтеревъ напомнилъ о томъ, какимъ образомъ возникла идея Института, и образовался Комитетъ для разработки его Устава (см. отчетъ о Зас. Общ. 13 апр. 1904 г., въ № 5 «Вѣстн. Псих.»). Комитетъ этотъ имѣлъ уже два засѣданія, въ которыхъ предварительный проектъ Устава, составленный ранѣе небольшимъ кружкомъ лицъ, подвергся значительнымъ измѣненіямъ и дополненіямъ. Въ такомъ видѣ проектъ этотъ представляется теперь на разсмотрѣніе Общества согласно его постановленія съ тѣмъ, чтобы мнѣнія, высказанныя въ этомъ засѣданіи, были приняты во вниманіе Комитетомъ при дальнѣйшей разработкѣ Устава.

Д-ръ К. С. Агаджанянцъ. Мнѣ кажется, что слѣдовало бы внести въ Уставъ пунктъ о томъ, что къ Институту могутъ быть прикомандировываемы для усовершенствованія лица учебнаго состава отъ городовъ, земствъ и т. д. Кромѣ того, нужно было бы избрать изъ состава Комитета Попечительный Совѣтъ, который спеціально занялся бы пріисканіемъ средствъ для устройства Института.

Акад. В. М. Бехтеревъ. Я думаю, что къ первому предложенію д-ра Агаджанянца слѣдуетъ присоединиться. Что же касается избранія Попечительнаго Совѣта, то мы въ настоящее время можемъ только намѣтить подходящихъ для этого лицъ, которыя и могли бы впослѣдствіи быть представлены къ утвержденію Правительствомъ. Списокъ этихъ лицъ можно было бы внести вмѣстѣ съ Уставомъ для утвержденія. Вмѣстѣ съ тѣмъ полезно было бы выработать нѣсколько параграфовъ, обезпечивающихъ дѣятельность Попечительнаго Совѣта.

М. И. Маляревскій. Слѣдовало бы внести въ Уставъ упоминаніе объ аудиторіяхъ, а также точнѣе опредѣлить, кѣмъ именно устраивается Психоневрологическій Институтъ. Далѣе, нельзя ли въ Хозяйственный Комитетъ допускать не только Завѣдующихъ Отдѣлами, но и другихъ лицъ по указанію Совѣта?

Академ. В. М. Бехтеревъ. Параграфъ о хозяйственномъ Комитетѣ можно было бы измѣнить въ томъ смыслѣ, что въ составъ его входятъ преимущественно Завѣдующіе Отдѣломъ. Что же касается предложенія болѣе точно опредѣлить, кѣмъ именно устраивается Институтъ, то мнѣ кажется, что такое опредѣленіе не представляется настоятельно необходимымъ.

Д. А. Дриль. По моему мнѣнію, представляется излишнимъ какъ введеніе разрядовъ должности, такъ и утвержденіе служащихъ въ Институтѣ лицъ со стороны Министерства. Существуетъ цѣлый рядъ частныхъ учрежденій, причисленныхъ къ тому или иному Министерству, но зависимость ихъ отъ Министерства ограничивается лишь представленіемъ уставовъ на утвержденіе. Нѣкоторыя изъ нихъ (напр., Общество устройства дешевыхъ квартиръ) даже субсидируются Правительствомъ, а между тѣмъ по своей организаціи представляются совершенно частными.

Акад. В. М. Бехтеревъ. Составители устава пользовались въ нѣкоторыхъ частяхъ уже готовыми формами высшихъ научно-учебныхъ учрежденій,

руководясь главнымъ образомъ тѣмъ, что со временемъ Институтъ, при сознаніи Обществомъ его полезной дѣятельности, можетъ получить матеріальное обезпеченіе отъ Правительства. Утвержденіе должностныхъ лицъ Министерствомъ придастъ Институту гораздо больше солидности и устойчивости и вмѣстѣ съ тѣмъ можетъ лучше обезпечить развитіе дѣятельности Института и свободу преподаванія по установленнымъ программамъ, нежели при другомъ порядкѣ вещей.

Проф. В. С. Серебрениковъ полагаетъ, что если ввести въ Уставъ разряды должности, то проведеніе Устава будетъ сопряжено съ гораздо большими затрудненіями, чѣмъ въ противномъ случаѣ.

Акад. В. М. Бехтеревъ. Освѣдомляясь частнымъ образомъ о возможности устройства Института въ вѣдомствѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія, я напротивъ того убѣдился, что въ этомъ пунктѣ не можетъ быть существенныхъ препятствій къ утвержденію Устава.

Д-ръ А. Ѳ. Лазурскій. Учрежденіе психоневрологическаго Института— дѣло новое и во многихъ отношеніяхъ совершенно оригинальное. Здѣсь едва ли можно все предусмотрѣть заранѣе. По всей вѣроятности, составляемый теперь Уставъ придется впослѣдствіи еще измѣнять, приспособляя его къ выяснившимся потребностямъ. Поэтому мнѣ кажется, что едва ли цѣлесообразно теперь же предусматривать преобразованіе Института изъ частнаго учрежденія въ правительственное и съ этою цѣлью вводить разряды должности.

Акад. В. М. Бехтеревъ. Введеніе въ Уставъ параграфа о томъ, что въ случаѣ надобности Уставъ этотъ можетъ быть измѣняемъ, представлялось бы дѣйствительно очень полезнымъ. Что же касается разрядовъ должности и утвержденія должностныхъ лицъ Министерствомъ, то эти параграфы слѣдуетъ оставить между прочимъ еще и потому, что вмѣстѣ съ этимъ Институтъ можетъ получить право выписывать изъ за границы безпошлинно научные инструменты и пособія, а также получать безъ цензуры различныя научныя изданія и право издавать свои сочиненія подъ отвѣтственностью самого учрежденія безъ общей цензуры.

М. И. Маляревскій. Мнѣ кажется, что было бы лучше устроить Институтъ не въ Вѣд. Народн. Просв., а въ Вѣдомствѣ Имп. Маріи.

Далѣе, въ параграфѣ 3 слѣдуетъ вычеркнуть слова: одного изъ высшихъ учебныхъ заведеній; отчего бы Институту не имѣть своихъ профессоровъ?

Проф. В. С. Серебрениковъ и д-ръ В. П. Осиповъ также высказались въ пользу послѣдняго предложенія, заявивши, что присвоеніе лекторамъ Института званія профессоровъ было бы желательно по многимъ основаніямъ, къ чему присоединились и нѣкоторые другіе члены Общества.

Д-ръ Ѳ. Г. Щегловъ указалъ на то, что названія нѣкоторыхъ отдѣловъ представляются не совсѣмъ ясными и кромѣ того замѣчается чрезмѣрное дробленіе отдѣловъ.

Акад. В. М. Бехтеревъ. Болѣе подробныя указанія относительно различныхъ наукъ, входящихъ въ кругъ дѣятельности Института, имѣются въ другомъ параграфѣ. Что же касается значительнаго дробленія отдѣловъ, то Институтъ, какъ учрежденіе обширное по своимъ задачамъ, необходимо долженъ сразу же намѣтить себѣ значительное число отдѣловъ.

А. П. Нечаевъ спросилъ, считаются ли занятія Комитета по выработкѣ устава уже законченными?

Акад. В. М. Бехтеревъ. Работа Комитета въ настоящее время еще не

закончена. Всѣ высказанныя сегодня мнѣнія будутъ также разсмотрѣны въ одномъ изъ засѣданій Комитета. Я съ своей стороны предложилъ бы внести въ проектъ устава еще одинъ параграфъ относительно частныхъ учрежденій, которыя могли бы, не нарушая своихъ правъ, войти въ соглашеніе съ Институтомъ для осуществленія его задачъ.

Проф. Ѳ. С. Серебрениковъ призналъ внесеніе этого параграфа необходимымъ.

По окончаніи преній рѣшено было всѣ высказанныя замѣчанія передать въ Комитетъ по выработкѣ Устава психоневрологическаго Института.

А. Лазурскій.

Второе публичное засѣданіе Педологическаго Отдѣла имени К. Д. Ушинскаго.

Интересъ, съ которымъ отнеслась публика ко вновь возникшему Педологическому Обществу и вниманіе, которое привлекли сообщенія, сдѣланныя на первомъ публичномъ засѣданіи этого Общества, побудили членовъ его устроить второе публичное засѣданіе, чтобы такимъ образомъ ближе познакомить публику какъ съ тѣми великими задачами и той широкой и плодотворной дѣятельностью, которая предстоитъ въ ближайшемъ будущемъ педологіи, такъ и съ тѣми средствами, которыми располагаетъ педологія для того, чтобы выяснить научнымъ путемъ основы физическаго и психическаго развитія человѣка и, сообразно съ этимъ, установить правильное воспитаніе и обученіе. Это второе публичное засѣданіе состоялось 5-го мая въ большой аудиторіи Соляного Городка подъ предсѣдательствомъ А. Н. Макарова. Были сдѣланы сообщенія проф. Л. В. Блуменау, П. П. Черепанова и А. П. Нечаева.

Л. В. Блуменау въ своемъ докладѣ «Общее дѣло педагоговъ и врачей» выяснилъ то значеніе, которое должна имѣть совмѣстная дѣятельность врача и педагога въ дѣлѣ нравственнаго и физическаго оздоровленія народа. Нитше въ одномъ изъ своихъ произведеній выразилъ желаніе, чтобы въ переоцѣнкѣ нравственныхъ цѣнностей участвовали, кромѣ представителей философіи, и представители медицины. Этимъ онъ надѣялся вызвать дружный обмѣнъ взглядовъ между враждующими до сихъ поръ партіями и такимъ образомъ создать новое теченіе жизни. Мнѣніе это является выраженіемъ направленія всего общества, которое давно уже ждетъ отъ медицины не только физическаго, но и нравственнаго оздоровленія.

Порча организаціи вообще передается наслѣдственно, и отсюда происходитъ вырожденіе и физическое и психическое, результатомъ котораго является недоразвитіе физическихъ, умственныхъ и нравственныхъ способностей. Говорятъ, что о вырожденіи кричатъ больше, чѣмъ оно существуетъ въ дѣйствительности; указываютъ на народъ, какъ на элементъ со здоровой организаціей. Но едва-ли съ этимъ можно согласиться: въ народѣ вырожденіе не менѣе, чѣмъ въ интеллигентномъ классѣ. Бороться съ вырожденіемъ должны врачи, такъ какъ ближайшими причинами вырожденія являются заразныя болѣзни, алкоголизмъ и т. под. Но успѣшной борьба можетъ быть только тогда, когда въ обществѣ поднимутся нравственныя понятія, когда всякій бракъ, дающій дурное поколѣніе, будетъ считаться безнравственнымъ. Улучшеніе нрав-

ственности возможно только при посредствѣ воспитанія,—оно исправляетъ и уравновѣшиваетъ врожденныя душевныя качества. Такимъ образомъ педагогъ является союзникомъ врача въ борьбѣ съ вырожденіемъ.

Вопросъ о вырождающихся дѣтяхъ сводится къ отдѣленію ихъ отъ нормальныхъ и къ организаціи для нихъ школы. При раздѣленіи нормальныхъ и слабоумныхъ дѣтей нужно руководствоваться не только экзаменомъ, но и всестороннимъ изслѣдованіемъ организаціи ребенка, должны быть выработаны педологическія нормы, опредѣляющія возможность поступленія въ школу для нормальныхъ дѣтей. Школы для воспитанія и обученія слабоумныхъ въ Европѣ получили широкое распространеніе и даютъ хорошіе результаты: до 75% выходятъ изъ школы способными къ труду. У насъ въ Россіи до сихъ поръ это дѣло находится въ рукахъ благотворительности. Конечно, преподавательскій персоналъ долженъ быть подготовленнымъ для занятій со слабоумными дѣтьми; методы воспитанія и обученія должны быть выработаны врачами совмѣстно съ педагогами. Опаснѣйшимъ періодомъ для развитія слабоумія у дѣтей является періодъ наступленія зрѣлости (13—14 л.); ребенокъ, до этого вполнѣ нормально развивавшійся, останавливается въ своемъ развитіи, начинаетъ тупѣть, появляется нервное разстройство,—онъ дѣлается слабоумнымъ и остается такимъ на всю жизнь. Съ этими заболѣваніями должны быть хорошо знакомы и врачи, и педагоги. Такое знакомство тѣмъ болѣе необходимо, что школа создаетъ условія благопріятныя для развитія нервныхъ заболѣваній. Нестеровъ въ приготовительномъ классѣ нашелъ 8% нервно-больныхъ учениковъ, въ 8-мъ это число возрасло до 69%. Для противодѣйствія такому развитію нервныхъ болѣзней нужно прежде всего знакомить воспитанниковъ въ гигіеной, нужно развить въ нихъ любовь къ чистотѣ, свѣту и воздуху. Этотъ отдѣлъ физической гигіены разработанъ хорошо, и она можетъ намъ дать многое. Но по гигіенѣ психической дѣятельности и гигіенѣ умственнаго труда выяснено еще очень немногое. Разработкой этихъ вопросовъ занимается экспериментальная психологія и психо-физіологія.

Изъ всего сказаннаго слѣдуетъ, что для достиженія успѣха въ воспитаніи необходима совмѣстная работа врача и педагога. Школьный врачъ долженъ получить педологическую подготовку и основательно знать нервныя болѣзни, а педагогъ долженъ быть знакомъ съ психологіей, физіологіей и гигіеной. При такихъ условіяхъ можно достигнуть развитія красоты физической, умственной и нравственной.

Докладъ П. П. Черепанова заключалъ въ себѣ сводъ экспериментальныхъ работъ, произведенныхъ имъ и нѣкоторыми другими лицами подъ непосредственнымъ наблюденіемъ и при ближайшемъ руководствѣ А. П. Нечаева въ лабораторіи экспериментальной педагогической психологіи. Цѣлью работы было:—собрать экспериментально-психологическія данныя къ вопросу о методахъ преподаванія иностранныхъ языковъ и, въ частности, уяснить психологическія основы вопроса о сравнительныхъ преимуществахъ наиболѣе употребительныхъ методовъ обученія иностраннымъ языкамъ:—1) при помощи переводовъ съ родного языка на иностранный, 2) при помощи переводовъ съ иностраннаго яз. на родной, 3) при помощи такъ называемаго натуральнаго метода обученія иностранному яз. безъ помощи родного. Не ставя себѣ задачей выяснить указанный вопросъ во всей его полнотѣ, экспериментаторъ поставилъ себѣ задачей выяснить: I) сравнительную легкость усвоенія лексическаго матеріала съ помощью родного яз. и безъ его помощи, II) отношеніе формы

заучиванія даннаго матеріала къ формѣ воспроизведенія, III) зависимость прочности усвоенія отъ формы заучиванія. Чтобы достигнуть однородной трудности заучиваемыхъ словъ, и исключить возможность предварительнаго знакомства съ ними, чтобы устранить сходство иностранныхъ словъ съ русскими, наконецъ, изъ чисто техническихъ соображеній для заучиванія не былъ взятъ какой-нибудь иностранный языкъ, а были придуманы слова, не имѣющія значенія (бовгиш, мафгел, тофкесъ и др.), которыя и заучивались въ связи съ русскими (кресло, сердце, чашка). При постановкѣ опыта регистрировались 1) быстрота смѣны впечатлѣній и число повтореній при заучиваніи и 2) скорость, съ которой воспроизводились заученныя значенія словъ. Въ первомъ случаѣ употреблялся аппаратъ Мюллера, во второмъ—Гиппа. (Аппараты демонстрировались передъ публикой). Одновременно съ этимъ были произведены изслѣдованія съ запоминаніемъ однихъ осмысленныхъ и однихъ незнакомыхъ сочетаній словъ (заяцъ сѣрый). Всего было произведено 3802 опыта надъ 62 лицами. Этими опытами обнаружено слѣдующее:

I) При заучиваніи словъ невольно возникаютъ различныя ассоціаціи. При заучиваніи осмысленнаго матеріала въ 93% случаевъ возникали реальныя ассоціаціи; при заучиваніи безсмысленнаго матеріала число ассоціацій падало до 54%—и онѣ въ большинствѣ случаевъ были основаны на созвучіи («нарфюдъ»—птица;—фюдъ – напоминаетъ звукъ при полетѣ птицы). При этомъ, сочетаніе, вызвавшее большее число ассоціацией, заучивалось быстрѣе, чѣмъ сочетаніе словъ, не вызвавшее никакихъ ассоціацій, Такъ какъ наибольшее количество ассоціацій связано со словами родного языка, то понятно, какое огромное значеніе при усвоеніи незнакомаго лексическаго матеріала имѣетъ родной языкъ. Когда при заучиваніи вмѣсто русскаго слова давалось реальное впечатлѣніе въ видѣ картинки, то оказалось, что количество ассоціацій, возникающихъ при заучиваніи, осталось то-же самое, какъ и въ первомъ случаѣ, но скорость заучиванія и быстрота воспроизведенія уменьшились. Слѣдовательно, для достиженія скорости и легкости запоминанія при заучиваніи необходимо пользоваться роднымъ языкомъ.

II. Что касается до быстроты воспроизведенія заученнаго матеріала, то выяснилось, что онъ быстрѣе воспроизводится въ томъ направленіи, въ какомъ воспринимался. Изъ этого слѣдуетъ, что для достиженія возможно болѣе широкаго и полнаго пользованія лексическимъ матеріаломъ не должно отдавать преимущества ни одному изъ трехъ указанныхъ методовъ обученія и пользоваться ими всѣми.

III. Для выясненія вопроса о прочности усвоенія заученнаго матеріала черезъ продолжительное время была сдѣлана провѣрка, сколько словъ изъ числа заученныхъ осталось въ памяти испытуемыхъ. Оказалось, что словъ, заученныхъ въ связи съ роднымъ языкомъ, воспроизводилось въ $1^{1}/_{2}$—2,4 разъ болѣе, чѣмъ словъ, заученныхъ по натуральному методу.

Докладъ А. П. Нечаева «Вопросы педологии на первомъ конгрессѣ экспериментальной психологии въ Гиссенѣ»—помѣщенъ въ № 6 Вѣстника Психологіи.

К. Доброписцевъ.

РУССКІЙ ВРАЧЪ,

органъ, основанный въ память В. А. МАНАССЕИНА,

подъ редакціею

проф. **В. В. Подвысоцкаго** и д-ра **С. В. Владиславлева.**

ПРОГРАММА:

1) Статьи оригинальныя и переводныя по всѣмъ отраслямъ теоретической и клинической медицины, а также общественной и частной гигіены, съ рисунками и таблицами.

2) Статьи по вопросамъ врачебнаго быта.

3) Рефераты о заграничныхъ и русскихъ работахъ по всѣмъ отраслямъ медицины.

4) Отчеты о засѣданіяхъ ученыхъ обществъ, о докторскихъ диспутахъ и вообще о всѣхъ событіяхъ, касающихся врачей.

5) Письма изъ главнѣйшихъ западно-европейскихъ культурныхъ центровъ о состояніи медицинскихъ и врачебныхъ вопросовъ въ иностранныхъ государствахъ.

6) Рецензіи и библіографія русскихъ и иностранныхъ книгъ по медицинѣ и гигіенѣ.

7) Корреспонденціи, письма въ редакцію, касающіяся вопросовъ врачебнаго быта.

8) Мелкія извѣстія, новости, слухи и т. д., касающіеся врачебныхъ вопросовъ.

9) Жизнеописанія и некрологи съ портретами выдающихся лицъ на поприщѣ медицины.

10) Списокъ защищенныхъ диссертацій въ русскихъ медицинскихъ факультетахъ.

11) Служебныя назначенія и перемѣщенія врачей по военному и по гражданскому вѣдомствамъ.

12) **Приложеніе:** Краткое содержаніе текущей литературы за истекшіе недѣли и мѣсяцы.

Срокъ выхода журнала въ свѣтъ еженедѣльный.

Подписная цѣна, съ доставкою и пересылкою, на годъ 9 рублей.

Рукописи статей и писемъ въ редакцію, а также отдѣльные оттиски и книги, предназначаемыя для «Русскаго Врача», просятъ присылать одному изъ редакторовъ его проф. **В. В. Подвысоцкому** (Одесса, Университетъ) или д-ру **С. В. Владиславлеву** (С.-Петербургъ, Ивановская, № 4).

Подписка принимается въ книжномъ магазинѣ **О. А. Риккеръ** въ С.-Петербургѣ (Невскій, 14), а также во всѣхъ книжныхъ магазинахъ.

Digitized by Google

I. Оригинальныя статьи.

Объективная психологія и ея предметъ.

Академика В. М. Бехтерева.

(Окончаніе).

Если мы зададимся вопросомъ, почему именно одни процессы въ нашихъ центрахъ представляются сознательными, а другіе безсознательными, то на этотъ вопросъ даетъ отвѣтъ прямое наблюденіе и опытъ. Мы знаемъ, что всѣ т. наз. психическіе процессы, сопровождающіеся сознаніемъ, протекаютъ много медленнѣе обыкновенныхъ рефлексовъ. Какъ извѣстно, скорость смѣны представленій въ сознаніи колеблется въ общемъ приблизительно между $1/5$—$1/8$ секунды, что представляетъ собою громадную величину по сравненіи съ временемъ простыхъ рефлексовъ. Далѣе извѣстно, что сознательные или волевые процессы при частомъ упражненіи становятся привычными и автоматическими, т.-е. безсознательными, при чемъ время выполненія движеній значительно ускоряется. Съ другой стороны и сложные психическіе процессы, если они протекаютъ съ особенной быстротой, какъ то бываетъ наприм. при аффектахъ въ нормальномъ состояніи, а равно и въ патологическихъ случаяхъ, сопровождаются уже значительно меньшей степенью сознанія, нежели процессы, протекающіе въ сознаніи спокойно и болѣе медленно.

Далѣе извѣстно, что всякій глубокій и яркій сознательный актъ сопровождается подавленіемъ волевыхъ движеній; напротивъ того, всѣ нервно-психическіе процессы, разрѣшающіеся цѣлымъ рядомъ мимовольныхъ дѣйствій, сопровождаются меньшей степенью сознанія и часто даже протекаютъ въ безсознательной сферѣ.

Отсюда очевидно, что съ устраненіемъ препятствій для движенія нервно-психической энергіи въ нервныхъ центрахъ утрачивается и сознаніе, а слѣдовательно наростаніе препятствій въ центрахъ, естественно связанное съ задержкой нервно-психической энергіи и ея напряженіемъ, приводитъ къ развитію сознанія въ нашихъ центрахъ.

Такимъ образомъ, отъ развитія препятствій въ нервной системѣ и отъ степени напряженія нервно-психической энергіи зависитъ то, что въ одномъ случаѣ процессы въ нервной системѣ могутъ проявляться одновременно какъ

съ объективной, такъ и съ субъективной стороны, тогда какъ въ другомъ случаѣ они проявляются только съ одной объективной стороны. Иначе говоря, сознательное въ невро-психикѣ есть результатъ задержки нервно-психической энергіи, которая, достигая съ этимъ вмѣстѣ извѣстнаго напряженія, и обусловливаетъ субъективныя проявленія невро-психики.

Такъ какъ задержка нервно-психической энергіи, лежащая въ основѣ сознанія, предполагаетъ образованіе запасной энергіи въ центральныхъ областяхъ, какъ органахъ нервно-психической дѣятельности, то очевидно, что развитіе невро-психики вообще неизбѣжнымъ образомъ связывается съ накопленіемъ запасной энергіи нервныхъ центровъ, разрѣшеніе которой въ формѣ волевыхъ или мимовольныхъ движеній происходитъ при тѣхъ или другихъ условіяхъ подъ вліяніемъ какого либо внѣшняго или внутренняго толчка, именуемаго раздраженіемъ. Только что сказанныя условія и лежатъ въ основѣ активнаго отношенія невро-психики и всего вообще живого къ окружающимъ условіямъ.

Изъ вышеизложеннаго очевидно также, что, говоря о нервно-психической дѣятельности, мы не должны забывать, что, вмѣстѣ съ субъективными явленіями, здѣсь имѣются всегда на лицо и происходящія въ центрахъ объективныя явленія, которыя представляютъ собою неотъемлемую часть нервно-психическихъ процессовъ, такъ какъ безъ этихъ объективныхъ явленій нельзя представить себѣ ни одного вообще сознательнаго процесса. Иными словами, какъ бы ни были характерны для т. наз. психической resp. нервно-психической дѣятельности тѣ субъективныя переживанія, которыя связываются съ понятіемъ о сознаніи, несомнѣнно, что съ этой дѣятельностью нельзя связывать представленія о прямомъ переходѣ объективныхъ явленій въ субъективныя или, такъ сказать, о временномъ замѣщеніи объективныхъ нервныхъ процессовъ субъективными явленіями, но обязательно имѣть въ виду непрерывность происходящихъ въ центрахъ во время психической дѣятельности объективныхъ или физическихъ явленій.

Чтобы полнѣе выяснить эту мысль, начнемъ съ рефлекторныхъ движеній, какъ болѣе простыхъ. Какъ извѣстно, нѣкоторые изъ простѣйшихъ рефлексовъ, не сопровождаясь никакими ощущеніями, протекаютъ вполнѣ въ сферѣ безсознательной, т. е. не сопутствуются субъективными переживаніями. Но другой рядъ рефлексовъ болѣе сложнаго характера уже сопутствуется элементарными ощущеніями. Въ этихъ рефлексахъ мы можемъ различать слѣдующіе пять моментовъ: 1) перцепцію внѣшняго раздраженія на периферіи, 2) центростремительный импульсъ, пробѣгающій по чувствительному волокну, 3) центральную реакцію, 4) центробѣжный импульсъ, пробѣгающій по двигательному волокну и 5) мышечное сокращеніе. Изъ этихъ моментовъ лишь одинъ, именно центральная реакція, являясь объективнымъ процессомъ, какъ и всѣ другіе моменты, сопутствуется субъективнымъ явленіемъ въ формѣ ощущенія или чувствованія, которое представляетъ уже первичный сознательный

процессъ, и, слѣд., въ немъ лежитъ какъ бы зародышъ сознательной психической дѣятельности.

Въ болѣе сложныхъ нервно-психическихъ процессахъ мы имѣемъ какъ бы дальнѣйшее усложненіе центральной реакціи, сопутствуемой элементарнымъ ощущеніемъ или чувствованіемъ. Это усложненіе заключается въ томъ, что центральная реакція, развиваясь далѣе, передается въ другіе центры нервно-психической дѣятельности, гдѣ путемъ переработки и сочетанія съ соотвѣтствующими мышечными ощущеніями превращается въ иной родъ реакціи, выражающейся представленіемъ, которое оставляетъ по себѣ слѣдъ въ формѣ воспоминательнаго образа, способнаго къ оживленію.

Далѣе представленіе, являющееся спутникомъ дальнѣйшаго развитія центральной реакціи, благодаря существованію ассоціаціонныхъ связей между различными областями головного мозга, вступаетъ въ сочетаніе съ другими воспоминательными образами пережитыхъ ранѣе подобныхъ же центральныхъ реакцій, образуя собою болѣе сложные продукты нервно-психики, которые также не лишены матеріальной основы. Эти новые продукты въ свою очередь обнаруживаютъ способность къ взаимному сочетанію, комбинаціи и разложенію на свои составныя части и, возбуждая центробѣжные импульсы, переводятся на символы языка, выражаясь словами, или же приводятъ къ развитію тѣхъ или другихъ психо-двигательныхъ или психо-секреторныхъ явленій, въ какой бы части тѣла и въ какой бы формѣ они ни обнаруживались, чѣмъ собственно и завершается въ наипростѣйшей формѣ весь циклъ нервно-психическаго движенія.

Въ приведенномъ случаѣ все направленіе нервно-психической дѣятельности является прямымъ слѣдствіемъ внѣшняго раздраженія; служа выраженіемъ все усложняющагося нервно-психическаго движенія, вызваннаго внѣшнимъ воздѣйствіемъ на тотъ или другой органъ чувства, оно, развиваясь непрерывно въ центрахъ, заканчивается объективными явленіями въ формѣ мышечнаго сокращенія или секреціи, подобно всякому рефлексу.

Изъ вышеизложеннаго очевидно, что нервно-психическіе процессы уподобляются въ своемъ развитіи и теченіи сложнымъ рефлексамъ, подобно послѣднимъ ни въ одномъ пунктѣ не прерываются въ своей матеріальной основѣ, и въ результатѣ приводятъ къ развитію того или другого внѣшняго проявленія въ дѣятельности организма. Эта аналогія можетъ быть проведена до мелочей. Извѣстно, что рефлексъ можетъ быть задержанъ или подавленъ посторонними раздраженіями въ своей центральной части. Съ другой стороны не менѣе извѣстно, что задержанный рефлексъ можетъ разрѣшиться со временемъ подъ вліяніемъ самаго незначительнаго толчка, даннаго извнѣ. Далѣе, мы знаемъ, что рефлексъ подъ вліяніемъ сопутственныхъ раздраженій можетъ быть измѣненъ въ своей силѣ и направленіи. Съ другой стороны, внѣшнія вліянія, идущія по одному и тому же центростремительному пути, суммируются въ рефлексахъ, усиливая рефлекторное движеніе.

Совершенно одинаковыя явленія мы встрѣчаемъ и въ болѣе сложныхъ нервно-психическихъ процессахъ.

Допустимъ, что человѣкъ, гуляя въ лѣсу, встрѣтилъ на своемъ пути дикаго звѣря. Въ первую минуту подъ вліяніемъ мысли объ опасности онъ обращается въ бѣгство. Зрительное впечатлѣніе и результатъ его—бѣгство, какъ психически обусловленное дѣйствіе, безъ сомнѣнія вполнѣ напоминаютъ собою самый простой физическій рефлексъ, хотя этотъ актъ и протекъ въ сферѣ сознательной. Затѣмъ вдругъ бѣгущій человѣкъ соображаетъ, что бѣгство ему помочь не можетъ, и что оно можетъ ему навлечь еще большую опасность. Подъ вліяніемъ этихъ мыслей онъ на минуту останавливается въ недоумѣніи, не зная, что дѣлать, на что рѣшиться. Произошла такимъ образомъ задержка движенія подъ вліяніемъ посторонняго внутренняго импульса, явившагося результатомъ бывшаго опыта, совершенно подобно тому, какъ въ рефлексѣ новое внѣшнее раздраженіе производитъ задерживающее вліяніе на развитіе рефлекса. Но вотъ человѣкъ, озираясь вокругъ себя, замѣчаетъ орудіе, могущее его спасти, онъ быстро его схватываетъ и прибѣгаетъ къ его помощи въ необходимой самооборонѣ. Явилась такимъ образомъ рѣшимость защищаться во что бы то ни стало, т. е. явилось новое направленіе воли подъ вліяніемъ новаго впечатлѣнія. Но, видя, что звѣрь намѣренъ броситься на него, человѣкъ послѣднюю минуту теряетъ самообладаніе и бросается въ бѣгство съ большею противъ прежняго силою. Очевидно, что здѣсь обнаружилось явленіе, подобное суммированію рефлекса.

Не видно ли изъ приведеннаго примѣра, что вся нервно-психическая дѣятельность, вызванная видомъ звѣря и желаніемъ спастись отъ него, есть ни что иное, какъ рядъ нервно-психическихъ явленій, по развитію совершенно напоминающихъ собою обыкновенные рефлексы.

Да и во многихъ другихъ случаяхъ дѣло идетъ о подобной же аналогіи нервно-психическихъ процессовъ рефлекторнымъ актамъ. Когда мы зачитываемся напр. книгою и начинаемъ переживать судьбу героя, съ жадностью слѣдимъ за ходомъ его дѣйствій и наконецъ въ послѣдній моментъ не выдерживаемъ себя отъ охватывающаго насъ волненія; когда мы внимательно слѣдимъ за пьесой въ театрѣ и, предаваясь своимъ чувствамъ, рукоплещемъ игроку, не суть ли все это дѣйствія и движенія, которыхъ аналогія съ рефлексами напрашивается сама собою.

Нерѣдко, впрочемъ, внѣшнее впечатлѣніе, возбуждая рядъ представленій, не вызываетъ въ насъ видимаго внѣшняго эффекта. Но это еще не значитъ, чтобы такого эффекта въ дѣйствительности не было. Напротивъ того, онъ существуетъ на лицо, но проявляется въ органахъ растительной сферы и представляется болѣе или менѣе скрытымъ отъ невооруженнаго наблюдателя.

Когда мы невзначай слышимъ пріятное для насъ извѣстіе, когда мы смотримъ на акробата, выдѣлывающаго трудныя и опасныя упражненія, когда,

погрузившись въ чтеніе романа, мы задумываемся надъ судьбой его героя, то никто разумѣется не обманывается, что подъ кажущимся спокойствіемъ мы скрываемъ въ себѣ внутреннее волненіе, выражающееся измѣненіемъ сердцебіенія, реакціей сосудодвигательной сферы, учащеніемъ дыханія и пр. Даже такіе процессы мысли, которые для самого лица остаются совершенно безразличными и наружныя проявленія которыхъ онъ старается скрыть всѣми силами, въ дѣйствительности сопровождаются столь грубыми движеніями, что хорошій чтецъ мысли съ помощью осязанія быстро узнаетъ задуманные этимъ лицомъ предметы. Точно также, если примѣнить въ подобныхъ случаяхъ тонкіе способы изслѣдованія, то мы всегда найдемъ убѣдительныя доказательства внѣшняго проявленія мысли.

Такъ, путемъ примѣненія плетизмографа и физіологическихъ вѣсовъ Mosso, мы самымъ нагляднымъ образомъ убѣждаемся въ тѣхъ измѣненіяхъ, которымъ подвергается кровообращеніе подъ вліяніемъ мыслительныхъ процессовъ. Точно также, наблюдая кожные токи, какъ дѣлалъ проф. Тархановъ, нетрудно обнаружить въ нихъ рѣзкія измѣненія, выражающіяся отклоненіемъ стрѣлки мультипликатора при самой ничтожной умственной работѣ, какъ напр., при мысленномъ чтеніи заученныхъ стиховъ, при сосредоточеніи вниманія и т. п.

Не подлежитъ, впрочемъ, сомнѣнію, что въ вышеприведенномъ примѣрѣ съ чтеніемъ мысли двигательная реакція по своей силѣ не соотвѣтствуетъ той степени умственнаго напряженія, которое требуется отъ «индуктора». Очевидно, что при другихъ условіяхъ подобное же напряженіе мысли вызываетъ болѣе рѣзкій двигательный эффектъ, который въ вышеуказанномъ случаѣ представляется на самомъ дѣлѣ задержаннымъ и сводится лишь къ едва осязаемымъ двигательнымъ импульсамъ. Но было бы ошибочно думать, что это задерживаніе, столь обычное въ нашей психической дѣятельности, приводитъ къ совершенному подавленію внѣшняго проявленія нервнопсихической дѣятельности. Та энергія, которая скопляется въ нервныхъ центрахъ при задержкѣ движенія, правда тратится въ извѣстной мѣрѣ на болѣе скрытыя и большею частію мало производительныя для насъ формы движенія. Но кто можетъ утверждать, что скопившаяся, благодаря задержкѣ, энергія центровъ съ теченіемъ времени не послужитъ источникомъ новыхъ физико-химическихъ процессовъ въ нервныхъ центрахъ, лежащихъ въ основѣ тѣхъ или иныхъ нервнопсихическихъ явленій.

При разсмотрѣніи нервнопсихической дѣятельности необходимо вообще имѣть въ виду ту особенность, что внѣшнее впечатлѣніе независимо отъ всякой внутренней задержки обыкновенно не вызываетъ тотчасъ же отвѣтнаго движенія, а возбуждаетъ лишь цѣлый рядъ внутреннихъ нервнопсихическихъ процессовъ, не влекущихъ за собой непосредственно внѣшняго эффекта. Очевидно, что импульсъ, вызванный внѣшнимъ впечатлѣніемъ, хотя и не влечетъ непосредственно за собою дѣйствія, но зато, возбуждая внутреннюю работу мысли

онъ можетъ имѣть своимъ послѣдствіемъ болѣе отдаленный эффектъ во внѣшнемъ мірѣ, и при томъ часто болѣе значительный, по сравненію съ подѣйствовавшимъ впечатлѣніемъ. Когда мы тихо обдумываемъ какой-либо предметъ, когда мы безмолвно созерцаемъ окружающее насъ пространство, мы не производимъ, не смотря на совершаемую нами мыслительную работу, какихъ-либо внѣшнихъ движеній. Но можетъ ли кто-нибудь утверждать, что эта умственная работа не обнаружится впослѣдствіи тѣмъ или другимъ родомъ движенія, что она не проявится хотя бы усиленіемъ того или иного движенія, обусловленнаго другими психическими импульсами; что она наконецъ не проявится вліяніемъ на послѣдующій ходъ нашихъ мыслей, могущій привести насъ къ тому или иному поступку, слѣдовательно не перейдетъ въ дѣйствительную работу центровъ, связанную съ затратой энергіи и выражающуюся въ формѣ того или иного внѣшняго движенія? Конечно нѣтъ. Вотъ почему мы можемъ считать закономъ, что нервнопсихическіе процессы ничуть не остаются вполнѣ скрытыми или внутренними процессами, но что они, подобно рефлексамъ, рано или поздно обнаруживаются тѣми или другими внѣшними проявленіями, иначе говоря, рано или поздно переходятъ въ механическую работу мышцъ или въ молекулярную работу железъ и другихъ тканей.

Въ виду этого, изучая дѣятельность мышцъ и железъ, обусловленную нервнопсихическими импульсами, мы изучаемъ тѣ внѣшнія проявленія невропсихики, которыя, какъ и всѣ внѣшнія явленія, легко подчиняются объективному изслѣдованію и контролю.

Въ простѣйшихъ по своему характеру нервнопсихическихъ процессахъ обыкновенно не участвуетъ активная дѣятельность невропсихики, въ силу чего эти процессы, какъ мы видѣли, довольно близко стоятъ по своимъ проявленіямъ къ сложнымъ рефлексамъ.

Нужно однако имѣть въ виду, что въ дѣятельномъ состояніи невропсихики нерѣдко внѣшнія раздраженія мѣстнаго характера возбуждаютъ болѣе обширную реакцію въ центрахъ нервной системы, которая, субъективно выражаясь общимъ измѣненіемъ самочувствія и возбуждая то или другое душевное чувство, приводитъ къ обширной и крайне сложной двигательной реакціи. Эта общая нервнопсихическая реакція, тѣсно связанная съ разрядомъ извѣстной части ранѣе накопленнаго запаса нервнопсихической энергіи въ центрахъ, въ концѣ концовъ приводитъ къ дѣятельному состоянію того, что должно быть признано наиболѣе интимнымъ ядромъ нервнопсихической сферы и которое въ субъективной психологіи человѣка извѣстно подъ названіемъ личности или «я».

Теперь понятно, почему нервнопсихическій процессъ, возбуждаемый съ того или другого периферическаго органа, далеко не всегда пробѣгаетъ свой циклъ отъ чувствующей периферіи черезъ центральные органы нервнопсихической дѣятельности до мышцъ и железъ съ той относительной простотой, которая уподобляетъ ихъ сложнымъ рефлексамъ. Въ извѣстныхъ случаяхъ возбужденіе нервно-

психическаго процесса, приводя къ развитію общей центральной реакціи, выражающейся съ субъективной стороны душевнымъ чувствомъ и возбужденіемъ дѣятельности «я», вриводитъ въ дѣятельное состояніе готовый уже запасъ нервнопсихической энергіи, давно скопленный въ центрахъ подъ вліяніемъ постояннаго къ нимъ притока съ периферіи, что и обусловливаетъ въ однихъ случаяхъ несоотвѣтственную по силѣ внѣшнюю реакцію, въ другихъ случаяхъ задерживаніе происшедшаго возбужденія и превращеніе его въ запасную работу центровъ. Въ первомъ случаѣ объективныя проявленія невропсихики обязаны своимъ происхожденіемъ не столько данному внѣшнему раздраженію, сколько освобожденію части общаго запаса нервнопсихической энергіи.

Словомъ, нервнопсихическое возбужденіе въ этомъ случаѣ приводитъ въ дѣятельное состояніе тотъ огромный запасъ нервнопсихической энергіи центровъ, который составляетъ какъ бы интимное ядро нервнопсихической сферы. Размѣры этого разряда запасной энергіи центровъ опредѣляютъ въ этомъ случаѣ окончательный эффектъ подѣйствовавшаго на периферію возбужденія *).

Изъ вышеизложеннаго ясно, что съ интимнымъ ядромъ нервнопсихической сферы тѣснѣйшимъ образомъ связываются съ одной стороны такіе процессы нервнопсихической дѣятельности, которые приводятъ къ удержанію того или другого нервнопсихическаго процесса на должной высотѣ въ теченіе извѣстнаго времени, и которые въ субъективной психологіи называются вниманіемъ, съ другой стороны тѣ процессы, благодаря которымъ могутъ быть сдерживаемы и соотвѣтствующимъ образомъ направляемы внѣшнія психодвигательныя явленія, что приводитъ къ развитію такъ называемой волевой дѣятельности.

Вышеуказанныя соображенія дѣлаютъ понятнымъ, почему внѣшній эффектъ нервнопсихической дѣятельности не можетъ стоять въ столь прямомъ соотношеніи съ силой и качествомъ внѣшняго возбужденія, какъ это мы наблюдаемъ въ рефлексахъ.

Такъ какъ основною частью нервнопсихической дѣятельности вездѣ и всюду является внутренняя переработка внѣшнихъ воздѣйствій въ форму того или иного движенія или временной его задержки, которыя стоятъ въ ближайшемъ соотношеніи не столько съ самимъ внѣшнимъ воздѣйствіемъ, сколько съ возбужденнымъ имъ разрядомъ запасной нервнопсихической энергіи центровъ, то очевидно, что само внѣшнее воздѣйствіе въ этомъ случаѣ можетъ быть и ничтожнымъ, но оно можетъ освободить огромное количество запасной нервнопсихической энергіи, какъ легкій

*) Необходимо замѣтить, что аналогія съ рефлексами и здѣсь не теряетъ своей почвы, такъ какъ и въ рефлексахъ мы встрѣчаемся иногда съ явленіемъ, когда самый рефлексъ служитъ выраженіемъ не столько дѣйствія внѣшняго раздраженія, сила котораго можетъ быть относительно ничтожной, сколько результатомъ разряда энергіи центровъ, достигшей вслѣдствіе особыхъ условій крайняго напряженія. Равнымъ образомъ общеизвѣстны и процессы болѣе или менѣе полнаго задержанія рефлексовъ, вслѣдствіе внутреннихъ причинъ.

толчекъ можетъ свалить съ высоты огромную глыбу, находящуюся въ состоянiи неустойчиваго равновѣсiя. Съ другой стороны внѣшнее воздѣйствiе можетъ быть очень сильнымъ, но эффектъ, имъ возбужденный, можетъ оказаться опять-таки очень слабымъ, вслѣдствiе того, что оно возбуждаетъ задерживающiя влiянiя въ нервнопсихической сферѣ и тѣмъ самымъ подавляетъ развитiе внѣшняго эффекта.

При этомъ однако ничуть нельзя думать и полагать, что механическая работа, являющаяся выраженiемъ дѣятельнаго состоянiя нервнопсихической энергiи, не стоитъ вообще ни въ какомъ соотношенiи съ внѣшнимъ возбужденiемъ.

Опытъ, напротивъ того, говоритъ по крайней мѣрѣ для большинства случаевъ рѣшительно въ пользу строго законособразнаго соотношенiя между внѣшнимъ впечатлѣнiемъ и тѣмъ объективнымъ эффектомъ, который за нимъ слѣдуетъ, какъ результатъ нервнопсихической переработки внѣшняго воздѣйствiя и соотвѣтствующаго разряда энергiи. Но въ извѣстныхъ случаяхъ это соотношенiе осложняется тѣмъ, что эффектъ является результатомъ не столько внѣшняго воздѣйствiя, сколько болѣе или менѣе самостоятельнымъ освобожденiемъ большаго количества запасной энергiи центровъ или же подавляется послѣднимъ и задерживается въ центрахъ, служа пополненiемъ запасовъ содержащейся здѣсь скрытой энергiи.

Независимо отъ того, состоянiе периферическихъ органовъ (мышцы, железы и пр.) обнаруживаетъ также извѣстныя колебанiя въ содержанiи имѣющейся въ нихъ запасной энергiи, которыя не могутъ не отражаться на силѣ эффекта, обусловленнаго возбужденiемъ нервнопсихической дѣятельности.

Поэтому лишь съ того времени, когда мы будемъ въ состоянiи точнѣе подсчитать все количество внѣшней энергiи, которая дѣйствуетъ на наши внѣшнiе органы чувствъ, когда вмѣстѣ съ тѣмъ мы будемъ въ состоянiи подсчитать всю ту энергiю, которая достигаетъ центровъ отъ раздраженiя внутреннихъ органовъ въ ихъ дѣятельномъ состоянiи, далѣе когда мы будемъ въ состоянiи подсчитать различiя въ количествѣ колеблющагося по величинѣ запаснаго матерiала въ органахъ движенiя и секрецiи и будемъ измѣрять точнымъ образомъ количество всей производимой нашими мышцами и железами работы, тогда мы будемъ въ состоянiи выяснить и эквивалентность всей вообще энергiи, притекающей къ центрамъ, съ механической работой, являющейся результатомъ этой энергiи и вмѣстѣ съ тѣмъ будемъ знать, сколько каждый разъ за извѣстный перiодъ времени изъ дѣятельной энергiи, притекающей извнѣ къ центральнымъ органамъ, перешло въ запасную энергiю центровъ, съ другой стороны, сколько этой энергiи перешло въ механическую работу и, наконецъ, сколько запасной энергiи центровъ разрѣшилось въ формѣ той или другой дѣятельности.

Такъ какъ органъ невропсихики является своего рода аккумуляторомъ энергiи, то очевидно, что каждый разъ вмѣстѣ съ внѣшнимъ воздѣйствiемъ нужно принимать во вниманiе не только развиваемую этимъ воздѣйствiемъ

энергію, притекающую къ центрамъ, но и то, въ какой мѣрѣ это воздѣйствіе въ состояніи вывести изъ запаса энергію центровъ, превративъ ее въ кинетическую.

Всякій понимаетъ, что такіе разсчеты, возможные въ теоріи, въ настоящее время еще не осуществимы, но тѣмъ не менѣе врядъ ли можетъ быть какое-либо сомнѣніе въ томъ, что нервнопсихическая дѣятельность съ ея молекулярными измѣненіями нервной системы и субъективными переживаніями, являющимися, какъ сказано выше, выраженіемъ особаго напряженія энергіи центровъ, въ концѣ концовъ переходитъ въ ту или другую форму движенія.

Какъ бы то ни было, мы должны имѣть въ виду, что на всемъ пути прохожденія своего цикла, нервнопсихическіе процессы на ряду съ субъективными переживаніями сопровождаются и объективными измѣненіями центровъ. Иначе говоря, нервнопсихическій процессъ, проявляясь субъективными или сознательными явленіями, на всемъ своемъ пути сопровождается и объективными явленіями въ нервной ткани, не прерываясь ни въ одномъ пунктѣ. По крайней мѣрѣ противоположное представляется совершенно недоказаннымъ, тогда какъ въ пользу вышеуказаннаго положенія говоритъ вышеприведенная аналогія нервнопсихическихъ процессовъ съ рефлекторными, которые, хотя также въ извѣстныхъ случаяхъ могутъ сопровождаться субъективными явленіями въ формѣ элементарнаго ощущенія и чувствованія, тѣмъ не менѣе представляютъ собою безпрерывный процессъ, пробѣгающій отъ чувствующей периферіи чрезъ центральные органы къ мышцамъ и железамъ.

Всякій понимаетъ, что, если мы допустимъ прерываніе объективнаго процесса нервнопсихическаго движенія на той или другой ступени его развитія, то мы должны представить себѣ, что какимъ то непонятнымъ для насъ образомъ нервный объективный процессъ на извѣстной стадіи развитія нервнопсихическаго движенія, вслѣдствіе той или иной причины, закончился и превратился исключительно въ субъективный процессъ. Вмѣстѣ съ этимъ, такъ какъ всѣ нервнопсихическіе процессы рано или поздно возбуждаютъ психодвигательныя явленія, то очевидно мы должны допустить и не менѣе непонятный для насъ обратный переходъ чисто субъективнаго процесса въ процессъ объективнаго характера, какимъ является центробѣжный импульсъ и мышечное сокращеніе.

Очевидно, что ни для того, ни для другого мы не имѣемъ никакого рѣшительно фактическаго оправданія, а потому мы должны твердо держаться воззрѣнія о непрерывности объективныхъ измѣненій въ нашихъ центрахъ во время развитія того или иного нервнопсихическаго процесса—измѣненій, сопутствуемыхъ въ извѣстныхъ стадіяхъ развитія этого процесса субъективными переживаніями.

Предыдущее изложеніе приводитъ насъ къ выводу, что теченіе сознательнаго нервнопсихическаго процесса сопутствуется одновременно какъ

субъективными явленіями, такъ и объективными измѣненіями мозговой ткани. Эти послѣднія, начинаясь въ формѣ возбужденія на периферіи нервной системы, переходятъ въ центральный органъ и здѣсь послѣ соотвѣтствующихъ превращеній или задерживаются на болѣе или менѣе долгое время и входятъ въ общій запасъ энергіи центровъ, который въ послѣдствіи разрѣшается въ той или другой степени при соотвѣтствующихъ условіяхъ, лежа въ основѣ такъ наз. волевыхъ и другихъ психодвигательныхъ процессовъ, или же нервное возбужденіе, пробѣгая чрезъ центральный органъ, возбуждаетъ въ немъ обширный запасъ нервной энергіи центровъ, разрѣшаясь цѣлымъ рядомъ произвольныхъ дѣйствій, по своей силѣ и размѣрамъ далеко превосходящимъ обыкновенные результаты нервнаго возбужденія или, наконецъ, возбужденіе, пробѣгая менѣе окольными путями по нервнымъ центрамъ мозговой коры и не встрѣчая здѣсь большой задержки, разрѣшается въ формѣ такъ наз. психорефлексовъ.

Въ этомъ ходѣ и развитіи нервнопсихическихъ процессовъ субъективныя переживанія, какъ мы уже упоминали, представляютъ собою лишь одну сторону этихъ процессовъ, другую сторону которыхъ образуютъ объективныя измѣненія нервной ткани, причемъ всякій нервнопсихическій процессъ рано или поздно проецируется наружу въ видѣ тѣхъ или другихъ внѣшнихъ реакцій организма, обнаруживающихся мышечными сокращеніями, секреціей, образованіемъ тепла, трофическими явленіями и пр.

Отсюда очевидно, что изученіе нервнопсихическихъ процессовъ никогда не можетъ быть полнымъ, если ограничиваются изученіемъ однихъ субъективныхъ переживаній, особенно если принять во вниманіе недостатки субъективнаго метода и ограниченную сферу его примѣненія. Поэтому, къ изученію психики долженъ быть привлеченъ объективный методъ, состоящій въ самомъ полномъ изученіи внѣшнихъ проявленій невропсихики. Какъ бы мы ни смотрѣли на природу и роль субъективной стороны нервнопсихической дѣятельности, мы должны имѣть въ виду, что эта дѣятельность въ ея цѣломъ является отраженіемъ внѣшнихъ воздѣйствій на организмъ, и въ то же время наряду съ субъективными переживаніями всегда обнаруживается опредѣленными внѣшними проявленіями.

Нѣтъ вообще ни одного сознательнаго и безсознательнаго процесса мысли, который бы не выражался рано или поздно объективными проявленіями, а потому, изучая послѣднія, мы изучаемъ внѣшнее выраженіе той энергіи, которая одновременно проявляется и субъективными переживаніями, и объективными проявленіями въ нервныхъ центрахъ и проводникахъ. Отсюда очевидно, что кромѣ субъективныхъ переживаній, открываемыхъ путемъ самонаблюденія, для оцѣнки психическихъ отправленій могутъ и должны служить тѣ разнообразныя объективныя проявленія въ формѣ того или иного движенія и другихъ внѣшнихъ явленій, которыми выражается нервнопсихическая дѣятель-

ность. При этомъ объективныя проявленія невропсихики, какъ мимика, жесты, движенія, измѣненія дыханія, сердцебіенія, давленія крови, наполненіе кожныхъ сосудовъ, секреція и пр., имѣютъ для насъ особенную цѣнность потому, что регистрація ихъ не находится въ зависимости отъ столь неточнаго метода, какъ самонаблюденіе, и въ тоже время они служатъ болѣе или менѣе полнымъ выраженіемъ дѣятельнаго состоянія невропсихики всякаго живого существа.

Сумма знаній, касающихся объективнаго проявленія невропсихики въ широкомъ смыслѣ слова, можетъ быть объединяема подъ названіемъ объективной психологіи, которая должна имѣть въ виду положеніе, что всѣ вообще нервнопсихическіе процессы не протекаютъ только подъ видомъ однихъ субъективныхъ переживаній, но одновременно выражаются и тѣми или другими объективными проявленіями. Въ основѣ своихъ изслѣдованій объективная психологія должна имѣть исключительно объективный методъ и должна стремиться всякій нервнопсихическій процессъ охарактеризовать прежде всего съ его объективной стороны.

Въ числѣ всѣхъ разнообразныхъ проявленій невропсихики, между прочимъ и рѣчь, являющаяся важнѣйшимъ орудіемъ современной намъ субъективной психологіи, какъ всякая вообще выразительная символизація нервнопсихическихъ отправленій, должно служить предметомъ наблюденія и изслѣдованія объективной психологіи, но послѣдняя должна пользоваться рѣчью не для выясненія характера субъективныхъ переживаній по аналогіи съ самимъ собою, что служитъ предметомъ изслѣдованія субъективной психологіи, но она должна быть изучаема, какъ одно изъ объективныхъ проявленій невропсихики. Иначе говоря, для объективной психологіи изученіе рѣчи должно быть производимо не съ точки зрѣнія ея содержанія, т.-е. описанія тѣхъ или другихъ внутреннихъ переживаній, испытываемыхъ постороннимъ лицомъ, а съ точки зрѣнія объективныхъ проявленій невропсихики вообще, характеризующихся столь разнообразной выразительной символизаціей, какъ рѣчь, мимика, жесты, движенія и поступки, а также измѣненіями въ области дыханія, сердцебіенія, сосудистой и секреторной сферы и пр.

Имѣя въ виду изученіе рѣчи съ ея объективной стороны, т. е. въ смыслѣ характера и обилія символовъ, ихъ формы, интонаціи, произношенія, большей или меньшей быстроты, связности и пр., а равно и одновременное изученіе мимики, жестовъ, движеній, поступковъ и другихъ внѣшнихъ проявленій невропсихики, объективная психологія обезпечиваетъ себѣ обширное и благодарное поле изслѣдованія нервнопсихической сферы не только у нормальныхъ людей, но и у лицъ, лишенныхъ рѣчи, вслѣдствіе разрушенія мозговыхъ центровъ или проводниковъ (афазиковъ и глухонѣмыхъ), а равно и у душевно-больныхъ и идіотовъ, у которыхъ мы тщетно старались бы опредѣлить характеръ субъективныхъ переживаній по аналогіи съ самимъ собою. Равнымъ образомъ, въ изу-

ченіи невропсихики дѣтскаго возраста, особенно же періода младенчества, безъ изученія всѣхъ объективныхъ проявленій несложной нервнопсихической дѣятельности ребенка обойтись нельзя. Наконецъ, вся психологія обширнаго животнаго царства не можетъ основываться ни на чемъ другомъ, какъ на строго объективномъ изученіи всѣхъ выразительныхъ и другихъ внѣшнихъ проявленій ихъ нервопсихики или же біопсихики, если имѣть въ виду тѣхъ простѣйшихъ, которые лишены нервной системы.

Само собою разумѣется, что объективная психологія не исключаетъ изученія и субъективныхъ состояній, но она не можетъ придавать имъ того значенія, которое признается за ними субъективной психологіей. Во всякомъ случаѣ, объективная психологія, не отвергая положеній субъективной психологіи, существенно ее дополняетъ, имѣя своею прямою цѣлью установленіе соотношенія между внѣшними вліяніями и объективными проявленіями невропсихики, помимо оцѣнки субъективныхъ переживаній.

Она предполагаетъ, что вся вообще нервно-психическая дѣятельность состоитъ частью изъ процессовъ объективно-субъективнаго характера, частью изъ процессовъ объективнаго характера, смѣняющихъ одинъ другого, взаимно сталкивающихся и угнетающихъ или суммирующихъ другъ друга и въ концѣ концовъ возбуждающихъ центробѣжные импульсы, приводящіе къ явленіямъ объективнаго характера, доступнымъ внѣшнему наблюденію и контролю.

Съ этой точки зрѣнія, нервнопсихическіе процессы, разсматриваемые съ ихъ объективной стороны, подобно всѣмъ рефлексамъ возбуждаясь подъ вліяніемъ физическаго агента на периферіи, заканчиваются рано или поздно внѣшнимъ проявленіемъ дѣятельности организма въ формѣ того или иного движенія, сосудистой реакціи, секреціи или трофизма.

Преслѣдуя своею цѣлью изучить различныя формы нервнопсихическихъ реакцій въ организмѣ въ ихъ соотношеніи съ ближайшими или болѣе отдаленными воздѣйствіями на организмъ, объективная психологія должна имѣть въ виду лишь внѣшнія проявленія нервнопсихики; она изучаетъ такимъ образомъ всѣ вообще нервно-психическія реакціи организма на тѣ или другія внѣшнія раздраженія, начиная отъ наиболѣе простѣйшихъ до наиболѣе сложныхъ, а равно и такъ называемыя самостоятельныя движенія живого существа. При этомъ имѣется въ виду изученіе не только самихъ реакцій, т. е. тѣхъ или другихъ особенностей послѣднихъ, но и изученіе ихъ въ соотношеній съ тѣми внѣшними раздраженіями, которыя послужили первоначальнымъ источникомъ данныхъ реакцій.

Само собою разумѣется, что объективная психологія не нуждается и въ такихъ чисто метафизическихъ терминахъ субъективной психологіи, какъ душа, умъ, воля, воображеніе и пр. т. наз. душевныя способности, которымъ наградилъ душу когда-то Wolf, и совершенно ихъ исключаетъ изъ своего пользованія, какъ негодный для ея цѣлей матеріалъ.

Для объективной психологіи представляется безразличнымъ, какія субъективныя переживанія испытываются тѣмъ или другимъ субъектомъ, во время его нервно-психической дѣятельности. Достаточно, если мы будемъ имѣть въ виду, что результатомъ внѣшнихъ вліяній на организмъ является внутренній отпечатокъ, который затѣмъ и подвергается въ центрахъ дальнѣйшей обработкѣ въ видѣ суммированія нѣсколькихъ такихъ же отпечатковъ, сочетанія ихъ другъ съ другомъ, комбинированія, синтеза и пр.

Нужно далѣе имѣть въ виду, что, хотя въ общемъ нервно-психическіе процессы развиваются и протекаютъ одинаковымъ образомъ съ какой бы части периферіи ни былъ данъ толчекъ для ихъ развитія, тѣмъ не менѣе нервнопсихическій процессъ представляется неодинаковымъ какъ съ субъективной своей стороны, такъ очевидно и съ объективной стороны, въ зависимости отъ того органа чувствъ, съ котораго возникло первоначальное возбужденіе. Такимъ образомъ въ зависимости отъ того, будетъ ли раздраженіе дѣйствовать на органъ зрѣнія, слуха, обонянія, вкуса или осязанія, возбужденный имъ нервнопсихическій процессъ, вплоть до начала развитія связанныхъ съ ними центробѣжныхъ психодвигательныхъ импульсовъ, сопутствуется различными внутренними отпечатками и различными же субъективными знаками въ формѣ зрительныхъ, слуховыхъ, обонятельныхъ, вкусовыхъ и осязательныхъ субъективныхъ переживаній.

Причина этой неодинаковости нервнопсихическаго процесса, возбуждаемаго съ периферіи, должна лежать въ различномъ устройствѣ периферическихъ воспринимающихъ органовъ, о чемъ подробнѣе я имѣлъ возможность говорить въ своихъ «Основахъ ученія о функціяхъ мозга» [1]). Здѣсь мы приведемъ изъ этого сочиненія лишь нижеслѣдующія строки:

Очевидно, что въ нашихъ периферическихъ аппаратахъ, воспринимающихъ чувственныя впечатлѣнія, благодаря особымъ приспособленіямъ, даннымъ въ эпителіальныхъ приборахъ и въ своеобразномъ отношеніи нервныхъ окончаній къ послѣднимъ, имѣются условія, благодаря которымъ воспринимаемое раздраженіе, являющееся результатомъ различныхъ внѣшнихъ воздѣйствій, представляется разнороднымъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ мы должны допустить, что разнородное раздраженіе въ периферическихъ воспринимающихъ аппаратахъ должно вызывать и разнородное возбужденіе всего нервнаго пути, выражающееся нервнымъ токомъ разной волны. Да иначе и представить нельзя, если принять во вниманіе качественное различіе нашихъ ощущеній.

Дѣло въ томъ, что первоисточникомъ всякаго ощущенія является физіологическій процессъ возбужденія, возникающій подъ вліяніемъ внѣшнихъ воз-

---

[1]) См. В. Бехтеревъ, Основы ученія о функціяхъ мозга, Спб. изд. Брокгаузъ-Ефронъ, вып. 1, стр. 31—37.

дѣйствій въ периферическомъ воспринимающемъ аппаратѣ и направляющійся къ соотвѣтствующимъ нервнымъ центрамъ въ видѣ нервнаго тока. Если теперь самое возбужденіе на периферіи оказывается разнороднымъ и вмѣстѣ съ тѣмъ разнороднымъ оказывается нервный токъ, направляющійся къ нервнымъ центрамъ, то очевидно, что и возбужденіе послѣднихъ должно быть неодинаковымъ. Отсюда мы заключаемъ, что различія въ характерѣ воспринимаемыхъ ощущеній въ видѣ осязательныхъ, зрительныхъ, слуховыхъ, обонятельныхъ и вкусовыхъ ощущеній объясняются различнымъ характеромъ возбужденія периферическихъ нервныхъ аппаратовъ, обусловленныхъ разнородными волнами центростремительнаго нервнаго тока». [1]).

Если мы представимъ теперь, что цѣпь нервнопсихическаго возбужденія, какъ мы говорили выше, не прерывается ни въ одномъ пунктѣ, и въ тоже время нервно-психическій процессъ въ извѣстной своей части на пути центральнаго органа является двусторонним, выражаясь не только объективными измѣненіями, но и субъективными переживаніями, то возникаетъ вопросъ, какое значеніе могутъ имѣть въ природѣ организма эти субъективныя переживанія? не представляютъ ли они совершенно излишняго эпифеномена, значеніе котораго могло бы свестись къ нулю, особенно если принять во вниманіе тотъ фактъ, что нервно-психическіе процессы, какъ мы знаемъ, при извѣстныхъ условіяхъ, могутъ даже и вполнѣ протекать въ безсознательной сферѣ.

Иначе говоря, есть ли какой либо смыслъ и значеніе въ тѣхъ субъективныхъ переживаніяхъ, которыя мы открываемъ въ самихъ себѣ путемъ непосредственнаго самонаблюденія, или же они представляются въ ходѣ процесса совершенно лишними и составляютъ какъ бы ненужную роскошь, безъ которой природа могла бы свободно обойтись, ни въ чемъ не нарушая основныхъ задачъ нервно-психической дѣятельности.

Обращаясь къ этому вопросу, мы должны прежде всего спросить себя, что представляютъ собою для организма тѣ субъективныя переживанія, о которыхъ идетъ рѣчь? Въ этомъ отношеніи мы знаемъ, что качество получаемаго ощущенія находится въ извѣстномъ соотношеніи съ частотой колебаній раздражающаго агента. Такъ, въ зависимости отъ большей или меньшей частоты колебаній эфира измѣняется и качество субъективной реакціи отъ свѣтового луча, отъ различной быстроты колебаній воздушныхъ частицъ измѣняется высота воспринимаемаго тона. Очевидно, что и въ другихъ органахъ чувствъ отъ большей или меньшей частоты колебаній внѣшняго раздражителя, приводящаго въ возбужденіе соотвѣтствующій органъ чувства, зависитъ и качество воспринимаемаго ощущенія.

Есть основаніе думать, что даже выработка вкусовыхъ ощущеній въ

[1]) Б. Бехтеревъ, Основы ученія о функціяхъ мозга, изд. Брокгаузъ-Ефронъ, вып. 1, стр. 35.

сладкій, соленый, кислый и горькій вкусъ не зависитъ непосредственно отъ потребности организма, какъ не зависитъ отъ потребности организма и наше цвѣтное зрѣніе. Эти вкусовыя ощущенія не стоятъ въ прямомъ соотношеніи и съ вредностью или безвредностью вещества, а служатъ выраженіемъ опредѣленнаго соотношенія между периферическими вкусовыми приборами и особенностями внѣшняго возбудителя.

Мнѣніе это получаетъ фактическую поддержку въ работѣ Sternberg'a. Послѣдній [1]), задаваясь вопросомъ «почему сладкій вкусъ пріятенъ, а горькій непріятенъ» предварительно останавливается на вопросахъ 1) почему вкусны нѣкоторые вещества и другіе растворимые безвкусны и 2) почему одни имѣютъ сладкій вкусъ, другіе горькій.

Имѣя въ виду только два этихъ вкуса—сладкій и горькій, авторъ приходитъ къ выводу, что всѣ сладкія соединенія имѣютъ гармонію въ химическомъ строеніи; нарушеніе же гармоніи въ молекулахъ не только не приводитъ къ сладкому вкусу, но всего ближе ведетъ къ горькому, а когда дисгармонія еще значительнѣе—наступаетъ безвкусіе. Три группы горькихъ соединеній съ тремя группами сладкихъ соединеній стоятъ въ интензивномъ соединеніи, такъ что изъ сладкаго соединенія, легко можетъ быть полученъ горькій вкусъ и наоборотъ. Противоположность вкусовыхъ ощущеній сладкаго и горькаго, съ одной стороны, близкое родство молекулъ ихъ адэкватныхъ раздраженій, съ другой, указываютъ такимъ образомъ на тонкость органа чувствъ и въ то же время свидѣтельствуетъ о телеологическомъ значеніи, выражающемся тѣмъ, что минимальное измѣненіе матеріи приводитъ къ возможно большему эффекту. Психическое ощущеніе пріятнаго въ области вкусового чувства, т.-е. сладкое ощущеніе, по автору, можетъ быть сведено такимъ образомъ на проблему химическихъ условій ощущенія, также какъ психическое ощущеніе пріятнаго въ области слуховой сферы совпадаетъ съ извѣстной простотой въ числовой системѣ физическихъ условій ощущенія.

Мы думаемъ однако, что не совсѣмъ правильно авторъ отождествляетъ психическое ощущеніе пріятнаго съ сладкимъ ощущеніемъ, такъ какъ и сладкое можетъ быть непріятнымъ, приторнымъ, и съ другой стороны горькое можетъ быть болѣе или менѣе пріятнымъ. Изъ сообщенныхъ имъ данныхъ однако слѣдуетъ, что столь различные вкусы, какъ сладкій и горькій обусловливаются раздраженіемъ молекулъ, находящихся въ близкомъ родствѣ между собою, подобно тому, какъ два сосѣднихъ тона, столь различающіеся другъ отъ друга въ звуковомъ отношеніи, обусловлены относительно небольшимъ различіемъ въ колебаніи звуковыхъ волнъ, и точно также небольшія количественныя различія въ колебательныхъ волнахъ эфира обусловливаетъ различное воспріятіе цвѣтовъ.

[1]) W. Sternberg. Zeitschr. f. Psychologie und Physiologie die Sinnesorgane. XX.

Отсюда очевидно, что субъективные знаки-символы должны быть понимаемы, какъ внутренніе знаки, опредѣляющіе прежде всего извѣстныя градаціи количественныхъ отношеній внѣшнихъ вліяній на организмъ. Эти знаки какъ бы перелагаютъ внѣшнія, измѣняющіяся въ своей интензивности количественныя вліянія на субъективные, качественно различающіеся другъ отъ друга и измѣняющіеся въ своей интензивности, символы внѣшнихъ воздѣйствій.

Такимъ образомъ субъективные знаки нервнопсихической сферы являются тѣми опознавательными пунктами, которые опредѣляютъ извѣстную область внѣшняго воздѣйствія и его интенсивность. Такъ какъ далѣе эти субъективные знаки совершенно не отдѣлимы отъ соотвѣтствующихъ имъ объективныхъ измѣненій нервныхъ центровъ, то очевидно, что они должны облегчать нервнопсихическую дѣятельность, какъ всякая вообще символизація. Какъ человѣческая рѣчь, состоящая изъ словесныхъ символовъ, облегчаетъ ходъ нашихъ идей, какъ алгебраическіе знаки облегчаютъ математическія вычисленія, такъ и субъективные знаки облегчаютъ внутреннія операціи, происходящія между различными нервнопсихическими процессами. Всякій можетъ представить себѣ возможность нервнопсихической дѣятельности безъ словесныхъ образовъ, но ясно также, что эта дѣятельность при вышеуказанномъ условіи всегда оставалась бы на самой низкой ступени развитія, какую мы и встрѣчаемъ у животныхъ. Очевидно, что безъ качественно различныхъ субъективныхъ знаковъ-символовъ, каковыми являются наши переживанія, нервнопсихическая дѣятельность не могла бы никогда перешагнуть за размѣры болѣе простого рефлекторнаго или автоматическаго процесса.

Далѣе, субъективные знаки-символы даютъ возможность развитія такой формы взаимнаго сочетанія нервнопсихическихъ процессовъ, въ каковой формѣ оно очевидно не могло бы осуществиться, если бы въ нервнопсихической сферѣ мы имѣли дѣло лишь съ одними объективными процессами. Дѣло въ томъ, что самыя сочетанія между нервнопсихическими процессами оказываются возможными лишь со стороны субъективныхъ проявленій этихъ процессовъ, а не тѣхъ объективныхъ измѣненій, которыми они всегда сопутствуются въ центрахъ и сочетанія которыхъ безъ субъективныхъ проявленій представлялись бы совершенно невозможными по крайней мѣрѣ въ той формѣ, въ какой мы находимъ эти сочетанія въ субъективныхъ проявленіяхъ нервнопсихической сферы.

Съ другой стороны, въ субъективныхъ знакахъ-символахъ лежитъ и корень цѣлесообразнаго отношенія организма къ окружающей сферѣ, ибо, если бы въ невропсихикѣ дѣло шло только объ однихъ объективныхъ измѣненіяхъ нервной ткани, различающихся лишь въ количественномъ отношеніи, то само собою разумѣется, что отношеніе внѣшнихъ вліяній къ организму не могло бы оцѣниваться послѣднимъ съ точки зрѣнія пользы и вреда для организма, которыя именно и находятъ свое выраженіе въ субъективныхъ знакахъ-символахъ, различаемыхъ, какъ пріятные и непріятные.

Возьмемъ для примѣра такія состоянія, какъ голодъ и жажду съ одной стороны и пресыщеніе съ другой. Съ объективной стороны эти состоянія не представляютъ собою ничего такого, что бы приводило въ возбужденіе энергію центровъ и способствовала переходу ея въ кинетическую энергію или задержкѣ послѣдней и, если бы не было соотвѣтствующихъ имъ чувствованій, какъ это случается иногда въ патологическомъ состояніи, то не было бы и побужденія въ первомъ случаѣ для наискорѣйшаго утоленія голода и жажды, а во второмъ случаѣ къ прекращенію ѣды и питья. На этомъ примѣрѣ мы видимъ, что субъективныя переживанія, являющіяся знаками-символами внѣшнихъ вліяній, служатъ въ тоже время руководителями отношенія организма къ внѣшнимъ вліяніямъ, каковаго не могло бы быть при отсутствіи этихъ субъективныхъ знаковъ-символовъ.

Такъ какъ далѣе субъективные знаки-символы представляютъ собою одну изъ сторонъ нервнопсихическаго процесса, другой стороной котораго являются объективныя измѣненія нервной ткани, то очевидно, что въ этихъ субъективныхъ знакахъ-символахъ получается возможность того самоконтроля, который играетъ столь важную роль въ активной дѣятельности невропсихики.

Но какую бы роль ни играли знаки-символы во внутренней переработкѣ внѣшняго воздѣйствія, окончательнымъ результатомъ этой переработки, какъ мы уже знаемъ, являются всегда объективныя внѣшнія измѣненія того или иного рода. Поэтому, не умаляя ничуть важности изученія субъективныхъ переживаній въ мірѣ человѣка, мы полагаемъ, что оно должно вестись по возможности параллельно съ изученіемъ внѣшнихъ проявленій нервнопсихической сферы, и что изученіе послѣднихъ въ связи съ внѣшними воздѣйствіями, послужившими первоначальными ихъ возбудителями, должно составить особую задачу, которая и служитъ предметомъ изученія объективной психологіи.

Іюнь 1904 г.

Очеркъ исторіи развитія современнаго гипнотизма.

Д-ра І. В. Вяземскаго.

За послѣднее десятилѣтіе гипнотизмъ и факты, связанные съ нимъ, привлекаютъ все большее вниманіе. Строго научное изученіе гипнотизма значительно расширило наше міросозерцаніе. Въ настоящее время значеніе гипнотизма и роль его оцѣнены наукой въ надлежащей степени. За гипнотизмомъ признано значеніе лечебнаго метода въ дѣлѣ пользованія больныхъ; указано на роль, какую можетъ играть гипнотизмъ въ педіатріи, слабости воли, измѣненіи характера, порочныхъ наклонностяхъ и привычкахъ, и затѣмъ оцѣнено, насколько важно знакомство съ гипнотическими явленіями для уразумѣнія нѣ-

которыхъ психологическихъ проблемъ. Кромѣ того, юриспруденція получила въ гипнотизмѣ объясненіе нѣкоторыхъ фактовъ, казавшихся ей дотолѣ необъяснимыми. Однако, справедливость требуетъ сказать, что не только среди публики, но даже среди врачей нерѣдко циркулируютъ довольно превратныя мнѣнія относительно гипнотическихъ явленій. Поэтому намъ кажется умѣстнымъ бросить краткій историческій взглядъ на развитіе современнаго ученія о гипнотизмѣ.

Исторія гипнотизма показываетъ, что гипнотизмъ не представляетъ собою чего-либо новаго, открытаго въ самое послѣднее время. Историческіе факты свидѣтельствуютъ, что гипнотизмъ также старъ, какъ старо само человѣчество.

Явленія гипнотизма были извѣстны въ самыя отдаленныя эпохи, но тогда они не могли быть надлежащимъ образомъ объяснены. Умъ человѣческій, не обогащенный опытомъ и знаніями и, по существу, склонный къ суевѣрію, смотрѣлъ на гипнотизмъ, какъ на явленія, чуждыя человѣку, и приписывалъ происхожденіе ихъ вмѣшательству сверхъестественной силы; вотъ почему явленія гипнотизма были окутаны пеленой таинственности.

Прежде чѣмъ перейти къ изложенію историческихъ данныхъ, считаю нелишнимъ сказать нѣсколько словъ по поводу сущности гипнотическихъ явленій. Всѣ гипнотическіе факты, о которыхъ рѣчь будетъ далѣе, основаны на присущей человѣку внушаемости. Внушаемость есть способность человѣческаго ума воспринимать многое на вѣру безъ сознательнаго, логическаго мышленія. Это съ одной стороны. Съ другой стороны, каждая воспринятая мозгомъ идея имѣетъ наклонность къ немедленному проявленію себя внѣшнимъ образомъ. Въ обыденной жизни такого рода явленія часто затемнены и не могутъ быть наблюдаемы во всей чистотѣ. Въ состояніи же гипноза они рѣзко наблюдаются. Это и понятно, такъ какъ, по опредѣленію профессора Бернгейма, самый гипнозъ есть ничто иное, какъ состояніе усиленной внушаемости человѣка, вызванное искусственнымъ образомъ. Благодаря присущей человѣку внушаемости, онъ доступенъ вліянію на него внушенія. Нѣсколько примѣровъ, взятыхъ изъ «психологіи внушенія доктора Сидиса» достаточно иллюстрируютъ, въ какой формѣ могутъ проявляться внушенія.

Д-ръ Сидисъ со своимъ пріятелемъ сидѣлъ за столомъ и оба молча читали газету. Сидисъ, окончивъ чтеніе, сложилъ свою газету извѣстнымъ образомъ и положилъ на столъ. Черезъ нѣсколько времени пріятель его сложилъ свою газету такимъ же точно образомъ и положилъ на столъ.

Одинъ изъ знакомыхъ Сидиса былъ очень увлеченъ рѣшеніемъ математической задачи. Хотя онъ и смотрѣлъ на столъ, но, казалось, онъ ничего не видитъ и ни на что не обращаетъ вниманія. Сидисъ принесъ два стакана, наполненные водой, и поставилъ ихъ передъ своимъ знакомымъ, а самъ сѣлъ напротивъ, затѣмъ онъ началъ правой рукой производить медленныя движенія по направленію къ стакану. Такой маневръ онъ повторилъ нѣсколько разъ, а

затѣмъ рѣшительно протянулъ руку къ стакану, взялъ его и залпомъ выпилъ. Знакомый Сидиса черезъ нѣсколько времени, продолжая обдумывать задачу, какъ бы неохотно и лѣниво протягиваетъ руку къ наполненному стакану, беретъ его въ руку, подноситъ ко рту и машинально пьетъ. И только тогда приходитъ въ себя, когда выпита большая часть стакана.

Аналогическій случай мнѣ лично удавался при слѣдующихъ обстоятельствахъ. Когда я находился въ идущей компаніи, которая увлечена серьезнымъ разговоромъ и случайно останавливалась на своемъ пути, продолжая разговоръ, то стоило мнѣ начать нѣкоторое время производить ногами движенія, какъ это дѣлаютъ солдаты, маршируя на одномъ мѣстѣ, и затѣмъ рѣшительными шагами пойти впередъ, чтобы вся компанія, продолжая разговоръ, автоматически послѣдовала за мной.

Очень интересный случай приводитъ д-ръ Сидисъ изъ книги Охоровича объ умственномъ внушеніи.

«Другъ Охоровича, г. П., человѣкъ столь же разсѣянный, сколь и остроумный, игралъ въ шахматы въ сосѣдней комнатѣ, а остальные разговаривали около двери. Охоровичъ замѣтилъ, что его другъ, когда совсѣмъ погружался въ игру, имѣлъ обыкновеніе насвистывать арію изъ «Мадамъ Анго». Онъ уже собрался ему въ акомпаниментъ отбивать ритмъ на столѣ; но въ этотъ разъ тотъ сталъ насвистывать маршъ изъ «Пророка». Послушайте, сказалъ Охоровичъ товарищамъ, мы сдѣлаемъ съ П. штуку: мы прикажемъ ему (мысленно) перейти съ «Пророка» на la fille de m-me Angot. Сначала Охоровичъ сталъ отбивать маршъ; потомъ, воспользовавшись нѣсколькими нотами, общими обѣимъ пьесамъ, немедленно перешелъ на болѣе быстрый темпъ любимой аріи его пріятеля. П. съ своей стороны внезапно перемѣнилъ мотивъ и началъ насвистывать «Мадамъ Анго». Всѣ разсмѣялись. Другъ Охоровича былъ слишкомъ занятъ шахомъ королевѣ, чтобы замѣтить что нибудь. «Начнемъ опять—сказалъ Охоровичъ—и вернемся къ Пророку». Немедленно они опять услыхали замѣчательную фугу Мейербера. Все, что другъ Охоровича зналъ, было только то, что онъ что-то насвистывалъ.

Въ вышеприведенныхъ примѣрахъ внушенія характерной чертой является восприятіе внушенной идеи безъ критики и почти автоматическое ея выполненіе. Еще съ большей ясностью это обнаруживается въ случаяхъ гипноза. Для иллюстраціи послѣдней мысли мы воспользуемся примѣрами, также приводимыми д-ромъ Сидисомъ,

Онъ загипнотизировалъ г. Ф. и приказалъ ему, чтобы онъ послѣ своего пробужденія, когда услышитъ его кашель, взялъ со стола три апельсина и роздалъ ихъ его друзьямъ, присутствовавшимъ на сеансѣ. Разбудивъ его, онъ черезъ нѣсколько минутъ кашлянулъ. Г. Ф. схватилъ со стола апельсины, которые въ дѣйствительности были не что иное, какъ картофель, и роздалъ ихъ своимъ друзьямъ. При выполненіи этого послѣ гипнотическаго

внушенія онъ, по видимому, былъ въ особомъ автоматическомъ состояніи: движенія были ускорены, точно какая-то пружина была спущена въ его идеодвигательномъ механизмѣ; глаза были тусклы, подобны стекляннымъ; онъ явно находился въ полусознаніи. Когда Сидисъ послѣ спросилъ его, какими ему казались апельсины, онъ отвѣчалъ: «они казались мнѣ довольно странными; слишкомъ были они малы и тяжелы для апельсиновъ. Я думалъ, что это были лимоны, но я не хотѣлъ пробовать ихъ; что-то побуждало меня выполнить приказъ и покончить съ этимъ».

Далѣе Сидисъ загипнотизировалъ г. Ф. и внушилъ ему, что, пробудившись, онъ долженъ, услыхавъ его кашель, взять зонтикъ, открыть его и пройтись по комнатѣ три раза. Разбудивъ его, Сидисъ черезъ нѣсколько минутъ кашлянулъ, ноги г. Ф. задвигались, но онъ продолжалъ сидѣть на стулѣ. Сидисъ опять кашлянулъ, его ноги опять задвигались, но онъ не выполнилъ приказа. Загипнотизировавъ его снова, Сидисъ строго и авторитетно приказалъ ему выполнить послѣгипнотическое внушеніе, внушилъ ему также, что онъ долженъ забыть все происшедшее во время сна. Пробудившись, г. Ф. чувствовалъ себя хорошо и бесѣдовалъ со своими друзьями. Когда онъ весь былъ занятъ разговоромъ, Сидисъ зашелъ за его стулъ и кашлянулъ. Г. Ф. вскочилъ, открылъ зонтикъ и прошелся по комнатѣ три раза. Когда онъ кончилъ внушенную прогулку, зонтикъ выпалъ изъ его рукъ на полъ. Не поднявъ его, онъ сѣлъ на стулъ и улыбался. Онъ ясно помнилъ происшествіе съ зонтикомъ; оно казалось ему страннымъ и смѣшнымъ. Сидисъ спросилъ его, зналъ ли онъ, что хотѣлъ дѣлать, когда услышалъ его кашель. «Да, я зналъ, что я долженъ что-то сдѣлать—хотя въ общихъ чертахъ. Когда я взялъ зонтикъ, я не знаю, какъ это случилось, но я открылъ его и началъ ходить. Сидисъ спросилъ, зналъ-ли онъ, сколько разъ онъ долженъ былъ пройти. Г. Ф. отвѣтилъ: «нѣтъ, я не зналъ, но я продолжалъ ходить, когда дошелъ до конца третьяго оборота, зонтикъ выпалъ изъ моихъ рукъ» *).

Въ только что приведенныхъ случаяхъ гипнотическаго внушенія въ мозгъ человѣка вводилась идея, совершенно чуждая его психическому содержанію, и несмотря на это, внушенная идея выполнялась имъ автоматически, если и не тотчасъ же послѣ внушенія, то послѣ повторнаго внушенія. Если такъ выполняется идея, чуждая человѣку и могущая вызвать протестъ въ его психикѣ, то, конечно, внушенная идея, гармонирующая съ его психическимъ содержаніемъ, воспримется и выполнится имъ наиболѣе совершенно. Если напр., человѣкъ страдаетъ отъ какой-либо боли, безсонницы, душевной тоски и т. п. и желаетъ избавиться отъ этихъ болѣзненныхъ ощущеній, то, конечно, внушеніе, направленное на устраненіе этихъ болѣзненныхъ состояній воспринимается человѣкомъ несомнѣнно глубже и производитъ болѣе рѣзкій

*) Д-ръ Сидисъ. Психологія внушенія.

эффектъ въ желательномъ направленіи. Въ этомъ случаѣ идея является не чуждой человѣку, а вполнѣ совпадающей съ его стремленіями и желаніями. Вотъ почему при примѣненіи внушеній съ лечебной цѣлью получаются въ большинствѣ случаевъ поразительно благопріятные результаты.

Въ исторіи развитія современнаго гипнотизма мы различаемъ три періода: періодъ религіозно-мистическій, затѣмъ періодъ метафизическій, съ господствомъ магнитно-флюидной теоріи и теоріи животнаго магнетизма и, наконецъ, періодъ научнаго изслѣдованія фактовъ и раціональнаго ихъ объясненія. Считаю необходимымъ оговориться, что при разсмотрѣніи историческаго развитія гипнотизма мы будемъ касаться главнымъ образомъ, примѣненія внушенія съ лечебной цѣлью, такъ какъ изложеніе вообще исторіи внушенія, во всѣхъ его проявленіяхъ, завело бы насъ слишкомъ далеко.

Человѣчество, не достигшее извѣстной степени культурнаго развитія, склонно приписывать происхожденіе всевозможныхъ болѣзней божеству, или же злому духу. Божество, посылая болѣзнь, этимъ путемъ налагаетъ свою кару на человѣка за тотъ или другой проступокъ. Что касается до злого духа, то главная цѣль его состоитъ въ томъ, чтобы вредить человѣку. Исходя изъ такого взгляда, человѣкъ естественно обращался за помощью въ своей болѣзни къ лицамъ, которыхъ онъ считалъ посредниками между нимъ и божествомъ или же къ лицамъ, которыя, по его мнѣнію, обладали силой уничтожать чары злого духа. Вотъ почему въ первобытныя времена жрецы, чародѣи, маги и знахари являлись врачевателями различныхъ болѣзней. Такіе посредники существуютъ у всѣхъ дикихъ народовъ. Они извѣстны подъ различными именами: сибирскіе народы называютъ ихъ шаманами; у зулусовъ они называются изи-ніянга; у индѣйцевъ племени Дакота—Мускихивинини и т. д.

Медицина древнихъ находилась почти исключительно въ рукахъ жрецовъ. Послѣдніе практиковали въ широкихъ размѣрахъ психическое леченіе больныхъ, основанное на внушеніи и самовнушеніи. Жрецы весьма искусно пользовались присущей человѣку внушаемостью. Почва, на которую дѣйствовали жрецы, была для нихъ до извѣстной степени подготовлена. Больные, искавшіе излеченія у жрецовъ, считали ихъ за высшія существа въ силу ихъ непосредственнаго общенія съ божествомъ, а потому у больного была увѣренность въ томъ, что при посредствѣ жреца можетъ быть достигнуто излеченіе. Жрецы, съ своей стороны; различными таинственными воздѣйствіями, молитвами, жертвоприношеніемъ, а также разнаго рода манипуляціями надъ больнымъ совершенно овладѣвали его психикой и настраивали ее въ желательномъ для нихъ направленіи. Какъ результатъ косвеннаго и прямого внушенія со стороны жреца, отчасти самовнушенія самаго больного, достигалось весьма нерѣдко полное излеченіе болѣзни. Подобно жрецамъ, маги, чародѣи, знахари и колдуны производили чудесныя исцѣленія больныхъ, такъ какъ подкладка для излеченія во всѣхъ случаяхъ была одна и та жа, съ тою только

разницей, что поименованныя лица при своихъ манипуляціяхъ старались оказать наивозможно сильное воздѣйствіе на воображеніе больныхъ, устрашая ихъ таинственными пріемами, заклинаніями, аллегорическими словами и пр. Эти таинственные пріемы и достигаемыя при посредствѣ ихъ излеченія несомнѣнно способствовали развитію и усиленію суевѣрія и мистицизма современниковъ. Какъ образецъ систематическаго психическаго воздѣйствія на больныхъ, мы приведемъ описаніе подготовки больныхъ, искавшихъ излеченія въ храмѣ Эскулапа. Какъ мы сейчасъ увидимъ, тамъ все было разсчитано на то, чтобы подѣйствовать на психику больныхъ въ извѣстномъ направленіи.

Въ храмѣ Эскулапа практиковалась слѣдующая подготовка больныхъ. «Больные, желавшіе быть принятыми въ храмъ для леченія, должны были сначала поклясться въ томъ, что строго будутъ соблюдать всѣ предписанія; Затѣмъ они должны были нѣсколько дней поститься или, по крайней мѣрѣ, придерживаться строгой діэты, при чемъ употребленіе вина было почти совершенно воспрещено. Извѣстно, что долгій постъ можетъ оказать вліяніе на психику человѣка. Послѣ подготовки больныхъ, жрецы водили ихъ по храму и показывали имъ изображенія боговъ и посвященныя имъ таблицы, служившія воспоминаніемъ о чудесахъ, совершенныхъ божественною милостью. Жрецы старались останавливаться особенно на тѣхъ болѣзняхъ, которыя имѣли отношеніе къ болѣзнямъ вновь пришедшихъ. При этомъ они произносили молитвы и пѣли священныя пѣсни, которыя больные должны были повторять вслѣдъ за жрецомъ. Пѣніе часто сопровождалось музыкой. Затѣмъ совершали жертвоприношеніе богамъ; большею частью приносили въ жертву барана, но иногда и другихъ животныхъ, преимущественно, птицъ. Чтобы достойнымъ образомъ подготовить больныхъ къ полученію откровенія отъ бога, ихъ обыкновенно заставляли омываться, затѣмъ помазывали ихъ и, возлагали на нихъ руки. Они должны были вдыхать куренія, приготовлявшіяся изъ разныхъ травъ, и ложились спать на освященныхъ мѣстахъ во внутренности храма. Во снѣ больные получали откровеніе отъ Бога, возвѣщавшаго имъ смерть и исцѣленіе и указывавшаго средство для достиженія послѣдняго; на этихъ указаніяхъ основывалось дальнѣйшее леченіе *).

Подготовка больныхъ въ храмѣ Эскулапа напоминаетъ намъ современный Лурдъ, гдѣ также играютъ первенствующую роль предварительныя психическія воздѣйствія на больныхъ въ извѣстномъ направленіи. Какъ въ Лурдѣ, такъ и въ храмѣ Эскулапа наблюдались во множествѣ случаи моментальныхъ и чудесныхъ исцѣленій, такъ какъ подкладка для этихъ исцѣленій въ обоихъ случаяхъ была одна и таже.

По имѣющимся свѣдѣніямъ, самъ Богъ медицины, Эскулапъ, при ле-

*) Цитировано по д-ру Леману: «Иллюстрированная исторія суевѣрій и волшебства отъ древности до нашихъ дней». Изд. 1900 г.

ченіи больныхъ не ограничивался назначеніемъ того или другого средства, заимствованнаго изъ растительнаго царства, но въ большинствѣ случаевъ присоединялъ къ этому произношеніе различныхъ словъ и стиховъ. Иногда же онъ пѣлъ мелодичныя пѣсни или мистическія молитвы. Слѣдовательно, и Эскулапъ придавалъ значеніе психическимъ воздѣйствіямъ на больныхъ.

Записи и таблицы въ храмѣ Эскулапа, которыми, какъ мы видѣли, широко пользовались жрецы при леченіи больныхъ, заключали въ себѣ цѣнный матеріалъ, касающійся теченія и происхожденія различныхъ болѣзней. Какъ извѣстно, Гиппократъ, отецъ современной медицины, изученіемъ таблицъ въ храмѣ Эскулапа и систематизированіемъ добытыхъ данныхъ положилъ начало научной медицинѣ. Несмотря на то, что въ Греціи зародилась научная медицина, чудесные цѣлители продолжали производить исцѣленія больныхъ заклинаніями и таинственными воздѣйствіями.

Народившееся христіанство не было въ состояніи уничтожить суевѣрія въ силу того, что оно само вѣрило въ чудеса и въ вмѣшательство дьявола въ судьбу человѣка. Этой стороной своего ученія христіанство вполнѣ гармонировало съ міровоззрѣніемъ язычниковъ и тѣмъ поддерживало ихъ заблужденія. Въ то время религія язычниковъ, христіанство, философія и даже наука сходились въ томъ, что признавали реальное существованіе демоновъ и придавали дѣйствительное значеніе волшебству, производимому при ихъ помощи.

Хотя со временъ Гиппократа и встрѣчались настоящіе врачи, объяснявшіе болѣзненное состояніе человѣка естественнымъ разстройствомъ организма и поэтому употреблявшіе противъ него естественныя средства, постепенно установился взглядъ, что всякая болѣзнь есть дѣло злого духа. При такихъ обстоятельствахъ дѣйствительная медицина была невозможна; считалось даже грѣховнымъ прибѣгать къ ней за помощью.

Послѣ раздѣленія церквей, главнымъ образомъ, католическая церковь съ религіознымъ фанатизмомъ принялась за искорененіе всякихъ слѣдовъ язычества. Вмѣсто прежнихъ волшебниковъ и маговъ на сцену выступили католическіе монахи, получавшіе значительные доходы, благодаря леченію больныхъ; они продавали амулеты, ярлыки на зачатіе, служили обѣдни на всевозможные случаи. Существуетъ масса примѣровъ такого рода, но для иллюстраціи совершенно достаточно привести нѣкоторые изъ нихъ. Если священникъ во время мессы говоритъ слѣдующія слова: «не сокрушайте костей его», и при этомъ прикасается къ зубамъ, то это есть средство отъ зубной боли. При лихорадкѣ священникъ умываетъ больному руки святой водой и при этомъ читаетъ про себя 144-й псаломъ или же беретъ больного за руку и говоритъ: «да будетъ тебѣ лихорадка такъ же легка, какъ дѣвѣ Маріи рожденіе Господа нашего Іисуса Христа». Если это не помогаетъ, то онъ беретъ три просфоры, на которыхъ совершалась месса, пишетъ на одной: какъ есть отецъ, такъ есть и жизнь;

на другой: какъ есть сынъ, такъ есть и духъ святой—на третьей: какъ есть духъ, такъ есть и исцѣленіе, затѣмъ даетъ ихъ съѣсть больному въ теченіе трехъ дней одну за другой; при этомъ небходимо было наблюдать, чтобы больной больше ничего въ эти дни не ѣлъ и каждый вечеръ читалъ бы по 15 разъ «Отче нашъ» и 15 разъ «Богородице, Дѣво, радуйся» .. *).

Чудесныя исцѣленія монахами продолжались до девятаго вѣка, когда нѣкоторые монашескіе ордена, какъ напр., Бенедиктинцы въ Салермо и монашескій орденъ въ Sain Cassino, начали изучать арабскую медицину, и помимо молитвъ и заклинаній стали примѣнять лекарственное леченіе.

Религіозный фанатизмъ, съ какимъ производилось искорененіе остатковъ язычества, въ значительной степени способствовалъ появленію и развитію психическихъ эпидемій. Эти эпидеміи, повлекшія за собой массу человѣческихъ жертвъ, навсегда останутся темнымъ пятномъ въ исторіи человѣчества.

До чего были распространены психическія эпидеміи, начиная съ 13 вѣка, свидѣтельствуетъ масса лицъ, которыя были сожжены на кострахъ вслѣдствіе обвиненія въ волшебствѣ, колдовствѣ или вѣдовствѣ. Такъ, въ одномъ только курфиршествѣ Тревскомъ было сожжено въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ 6500 жителей. «Невозможно опредѣлить», говоритъ д-ръ Леманъ, сколько вообще людей было казнено въ теченіе одного только года; въ одномъ городѣ это дѣло велось такъ широко, что была умерщвлена тысяча человѣкъ, а когда прекратились преслѣдованія, то въ Германіи оказались цѣлые округа, въ которыхъ остались въ живыхъ только двѣ женщины; при этомъ надо замѣтить, что и мужчины далеко не всегда избѣгали такой же участи. Всѣ компетентные въ этихъ вопросахъ люди единогласно утверждаютъ, что число сожженныхъ вѣдьмъ простирается до нѣсколькихъ милліоновъ **).

Интереснѣе всего то, что многіе изъ тѣхъ, которые массами сжигались на кострахъ, были вполнѣ убѣждены въ реальности наблюдаемыхъ ими явленій и ничто не могло разувѣрить ихъ въ противномъ, хотя попадались совершенно неповинные; достаточно было иногда простого заявленія, что такая то женщина занимается колдовствомъ, чтобы ее постигла смерть на кострѣ. Если обвиняемая, несмотря на всѣ пытки, упорно отрицала свою виновность, то это обстоятельство въ глазахъ современниковъ служило доказательствомъ того, что она находится въ общеніи съ дьяволомъ. Вынужденное же пытками признаніе невинной служило вѣской уликой къ обвиненію ея въ колдовствѣ. Такимъ образомъ, почти никто изъ обвиняемыхъ не могъ избѣгнуть смерти. Несмотря ни на костры, ни на мученья, не удавалось искоренить вѣру въ дьвола и въ нечистаго духа.

Хотя нѣкоторые современники и высказывались за истинную при-

---

*) Цитировано по д-ру Леману loc. cit.

**) Цитировано по д-ру Леману, loc. cit.

роду вещей, сводя ее къ явленіямъ истеріи, но все же костры продолжали пылать весь 17 и 18 вѣкъ. Въ настоящее время колдуны и вѣдьмы сошли со сцены, и никто ихъ не сжигаетъ; истеричные считаются больными и пользуются соотвѣтственными средствами. Психическіе больные изолируются изъ общества и помѣщаются въ пріюты для душевно-больныхъ. Разсказы о вѣдьмахъ и колдунахъ отошли въ область преданія и передаются дѣтямъ въ формѣ сказокъ, хотя современная педагогика совершенно основательно избѣгаетъ сказокъ, въ которыхъ преобладаетъ сверхъестественный, чудесный и устрашающій элементъ.

Переходя теперь къ изложенію способовъ, которыми можно вызвать гипнотическій сонъ, я долженъ сказать, что человѣчество было знакомо съ незапамятныхъ временъ почти со всѣми способами, которыми мы пользуемся въ настоящее время для вызыванія гипнотическаго сна. Человѣчество, употребляя эти способы, дѣйствовало совершенно безсознательно, не давая себѣ отчета о сущности наблюдаемыхъ явленій, или истолковывая ихъ сообразно съ воззрѣніями каждой эпохи.

Въ древнихъ памятникахъ Египта есть несомнѣнное указаніе на практикованіе возложенія рукъ и производства пассовъ при леченіяхъ больныхъ. Такъ, папирусъ Эберса, переведенный Ioachim'омъ и относящійся къ 1552 г. до Р. Х., заключаетъ въ себѣ указаніе на то, что возложеніе руки на голову больного способствуетъ его излеченію.

Пріемы магнетизированія были извѣстны и народамъ Востока, и у нѣкоторыхъ сохранились и до настоящаго времени, переходя отъ поколѣнія къ поколѣнію. У армянъ они носятъ названіе «аготеле», а у азіатскихъ турокъ «окудманъ». У этихъ народовъ въ настоящее время имѣются особые магнетизеры и магнетизерки. Въ литературѣ существуетъ подробное описаніе употреблявшихся методовъ магнетизированія. Мы считаемъ излишнимъ приводить это описаніе, такъ какъ оно не имѣетъ существеннаго значенія и трудно удерживается въ памяти. Слѣдуетъ только указать, что при «аготеле» существуютъ разные пріемы, смотря по роду болѣзни субъекта, подвергающагося магнетизированію. Также для каждой болѣзни пассы сопровождаются опредѣленными молитвами и заклинаніями. Характерны отношенія магнетизеровъ къ производимымъ ими пассамъ. На вопросъ доктора Константа, члена азіатскаго общества въ Парижѣ, обращенный имъ къ одной изъ магнетизерокъ, «каково происхожденіе аготеле» и почему она дѣлаетъ жесты руками, когда находится около больного, она отвѣчала индифферентно: «я ничего не знаю объ этомъ, такъ поступали наши предки, и я научилась этому у моей свекрови *).

---

*) Цитировано по д-ру Токарскому, Терапевт. примѣненіе гипнотизма, изд. 1890 г.

Каждый изъ магнетизеровъ позднѣйшаго времени старался выработать свой методъ магнетизированія, при чемъ замѣтно было стремленіе упростить манипуляціи, употребляемыя при магнетизированіи. Но большинство изъ нихъ держалось пассовъ, считая послѣднія необходимымъ условіемъ при магнетизированіи субъектовъ. Такъ какъ пассы являются самымъ старымъ и самымъ общеупотребительнымъ методомъ при магнетизированіи и употребляются даже нѣкоторыми гипнотизерами для полученія гипнотическаго сна, то было бы интересно установить, откуда взяло свое начало примѣненіе пассовъ. Къ сожалѣнію, никто изъ доступныхъ мнѣ авторовъ не касается этого вопроса. Мнѣ казалось бы, мы могли бы подойти къ уразумѣнью интересующаго насъ вопроса, если-бъ обратили вниманіе на то, что первобытный человѣкъ инстинктивно хватается рукой за больной органъ. Всякому несомнѣнно приходилось чуть не ежедневно наблюдать, что ребенокъ, произведя себѣ ушибъ какой нибудь части тѣла, хватается за ушибленное мѣсто и инстинктивно производитъ потираніе этой части. Такой же пріемъ, вѣроятно, имѣлъ мѣсто и у первобытнаго человѣка. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ легкое потираніе и поглаживаніе больного мѣста приносило и приноситъ несомнѣнное облегченіе, а потому за этимъ методомъ можно было признать значеніе болеутоляющаго средства. Отсюда весьма понятно примѣненіе пассовъ при леченіи различнаго рода болѣзней. Что мое толкованіе не произвольно, подтверждаетъ наблюденіе надъ животными; животное лижетъ больную часть своего тѣла, слѣдовательно, примѣняетъ такія же воздѣйствія на больной органъ, какъ и первобытный человѣкъ. Какъ мы увидимъ изъ дальнѣйшаго, магнетизеры эпохи Месмера придавали пассамъ особое значеніе въ смыслѣ передачи магнетизирующей жидкости отъ магнетизера къ больному. Въ настоящее время значеніе пассовъ утратило прежній смыслъ, такъ какъ, по современнымъ взглядамъ на гипнозъ, пассы не являются необходимостью. Наступленіе гипноза возможно путемъ простого внушенія симптомовъ наступленія сна. Помимо пассовъ, древніе пользовались безсознательно и другими способами, могущими вызывать гипнозъ. Такъ, въ Египтѣ предсказатели приводили себя въ гипнотическое состояніе, пристально смотря на блестящіе предметы. Въ литературѣ описаны предсказатели судьбы, которые гадали на благородныхъ камняхъ, на кристаллахъ, на водѣ или предсказывали судьбу, смотря въ зеркало. По поводу послѣдняго способа гаданья докторъ Симонъ цитируетъ Ибнъ-Халдуна, который, объясняя сущность гаданья, говоритъ: «такъ какъ зрѣніе есть благороднѣйшее изъ чувствъ, то они и отдаютъ ему предпочтеніе. Сосредоточивая свой взглядъ на предметахъ съ гладкой поверхностью, они внимательно созерцаютъ ихъ, пока не увидятъ того, что имъ нужно возвѣстить. Нѣкоторые полагаютъ, что видимый при этомъ образъ обрисовывается на поверхности зеркала, но это не вѣрно. Прорицатель пристально глядитъ на поверхность зеркала, пока она не исчезнетъ и пока между нимъ и зеркаломъ не явится какъ бы завѣса изъ тумана. На этой завѣсѣ выступаютъ

образы, которые онъ желаетъ видѣть, что позволяетъ ему давать положительные или отрицательные отвѣты на предложенные ему вопросы. Прорицатели въ этомъ состояніи не видятъ въ зеркалѣ, у нихъ является совершенно особый родъ воспріятія» [1]).

При современномъ свѣтѣ гипнотизма съ положительностью можно утверждать, что тотъ родъ особаго воспріятія, на который указываетъ Ибнъ Халдунъ есть галлюцинаторные образы, какъ одно изъ проявленій наступившаго гипнотическаго состоянія. Гипнозъ въ данномъ случаѣ наступаетъ, благодаря сосредоточенію вниманія при пристальномъ фиксированіи предмета. При гаданіи наступленію гипноза благопріятствуетъ сопутствующее окуриваніе предсказателей одуряющими веществами и различныя заклинанія, которыя употреблялись въ этихъ случаяхъ.

Въ настоящее время обычай гадать на зеркалахъ сохранился и въ современной Россіи, при чемъ дѣвушка, на святкахъ, въ полночь отправляется въ нетопленную пустую баню и тамъ наводитъ зеркала, съ цѣлью увидать своего суженаго. Во многихъ случаяхъ, какъ извѣстно, дѣвушкѣ удается получить положительный результатъ гаданья. Это и понятно. Приступая къ гаданью, дѣвушка испытываетъ на себѣ массу впечатлѣній, настраивающихъ ее извѣстнымъ образомъ. Въ полночь, когда все окружающее спитъ, она идетъ одна въ темную холодную баню, невольно прислушиваясь къ каждому шороху и даже къ шуму своихъ шаговъ. У нея наступаетъ въ силу этого особое состояніе напряженнаго вниманія и страха. При такихъ условіяхъ вполнѣ объясняется появленіе у нея галлюцинаторныхъ образовъ въ желаемомъ для нея направленіи, отъ фиксаціи блестящей поверхности зеркала.

Въ перечисленныхъ примѣрахъ несомнѣнно имѣется налицо гипнотическое состояніе субъекта, но въ этихъ случаяхъ наступленіе гипнотическаго состоянія интересуетъ субъекта постольку, поскольку оно способствуетъ наступленію галлюцинаторныхъ образовъ. Въ дальнѣйшихъ примѣрахъ, къ которымъ мы переходимъ, достиженіе гипнотическаго состоянія является уже цѣлью, къ которой стремится субъектъ. Это случаи такъ называемаго самогипноза.

Такъ, факиры приводятъ себя въ гипнотическое состояніе, пристально смотря въ теченіе $^1/_4$-ти часа на кончикъ своего носа и сосредоточивъ все свое вниманіе на немъ. Они продолжаютъ фиксировать свой носъ до тѣхъ поръ, пока не увидятъ на кончикѣ его голубоватое пламя, и тогда тѣло ихъ получаетъ способность оставаться въ теченіе многихъ часовъ въ каталептическомъ состояніи и они теряютъ способность ощущать какую бы то ни было боль.

Подобнымъ же образомъ іогисты, принадлежащіе къ сектѣ аскетовъ, послѣдователей философіи санкхіи въ Индіи, за нѣсколько столѣтій до Р. Хр., устремляя все свое вниманіе на кончикъ носа или пальца, приводили себя

[1]) Цитировано по д-ру Симону, «Міръ грезъ», изд. 1890 г.

въ состояніе самогипноза, при чемъ вполнѣ отрѣшались отъ своей личности и впадали въ состояніе полнѣйшаго покоя и безразличія. Это состояніе сопровождалось у аскетовъ способностью ясновидѣнія.

Въ XIV вѣкѣ монахи на Аѳонѣ продолжительнымъ созерцаніемъ пупка приводили себя въ такое состояніе, въ которомъ имъ являлось сіяніе Фавора. По методу, которымъ они пользовались, они получили названіе омфалопсихиковъ. Вотъ подробное описаніе способа, которымъ достигается это божественное видѣніе: «помѣстившись въ углу комнаты, сдѣлай все, какъ я говорю: притвори двери, пусть твой духъ воспаритъ надъ всѣмъ бреннымъ и мимолетнымъ, пусть твоя борода ляжетъ тебѣ на грудь, а очами и духомъ своимъ сосредоточься на срединной точкѣ своего тѣла, на пупкѣ, зажми ротъ и носъ, чтобы дыханіе твое было стѣснено. Внутренно постарайся отыскать то мѣсто сердца, гдѣ расположены всѣ твои способности. Сначала будетъ непроницаемый туманъ и мракъ. Но спустя нѣсколько дней и ночей, о чудо, ты вкусишь несказанное блаженство. Духъ твой узритъ тогда то, чего никогда не видѣлъ: онъ видитъ ослѣпительный свѣтъ, пылающій между сердцемъ и имъ. Свѣтъ этотъ истинный свѣтъ Божій, тотъ свѣтъ, который явился на горѣ Фаворъ» [1]).

Какъ Аѳонскіе монахи, такъ и іогисты путемъ самогипноза приводили себя въ состояніе такъ называемаго религіознаго экстаза, при чемъ мысль ихъ концентрировалась въ продолженіе долгаго времени на одномъ пунктѣ. Въ этомъ состояніи окружающій міръ не производитъ на субъекта никакого впечатлѣнія. Послѣдній чувствуетъ себя внѣ всего окружающаго и становится нечувствительнымъ даже къ сильнѣйшимъ болямъ и переноситъ ихъ съ поразительной выносливостью. Исторія даетъ намъ массу примѣровъ, гдѣ фанатики извѣстной религіозной идеи стоически переносили всевозможныя пытки и мученія.

Этимъ мы оканчиваемъ религіозно-мистическій періодъ исторіи развитія гипнотизма и переходимъ теперь ко второму періоду, въ которомъ начали дѣлать попытки къ систематическому объясненію явленій, наблюдаемыхъ при гипнотизмѣ. Въ этомъ періодѣ не полное всестороннее наблюденіе фактовъ послужило основаніемъ къ теоріи, а, наоборотъ, предвзятая малообоснованная теорія *старалась объяснить наблюдаемые* факты.

До XVI столѣтія всѣ явленія, о которыхъ мы только что говорили, не имѣли никакого сколько-нибудь систематическаго объясненія. Описанные факты, импонируя на окружающихъ, истолковывались, какъ мы видѣли, вмѣшательствомъ въ жизнь человѣка сверхъ-естественныхъ силъ и носили вполнѣ мистическій характеръ. Въ концѣ 15-го столѣтія философъ Агриппа своимъ сочиненіемъ «Philosophia occulta» сдѣлалъ попытку систематизировать имѣющіяся свѣдѣнія по магіи, астрологіи, алхиміи и физикѣ, и въ результатѣ ему удалось получить довольно стройную систему міросозерцанія, при чемъ онъ совершенно

[1]) Цитировано по д-ру Симону loc. cit.

исключаетъ сверхъ-естественный элементъ, а полагаетъ, что всѣ магическія дѣйствія объясняются естественными законами природы. Само собою разумѣется, что законы природы имъ толковались сообразно съ имѣвшимися данными физики Аристотеля и астрономіи Птоломея.

Открытіе и описаніе свойствъ магнита, сдѣланное въ XVI столѣтіи англійскимъ физикомъ Gibbert'омъ, дало новый толчокъ къ объясненію наблюдаемыхъ явленій. Дѣйствительно, притягательная сила магнита, его дѣйствіе на разстояніи, и свойство одного полюса притягивать, а другого отталкивать, несомнѣнно должны были оказать глубокое впечатлѣніе на современниковъ. Значеніе описанныхъ свойствъ магнита еще болѣе усиливалось, благодаря тому, что новое открытіе какъ бы подтверждало воззрѣніе Агриппы, что «всякая вещь тяготѣетъ къ себѣ подобной и всѣмъ своимъ существомъ притягиваетъ себѣ подобную» [1]).

Врачъ Парацельсъ, жившій въ XVI столѣтіи и знакомый съ философіей Агриппы, употребляетъ уже терминъ «магнитъ» для обозначенія всего того, что проявляетъ собою притягательную силу. Онъ первый сталъ примѣнять къ медицинѣ ученіе Агриппы о взаимномъ притяженіи однородныхъ предметовъ, причемъ явился основателемъ леченія симпатическими средствами. При Парацельсѣ было широко распространено леченіе различныхъ болѣзней намагниченными кольцами, браслетами, цѣпями и т. п., которые больные носили на своемъ тѣлѣ. А самъ Парацельсъ приложеніемъ магнита излѣчивалъ кровотеченія, истерію и конвульсіи.

Послѣ Парацельса Антонъ Месмеръ положилъ начало ученію о животномъ магнетизмѣ. Такъ какъ онъ первый широко пропагандировалъ свое ученіе, то его не безъ основанія называютъ творцомъ ученія о животномъ магнетизмѣ. Сначала Месмеръ занимался астрологіей, которая, какъ извѣстно, изучаетъ вліяніе небесныхъ свѣтилъ на человѣка. Затѣмъ онъ сталъ изучать медицину и началъ примѣнять при леченіи больныхъ магнитъ. Вскорѣ онъ оставилъ примѣненіе магнита, такъ какъ тѣхъ же результатовъ онъ достигалъ при посредствѣ пассовъ, производимыхъ надъ больными. Для объясненія сущности дѣйствія пассовъ, онъ остановился на теоріи, что вся вселенная наполнена магнетической жидкостью—флюидомъ. Жидкость эту можно черпать изъ природы и передавать больнымъ. И поэтому Месмеръ при магнетизированіи своихъ больныхъ обращалъ, главнымъ образомъ, свое вниманіе на то, чтобы большіе пальцы его руки были обращены вверхъ для того, чтобы собрать магнетическую жидкость, которую онъ затѣмъ изливалъ на больныхъ, обращая пальцы внизъ. Предполагаемую имъ магнетическую жидкость онъ изливалъ на любую часть тѣла больного: глаза, уши, руки, носъ и т. д. Месмеръ этимъ путемъ достигалъ многихъ исцѣленій. Чудесныя исцѣленія Месмера привлекли

[1]) Д-ръ Леманъ loc. cit.

на него всеобщее вниманіе. Стеченіе больныхъ къ нему было настолько велико, что онъ не былъ въ состояніи ихъ магнетизировать лично, а вскорѣ завелъ себѣ помощника; современемъ и этого оказалось недостаточно. Тогда онъ началъ магнетизировать деревья и изобрѣлъ свою знаменитую лахань, вокругъ которой могли магнетизироваться заразъ нѣсколько человѣкъ. Для полученія лечебнаго эффекта, Месмеръ считалъ необходимымъ появленіе у больныхъ, такъ называемыхъ кризисовъ, которые въ большинствѣ случаевъ выражались наступленіемъ истерическаго припадка съ судорогами и потерей сознанія. Когда у тѣхъ или другихъ больныхъ появлялся кризисъ, то успѣхъ леченія былъ обезпеченъ. Въ тѣхъ случаяхъ, когда кризисъ отсутствовалъ, больные тѣмъ не менѣе довольно рѣзко реагировали на манипуляцію Месмера. Въ виду такихъ явленій, говоритъ очевидецъ Байли, нельзя не признать могущественной силы, властвующей надъ больными и какъ бы исходящей отъ магнетизера. Замѣчено, что изъ больныхъ, впадающихъ въ кризисъ, большинство женщины—мужчинъ мало. Замѣчено также, что кризисъ наступаетъ въ теченіе одного или двухъ часовъ и что, появившись у одного, онъ затѣмъ постепенно, спустя немного времени, обнаруживается и у всѣхъ остальныхъ.

Месмеръ, изложивъ свое ученіе о животномъ магнетизмѣ, обратился съ окружнымъ посланіемъ во многія академіи наукъ, но одна только Берлинская академія обратила вниманіе на сообщеніе Месмера, хотя отнеслась къ нему отрицательно. Такъ какъ слава Месмера, какъ чудеснаго цѣлителя, съ каждымъ годомъ росла, то назначено было въ разное время нѣсколько комиссій для разработки вопроса о животномъ магнетизмѣ. Большинство ученыхъ отвергло ученіе о животномъ магнетизмѣ за отсутствіемъ прямыхъ доказательствъ его существованія. На явленія же, наблюдаемыя у больныхъ, ученые смотрѣли, какъ на продуктъ воображенія, а поэтому отрицательно отнеслись какъ къ самой теоріи, такъ и къ наблюдавшимся фактамъ исцѣленія больныхъ. Вотъ почему весьма долгое время ученіе о животномъ магнетизмѣ совершенно игнорировалось учеными, и наука не касалась вопросовъ о животномъ магнетизмѣ и явленій, связанныхъ съ нимъ.

Между тѣмъ, Месмеръ пріобрѣлъ массу сторонниковъ и послѣдователей, *только* не въ средѣ врачей. Ученіе о животномъ магнетизмѣ распространилось изъ Вѣны и Парижа почти по всѣмъ государствамъ Европы.

Вопреки Месмеру, который считалъ необходимымъ для успѣха леченія появленіе кризисовъ, одному изъ его учениковъ, маркизу Puységur'у, удалось получить во многихъ случаяхъ при посредствѣ пассовъ особое покойное состояніе, похожее на сонъ, но отличающееся отъ послѣдняго тѣмъ, что субъектъ вполнѣ подчиняется волѣ магнетизера. Это такъ называемый сомнамбулизмъ. Puységur разсматривалъ полученное имъ состояніе съ своеобразной точки зрѣнія, совершенно отличающейся отъ современныхъ взглядовъ на сомнамбулизмъ. Puységur полагалъ, что сомнамбулы обладаютъ способностью ясновидѣнья,

и ими можно пользоваться при леченіи, какъ лучшими діагностами въ дѣлѣ распознаванія болѣзней. Самое происхожденіе сомнамбулизма Puységur, подобно Месмеру, объяснялъ вліяніемъ на человѣка магнетической жидкости. При этомъ его взгляды нѣсколько отличались отъ взглядовъ Месмера; такъ, Месмеръ считалъ, что магнетическая жидкость получается магнетизеромъ изъ вселенной, а Puységur полагалъ, что она исходитъ отъ самаго магнетизера.

Около того же времени Ліонскій врачъ Пететенъ, магнетизируя больныхъ, получалъ такъ называемую каталепсію, т.-е. способность тѣла больного принимать и удерживать данное ему положеніе въ пространствѣ. Подобно Puységur'у Пететенъ разсматривалъ полученную имъ каталепсію съ совершенно иной точки зрѣнія, чѣмъ на нее смотритъ современный гипнотизмъ. Его вниманіе привлекало не само явленіе каталепсіи, а тѣ переносы чувствъ, которые, по его мнѣнію, были свойственны каталептическому состоянію. Самые факты переноса чувствъ, будто бы имъ наблюдаемые, онъ объяснялъ большимъ или меньшимъ накопленіемъ магнетической жидкости въ той или иной части тѣла.

Послѣ Puységur'а и Пететена большинство магнетизеровъ стало заниматься вопросами, касающимися ясновидѣнія и переноса чувствъ. И такимъ образомъ, исходя изъ ложнаго объясненія фактовъ, они неминуемо стали на ложный путь.

Несмотря на то, что были открыты, такъ сказать, основные факты современнаго гипнотизма, сомнамбулизмъ и каталепсія, послѣдніе были настолько затемнены ученіемъ о животномъ магнетизмѣ, описаніемъ явленій переноса чувствъ и ясновидѣнія, что потребовался громадный трудъ послѣдующихъ наблюдателей исключительно для того, чтобы освободить эти факты отъ совершенно затемнявшихъ ихъ толкованій. Послѣдующіе изслѣдователи только шагъ за шагомъ устанавливали правильную точку зрѣнія на сущность гипнотическихъ явленій.

Такъ какъ месмеристы, т.-е. послѣдователи Месмера, своими работами не внесли ничего цѣннаго для уразумѣнья гипнотическихъ явленій, то я считаю возможнымъ обойти ихъ молчаніемъ. Укажу только на то, что на первомъ конгрессѣ по гипнотизму въ 1889 году нѣкоторые изъ участвующихъ лицъ считали себя послѣдователями Месмера. На этомъ же конгрессѣ д-ромъ Моллемъ былъ нанесенъ послѣдній ударъ месмеризму, и конгрессъ высказался, что теорія животнаго магнетизма есть результатъ заблужденія и не имѣетъ права на дальнѣйшее существованіе.

Съ 1819 года въ исторіи гипнотизма обнаруживается новое теченіе. Въ этомъ году испанскій аббатъ Фаріа, возвратившись изъ Индіи, обнародовалъ свой трудъ, въ которомъ онъ указываетъ, что ему удается усыплять больныхъ исключительно однимъ словеснымъ приказаніемъ, безъ употребленія какихъ бы то ни было пассовъ. Онъ рѣшительно отвергаетъ существованіе животнаго магнетизма и утверждаетъ, что вся суть дѣла заключается только

въ психикѣ субъекта. На заявленіе Фаріа не было обращено того вниманія, какого оно заслуживало, и оно не было оцѣнено по достоинству современниками. Заслуга Фаріа заключается въ томъ, что онъ первый открылъ истинную природу гипнотическихъ явленій, оцѣнилъ значеніе словеснаго внушенія и упростилъ способы гипнотизированія, уничтоживъ совершенно ненужныя манипуляціи, которыя только затемняли дѣло. Фаріа не создалъ школы. Недостатокъ довѣрія къ нему обусловливался тѣмъ, что онъ давалъ платныя публичныя представленія.

Начало научнаго изученія гипнотизма было положено врачемъ Брэдомъ. Англійскій врачъ Джемсъ Брэдъ, присутствуя въ Манчестерѣ на представленіи извѣстнаго магнетизера Lafontain'а, задался цѣлью изслѣдовать явленія, которыя получалъ Lafontain въ своихъ экспериментахъ. Сначала Брэдъ скептически относился къ опытамъ Lafontain'а, но затѣмъ убѣдился, что многіе факты имѣли реальное основаніе. Это подало ему поводъ болѣе подробно заняться изслѣдованіемъ наблюдаемыхъ имъ явленій. Въ своихъ дальнѣйшихъ работахъ Брэдъ отступилъ отъ практиковавшагося магнетизерами усыпленія пассами, а обратился къ древнему способу вызыванія гипнотическаго сна пристальнымъ разсматриваніемъ блестящаго предмета. Боясь впасть въ невольныя ошибки и заблужденія, Брэдъ первые опыты произвелъ не надъ лицами мало ему извѣстными, а надъ своими друзьями и женой. Вотъ описаніе первыхъ опытовъ Брэда въ этомъ отношеніи. Онъ попросилъ своего друга Валькера пристально смотрѣть на горлышко бутылки, которую онъ держалъ передъ нимъ, нѣсколько выше уровня глазъ, для того, чтобы вызвать утомленіе вѣкъ и глазъ. По прошествіи трехъ минутъ вѣки Валькера закрылись, и онъ впалъ въ глубокій сонъ. Тогда Брэдъ предложилъ своей женѣ подвергнуться тому же опыту. Г-жа Брэдъ охотно согласилась, но заявила, что она думаетъ, что ее не такъ легко усыпить, какъ предыдущаго субъекта. Докторъ Брэдъ предложилъ ей смотрѣть пристально на одно изъ украшеній фарфоровой сахарницы. Черезъ двѣ минуты черты лица г-жи Брэдъ измѣнились, вѣки конвульсивно сжались, и она впала въ сонъ. Затѣмъ опытъ былъ повторенъ надъ слугой, который не имѣлъ никакого понятія ни о магнетизмѣ, ни о томъ, что отъ него ожидали. Черезъ двѣ минуты у слуги удалось вызвать глубокій сонъ, какъ и въ предыдущихъ двухъ случаяхъ [1]).

Эти опыты дали основаніе Брэду смотрѣть на вызванныя имъ явленія, какъ на чисто психическія; при чемъ онъ категорически высказался, что въ данномъ случаѣ не можетъ быть никакой рѣчи о вліяніи магнетической жидкости, а также и самого гипнотизера на магнетизируемаго. Брэдъ опредѣляетъ полученный имъ сонъ, какъ «особое состояніе нервной системы, полученное сосредоточеніемъ вниманія при разсмотрѣніи предмета, который самъ по себѣ

[1]) Deuxième congrés international de l'hypnotisme. Paris. 1902.

не обладаетъ снотворнымъ дѣйствіемъ» [1]). Означенное состояніе онъ назвалъ гипнотизмомъ для того, чтобы отличить его отъ явленій, наблюдаемыхъ при месмеризмѣ. Брэдъ находилъ это тѣмъ болѣе необходимымъ, что ему при его опытахъ не удавалось получать тѣхъ явленій, которыми занимались месмеристы, напр., ясновидѣнія, чтенія мыслей, внушенія на разстояніи и проч. Такимъ образомъ, Брэдъ не могъ вполнѣ высказаться противъ месмеризма, а допускалъ на ряду съ гипнотизмомъ существованіе месмеризма. Поэтому современные Брэду магнетизеры не видѣли ничего новаго въ его открытіи, и даже магнетизеръ Lafontain по поводу открытія Брэда воскликнулъ: «о idem, трижды idem».

А между тѣмъ со времени Брэда терминъ гипнотизмъ вошелъ во всеобщее употребленіе и имъ стали обозначать явленія, наблюдаемыя при искусственно вызванномъ снѣ. Брэдъ, вызывая наступленіе гипнотическаго сна у больныхъ, пользовался имъ для лечебныхъ цѣлей. Въ виду успѣшности леченія и его новизны Брэдъ обратился въ Британское ученое общество съ предложеніемъ сдѣлать сообщеніе о новомъ методѣ леченія. Ученое общество сняло съ очереди докладъ д-ра Брэда, такъ какъ не пожелало его выслушать. Глубоко оскорбленный таким отношеніемъ учаныхъ, Брэдъ прочелъ публичную лекцію, въ которой изложилъ при громадномъ стеченіи публики свой методъ леченія и достигнутые имъ результаты. По словамъ современниковъ, никогда не было столь громаднаго собранія публики, какъ на лекціи Брэда. Вскорѣ послѣ этого Брэдъ издалъ свой знаменитый трудъ «Neurypnologie— traité du sommeil nerveux ou hypnotisme», въ которомъ описалъ способы вызыванія гипнотическаго состоянія, явленія, наблюдаемыя при немъ, и лечебные результаты, достигнутые имъ. Онъ описываетъ примѣненіе гипнотическаго состоянія при хирургическихъ операціяхъ, перечисляетъ много случаевъ излеченія упорныхъ головныхъ болей, ревматизма, невралгіи, потери голоса, судорогъ и проч. Брэдъ умеръ въ неизвѣстности въ 1860 г.

Его труды, какъ и самъ авторъ, мало обратили на себя вниманія современниковъ; только д-ръ Азамъ, познакомившійся съ методомъ Брэда, продолжалъ во Франціи изслѣдованія надъ гипнотизмомъ.

Въ своихъ изслѣдованіяхъ, опубликованныхъ въ одномъ медицинскомъ журналѣ, Азамъ даетъ слѣдующее опредѣленіе гипнотизму: «гипнотизмъ есть особенный способъ для полученія нервнаго сна или искусственнаго сомнамбулизма, сопровождаемаго анестезіей (потеря чувствительности), гиперестезіей (повышеніе чувствительности), каталепсіей и другими явленіями, касающимися нервно-мускульной сферы» [2]).

Азамъ полагалъ, что путемъ настойчиваго примѣненія метода можно

---

[1]) Braid. «Traité du sommeil nerveux ou hypnotisme», стр. 19.

[2]) Deuxième congrès internatinal de l'hypnotisme, стр. 32.

вызвать гипнотическій сонъ у большинства людей, а равно всѣ явленія, характерныя для него. *Во Франціи* впервые гипнотизмъ былъ примѣненъ въ хирургической практикѣ. Многіе хирурги пользовались гипнотической анестезіей для производства операцій безъ боли. Но такъ какъ анестезія получается не у всѣхъ больныхъ въ одинаковой степени, или нерѣдко этой анестезіи оказывается недостаточно для того, чтобы сдѣлать операцію безболѣзненной, то хирурги, по прошествіи года, отказались отъ примѣненія гипнотизма при операціяхъ. Одновременно съ *Азамомъ* гипнотизмомъ занимался д-ръ *Дюранъ де Гро.*

Въ 1860 году онъ прочелъ 2 публичныя лекціи по гипнотизму и затѣмъ издалъ эти лекціи подъ заглавіемъ: «курсъ Брэдизма или нервнаго гипнотизма». Въ своихъ лекціяхъ онъ подробно разработалъ методъ гипнотизированія. Въ гипнотическомъ снѣ *Дюранъ де Гро* различаетъ два періода. Первый періодъ, такъ сказать, подготовительный, который онъ называетъ гипотаксіей, характеризующійся усиленіемъ внушаемости человѣка, и второй періодъ — активный, названный имъ идеопластическимъ. *Дюранъ де Гро* предсказывалъ великую роль, какую гипнотизмъ будетъ играть въ медицинѣ и въ психологіи. Онъ указываетъ также на значеніе гипнотизма въ судебной медицинѣ и въ человѣческой культурѣ.

Первый, начавшій примѣнять гипнотизмъ систематически при леченіи больныхъ, былъ д-ръ Liébault изъ Нанси, и его по справедливости считаютъ отцомъ современнаго гипнотизма. Онъ такъ же, какъ и аббатъ Фаріа, вызывалъ гипнотическій сонъ однимъ словеснымъ внушеніемъ. Между тѣмъ, какъ Фаріа при усыпленіи внезапно наступалъ на больного съ распростертыми руками и съ громкимъ возгласомъ: спите; Liébault усыплялъ своихъ больныхъ тихимъ, ласковымъ словомъ, предварительно успокоивая ихъ, а затѣмъ послѣдовательно внушая имъ симптомы наступленія сна. Liébault различаетъ легкій и глубокій сонъ или сомнамбулизмъ. Послѣдній характеризуется полнымъ подчиненіемъ субъекта волѣ гипнотизера и полной потерей воспоминанія при пробужденіи. Liébault смотритъ на гипнотическій сонъ, какъ на чисто психологическое явленіе. Онъ указалъ также на роль внушаемости, присущей человѣку, и на усиленіе этой внушаемости подъ вліяніемъ гипноза.

Liébault пользовался гипнозомъ, преимущественно, для леченія больныхъ и получалъ массу благопріятныхъ результатовъ, что привлекало къ нему громадное число больныхъ. Результаты своихъ наблюденій и достигнутыхъ излеченій Liébault опубликовалъ въ своемъ трудѣ «Le sommeil et les états analogues» въ 1860 году. Первоначально книга эта не произвела того впечатлѣнія на врачей, какое она должна была бы произвести по существу затронутыхъ вопросовъ. Индиферентизмъ врачей объясняется тѣмъ обстоятельствомъ, что они со времени Месмера сознательно игнорировали всѣ вопросы, связанные съ месмеризмомъ, брэдизмомъ и гипнотизмомъ. Требовалось могучее

имя профессора Charcot для того, чтобы врачи обратили свое вниманіе на гипнотическія явленія и стали научно изучать послѣднія. Когда же врачи познакомились съ трудами д-ра Liébault, то онъ нашелъ массу послѣдователей, которые оцѣнили, насколько они важны для уразумѣнія фактовъ гипнотизма и какъ велика заслуга Liébault—перваго врача, систематически примѣнявшаго гипнозъ съ терапевтической цѣлью.

Что значеніе д-ра Liébault достаточно оцѣнено современниками, свидѣтельствуетъ слѣдующій фактъ. Въ 1903 году исполнилось 70-лѣтіе д-ра Liébault. Слабый, вслѣдствіе болѣзни и возраста, онъ удалился отъ свѣта и жилъ въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ въ тиши. Онъ рѣшилъ поселиться навсегда въ Нанси, но прежде, чѣмъ привести въ исполненіе свое намѣреніе, онъ пожелалъ въ послѣдній разъ взглянуть на отцовскій кровъ и селенья, гдѣ онъ провелъ свою юность. Подъѣхавъ къ дому, гдѣ онъ родился, онъ былъ пораженъ и глубоко тронутъ, увидавъ на немъ слѣдующую надпись на доскѣ изъ бѣлаго мрамора: «Въ этомъ домѣ 16 сентября 1823 года родился докторъ медицины Ambroise Auguste Liébault, скромный врачъ и добродѣтельный человѣкъ, открывшій новую эру въ медицинскихъ наукахъ. Послѣдняя началась со времени его открытія: методическаго примѣненія внушенія и искусственнаго сна при леченіи болѣзней [1]). Эта надпись подписана многими выдающимися учеными всѣхъ странъ, изъ которыхъ большинство было его учениками. Д-ръ Liébault создалъ школу, которая носитъ наименованіе Нансійской. Между его послѣдователями и учениками слѣдуетъ назвать д-ровъ: профессора Bernheim, Liégois, Beaunis, Auguste Voisin. Хотя изъ перечисленныхъ лицъ многіе оказали ту или другую услугу въ дѣлѣ изученія гипнотическихъ явленій и примѣненіи гипноза съ лечебной цѣлью, но мы остановимся только на профессорѣ Bernheim и на Саратовцѣ, покойномъ А. А. Токарскомъ.

Послѣдній былъ піонеромъ гипнотизма въ Россіи. Благодаря своимъ трудамъ по гипнозу, онъ далъ возможность русскимъ врачамъ познакомиться съ гипнотическими явленіями и указалъ на значеніе, какое имѣетъ гипнотизмъ въ терапіи болѣзней и въ педіатріи. Главная же заслуга покойнаго Токарскаго состоитъ въ томъ, что онъ открылъ въ Московскомъ Университетѣ каѳедру по гипнотизму и основалъ при Университетѣ психологическую лабораторію [2]).

Къ сожалѣнію, ранняя смерть положила предѣлъ его серьезной и полезной дѣятельности.

---

[1]) «Revue del'hypnotisme». 1903.

[2]) Не отрицая серьезныхъ заслугъ А. А. Токарскаго по гипнотизму у насъ въ Россіи, мы полагаемъ, что и ранѣе А. А. Токарскаго въ Россіи были врачи, занимавшіеся гипнотизмомъ. Что же касается чтенія лекцій по гипнотизму, то напр. въ Военно-Мед. Академіи таковыя читаются регулярно съ 1894 года.

Прим. ред

Что касается до профессора Bernheim'а, то о немъ мы скажемъ нѣсколько словъ дальше, а теперь перейдемъ къ другой школѣ гипнотизма въ Сальпетріерѣ. *Главная* заслуга профессора Charcot состоитъ въ томъ, что онъ, заинтересовавшись гипнотическими явленіями, началъ ихъ изучать въ своей клиникѣ и, такимъ образомъ, обратилъ на нихъ всеобщее вниманіе ученаго міра.

Въ 1878 году, когда профессоръ Charcot занялся изученіемъ симптомовъ большой истеріи, вниманіе его было остановлено на гипнотическихъ явленіяхъ, которыя появляются у его больныхъ самопроизвольно. Это привело Charcot къ экспериментальному изученію гипнотическихъ явленій. Такъ какъ Charcot имѣлъ дѣло только со страдающими большой истеріей, то наблюденія и выводы его касаются исключительно гипнотизма истеричныхъ. Какъ показалъ опытъ, гипнотизмъ у истеричныхъ вызываетъ своеобразныя явленія, особенно въ тѣхъ случаяхъ, когда въ опытахъ элементъ прямого или косвеннаго внушенія не будетъ совершенно устраненъ. Основываясь на своихъ наблюденіяхъ, профессоръ Charcot установилъ три характерныя фазы гипнотизма: летаргію, каталепсію и сомнамбулизмъ, и указалъ методы полученія той или иной фазы.

На самый же гипнотизмъ профессоръ Charcot смотрѣлъ, какъ на искусственно вызванный неврозъ, который получается только у истеричныхъ. Такъ какъ Charcot по преимуществу занимался изученіемъ внѣшнихъ проявленій гипнотизма, то онъ мало обратилъ вниманія на лечебное значеніе гипноза и на роль его въ терапіи болѣзней. Незадолго до своей смерти Charcot опубликовалъ интересную брошюру подъ заглавіемъ: цѣлительное значеніе вѣры. Въ этой брошюрѣ онъ изложилъ результаты своихъ терапевтическихъ наблюденій надъ больными своей клиники.

Послѣ смерти Charcot каѳедру его занялъ профессоръ Raymond. Заслуга послѣдняго состоитъ въ томъ, что онъ шире взглянулъ на вопросы гипнотизма, сравнительно съ профессоромъ Charcot. Послѣдній интересовался гипнозомъ и работалъ надъ нимъ только съ точки зрѣнія экспериментальной и физіологической, тогда какъ профессоръ Raymond главное вниманіе обратилъ на изученіе гипнотизма съ точки зрѣнія психологической и лечебной. Между послѣдователями школы въ Сальпетріерѣ слѣдуетъ назвать: Ladame, Bourneville et Regnault, Tamburini et Sepilli, Paul Richet, Féré et Binet, Glles de la Tourette, Pitres et Babinsky. Благодаря трудамъ профессора Charcot и учениковъ его— д-ровъ Pitres и Бабинскаго, вопросъ объ истеріи и объ отношеніи ея къ гипнозу получилъ значительную разработку и освѣщеніе. Тотъ же вопросъ объ истеріи и объ отношеніи ея къ гипнозу разрабатывался и Нансійской школой, во главѣ съ профессоромъ Bernheim'омъ. Здѣсь умѣстно отмѣтить, что до сего времени существуетъ антагонизмъ между обѣими школами по гипнотизму, именно: школой въ Сальпетріерѣ и Нансійской.

Первая школа считаетъ гипнозъ особымъ неврозомъ, сходнымъ съ истеріей,

и полагаетъ, что характерный гипнозъ Charcot можетъ быть вызванъ исключительно у истеричныхъ.

Вторая школа полагаетъ, что явленія гипноза могутъ быть вызваны почти у каждаго человѣка. По статистикѣ iébault, въ 1880 г. изъ 1011 случаевъ гипнотизированія усыпленіе не удалось въ 27 случаяхъ. По статистикѣ Beaunis за 1885 годъ изъ 100 человѣкъ поддаются гипнозу 91,7%; слѣдовательно только 8,3% не могутъ быть загипнотизированы [1]). Дальнѣйшее различіе между школой въ Сальпетріерѣ и Нанси состоитъ въ томъ, что первая до вступленія профессора Raymond не употребляла гипноза съ лечебной цѣлью, тогда какъ вторая занимается почти исключительно гипнозомъ съ терапевтической цѣлью. Затѣмъ, послѣдователямъ Нансійской школы не удавалось получить типическаго гипноза Charcot даже у лицъ, страдающихъ большой истеріей. Объясняется это тѣмъ, что Нансійская школа, вполнѣ освѣдомленная относительно громаднаго значенія косвенныхъ внушеній на происхожденіе тѣхъ или другихъ гипнотическихъ явленій, сознательно старается не вводить элементъ внушенія въ своихъ опытахъ надъ истеричными. Съ другой стороны, если экспериментаторъ сознательно вноситъ элементъ косвеннаго внушенія при опычахъ съ истеричными, то тогда несомнѣнно удается получить у нихъ типитескій гипнозъ Charcot, особенно при повторныхъ сеансахъ, когда у субъекта пріобрѣтается извѣстная привычка къ гипнозу. Убѣдительные опыты въ этомъ отношеніи были произведены главой Нансійской школы, профессоромъ Bernheim'омъ. Онъ въ продолженіе 20 лѣтъ занимается изученіемъ гипнотическихъ явленій и примѣненіемъ гипноза съ лечебной цѣлью. Результаты его изслѣдованій и наблюденій изложены имъ въ трудахъ: «De la suggestion et de ses applications à la thérapeutique» и «Hypnotisme. Suggestion. Psychothérapie». Труды эти по своему достоинству должны быть настольной книгой каждаго врача, занимающагося гипнотизмомъ. Познакомившись съ методомъ д-ра Liébault и будучи его ученикомъ, профессоръ Bernheim пошелъ дальше своего учителя.

Своими опытами онъ доказалъ, что искусственно вызванный или гипнотическій сонъ не безусловно необходимъ для полученія гипнотическихъ явленій, что всѣ явленія, какъ-то: каталепсія, анестезія, внушенное дѣйствіе, галлюцинаціи, и также терапевтическіе результаты можно получить у подходящихъ субъектовъ въ состояніи бодрствованія, безъ всякихъ предварительныхъ манипуляцій, при помощи одного только утвержденія. Далѣе профессоръ Bernheim высказывается категорически противъ существованія особаго гипнотическаго сна, а признаетъ его только иллюзіей сна, вызванной внушеніемъ. Въ виду громаднаго интереса даннаго вопроса, я не могу отказать себѣ въ удовольствіи

[1]) Д-ръ I. В. Вяземскій. Примѣненіе лечебныхъ внушеній въ состояніи естественнаго сна. Труды Сар. Общ. Естествоват. 1902 г.

представить описаніе опытовъ профессора Bernheim въ его собственномъ изложеніи.

Прежде чѣмъ приводить описаніе опытовъ Bernheim'а я долженъ сказать, что обыкновенный путь для полученія гипнотическихъ явленій, именно, каталепсіи, анэстезіи и проч., состоитъ въ томъ, что субъекта усыпляютъ, примѣняя тотъ или другой методъ усыпленія. Когда у субъекта удалось получить сонъ, то тогда вызываютъ у него путемъ внушенія соотвѣтствующія явленія.

Профессоръ Bernheim въ своихъ опытахъ идетъ нѣсколько инымъ путемъ; предварительно онъ не усыпляетъ субъекта, а имѣетъ дѣло съ человѣкомъ въ бодрственнымъ состояніи. Для того, чтобы доказать, что сонъ не необходимъ для полученія гипнотическихъ явленій, говоритъ Bernheim, я начинаю у субъекта гипнозъ не внушеніемъ сна, а внушеніемъ, касающимся движенія и чувствительности. Я поднимаю руки субъекта вверхъ: онѣ остаются въ данномъ имъ положеніи, онъ не можетъ ими двигать: это каталепсія. Къ этому я присоединяю анальгезію, говоря: «Ваше тѣло становится нечувствительнымъ». При этомъ я его колю, онъ не высказываетъ никакой боли. «Вы должны встать и ходить». Онъ начинаетъ ходить, будучи не въ силахъ оказать мнѣ сопротивленіе. «Возьмите вотъ яблоко». И онъ ѣстъ воображаемое яблоко. Всѣ эти внушенія исполнены имъ въ совершенно бодрственномъ состояніи. Субъектъ въ полномъ сознаніи, имѣетъ вполнѣ бодрствующій видъ, онъ сохраняетъ воспоминаніе рѣшительно обо всемъ. Тогда только я говорю ему: спите. Онъ закрываетъ глаза и спитъ, продолжая ходить. Сонъ или сходное съ нимъ сноподобное состояніе явились результатомъ спеціальнаго внушенія, что, однако, не представляло необходимости для достиженія всего предыдущаго. Въ этомъ опытѣ я началъ серію внушеній, вызывая каталепсію, анальгезію, дѣйствія, галлюцинаціи, и закончилъ сномъ. Не доказалъ ли я такимъ образомъ, что сонъ или идея сна также, какъ каталепсія и галлюцинаціи, представляютъ собою одно изъ явленій, вызванныхъ гипнотическимъ вліяніемъ, и что сонъ не представляетъ собою обязательнаго начальнаго явленія, не служитъ главнымъ факторомъ для достиженія остальныхъ явленій? Эти послѣднія явленія могутъ быть разобщены отъ сна такъ же, какъ и другъ отъ друга; внушеніе можетъ быть и безъ сна. Всѣ явленія, называемыя гипнозомъ, могутъ быть и безъ сна».

Второй примѣръ взятъ мною также у профессора Bernheim'а. Онъ поучителенъ въ томъ отношеніи, что показываетъ, что гипнотическій сонъ представляетъ собою иллюзію сна.

Передъ нами дама, гаворитъ профессоръ Bernheim, которой я внушаю сонъ. Я съ ней разговариваю, она мнѣ отвѣчаетъ; она въ полномъ сознаніи, ея умъ работаетъ ясно, выражаясь даже въ остроумныхъ самостоятельныхъ замѣчаніяхъ. Я веду съ ней слѣдующій разговоръ: «Не забудьте, говоритъ она, придти ко мнѣ пить чай въ будущій понедѣльникъ. Когда вы будете уѣзжать,

попросите горничную посвѣтить вамъ». Я хочу вызвать у нея галлюцинацію, но она говоритъ мнѣ: «докторъ, вы вѣдь знаете, что это у меня не удается». Она встаетъ, ходитъ взадъ и впередъ, объясняетъ мнѣ свою болѣзнь и совѣтуется со мной, какъ лицо, находящееся въ бодрственномъ состояніи. Она продолжаетъ со мной разговаривать; когда я ей говорю рѣшительно: проснитесь, она открываетъ глаза. Все исчезло. Она ничего не помнитъ. Она убѣждена, что спала. Былъ ли это сонъ? спрашиваетъ профессоръ Bernheim? Я думаю, что это была иллюзія сна. Такъ какъ Bernheim совершенно отрицаетъ существованіе особаго гипнотическаго сна, а всю суть явленій видитъ въ присущей каждому человѣку внушаемости, то онъ рекомендуетъ совершенно отказаться отъ слова гипнозъ, а замѣнить его болѣе соотвѣтственнымъ словомъ, именно: усиленіе внушаемости. Употребленіе слова гипнозъ, по Bernheim'у, имѣетъ еще то неудобство, что оно невольно ассоціируется съ магнетизмомъ, месмеризмомъ и брэдизмомъ и тѣмъ самымъ можетъ вносить путаницу понятій.

Мы познакомились въ краткихъ чертахъ съ профессоромъ Bernheim и профессоромъ Charcot, главными представителями Нансійской школы и школы въ Сальпетріерѣ, и дали краткую характеристику той и другой школы.

Справедливость требуетъ упомянуть еще объ одномъ лицѣ, которое весьма много сдѣлало въ смыслѣ научной разработки вопросовъ, связанныхъ съ гипнотизмомъ. Я говорю о докторѣ Dumonpallier. Послѣдній извѣстенъ своими трудами по изслѣдованію периферической чувствительности истеричныхъ подъ вліяніемъ различныхъ физическихъ агентовъ. Главная же его заслуга состоитъ въ томъ, что онъ положилъ начало гипнотической школѣ, носящей названіе школы въ Pitié. Ученики Dumonpallier организовали, подъ его покровительствомъ, психо-физіологическій институтъ въ Парижѣ. Этотъ институтъ имѣетъ цѣлью доставить врачамъ и студентамъ практическое ознакомленіе по всѣмъ вопросамъ, которые имѣютъ отношеніе къ гипнотизму, психологіи и педагогикѣ. Институтъ распадается на 4 отдѣленія: 1) школу психологіи, 2) психологическую лабораторію, 3) диспензарій (особый родъ лечебницы) для нервныхъ больныхъ и для педагогическихъ цѣлей, 4) психологическій музей. Институтъ обставленъ всѣмъ необходимымъ для производства научныхъ изслѣдованій.

При школѣ психологіи организованы слѣдующія кафедры: 1) кафедра по лечебному гипнотизму, 2) по эксперементальному гипнотизму, 3) по соціологическому гипнотизму, 4) по психологіи нормальной и патологической, 5) по психологіи преступленій, 6) по психологіи толпы, 7) по сравнительной анатоміи и психологіи и 8) по психологіи животныхъ.

Среди профессоровъ слѣдуетъ назвать профессоровъ Felix, Regnault, Berillon и Paul Farez; Felix Regnault, занимающій кафедру по соціальному гипнотизму, извѣстенъ своими цѣнными изслѣдованіями въ области религіозныхъ внушеній.

Профессоръ Berillon, ближайшій ученикъ д-ра Dumonpallier, выдѣляется

своими трудами по примѣненію гипнотическихъ внушеній въ педагогикѣ. Онъ первый обратилъ вниманіе на значеніе гипнотизма въ дѣтской практикѣ, при леченіи онанизма, привычнаго кусанія ногтей, клептоманіи, недержанія мочи. Многочисленныя клиническія наблюденія профессора Berillon установили правильную точку зрѣнія на леченіе гипнотизмомъ болѣзней воли, измѣненія характера, алкоголизма, морфинизма, злоупотребленія табакомъ и проч. Рядомъ несомнѣнныхъ фактовъ Berillon доказалъ, какую подчасъ незамѣнимую услугу можетъ оказать гипнотизмъ при леченіи вышеперечисленныхъ страданій. Былъ сдѣланъ цѣнный вкладъ въ науку, именно, указано средство для борьбы съ такимъ народнымъ бѣдствіемъ, какъ алкоголизмъ, не говоря уже о порочныхъ наклонностяхъ и слабости воли, которыя до сего времени не поддавались обычнымъ лечебнымъ средствамъ. Второй заслугой проф. Berillon можно поставить то обстоятельство, что онъ состоитъ редакторомъ ежемѣсячнаго журнала «Revue de l'hypnotisme», который служитъ оффиціальнымъ органомъ гипнологическаго и психологическаго общества въ Парижѣ. Это общество въ прошломъ году праздновало 13-лѣтіе своего существованія. На страницахъ «Revue de l'hypnotisme» появляются всѣ выдающіеся труды по гипнотизму и психологіи; поэтому этотъ журналъ для лицъ, интересующихся гипнозомъ, представляетъ громадное значеніе.

Кромѣ профессоровъ Regnault и Berillon, мы не можемъ пройти молчаніемъ профессора Paul Farez, которому наука обязана детальной разработкой метода внушенія во время естественнаго сна. Трудъ Farez въ значительной степени расширилъ кругъ примѣненія гипнотизма съ лечебной цѣлью. Это станетъ понятно, если принять во вниманіе, что на практикѣ существуютъ субъекты, частью здоровые, частью больные, которые не могутъ пользоваться благами гипнотизма вслѣдствіе того, что они не могутъ быть усыплены обычными способами. Методъ д-ра Farez, давая возможность дѣйствовать на больныхъ внушеніемъ во время естественнаго сна, облегчилъ примѣненіе гипнотизма у лицъ, ранѣе не доступныхъ этому методу леченія. Въ настоящее время профессоръ Paul Farez занятъ вопросомъ о психологіи наркотизированныхъ. Судя по предварительно опубликованнымъ даннымъ, работа эта обѣщаетъ въ будущемъ значительно расширить наши умственные горизонты.

Психологія, психіатрія и юриспруденція не остались чужды вопросамъ, связаннымъ съ изученіемъ гипнотизма. Въ лицѣ професора Jules Voisin и профессора Liegois, эти отрасли человѣческихъ знаній нашли достойныхъ изслѣдователей.

Къ сожалѣнію, я не могу входить въ болѣе подробное разсмотрѣніе трудовъ, вышедшихъ изъ психо-физіологическаго института. Мнѣ думается, что и сказаннаго достаточно для того, чтобы вынести впечатлѣніе, что психо-физіологическій институтъ въ Парижѣ имѣетъ громадное значеніе для вполнѣ научнаго изученія вопросовъ, связанныхъ съ гипнотизмомъ. Уже одинъ пере-

ченъ кафедръ института показываетъ, насколько широко и всесторонне поставлена въ немъ разработка вопросовъ. Только благодаря правильной научной постановкѣ дѣла, институту суждено играть выдающуюся роль въ исторіи развитія современнаго научнаго гипнотизма.

М. Г. Въ своемъ изложеніи я намѣренно остановилъ Ваше вниманіе на развитіи гипнотизма исключительно во Франціи. Во Франціи впервые было положено начало лечебному и экспериментальному изученію гипнотизма. Тамъ же образовались двѣ школы, начавшія изученіе гипнотизма съ различныхъ точекъ зрѣнія; благодаря Франціи, ученый міръ обратилъ вниманіе на гипнотизмъ и призналъ его значеніе, какъ лечебнаго метода. Во Франціи было положено основаніе научной разработкѣ явленій гипнотизма и всѣхъ соприкасающихся съ нимъ вопросовъ. Изъ Франціи гипнотизмъ распространился по всѣмъ странамъ свѣта.

Въ настоящее время съ положительностью можно сказать, что нѣтъ ни одной цивилизованной страны, въ которой бы не интересовались гипнотизмомъ, и если не производятъ самостоятельно изслѣдованій, то во всякомъ случаѣ примѣняютъ его съ лечебной цѣлью.

Перечислять авторовъ, занимавшихся гипнотизмомъ и писавшихъ о немъ, считаю не достигающимъ цѣли, такъ какъ удержать ихъ въ памяти при бѣгломъ перечисленіи нѣтъ никакой физической возможности; однообразіе же перечисленія можетъ оказать только гипнотизирующее дѣйствіе на слушателей. Само собою понятно, это не входитъ въ мою задачу.

Я былъ бы вполнѣ удовлетворенъ, если-бъ мой скромный трудъ возбудилъ интересъ къ вопросамъ, связаннымъ съ гипнотизмомъ, и если бы въ умѣ слушателей мнѣ удалось запечатлѣть образъ грандіознаго, стройнаго зданія современнаго гипнотизма, выросшаго изъ мрака суевѣрія и мистицизма, которыми былъ окутанъ въ продолженіе вѣковъ гипнотизмъ и которые совершенно затемняли истинный смыслъ явленій.

За послѣднее двадцатилѣтіе завѣса таинственности дружнымъ усиліемъ изслѣдователей наконецъ, порвана, и мы присутствуемъ теперь на торжествѣ науки, которая изученіемъ гипнотизма уже вынесла массу цѣнныхъ данныхъ и въ будущемъ обѣщаетъ совершенно измѣнить наши воззрѣнія на многіе вопросы, касающіеся душевной жизни человѣка.

Всѣмъ этимъ наука обязана отцу современнаго ученія о гипнотизмѣ, доктору Ambroise Auguste Liébault.

Мм. Гг. Вы только что слышали, какъ былъ оцѣненъ и почтенъ д-ръ Liébault по случаю исполнившагося 70-лѣтія его жизни. Почтимъ же и мы д-ра Liébault тѣмъ, что взглянемъ еще разъ на него, какъ на человѣка, оказавшаго великую услугу всему человѣчеству. Вы видите его, убѣленнаго сѣдинами, но съ короткими и все еще ясными глазами. Работать теперь онъ уже не въ состояніи, но духъ его живетъ и будетъ жить среди его учениковъ и послѣдователей.

Подобно тому какъ сейчасъ мракъ и темнота смѣнились яркимъ свѣтомъ, такъ и д-ръ Lieubault своими трудами вывелъ ученіе о гипнотизмѣ изъ царства мрака и невѣжества къ свѣту и истинѣ.

Теорія Шопенгауера о безуміи и «Гамлетъ» Шекспира.

Р. В. Гебгарда.

Въ § 36 перваго тома, дополненномъ § 32 второго тома своего сочиненія «Міръ какъ воля и представленіе», Шопенгауеръ, опредѣляя безуміе, утверждаетъ, что оно не что иное, какъ «разорванная нить равномѣрно длящагося воспоминанія». Каждое событіе въ нашей жизни, по мнѣнію Шопенгауера, должно усваиваться разумомъ и «получить мѣсто въ системѣ истинъ, относящихся къ нашей волѣ и ея интересу», хотя бы при этомъ событію этому и пришлось вытѣснить изъ нашего разума другіе, быть можетъ, очень дорогіе и цѣнные для насъ факты и истины. Этотъ процессъ усвоенія или «ассимиляціи» иногда представляется очень болѣзненной, трудной и медленной операціей. Если же эта операція вслѣдствіе упорнаго нежеланія нашей воли принять или усвоить какое-либо событіе не удается, если разумъ не въ состояніи воспринять какое-либо событіе вслѣдствіе того, что оно слишкомъ ужасно, что «воля не переноситъ его вида», то налицо безуміе. Нить воспоминанія въ такомъ случаѣ разрывается и въ немъ образуется пробѣлъ, который волей и разумомъ восполняется чѣмъ-либо другимъ.

Въ виду этого, сущность безумія, по Шопенгауеру, состоитъ въ томъ, что человѣкъ «выбиваетъ себѣ изъ головы» какую-либо вещь, что однако возможно только, «вбивая себѣ въ голову» другую. Рѣже наблюдается обратный процессъ, когда вещь сперва «вбивается въ голову», а затѣмъ уже «выбивается» другая. Но онъ возможенъ въ тѣхъ случаяхъ, когда кто-либо «постоянно видитъ предъ собою поводъ, вслѣдствіе котораго онъ помѣшался и не въ состояніи отъ него освободиться», такъ, напримѣръ, «при безуміи, развившемся *вслѣдствіе внезапнаго, страшнаго событія*». Въ заключеніе Шопенгауеръ замѣчаетъ, что онъ изобразилъ «развитіе безумія въ томъ видѣ, въ какомъ оно возникаетъ у лицъ, повидимому, здоровыхъ, вслѣдствіе большого несчастія». Поэтому теорія его не касается случаевъ безумія, развившагося только вслѣдствіе патологической организаціи нервной системы и спеціальныхъ заболѣваній мозга.

Приступая къ критической оцѣнкѣ теоріи Шопенгауера, не трудно видѣть, что она въ сущности обнимаетъ только одинъ изъ частныхъ случаевъ безумія, но не объясняетъ безумія въ принципѣ и поэтому не можетъ служить общей теоріей о безуміи, какъ думаетъ Шопенгауеръ. Если даже исключить всѣ случаи заболѣванія мозга и нервной системы, какъ это и дѣлаетъ Шопенгауеръ, то и

тогда остается много видовъ безумія, которыхъ теорія Шопенгауера объяснить не въ состояніи. Насильственное вторженіе и вытѣсненіе изъ памяти и сознанія разныхъ впечатлѣній и связанныя съ нимъ психическія заболѣванія хорошо извѣстны и современной психіатрической наукѣ, но это все-таки только частный случай, только одинъ изъ видовъ душевнаго разстройства *). Тѣмъ не менѣе, хотя попытка Шопенгауера создать общую теорію о безуміи, не удалась, нельзя отрицать того, что описываемый имъ случай и для современнаго психіатра имѣетъ большое практическое значеніе. Изображенное Шопенгауеромъ психическое состояніе, все равно, назовемъ ли мы его «безуміемъ» или какимъ-либо другимъ терминомъ, встрѣчается въ жизни каждаго человѣка; оно притомъ крайне тягостно, мучительно, и несомнѣнно можетъ вызвать безуміе, разъ почва для него подготовлена слабостью нервной системы или другими ея дефектами.

Самъ Шопенгауеръ въ подтвержденіе своей теоріи ссылается на біографію Будды, въ которой сообщается, что въ моментъ рожденія Будды всѣ безумные «обрѣли свою память», и на драму Карла Гоцци «Monstro turchino», въ которой изображается лицо, отвѣдавшее напитка, приводящаго въ забвеніе, и вслѣдствіе этого представляющееся совершенно безумнымъ. Но что въ «Гамлетѣ Шекспира художественно изображенъ именно тотъ случай, который такъ занималъ Шопенгауера, этого онъ самъ, очевидно, не замѣтилъ, ибо иначе онъ, конечно, сослался бы на эту драму.

Между тѣмъ психическій процессъ, изображаемый Шопенгауромъ, и процессъ, переживаемый Гамлетомъ, совершенно однородны.

И у Гамлета, точно также, какъ и въ теоріи Шопенгауера, одно большое, страшное событіе производитъ цѣлый переворотъ въ его жизни, умѣ и міросозерцаніи. Это событіе—убійство отца. Сообщеніе объ этомъ убійствѣ производитъ страшное, потрясающее впечатлѣніе на Гамлета. Для выясненія этого обратимся къ самой драмѣ, къ той ея части, гдѣ это впечатлѣніе изображено, а именно: къ 5 сценѣ перваго дѣйствія.

Разоблачивъ передъ Гамлетомъ преступленіе его дяди и отчима, тѣнь умершаго короля, чуя утренній свѣтъ, удаляется со словами «Прощай, прощай, и помни меня».

Гамлетъ остается одинъ. Сообщеніе отца на него подѣйствовало, какъ внезапный ударъ, вызывающій сотрясеніе всего организма. Онъ первымъ дѣломъ взываетъ къ своему сердцу и къ нервамъ, чувствуя, что они ему измѣняютъ. «Держись, держись, сердце мое. И вы, нервы мои, не старѣйте внезапно, а держите меня прямо». Голова его кружится, ему дурно, онъ готовъ упасть и съ трудомъ держится на ногахъ.

*) Ср. Штеррингъ, Психо-патологія въ примѣненіи къ психологіи. Переводъ А. А. Крогіуса, съ предисловіемъ академика В. М. Бехтерева. С.-Петербургъ, 1903. Стр. 127 и сл.

Оправившись нѣсколько отъ этого страшнаго удара, собравшись съ мыслями, Гамлетъ продолжаетъ: «Помнить тебя! Да, бѣдный духъ, пока память сохранится въ этой развинченной головѣ. Помнить тебя! Да, съ *таблицы моего воспоминанія* я сотру всѣ пошлые обыкновенные разсказы, всѣ книжныя изреченія, всѣ формы, всѣ впечатлѣнія, прошлаго, которыя тамъ запечатлѣны юностью и наблюденіемъ, и твое приказаніе одно будетъ жить въ книгѣ и въ пространствѣ моего мозга, не смѣшанное съ низкими вещами. О небо! Развратнѣйшая женщина! Подлецъ, подлецъ, улыбающійся, проклятый подлецъ! Мои таблички,—это умѣстно, я здѣсь напишу, что можно улыбаться, улыбаться и быть злодѣемъ».

Въ этомъ монологѣ воспоминаніе сравнивается съ таблицей, на которой всѣ впечатлѣнія и событія жизни изображены, и затѣмъ по произволу вычеркиваются или всѣ или отчасти *). Гамлетъ собирается стереть съ этой таблицы все рѣшительно, за исключеніемъ одного — приказанія мстить за смерть отца. Одно только это приказаніе должно остаться въ воспоминаніи, въ памяти Гамлета. Но этого мало. Не ограничиваясь этимъ чисто душевнымъ процессомъ, Гамлетъ для вящшаго запечатлѣнія его выхватываетъ свою табличку, которую онъ всегда носитъ съ собою, пользуясь ею какъ записной книжкой, и на ней записываетъ это событіе, долженствующее отнынѣ быть единственною цѣлью всѣхъ его желаній и помысловъ и всей его жизни.

Гамлетъ, такимъ образомъ, «вбиваетъ себѣ въ голову» одно событіе, смерть отца и связанное съ нею приказаніе мести, и «выбиваетъ изъ головы» всѣ другія впечатлѣнія и событія своей жизни. По мнѣнію Шопенгауера, это уже безуміе, и, дѣйствительно, уже здѣсь, въ этой же сценѣ, Гамлетъ ведетъ себя почти какъ безумный. Являются его друзья. Онъ встрѣчаетъ ихъ страннымъ окрикомъ соколинаго охотника и затѣмъ весь разговоръ ведетъ въ такомъ странномъ, взвинченномъ, неестественно-веселомъ тонѣ, неожиданно и внезапно перескакивая отъ одной мысли на другую, что все его поведеніе внушаетъ друзьямъ серьезное опасеніе. Гораціо находитъ его слова «дикими и спутанными». Наконецъ, Гамлетъ «признается друзьямъ, что, быть можетъ, въ будущемъ его поведеніе имъ покажется страннымъ, и ему даже придется накинуть на себя маску безумія. Нѣтъ сомнѣнія, что эта мысль притвориться безумнымъ, приходитъ Гамлету не случайно, а потому, что она соотвѣтствуетъ его дѣйствительному состоянію въ этотъ моментъ. Невольно, незамѣтно для самого себя онъ уже принялъ видъ безумнаго. Онъ смутно, не отдавая себѣ въ томъ отчета, чувствуетъ, что онъ самъ очень близокъ къ безумію, и потому мысль притвориться безумнымъ для него не столько желаніе, сколько *потребность*.

*) Въ 122 сонетѣ Шекспира человѣческій мозгъ также сравнивается съ табличкой, служившей во время Шекспира записной книжкой. Здѣсь также намекается на то, что табличка эта—аллегорическое изображеніе памяти.

Это единственное средство выразить накопившіяся въ немъ раздраженіе и злобу, которыхъ онъ подавить и скрыть не въ состояніи. Поэтому его иронія, его нервный, взвинченный, неестественно-веселый тонъ, его судорожная веселость, скрывающая за собою полное отчаяніе, они вовсе не являются притворствомъ, а истиннымъ выраженіемъ его душевнаго разстройства. Его заявленіе, что онъ отнынѣ намѣренъ притворяться, въ сущности не что иное, какъ самообманъ, такъ какъ ему вовсе не нужно притворяться. Наоборотъ, если бы онъ въ переживаемомъ имъ состояніи захотѣлъ казаться спокойнымъ и нормальнымъ, то для этого дѣйствительно потребовалось бы большое усиліе воли. Это было бы истиннымъ притворствомъ. Надо при этомъ замѣтить, что видъ безумнаго, который придаетъ себѣ Гамлетъ, его странности, вообще все его поведеніе, вмѣсто того, чтобы скрыть его волненіе и раздраженіе и его истинные планы, въ дѣйствительности постоянно выдаютъ его и навлекаютъ на себя вниманіе короля Полонія и разныхъ придворныхъ шпіоновъ.

Тотъ фактъ, что въ вышеупомянутомъ монологѣ въ Гамлетѣ зарождается не только душевное разстройство, но даже безуміе, уже вѣрно подмѣтилъ Куно Фишеръ. «Если», говоритъ онъ, «состояніе забвенія въ родѣ того, на которое рѣшился Гамлетъ, непроизвольно постигаетъ душевную жизнь человѣка, и въ текстѣ сознанія связь между настоящимъ и прошлымъ совершенно разрывается, такъ что прошлое погружается въ ночь Леты, чтобы никогда больше не появиться на свѣтъ, то несчастный неизлѣчимо боленъ и душевно разстроенъ, тогда онъ въ дѣйствительности безумный. Если поэтому Гамлету приходитъ мысль притвориться безумнымъ, то это кажущееся безуміе вовсе не своенравная причуда, а относится къ исполненію его обѣта и коренится въ немъ». Если изъ воспоминанія Гамлета дѣйствительно исчезаетъ все его прошлое, за исключеніемъ приказанія его отца,—«тогда онъ не только повидимому, но и въ дѣйствительности безумный» *).

Длящееся и непрерывное воспоминаніе, равномѣрно обнимающее всѣ факты и впечатлѣнія жизни, насколько они вообще въ состояніи запечатлѣться въ памяти,—одно изъ необходимыхъ условій нормальной умственной и душевной дѣятельности. У Гамлета же одинъ только взглядъ на свое прошлое вызываетъ содроганіе; его воля, по выраженію Шопенгауера, «не переноситъ ужаснаго вида этого прошлаго», онъ усиленно старается изгнать его изъ своей памяти и не думать о немъ. Такое состояніе несомнѣнно представляется глубокимъ психическимъ разстройствомъ. Здѣсь, по выраженію Шопенгауера, то «мѣсто», на которомъ можетъ возникнуть безуміе; здѣсь создается для него самая благопріятная почва.

Гамлетъ твердо рѣшилъ забыть рѣшительно все, кромѣ приказанія отца. Сюда, по его собственнымъ словамъ, прежде всего относятся книжныя изреченія

*) Kuno Fischer, Shakespeares Hamlet. 1896, стр. 148 и 150.

и вообще впечатлѣнія, вынесенныя имъ изъ книгъ и наукъ. Ихъ забыть для него не трудно. Эти книги, содержащія лишь «слова, слова» эта «философія», обнимающая всегда лишь частицу того, что происходитъ «на небѣ и на землѣ», для него маловажны, ихъ вліяніе на него вообще ничтожно. Что касается особенныхъ событій, то таковыхъ въ жизни Гамлета, очевидно, вовсе не было, но зато было одно впечатлѣніе, особенно для него близкое и дорогое—это Офелія. По плану, зародившемуся въ головѣ Гамлета, Офелія также должна быть исторгнута изъ памяти и сознанія. Предстоитъ самая главная, трудная и мучительная «операція». Не даромъ въ тѣ сцены, въ которыхъ изображенъ разрывъ Гамлета съ Офеліей, Шекспиръ вложилъ всю свою поэтическую мощь. При этомъ въ первой изъ этихъ сценъ (II, I) Гамлетъ опять таки ведетъ себя какъ безумный и даже по одному внѣшнему виду представляется безумнымъ, какъ видно изъ разсказа самой Офеліи:

Я шила въ комнатѣ моей, какъ вдругъ
Вбѣгаетъ Гамлетъ; плащъ на немъ разорванъ,
На головѣ нѣтъ шляпы, а чулки
Разорваны и спущены до пятокъ.
Онъ блѣденъ какъ стѣна, колѣни гнутся,
Глаза блестятъ какимъ-то жалкимъ свѣтомъ,
Какъ будто онъ былъ посланъ преисподней,
Чтобъ разсказать объ ужасахъ ея.

Нѣтъ сомнѣнія, это наружность помѣшаннаго. Въ такомъ видѣ Гамлетъ беретъ Офелію за руку, долго и пристально всматривается въ ея лицо и затѣмъ съ глубокимъ жалкимъ вздохомъ еще разъ жметъ ея руку и уходитъ.

Не трудно видѣть, что въ этихъ безмолвныхъ символическихъ дѣйствіяхъ выражено не что иное, какъ прощаніе съ Офеліей. Его взглядъ, его вздохъ и рукопожатіе краснорѣчиво говорятъ, «какъ ты ни прекрасна и очаровательна, но я долженъ тебя забыть навсегда».

Второе прощаніе (III, I) происходитъ уже не безмолвно, а на словахъ. Но разрывъ здѣсь уже полный, и къ чувству нѣжности примѣшаны желчь, злоба и ненависть къ Офеліи и ко всему женскому полу.

Почва для безумія у Гамлета несомнѣнно создана разоблаченіями его отца. Нѣтъ также сомнѣнія, что въ упомянутыхъ сценахъ Гамлетъ очень близокъ къ безумію, что онъ на границѣ умопомѣшательства. Тѣмъ не менѣе высокій умъ Гамлета, его сильный духъ не допускаютъ дальнѣйшаго развитія безумія. Съ теченіемъ времени одно событіе вытѣсняетъ другое, чередуясь съ нимъ. Чѣмъ больше такихъ событій и впечатлѣній, тѣмъ менѣе одно будетъ преобладать надъ другимъ, и въ концѣ концовъ каждое получаетъ на «таблицѣ воспоминанія» то «мѣсто», которое ему подобаетъ. Происходятъ встрѣча съ актерами, спектакль у короля, разговоръ съ матерью, убійство Полонія, смерть Офеліи, ея похороны и наконецъ отъѣздъ въ Англію и связанное съ нимъ убійство Розенкранца и Гильденштена.

По возвращеніи изъ Англіи Гамлетъ уже гораздо спокойнѣе. Правда, и теперь еще во всѣхъ его рѣчахъ звучитъ глубоко меланхолическая нота. Тѣмъ не менѣе, онъ теперь въ разговорѣ съ Гораціо уже спокойно и трезво, безъ всякаго раздраженія, обсуждаетъ событія прошлаго, смерть отца и безчестіе матери (V, 2), и вновь подтверждаетъ свое твердое намѣреніе убить короля. Это—лучшее доказательство того, что Гамлетъ въ смыслѣ Шопенгауеровской теоріи, уже исцѣленъ, такъ какъ способность спокойнаго, непрерывнаго воспоминанія возстановлена. «Разорванная нить воспоминанія» вновь связана.

Но, конечно, далеко не всѣ характеры и лица одинаково воспріимчивы къ тому душевному разстройству, которымъ страдаетъ Гамлетъ. Несомнѣнно, есть лица, всегда съ легкостью воспринимающія всѣ событія и впечатлѣнія, немедленно перерабатывающія ихъ въ памяти, опредѣляя имъ на таблицѣ воспоминанія подобающее имъ мѣсто. Такой человѣкъ, въ противоположность къ Гамлету, его другъ Гораціо. Это лучше всѣхъ сознаетъ самъ Гамлетъ, какъ видно изъ его словъ, обращенныхъ къ Гораціо (III, 2):

Страдая, ты, казалось, не страдалъ;
Ты бралъ удары и дары судьбы,
Благодаря за то и за другое.
И ты благословенъ: разсудокъ съ кровью
Въ тебѣ такъ смѣшаны, что ты не служишь
Для счастья дудкою, не издаешь
По прихоти его различныхъ звуковъ.
Дай мужа мнѣ, котораго бы страсть
Не сдѣлала рабомъ—и я укрою
Его въ души моей святѣйшихъ нѣдрахъ,
Какъ я укрылъ тебя.

Намъ кажется, что въ этихъ дивныхъ словахъ передана вся квинтэссенція древней стоической философіи. Короче и ярче нельзя ее выразить. Гораціо такимъ образомъ воспринимаетъ всѣ событія, переживая и чувствуя ихъ, но ни одно изъ нихъ не въ состояніи его подавить и нарушить непоколебимое, истинно стоическое спокойствіе духа. Для Гамлета такой человѣкъ является идеаломъ.

Этотъ выводъ опять таки совершенно согласенъ съ воззрѣніями Шопенгауера. «Идеальный человѣкъ», говоритъ онъ въ § 39 I тома «Міра какъ воли и представленія», будетъ именно такимъ, какимъ Гораціо описывается Гамлетомъ». Полное спокойствіе воли, по Шопенгауеру, высшее благо и олицетвореніемъ его является личность Гораціо.

Нужно вообще замѣтить, что идея стоицизма, идея душевнаго равновѣсія, является въ то же время одной изъ руководящихъ идей всей Шекспировской драмы. Ее можно безъ труда прослѣдить по всѣмъ дѣйствіямъ пьесы, при чемъ несомнѣнно, Гамлетъ, несмотря на выдающійся умъ и даже геніальность является лишеннымъ этого равновѣсія, а въ противоположность къ нему Гораціо

человѣкомъ, хотя далеко не геніальнымъ, но вполнѣ гармоничнымъ. Самъ Шекспиръ очень тонко подмѣчаетъ эту разницу, называя Гамлета «датчаниномъ», между тѣмъ какъ Гораціо не датчанинъ, а «скорѣе древній римлянинъ».

На этомъ мы кончимъ наши соображенія, не желая вообще давать новыхъ комментаріевъ къ «Гамлету» Шекспира, которыхъ уже безъ того много и даже слишкомъ много. Мы хотѣли только отмѣтить полную аналогію между теоріей Шопенгауера и психическимъ процессомъ въ драмѣ Шекспира. Въ такой спорной, трудной и запутанной области, какою въ настоящее время является человѣческая психика, первый драматическій поэтъ всего міра и одинъ изъ геніальнѣйшихъ философовъ сошлись на одной и той же идеѣ. Геніальная интуиція, несмотря на разное время и совершенно различныя условія, соединяетъ поэта и философа.

Дѣти въ произведеніяхъ гр. Л. Н. Толстого.

Проф. А. К. Бороздина.

«Вниманіе графа Толстого болѣе всего обращено на то, какъ одни чувства и мысли развиваются изъ другихъ; ему интересно наблюдать, какъ чувство, непосредственно возникающее изъ даннаго положенія или впечатлѣнія, подчиняясь вліянію воспоминаній и силѣ сочетаній, представляемыхъ воображеніемъ, переходитъ въ другія чувства, снова возращается къ прежней исходной точкѣ и опять странствуетъ, измѣняясь по всей цѣпи воспоминаній; какъ мысль, рожденная первымъ ощущеніемъ, ведетъ къ другимъ мыслямъ, увлекается дальше и дальше, сливаетъ грезы съ дѣйствительными ощущеніями, мечты о будущемъ съ рефлексіею о настоящемъ. Психологическій анализъ можетъ принимать различныя направленія: одного поэта занимаютъ болѣе всего очертанія характеровъ; другого—вліяніе общественныхъ отношеній и житейскихъ столкновеній на характеры; третьяго—связь чувствъ съ дѣйствіями, четвертаго—анализъ страстей; графа Толстого — всего болѣе самъ психическій процессъ, его формы, его законы, діалектика души, чтобы выразиться опредѣлительнымъ терминомъ... законы человѣческаго дѣйствія, игру страстей, сцѣпленія событій, вліяніе обстоятельствъ и отношеній мы можемъ изучать, внимательно наблюдая другихъ людей; но все знаніе, пріобрѣтаемое этимъ путемъ, не будетъ имѣть ни глубины, ни точности, если мы не изучимъ сокровеннѣйшихъ законовъ психической жизни, игра которыхъ открыта передъ нами только въ нашемъ собственномъ самосознаніи. Кто не изучилъ человѣка въ самомъ себѣ, никогда не достигнетъ глубокаго знанія людей. Та особенность таланта графа Толстого, о которой говорили мы выше, доказываетъ, что онъ чрезвычайно внимательно изучалъ тайны жизни человѣческаго духа въ самомъ себѣ; это зна-

ніе драгоцѣнно не только потому, что доставило ему возможность написать картины внутреннихъ движеній человѣческой мысли, но еще, быть можетъ, больше потому, что дало ему прочную основу для изученія человѣческой жизни вообще, для разгадыванія характеровъ и пружинъ дѣйствія, борьбы страстей и впечатлѣній. Мы не ошибемся, сказавъ, что самонаблюденіе должно было чрезвычайно изострить вообще его наблюдательность, пріучить его смотрѣть на людей проницательнымъ взглядомъ».

Приведенными словами Н. Г. Чернышевскій *) охарактеризовалъ основную особенность творчества гр. Л. Н. Толстого, и намъ кажется, что критикъ въ этомъ случаѣ оказался гораздо болѣе проницательнымъ, чѣмъ современный намъ изслѣдователь, Д. С. Мережковскій, выставившій на первый планъ въ своей книгѣ положеніе, что Л. Н. Толстой есть «тайновидецъ плоти», въ противоположность Достоевскому, котораго слѣдуетъ признавать «тайновидцемъ духа». Вполнѣ соглашаясь съ тѣмъ, что въ этомъ положеніи относится къ Достоевскому, мы думаемъ, однако, что въ сужденіи почтеннаго изслѣдователя о Толстомъ заключается немаловажная ошибка, которая легко обнаруживается, если, откинувъ предвзятыя идеи, отнестись внимательнѣе къ произведеніямъ «великаго писателя земли Русской». Богатство психологическаго матеріала въ этихъ произведеніяхъ прямо изумительно, и читатель невольно захватывается тѣми тайнами мятущейся, ищущей души, которыя раскрываются передъ нимъ въ образахъ Пьера Безухова, Андрея Волконскаго, Левина, князя Нехлюдова, Анны Карениной и другихъ героевъ и героинь романовъ гр. Толстого. Авторъ прекрасно умѣетъ рисовать внѣшнія проявленія духовной жизни, но въ то же время онъ способенъ проникать въ самыя сокровенныя глубины безсознательныхъ процессовъ мысли и чувства. Въ этомъ отношеніи для насъ особенный интересъ представляютъ изображенные имъ дѣтскіе типы, такъ какъ на этихъ еще формирующихся индивидуальностяхъ удобнѣе разсмотрѣть ходъ духовнаго развитія человѣка.

Первый изъ этихъ типовъ, имѣющій автобіографическое значеніе, останавливаетъ на себѣ преимущественное наше вниманіе, такъ какъ въ немъ авторъ полнѣе всего показалъ ростъ духовнаго развитія, начиная съ дѣтской непосредственности отношенія ко всему окружающему и кончая нравственнымъ идеализмомъ юношескаго возраста. Это—Николенька Иртеневъ, герой «Дѣтства», «Отрочества» и «Юности». Критика въ то время, какъ появились первыя изъ этихъ повѣстей, указывала на сходство ихъ съ романомъ Диккенса «Давидъ Копперфильдъ», при чемъ это сходство намѣчалось въ характерахъ главныхъ героевъ и въ отдѣльныхъ эпизодовъ. Дѣйствительно, параллель существуетъ, но со стороны гр. Толстого ни въ какомъ случаѣ здѣсь нельзя предположить

*) Критическія Статьи. («Современникъ» 1854—1861 гг.). Изданіе М. Н. Чернышевскаго. Стр. 1893 стр. 282, 286—7.

подражанія, такъ какъ основа его повѣстей—самонаблюденіе. Если же мы отвергаемъ подражаніе, то сходство объясняется для насъ тѣмъ, что оба писателя въ своихъ произведеніяхъ представили нѣкоторыя общечеловѣческія черты. Подобными чертами можно считать, напримѣръ, дѣтскую любовь Николеньки къ Сонечкѣ Валахиной и Давида Копперфильда къ Эмми, или же тѣ мрачныя размышленія, которымъ одинъ герой предается послѣ столкновенія съ Сенъ-Жеромомъ, а другой—вслѣдствіе притѣсненій со стороны Мордстона. Кто не влюблялся въ раннемъ дѣтствѣ! Кто не испытывалъ самыхъ тягостныхъ минутъ отчаянія, вслѣдствіе какого-нибудь наказанія, представлявшагося особенно ужаснымъ!

Мы знакомимся съ Николенькой, когда ему минуло десять лѣтъ. Сознательная жизнь его только что начинается. Въ немъ еще сохраняются черты самаго ранняго дѣтства, какъ это видно, напримѣръ, изъ слѣдующаго описанія: «Maman сѣла за рояль, а мы, дѣти, принесли бумагу, карандаши, краски и расположились рисовать около круглаго стола. У меня была только синяя краска; но, несмотря на это, я затѣялъ нарисовать охоту. Очень живо изобразилъ синяго мальчика верхомъ на синей лошади и синихъ собакъ; я не зналъ, навѣрное, можно ли нарисовать синяго зайца, и побѣжалъ къ папа въ кабинетъ посовѣтоваться объ этомъ. Папа читалъ что-то и на вопросъ мой: «бываютъ ли синіе зайцы?»—не поднимая головы, отвѣчалъ: «бываютъ, мой другъ, бываютъ». Возвратившись къ круглому столу, я изобразилъ синяго зайца, потомъ нашелъ нужнымъ передѣлать изъ синяго зайца кустъ. Кустъ тоже мнѣ не понравился; я сдѣлалъ изъ него дерево, изъ дерева—скирдъ, изъ скирда облако, и наконецъ такъ испачкалъ всю бумагу синей краской, что съ досады разорвалъ ее и пошелъ дремать на вольтеровское кресло. Maman играла второй концертъ Фильда—своего учителя. Я дремалъ, и въ моемъ воображеніи возникали какія-то легкія, свѣтлыя и прозрачныя воспоминанія. Она заиграла патетическую сонату Бетховена, и я вспомнилъ что-то грустное, тяжелое и мрачное. Maman часто играла эти двѣ пьесы, поэтому я очень хорошо помню то чувство, которое онѣ во мнѣ возбуждали. Чувство это было похоже на воспоминанія; но воспоминанія чего?—казалось, что вспоминаешь то, чего никогда не было».

Рядомъ съ этой картинкой мы находимъ кое-что, показывающее, что уже въ эту эпоху у Николеньки проявляется болѣе сознательное отношеніе къ жизни. Таковы его разсужденія по поводу того, что его старшій братъ Володя съ пренебреженіемъ относится къ игрѣ въ Робинзона, которая забавляетъ всѣхъ остальныхъ дѣтей, такъ что «его лѣнивый и скучный видъ разрушалъ все очарованіе игры». «Когда мы сѣли на землю, разсказываетъ Николенька, и, воображая, что плывемъ на рыбную ловлю, изо всѣхъ силъ начали грести, Володя сидѣлъ, сложа руки и въ позѣ, не имѣющей ничего схожаго съ позой рыболова. Я замѣтилъ ему это; но онъ отвѣчалъ, что отъ того, что мы будемъ

больше или меньше махать руками, мы ничего не выиграемъ и не проиграемъ, и все же далеко не уѣдемъ. Я невольно согласился съ нимъ. Когда, воображая, что я иду на охоту, съ палкой на плечѣ, я отправился въ лѣсъ, Володя легъ на спину, закинувъ руки подъ голову, и сказалъ мнѣ, что будто бы и онъ ходилъ. Такіе поступки и слова, охлаждая насъ къ игрѣ, были крайне неприятны, тѣмъ болѣе, что нельзя было въ душѣ не согласиться, что Володя поступаетъ благоразумно. Я самъ знаю, что изъ палки не только что убить птицу, да и выстрѣлить никакъ нельзя: это игра. Коли такъ разсуждать, то и на стульяхъ ѣздить нельзя; а Володя, я думаю, самъ помнитъ, какъ въ долгіе зимніе вечера мы накрывали кресло платками, дѣлали изъ него коляску, одинъ садился кучеромъ, другой лакеемъ, дѣвочки въ середину, три стула были тройка лошадей — и мы отправлялись въ дорогу. И какія разныя приключенія случались въ этой дорогѣ! И какъ весело и скоро проходили зимніе вечера!.. Ежели судить по настоящему, то игры никакой не будетъ. А игры не будетъ, что же тогда останется».?.

Эти же первые проблески сознательности можно видѣть въ проявленіяхъ дѣтскаго самолюбія Николеньки: то ему хочется быть такимъ же молодцомъ, какъ и его товарищи, и онъ участвуетъ, несмотря на свою доброту, въ ихъ издѣвательствѣ надъ бѣднымъ Илинькой Граппомъ; то онъ старается подражать большимъ, то желаетъ пофрантить и какъ-нибудь скрыть то, что онъ отъ природы некрасивъ и неловокъ. Наружность его доставляетъ ему серьезныя муки. «Я, разсказываетъ Николенька, имѣлъ самыя странныя понятія о красотѣ,—даже Карла Ивановича считалъ первымъ красавцемъ въ мірѣ; но очень хорошо зналъ, что я нехорошъ собою; и въ этомъ нисколько не ошибался; поэтому каждый намекъ на мою наружность больно оскорблялъ меня. Я очень хорошо помню, какъ разъ за обѣдомъ,—мнѣ было тогда шесть лѣтъ,—говорили о моей наружности, какъ maman старалась найти что-нибудь хорошее въ моемъ лицѣ; говорила, что у меня умные глаза, пріятная улыбка, и, наконецъ, уступая доводамъ отца и очевидности, принуждена была сознаться, что я дуренъ; и потомъ, когда я благодарилъ ее за обѣдъ, потрепала меня по щекѣ и сказала: «Ты это знай, Николенька, что за твое лицо тебя никто не будетъ любить; поэтому ты долженъ стараться быть умнымъ и добрымъ мальчикомъ. Эти слова не только убѣдили меня въ томъ, что я не красавецъ, но еще въ томъ, что я непремѣнно буду добрымъ и умнымъ мальчикомъ. Несмотря на это, на меня часто находили минуты отчаянія: я воображалъ, что нѣтъ счастія на землѣ для человѣка съ такимъ широкимъ носомъ, толстыми губами и маленькими сѣрыми глазами, какъ я; я просилъ Бога сдѣлать чудо—превратить меня въ красавца, и все, что имѣлъ въ настоящемъ, все, что могъ имѣть въ будущемъ, я все отдалъ бы за красивое лицо». Тяжело для самолюбія Николеньки также и сознаніе своей неловкости, не вполнѣ свѣтскихъ манеръ, и онъ прямо удрученъ, когда его постигла неудача во время мазурки

съ взрослою княжной. «Господи! за что Ты наказываешь меня такъ ужасно!.. Всѣ презираютъ меня и всегда будутъ презирать,—мнѣ закрыта дорога ко всему, къ дружбѣ, къ любви, почестямъ,—все пропало!! Зачѣмъ Володя дѣлалъ мнѣ знаки, которые всѣ видѣли и которые не могли помочь мнѣ? Зачѣмъ эта противная княжна такъ посмотрѣла на мои ноги? Зачѣмъ Сонечка... она милочка, но зачѣмъ она улыбалась въ это время? Зачѣмъ папа покраснѣлъ и схватилъ меня за руку? Неужели даже ему было стыдно за меня? О, это ужасно»!..

Это неясное стремленіе стать «умнымъ и добрымъ мальчикомъ», это щекотливое самолюбіе приводятъ Николеньку въ періодѣ отрочества къ интереснѣйшимъ разсужденіямъ, которыя авторъ признаетъ несообразными съ его возрастомъ и положеніемъ. «Впродолженіи, говоритъ онъ, года, во время котораго я велъ уединенную, сосредоточенную въ самомъ себѣ, моральную жизнь, всѣ отвлеченные вопросы о назначеніи человѣка, о будущей жизни, о безсмертіи души уже представлялись мнѣ, и дѣтскій слабый умъ мой со всѣмъ жаромъ неопытности старался уяснить тѣ вопросы, предложеніе которыхъ составляетъ высшую ступень, до которой можетъ достигнуть умъ человѣка, но разрѣшеніе которыхъ не дано ему. Мнѣ кажется, что умъ человѣческій въ каждомъ отдѣльномъ лицѣ проходитъ въ своемъ развитіи по тому же пути, по которому онъ развивается и въ цѣлыхъ поколѣніяхъ, что мысли, служившія основаніемъ различныхъ философскихъ теорій, составляютъ нераздѣльныя части ума, но что каждый человѣкъ болѣе или менѣе ясно сознавалъ ихъ еще прежде, чѣмъ зналъ о существованіи философскихъ теорій. Мысли эти представлялись моему уму съ такою ясностью и поразительностью, что я даже старался примѣнять ихъ къ жизни, воображая, что я п е р в ы й открываю такія великія и полезныя истины».

Въ этомъ стремленіи Николеньки провѣрять на дѣлѣ свои теоретическія построенія, и производить эту провѣрку немедленно—можно видѣть проявленіе той черты, которую Достоевскій называлъ прямолинейностью и считалъ отличительной особенностью именно русскихъ мальчиковъ. «Разъ, передаетъ онъ, мнѣ пришла мысль, что счастіе не зависитъ отъ внѣшнихъ причинъ, а отъ нашего отношенія къ нимъ, что человѣкъ, привыкшій переносить страданія, не можетъ быть несчастливъ, и, чтобы пріучить себя къ труду, я, несмотря на страшную боль, держалъ по пяти минутъ въ вытянутыхъ рукахъ лексиконы Татищева или уходилъ въ чуланъ и веревкой стегалъ себя по голой спинѣ такъ больно, что слезы невольно выступали на глазахъ. Другой разъ, вспомнивъ вдругъ, что смерть ожидаетъ меня каждый часъ, каждую минуту, я рѣшилъ, не понимая, какъ не поняли того до сихъ поръ люди, что человѣкъ не можетъ быть иначе счастливъ, какъ пользуясь настоящимъ и не помышляя о будущемъ,—и я дня три подъ вліяніемъ этой мысли бросилъ уроки, занимался только тѣмъ, что, лежа на постели, наслаждался чтеніемъ

какого-нибудь романа и ѣдою пряниковъ съ кроновскимъ медомъ, которые я покупалъ на послѣднія деньги. То разъ, стоя передъ черною доской и рисуя на ней мѣломъ разныя фигуры, я вдругъ былъ пораженъ мыслью: почему симметрія пріятна для глазъ? Что такое симметрія? Это врожденное чувство,—отвѣчалъ я самъ себѣ.—На чемъ же оно основано? Развѣ во всемъ въ жизни симметрія? Напротивъ, вотъ жизнь—и я нарисовалъ на доскѣ овальную фигуру. Послѣ жизни душа переходитъ въ вѣчность, вотъ вѣчность—и я провелъ съ одной стороны овальной фигуры черту до самого края доски.—Отчего же съ другой стороны нѣту такой же черты? Да, и въ самомъ дѣлѣ какая же можетъ быть вѣчность съ одной стороны? мы вѣрно существовали прежде этой жизни, хотя и потеряли о томъ воспоминаніе. Это разсужденіе, казавшееся мнѣ чрезвычайно новымъ и яснымъ, и котораго связь я съ трудомъ могу уловить теперь, понравилось мнѣ чрезвычайно, и я, взявъ листъ бумаги, вздумалъ письменно изложить его; но при этомъ въ голову мою набралась вдругъ такая бездна мыслей, что я принужденъ былъ встать и пройтись по комнатѣ. Когда я подошелъ къ окну, вниманіе мое обратила водовозка, которую запрягалъ въ это время кучеръ, и всѣ мысли мои сосредоточились на рѣшеніи вопроса: въ какое животное или человѣка перейдетъ душа этой водовозки, когда она околѣетъ? Въ это время Володя, проходя черезъ комнату, улыбнулся, замѣтивъ, что я размышляю о чемъ-то, и этой улыбки мнѣ достаточно было, чтобы понять, что все то, о чемъ я думалъ, была ужаснѣйшая гиль».

Нельзя не обратить вниманія на характеръ того философскаго ученія, которымъ болѣе всего въ это время увлекался Николенька, такъ какъ именно это ученіе особенно располагаетъ къ себѣ русскихъ мальчиковъ, какъ это замѣчалъ и Достоевскій. Это—скептицизмъ, и онъ, какъ сообщаетъ Николенька, одно время довелъ его до состоянія, близкаго къ сумасшествію. «Я, говоритъ онъ, воображалъ, что кромѣ меня никого и ничего не существуетъ во всемъ мірѣ, что предметы—не предметы, а образы, являющіеся только тогда, когда я на нихъ обращаю вниманіе, и что, какъ скоро я перестаю думать о нихъ, образы эти тотчасъ же исчезаютъ. Однимъ словомъ, я сошелся съ Шеллингомъ въ убѣжденіи, что существуютъ не предметы, а мое отношеніе къ нимъ. Были минуты, что я, подъ вліяніемъ этой постоянной идеи, доходилъ до такой степени сумасбродства, что иногда быстро оглядывался въ противоположную сторону, надѣясь врасплохъ застать пустоту тамъ, гдѣ меня не было... Слабый умъ мой не могъ проникнуть непроницаемаго, а въ непосильномъ трудѣ терялъ одно за другимъ убѣжденія, которыя, для счастія моей жизни, я никогда бы не долженъ былъ смѣть затрогивать. Изъ всего этого тяжелаго моральнаго труда я не вынесъ ничего, кромѣ изворотливости ума, ослабившей во мнѣ силу воли, и привычки къ постоянному моральному анализу, уничтожившей свѣжесть чувства и ясность разсудка... Склонность моя къ отвлеченнымъ размышленіямъ до того неестественно развила во мнѣ сознаніе, что часто, на-

чиная думать о самой простой вещи, я впадалъ въ безвыходный кругъ анализа своихъ мыслей, и не думалъ уже о вопросѣ, занимавшемъ меня, а думалъ о томъ, о чемъ я думалъ. Спрашивая себя: о чемъ я думаю?—я отвѣчалъ: я думаю, о чемъ я думаю. А теперь о чемъ я думаю?—я думаю, что я думаю, о чемъ я думаю, и такъ далѣе. Умъ за разумъ заходилъ... Однако философскія открытія, которыя я дѣлалъ, чрезвычайно льстили моему самолюбію: я часто воображалъ себя великимъ человѣкомъ, открывающимъ для блага всего человѣчества новыя истины, и съ гордымъ сознаніемъ своего достоинства смотрѣлъ на остальныхъ смертныхъ; но странно, приходя въ столкновеніе съ этими смертными, я робѣлъ передъ каждымъ, и чѣмъ выше ставилъ себя въ собственномъ мнѣніи, тѣмъ менѣе былъ способенъ съ другими не только выказывать сознаніе собственнаго достоинства, но не могъ даже привыкнуть не стыдиться за каждое свое самое простое слово и движеніе».

Всѣми такими размышленіями для Николеньки уже подготовлялся переходъ отъ отрочества къ юности. Но этотъ переходъ знаменуется болѣе, чѣмъ въ области мысли, въ сферѣ эмоціональной, въ развитіи новыхъ мечтаній и чувствъ. Этихъ чувствъ, какъ разсказываетъ Николенька, было четыре: «любовь къ н е й, къ воображаемой женщинѣ, о которой я мечталъ всегда въ одномъ и томъ же смыслѣ и которую всякую минуту ожидалъ гдѣ-нибудь встрѣтить. Эта о н а была немножко Сонечка, немножко Маша, жена Василія, въ то время, какъ она моетъ бѣлье въ корытѣ, и немножко женщина съ жемчугами на бѣлой шеѣ, которую я видѣлъ очень давно въ театрѣ, въ ложѣ подлѣ насъ. Второе чувство было любовь любви. Мнѣ хотѣлось, чтобы всѣ меня знали и любили. Мнѣ хотѣлось сказать свое имя: Николай Иртеньевъ, и чтобы всѣ были поражены этимъ извѣстіемъ, обступили меня и благодарили бы за что-нибудь. Третье чувство было—надежда на необыкновенное, тщеславное счастіе,—такая сильная и твердая, что она переходила въ сумасшествіе. Я такъ былъ увѣренъ, что очень скоро, вслѣдствіе какого-нибудь необыкновеннаго случая, вдругъ сдѣлаюсь самымъ богатымъ и самымъ знатнымъ человѣкомъ въ мірѣ, что безпрестанно находился въ тревожномъ ожиданіи чего-то волшебно-счастливаго. Я все ждалъ, что вотъ н а ч н е т с я, и я достигну всего, чего можетъ желать человѣкъ, и всегда повсюду торопился, полагая, что уже н а ч и н а е т с я тамъ, гдѣ меня нѣтъ. Четвертое и главное чувство было отвращеніе къ самому себѣ и раскаяніе, но раскаяніе, до такой степени слитое съ надеждою на счастіе, что оно не имѣло въ себѣ ничего печальнаго. Мнѣ казалось такъ легко и естественно оторваться отъ всего прошедшаго, передѣлать, забыть все, что было, и начать свою жизнь со всѣми ея отношеніями совершенно снова, чтобы прошедшее не тяготило, не связывало меня. Я даже наслаждался въ отвращеніи къ прошедшему и старался видѣть его мрачнѣе, чѣмъ оно было. Чѣмъ чернѣе былъ кругъ воспоминаній прошедшаго, тѣмъ чище и свѣтлѣе выдавалось изъ него свѣтлая, чистая точка настоящаго и разливались

радужные цвѣта будущаго. Этотъ-то голосъ раскаянія и страстнаго желанія совершенства и былъ главнымъ новымъ душевнымъ ощущеніемъ въ ту эпоху моего развитія, и онъ-то положилъ новыя начала моему взгляду на себя, на людей и на міръ Божій. Благой, отрадный голосъ, столько разъ съ тѣхъ поръ, въ тѣ грустныя времена, когда душа моя молча покорялась власти жизненной лжи и разврата, вдругъ смѣло возстававшій противъ всякой неправды, злостно обличавшій прошедшее, указывавшій, заставляя любить ее, ясную точку настоящаго и обѣщавшій добро и счастіе въ будущемъ»!

Въ этомъ переходномъ возрастѣ, въ эту эпоху надеждъ и стремленій казалось возможнымъ и необходимымъ уяснить себѣ не только основы жизни, но и весь ея порядокъ, во всѣхъ мелочахъ. «Я, разсказываетъ Николенька, досталъ листъ бумаги и прежде всего хотѣлъ приняться за росписаніе обязанностей и занятій на слѣдующій годъ. Надо было разлиневать бумагу. Но такъ, какъ линейки у меня не нашлось, я употребилъ для этого латинскій лексиконъ. Кромѣ того, что проведя перомъ вдоль лексикона и потомъ отодвинувъ его оказалось, что вмѣсто черты я сдѣлалъ на бумагѣ продолговатую лужу чернилъ,—лексиконъ не хваталъ на всю бумагу, и черта загнулась по его мягкому углу. Я взялъ другую бумагу и, передвигая лексиконъ, разлиневалъ кое-какъ. Раздѣливъ свои обязанности на три рода: на обязанности къ самому себѣ, къ ближнимъ и къ Богу,—я началъ писать первыя, но ихъ оказалось такъ много и столько родовъ и подраздѣленій, что надо было прежде написать: «Правила жизни», а потомъ уже приняться за росписаніе. Я взялъ шесть листовъ бумаги, сшилъ тетрадь и написалъ сверху «Правила жизни». Эти два слова были написаны такъ криво и неровно, что я долго думалъ, не переписать ли, и долго мучился, глядя на разорванное росписаніе и это уродливое заглавіе. Зачѣмъ все такъ прекрасно, ясно у меня въ душѣ, и такъ безобразно выходитъ на бумагѣ и вообще въ жизни, когда я хочу примѣнять къ ней что-нибудь изъ того, что думаю»?

Этой затѣѣ какъ-то совсѣмъ не повезло, и черезъ нѣсколько времени мы узнаемъ отъ Николеньки слѣдующее: «Тетрадь съ заглавіемъ Правила жизни была спрятана съ черновыми ученическими тетрадями. Несмотря на то, что мысль о возможности составить себѣ правила на всѣ обстоятельства жизни и всегда руководиться ими нравилась мнѣ, казалась чрезвычайно простою и вмѣстѣ великою, и я намѣревался всетаки приложить ее къ жизни, я опять какъ будто забылъ, что это нужно было дѣлать сейчасъ же, и все откладывалъ до такого-то времени. Меня утѣшало однако то, что всякая мысль, которая приходила мнѣ теперь въ голову, подходила какъ разъ подъ какое-нибудь изъ подраздѣленій моихъ правилъ и обязанностей: или къ правиламъ, въ отношеніи къ ближнимъ, къ себѣ или къ Богу. «Вотъ тогда я это отнесу туда и еще много-много мыслей, которыя мнѣ придутъ тогда по этому предмету»,—говорилъ я самъ себѣ. Часто теперь я спрашиваю себя, когда я былъ лучше и правѣе: тогда

ли, когда вѣрилъ во всемогущество ума человѣческаго, или теперь, когда, потерявъ силу развитія, сомнѣваюсь въ силѣ и значеніи ума человѣческаго,—и не могу дать себѣ положительнаго отвѣта».

Наступила для Николеньки юность, пришла эпоха студенчества, чрезвычайно важная въ жизни всякаго, на чью долю она выпадала, эта пора усиленной работы въ дѣлѣ выясненія основъ міросозерцанія: и чтеніе, и бесѣды въ товарищескомъ кругу, и лекціи, и жизненныя впечатлѣнія, все направляется къ той же цѣли, и Николенька, уже ранѣе пытавшійся опредѣлить себѣ отношенія свои къ себѣ, людямъ и Богу, разрѣшить важнѣйшіе этическіе вопросы, теперь старается разобраться въ двухъ противоположныхъ воззрѣніяхъ, идеалистическомъ, которое внушается товарищами, въ особенности же Дмитріемъ Неклюдовымъ, и тѣмъ свѣтскимъ, зачатки котораго можно было видѣть у него уже въ дѣтствѣ, въ тѣхъ стремленіяхъ отличаться на балу и въ аристократическомъ обществѣ, которыя мы отмѣчали выше. Идеализмъ Нехлюдова какой-то неясный, неопредѣленный, въ немъ много порывовъ, которые въ тѣ времена назывались романтическими, есть какія-то безотчетныя стремленія къ дружбѣ, любви, полезной дѣятельности.

Гораздо яснѣе тотъ свѣтскій принципъ, который на нѣкоторое время укрѣпляется въ сознаніи Николеньки. «Родъ человѣческій, говоритъ герой повѣсти, можно раздѣлить на множество отдѣловъ—на богатыхъ и бѣдныхъ, на добрыхъ и злыхъ, на военныхъ и статскихъ, на умныхъ и глупыхъ и т. д., и т. д.; но у каждаго человѣка есть непремѣнно свое любимое главное подраздѣленіе, подъ которое онъ безсознательно подводитъ каждое новое лицо. Мое любимое и главное подраздѣленіе людей въ то время, о которомъ я пишу, было на людей comme il faut и не comme il ne faut pas. Второй родъ подраздѣлялся еще на людей собственно не comme il faut и простой народъ. Людей comme il faut я уважалъ и считалъ достойными имѣть со мною равныя отношенія; вторыхъ—притворялся, что презираю, но въ сущности ненавидѣлъ ихъ, питая къ нимъ какое-то оскорбленное чувство личности; третьи для меня не существовали,—я ихъ презиралъ совершенно. *Мое* comme il faut состояло—первое и главное—въ отличномъ французскомъ языкѣ и особенно въ выговорѣ. Человѣкъ, дурно выговаривавшій по-французски, тотчасъ же возбуждалъ во мнѣ чувство ненависти. «Для чего же ты хочешь говорить, какъ мы, когда не умѣешь?»—съ ядовитою насмѣшкою спрашивалъ я его мысленно. Второе условіе comme il faut были ногти длинные, отчищенные и чистые; третье—было умѣнье кланяться, танцовать и разговаривать; четвертое—и очень важное—было равнодушіе ко всему и постоянное выраженіе нѣкоторой изящной, презрительной скуки, Кромѣ того у меня были общіе признаки, по которымъ я, не говоря съ человѣкомъ рѣшалъ, къ какому разряду онъ принадлежитъ. Главнымъ изъ этихъ признаковъ, кромѣ убранства комнаты, перчатокъ, почерка, экипажа, были ноги. Отношеніе сапогъ къ панталонамъ тотчасъ рѣшало

въ моихъ глазахъ положеніе человѣка. Сапоги безъ каблука, съ угловатымъ носкомъ, и концы панталонъ узкіе, безъ штрипокъ,—это былъ *простой*; сапогъ съ узкимъ, круглымъ носкомъ и каблукомъ, и панталоны узкія внизу, со штрипками, облегающія ногу, или широкія со штрипками, какъ балдахинъ стоящія надъ носкомъ,—это былъ человѣкъ mauvais genre, и т. п. ... Comme il faut было для меня не только важною заслугой, прекраснымъ качествомъ, совершенствомъ, котораго я желалъ достигнуть, но это было необходимое условіе жизни, безъ котораго не могло быть ни счастія, ни славы, ничего хорошаго на свѣтѣ. Я не уважалъ бы ни знаменитаго артиста, ни ученаго, ни благодѣтеля рода человѣческаго, если бы онъ не былъ comme il faut. Человѣкъ comme il faut стоялъ выше и внѣ сравненія съ ними; онъ предоставлялъ имъ писать картины, ноты, книги, дѣлать добро—онъ даже хвалилъ ихъ за это: отчего же не похвалить хорошаго, въ комъ бы оно ни было,—но онъ не могъ становиться съ ними подъ одинъ уровень, онъ былъ comme il faut, а они нѣтъ—и довольно. Мнѣ кажется даже, что ежели бы у насъ былъ братъ, мать или отецъ, которые бы не были comme il faut, я бы сказалъ, что это несчастіе, но что ужъ тутъ между мной и ими не можетъ быть ничего общаго. Но ни потеря золотого времени, употребленнаго на постоянную заботу о соблюденіи всѣхъ трудныхъ для меня условій comme il faut, исключающихъ всякое серьезное увлеченіе, ни ненависть и презрѣніе къ девяти десятымъ рода человѣческаго, ни отсутствіе вниманія ко всему прекрасному, совершающемуся внѣ кружка comme il faut,—все это еще было не главное зло, которое мнѣ причиняло это понятіе. Главное зло состояло въ томъ убѣжденіи, что comme il faut есть самостоятельное положеніе въ обществѣ, что человѣку не нужно стараться быть ни чиновникомъ, ни каретникомъ, ни солдатомъ, ни ученымъ, когда онъ comme il faut; что, достигнувъ этого положенія, онъ уже исполняетъ свое назначеніе и даже становится выше большей части людей.

Несмотря на обстоятельную, повидимому, разработку этой теоріи, Николенька не можетъ примѣнить ея на практикѣ и оказывается совсѣмъ несвѣтскимъ человѣкомъ. Это отсутствіе свѣтскости ярче всего обнаружилось на его первомъ балу, у княгини Корнаковой. Уже въ самыхъ приготовленіяхъ къ вечеру видна неловкость Николеньки. Его старшій братъ, Володя, приходитъ въ его комнату посмотрѣть, какъ онъ одѣнется. «Меня, разсказываетъ Николенька, очень удивилъ и озадачилъ этотъ поступокъ съ его стороны. Мнѣ казалось, что желаніе быть хорошо одѣтымъ весьма стыдно, и что нужно скрывать его; онъ же, напротивъ, считалъ это желаніе до такой степени естественнымъ и необходимымъ, что совершенно откровенно говорилъ, что боится, чтобъ я не осрамился. Онъ велѣлъ мнѣ непремѣнно надѣть лаковые сапоги, пришелъ въ ужасъ, когда я хотѣлъ надѣть замшевыя перчатки, надѣлъ мнѣ часы какъ-то особеннымъ манеромъ и повезъ на Кузнецкій мостъ къ парикмахеру». Послѣ мучительной и долгой процедуры завиванія, которое такъ и

не удается, братья попадаютъ на балъ, и здѣсь-то постигаютъ Николеньку такія обстоятельства, которыя совсѣмъ разрушаютъ его представленіе о своей свѣтской выправкѣ. «Къ Корнаковымъ, говоритъ онъ, вмѣстѣ съ Володей я вошелъ смѣло; но, когда меня княгиня пригласила танцовать, и я почему-то, несмотря на то, что ѣхалъ съ одною мыслью танцовать очень много, сказалъ, что я не танцую, я оробѣлъ и, оставшись одинъ между незнакомыми людьми, впалъ въ свою обычную непреодолимую, все возростающую застѣнчивость. Я молча стоялъ на одномъ мѣстѣ цѣлый вечеръ. Во время вальса одна изъ княженъ подошла ко мнѣ и, съ общею всему семейству оффиціальною любезностью, спросила меня: «отчего я не танцую?». Помню, какъ я оробѣлъ при этомъ вопросѣ, но какъ вмѣстѣ съ тѣмъ, совершенно невольно для меня, на лицѣ моемъ распустилась самодовольная улыбка, и я началъ говорить по-французски самымъ напыщеннымъ языкомъ, съ вводными предложеніями, такой вздоръ, который мнѣ теперь, даже послѣ десятковъ лѣтъ, совѣстно вспомнить. Должно быть такъ подѣйствовавла на меня музыка, возбуждавшая мои нервы и заглушавшая, какъ я полагалъ, не совсѣмъ понятную часть моей рѣчи. Я говорилъ что-то про высшее общество, про пустоту людей и женщинъ и, наконецъ, такъ заврался, что остановился на половинѣ слова какой то фразы, которую не было никакой возможности кончить. Даже свѣтская по породѣ княжна смутилась и съ упрекомъ посмотрѣла на меня. Я улыбался. Въ эту критическую минуту Володя, который, замѣтивъ, что я разговариваю горячо, вѣрно, желалъ знать, каково я въ разговорахъ искупаю то, что не танцую, подошелъ къ намъ вмѣстѣ съ Дубковымъ. Увидавъ мое улыбающееся лицо и испуганную мину княжны и услыхавъ тотъ ужасный вздохъ, которымъ я кончилъ, онъ покраснѣлъ и отвернулся. Княжна встала и отошла отъ меня. Я все-таки улыбался, но такъ страдалъ сознаніемъ своей глупости, что готовъ былъ провалиться сквозь землю, и что во что бы то ни стало чувствовалъ потребность шевелиться и говорить что-нибудь, чтобы какъ-нибудь измѣнить свое положеніе». Послѣ этого Николенька пытается быть развязнымъ, но совершенно неумѣстно обращается съ шутками къ брату и къ Дубкову и еще болѣе смущается.

Изъ всего этого видно, что роль молодого человѣка comme il faut, которую хочетъ играть Николенька, совсѣмъ не по немъ, и герою приходится подвергать себя усиленной ломкѣ, которая въ концѣ концовъ не приводитъ къ желаемымъ результатамъ. Это стремленіе казаться инымъ, чѣмъ въ дѣйствительности, быть можетъ, составляетъ одну изъ отличительныхъ чертъ юношей, желающихъ подражать вполнѣ взрослымъ людямъ. Оно проявляется у Николеньки и въ обществѣ Неклюдовыхъ, и проявляется въ самыхъ утрированныхъ формахъ. «Я, разсказываетъ Николенька, старался казаться страстнымъ, восторгался, охалъ, дѣлалъ страстные жесты, когда что-нибудь мнѣ будто бы очень нравилось; вмѣстѣ съ тѣмъ старался казаться равнодушнымъ

ко всякому необыкновенному случаю, который видѣлъ или про который мнѣ разсказывали; старался казаться злымъ насмѣшникомъ, не имѣющимъ ничего святого, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, тонкимъ наблюдателемъ; старался казаться логическимъ во всѣхъ своихъ поступкахъ, точнымъ и аккуратнымъ въ жизни и вмѣстѣ съ тѣмъ презирающимъ все матеріальное. Могу смѣло сказать, что я былъ гораздо лучше въ дѣйствительности, чѣмъ то странное существо, которое я пытался представлять изъ себя».

Характеризуя разные моменты въ развитіи міросозерцанія Николеньки Иртенева, гр. Толстой изображаетъ намъ и ростъ его эмоціональной жизни. Въ этомъ отношеніи весьма любопытны тѣ указанія, которыя даются о дѣтской любви Николеньки. Здѣсь прежде всего отмѣтимъ слѣдующій эпизодъ, который произошелъ, когда сестра Николеньки, Любочка, нашла червяка, и Катенька, дочь гувернантки, разсматривала этого червяка. «Я, разсказываетъ Николенька, смотрѣлъ черезъ плечо Катеньки, которая старалась поднять червяка на листочкѣ, подставляя ему его на дорогѣ. Я замѣтилъ, что многія дѣвочки имѣютъ привычку подергивать плечами, стараясь этимъ движеніемъ привести спустившееся платье съ открытою шеей на настоящее мѣсто... Нагнувшись надъ червякомъ, Катенька сдѣлала это самое движеніе, и въ то же время вѣтеръ поднялъ косыночку съ ея бѣленькой шейки. Плечико во время этого движенія было на два пальца отъ моихъ губъ. Я смотрѣлъ уже не на червяка, смотрѣлъ-смотрѣлъ и изо всѣхъ силъ поцѣловалъ плечо Катеньки. Она не обернулась, но я замѣтилъ, что шейка ея и уши покраснѣли. Володя, не поднимая головы, презрительно сказалъ: «Что за нѣжности?»—У меня же были слезы на глазахъ. Я не спускалъ глазъ съ Катеньки. Я давно уже привыкъ къ ея свѣженькому, бѣлокуренькому личику и всегда любилъ его; но теперь я внимательнѣе сталъ всматриваться въ него и полюбилъ еще больше».

Въ этой вспышкѣ чувства къ Катенькѣ замѣчается какое-то безсознательное влеченіе физическаго характера: Николенька стремится приблизиться къ любимому существу, но не идеализируетъ его, не испытываетъ восторга, не проявляетъ самъ желанія передъ нимъ отличиться, очаровать его... Гораздо болѣе одухотворенности видно въ увлеченіи Николеньки Сонечкою Валахиной, и видно это уже съ самаго перваго момента. «Сонечка, разсказываетъ герой, занимала все мое вниманіе; я помню, что, когда Володя, Этьенъ и я разговаривали въ залѣ на такомъ мѣстѣ, съ котораго видна была Сонечка, и она могла видѣть и слышать насъ, я говорилъ съ удовольствіемъ; когда мнѣ случалось сказать, по моимъ понятіямъ, смѣшное или молодецкое словцо, я произносилъ его громче и оглядывался на дверь въ гостиную; когда же мы перешли на другое мѣсто, съ котораго насъ нельзя было ни слышать, ни видѣть изъ гостиной, я молчалъ и не находилъ больше никакого удовольствія въ разговорѣ» Этотъ восторгъ, это желаніе стать выше въ глазахъ предмета любви, это упоеніе своимъ успѣхомъ ярко выражаются, когда Николенька

танцуетъ съ Сонечкой. «Что это, восклицаетъ онъ, очарованный,—какъ мила была Сонечка Валахина, когда она противъ меня танцовала французскую кадриль съ неуклюжимъ молодымъ княземъ! Какъ мило она улыбалась, когда, въ «chaine», подавала мнѣ ручку! Какъ мило, въ тактъ, прыгали на головѣ ея русыя кудри, какъ наивно дѣлала она «jeté-assemblé» своими крошечными ножками. Въ пятой фигурѣ, когда моя дама перебѣжала отъ меня на другую сторону и когда я, выжидая тактъ, приготовлялся дѣлать соло, Сонечка серьезно сложила губки и стала смотрѣть въ сторону. Но напрасно она за меня боялась: я смѣло сдѣлалъ chassé en avant, chassé en arrière, glissade, и въ то время, какъ подходилъ къ ней, игривымъ движеніемъ показалъ ей перчатку съ двумя торчавшими пальцами. Она расхохоталась ужасно и еще милѣе засѣменила ножками по паркету. Еще помню я, какъ, когда мы дѣлали кругъ и всѣ взялись за руки, она нагнула головку и, не вынимая своей руки изъ моей, почесала носикъ о свою перчатку... Наступила и вторая кадриль, которую я танцовалъ съ Сонечкой. Усѣвшись рядомъ съ нею, я почувствовалъ чрезвычайную неловкость и рѣшительно не зналъ, о чемъ съ ней говорить, Когда молчаніе мое сдѣлалось слишкомъ продолжительнымъ, я сталъ бояться, чтобъ она не приняла меня за дурака, и рѣшился, во что бы то ни стало, вывести ее изъ такого заблужденія на мой счетъ. «Vous êtes une habitante de Moscou?—сказалъ я ей и послѣ утвердительнаго отвѣта продолжалъ:— Et moi, je n'ai jamais frèquenté la capitale,—разсчитывая въ особенности на эффектъ слова «frequenter». Я чувствовалъ, однако, что, хотя это начало было очень блестящее и вполнѣ доказывало мое высокое знаніе французскаго языка, продолжать разговоръ въ такомъ духѣ я не въ состояніи. Еще не скоро долженъ былъ притти нашъ чередъ танцовать, а молчаніе возобновилось; я съ безпокойствомъ посматривалъ на нее, желая знать, какое произвелъ впечатлѣніе, и ожидая отъ нея помощи. «Гдѣ вы нашли такую уморительную перчатку?»—спросила она меня вдругъ; и этотъ вопросъ доставилъ мнѣ большое удовольствіе и облегченіе. Я объяснилъ, что перчатка принадлежала Карлу Иванычу, распространился, даже нѣсколько иронически, о самой особѣ Карла Иваныча, о томъ, какой онъ бываетъ смѣшной, когда снимаетъ красную шапочку, и о томъ, какъ онъ разъ въ зеленой бекешѣ упалъ съ лошади—прямо въ лужу, и т. п. Кадриль прошла незамѣтно... Когда кадриль кончилась, Сонечка сказала мнѣ «merci» съ такимъ милымъ выраженіемъ, какъ будто я дѣйствительно заслужилъ ея благодарность. Я былъ въ восторгѣ, не помнилъ себя отъ радости и самъ не могъ узнать себя: откуда взялись у меня смѣлость, увѣренность и даже дерзость? «Нѣтъ вещи, которая бы могла меня сконфузить!—думалъ я, беззаботно разгуливая по залѣ:—я готовъ на все!» Сережа предложилъ мнѣ быть съ нимъ vis-à-vis. «Хорошо,—сказалъ я:—хотя у меня нѣтъ дамы, я найду». Окинувъ залу рѣшительнымъ взглядомъ, я замѣтилъ, что всѣ дамы были взяты, исключая одной большой дѣвицы, стоявшей

у двери гостиной. Къ ней подходилъ высокій молодой человѣкъ, какъ я заключилъ, съ цѣлью пригласить ее; онъ былъ отъ нея въ двухъ шагахъ, я же—на противоположномъ концѣ залы. Въ мгновеніе ока, граціозно скользя по паркету, пролетѣлъ я все раздѣляющее меня отъ нея пространство и, шаркнувъ ногой, твердымъ голосомъ пригласилъ ее на контрдансъ. Большая дѣвица, покровительственно улыбаясь, подала мнѣ руку, а молодой человѣкъ остался безъ дамы. Я имѣлъ такое сознаніе своей силы, что даже не обратилъ вниманія на досаду молодого человѣка».

Несмотря на то, что мазурка съ этой большой дѣвицей окончилась полной неудачей, Николенька въ слѣдующихъ танцахъ чувствуетъ себя очень хорошо. «Я, вспоминаетъ онъ, выдѣлывалъ ногами самыя забавныя штуки: то, подражая лошади, бѣжалъ маленькою рысцой, гордо поднимая ноги, то топоталъ ими на одномъ мѣстѣ, какъ баранъ, который сердится на собаку, при этомъ хохоталъ отъ души и нисколько не заботился о томъ, какое впечатлѣніе произвожу на зрителей. Сонечка тоже не переставала смѣяться: она смѣялась тому, что мы кружились, взявшись рука за руку, хохотала, глядя на какого-то стараго барина, который, медленно поднимая ноги, перешагнулъ черезъ платокъ, показывая видъ, что ему было очень трудно это сдѣлать, и помирала со смѣху, когда я вспрыгивалъ чуть не до потолка, чтобы показать свою ловкость. Проходя черезъ бабушкинъ кабинетъ, я взглянулъ на себя въ зеркало: лицо было въ поту, волосы растрепаны, вихры торчали больше, чѣмъ когда-нибудь; но общее выраженіе лица было такое веселое, доброе и здоровое, что я самъ себѣ понравился. «Если бъ я былъ всегда такой, какъ теперь,—подумалъ я,—я бы еще могъ понравиться». Но когда я опять взглянулъ на прекрасное личико моей дамы, въ немъ было, кромѣ того выраженія веселости, здоровья и беззаботности, которое понравилось мнѣ въ моемъ, столько изящной и нѣжной красоты, что мнѣ сдѣлалось досадно на самого себя: я понялъ, какъ глупо мнѣ надѣяться обратить на себя вниманіе такого чудеснаго созданія. Я не могъ надѣяться на взаимность, да и не думалъ о ней: душа моя и безъ того была преисполнена счастіемъ. Я не понималъ, что за чувство любви, наполнявшее мою душу отрадой, можно было бы требовать еще большаго счастія и желать чего-нибудь, кромѣ того, чтобы чувство это никогда не прекращалось. Мнѣ и такъ было хорошо. Сердце билось, какъ голубь, кровь безпрестанно приливала къ нему, и хотѣлось плакать. Когда мы проходили по корридору, мимо темнаго чулана подъ лѣстницей, я взглянулъ на него и подумалъ: что бы это было за счастіе, если бы можно было весь вѣкъ прожить съ ней въ этомъ темномъ чуланѣ, и чтобы никто не зналъ, что мы тамъ живемъ?—Не правда ли, что нынче очень весело?—сказалъ я тихимъ, дрожащимъ голосомъ и прибавилъ шагу, испугавшись не столько того, что сказалъ, сколько того, что намѣренъ былъ сказать.—Да... очень!—отвѣчала она, обративъ ко мнѣ головку съ такимъ истинно-добрымъ выраженіемъ, что я пере-

сталъ бояться.—Особенно послѣ ужина... Но если бы вы знали, какъ мнѣ жалко (я хотѣлъ сказать «грустно», но не посмѣлъ), что вы скоро уѣдете и мы больше не увидимся.—Отчего же не увидимся?—сказала она, пристально всматриваясь въ кончики своихъ башмачковъ и проводя пальчиками по рѣшетчатымъ ширмамъ, мимо которыхъ мы проходили,—каждый вторникъ и пятницу мы съ мамашей ѣздимъ на Тверской бульваръ. Вы развѣ не ходите гулять?—Непремѣнно будемъ проситься во вторникъ, и если меня не пустятъ, я одинъ убѣгу,—безъ шапки. Я дорогу знаю.—Знаете что,—сказала вдругъ Сонечка:—я съ одними мальчиками, которые къ намъ ѣздятъ, всегда говорю *ты*; давайте и съ вами говорить *ты*. Хочешь?—прибавила она, встряхнувъ головкой и взглянувъ мнѣ прямо въ глаза. Въ это время мы входили въ залу и начиналась другая, живая часть гросфатера.—Давай... те,—сказалъ я въ то время, когда музыка и шумъ могли заглушить мои слова.—Давай *ты*, а не давайте,—поправила Сонечка и засмѣялась. Гросфатеръ кончился, а я не успѣлъ сказать ни одной фразы съ *ты*, хотя не переставалъ придумывать такія, въ которыхъ мѣстоименіе это повторялось бы нѣсколько разъ. У меня не доставало на это смѣлости. «Хочешь?», «давай ты» звучало въ моихъ ушахъ и производило какое-то опьянѣніе: я ничего и никого не видалъ, кромѣ Сонечки. Видѣлъ я, какъ подобрали ея локоны, заложили ихъ за уши и открыли часть лба и висковъ, которыхъ я не видалъ еще; видѣлъ я, какъ укутали ее въ зеленую шаль такъ плотно, что виднѣлся только кончикъ ея носика; замѣтилъ, что если бъ она не сдѣлала своими розовенькими пальчиками маленькаго отверстія около рта, то непремѣнно бы задохнулась, и видѣлъ, какъ она спускаясь съ лѣстницы за своею матерью, быстро повернулась къ намъ, кивнула головкой и исчезла за дверью».

Послѣ окончанія бала, уже въ постели Николенька отдается мечтамъ о Сонечкѣ. «Я вскочилъ,—передаетъ онъ,—на четвереньки, живо представляя себѣ ея личико, закрылъ голову одѣяломъ, подвернулъ его подъ себя со всѣхъ сторонъ и, когда нигдѣ не осталось отверстій, улегся и, ощущая пріятную теплоту, погрузился въ сладкія мечты и воспоминанія. Устремивъ неподвижные взоры въ подкладку стеганаго одѣяла, я видѣлъ ее такъ же ясно, какъ часъ тому назадъ; я мысленно разговаривалъ съ нею, и разговоръ этотъ, хотя не имѣлъ ровно никакого смысла, доставлялъ мнѣ неописанное наслажденіе, потому что *ты*, *тебѣ*, съ *тобой*, *твои* встрѣчались въ немъ безпрестанно. Мечты эти были такъ ясны, что я не могъ заснуть отъ сладостнаго волненія, и мнѣ хотѣлось подѣлиться съ кѣмъ-нибудь избыткомъ своего счастія». Однако, попытка повѣдать о своемъ чувствѣ старшему брату оказалась крайне неудачной, такъ какъ Володя обнаружилъ при этомъ довольно матеріалистическій взглядъ и этимъ оскорбилъ идеально-настроеннаго мечтателя, Николеньку.

Во всѣхъ этихъ отношеніяхъ къ Сонечкѣ Валахиной любовь имѣетъ чисто дѣтскій характеръ, и весьма поэтому важно изображеніе новаго свойства, ко-

торое чувство любви пріобрѣтаетъ у Николеньки на порогѣ юношескаго возраста. Вотъ что онъ разсказываетъ о своемъ отношеніи къ горничной Машѣ: «Съ тѣхъ поръ, какъ помню себя, помню я и Машу въ нашемъ домѣ, и никогда, до случая, перемѣнившаго совершенно мой взглядъ на нее, — я не обращалъ на нее ни малѣйшаго вниманія. Машѣ было лѣтъ двадцать пять, когда мнѣ было четырнадцать; она была очень хороша; но я боюсь описывать ее, боюсь, чтобы воображеніе снова не представило мнѣ обворожительный и обманчивый образъ, составившійся въ немъ во время моей страсти. Чтобы не ошибиться, скажу только, что она была необыкновенно бѣла, роскошно развита и была женщина; а мнѣ было четырнадцать лѣтъ». Какъ-то случайно Николенька замѣтилъ, что его братъ, Володя, заигрываетъ съ Машей, и это имѣло для него огромное значеніе. «Не могу выразить, говоритъ онъ, до какой степени меня изумило это открытіе; однако, чувство изумленія скоро уступило мѣсто сочувствію поступку Володи: меня уже не удивлялъ самый его поступокъ, но то, какимъ образомъ онъ постигъ, что пріятно такъ поступать. И мнѣ невольно захотѣлось подражать ему. Я по цѣлымъ часамъ проводилъ иногда на площадкѣ безъ всякой мысли, съ напряженнымъ вниманіемъ прислушиваясь къ малѣйшимъ движеніямъ, происходившимъ наверху; но никогда не могъ принудить себя подражать Володѣ, несмотря на то, что мнѣ этого хотѣлось больше всего на свѣтѣ. Иногда, притаившись за дверью, я съ тяжелымъ чувствомъ зависти и ревности слушалъ возню, которая поднималась въ дѣвичьей, и мнѣ приходило въ голову: каково бы было мое положеніе, ежели бы я пришелъ наверхъ и такъ же, какъ Володя, захотѣлъ бы поцѣловать Машу? что бы я сказалъ съ своимъ широкимъ носомъ и торчавшими вихрами, когда бы она спросила у меня, чего мнѣ нужно? Иногда я слышалъ, какъ Маша говорила Володѣ: «вотъ наказаніе! что же вы, въ самомъ дѣлѣ, пристали ко мнѣ, идите отсюда, шалунъ этакій... Отчего Николай Петровичъ никогда не ходитъ сюда и не дурачится...» Она не знала, что Николай Петровичъ сидитъ въ эту минуту подъ лѣстницей и все на свѣтѣ готовъ отдать, чтобы только быть на мѣстѣ шалуна Володи».

Не будемъ болѣе подробно останавливаться на прочихъ чертахъ духовнаго развитія Николеньки и обратимся къ нѣкоторымъ другимъ типамъ дѣтей въ первыхъ повѣстяхъ гр. Толстого. Здѣсь прежде всего передъ нами старшій братъ Николеньки — Володя, который представляетъ ему собою полную противоположность: какъ Николенька натура глубокая, съ самыхъ раннихъ лѣтъ преданная мучительному исканію, выработкѣ міросозерцанія, такъ Володя — весь во внѣшности и живетъ, не стараясь себѣ осмыслить окружающія явленія, не углубляясь въ нравственную оцѣнку своихъ поступковъ; поэтому, когда Николенька колеблется, раздумываетъ, Володя дѣйствуетъ вполнѣ рѣшительно; поэтому онъ всегда долженъ пользоваться успѣхомъ въ разныхъ житейскихъ отношеніяхъ, тогда какъ Николенькѣ мѣшаетъ его «рефлексія». Изъ

другихъ мальчиковъ авторъ никого не очерчиваетъ такъ подробно, какъ этихъ двухъ, а поэтому обратимся къ образамъ дѣвочекъ.

Кромѣ Сонечки Валахиной и гораздо важнѣе ея, представлены намъ два типа, сестра Николеньки—Любочка и дочь гувернантки—Катенька. Онѣ являются прототипами Наташи Ростовой и Сони въ романѣ «Война и миръ», и въ особенности много сходства между Любочкой и Наташей какъ по внѣшности, по манерамъ, такъ и по духовному строю. Приведемъ здѣсь характеристику Катеньки и Любочки. «Катенькѣ шестнадцать лѣтъ; она выросла; угловатость формъ, застѣнчивость и неловкость движеній, свойственныя дѣвочкѣ въ переходномъ возрастѣ, уступили мѣсто гармонической свѣжести и граціозности только что распустившагося цвѣтка; но она не перемѣнилась. Тѣ же свѣтлоголубые глаза и улыбающійся взглядъ, тотъ же, составляющій почти одну линію со лбомъ, прямой носикъ съ крѣпкими ноздрями и ротикъ съ свѣтлой улыбкой, тѣ же крошечныя ямочки на розовыхъ, прозрачныхъ щечкахъ, тѣ же бѣленькія ручки... и къ ней попрежнему почему-то чрезвычайно идетъ названіе чистенькой дѣвочки. Новаго въ ней только густая, русая коса, которую она носитъ, какъ большія, и молодая грудь, появленіе которой замѣтно радуетъ и стыдитъ ее. Несмотря на то, что Любочка всегда росла и воспитывалась съ нею вмѣстѣ, она во всѣхъ отношеніяхъ совсѣмъ другая дѣвочка. Любочка невысока ростомъ и вслѣдствіе англійской болѣзни у нея ноги до сихъ поръ еще гусемъ и прегадкая талія. Хорошаго во всей ея фигурѣ только глаза, и глаза эти дѣйствительно прекрасны—большіе черные и съ такимъ непреодолимо-пріятнымъ выраженіемъ важности и наивности, что они не могутъ не остановить вниманія. Любочка во всемъ проста и натуральна; Катенька же какъ-будто хочетъ быть похожею на кого-то. Любочка смотритъ всегда прямо и иногда, остановивъ на комъ-нибудь свои огромные черные глаза, не спускаетъ ихъ такъ долго, что ее бранятъ за это, говоря, что это неучтиво; Катенька, напротивъ, опускаетъ рѣсницы, щурится и увѣряетъ, что она близорука, тогда какъ я очень хорошо знаю, что она прекрасно видитъ. Любочка не любитъ ломаться при постороннихъ, и, когда кто-нибудь при гостяхъ начинаетъ ее цѣловать, она дуется и говоритъ, что терпѣть не можетъ *нѣжностей*; Катенька, напротивъ, всегда при гостяхъ дѣлается особенно нѣжна къ Мими и любитъ, обнявшись съ какою-нибудь дѣвочкой, ходить по залѣ. Любочка—страшная хохотунья и иногда, въ припадкѣ смѣха, машетъ руками и бѣгаетъ по комнатѣ; Катенька, напротивъ, закрываетъ ротъ платкомъ или руками, когда начинаетъ смѣяться. Любочка всегда сидитъ прямо и ходитъ, опустивъ руки; Катенька держитъ голову нѣсколько на бокъ и ходитъ, сложивъ руки. Любочка всегда ужасно рада, когда ей удается поговорить съ большимъ мужчиной, и говоритъ, что она непремѣнно выйдетъ за гусара: Катенька же говоритъ, что всѣ мужчины ей гадки, что она никогда не выйдетъ замужъ, и дѣлается совсѣмъ другая, какъ будто она боится чего, когда мужчина съ

ней говоритъ. Любочка вѣчно негодуетъ на Мими за то, что ее такъ стягиваютъ корсетами, что «дышать нельзя», и любитъ покушать; Катенька, напротивъ, часто, поддѣвая палецъ подъ мысъ своего платья, показываетъ намъ, какъ ей широко, и ѣстъ чрезвычайно мало. Любочка любитъ рисовать головки; Катенька же рисуетъ только цвѣты и бабочекъ. Любочка играетъ очень отчетливо Фильдовскіе концерты, нѣкоторыя сонаты Бетховена; Катенька играетъ варіаціи и вальсы, задерживаетъ темпъ, стучитъ, безпрестанно беретъ педаль и, прежде чѣмъ начинаетъ играть что-нибудь, съ чувствомъ беретъ три аккорда arpeggio.

Образы дѣтей встрѣчаются и въ послѣдующихъ произведеніяхъ гр. Л. Н. Толстого, и очерчены они конечно, съ тѣмъ же мастерствомъ. Изъ этихъ типовъ болѣе всего интересенъ сынъ князя Андрея Болконскаго, Николенька. Это былъ «15-лѣтній худой, съ вьющимися русыми волосами и прекрасными глазами, болѣзненный, умный мальчикъ», воспитывающійся въ домѣ своего дядя, Николая Ростова. Онъ радуется очень сильно пріѣзду въ домъ Пьера Безухова, который былъ предметомъ его восхищенія и страстной любви. Пьеръ привлекаетъ симпатіи Николеньки прежде всего какъ другъ его покойнаго отца, а затѣмъ какъ выразитель нѣкоторыхъ политическихъ взглядовъ. Представляя политическій споръ Пьера и Николая Ростова, гр. Толстой указываетъ, какъ относился къ этому спору Николенька, здѣсь присутствовавшій. «Всякое слово Пьера жгло его сердце, и онъ нервнымъ движеніемъ пальцевъ ломалъ, самъ не замѣчая этого, попадавшіеся ему въ руки сургучи и перья на столѣ дяди». Споръ шелъ о Союзѣ Благоденствія, о реакціи временъ императора Алексадра I, и Пьеръ рѣшительно отстаивалъ прогрессивныя стремленія тайныхъ обществъ. «Когда всѣ поднялись къ ужину, Николенька Болконскій подошелъ къ Пьеру, блѣдный, съ блестящими, лучистыми глазами. — Дядя Пьеръ... вы... нѣтъ... Ежели бы папа былъ живъ... онъ бы согласенъ былъ съ вами?» — спросилъ онъ. Пьеръ вдругъ понялъ, какая особенная независимая, сложная и сильная работа чувства и мысли должна была происходить въ этомъ мальчикѣ во время разговора, и, вспомнивъ все, что онъ говорилъ, ему стало досадно, что мальчикъ слышалъ его. Однако надо было отвѣтить ему.—Я думаю, что да,—сказалъ онъ неохотно и вышелъ изъ кабинета. Мальчикъ нагнулъ голову и тутъ въ первый разъ какъ будто замѣтилъ, что онъ надѣлалъ на столѣ. Онъ вспыхнулъ и подошелъ къ Николаю. «Дядя, извини меня, это я сдѣлалъ... нечаянно,—сказалъ онъ, показывая на поломанные сургучи и перья». Разговоръ Пьера и Николая производитъ на мальчика такое сильное впечатлѣніе, что отражается даже въ сновидѣнія. «Николенька, только что проснувшись въ холодномъ поту, съ широко раскрытыми глазами, сидѣлъ на своей постели и смотрѣлъ передъ собою. Страшный сонъ разбудилъ его. Онъ видѣлъ во снѣ себя и Пьера въ каскахъ, такихъ, которыя были нарисованы въ изданіи Плутарха. Они съ дядей Пьеромъ шли впереди огромнаго войска. Войско было

составлено изъ бѣлыхъ, косыхъ линій, наполнявшихъ воздухъ подобно тѣмъ паутинамъ, которыя летаютъ осенью. Впереди была слава, такая же, какъ и эти нити, но только нѣсколько плотнѣе. Они—онъ и Пьеръ—неслись легко и радостно, все ближе и ближе къ цѣли. Вдругъ нити, которыя двигали ихъ, стали ослабѣвать, путаться; стало тяжело. И дядя Николай Ильичъ остановился передъ ними въ грозной и строгой позѣ. «Это вы сдѣлали?» — сказалъ онъ, указывая на поломанные сургучи и перья.—Я любилъ васъ, но Аракчеевъ велѣлъ мнѣ, и я убью перваго, кто двинется впередъ». Николенька оглянулся на Пьера; но Пьера уже не было. Пьеръ былъ отецъ—князь Андрей и отецъ не имѣлъ образа и формы, но онъ былъ, и видя его, Николенька почувствовалъ слабость любви: онъ почувствовалъ себя безсильнымъ, безкостнымъ и жидкимъ. Отецъ ласкалъ и жалѣлъ его. Но дядя Николай Ильичъ все ближе и ближе двигался на нихъ. Ужасъ охватилъ Николеньку, и онъ проснулся. «Отецъ—думалъ онъ. - Отецъ былъ со мною и ласкалъ меня. Онъ одобрялъ меня, онъ одобрялъ дядю Пьера... Что бы онъ ни говорилъ, я сдѣлаю это. Муцій Сцевола сжегъ свою руку. Но отчего же и у меня въ жизни не будетъ того же? Я знаю, они хотятъ, чтобы я учился. И я буду учиться. Но когда-нибудь я перестану, и тогда я сдѣлаю. Я только объ одномъ прошу Бога: чтобы было со мною то, что было съ людьми Плутарха, и я сдѣлаю то же. Я сдѣлаю лучше. Всѣ узнаютъ, всѣ полюбятъ, всѣ восхитятся мною»...

Таковы черты дѣтской психологіи, съ которыми насъ знакомитъ гр. Толстой; но, кромѣ дѣтей, онъ показываетъ намъ и ихъ воспитателей, выводя передъ нами такія яркія фигуры, какъ Карлъ Ивановичъ Мауреръ и Saint-Jérome. Первый изъ нихъ, какъ извѣстно, совершенно случайно сдѣлался педагогомъ, онъ совсѣмъ не получилъ никакого образованія, а между тѣмъ онъ неизмѣримо выше именно въ воспитательномъ отношеніи, чѣмъ такой патентованный педагогъ и образованный человѣкъ, какъ St. Jérome: у него есть отъ природы одно изъ могущественныхъ средствъ педагогіи — сердечность, и потому онъ огромная сила въ сравненіи съ St. Jérom'омъ. Вотъ какую параллель даетъ намъ Толстой: «St. Jérome жилъ у насъ уже полтора года. Обсуживая теперь хладнокровно этого человѣка, я нахожу, что онъ былъ хорошій французъ, но французъ въ высшей степени. Онъ былъ не глупъ, довольно хорошо ученъ и добросовѣстно исполнялъ въ отношеніи насъ свою обязанность, но онъ имѣлъ общія всѣмъ его землякамъ и столь противоположныя русскому характеру отличительныя черты легкомысленнаго эгоизма, тщеславія, дерзости и невѣжественной самоувѣренности. Все это мнѣ очень не нравилось. Само собою разумѣется, что бабушка объяснила ему свое мнѣніе насчетъ тѣлеснаго наказанія, и онъ не смѣлъ бить насъ; но, несмотря на это, онъ часто угрожалъ, въ особенности мнѣ, розгами и выговаривалъ слово

fouetter (какъ-то fouatter), такъ отвратительно и съ такой интонацiей, какъ будто высѣчь меня доставило бы ему величайшее удовольствiе. Я нисколько не боялся боли наказанiя, никогда не испытывалъ ея, но одна мысль, что St. Jérome можетъ ударить меня, приводила меня въ тяжелое состоянiе подавленнаго отчаянiя и злобы».

«Случалось, что Карлъ Ивановичъ, въ минуту досады, лично расправлялся съ нами линейкой или помочами, но я безъ малѣйшей досады вспоминаю объ этомъ. Даже въ то время, о которомъ я говорю (когда мнѣ было четырнадцать лѣтъ), ежели бы Карлу Ивановичу случилось приколотить меня, я хладнокровно перенесъ бы его побои. Карла Ивановича я любилъ, помнилъ его съ тѣхъ поръ, какъ самого себя, и привыкъ считать членомъ своего семейства; но St. Jérome былъ человѣкъ гордый, самодовольный, къ которому я ничего не чувствовалъ, кромѣ того невольнаго уваженiя, которое внушали мнѣ всѣ *большiе*. Карлъ Ивановичъ былъ смѣшной старикъ, *дядька*, котораго я любилъ отъ души, но ставилъ все-таки ниже себя въ моемъ дѣтскомъ пониманiи общественнаго положенiя. St. Jérome, напротивъ, былъ образованный, красивый молодой щеголь, старавшiйся стать наравнѣ со всѣми. Карлъ Ивановичъ бранилъ и наказывалъ насъ всегда хладнокровно; видно было, что онъ считалъ это хотя необходимою, но непрiятною обязанностью St. Jérome, напротивъ, любилъ драпироваться въ роль наставника; видно было, когда онъ наказывалъ насъ, что онъ дѣлалъ это болѣе для собственнаго удовольствiя, чѣмъ для нашей пользы. Онъ увлекался своимъ величiемъ. Его пышныя французскiя фразы, которыя онъ говорилъ съ сильными ударенiями на послѣднемъ слогѣ, accents circonflex'ами, были для меня невыразимо противны. Карлъ Ивановичъ, разсердившись, говорилъ: «кукольная комедiя, шалунья мальшикъ, шампанская мушка». St. Jérome называлъ насъ mauvais sujet, vilain garnement и т. п. названiями, которыя оскорбляли мое самолюбiе. Карлъ Ивановичъ ставилъ насъ на колѣни лицомъ въ уголъ, и наказанiе состояло въ физической боли, происходившей отъ такого положенiя; St. Jérome, выпрямляя грудь и дѣлая величественный жестъ рукою, трагическимъ голосомъ кричалъ: «à genoux, mauvais sujet!»—приказывалъ становиться на колѣни лицомъ къ себѣ и просить прощенiя. Наказанiе состояло въ униженiи».

Вслѣдствiе такихъ отношенiй Карлъ Ивановичъ любимъ своими воспитанниками, тогда какъ къ St. Jérôm'у, несмотря на всѣ его достоинства, Николенька питаетъ настоящую ненависть. Въ этой параллели гр. Толстой попоказалъ намъ значенiи въ воспитанiи двухъ началъ: сердечности и формализма. Послѣднимъ свойствомъ отличается St. Jérome, его можно видѣть у учителя исторiи, который подсмѣивается надъ Николенькой, у профессоровъ въ университетѣ, съ наслажденiемъ отдающихся той борьбѣ сильнаго съ слабымъ которая происходитъ на экзаменахъ. Сердечность составляетъ отличительную черту Карла Ивановича, и она есть одинъ изъ сильнѣйшихъ, если не самый

сильный двигатель воспитанія: она рождаетъ любовь воспитанниковъ къ воспитателю, а при помощи этой любви воспитатель можетъ достигнуть такихъ результатовъ, къ какимъ не приведутъ и самые усовершенствованные педагогическіе пріемы.

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ 1904 г.

ОРИГИНАЛЬНЫЯ СТАТЬИ.

Б.

Бехтеревъ В. М. Біологическое значеніе психики . . . . I, 1; II, 83; III, 114
Онъ-же. Что такое внушеніе . . . . I, 35
Онъ-же. Объ устройствѣ Психо-неврологическаго института въ С.-Петербургѣ . . . . V, 273
Онъ-же. Новый аппаратъ для изслѣдованія слухового воспріятія . VII, 500
Онъ-же. О личномъ и общемъ сознаніи . . . . VIII. 541; IX, 625
Онъ-же. Объективная психологія и ея предметъ . . . . IX, 650; X, 721
Блуменау Л. В. Нравственная эволюція и вырожденіе . . . . I, 21
Онъ-же Къ вопросу о Гамлетѣ . . . . VI, 379
Бобровъ Е. А. Психогенезисъ внѣшняго міра . . . . IV, 193
Бороздинъ А. К. Дѣти въ произведеніяхъ гр. Л. Н. Толстого . . . . X, 768
Бышевскій Н. О., Кирстъ А. Н. и Навроцкій Н. Я. Наблюденія надъ развитіемъ зрительной памяти у кадетъ отъ 11 до 15 лѣтняго возраста включительно . . . . IX, 667

В.

Вагнеръ В. А. Головной мозгъ безпозвоночныхъ, какъ органъ жизни. VII, 478; VIII, 584
Вяземскій I. В. Очеркъ исторіи развитія современнаго гипнотизма . . X, 737

Г.

Гебгардъ Р. В. Теорія Шопенгауера и «Гамлетъ» Шекспира . . . . . X, 762

Д.

Дриль Д. А. Наука уголовной антропологіи, ея предметъ и задачи . . I, 12
Онъ-же. Царствіе Божіе внутри насъ . . . . II, 1
Онъ-же. Загадочные скороспѣлые убійцы . . . . IX, 642

Ж.

Жаковъ К. Θ. Къ вопросу о происхожденіи познанія и интеллекта . . VIII, 553

К.

Кармазина Е. и Сухова В. Вліяніе настроенія на характеръ и быстроту ассоціацій . . . . VIII, 562
Кирстъ А. Н., Бышевскій Н. О. и Навроцкій Н. Я. Наблюденія надъ развитіемъ зрительной памяти у кадетъ отъ 11 до 15-лѣтняго возраста включительно . . . . IX, 667
Корольковъ Н. Экспериментальныя данныя къ вопросу объ ассоціаціяхъ V, 333
Кремлевъ А. Н. Можно-ли называть Гамлета дегенерантомъ . . . . VI, 369
Крогіусъ А. А. О нѣкоторыхъ особенностяхъ душевной жизни слѣпыхъ IV 235

Л.

Лазурскій А. Ф. О значеніи эксперимента въ психологіи . . . . . . III 141
Онъ-же. Программа изслѣдованія личности . . . . IX, 686
Лосскій Н. О. Недостатки традиціонной классификаціи психическихъ явленій . . . . V, 276

Н.

Навроцкій Н. Я., Бышевскій Н. О. и Кирстъ А. Н. Наблюденія надъ развитіемъ зрительной памяти у кадетъ отъ 11 до 15-лѣтняго возраста включительно . . . . IX, 667
Нечаевъ А. П. О силѣ дѣтской памяти . . . . I, 49
Онъ-же. Ассоціація сходства . . . . IV, 207; V, 291; VI, 387
Онъ-же. Первый конгрессъ экспериментальной психологіи . . . . . VI, 426
Онъ-же. Ассоціація, какъ законъ воспроизведенія представленій . . . VIII, 529
Никитинъ М. П. О массовыхъ галлюцинаціяхъ и иллюзіяхъ . . . . . II, 50

О.

Осиповъ В. П. Лѣченіе внушеніемъ безъ гипноза . . . . III, 97

П.

Португаловъ Ю. В. Научныя проблемы криминологіи . . . . VII, 456
Пѣвницкій А. А. Къ вопросу объ яснослышаніи . . . . VII, 449

С.

Санкетти Л. А. Трагическое . . . . IV, 219; V, 311; VI, 411
С. В. Второй международный философскій конгрессъ . . . . . VIII, 601
Серебрениковъ В. С. Ученіе Лейбница о безсознательной душевной жизни II, 17
Сухова В. и Кармазина Е. Вліяніе настроенія на характеръ и быстроту ассоціацій . . . . VIII, 562

Ш.

Шайкевичъ М. О. Психопатологическія черты героевъ Максима Горькаго, I, 55; II, 40; III, 124
Шафрановъ П. О памяти зрительныхъ воспріятій . . . . IX, 670

Щ.

Щегловъ А. Л. Умственная работоспособность несовершеннолѣтнихъ преступниковъ . . . . III, 106

Э.

Эриксонъ Э. О психикѣ чешуекрылыхъ насѣкомыхъ . . . . VII, 494

Ѳ.

Ѳедотовъ П. М. Къ вопросу о значеніи провинціальныхъ педагогическихъ кружковъ . . . . IX, 662

Предметный Указатель.

А.

Абстракція Опыты надъ а. VI, 435.

Автоматическое письмо. IX, 625, 637.

Алкоголизмъ. Амбулаторія для лѣченія алкоголиковъ. III, 185. Значеніе алкоголизма для вырожденія. I, 32. Лѣченіе алкоголизма внушеніями. I, 71. Лѣченіе а гипнозомъ въ амбулаторіи при клиникѣ Акад. В. М. Бехтерева. III, 174. О лѣченіи запоя и затяжного пьянства внушеніемъ въ гипнозѣ. V, 350. Основы психотерапіи при лѣченіи а. III, 186. Пользованіе гипнозомъ и внушеніями для подъема нравственныхъ чувствъ при лѣченіи пьянства, V, 351-

Алкоголики, вмѣняемость ихъ. V, 360.

Альтруистическія чувства, отсутствіе и тупость ихъ. I, 26. VI, 373.

Аппараты, см. приборы.

Апперцепція, по ученію Лейбница. II, 18.

Ассоціація по сходству и смежности. IV, 207; V, 291, VI. 387. А., какъ законъ воспроизведенія представленій. VII, 529. Безполезность признанія а по сходству. IV, 210; V, 298, 305; VI, 392, 397. Принципіальныя возраженія противъ а. по сходству. IV, 214; V, 296, 302, 307, 310; VI, 390, 395, 397. Противорѣчія гипотезы сходства опыту. IV, 216; V, 292, 309; VI, 387, 395. Вліяніе настроенія на характеръ и быстроту а. VIII, 562 и слѣд. Программа изслѣдованія а. въ цѣляхъ индивидуальной психологіи. IX, 694. Экспериментальныя данныя по вопросу объ ассоціаціяхъ. V, 333 и слѣд.

Б.

Безплодіе, связь его съ вырожденіемъ. I, 31.

Безсознательная душевная жизнь. Взгляды Лейбница на б. д. ж. II, 17. Доказательство Лейбница въ пользу существованія б. д. ж. II, 27. Значеніе безсознательныхъ факторовъ при оцѣнкѣ разстояній. IV, 262. О б. д. ж. VIII, 541 и слѣд.

Боязнь безсонницы. V, 349.

Бредъ. Методика психологическаго изслѣдованія бреда. I, 83.

Брошюры и книги, поступившія въ редакцію. VIII, 624.

Буддійская философія; критическое направленіе въ ней. II, 87.

Быстрота психическихъ процессовъ—см. скорость.

Бытіе, индивидуальное и координальное. IV, 194.

В.

Вкусъ, вложенный въ произведеніе искусства, и отношеніе его къ чувственному вкусу. VIII, 610. Біологическое значеніе вкуса. X, 735.

Вмѣняемость алкоголиковъ. V, 360. Неполная или уменьшенная в. V, 362.

Вниманіе. Значеніе для в. интереса и привычки, по Лейбницу. II, 24. Колебанія в при восприятіи однородныхъ зрительныхъ впечатлѣній. II, 85. Объ измѣреніи в. у отсталыхъ дѣтей. VII, 519. Объ условіяхъ привлеченья и сосредоточенья в. VIII, 618. Періодическія колебанія в. III, 152. Программа изслѣдованія в въ цѣляхъ индивидуальной психологіи. IX, 695. Разстройство в. у страдающихъ тикомъ. II, 74. Роль осмысливанья при запоминаніи и вниманіи. IV, 262 Вниманіе у малолѣтнихъ преступниковъ. III, 112

Внушаемость, изслѣдованіе ея. III, 153.

Внушеніе, опредѣленіе его. I, 37 и слѣд. I, 47. В. въ судебной медицинѣ. II, 78. В. и гипнотизмъ въ психологіи народовъ. VII, 521. Лѣченіе внушеніемъ безъ гипноза. III, 97. Лѣченіе алкоголизма внушеніемъ—см. алкоголизмъ.

Внѣшній міръ, психогенезисъ его. IV, 193. В. м. съ точки зрѣнія солипсизма. IV, 198 и критицизма IV, 200.

Волюнтаризмъ. Основныя ученія психологіи съ точки зрѣнія в. I, 78.

Воля. Программа изслѣдованія в. для цѣлей индивидуальной психологіи. IX, 706 и слѣд. Опредѣленіе воли. IX, 709.

Воображеніе. Программа изслѣдованія в. въ цѣляхъ индивидуальной психологіи. IX, 698.

Вопросникъ для собиранія матеріала объ особенностяхъ юношескаго возраста. III, 190.

Воспитаніе, значеніе его въ біологической эволюціи. III, 121. Нравственное в. и преподаваніе морали. VII, 511. О семейномъ воспитаніи III, 162.

Воспріятіе, активное и пассивное. I, 43 и слѣд. IX, 630 и слѣд. В., замѣтное и незамѣтное, сознательное и безсознательное. II, 18 и слѣд.; доказательства Лейбница въ пользу существованія безсознательныхъ воспріятій, II, 30 и слѣд. Біологическая исторія внѣшняго воспріятія. VIII, 554. В. буквъ и словъ при моментальномъ освѣщеніи. VI, 432. Изслѣдованіе чувственнаго в. въ Лейпцигской лабораторіи. III, 145. Къ вопросу объ образованіи зрительныхъ воспріятій. III, 181. Новыя изслѣдованія в. глубины. VI, 433. Программа изслѣдованія в. въ цѣляхъ индивидуальной психологіи. IX, 692. Слабая воспріимчивость на цвѣта. VI, 433.

Воспроизведенныя представленія при узнаваніи и сравниваніи VII, 514.

Воспроизведеніе. О сущности воспроизведенія. VI, 435. Ассоціація, какъ законъ в. представленій. VIII, 529.

Выразительныя движенія. VI, 436.

Вырожденіе. I, 21 и слѣд. Гамлетъ и вырожденіе, VI, 373 и слѣд. IX, 718.

Высота тона Опредѣленіе в. т. въ микромиллиметрахъ. VI, 433.

Вѣсовыя иллюзіи у ненормальныхъ субъектовъ. VII. 520.

Г.

Галлюцинаціи массовыя. II, 50. М. г. въ исторіи. II, 51. М. г. сравнительно недавняго времени. II. 55. М. г. близъ Саровскаго монастыря. II, 57. Условія возникновенія м. г. II, 60.

Гамлетъ Можно-ли называть Гамлета дегенерантомъ. VI, 369 и слѣд. Къ вопросу о Гамлетѣ. VI, 379 и слѣд. Теорія Шопенгауера о безуміи и Гамлетъ Шекспира. X, 762.

Геній.—Ѳ. М. Достоевскій. VII, 517.

Геометрическія зрительныя иллюзіи. VI, 432.

Гипнозъ, значеніе его для внушенія. I, 48. Г. и его судебно медицинское значеніе. VIII, 614. Г. при неизлѣчимыхъ органическихъ пораженіяхъ. III, 174. Къ вопросу о сущности гипноза. III. 187. Лѣченіе морской болѣзни гипнозомъ. VIII, 616. Лѣченіе пьянства гипнозомъ см. алкоголизмъ. Психологическія условія развитія г. III, 173.

Гипнотизмъ и внушеніе. I, 69. Внушеніе и г. въ психологіи народовъ. VII, 521. Исторія развитія современнаго гипнотизма. X, 737. См. также гипнозъ.

Глубина. Новыя изслѣдованія воспріятія г. VI, 433.

Головной мозгъ безпозвоночныхъ, какъ органъ жизни. VII, 478; VIII, 84.

Гораціо, въ Гамлетѣ Шекспира. X, 767.

Д.

Двойное сознаніе. VIII, 548; IX. 625 и слѣд. Случай д. с. V, 348.

Дерматологія, примѣненіе къ ней психотерапіи. VIII, 616.

Дидактика, экспериментальная. V, 316; VI, 438.

Достоевскій Ѳ. М.—геній. VII, 517.

Душа. Д., какъ бытіе координальное и индивидуальное. IV, 203. Міръ, находящійся внѣ моей души, какъ міръ души. IV, 207. Мозгъ и душа. III. 161. Опредѣленіе души, по Лейбницу. II, 18. Плюралистичность индивидуальныхъ душъ IV. 205.

Дѣти. Доклады по дѣтской психологіи на конгрессѣ экспериментальной психологіи. VI, 437. Душевныя болѣзни дѣтскаго, въ особенности школьнаго возраста. IV, 263. Дѣти въ произведеніяхъ гр. Л. Н. Толстого. X, 768. Дѣтскій міръ, международная научно-промышленная выставка. I, 91. Изслѣдованіе дѣтей при Клэркскомъ Университетѣ. I, 90. Память, дѣтская. I, 49. Совращеніе дѣтей на путь преступленій. V, 352. Статьи И. И. Янжула по д. психологіи. VII, 510.

Е.

Ежегодникъ, педологическій подъ ред. проф. Шуйтена. V, 342.
Естественное право. Значеніе философіи Канта для идеи естественнаго права. V, 367.
Естественный отборъ Дарвина. I, 9; II, 92.

Ж.

Животный магнетизмъ. X, 748 и слѣд.

З.

Загадочные скороспѣлые убійцы. IX, 642.
Задержка нервнопсихической энергіи, какъ факторъ сознанія. X, 721 и слѣд.
Запоминаніе. Роль осмысливанья при з. и вниманія. IV 262.
Заучиванье. Экономія и техника его II, 62 и слѣд. Процессъ з. у слѣпыхъ. IV, 253.
Злодѣйство, отношеніе его къ трагическому началу, IV, 227.
Зрительная память, развитіе ея у кадетъ отъ 11–15-лѣтняго возраста. IX, 667. Память зрительныхъ воспріятій. IX, 670.
Зрительныя воспріятія. Къ вопросу объ образованіи ихъ. III, 181. О памяти з. в. IX, 670.
Зрительныя иллюзіи (геометрическія). VI, 432.
Зрѣніе. Значеніе его для воспріятія пространственныхъ отношеній. IV, 246.

И.

Идеальные факторы въ развитія человѣчества. II, 94.
Иллюзіи, зрительныя геометрическія. VI, 432. Вѣсовыя, у ненормальныхъ субъектовъ. VII, 520.
Индивидуальная психологія. III, 154. VI, 431. IX, 686.
Индивидуумъ и общество. VIII, 605.
Институтъ Психоневрологическій. Объ устройствѣ П. И V, 273, 357. Проектъ устава П. И. IX, 711.
Институтъ Психофизіологическій въ Парижѣ. X, 759.
Инстинкты, эгоистическіе и альтруистическіе. 1, 21 и слѣд.
Интеграція поведенія, отсутствіе ея, какъ симптомъ дегенерація. VI. 373, 375.
Интеллектъ. Происхожденія познанія и и. VIII, 553; VIII, 619
Интенсивность, о контрастахъ интенсивности. VI, 433.
Интересъ, значеніе его для вниманія, по Лейбницу. II, 24.
Инфузоріи, психика ихъ. I, 5.
Искусственный отборъ. II, 92
Искусство. О началѣ искусства и теоріи Дарвина. VI, 437.
Истерическая женщина въ семьѣ и обществѣ. III, 169.
Истерическій параличъ голосовыхъ связокъ. III, 101.
Исторія развитія внѣшняго воспріятія. VIII, 554. И. приложенія законовъ логики VIII, 557. И. развитія современнаго гипнотизма. X, 737.

К.

Каторга и поселеніе на Сахалинѣ. VII, 523.
Керченскій педагогическій кружокъ. IX, 663.
Классификація. Недостатки традиціонной к. психическихъ явленій. V, 276. К чувствованій. VIII, 564.
Книги и брошюры, поступившія въ редакцію. VIII, 624.
Кожныя ощущенія. VI, 433.

Колдовство съ психологической точки зрѣнія. II, 89.
Конгрессъ, по экспериментальной психологіи. I, 90; II, 96; VI, 428 и слѣд. Второй международный философскій к. V, 368; VIII, 601.
Координація движеній. VI, 437.
Корреляціи психическія. Экспериментальное изслѣдованіе психическихъ к. VI, 435.
Криминологія. Научныя проблемы к. VII, 456.
Критическое направленіе въ буддійской философіи. II, 87.
Круговое помѣшательство. II, 5.
Курсы. Общеобразовательные к. для учащихъ въ народныхъ школахъ. I, 92. Общеобразовательные курсы для народныхъ учителей. II, 94. Педологическіе курсы— см. педологическій отдѣлъ.

Л.

Лаэртъ. (Шекспира). Къ вопросу о дегенераціи Л. VI, 379.
Лейпцигская психологическая лабораторія; общій характеръ ея работъ. III, 144.
Личное сознаніе. I, 43 и слѣд. VIII, 541 и слѣд. VIII, 621; IX, 625 и слѣд.
Личность; программа изслѣдованія л. IX, 686.
Логика; основы формальной л. III, 158. Л. и теорія познанія по отношенію къ наукамъ природы и духа. VIII, 604.
Логическіе законы, ихъ происхожденіе. VIII, 560.
Локализація функціи зрѣнія въ корѣ головного мозга. VI, 433.
Любовь. Анализъ ея. II, 90.
Людовикъ XI и его восходящіе; психопатологія ихъ. III, 171.

М.

Магнитизмъ, животный. X, 748 и слѣд.
Матеріальное положеніе Амстердамскихъ школьниковъ. Связь м. п. съ мышечною силою. V, 342.
Методы преподаванія иностранныхъ языковъ. IX, 719
Мистицизмъ, психологія его. I, 65. М. въ теоріи познанія Соловьева. I, 85. Обоснованіе мистическаго эмпиризма. IV, 264.
Міровоззрѣніе В. С. Соловьева. IV, 267.
Мозгъ и душа. III, 161. Головной м. безпозвоночныхъ, какъ органъ жизни. VII, 478; VIII, 584.
Морская болѣзнь, лѣченіе ея гипнозомъ. VIII, 616.
Мышечная сила учениковъ. V, 342. Связь ея съ матеріальнымъ положеніемъ. V, 342. Съ умственнымъ развитіемъ. V, 344.
Мышечныя ощущенія въ произведеніяхъ Мопассана. I, 66.
Мышленіе безъ образовъ. I, 58. Экспериментальное изслѣдованіе м. при сравненіи различныхъ понятій. V, 355. Программы изслѣдованья м. въ цѣляхъ индивидуальной психологіи. IX, 698.

Н.

Навязчивыя состоянія. II, 69.
Нансійская школа по вопросу о гипнотизмѣ. X, 756 и слѣд.
Наслѣдственность пріобрѣтенныхъ въ теченіи жизни измѣненій. III, 116.
Настроеніе, вліяніе его на характеръ и быстроту ассоціацій. VIII, 562.
Насѣкомыя четырехкрылыя; психика ихъ. VII, 494.
Невропатическая расположенность у Гамлета. VI, 379 и слѣд.
Негативизмъ, психофизіологія его. III. 172.
Недержаніе мочи, леченіе н. м. внушеніемъ. III, 103 и слѣд. III, 175.
Неовитализмъ въ біологіи. VIII, 605.
Неопредѣленные приговоры. I, 85 и слѣд.
Непосредственное узнаваніе. см. узнаваніе.
Неполная или уменьшенная вмѣняемость. V, 362.
Нервная система, какъ мѣрило совершенствованія физической организаціи. I, 3 и слѣд.
Нравственная ортопедія. II, 77.
Нравственная эволюція. I, 26 и слѣд.
Нравственное воспитаніе и преподаваніе морали. VII, 511.

Нравственное помѣшательство. I, 25. VI, 373.
Нравственность и цивилизація. VI, 447.

О.

Обобщеніе чувствъ. VI, 437.
Образы, умственные. I, 60.
Общее сознаніе I, 43 и слѣд. VIII, 541 и слѣд. VIII, 621; IX, 625 и слѣд.
Общество и индивидуумъ. VIII, 605.
Объектквная психологія и ея предметъ. IX, 650; X, 721.
Объективная психопатологія. VI, 439.
Объемъ сознанія и вниманія. VI, 436; IX 631.
Объясненіе. О задачѣ психологія о. VI, 435.
Одиночная работа школьниковъ, продуктивность ея. II, 65.
Опредѣленіе философіи. VIII, 602.
Органическія ощущенія. II, 7.
Органы чувствъ и движенія, какъ мѣрило совершенствованія физической организація. I, 4 и слѣд.
Осмысливанье, роль о. при запоминаніи и вниманіи. IV, 262.
Осязаніе. Отношеніе его къ зрѣнію при воспріятіи пространственныхъ отношеній. IV, 246.
«Отвергнувшіе» въ произведеніяхъ М. Горькаго. III, 124 и слѣд. «О. практики». III 124. «О.—теоретики». III, 129.
«Отверженные» въ произведеніяхъ М. Горькаго II, 45 и слѣд.
Отвлеченіе—см. абстракція.
Отсталыя дѣти. Измѣреніе вниманія у о, д. VII, 519.
Ощущенья. Значеніе низшихъ о. для эстетическаго прочувствованья. II, 68. О. вкусовыя. X, 735. О. кожныя. VI, 433. О. органическія. II, 7. О. осязательныя у слѣпыхъ. IV, 237 и слѣд. О. слуховыя у слѣпыхъ. IV, 250. Программа изслѣдованья о. въ цѣляхъ индивидуальной психологіи. IX, 692.

П.

Память. Изслѣдованіе п. по методу Эббингауза. III, 150; Мюллера—III, 151. Изслѣдованіе п. у умалишенныхъ. VIII, 612. Колебаніе п. у учениковъ. V, 345. Методы французскихъ авторовъ для изслѣдованія п. III, 151. О памяти на впечатлѣнія, сопровождаемыя опредѣленнымъ аффективнымъ состояніемъ. VI, 435. О силѣ дѣтской п. I, 49. П. зрительныхъ воспріятій. IX, 670. П. при зрительномъ, слуховомъ и чувство-двигательномъ воспріятіи. III, 183. Программа изслѣдованія п. въ цѣляхъ индивидуальной психологіи. IX, 693. Развитіе зрительной п. у кадетъ отъ 11-ти до 15-ти-лѣтняго возраста. IX. 667. Случай необыкновенной п. VI, 433.
Параллелизмъ психо-физическій. IX, 660.
Паразитныя животныя, ихъ психика. I, 8.
Педагогическіе кружки, провинціальные. IX, 662,
Педологическій ежегодникъ, подъ ред. проф. Шуйтена. V, 342.
Педологическій отдѣлъ при педагогическомъ музеѣ военно-учебныхъ заведеній. IV 268 и слѣд. VI, извѣщеніе. IX, 718.
Педологія. IV, 270 и слѣд. См. также «Дѣти».
Перцепція, по ученію Лейбница. II, 18.
Письмо, автоматическое. IX, 625, 637.
Подражаніе, какъ одинъ изъ факторовъ эволюціи. III, 118. О п. VI, 437.
Познаніе, происхожденіе п. и интеллекта VIII, 553; VIII, 619.
Помѣшательство нравственное. I, 25.
Поселеніе и каторга на Сахалинѣ VII, 523.
Представленія, содержаніе ихъ у слѣпыхъ. IV. 251. См. также образы умственные.
Преобразованіе окружающихъ условій; значеніе п. о. у. въ эволюціи. II, 35.
Преподаваніе; методы п. иностранныхъ языковъ. IX, 719. П. морали. VII, 511.
Пресмыкающіеся, психика ихъ. I, 6.
Преступленіе, относительность его. I. 73. П. и душевная болѣзнь. III, 176.
Преступники. Вниманіе у малолѣтнихъ п. III, 112.
Классификація ихъ итальянскою школою. I, 16; методы изслѣдованія п. I, 13. Нѣкоторыя черты изъ психофизіологіи п. VI, 442.

Преступники прирожденные. I, 14, 17 и слѣд. III, 107. Психофизическая реакція у малолѣтнихъ п. III, 111. Скорость умственныхъ процессовъ у малолѣтнихъ п. III, 111. Экспериментально; психологическія изслѣдованія о работоспособности малолѣтнихъ п. I, 82; III, 106.

Преступность. П. и борьба съ нею—II, 78. П. въ произведеніяхъ писателей древней Греціи. I, 76. П. въ различныхъ государствахъ Европы. I, 74 и слѣд. П. во Франціи за послѣдніе 20 лѣт. V, 313. Значеніе для п. соціальныхъ факторовъ. I, 19, 20. Экономическія причины п. II, 82.

Преступный человѣкъ, сочиненіе Ц. Ломброзо. I, 12.

Приборы. Выставка экспериментально-психологическихъ приборовъ. VI, 440. П. Бехтерева для изслѣдованія слуховыхъ ощущеній. V, 354. VII, 500. П. Шафранова для изслѣдованія памяти зрительныхъ воспріятій. IX, 670.

Привлеченіе и сосредоточеніе вниманія. VIII, 618.

Привычка, значеніе ея для вниманія, по Лейбницу. II, 14.

Приговоры неопредѣленные. I. 85 и слѣд.

Прирожденный преступникъ. I, 14.

Приспособленіе, активно-пассивное. II, 33. Активное II, 34.

Провинціальные педагогическіе кружки; къ вопросу о ихъ значеніи. IX, 662.

Проектъ устава психоневрологическаго института. IX, 711; обсужденіе его. IX, 716.

Программа изслѣдованія личности. IX, 686. Объяснительная. IX, 692. Предварительная IX, 690. Руководящая. IX, 691.

Происхожденіе познанія и интеллекта. VIII, 553; VIII, 619. П. логическихъ законовъ VIII, 560.

Проституція въ Сициліи. I, 76.

Пространство. Представленія о пространственныхъ соотношеніяхъ у слѣпыхъ. IV 238 и слѣд.

Противоположные цвѣта. Теорія п. ц. VI, 432.

Прочувствованье, эстетическое значеніе для него низшихъ ощущеній. II, 68.

Псевдогаллюцинаціи зрѣнія. IV, 271.

Психастенія. II, 69.

Психическій отборъ. II, 36; III, 115 и слѣд.

Психоневрологическій институтъ. Объ устройствѣ его. V, 273, 357. Проектъ устава п. и. IX, 711.

Психотерапія въ дерматологіи. VIII, 616.

Психофизическая реакція у малолѣтнихъ преступниковъ. III, 111. Нѣкоторыя черты изъ психофизіологіи преступниковъ. VI, 442.

Психофизическій параллелизмъ. IX, 660.

Психофизическія изслѣдованія Лейпцигской лабораторіи. III, 144.

Психофизіологическій институтъ въ Парижѣ. X, 759.

Психофизіологія органовъ чувствъ. VI, 432.

Птицы, психика ихъ. I, 6.

Р.

Работоспособность малолѣтнихъ преступниковъ I, 82; III, 106. Р., какъ характерологическая черта. III, 155.

Разстоянія. Значеніе безсознательныхъ факторовъ въ оцѣнкѣ разстояній. IV, 262.

Религіозное чувство, связь его съ родовымъ. II, 14. Психологія р. ч. у Ренана въ связи съ его философіею. VIII, 622. Р. чувство у слѣпыхъ. IV, 258.

Религія. Принципы психологіи р. VII, 511.

Ренанъ. Психологія религіозныхъ чувствъ у Ренана въ связи съ его философіею, VIII, 622.

Рисунки. О педагогическомъ значеніи дѣтскихъ рисунковъ. VII, 512.

Ритмъ въ прозѣ. VI, 437.

Родовое чувство. II, 10 и слѣд.

Родственное чувство. Происхожденіе и характерныя черты его. IV, 268.

Рыбы, психика ихъ. I, 5.

Рѣчь. Развитіе рѣчи у ребенка. VI, 437. Программа изслѣдованія рѣчи въ цѣляхъ индивидуальной психологіи. IX, 697.

С.

Сальпетріеръ. Школа въ С. по вопросу о гипнотизмѣ. X, 756 и слѣд.
Самочувствіе, значеніе его для общаго теченія душевной жизни. II, 7.
Свидѣтельскія показанія, психологія ихъ. I, 64; VI, 439.
Свѣтлость цвѣтовъ. О новомъ доказательствѣ специфической свѣтлости цвѣтовъ. VI, 433.
Семья и ея задачи. III, 162.
Сифилисъ, значеніе его для вырожденія. I, 32.
Скорость ассоціацій. VI, 434. С. ассоціацій въ зависимости отъ характера воспроизводимыхъ представленій. V, 336. С. ассоціацій при различныхъ настроеніяхъ. VIII, 568. Измѣреніе с. психическихъ процессовъ въ Лейпцигской лабораторіи. III, 146. С. умственныхъ процессовъ у малолѣтнихъ преступниковъ. III, 111.
Слуховыя ощущенія у слѣпыхъ. IV, 250. Приборъ для изслѣдованія с. о. V, 354; VII, 500.
Слѣпые, психологія ихъ. I. 83; IV. 235 и слѣд.
Смежность: ассоціація по с. IV, 209. Сведеніе а. сходства къ а. смежности. IV 210 и слѣд.—См. также Ассоціація по сходству.
Совмѣстная работа школьниковъ, продуктивность ея. II, 65.
Содержаніе представленій у слѣпыхъ. IV, 251.
Сознаніе, личное и общее. I, 43 и слѣд. Личное и общее с. VIII, 541 и слѣд. VIII, 621. IX, 625 и слѣд; случай двойного с. V, 348.
Сомноформированные, психологія ихъ. II, 75.
Сомноформъ, значеніе его для внушенія. II, 75.
Сонъ. О психологіи сна. VI, 436; VIII. 616. О біологической теоріи сна. VI, 436.
Сопротивленіе, значеніе его для внушенія. I, 42.
Сосредоточенье и привлеченье вниманья. VIII, 618.
Софизмы. Галлюцинаторные с. въ психологіи фанатиковъ. II. 74.
Сочувствіе. VIII, 608.
Спенсеръ, Гербертъ. I, 92.
Спиритъ-медіумъ. Судебно-психіатрическій разборъ его. III, 179.
Стоицизмъ, отношеніе его къ трагизму. III, 227.
Страданіе. Мѣсто его въ функціональной психологіи. II, 67.
Сужденіе. Ученіе Джевонса о сужденіи и умозаключеніи. IV, 267. Экспериментальное изслѣдованіе способности сужденія. I, 81.
Суставчатыя животныя, психика ихъ. I, 5.
Сходство; ассоціація сходства. IV, 207. См. ассоціація по сходству, Значеніе сходства при заучиваніи, храненіи въ памяти и воспроизведеніи. VI, 435.

Т.

Телеологія въ біологіи. VIII, 605.
Теорія познанія и логика по отношенію къ наукамъ природы и духа. VIII, 604.
Тикъ, разстройство вниманія у страдающихъ тикомъ. II, 74.
Трагическое IV, 219; V, 311; VI, 411.
Трогательное IV, 221.
Троичность Бога передъ судомъ философіи и миѳологіи. V, 359.
Туберкулезъ, значеніе его для вырожденія. I, 32.

У.

Убійцы, загадочные скороспѣлые. IX, 642.
Удовольствіе. Мѣсто его въ функціональной психологіи. II, 67. Ученіе Эпикура объ у. V, 368.
Уже видѣнное. Чувство уже видѣннаго VII, 516.
Узнаваніе. IV, 208, 217; непосредственное узнаваніе. V, 293, 305 и слѣд.
Умирающіе. Психофизіологія ихъ. I, 69. «Я» умирающихъ. I, 68.
Умозаключеніе. Сужденіе Джевонса о сужденіи и умозаключеніи. IV, 267.
Умственная дѣятельность, экспериментальное изслѣдованіе ея. I, 57.
Умственная работоспособность, малолѣтнихъ преступниковъ. I, 82, III, 106.
Умственное развитіе. Связь его съ мышечною силою у учениковъ V, 344.
Упражненіе, значеніе его для развитія психики. I, 10.

Усталость. IV, 261. Объ отношеніи между умственною усталостью и кровообращеніемъ. IV, 263.
Утомленіе, измѣреніе его. I, 63.
Учебникъ психологіи. Опытная п. Гобчанскаго. VII, 505. Элементы психологіи Ж. Фонсегрива. VII, 509,

Ф.

Фанатики Галлюцинаторные софизмы въ психологіи ихъ. II, 74. Фанатизмъ религіозный въ 20 омъ столѣтіи. III, 178.
Философія. Буддійская—критическое направленіе въ ней. II, 87. Значеніе исторіи ф. для ф. VIII, 603. Опредѣленіе ф. VIII, 602, 603 и слѣд. Ф. Герберта Спенсера. I, 92. Ренувье. II, 87.
Философскій конгрессъ. Второй международный ф. к. V, 368; VIII, 601.
Функціональная психологія. II, 67.

Х.

Характерологія, научная. III, 154.
Характеръ ассоціацій въ зависимости отъ различныхъ настроеній. VIII, 571.
Хирургическое вмѣшательство; замѣна его лѣченіемъ съ помощью внушенія. II, 77.

Ц.

Цвѣта. Теорія противоположныхъ цвѣтовъ. VI, 432.
Цивилизація и нравственность. VI, 447.

Ч.

Чешуекрылыя насѣкомыя; ихъ психика. VII, 494.
Чувства. Программа изслѣдованія ч. въ цѣляхъ индивидуальной психологіи. IX, 700 и слѣд. Происхожденіе и характерныя черты родственнаго ч. IV, 268. Психологія ч. VIII, 562 и слѣд. Религіозное ч. II, 14. Родовое ч. II, 10 и слѣд. Эстетическое ч. у слѣпыхъ. IV, 259.
Чувствованія системныя. См. органическія ощущенія.

Ш.

Школьная гигіена, конгрессъ по ш. г. I, 92.
Школьники. Изслѣдованіе д-ромъ Шуйтеномъ амстердамскихъ школьниковъ. V, 342 и слѣд.
Школьное обученіе дѣтей. III, 166.
Шопенгауеръ. Теорія его о безуміи и Гамлетъ Шекспира. X, 762.

Э.

Экспериментальная дидактика. V, 346; VI, 438.
Экспериментъ, значеніе его въ психологіи. III, 141.
Эмоціи. Экспериментальное изслѣдованіе эмоціональной сферы. II, 66. Физіологическія проявленія э. III, 153. См. также чувства.
Эмпиризмъ. Обоснованіе мистическаго эмпиризма. IV, 264.
Эпидемія потери голоса. III, 101. Э. религіознаго фанатизма. III, 178. X, 744,
Эпилептическія амнезіи; уничтоженіе ихъ посредствомъ гипноза. I, 72; II, 78.
Эстетика, какъ явленіе памяти. I, 64. Значеніе въ э. абсолютныхъ величинъ. II, 69.
Эстетическое чувство у слѣпыхъ. IV, 259.
Этика Гюйо; идея долга у Гюйо. II, 90.

Ю.

Юность. Вопросникъ для собиранія матеріала по психологіи ю. III, 190.

Я.

Ясновидѣніе. VII, 454.
Яскослышаніе. Къ вопросу объ я. VII, 449.

Русскія имена.

А.

Автократовъ, П. М. III, 189.
Агаджанянцъ, К. С. VIII, 617; IX, 716.
Анфимовъ, Я. А. III, 189; IV, 272.

Б.

Баженовъ. VII, 519.
Барн, А. I, 68; III, 173; V, 349.
Бехтеревъ. В. М. I, 1, 36, 82; II, 33, 87; III, 183, 184; V, 273, 334, 354, 356, 357; VII 500; VIII, 541, 619, 621; IX, 625, 650, 716.
Бернштейнъ, VIII, 612.
Блуменау, Л. В. I, 21; IV, 264; V, 356, 357; VI, 369, 376, 379; VIII, 619; IX, 718.
Б. Н. VII, 514.
Бобровъ, Е. А. IV, 193.
Боровитиновъ, М. М. I, 89.
Бышевскій, Н. О. IX, 667.
Бѣлицкій, Ю. I, 72; II, 78.

В.

Вайнштейнъ, З. III, 171.
Вагнеръ, В. А. VII, 478; VIII, 584; IX, 657.
Введенскій, А. И. I, 78; II, 88; V, 360; VIII, 624.
Викторовъ, П. П. III, 189.
Воротынскій, Б. И. III, 189.
Вырубовъ, Н. А. III, 188.

Г.

Ганзенъ, А. и П. III, 162.
Герверъ, А. В. III, 188; IX, 671.
Гобчанскій, VII, 505.
Гогель, С. К. I, 89.
Годлевскій, С. Ф. VIII, 623.
Григорьевъ, Н. И. III, 187.
Гундобинъ, А. И. IV, 269.

Д.

Д. Д. VII, 457—476.
Доброписцевъ, IX, 720.
Дриль, Д. А. I, 12; II, 16; IV, 268; V, 364; VI, 447, VII, 528; IX, 642, 716.

Е.

Ектурскій К. Е. V, 368.
Елеонская, В. Н. I, 81.
Ельчаниновъ, А. VII, 512.

Ж.

Жаковъ, К. Ѳ. II, 89; V, 356, 359; VIII, 553, 618, 619, 621.

З.

Заборскій, К. Н. IX, 670.
Зѣлинскій, Ѳ. Ф. VIII, 623.

И.

Ивановскій, VIII, 603.
Ивановъ, И. И. III, 187.
Игнатьевъ, VIII, 544.
Ительсонъ, VIII, 603.

К.

Каверзневъ, Н, К. II, 94.
Кандинскій, II, 70.
Каптеревъ, П. Ѳ. I, 53; V, 356; VIII, 620, 621.
Каринскій, В. М. II, 89.
Кармазина, Е. VIII, 562.
Кауфманъ, М. Л. IX, 667.
Кирстъ, А. Н. IX, 667.
Колесниковъ, М. Ф. III, 176.
Коровинъ, III, 186.
Корольковъ, Н. V, 333.
Коротковъ, З. III, 168.
Корсаковъ, С. С. I, 27; VIII, 544.
Котикъ, Н. Г. VII, 449.
Коцовскій, А. Д. III, 188.
Краинскій. Н. В. III, 189; IV, 272.
Кремлевъ, А. Н. VI, 369, 379.
Крогіусъ, А. А. I, 63, 81, 83, II, 69; III, 183; IV, 235, VIII, 620, 624.
Кульманъ, Н. К. II, 94.
Кунцевичъ, Л. З. V, 367.

Л.

Лазурскій, А. Ф. I, 60; II, 89; III, 141, 184 IV, 267; V, 359, 360; VII, 500 VIII, 563, 622; IX, 686, 717, 718;
Ланге, IV, 270, III, 153.
Лапшинъ, И. И. II, 87.
Лебедевъ М. Ѳ. IV, 267.
Лихницкій, И. М. II, 90.
Лишина, Н. Г. II, 85.
Лобасъ, Н. С. VI, 443; VII, 523.

Лосскій, Н. О. I, 78; IV, 264; V, 276; VII. 462.
Люблинскій, А. И. I, 86; II, 68.
Люблинскій, П. IV, 263.

М.

Макаровъ, А. И. IV, 268.
Малнинъ, Ф. Н. I, 76, 77, 90; II, 81; III. 177; V, 353, 367.
Маляревскій, М. И. V, 359; IX, 716.
Маргуліесъ, В. С. V, 361.
Меліоранскій, Б. М. V, 359.
Мельниковъ, В. А. II, 89.
Мендельсонъ, А. Л. III, 186.
Михайловскій, Н. К. III, 129.
Мороговъ, М. С. III, 188.

Н.

Набоковъ, В. Д. I, 89.
Навроцкій, Н. Я. IV, 667.?
Нарбутъ. VIII, 614.
Нечаевъ, А П. I, 49, 82; II, 91; III, 157; IV, 207, 270; V, 291, 335; VI, 387, 442; VIII, 529, 542; IX, 654, 667, 720.
Нижегородцевъ, М. И. V. 364.
Никитинъ, М. П. II, 50, 78; III, 181.
Н. О. VII 510.
Ноишевскій, К. I. IV, 271.

О.

Ольдерогге В. Э. V, 365.
Оранскій, А. И. I, 85.
Осиповъ, В. П. I, 71, 82; III, 97, 187, 190; V, 358; VII, 523.
Останковъ, П. А. III, 189; V, 358.
Охоровичъ, I, 40; X, 739.

П.

Павловъ, И. П. IX, 658.
Павловская, Л. С. I, 81; V, 355.
Пель, А. В. III, 188.
Петровъ, Д. К. VIII, 623.
Поварнинъ, К. И. VIII, 618.
Покровскій, А. III, 161.
Португаловъ, Ю. В. I, 65, 66, 69, 73, 74; II, 67, 74; V, 350; VII, 456, 510, 511, 520.
Пржевальскій, В. В. I, 89.
Протопоповъ, В. VIII, 613.
Пѣвницкій, А. А. I, 71; II, 77; III, 161, 174, 176, 185, 188; V, 351; VII, 449; VIII, 616.

Р.

Радинъ, Е. П. I, 83; VIII, 619.
Римскій-Корсаковъ, А. II, 69; III, 162; VIII; 610, 612.
Розенбахъ. П. Я. III, 188; V, 357, 364.
Розенъ, А. П. III. 183.
Рыбаковъ, О. С. III, 185, 187.

С.

С. А. V, 348.
Саккетти, Л. А. IV, 219; V, 311; VI. 411.
С. А. Н. I, 64; IX, 716.
С. В. VIII, 601.
Серебрениковъ, В. С. I, 82, 85; II. 17 86; III, 182; V, 359; VI, 447 VII, 509; VIII 606; IX, 717.
Сикорскій, IV, 270.
Скребицкій, А. И. IV, 237.
Смирновъ, И. А. VI, 448.
Соколовъ А. А. IV, 268.
Сокольскій, Н. А. III, 187.
Соллортинскій, С. А. IV, 267.
Соловьевъ. В. С. I, 85; IV. 267; V, 360.
Соломинъ В. Г. VI, 447.
Сорока, В. VII, 517; IX, 710.
Сперанскій, В. Н. VIII, 622.
Сухова, В. VIII, 562.
Сухова-Осипова, В. III, 174, 175; VIII 616, 618.

Т.

Тарновскій, С. I, 32; II, 85; V, 354.
Тархановъ, Ш. Р. IV, 271.
Томашевскій, Б. В. III, 187; V, 364.
Троицкій, Н. Н. II, 90.
Трошинъ Гр. I, 83; III, 179, 181.
Тычино, Н. Н. IX, 667.
Тышковъ, V, 366.

У.

Ушинскій, К. Д. I. 52; II, 91; IV, 270.

Ф.

Файницкій, И. Я. V, 364.
Фалькъ, М. Л. I, 64; II, 65, 66, 87; III, 182.
Фишеръ, Ф. Ф. V, 356; VIII, 619.

Х.

Хейфицъ, Ю. Я. V, 362.

Ц.

Цѣлиновъ, И. IX, 670.

Ч.

Челпановъ, Г. И. VIII, 606.
Черепановъ, П. П. IX, 719.
Чеховъ, В. В. V, 361.
Чижъ, В. Ф. I, 55; III, 172; IV, 272.

Ш.

Шайкевичъ, М. О. I, 55; II, 40, 74; III, 124· VII, 519.
Шафрановъ, П. IX, 670.
Ширманъ, А. К. III, 183.
Штильманъ, Г. Н. I, 85.

Щ.

Щегловитовъ, Н. Г. I, 89; V, 367.
Щегловъ, I, 82; II, 86; III, 106; V, 358; IX, 717.
Щербатскій, Ѳ. И. II, 87.

Э.

Эриксонъ, Э. VII, 494.

Я.

Янжулъ, И. И. VII, 510.
Ярошевскій, С. О. III, 188.

Ѳ.

Ѳедотовъ, П. М. IX, 612.

Иностранныя имена.

A.

Ach VI, 430.
Aschaffenburg II,78.
d'Allonnes R. I, 73.
Alrutz VI, 433.
Ament VI, 437.
Angell R. IV, 261.
Arstal III, 162.
Ashley M. IV. 262.
Azam X. 753.

B.

Baldwin I, 39.
Ball Sydney VII. 469.
Barth Paul VII, 469.
Bauer VII, 468.
Beaunis II, 10; VIII, 616; X, 755. 757.
Benedict I, 13; III. 108, 109.
Beneke I. 51, 52.
Bennis VIII, 564.
Benussi VI, 433.
Bergson VIII, 606.
Berillon X, 759, 760.
Bernés M, VII, 468.
Bernheim X, 755, 757, 758.
Bersano I, 77.
Bethe VII, 481, 482; VIII, 584, 591, 597.
Binet I, 54, 57; III, 149, 151, 155; VI, 437.
Bonser IV, 263.
Borst VI, 440.
Bouglé VII, 468.
Bourdon II, 77.
Burmeister VII, 479; VIII, 591.
Bourru VIII, 552.
Boutroux I, 65.
Bosco Augusto I, 74.
Brachet III, 171.
Bradley, X, 709.
Braid X, 752, 753.
Bramvell Milne I, 71; V, 350.
Brown-Séquard III, 116.
Buetschli I, 1.
Burot VIII, 552.

C.

Callari I, 76.
Calkins VII, 514.
Cantoni VIII, 603.
Cattell VIII, 563.
Charcot VIII, 615; X, 756.
Claparède E. VI, 436; VII, 520.
Comenius I, 49; II, 3.
Comte IX, 657.
Consoni E. VII, 519.
Couturat VIII, 606.
Czada VII, 512.
Czermak IV, 236; VI, 433.

D.

Delboeuf III, 142.
Dessoir M, II, 69; VI, 437.
Dickson IV, 269.
Dodge VI, 441.
Donald Mc. V, 342.
Döring A. VII, 511.
Drobisch VIII, 564.
Dumas G. II, 74.
Dumonpallier X, 759.
Dumont VIII, 564.
Durant de Gros X. 754.
Dürkheim VII, 467.

E,

Ebbinghaus I, 54; III, 150; IV, 253; VI, 428, 429, 432, 441.

Ellis I, 35.
Elsonhans VI, 435, 437.
Erdmann VI, 441.
Espinas VII, 468.
Eulenburg VIII, 615.
Exner VI, 429. 433.

F.

Faivre VII, 480.
Farez Paul II, 75; III, 175; X, 760.
Fechner III, 143; VII, 507.
Fischer Kuno VI, 382.
Fite W. II, 67.
Fleury I, 64.
Flourens VII, 480.
Flournoy Th. VII, 511.
Foncegrive G. VII, 509.
Forel I, 37.
Fouillée III, 154; VII, 467.

G.

Galton VIII, 563.
Gamble VII, 514.
Gergard VIII, 541.
Giard VIII, 605.
Giessler VIII, 610.
Gordon IV 262; VI, 435.
Grasset I, 69; VII, 516.
Greef de VII, 468; VIII, 605.
Griesbach IV, 236.
Groethuysen VIII, 609.
Groos VI, 437.
Grosmolard V, 354.
Grossmann I, 39.
Guyau II, 90.
Gumplovicz IV, 269; VII, 468.
Gutmann VI, 433.

H.

Hall I, 90; III, 156, 192; IV, 268.
Hannemann VIII, 564.
Hartmann I, 23.
Heymans VI, 433.
Heller IV, 236.
Hennenberg III, 179.
Henri III, 151, 155; VI, 431, 437.
Herbart VIII, 529, 563, 564.
Herzen VIII, 543.
Hiddings VII, 467.
Hirschlaff I, 38.
Hocheisen IV, 236.
Hodgson VIII, 552.
Hoeffding II. 71; IV 207, 281; V 283—311; VI 386—411; VII, 511.
Holzendorff I, 13.
Hülsmeyer II, 79.
Husserl III, 158.
Huxley II, 94.

I.

Iersin VII, 481.
Ioachime X, 745.

J.

James II, 66; V, 276, 278; VIII, 561, 563; IX. 631, 637, 640.
Janet II, 69, 70, 72; VIII 548, 550; IX, 626, 628, 635.
Jevons IV, 267.
Jung VIII, 605.

K.

Kahlbaüm V, 365.
Kan van II, 82.
Kant I, 21; II, 88; III, 159; IV, 265; V 367.
Kluge I, 66.
Kohn VI, 429.
Kraepelin I, 63; III, 155; VIII, 543.
Krafft-Ebing I, 57; VI, 373, 382; VIII, 543.
Krener VIII, 563.
Kroman IV, 209.
Külpe VI, 428. 430, 435.
Kunow VII, 469.

L.

Lacassagne VII, 465.
Ladd V, 287.
Lafargue II, 94.
Lay V, 346; VI, 438.
Lalande VIII, 606.
Lamarck I, 10; III, 118.
Lange II, 66 VIII, 563.
Lefèvre I, 37.
Lehmann IV, 207—219; V, 291 - 311; VI, 389 411; X, 742.
Leibnitz I, 23; II, 17—32; VIII, 540.
Lemoine VII. 480; VIII, 591.
Letourneau VII, 511.
Levy I, 77.
Liébault X, 755, 757, 761.
Liégeois X, 755, 760.
Lilienfeld VII, 466.
Locke I, 49; II 27; IV, 193.
Loygue VII, 517.
Lombroso I, 12, 14; VI, 465.
Longet VII, 480.
Löwenfeld I, 37, 38.
Luzzato I, 23.

M.

Mayer I, 65.
Manouvrier I, 73.
Marbe VII, 429, 437.
Marchand I, 66.

Martius 429, 436.
Mason V, 351; VIII, 552.
Maudsley VIII, 563.
Menant des Chesnais VIII, 616.
Mensies VII, 511.
Mercier VIII, 564.
Mesmer X, 749, 750.
Meumann II, 62; VI, 428, 439.
Meynert VIII, 543.
Mill St V, 304; VIII, 559.
Möbius I, 31.
Moll I, 37; VIII, 615.
Morel I, 22, 23.
Müller VI, 428, 429, 432, 434.
Münsterberg I, 78.

N.

Näcke I, 31.
Naville VIII, 602.
Neurath II, 94.
Newport VII, 480.
Nietzsche I, 28, 30; VI, 420.

O.

Oettlinger VI, 437

P.

Palante VII, 468.
Paracelsius X, 749.
Paulhan III, 154.
Pentschew II, 64.
Pestalozzi II, 13.
Philippe I, 60.
Pitres X, 756.
Prel du VIII, 548.
Prinzing II, 81.
Puységur X, 751.

R

Ranschburg VI, 435, 442.
Raymond II, 69; X, 756.
Regnard I, 36.
Reinke VIII, 605, 606.
Renouvier II, 87; VIII, 602.
Ribot II, 69; III, 114, 154; VIII, 563, 571.
Riehl IV, 209.
Riklin I, 72; II, 78.
De Roberty VIII, 603.
Romanes IX, 657.
Rottermund III, 169.
Rousseau I, 49.
Rumbler I, 1.

S

Schäffle VII, 466.
Schinz I, 31.
Schopenhauer IV, 198; VI, 419; X, 762, 763, 767.
Schrenk-Notzing I, 31; II, 78.
Schuhmann VI, 429, 430, 432.
Schüle VI, 373; VIII, 543.
Schultz III, 158.
Schulz P. III, 161.
Schuyten V, 342.
Scripture VIII, 563.
Séglas IX, 638.
Sidis I, 38, 39; VIII, 545, 547, 548, 550, IX, 625, 627, 628; X, 739, 740.
Siebeck VI, 437
Simmel VII, 468.
Simmonds I, 31.
Simon X, 747.
Sollier I, 68.
Sommer VI, 429, 436, 440.
Spencer I, 22, 24, 92; III, 116; VII, 466.
Spiermarnn VI, 435.
Spitzka III, 178.
Squire IV, 261.
Stammler VII, 468.
Steffens II, 64.
Stein VII, 469; VIII, 603.
Stern I, 64; III, 156; VI, 438.
Sternberg X, 735.
Stoll VII, 521.
Störring II, 69; X, 763.
Struken VI, 433.

T.

Tadd VII, 514.
Tarde V, 353; VII, 487.
Titchener I, 78.

U.

Uhthoff IV, 236.

V.

Vocher de Lapouge III, 117.
Vaschide I, 69; II, 67.
Vincent I, 38.
Vogt III, 172.
Voisin Auguste X, 755.
Voisin Jules X, 760.
Volkelt I, 68.
Vulpian VII, 480.

W.

Ward VII, 468.
Weissmann III, 116.
Weygandt VI, 436.
White VIII, 564.
Windelband VIII, 603, 604.
Wilson V, 348.
Wirth VI, 429, 430, 436, 441.
Worms VII, 466.
Wreschner I, 64; VI, 434.
Wundt I, 38, 52; III, 147; IV, 209; V, 286; VI, 387—398, 410; VII, 467; VIII, 530, 542, 563, 578.

Z.

Zbinden V, 349.
Zeller III, 143.
Ziehen IV, 263; VIII, 545.